

Баумгартен

Эллинская Культура

ЭЛЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

ФР. БАУМГАРТЕНА, ФР. ПОЛАНДА,
РИХ. ВАГНЕРА.

Переводъ М. И. БЕРГЪ
подъ редакціей
Проф. Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО

СЪ 7 ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ, 2 КАРТАМИ И 357 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ
ВЪ ТЕКСТѢ И НА 2 ТАБЛИЦАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
1906.

194 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ., Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія греческой культуры въ полномъ значеніи этого слова — важнѣйшая и въ то же время труднѣйшая задача науки о древнемъ мірѣ; можно сказать съ увѣренностью, что время для ея рѣшенія еще не наступило. Доказывается это, помимо теоретическихъ соображеній, полнымъ крушеніемъ послѣдней серьезной попытки въ этомъ направленіи—четырехтомной „Исторіи греческой культуры“, носящей на заглавномъ листѣ славное имя Якова Буркгардта. Сознавая неудовлетворительность этого своего труда, геніальный авторъ „Культуры Возрожденія“ не давалъ разрѣшенія издать ее при своей жизни: оно было исторгнуто у него на смертномъ одрѣ, и всѣ знатоки дѣла согласны между собою, что издатель оказалъ своимъ упорствомъ плохую услугу памяти покойнаго историка.

Значительно скромнѣе цѣль, которую поставили себѣ авторы настоящаго труда. Сознавая, что только рѣдкостное сочетаніе философско-исторической мысли съ полнымъ знаніемъ необозримаго фактическаго матеріала можетъ дать изслѣдователю возможность изобразить эволюцію греческаго генія въ области религіи, нравовъ, искусствъ и науки, они предпочли дать читателямъ въ удобопонятномъ изложеніи конкретную картину тѣхъ сторонъ греческой жизни, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ греческую культуру. Свою задачу они, по единодушному отзыву критики, выполнили вполнѣ добросовѣстно: старательно ознакомившись со всѣмъ научнымъ матеріаломъ вплоть до открытій послѣднихъ дней, они сдѣлали изъ него умѣлую и цѣлесообразную выборку, всего сохраняя если не оригинальность, то полную самостоятельность сужденія. Такимъ образомъ, ихъ книга даетъ намъ то, чего мы въ правѣ требовать отъ настоящей минуты—толковое резюме коллективной научной работы послѣднихъ десятилѣтій, очень цѣнное для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности слѣдить за нею самой. Издательская фирма, въ свою очередь, не поскупилась на иллюстраціи; изъ нихъ большинство заимствовано изъ дорогихъ

и трудно доступныхъ публикацій, а многія появляются въ первый разъ. Такимъ образомъ, настоящій трудъ представляетъ собою, правда, только предварительное рѣшеніе поставленной въ заголовкѣ задачи, но все же такое, которое врядъ ли можетъ быть превзойдено въ теченіе ближайшихъ лѣтъ; и мы смѣло рѣшаемся предложить его вниманію той части русской публики, которая интересуется судьбами греческой, т.-е. общечеловѣческой, культуры.

Въ одномъ можно упрекнуть авторовъ, да и то болѣе съ русской точки зрѣнія: ихъ языкъ не лишенъ того привкуса „драгоцѣннаго стиля", которымъ обыкновенно, въ силу какой-то традиціи, грѣшатъ разсчитанныя на широкій кругъ читателей нѣмецкія научныя сочиненія. Понятно, что это чувствуется и въ переводѣ, и притомъ, такъ какъ этотъ стиль намъ чуждъ, даже съ бóльшей силой, чѣмъ въ подлинникѣ. А, впрочемъ, отъ читателя не ускользнетъ, что каждый изъ трехъ авторовъ пишетъ посвоему; политико-культурныя главы, составленныя Поландомъ, написаны степеннымъ, склоннымъ къ сложной періодизаціи языкомъ; характеристики въ области исторіи искусствъ, принадлежащія перу Баумгартена, отличаются оживленнымъ, подчасъ юмористическимъ изложеніемъ; Вагнеръ, обработавшій историко-литературные отдѣлы, держится средняго пути.

Но это внѣшности; внутреннія же достоинства книги таковы, что въ Германіи она тотчасъ послѣ своего появленія (осенью 1905 г.) заняла почетное положеніе въ литературѣ о древнемъ мірѣ. Надѣемся, что такой же успѣхъ ожидаетъ ее и въ Россіи, как самое современное, самое содержательное и въ то же время самое доступное сочиненіе по означенному, общеинтересному предмету.

Ѳ. Зѣлинскій.

1. ГАВАНЬ ПАРОСА. Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго института въ Аѳинахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

Какъ развитіе культуры передовыхъ современныхъ народовъ не ограничивается ихъ политическими предѣлами, точно также и Греція, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не представляетъ собою всего греческаго міра. При взглядѣ на карту видно, что Эгейское море, заключенное между Элладою съ запада и Малой Азіей съ востока, является центромъ греческой культуры. По обѣимъ сторонамъ расположились передъ материками многочисленные и отчасти важные по своему значенію острова: вдоль сѣверо-восточнаго берега средней Греціи тянется живописная Евбея, со своими плодородными низменностями, привлекавшими даже чужія племена; у побережья Азіи находился цвѣтущій Лесбосъ, „прекрасная страна вина и пѣсенъ“; далѣе была родина прославленнаго вина—Хіосъ, который, благодаря своему мрамору, еще въ старинныя эпохи древности былъ призванъ быть страною художниковъ; затѣмъ—Самосъ, извѣстный не только измѣнчивостью своихъ политическихъ судебъ, но также своими попеченіями о процвѣтаніи разнаго рода искусствъ и наукъ, и, наконецъ, островъ Солнца Родосъ, ставшій въ

Эгейское море.

поздиѣйшее время силою въ торговомъ мірѣ. Острова, наподобіе мостовъ, соединяютъ также стремящіяся навстрѣчу другъ другу земли Эллады и Малой Азіи, со всѣми ихъ расчлененіями. Самый южный изъ этихъ мостовъ—самый узкій, но онъ содержитъ въ себѣ самый значительный по объему островъ, Критъ, который, замыкая греческій Архипелагъ съ юга, еще съ древнихъ временъ призванъ былъ стать проводникомъ культуры Востока, вслѣдствіе своего положенія между Элладою, Малой Азіей и Африкой. Средній, самый широкій мостъ представляютъ

2. ѲЕРА [Санторинъ]. Гавань и верхній городъ.

Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго Института въ Аѳинахъ.

собою связныя цѣпи Цикладскихъ и Спорадскихъ островов. Цикладскіе острова окружаютъ Делосъ, родину Аполлона, религіозный центръ всего Архипелага и даже всего іонійскаго племени; они же содержатъ въ себѣ важныя по своему значенію земли: знаменитый мраморомъ Паросъ и островъ Діониса, Наксосъ, прославившійся въ равной мѣрѣ какъ дарами своего бога, такъ и тѣмъ почитаніемъ, которое ему такъ воздавали. Изъ Спорадскихъ острововъ привлекаетъ вниманіе Мелосъ своею плодородною, раскаляемою подземнымъ огнемъ почвою; но интереснѣе всего островъ Ѳера, который, вмѣстѣ съ сосѣдними островками, представляетъ собою не что иное, какъ стѣну кратера потонувшаго еще

въ отдаленныя времена вулкана. Наконецъ, самый сѣверный мостъ состоитъ изъ острововъ, наименѣе связанныхъ между собою; посрединѣ связь эта даже совсѣмъ нарушается. Къ нему принадлежатъ прежде всего большіе острова Ѳракійскаго моря, вулканическій и сравнительно плоскій Лемносъ, далѣе Имбросъ и Самоѳрака, далеко прославленные своими таинственными культами, и богатый золотомъ и корабельнымъ лѣсомъ Ѳасосъ.

Конечно, не всегда эти важные мосты между Элладой и Малой Азіей такъ же, какъ и близость Европы къ Азіи сѣвернѣе Эгейскаго моря, проявляли свою связующую народы силу. Если и нельзя принципіально отрицать того, что греки въ древнія времена были разселены также и въ Малой Азіи, или что тамъ были вполнѣ родственныя имъ племена,—все-таки вначалѣ эллинизмъ въ Азіи былъ незначителенъ и оживился лишь благодаря колонизаціи. Какъ мы увидимъ, эта колонизація не ограничивается Азіей; она охватываетъ сѣверъ, ѳракійскіе берега и Понтъ; она далеко распространяется на западъ, касается Сициліи и южной Италіи и даже доходитъ до галльской Массаліи; болѣе спорадически появляется она на югѣ, особенно въ египетской Навкратидѣ и въ Киренѣ.

Собственная Греція, самая южная часть Балканскаго полуострова, отдѣлена отъ сѣверныхъ его областей горнымъ хребтомъ. Надъ нимъ, какъ своимъ основаніемъ, простирается она равностороннимъ треугольникомъ, обращеннымъ вершиною къ югу. Уже этой своей горной границей Греція была направлена на море, но, сверхъ того, и ея все развивающаяся по направленію къ югу береговая линія, въ связи съ островами, способствуетъ мореплаванію, какъ нигдѣ въ Европѣ. Правда, одна изъ омываемыхъ моремъ сторонъ, именно западная (въ противоположность къ Италіи), представляетъ менѣе благопріятныя къ этому условія своимъ берегомъ, лишеннымъ гаваней, своими утесами и лагунами и своимъ нездоровымъ климатомъ. Даже расположенные тамъ большіе Іоническіе острова, — издревле извѣстная своимъ мореходствомъ Коркира, сіяющая Левкада (которая нынѣ оспариваетъ у небольшой Итаки славу быть родиной Одиссея), бѣдная, несмотря на чудныя формы своихъ горъ, Кефалленія и нѣкогда обильный лѣсами Закинѳъ,— вслѣдствіе своего уединеннаго положенія, не могли имѣть рѣшающаго значенія для развитія эллинской культуры. Востокъ же, благодаря расчлененію своихъ береговъ, своимъ плодороднымъ долинамъ, своимъ, по большей части не особенно раскинувшимся, но все-таки привлекавшимъ къ основанію городовъ равнинамъ,—наконецъ, благодаря упомянутымъ выше мостамъ острововъ, представлялъ открытые и широкіе пути для высшей, проникавшей изъ Азіи культуры и особенно располагалъ къ мореплаванію.

Греція.

1*

3. ЛЕВКАДА.
Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго Института въ Аѳинахъ.

Гавань (направо) съ лежащими передъ ней островками. На равнинѣ Нидри, близъ моря, по предположенію Дёрпфельда, городъ Одиссея.

Такъ-то вся форма страны опредѣляется совмѣстнымъ дѣйствіемъ горныхъ хребтовъ и моря; оно же и раздѣляетъ ее на три главныя части.

Отъ середины сѣверной пограничной цѣпи отдѣляется, точно позвоночный столбъ, горный хребетъ Пинда; онъ раздѣляетъ сѣверную Грецію на двѣ различныя по характеру и сравнительно крупныя обла- Сѣверная Греція.

4. ТЕМПЕЙСКАЯ ДОЛИНА.
Съ фотографіи.

сти, Эпиръ и Өессалію. Эпиръ, расположенный по западному берегу, представлялъ суровую, трудно доступную горную страну и сообщался съ средней Греціей только рѣчною долиною могучаго Ахелоя; для остального греческаго міра онъ имѣлъ значеніе только благодаря древнему оракулу у дуба Зевса въ Додонѣ. Въ Өессаліи находится единственная въ Греціи обширная и замкнутая равнина, окруженная со всѣхъ четырехъ сторонъ горными хребтами. Горный кряжъ, тянущійся у са-

маго моря, переходитъ, наконецъ, на островъ Евбею, а въ сѣверо-восточномъ углу Грецiи представляетъ ся высочайшую горную вершину (3000 м.), покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Олимпъ, жилище боговъ. Между нимъ и расположенной напротивъ величественной Оссой пробиваетъ себѣ путь Пеней, собирающiй всѣ воды Ѳессалiи, и образуетъ, такимъ образомъ, Темпейскую долину; эта долина была важнѣйшими входными воротами въ Грецiю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своимъ вѣчнозеленымъ миртамъ и лавровымъ деревьямъ, своимъ смѣло возвышающимся, ослѣпительно-краснымъ скаламъ, своимъ исполинскимъ горамъ, покрытымъ на самыхъ высокихъ склонахъ мрачными сосновыми лѣсами, а на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, служила грекамъ образцомъ возвышенной красоты. Сама же Ѳессалiйская равнина, къ которой съ юга примыкаютъ одинокiе горные участки долоповъ, энiановъ и малiйцевъ съ ихъ болѣе самостоятельнымъ характеромъ, представляла для греческаго путника необыкновенное зрѣлище: когда съ высоты горъ передъ нимъ внезапно открывались ея зеленыя нивы, ему казалось, что онъ видитъ волнующееся море. Съ другой стороны, обширность равнины не только способствовала развитiю коневодства въ большихъ размѣрахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышенiю аристократiи, но именно благодаря возвышенiю послѣдней распространяла въ этой благословенной мѣстности и рабство, а съ нимъ и нравственный упадокъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Грецiи.

Эллада. Отдѣленная отъ сѣверной Грецiи Амбракiйскимъ и Малiйскимъ заливами, а также горными цѣпями, идущими къ востоку отъ главнаго горнаго хребта, на югѣ же почти вся омываемая моремъ,—Эллада, въ тѣсномъ смыслѣ слова, или средняя Грецiя, имѣетъ форму не очень широкой полосы, далеко тянущейся съ запада на востокъ, но съ увеличивающимся наклономъ къ югу. При этомъ замѣчательно то, что чѣмъ далѣе мы идемъ отъ запада къ востоку, тѣмъ болѣе растутъ проявленiя культурной дѣятельности вплоть до крайняго восточнаго пункта нашей полосы—средоточiя всей эллинской культуры, Аттики.

По направленiю отъ запада къ востоку, раздѣленныя одно отъ другого Ахелоемъ, расположились племена дикихъ акарнановъ и этолiйцевъ, которыя, подобно ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ — эпиротамъ, иногда, вслѣдствiе ихъ издревле низкой культуры, причислялись къ варварамъ; затѣмъ слѣдовали разселенные по обоимъ морскимъ берегамъ локрiйцы; потомъ—крошечная горная страна Дорида, относительно которой трудно представить себѣ, что она нѣкогда, хотя и на непродолжительное время, прiютила сильное племя дорiйцевъ; наконецъ, страна фокiйцевъ, съ возвышающимся надъ нею Парнасомъ, бѣдная культурою, но скрывавшая въ величественномъ уединенiи своихъ горъ Дельфы, славнѣйшее прорицалище Грецiи. Уже болѣе об-

Б. АѲИНЫ СЪ ВОСТОКА.
Съ фотографіи.

ширная (58 кв. миль) Беотія распадается на двѣ существенно разнящіяся одна отъ другой части: сѣверо-западную, копаидскую Беотію, окруженную горами низменную котловину, и асопскую, прорѣзанную многочисленными рѣчными долинами горную страну. Среди горъ Беотіи пріобрѣлъ наибольшее значеніе для всей Греціи Геликонъ, обиталище музъ, изящный всей линіей своихъ обнаженныхъ вершинъ, покрытый по всѣмъ склонамъ тѣнистыми лѣсами. Копаидская равнина заключаетъ въ себѣ громадное Копаидское озеро и болѣе мелкіе водные бассейны, которые, при высокомъ стояніи воды, сливаются вмѣстѣ; питаются они рѣкой Кефисомъ, часто совсѣмъ высыхающей; всего же замѣчательнѣе огромные отводные каналы, катабоѳры, которые даютъ ея водамъ сообщеніе съ моремъ подъ землею черезъ известковыя горы, и которые слѣдуетъ, повидимому, считать произведеніями природы, а не исполинскими сооруженіями первобытныхъ племенъ. Кромѣ большой Копаидской равнины, въ горахъ есть много менѣе значительныхъ равнинъ, названныхъ по бо́льшей части по имени городовъ; конечно, это способствовало тому, что въ Беотіи оказались самыя многочисленныя поля битвъ во всей Элладѣ; но эти же равнины и превосходили площадью плодородной земли всѣ мѣстности Греціи. Пшеница, скотъ и особенно жирныя водяныя животныя озеръ обезпечивали здѣсь жителямъ привольное житье, а обильная пища, вмѣстѣ съ тяжелымъ, будто бы, воздухомъ, вызывали и пресловутое у всѣхъ остальныхъ грековъ беотійское тупоуміе. Несмотря на это, беотійцы подарили Греціи не только сильныхъ солдатъ и атлетовъ, но и великихъ полководцевъ, поэтовъ и писателей. Особенно на музыку направляла беотійцевъ сама природа нѣкоторыми своими произведеніями: въ богатыхъ водами низменностяхъ росъ превосходный тростникъ для флейтъ, въ горныхъ лѣсахъ попадались черепахи, щиты которыхъ служили для приготовленія струнныхъ инструментовъ.

Треугольникъ Аттики, величиною въ 40 кв. миль, соединяется съ остальнымъ материкомъ только своимъ основаніемъ, образуемымъ почти сплошь — воспѣтымъ въ сагахъ дикимъ Киѳерономъ; съ другихъ сторонъ онъ, окруженный островами, простирается въ море своимъ богато расчлененнымъ берегомъ, образующимъ на востокѣ Мараѳонскую, а на Западѣ, кромѣ аѳинскихъ гаваней, Элевсинскую бухту. Отъ восточнаго конца Киѳерона отдѣляется и уходитъ вглубь страны самая значительная горная цѣпь Аттики,—покрытый лѣсами живописный Парнетъ; къ нему примыкаетъ на юго-востокѣ богатый мраморомъ Пентеликъ, имѣющій и самъ форму прекраснаго фронтона; отъ него отдѣляется, по направленію къ югу до самаго берега, Гиметтъ, изобилующій мраморомъ и великолѣпнымъ медомъ. Далѣе, Лаврійскій хребетъ, богатый серебряными рудниками и составляющій верхушку аттическаго треугольника, оканчивается Сунійскимъ мысомъ. Замѣчательно расположеніе

обѣихъ главныхъ равнинъ Аттики, элевсинской и аѳинской: отдѣленныя одна отъ другой Эгалейскими горами, идущими отъ Парнета къ морю, онѣ лежатъ обѣ на западномъ берегу близко другъ къ другу и въ сказочное время представляли два враждовавшія между собою государства; равнины же восточнаго берега, и между ними малозначительная равнина Мараѳонская, отступаютъ въ сравненіи съ ними на задній планъ. Поразительно бѣдна Аттика водою. Кефисъ (аттическій), идущій съ Пен-

6. АКРОКОРИНѲЪ.
По Филиппсону.

На переднемъ планѣ развалины изображеннаго на рис. 48 дорійскаго храма.

телика и протекающій къ западу отъ Аѳинъ, имѣлъ еще достаточно воды, чтобы зимою у устья заливать страну; но Илиссъ, вытекавшій изъ Гиметта и соприкасавшійся съ южной стороною Аѳинъ, совершенно теряется въ равнинѣ. Потому-то въ Аттикѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Греціи, источники получаютъ особенное значеніе; таковъ прославленный родникъ Каллирроя. Бѣдность почвы, небольшая толщина черноземнаго слоя были въ извѣстномъ смыслѣ благословеніемъ для

7. АРГИВСКІЙ ГОРНЫЙ ЛАНДШАФТЪ.

Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго Института въ Аѳинахъ.

На среднемъ планѣ раскопанное Греческимъ археологическимъ обществомъ святилище Асклепія Эпидаврскаго.

8. ЛАКОНІЙСКІЙ ГОРНЫЙ ЛАНДШАФТЪ.

Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго Института въ Аѳинахъ.

Видъ на покрытый еще весною снѣгомъ Тайгетъ съ окрестностей Спарты.

страны, поскольку они принуждали жителей отвоевывать у земли крайне напряженнымъ трудомъ ея урожай, который при превосходномъ климатѣ все-таки былъ очень обильнымъ; они же внушили имъ глубокую вѣру въ благословляющихъ ихъ трудъ боговъ,—вѣру, которая въ элевсинскомъ культѣ Деметры дала нравственный апогей греческой религіи. Конечно, скоро оказалось, что хлѣба, добываемаго въ странѣ,—и между прочимъ ея превосходнаго ячменя,—было недостаточно для все возраставшаго населенія, и Аѳинамъ пришлось позаботиться объ его ввозѣ. Съ другой же стороны, страна могла отдавать сосѣдямъ часть своего излишка въ оливковомъ маслѣ, а это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ древности, находившій примѣненіе и при приготовленіи пищи и при уходѣ за тѣломъ. Не говоря затѣмъ о великолѣпныхъ и разнообразно употребляемыхъ лѣсныхъ породахъ—дубовъ, буковъ, сосенъ, пиній, кедровъ, благородныхъ лавровыхъ, миндальныхъ, шелковичныхъ деревьевъ,—богатство смоковницъ вошло въ пословицу; винограда тоже было много, хотя и не выдающагося по качеству. Далѣе, рядомъ съ упомянутыми выше драгоцѣнными продуктами почвы—мраморомъ и серебромъ,—имѣли особенное значеніе для промышленности тонкая глина съ мыса Коліады и аттическій „силъ“, золотисто-желтое красящее вещество. Скотоводство, въ зависимости отъ свойства почвы, ограничивалось разведеніемъ овецъ и козъ; лошадей воспитывали только въ Мараѳонской равнинѣ.

Узкая полоса суши, лежащая между глубоко-врѣзывающимися Коринѳскимъ и Сароническимъ заливами, составляетъ область маленькой Мегары. Самая узкая часть находится у входа въ Пелопоннесъ; плоскій перешеекъ, иногда перегороженный стѣною, Истмъ, ведетъ въ Коринѳъ, сдѣлавшійся, благодаря своему положенію между двумя морями, торговымъ городомъ, съ его крѣпостью Акрокоринѳомъ, возвышающимся надъ нимъ на 500 м.

Пелопоннесъ.

Отличаясь сильно развитою береговою линіей и напоминая по формѣ платановый листъ, съ которымъ его часто сравнивали, Пелопоннесъ имѣетъ свою самостоятельную горную систему. Несмотря на то, что онъ весь вдвое меньше нормальной великорусской губерніи, и что море со всѣхъ сторонъ врѣзается въ сплошную массу его земли,—въ немъ все же находится единственная значительная страна Греціи, совсѣмъ не соприкасающаяся съ моремъ. Это—тихое плоскогорье Аркадіи, не только имѣющее нѣсколько горныхъ цѣпей, но и со всѣхъ сторонъ окруженное горами и лишь на западѣ соединенное съ Элидой рѣчной долиной Алфея; Аркадія—самая большая страна полуострова (90 кв. миль); ее можно назвать пелопоннесской Швейцаріей, съ ея простой, вошедшей въ пословицу пастушеской жизнью, съ ея скромной культурой и ея любовью къ музыкѣ. Отъ этой центральной области, представляющей почти правильный четыреугольникъ, отдѣляются остальныя горныя цѣпи

Пелепоннеса; между прочимъ, идущій по направленію къ юго-востоку и оканчивающійся мысомъ Малейскимъ Парнонъ, и высочайшая горная цѣпь Пелопоннеса, Таигетъ (2400 м.) между рѣками Евротомъ и Памисомъ, оканчивающійся Тенарскимъ мысомъ. Такъ какъ море съ юга вдается въ материкъ тремя большими заливами, то Пелопоннесъ, со своей стороны, образуетъ четыре полуострова: Мессенскій, два Лаконійскихъ съ ихъ обширной материковой полосой и наиболѣе выдающійся въ море Аргивскій. Изъ этихъ трехъ заселенныхъ дорійцами областей— Арголиды, Лаконіи и Мессеніи, „многожаждущій“ А р г о с ъ проявлялъ мало способности къ культурѣ въ своихъ бѣдныхъ лѣсомъ утесистыхъ горахъ;

9. ОЛИМПІЯ.
Олимпія, раскопки I.

У подножія холма Кроноса расположено разрытое на средства Германской имперіи святилище Зевса.

тѣмъ плодороднѣе была широкая равнина у глубоко врѣзывающагося арголидскаго залива, „укромный уголъ Аргоса“, а при восточномъ положеніи всей страны именно ей было предназначено воспринять и развить до своеобразнаго процвѣтанія приходившую съ востока культуру. За нею слѣдуетъ Л а к о н і я. Несмотря на большія горы, почти четверть ея занята плодородной равниной Еврота, а величественный Таигетъ, хотя крутой и высокій, представлялъ на своихъ чудесно орошаемыхъ склонахъ драгоцѣннѣйшія кормовыя травы для скота, особенно козъ, затѣмъ множество дичи для любившаго охоту народа, не говоря уже о превосходномъ желѣзѣ; по болотистымъ же берегамъ водилась багрянка (дававшая пурпуръ раковина). Черезъ перевалы Таигета, по тропинкамъ,

доступнымъ лишь вьючнымъ животнымъ, перебирались въ прелестнѣйшую область Греціи—Мессенію. Среди ея горъ находится „второй рогъ Пелопоннеса" послѣ Коринѳа, Иѳома. Палящій зной равнины способствуетъ особенно культурѣ винограда, но также и финиковой пальмы, хотя болѣе для украшенія ландшафта. На сѣверѣ граничитъ съ Мессеніей расположенная по западному берегу Пелопоннеса Элида. Съ сѣвера и востока горы врѣзываются въ эту страну, хорошо орошенную своими рѣками (главнымъ образомъ, текущимъ мимо Олимпіи Алфеемъ), прекрасно приспособленную для хлѣбопашества и винодѣлія и производившую даже драгоцѣнную биссовую лозу, изъ которой вырабатывали нѣчто въ родѣ хлопка. Вдоль сѣвернаго берега Пелопоннеса простирается Ахая. Отдѣленная отъ Аркадіи высокими горами, она почти вся наполнена особыми горными цѣпями, распространяющимися вѣерообразно по направленію къ сѣверу, такъ что ихъ живописные отроги часто выдаются въ море, не образуя значительныхъ бухтъ. Страна, орошаемая короткими, непостоянными, часто производящими разрушенія рѣками, на горахъ покрыта разнообразными породами лѣсныхъ деревьевъ; мѣстности, удобныя для культуры, производятъ масло, вино и хлѣбъ. Перечень пелепоннесскихъ областей заканчивается двумя странами: Сикіоніей, маленькой „страной огурцовъ" (всего 5 кв. миль), плодородныя поля которой, благодаря разливамъ горныхъ рѣкъ, производили, въ изобиліи хлѣбъ и масло, а горныя области—большое количество лѣса, и, наконецъ, Флiунтской долиной, заключенной среди горъ, съ ея знаменитыми виноградниками.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Эллада, заставляя своихъ сыновъ въ потѣ лица трудиться надъ ея дарами, воспитывала ихъ въ трудѣ и указывала имъ разнообразнѣйшіе пути къ поддержанію ихъ существованія. Охота въ лѣсахъ, скотоводство въ горныхъ пастбищахъ, земледѣліе въ болѣе ровныхъ мѣстностяхъ, уходъ за плодовыми деревьями, особенно за маслинами и виноградомъ, ловля рыбы и мореплаваніе, — все пробуждало изобрѣтательность народа и приносило ему большую прибыль. Сюда присоединился чудесный, здоровый климатъ съ его яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и чистымъ воздухомъ, которые одновременно и дѣлали особенно замѣтными разнообразіе и красоту формъ и покрывали ихъ чарующимъ блескомъ красокъ. Поэтому нельзя удивляться, что греки были приспособлены особенностями своей прекрасной родины какъ къ разнообразной практической производительности, такъ и къ дѣятельности въ идеальныхъ областяхъ искусства и наукъ.

Народъ. Этотъ народъ былъ членомъ обширной семьи индо-европейцевъ или арійцевъ, населявшихъ Европу и важныя области Азіи. Туземное преданіе называетъ пелазговъ древнѣйшимъ населеніемъ Греціи; но теперь мы знаемъ, что пелазги были только родоначальниками эллиновъ,

которые уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ до Р. Хр. обладали высокимъ расцвѣтомъ культуры. Общій языкъ эллиновъ, о которомъ будетъ говориться въ особомъ отдѣлѣ, по обычному взгляду древности (не вполнѣ признаваемому, впрочемъ, новѣйшими изслѣдователями), указываетъ на раздѣленіе всего народа на три большія племена: воинственныхъ и практическихъ дорійцевъ, подвижныхъ, богатыхъ фантазіей и способныхъ

10. РАСТИТЕЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТЪ МЕССЕНІИ. КАПАРИСЫ И МАСЛИЧНЫЯ ДЕРЕВЬЯ. По Филиппсону.

Опунціи (направо въ углу), равно какъ оранжевыя деревья, хотя и характерны для нынѣшняго мандшафта, но появились тамъ только въ позднѣйшее время.

къ искусствамъ іонійцевъ и, наконеоъ, эолійцевъ, не имѣвшихъ общаго, рѣзко-выраженнаго тона.

Если, какъ мы видѣли выше, своеобразный характеръ всей греческой земли зависѣлъ отъ необыкновеннаго разнообразія ландшафта, вызваннаго безпримѣрной расчлененностью горной системы; если къ этому присоединилась значительная разница въ племенахъ, населявшихъ Грецію,—то мы въ правѣ будемъ заранѣе ожидать извѣстной центробѣжности элементовъ въ развитіи древней греческой культуры. А что

такой индивидуализмъ, выражающійся въ полномъ развитіи особенностей и способностей отдѣльныхъ племенъ, даетъ народу силу совершать великія дѣла, это мы видимъ и на примѣрѣ современныхъ народовъ. Конечно, отдѣльное племя можетъ вступить на путь односторонняго развитія и безплодной косности, если соприкосновеніе съ другими племенами не создаетъ для него поводовъ къ культурному прогрессу. Подобную односторонность греческій міръ проявилъ отчасти въ политическомъ отношеніи. Правда, въ общемъ благодѣтельная природа позаботилась о томъ, чтобы разсѣлины горъ представляли удобные переходы, и, въ особенности, чтобы всюду проникающее море облегчало оживленное сообщеніе и съ близкимъ, но чуждымъ по племени востокомъ, и между родственными племенами; тѣмъ не менѣе, греки не дошли до полнаго національнаго слiянія. Потому, при всей образцовости твореній Эллады въ области политики, наиболѣе блистательнымъ образомъ проявилось національное значеніе эллинизма въ чисто-идеальной области духа и нравственности, искусства и науки. [*Поландъ*].

ЯЗЫКЪ И РЕЛИГІЯ.

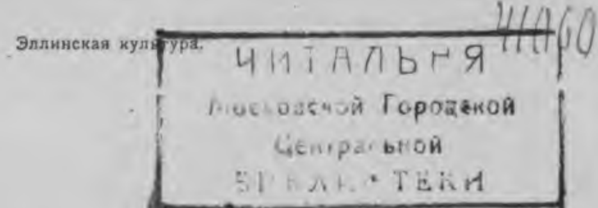
Языкъ и религія—первыя великія творенія культурнаго народа. Его мышленіе и чувствованіе, его способности и кругъ его представленій отражаются на его языкѣ и религіи тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе онъ въ своей совокупности принималъ участіе въ ихъ созданіи. Правда, эллины, какъ вѣтвь индо-европейскаго племени, принесли въ свое греческое отечество уже выработанный языкъ; но то, что они сдѣлали изъ него въ дальнѣйшемъ его развитіи, ставитъ ихъ очень высоко надъ большинствомъ родственныхъ имъ народовъ.

Языкъ. Съ самаго начала мы находимъ греческій языкъ раздѣленнымъ на различные діалекты, которые, вслѣдствіе только-что описаннаго свойства страны, развѣтвлялись все болѣе и болѣе и долго сопротивлялись установленію общаго языка. Это мы узнаемъ изъ надписей, единственнаго достовѣрнаго источника для изученія нѣкоторыхъ изъ этихъ діалектовъ. Родственныя отношенія нарѣчій и племенъ, говорившихъ на нихъ, не такъ просты, какъ это полагали ранѣе. Поразительное разнообразіе нарѣчій, ихъ самостоятельное развитіе и взаимное сближеніе въ болѣе ранніе и позднѣйшіе періоды—очень затрудняютъ ихъ группировку. Для нашихъ цѣлей достаточно издревле принятое дѣленіе греческихъ племенъ на іонійцевъ, дорійцевъ и на „пестро“ составленное племя эолійцевъ, такъ какъ только въ этихъ главныхъ группахъ намъ становятся явственно замѣтными характерныя особенности жизни, искусства и литературы грековъ. Нѣкоторыя изъ греческихъ на-

рѣчій сдѣлались литературными діалектами; неразрывно слившись еще въ древнія времена съ отдѣльными родами поэтическихъ произведеній на мѣстѣ ихъ возникновенія, они и впослѣдствіи удержались, какъ таковые, на продолжительное время въ различныхъ смѣшеніяхъ и видоизмѣненіяхъ. Литературная проза выработалась впервые, а именно въ шестомъ вѣкѣ до Р. Хр., въ Іоніи. Ее смѣнилъ въ концѣ пятаго вѣка аттическій говоръ, изъ котораго потомъ развился общегреческій языкъ (ἡ κοινή) эллинистической эпохи.

Языку эллиновъ выпало на долю счастье расти на полной свободѣ, такъ какъ онъ не былъ стѣсненъ гнетущими правилами грамматиковъ, какъ это было съ латинскимъ языкомъ, но обогащался и развивался подъ вліяніемъ ничѣмъ не стѣсненнаго творчества поэтовъ. Гармоніей и благозвучіемъ своимъ онъ обязанъ тому обстоятельству, что богато развившіеся гласные и дифтонги состоятъ въ равномѣрномъ соотношеніи съ согласными, причемъ избѣгаются некрасивое скопленіе и рѣзкія соединенія этихъ послѣднихъ. Удивительно богатство формъ глагола даже сравнительно съ латинскимъ языкомъ; но оно еще болѣе поражаетъ, если мы сравнимъ греческій глаголъ со скудными остатками таковаго у прочихъ европейскихъ народовъ арійской семьи. Благодаря появленію новой глагольной формы, такъ назыв. аориста, становится возможнымъ легко различать временныя и видовыя ступени развитія дѣйствія. „Желательное“ наклоненіе сохранило въ чистотѣ свое первоначальное значеніе выраженія желанія, и оно же — также какъ и такъ назыв. „историческія“ формы, — въ соединеніи со скромной частичкой (ἄν, гомерическое κὲ, „въ данномъ случаѣ“, „пожалуй“), дало сложныя глагольныя формы, равноправныя съ наклоненіями; такимъ образомъ, грекъ можетъ выразить безъ труда, особенными формами, всѣ оттѣнки дѣйствительности: реальность его, возможность и нереальность, желаніе, требованіе и приказаніе, между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ является необходимость въ описаніяхъ, и всегда возможны недоразумѣнія. Также и употребленіе члена, общее у греческаго языка съ германскими и романскими, способствуетъ ясности выраженія.

Богатство словъ возрастаетъ до безконечности, не только по причинѣ многочисленныхъ производныхъ словъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе способности греческаго языка составлять изъ различныхъ корней сложныя слова какого угодно объема. Здѣсь нельзя подробно объяснить того, насколько любовь къ природѣ, наблюдательность, острота ума и поэтическій даръ грековъ отражаются даже на образованіи отдѣльныхъ словъ и на измѣненіи ихъ значенія; стоитъ только сравнить полныя смысла и значенія имена собственныя съ прозаической скучностью римскихъ или съ безсмысленностью новѣйшихъ.

Разстановка словъ при опредѣленности окончаній совершенно сообразуется со смысломъ рѣчи, а также и съ дѣйствіемъ, которое говорящій желалъ бы произвести на слушателей, не будучи заключена въ неизмѣняемую схему, какъ въ большинствѣ современныхъ языковъ, изъ которыхъ только славянскіе обладаютъ свободой греческаго, хотя и мало ею пользуются. Построеніе предложеній развивается на нашихъ глазахъ, переходя отъ простого нанизыванія словъ до искуснѣйшаго образованія періодовъ, причемъ оно сохраняетъ до конца нѣчто, напоминающее непринужденную живость устной рѣчи. Опредѣленности выраженія способствуетъ множество малыхъ и малѣйшихъ „частицъ", которыя то соединяютъ или раздѣляютъ слова, то усиливаютъ или ослабляютъ ихъ значеніе. Искусство переводчика разбивается о нихъ такъ же, какъ искусство копирующаго художника о тончайшіе блики и оттѣнки знаменитаго оригинала.

Такъ-то греческій языкъ необыкновенно ярко свидѣтельствуетъ о разностороннихъ дарованіяхъ людей, его создавшихъ, и обладаніе такимъ языкомъ, который самъ какъ бы „мыслилъ и творилъ" за говорящаго, и для позднѣйшихъ поколѣній было похоже на обладаніе прекрасно-настроеннымъ инструментомъ, способнымъ выражать съ ясностью и красотою мысли и чувства въ ихъ тончайшей постепенности и сплетенности между собою.

Религія. Въ религіи и миѳологіи грековъ извѣстнѣйшіе ученые прошлаго столѣтія также видѣли, главнымъ образомъ, наслѣдіе древнѣйшаго индо-европейскаго времени. Но многообѣщавшее зданіе сравнительной миѳологіи не устояло противъ болѣе глубокаго изслѣдованія нашихъ дней. Только немногія основныя представленія—въ этомъ мы можемъ остаться вѣрными тому первому ученію—раздѣляли греки со своими индо-европейскими родичами: прежде всего вѣру въ могущественнаго небеснаго бога и въ общую мать-землю, соединенныхъ брачными узами, а также и въ покровительствующую людямъ божественную братскую чету.

Только научная этнографія открыла оба корня, изъ которыхъ также и у грековъ возникла религія. Человѣкъ видитъ себя окруженнымъ силами природы, неизмѣнныя и правильныя дѣйствія которыхъ вызываютъ его удивленіе (напр., смѣна дня ночью, лѣта—зимою) вмѣстѣ съ сознаніемъ его безпомощной зависимости отъ этихъ силъ. Человѣкъ не умѣетъ обороняться ни отъ разрушительной молніи, ни отъ солнечнаго зноя, ни отъ налетѣвшей бури. Поэтому онъ пытается расположить къ себѣ эти силы жертвами и молитвой, а также принудить ихъ, съ помощью колдовства, служить ему. Скоро начинаетъ онъ также объяснять себѣ эти загадочныя явленія и истолковывать ихъ по-своему. Но еще ближе его сердцу то, что онъ ощущаетъ въ самомъ себѣ. Онъ открываетъ въ себѣ душу, которую сонъ отдѣляетъ отъ тѣла на короткое время,

а смерть—навсегда. По всей вѣроятности, думаетъ онъ, душа продолжаетъ имѣть тѣ же потребности послѣ смерти, какъ и при земной жизни, а удовлетворенія ихъ она ожидаетъ отъ оставшихся въ живыхъ; пренебрегающій же этими обязанностями подпадаетъ ея гнѣву. Могущество великаго царя, послѣ его смерти, еще болѣе наводитъ тревогу и ужасъ, потому что его вмѣшательство уже перестало быть видимымъ; хорошо, поэтому, также и его успокоить богатыми воздаяніями. Такимъ образомъ, изъ вѣры въ душу возникаетъ культъ предковъ, который самымъ величественнымъ образомъ даетъ намъ о себѣ знать по микенскимъ гробницамъ, построеннымъ еще около 1500 года до Р. Хр. (см. рис. 28, 31 и слѣд.).

Если мы зададимъ себѣ вопросъ, въ какой формѣ древніе греки почитали эти высшія силы, то мы должны будемъ забыть на минуту дивные кумиры и храмы позднѣйшаго времени, которые какъ-то невольно встаютъ въ нашемъ воображеніи при мысли о греческой религіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и греки когда-то предавались грубому фетишизму. Намъ извѣстенъ теперь двулезвейный топоръ, который былъ символомъ древняго критскаго бога (см. рис. 11), и каменные столбы въ Фестѣ. Священные камни и деревянные столбы или доски, которымъ когда-то поклонялись, сохранились и позже, какъ реликвіи, и продолжали оставаться предметомъ трепетнаго почитанія, какъ и священныя деревья, въ которыхъ предполагали мѣстопребываніе боговъ. Животныя, посвященныя отдѣльнымъ богамъ, напоминаютъ намъ о стародавнемъ поклоненіи животнымъ; но еще у Гомера сама Гера называется волоокой, а глаза Аѳины приравниваются къ глазамъ совы. Вѣра въ загробную жизнь предковъ ввела впервые въ религію человѣкоподобныя духовныя существа, и это воззрѣніе было перенесено и на боговъ и демоновъ природы, причемъ оно опиралось на широко распространенное мнѣніе объ одушевленности этой послѣдней. Переходъ къ этому міровоззрѣнію знаменуется причудливыми въ своей смѣшанности образами несомнѣнно божескихъ и демоническихъ существъ (ср. рис. 13), вырѣзанными на старинныхъ печатяхъ и амулетахъ острововъ. Только мало-по-малу утвердилось раздѣленіе на боговъ высшаго и низшаго порядка, причемъ первые получили чисто-человѣческій образъ. Нѣкоторыя же изъ этихъ переходныхъ существъ, какъ Панъ, сатиры и тритоны, или какъ быкоголовыя рѣчныя существа (наприм., Ахелой), надолго сохранились рядомъ съ ними въ положеніи низшихъ божествъ.

11. Бычья голова съ двулезвейной сѣкирой (Labrys). Кносъ.

12. ДЕЛЬФЫ *).

Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго института въ Аѳинахъ.

Со времени представленія боговъ въ чисто-человѣческомъ образѣ—

Такъ въ своемъ собственномъ видѣ боговъ создаетъ себѣ каждый—
Ксенофанъ.

начинается спеціально эллинское развитіе религіозной мысли. Живая фантазія народа, его поэтовъ и позднѣе также его художниковъ создала произведенія такой жизненной полноты и красоты, что они никогда не исчезнутъ изъ кругозора общечеловѣческой культуры. Это развитіе мы уже въ мірѣ гомеровскихъ боговъ находимъ доведеннымъ съ почти ужасающей послѣдовательностью до той границы, гдѣ боги почти уже перестаютъ быть богами. Но именно поэтому эти блестящіе образы искусства, творившаго прежде всего для аристократіи, не могли смутить народной вѣры народа, съ его маленькими и мелочными желаніями и заботами; онъ крѣпко держался своихъ невзрачныхъ, но стародавнихъ и испытанныхъ божествъ—мѣстныхъ демоновъ или боговъ-родоначальниковъ. Какъ затѣмъ, мало-по-малу, великіе боги, и прежде всего возсѣдающій на Олимпѣ Зевсъ, выступили на первый планъ; какія перемѣны испытало ихъ естество; какъ они раздѣлились на различные образы; какъ они взаимно сплетались и смѣнялись другъ другомъ; какъ къ давно утвердившимся богамъ присоединились новые, тоже давно прибывшіе изъ чужихъ странъ, постепенное проникновеніе которыхъ мы можемъ прослѣдить по миѳамъ,—всего этого мы можемъ коснуться только мелькомъ. Уже то, что Гесіодъ около 700 года пытался привести въ извѣстный порядокъ всю эту разнообразную смѣсь вѣрованій, доказываетъ, что эллины, къ своему счастью, никогда не были подчинены господству властолюбиваго жреческаго сословія, которое связывало бы ихъ религіозными предписаніями. При этомъ самымъ существеннымъ здѣсь было то, что, вмѣстѣ съ развитіемъ культуры въ народѣ, и главные боги измѣняли свою сущность; на мѣсто грубыхъ силъ

13. МИНОТАВРЪ
на рѣзномъ камнѣ изъ Кноса (з: 1).
По Эвансу, „Palace of Knosos".

*) Къ рис. 12. Два могучихъ горныхъ кряжа (выс. до 300 м.) сталкиваются подъ тупымъ угломъ (такъ назыв. Федріады). Подъ восточнымъ расположенъ, возвышаясь террасами, раскопанный нынѣ французскими археологами священный участокъ (см. ниже). Посрединѣ его замѣтна широкая площадка, на которой нѣкогда стоялъ храмъ Аполлона. Въ ущеліи между Федріадами—Касталійскій родникъ.

природы и черезчуръ человѣкоподобныхъ боговъ поэзіи, недостаточный уровень нравственности которыхъ былъ слишкомъ очевиденъ, вырабатывались нравственныя естества, цѣнность которыхъ постепенно повышалась, соотвѣтственно съ ростомъ у людей сознанія человѣческихъ достоинствъ и обязанностей. Въ связи съ этимъ и самый культъ принималъ болѣе благородныя формы: совершавшіяся нерѣдко въ старину человѣческія жертвы этимъ богамъ уже не могли больше нравиться; они сами замѣняли ихъ, какъ повѣствуютъ благочестивыя легенды, символическими дѣйствіями (ср. принесеніе въ жертву Ифигеніи съ принесеніемъ въ жертву Исаака). Всюду, куда ни проникало это высшее міросозерцаніе, замѣчалось и обратное облагораживающее его дѣйствіе на вѣрующихъ, какъ это и случилось въ особенности съ религіей Аполлона, сіявшей изъ высоко-священныхъ Дельфъ, этого „средоточія земли“.

Все же блаженные олимпійцы не отвѣчали на все болѣе надвигавшійся томительный вопросъ о судьбѣ, какая ожидаетъ душу послѣ смерти. Особенно сильное стремленіе найти надежную опору въ жизни и смерти охватило умы въ седьмомъ и шестомъ столѣтіяхъ. Это стремленіе удовлетворили два мистическіе культа, которые, несмотря на всю разницу между ними, имѣли существенныя общія черты: элевсинскія таинства и странныя таинства орфиковъ. Оба мистическихъ культа выросли изъ народной вѣры въ древнихъ земледѣльческихъ боговъ и установляютъ глубоко-таинственную связь между силами надземнаго и подземнаго міровъ. Несмотря на странныя внѣшнія формы и церемоніи, въ обоихъ скрывается глубокій смыслъ: они даютъ немощному люду утѣшительную надежду на то, что для каждаго возможно побѣждающее смерть единеніе съ божествомъ. Элевсинскія таинства были мѣстнымъ культомъ Деметры въ Элевсинѣ и оттуда стали, мало-по-малу, распространяться. Такъ какъ Деметра изливала свое благословеніе на земное плодородіе, а ея дочь, Кора, владычествовала въ жилищѣ Аида, то нужно было, по представленію древнихъ грековъ, заручиться любовью обѣихъ богинь и принять посвященіе, чтобы получить счастье въ этой жизни и блаженство за гробомъ. Орфическая секта, главнымъ мѣстопребываніемъ которой также была Аттика, образовала замкнутую религіозную общину и создала цѣлую систему теологическаго вѣроученія, съ незыблемымъ ритуаломъ. Въ центрѣ ея ученія о сотвореніи міра, примыкающаго къ ученію Гесіода, стоитъ Діонисъ-Загрей, который, несмотря на фантастическую туманность своего образа, представляетъ собой одухотвореніе древнѣйшаго понятія о божествѣ. Вѣрующій можетъ вступать съ нимъ въ таинственное тѣлесное соединеніе. Правда, его душа послѣ смерти должна еще постранствовать во многихъ образахъ, но, въ силу посвященія и аскеза при жизни, человѣкъ можетъ, въ концѣ концовъ, освободиться отъ власти плоти и смерти. Даже ученіе

о всепримиряющемъ правосудіи въ подземномъ мірѣ образовалось впервые здѣсь. Намъ только недавно стало ясно, въ какой высокой степени мыслители и поэты шестого и пятаго столѣтій находились подъ вліяніемъ этихъ ученій.

Затѣмъ въ теченіе этого періода религіозное исканіе, хотя только въ избранныхъ кругахъ, достигло высшей точки въ поворотѣ къ *монотеизму*. Еще гомерическаго человѣка охватывало смутное предчувствіе, что въ управленіи міромъ участвуетъ сила высшая, чѣмъ произволъ его боговъ; эта сила — непостижимая и невообразимая, но несомнѣнно реальная судьба, которая властвуетъ надъ людьми, и предъ которой въ безсиліи склоняются какъ они, такъ и боги. Полусознательная критика собственныхъ боговъ, производившаяся въ это раннее время, пріобрѣла позднѣе форму и выраженіе въ страстныхъ нападкахъ Ксенофана, направленныхъ на народныхъ боговъ. Философія, стремившаяся свести безконечное множество предметовъ видимости къ нростымъ формамъ и причинамъ, должна была свергнуть также и политеизмъ. Подчиняясь голосу совѣсти, многіе такъ и не выпутались изъ боязливаго сомнѣнія; но тотъ же голосъ совѣсти возвысилъ нѣкоторые просвѣщенные умы до чистаго представленія о единомъ, весь міръ проникающемъ и всѣмъ міромъ правящемъ Богѣ. На этой высотѣ стоитъ Эсхилъ, возвѣщающій славу Зевса въ глубоко-прочувствованныхъ хоровыхъ пѣснопѣніяхъ. Этотъ Зевсъ воплощаетъ нравственный міровой порядокъ. Съ гомерическимъ отцомъ боговъ его Зевсъ имѣетъ общаго только имя, которое поэтъ избираетъ лишь потому, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи другого, болѣе возвышеннаго. Въ послѣдующее время софистическаго просвѣщенія мы видимъ борющагося съ честнымъ сомнѣніемъ Эврипида, видимъ и другихъ, съ легкимъ сердцемъ выбрасывающихъ вѣру за бортъ; это время приготовило почву, на которой возросло очищенное платоновское и аристотелевское пониманіе божества.

Лишь въ видѣ дополненія къ сказанному мы коснемся здѣсь сокровищницы *миѳовъ о богахъ и героическихъ сагъ*, которые для профановъ все еще составляютъ сущность греческой религіи. Области тѣхъ и другихъ трудно различить. Они ведутъ насъ назадъ, къ тому еще времени, когда боги обходились съ людьми какъ съ равными, когда повсюду чувствовалось ихъ замѣтное вліяніе, ихъ непосредственное участіе въ человѣческой судьбѣ. Изъ соединеній ихъ съ смертными происходитъ родъ героевъ, отъ которыхъ еще и въ позднѣйшее время выдающіеся роды съ гордостью вели свою родословную. Неисчислимы дѣянія этихъ героевъ: то сами по себѣ, то соединяясь для крупныхъ предпріятій, освобождаютъ они людей отъ чудовищъ или мѣряются силою въ губительной битвѣ. По всей вѣроятности, многіе изъ нихъ первоначально сами были богами: имена многихъ засвидѣтельствованы какъ Саги.

прозвища боговъ, въ ихъ дѣлахъ сквозятъ древніе миѳы о явленіяхъ природы. Точно также вѣроятно и то, что въ героической сагѣ продолжаетъ жить память объ историческихъ событіяхъ и образахъ; такъ, на германской почвѣ, на ряду съ миѳическимъ Зигфридомъ стоитъ историческій Дитрихъ Бернскій (= Теодерихъ Веронскій); разница лишь въ томъ, что греческая сага не имѣетъ рядомъ съ собой историческихъ свидѣтельствъ.

Неописуемая сила, съ которою миѳъ овладѣвалъ мышленіемъ и чувствомъ грековъ, встрѣчаетъ насъ въ искусствѣ и литературѣ на каждомъ шагу. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія творчество народа и его поэтовъ питалось миѳомъ. Наравнѣ съ религіей, также и миѳъ, въ разные періоды культуры, удивительно приспособляясь къ нимъ, мѣняетъ свою физіономію; каждая сага носитъ на своемъ челѣ печать времени ея возникновенія. Но то, что намъ сохранено, и особенно то, что мы читаемъ въ общеизвѣстныхъ сборникахъ, представляетъ собою пеструю смѣсь стараго съ новымъ; здѣсь мирно стоятъ рядомъ глубокомысленная спекуляція со свободнымъ поэтическимъ вымысломъ, историческія воспоминанія и анекдоты—съ стародавними сказочными чертами, переносимыми съ одного героя на другого.

[*Вагнеръ*].

14. ЛЬВИНЫЯ ВОРОТА ВЪ МИКЕНАХЪ. Съ фотографіи.

I. ГРЕЧЕСКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

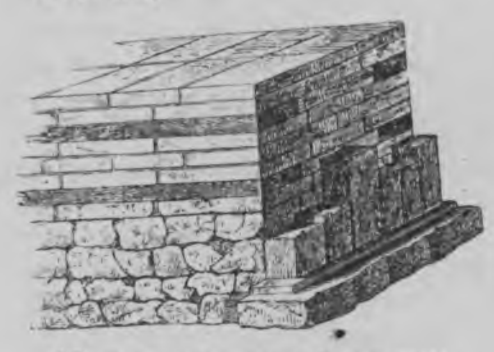
МИКЕНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Троя: каменный вѣкъ.

Едва ли не древнѣйшія проявленія творческаго человѣческаго духа, наблюдаемыя нами въ заселенныхъ впослѣдствіи эллинами областяхъ, встрѣчаютъ насъ на томъ достопамятномъ мѣстѣ, которое Гомеръ обезсмертилъ своими пѣснями,—въ Троѣ. Самое нижнее изъ девяти поселеній, открытыхъ Генрихомъ Шлиманомъ на крѣпостномъ холмѣ Трои (Гиссарлыкѣ), принадлежитъ еще къ такъ называемому каменному вѣку: поколѣніе, которое здѣсь нѣкогда поселилось, непосредственно на живой скалѣ, удовлетворялось очень примитивными стѣнами и пользовалось несовершенной утварью изъ костей или камня, тогда какъ глиняная посуда этихъ первыхъ поселенцевъ удовлетворяла уже нѣсколько болѣе высокимъ потребностямъ и была украшена различными мѣстными орнаментами. Эта культура каменнаго вѣка, остатки которой появляются, кромѣ Трои, также еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но всегда въ поразительно скудномъ количествѣ,—не обладаетъ, конечно, никакимъ спеціально греческимъ характеромъ, но соотвѣтствуетъ скорѣе тому, что

15. ТРОЯ.
По Луккенбаху.

Второй и шестой поселокъ на холмѣ Троя-Гиссарлыкъ.

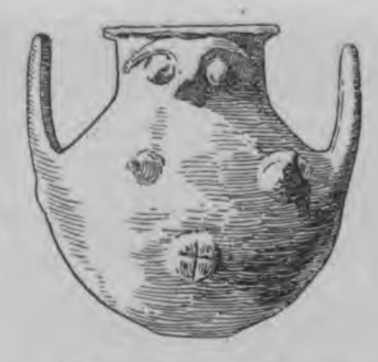
16. ТРОЯНСКАЯ СТѢНА 2-ГО ГОРОДА, сложенная изъ воздушныхъ кирпичей и деревянныхъ балокъ (Дёрпфельдъ). По Springer-Michaelis, „Kunstgeschicte“ I.

обыкновенно создаетъ человѣчество, при первыхъ своихъ шагахъ на пути къ цивилизаціи.

То же приблизительно слѣдуетъ сказать и о второй ступени культуры, памятники которой были обнаружены въ предѣлахъ позднѣйшаго греческаго міра. Также и эту вторую ступень мы изучаемъ лучше всего въ Троѣ, а именно во второмъ подземномъ городѣ, раскопанномъ на Гиссарлыкѣ Шлиманомъ. Потому-то эту вторую культуру, разрозненные слѣды ко-

17. ТРОЯНСКАЯ ОБЛИЧНАЯ ВАЗА изъ второго города. По Дёрпфельду, «Troja u. Ilion».

19. ЧЕЛОВѢКОПОДОБНАЯ ВАЗА изъ второго троянскаго города. По Г. Шмидту, «Troj. Altert.».

20. ТРОЯНСКАЯ ШНУРОВАЯ КРУЖКА. По Дёрпфельду, «Troja u. Ilion.».

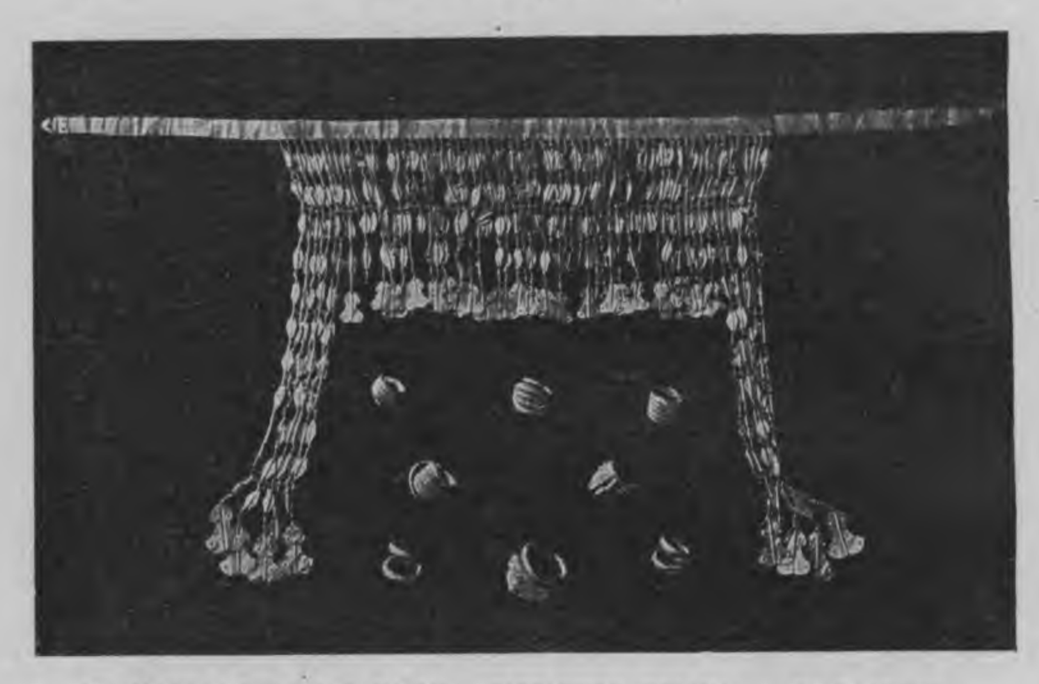
18. ЧЕЛОВѢКОПОДОБНЫЙ СОСУДЪ. По Дёрпфельду, «Troja u. Ilion.

12. ТРОЯНСКАЯ ВАЗА СО ЗВѢРИНЫМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ. По Г. Шмидту, «Troja. Altert.».

Троянская культура.

торой встрѣчаются также въ Тиринѳѣ и Микенахъ, на Кипрѣ и Ѳерѣ, — назвали для краткости троянской культурой. Расцвѣтъ ея можно отнести къ концу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. При постройкѣ крѣпостей этой эпохи примѣняли кладку изъ каменныхъ плитъ съ очень пологимъ скатомъ, что обусловливалось плохимъ матеріаломъ. По стѣнамъ съ такою отлогостью можно легко взлѣзть до самаго верха. Какъ настоящее оборонительное сооруженіе, на этой покатой стѣнѣ возвышалась отвѣсная верхняя стѣна, сложенная поперемѣнно изъ глиняныхъ кирпичей и заложенныхъ камнемъ деревянныхъ балокъ и имѣвшая, какъ предполагаютъ, деревянную галлерею. Широкія ворота и узкіе выходы для вылазокъ прерывали стѣну. Къ воротамъ вели широкія насыпи, старательно вымощенныя многоугольными плитами. Строенія этого древняго города состояли непремѣнно изъ прямоугольнаго чертога, передъ входной стороной котораго былъ построенъ портикъ. Стѣны этихъ домовъ состояли изъ воздушныхъ кирпичей, т.-е. изъ такихъ, которые не были обожжены въ печкѣ, но только высушены на солнцѣ. Для крѣпости и здѣсь въ стѣны вдѣлывались деревянныя балки, которыя помѣщались и

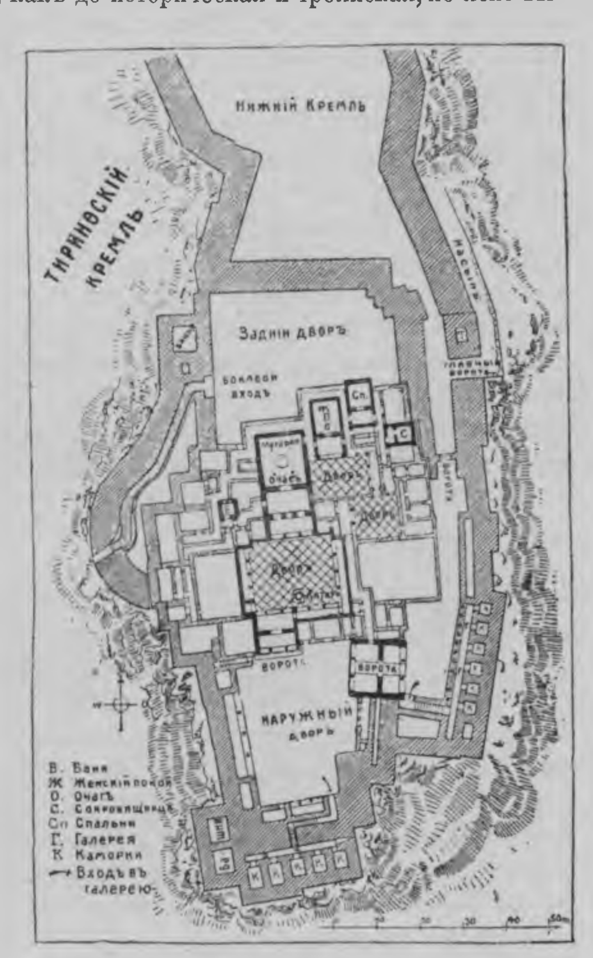
22. ДІАДЕМА ИЗЪ ТАКЪ НАЗЫВ. «СОКРОВИЩА ПРІАМА». По Г. Шмидту, «Troj. Altertümer».

передъ фасадомъ. Всѣ эти деревянныя части, вмѣстѣ съ плоскими крышами и деревянною же галлереей, представляли огню, разрушившему этотъ „глиняный городъ", богатый горючій матеріалъ.

Вначалѣ существованія этого второго города, жителямъ его совершенно были неизвѣстны гончарное колесо и обжигательная печь, а потому ихъ посуда была соотвѣтственно груба. Но уже скоро обѣ эти техническія усовершенствованія вошли въ употребленіе, и съ тѣхъ поръ сосуды дѣлались все совершеннѣе по формѣ и окраскѣ. Особенно характерныя формы представляютъ такъ называемыя „обличныя вазы", которыя, впрочемъ, отчасти было бы правильнѣе назвать человѣкообразными; затѣмъ, „шнуровыя кружки", у которыхъ на мѣстѣ прикрѣпленія ручки есть вертикальное отверстіе для продѣванія шнурка; наконецъ, сосуды съ фигурой животныхъ. Всякаго рода орнаментные обручи или полосы были вырѣзаны въ глиняномъ фонѣ, другіе же узоры написаны. О богатствѣ жителей этого второго города свидѣтельствуетъ, главнымъ образомъ, такъ называемое „сокровище Пріама", спрятанное, повидимому, въ нишѣ глиняной верхней стѣны крѣпости. Это сокровище, открытіе котораго впервые обратило общее вниманіе на раскопки Шлимана, состоитъ изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ украшеній и посуды. Бутылки, кубки и чаши, найденные тамъ, отличаются простотой формы;

діадемы же, запястья и серьги доказываютъ большое знакомство съ техникой золотыхъ дѣлъ.

Культура, называемая **микенской**,—по тому мѣсту, гдѣ до послѣдняго времени находились ея самые блистательные представители,—является уже не общечеловѣческой, какъ до-историческая и троянская, но ясно выраженной греческой культурой. Конечно, находки сдѣланныя въ послѣднее время на Критѣ, угрожаютъ затмить славу Микенъ; съ другой стороны, памятники этой же культурной эпохи, обнаруживаемые по всѣмъ берегамъ Эгейскаго моря, навели ученыхъ на мысль назвать всю эту культуру „эгейской“. Но и это обозначеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному ея распространенію, потому что и на Родосѣ и Кипрѣ, и въ Іоническомъ морѣ на Кефалленіи, и даже въ далекой Сициліи появляются тоже послѣдніе остатки этой культуры. Потому-то мы и придерживаемся названія, уже разъ получившаго право гражданства. Микенская культура.

23. Тириноскій кремль. Общій планъ. По Луккенбаху. Рис. къ „Gesch.“ I.

Свѣдѣніями объ этой микенской культурѣ мы обязаны почти исключительно работѣ заступа и счастью Шлимана и другихъ, которые въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ неутомимо извлекали изъ греческой почвы ея сокровища. Безсмертная поэзія Гомера, къ слову сказать, воспѣваетъ то же стародавнее время; но только въ виду монументальныхъ свидѣтельствъ, подкрѣпляющихъ бытовыя описанія поэта, мы рѣшаемся принимать его слова за чистую монету, а не смотрѣть на нихъ какъ на измышленія его вдохновленной фантазіи. Исторія культуры,

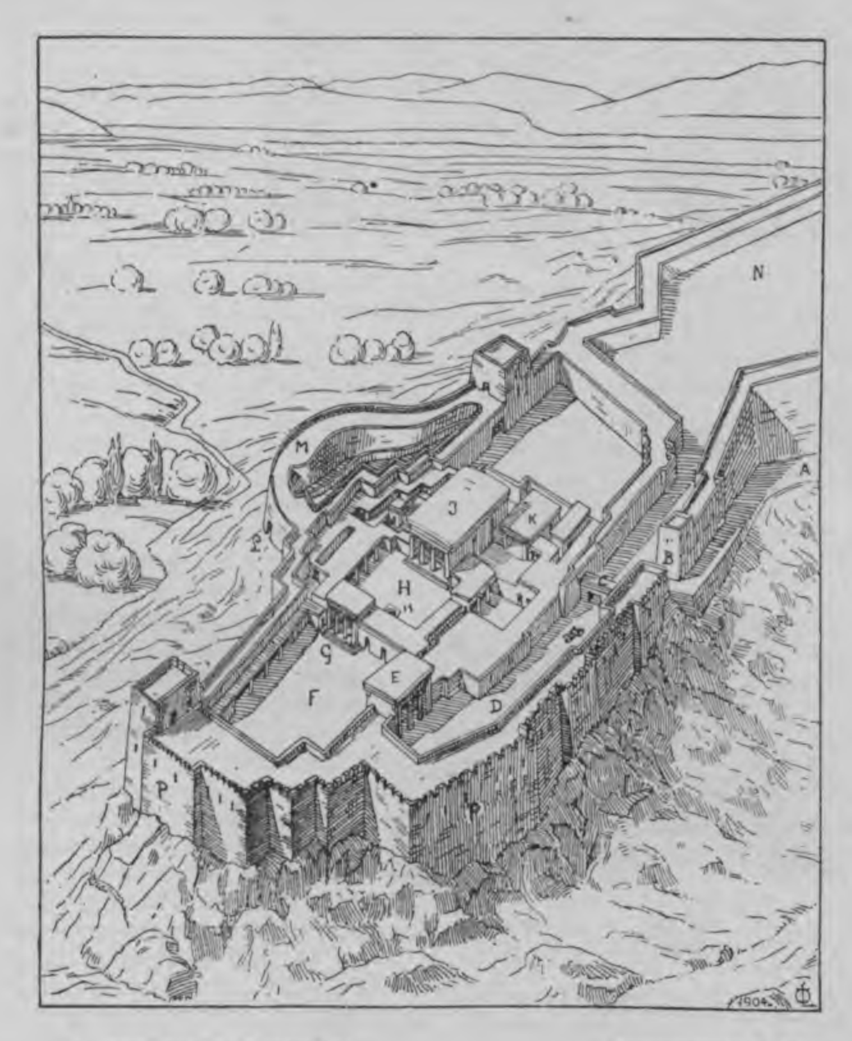
вслѣдствіе этой работы заступа, обогатилась новой большой главой: „древность греческой древности“ намъ вновь подарена и возстаетъ передъ нашими удивленными взорами все съ бо́льшею и бо́льшею ясностью. А такъ какъ современное образованное человѣчество со своимъ вѣрнымъ инстинктомъ продолжаетъ необыкновенно живо интересоваться греческой цивилизацiей, то находки эти, ближе знакомящія насъ съ вѣками XVII—XIII до Р. Хр., обратили на себя всеобщее, самое напряженное вниманіе. Попытаемся же составить себѣ понятіе объ удивительныхъ произведеніяхъ этого перваго времени расцвѣта греческой культуры и приступимъ для этого къ краткому обозрѣнію главныхъ мѣстъ, гдѣ найдены были микенскія древности.

Вполнѣ естественно, что мы начнемъ это обозрѣніе съ области Арголиды, потому что тутъ, въ широкой долинѣ Инаха, лежатъ Тиринѳъ и Микены, имена которыхъ первыя приходятъ на память, когда рѣчь заходитъ о микенской культурѣ. По преданію, Тиринфъ былъ древнѣйшимъ поселеніемъ у глубоко врѣзывающагося въ сушу Арголидскаго залива. Онъ лежалъ, какъ этого требовала постоянно угрожавшая опасность отъ морскихъ разбойниковъ, не непосредственно у берега, а отступя нѣсколько въ глубь страны, на волнообразномъ возвышеніи суши въ 10—20 м., легко превращенномъ съ помощью каменныхъ сооруженій въ три террасы различной высоты. Крѣпостныя стѣны, сложенныя изъ грубо обрубленныхъ, неправильной формы глыбъ, соединенныхъ глиною, окружали эти террасы; позднѣйшіе греки считали ихъ произведеніями исполинскихъ циклоповъ. Обыкновенно глыбы эти въ два-три метра длиною, толщина же этихъ „циклопическихъ стѣнъ“ достигала въ поперечникѣ 8 м., а первоначальная вышина, вѣроятно, 20 м. На опасныхъ мѣстахъ возвышались башни, которыя, конечно, имѣли еще болѣе толстыя стѣны и были еще выше. Когда видишь эту чудовищную массу исполинскихъ плитъ и вспомнишь при этомъ, что онѣ всѣ, безъ исключенія, должны были быть привезены изъ мѣстъ, отдаленныхъ болѣе чѣмъ на милю, тогда начинаешь понимать, почему Геродотъ проводилъ параллель между крѣпостными стѣнами Тиринѳа и египетскими пирамидами.

Тиринѳъ.

Главный входъ въ крѣпость находился на восточной сторонѣ. Проѣзжая дорога, которая вела къ крѣпости по каменной рампѣ *A* (рис. 24), была проведена такимъ образомъ, что въ случаѣ нападенія непріятель на большомъ протяженіи принужденъ былъ бы подставлять свой незащищенный щитомъ правый бокъ выстрѣламъ защитниковъ крѣпости. Пройдя главныя ворота *B*, вы находитесь въ проходѣ *D*, заключенномъ съ обѣихъ сторонъ въ высокія стѣны. Пройдя слѣдующія ворота *C*, посѣтитель входилъ въ великолѣпные пропилеи дворца *E*; они вели въ большой наружный дворъ *F*, изъ котораго вторые пропилеи *G* вели во внутренній дворъ *H*, окруженный колоннадами и имѣвшій алтарь для жертво-

приношеній. Изъ этого двора черезъ портикъ (αἴθουσα) и переднюю комнату (πρόδομος) входили въ главное жилое помѣщеніе для мужчинъ *I* (μέγαρον), Крыша этого „чертога“ имѣла надъ очагомъ отверстіе для выхода дыма и лежала въ этомъ мѣстѣ на четырехъ деревянныхъ, отдѣльно стоявшихъ столбахъ; на одной изъ стѣнъ, на скамьевидномъ

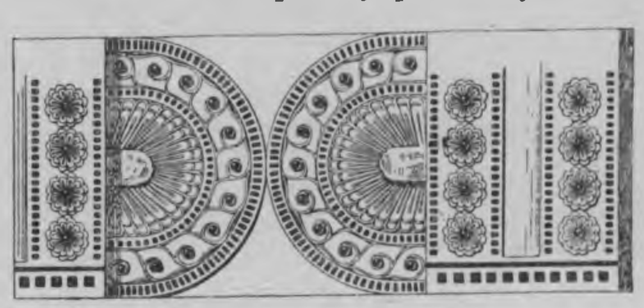

24. ТИРИНѲСКІЙ КРЕМЛЬ. Реконструкція В. Леонарда по Рестлю.

цоколѣ, сохранились слѣды алебастровой облицовки, со вложенной голубой глазурью (κύανος), въ точности соотвѣтствовавшіе тому стѣнному украшенію, которое Гомеръ описываетъ во дворцѣ Алкиноя.

Изъ боковыхъ покоевъ, расположенныхъ вокругъ главнаго зала, особеннаго вниманія заслуживаетъ купальная комната (*B* на планѣ, рис. 23): полъ ея состоялъ изъ одной большой известковой плиты.

Помѣщеніе для женщинъ (*Ж* на планѣ, *К* на воспроизведеніи Леонарда) было расположено отдѣльно отъ мужского; во всемъ существенномъ оно повторяетъ устройство мужского чертога, только масштабъ нѣсколько меньше. Къ сѣверу простиралась нижняя крѣпость, гдѣ, вѣроятно, жили вассалы и помѣщались конюшни. На южной и восточной сторонахъ верхней крѣпости узкія отверстія въ стѣнахъ (*P*) указываютъ на казематы, устроенные тамъ (ср. рис. 23 *Г* и *К* и рис. 26). При маломъ масштабѣ рисунка, циклопическая постройка крѣпости не могла быть наглядно представлена. Существовали ли когда-нибудь зубцы, прибавленныя въ видѣ предположенія къ юго-восточной стѣнѣ крѣпости, навѣрное сказать нельзя.

25. Стѣнная живопись Тиринѳа.
По Шухгардту, „Schliemanns Ausgrabungen".

При постройкѣ этихъ дворцовыхъ помѣщеній употреблялись, главнымъ образомъ, уже извѣстные намъ „воздушные кирпичи" съ вдѣланными внутрь деревянными балками. Полы были устроены съ большою тщательностью. Значительные остатки стѣнной живописи доказываютъ, что мы должны представлять себѣ эти помѣщенія украшенными изображеніями.

Особенностью Тиринѳа являются галлереи, вдѣланныя въ стѣну террасы *P* на южной и юго-восточной стѣнахъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ доступъ въ казематы (на планѣ *К*). Такъ какъ здѣсь верхніе слои плитъ выдаются надъ нижними, то потолокъ этихъ казематовъ и галлерей имѣетъ форму лже-готическаго свода, что мы встрѣчаемъ часто въ области микенскаго искусства. Здѣсь, вѣроятно, хранились провіантъ и боевые запасы. Особыя лѣстницы соединяютъ эти галлереи съ верхнею крѣпостью.

26. Тиринѳъ: казематы.
По Луккенбаху, рис. къ „Gesch." I.

Кромѣ главнаго входа на востокѣ, крѣпость имѣетъ еще тщательно скрытую дверь для вылазокъ на западной сторонѣ: такая калитка—непремѣнная принадлежность каждой микенской крѣпостной постройки. Въ Торинѳѣ лѣстница въ 65 ступеней, высѣченная отчасти въ утесахъ и защищенная обводной стѣною *M*, ведетъ отъ этой дверцы къ двору, находящемуся за мужскимъ полемъ.

Микены были построены въ четырехчасовомъ разстояніи отъ моря и на высотѣ 280 метровъ надъ его уровнемъ. Высокія горы окружаютъ холмъ крѣпости, а глубокія ущелья изолируютъ его. Только на юго-западной сторонѣ крѣпость была доступнѣе: здѣсь она сливалась съ обширнымъ нижнимъ городомъ, или, вѣрнѣе, съ большимъ числомъ маленькихъ отдѣльныхъ поселковъ, расположившихся у ея основанія. Крѣпостная стѣна на всемъ своемъ протяженіи сохранилась почти непрерывно. Микены.

Она состоитъ частью изъ грубыхъ каменныхъ глыбъ, наслоенныхъ „циклопически", частью изъ старательно отесанныхъ многоугольныхъ плитъ, искусно приложенныхъ одна къ другой, такъ что уголъ приходится надъ швомъ и швъ надъ угломъ. Рядомъ съ этой многоугольной кладкой, на мѣстахъ, гдѣ имѣли въ виду особенно украсить стѣну, изрѣдка встрѣчаются и прямоугольно отесанныя плиты, напр., вокругъ извѣстныхъ Львиныхъ воротъ (рис. 14). Къ этому главному входу въ крѣпость ведетъ дорога, шириною въ 10, а длиною въ 15 м., опять такимъ образомъ расположенная, что незащищенный бокъ нападающаго могъ быть усиленно обстрѣливаемъ со стѣны, имѣвшей тутъ видъ башни. Сами ворота состоятъ изъ двухъ нѣсколько вкось поставленныхъ столбовъ, на которые положена притолока длиною въ 5 и толщиною въ 1 м. Надъ этимъ исполинскимъ камнемъ въ стѣнѣ оставленъ „облегчающій треугольникъ", и создавшееся такимъ образомъ отверстіе заложено тонкой плитой съ рельефнымъ изображеніемъ львовъ. Двѣ львицы, гибкая кошачья природа которыхъ при всей грубости работы прекрасно передана, поставили свои переднія лапы на подставку, имѣющую форму алтаря. Позади него или на немъ возвышается суживающаяся сверху внизъ колонна, которая, повидимому, поддерживаетъ антаблементъ. Не представляетъ ли это геральдически скомпонованное изображеніе какого-нибудь герба? Или, можетъ-быть, нужно смотрѣть на животныхъ, какъ на охранителей крѣпости, которую символически изображаютъ жертвенникъ и колонна? Или, можетъ-быть, въ видѣ колонны представленъ всесильный фетишъ?

27. Полигональная кладка стѣны. По Springer-Michaelis, «Kunstgeschichte» I.

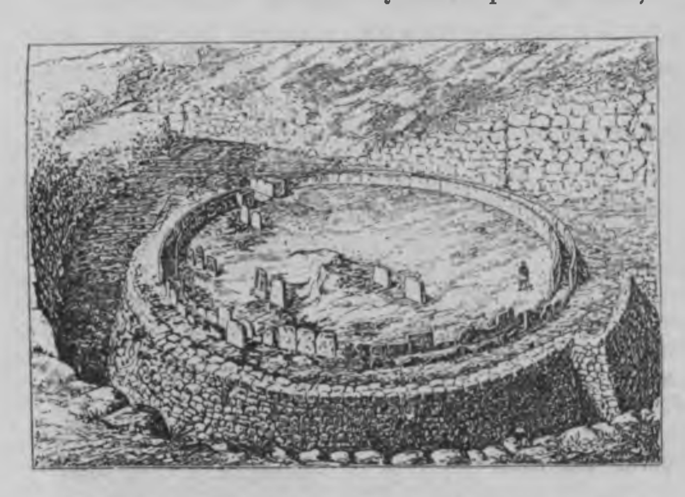
Кромѣ главныхъ воротъ, охраняемыхъ львицами, съ сѣвера крѣпость имѣетъ еще калитку: хорошій источникъ, пробивающійся недалеко отъ нея, объясняетъ причину, почему она сдѣлана именно на этомъ мѣстѣ.

Дворецъ наверху крѣпости, къ которой поднимались отъ воротъ по узкимъ крутымъ улицамъ, повидимому, совершенно былъ похожъ на дворецъ въ Тиринѳѣ, насколько объ этомъ можно судить по его скуднымъ развалинамъ. Также и здѣсь были особыя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ, и здѣсь кровля чертога покоилась у очага на деревянныхъ колоннахъ, а стѣны были украшены фресками.

Водоснабженіе крѣпости было тщательно урегулировано, а прове-

деніемъ многочисленныхъ отводныхъ каналовъ были устранены бѣдствія, могущія быть отъ половодья.

На самомъ высокомъ пунктѣ горы св. Ильи, которая возвышается надъ крѣпостью на 750 м., найдены были слѣды укрѣпленной сторожевой башни; отсюда можно было обозрѣвать различныя дороги, которыя соединяли Микены съ Коринѳомъ, Немеей и другими мѣстами Арголиды. Эти дороги, частью вырубленныя въ утесахъ, частью проведенныя по каменнымъ плотинамъ, имѣютъ полное право называться искусственными.

28. Терраса съ царскими гробницами въ Микенахъ. По Перро-Шипье VI.

Самое же великолѣпное, что осталось изъ временъ Микенъ, это— ихъ царскія гробницы.

Пройдя Львиныя ворота, мы входимъ на террасу, огороженную двойнымъ рядомъ каменныхъ плитъ вышиною около метра. Въ этомъ кругу Шлиманъ открылъ 6 отвѣсно вдѣланныхъ въ скалу подземныхъ могилъ, а въ нихъ, рядомъ съ трупами и на нихъ— истинно-царское сокровище, состоявшее изъ драгоцѣнной посуды, оружія и всякаго рода украшеній. При видѣ этихъ массъ золота становится понятнымъ, почему Гомеръ называлъ Микены „златомъ обильными". На лица мертвыхъ были надѣты золотыя маски, въ которыхъ замѣтно стремле-

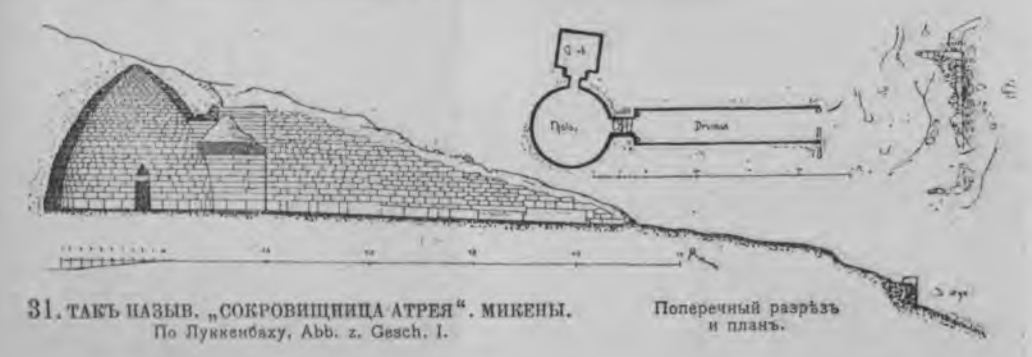

29. Золотыя пластинки изъ микенскихъ царскихъ гробницъ. По Шухгардту, «Schliemanns Ausgrabungen».

30. Золотыя пластинки изъ микенскихъ царскихъ гробницъ. По Шухгардту, «Schliemanns Ausgrabungen».

ніе художника достигнуть нѣкотораго сходства; выкованныя изъ тончайшаго золота пластинки съ прелестными узорами были наклеены на одежды погребенныхъ. Изъ оружія, найденнаго въ могилахъ, особенно выдаются нѣкоторые кинжалы, на клинкахъ которыхъ оказались настоящія чудеса накладной работы изъ разноцвѣтнаго золота (рис. 149). У Гомера Гефестъ своими чарами украшаетъ точно также щитъ Ахилла: по Микенамъ мы узнаемъ, что поэтъ и здѣсь ничего не сочинилъ, и что есть связь между его описаніемъ и дѣйствительно существовавшими еще въ его время художественными издѣліями. Поразительно грубы сравнительно съ этими произведеніями ювелирнаго искусства тѣ рельефныя изображенія изъ известковаго камня, которыя были найдены на нѣкоторыхъ могилахъ: они представляютъ воиновъ, ѣдущихъ на войну или на охоту на двухколесныхъ военныхъ колесницахъ (рис. 148). Среди могильной ограды нѣкогда возвышался жертвенникъ.

31. Такъ назыв. „Сокровищница Атрея". Микены. По Луккенбаху, Abb. z. Gesch. I. Поперечный разрѣзъ и планъ.

Куполообразныя гробницы нижняго города, не по своему драгоцѣнному содержимому, но по своей архитектурѣ, имѣютъ еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ этотъ городъ мертвыхъ наверху кремля. Самая большая изъ нихъ, извѣстная всему міру подъ именемъ „сокровищницы Атрея", считается наилучше сохранившимся образчикомъ такихъ гробницъ на греческой почвѣ.

Ея сооруженіе можно представить себѣ приблизительно такъ: въ полости горы заложено было кольцо изъ камней, на немъ—второе кольцо, уже нѣсколько меньшее въ поперечникѣ, и т. д., пока вся суживающаяся кверху постройка не прикрывалась однимъ камнемъ. На все это снаружи насыпалась земля, а внутри выдающіяся одно надъ другимъ кольца выравнивались въ сводъ. На нашемъ рисункѣ 32 представленъ входъ въ эту куполообразную гробницу: громадная каменная глыба, образующая притолоку, въ длину имѣетъ 9 м., въ ширину 5 м. и въ толщину 3 м.; вѣсъ ея опредѣленъ самое меньшее въ 7500 пудовъ! Чтобы предотвратить поврежденіе притолоки, надъ нею, какъ и надъ Львиными воротами, оставленъ былъ треугольникъ, прикрытый нѣкогда тонкою плитою съ рельефными изображеніями. Богатые орнаменты покрывали лицевую сторону гробницы. Воспроизведеніе этихъ гробницъ основывается въ главныхъ чертахъ, хотя и не во всѣхъ частностяхъ, на найденныхъ остаткахъ. На внутренней сторонѣ куполообразной гробницы, начиная съ третьяго ряда плитъ, мы видимъ правильно распре-

дѣленныя отверстія, которыя, вѣроятно, служили для металлическихъ розетокъ или другого украшенія въ этомъ родѣ. Маленькія ворота такой же постройки, какъ и большія, ведутъ изъ круглаго куполообразнаго пространства въ четыреугольную погребальную камеру. Можно предположить, что главное помѣщеніе служило для богослуженія и церемоній, устраивавшихся въ честь и благочестивое воспоминаніе погребенныхъ въ этомъ боковомъ придѣлѣ. Длинный ходъ, который велъ извнѣ къ двери гробницы, послѣ каждаго погребальнаго торжества засыпался землею, такъ что вся гробница имѣла видъ простого земляного холма.

32. СОКРОВИЩНИЦА АТРЕЯ. ВХОДЪ.
По Перро-Шипье VI.

33. СОКРОВИЩНИЦА АТРЕЯ. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ.
По Перро-Шипье VI.

Тиринѳъ и Микены — не единственныя мѣста Пелопоннеса, гдѣ были найдены микенскія древности. Но остальныя мѣста не могутъ даже приблизительно сравниться съ ними по богатству найденныхъ сокровищъ. По бо́льшей части тамъ встрѣчались только отдѣльныя зданія, отдѣльныя гробницы, но не было открыто обширныхъ слоевъ съ однородной культурой. Мы ограничимся указаніемъ на важнѣйшія изъ этихъ мѣстъ.

Другія мѣстонахожденія микенской культуры.

Въ самой Арголидѣ находится еще полуразрушенная куполообразная гробница у храма Геры, національнаго святилища аргивянъ; недалеко оттуда, въ Навпліи, открыли въ скалахъ цѣлый рядъ гроб-

ницъ того же древняго времени. Около Спарты, въ одномъ могильномъ склепѣ, въ Вафіо, открыли два несравненныхъ золотыхъ бокала, которые, вмѣстѣ съ клинками микенскихъ кинжаловъ, представляютъ верхъ совершенства, достигнутаго въ тѣ времена.

Переходя къ средней Греціи, мы тотчасъ же находимъ въ Аттикѣ повсемѣстно слѣды микенской культуры. Въ аѳинскомъ Акро-

34—35. Золотые бокалы изъ Вафіо.
По Перро-Шипье VI.
Бокалы, которые по формѣ и величинѣ верхней части не одинаковы, украшены кругомъ снаружи рельефными рисунками: на одномъ изображены спокойно пасущіеся быки, на другомъ—охота на дикихъ быковъ: какъ они скачутъ мимо, опрокидываютъ своихъ преслѣдователей, запутываются въ сѣтяхъ,—все это передано съ большою силою и выразительностью.

полѣ, къ востоку отъ позднѣйшаго храма Эрехѳея, найдены слѣды микенскаго дворца, который, быть-можетъ, служилъ еще резиденціей Писистрату и его сыновьямъ. Въ Мениди, около Аѳинъ, была открыта одна большая куполообразная гробница; другія же гробницы были найдены въ различныхъ мѣстахъ главной равнины Аттики. Болѣе ста микенскихъ могилъ оказалось на Саламинѣ; на Эгинѣ же нашли многочисленныя жилища, относящіяся къ этому времени. Беотія также богата остатками микенской культуры: уже въ древности удивлялись такъ называемой „сокровищницѣ Минія“ въ Орхоменѣ, которая является какъ бы соперницей такой же сокровищницы въ Микенахъ; прямоугольная комната, которая и здѣсь находилась рядомъ съ куполообразнымъ покоемъ, имѣла каменный потолокъ съ богатѣйшими ковровыми узорами. Къ востоку отъ Орхомена, на островѣ Га въ Копаидскомъ озерѣ недавно была открыта большая микенская крѣпость, быть-можетъ, гомеровская Арна. Съ ея четырьмя воротами и стѣною, сохраненною отчасти болѣе чѣмъ на 3 м. высоты,

она значительно больше другихъ крѣпостей этой эпохи. Необыкновенно великъ также былъ дворецъ съ двумя флигелями во внутренней части этой крѣпости.

Въ Дельфахъ есть микенская гробница; на островѣ Кефалленіи — куполообразная гробница и еще три погребальныя комнаты; въ Домини у Воло, на мѣстѣ древняго Іолка, находится сводчатая гробница, сходная съ той, которая была найдена въ Мениди. Повторяемъ, что этотъ списокъ не полонъ, и что можно съ увѣренностью разсчитывать на открытіе въ самой Греціи дальнѣйшихъ памятниковъ микенской культуры.

Микенскія древности въ Троѣ

Поселенія, относящіяся къ микенской эпохѣ, мы встрѣчаемъ и на азіатскомъ берегу Эгейскаго моря, главнымъ образомъ, въ Троѣ. Въ шестомъ слоѣ холма Гиссарлыка (ср. выше, рис. 15) нашли черепки вазъ, несомнѣнно микенскаго характера, которыя по техникѣ и рисунку вполнѣ подходятъ къ произведеніямъ, фабриковавшимся горшечниками древнихъ Микенъ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что между этимъ шестымъ городомъ и главными центрами микенской культуры происходило оживленное общеніе, и что онъ существовалъ во время расцвѣта микенской культуры. Другими словами, если пѣснь Гомера о микенскомъ царѣ, вышедшемъ въ поле противъ могущественной Трои, имѣетъ вообще историческую подкладку—а почему бы ей и не быть?—, то въ этой пѣснѣ говорится именно объ этомъ шестомъ городѣ, и онъ и есть тотъ самый, блескъ и паденіе котораго прославлены поэтомъ.

36. Черепокъ вазы микенской эпохи изъ VI троянскаго города. По Г. Шмидту, „Troj. Altert.“.

Этотъ городъ удовлетворяетъ во многихъ отношеніяхъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы, читая Гомера, предъявляемъ къ Иліону. Правда, это не настоящій большой городъ—застроенное пространство равнялось только 20000 кв. м.—, но его расположеніе отличалось необыкновенною тщательностью, планомѣрностью и, очевидно, было создано волею могущественнаго владыки. До сихъ поръ обнаружено около $^3/_5$ громадной крѣпостной стѣны. Мѣстами она имѣетъ еще нѣсколько метровъ вышины. Планъ постройки все еще сильно напоминаетъ планъ второго города (ср. выше, стр. 26): надъ пологимъ откосомъ стѣны возвышается отвѣсная стѣна, состоявшая первоначально изъ глиняныхъ кирпичей и уже потомъ подновленная камнемъ наполовину своей толщины. Если второй городъ въ сущности былъ глинянымъ городомъ, то шестой можетъ положительно считаться каменнымъ. Его тщательно выглаженная снаружи многоугольная кладка уже сильно приближается къ кладкѣ изъ прямоугольныхъ плитъ. Плиты такъ тщательно другъ къ другу прилажены, что швовъ часто совсѣмъ не видно. Тамъ, гдѣ стѣны сходятся между собою подъ угломъ, устроены небольшіе выступы, которые своею

рѣзкою тѣнью красиво оживляютъ поверхность стѣны. Для укрѣпленія ограды на болѣе опасныхъ мѣстахъ построены высокія башни. Дороги къ воротамъ тщательно защищены и имѣютъ прочную мостовую. Три колодца, вырытые въ скалахъ, доставляли гарнизону обильный запасъ воды. Жилыхъ помѣщеній открыли очень мало, потому что римляне впослѣдствіи, занимая высоты, выравняли края щебневыхъ массъ высшаго конуса холма (ср. набросокъ слѣва, внизу, подъ рис. 15). Насколько мы знаемъ эти помѣщенія, въ нихъ была всегда одна большая главная комната съ маленькой передней, такъ что они поразительно напоминаютъ позднѣйшіе храмы. Не осталось никакихъ слѣдовъ

37. ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА КРѢПОСТНОЙ СТѢНЫ VI ГОРОДА.
По Дёрпфельду, «Troja u. Ilion».

aa—главная крѣпостная стѣна; b и c—боковыя стѣны выдающейся впредъ башни; d и e—верхнія стѣны крѣпости; g—ворота чрезъ e; f—домовыя стѣны VII города; h—фундаменты IX города.

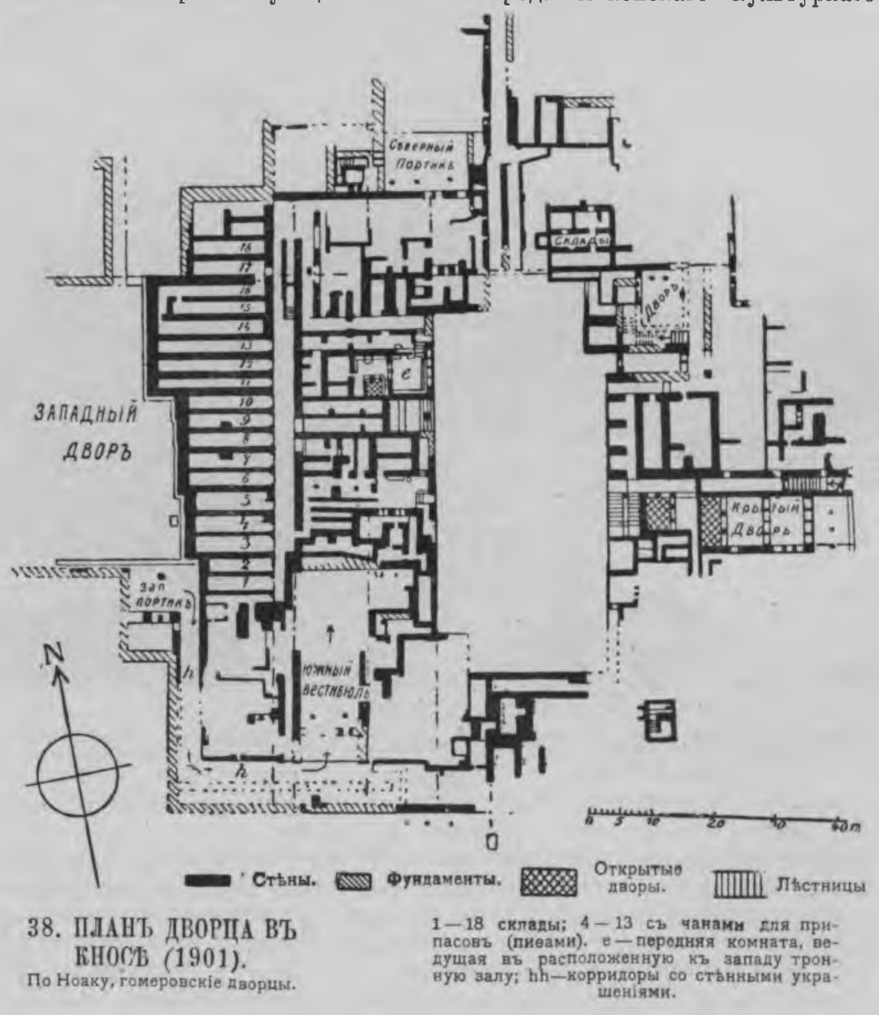
нижняго города, который примыкалъ бы къ крѣпостной горѣ своей обводной стѣной. Такимъ образомъ, весь народъ Пріама представляется намъ заключеннымъ въ стѣнахъ кремля; слѣдовательно, представленія о численности троянскаго населенія, получаемыя нами при чтеніи Гомера, оказываются преувеличенными. Остальныя же топографическія данныя поэта бо́льшею частью поразительно совпадаютъ съ мѣстностью. Получается такое впечатлѣніе, что долина Скамандра у Трои, ея размѣры и всѣ неровности ея почвы и потоки были близко знакомы Гомеру.

Было бы странно, если бы острова Эгейскаго моря не были захвачены наравнѣ съ береговою полосою тою культурною жизнью, которую мы назвали микенскою. Чѣмъ болѣе выясняется то обстоя-

тельство, что основные элементы этой культуры пришли съ востока, тѣмъ болѣе важную роль играютъ острова, какъ посредники этой приходящей съ востока цивилизаціи. Это выясняется съ особенною очевидностью на К р и т ѣ.

Микенскія древности на Критѣ.

Слѣды микенской культуры были найдены на Критѣ только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, а между тѣмъ за нимъ уже утвердилось почти первенствующее значеніе среди микенскаго культурнаго

38. ПЛАНЪ ДВОРЦА ВЪ КНОСѢ (1901). По Ноаку, гомеровскіе дворцы.

1—18 склады; 4—13 съ чанами для припасовъ (пиѳами). e — передняя комната, ведущая въ расположенную къ западу тронную залу; hh—корридоры со стѣнными украшеніями.

міра. Въ особенности находки, сдѣланныя благодаря энергіи и удачѣ англичанина А р т у р а Э в а н с а, угрожаютъ почти затмить славу Микенъ и Шлимана. Эвансъ производилъ раскопки у К н о с а, древней столицы сказочнаго царя Миноса, и открылъ дворецъ, превосходящій по

величинѣ въ четыре раза тиринѳскій дворецъ. По плану видно, что въ немъ, несмотря на ясное расположеніе главныхъ комнатъ, было поразительное разнообразіе отдѣльныхъ помѣщеній; поэтому весьма возможно, что именно этотъ дворецъ и вызвалъ представленіе о лабиринтѣ, выстроенномъ, согласно преданію, художникомъ Дедаломъ по приказанію Миноса.

Среди большихъ залъ дворца особенно выдается парадная зала (*e*) съ каменнымъ трономъ и освѣжающимъ воздухъ воднымъ бассей-

39. КАМЕННАЯ СКАМЬЯ СО СПИНКОЮ И ДЕРЕВЯННЫМИ СТОЛБАМИ ИЗЪ ТРОННОЙ ЗАЛЫ ВЪ КНОСѢ. Съ фотографіи.

номъ у противоположной стѣны. О богатствѣ владѣльца свидѣтельствуютъ, главнымъ образомъ, 18 складовъ, растянувшихся вдоль длиннаго корридора въ восточной части дворца (1—18); въ 10 изъ нихъ сохранились еще кувшины для припасовъ (Πίθοι), нѣкоторые въ ростъ человѣка. Подъ плитами пола были выложенные камнемъ тайники, служившіе, несомнѣнно, для сохраненія драгоцѣнностей. Врагъ-завоеватель, уже въ микенское время предавшій дворецъ огню, къ сожалѣнію, зналъ объ этихъ тайникахъ: всѣ они найдены пустыми (ср. рис. 78). Какъ строительный матеріалъ, кромѣ обыкновеннаго камня (особенно для пола), въ этомъ дворцѣ употреблялись большія гипсовыя плиты. Какъ и въ Троѣ, углы и фасады стѣнъ были часто облицованы

деревянными досками. Все, что сохранилось изъ каменотесной работы, стоитъ на высокой степени совершенства. Среди пластическихъ произведеній особенно выгодно выдѣляются своею поразительною естественностью разноцвѣтныя изображенія быковъ и собакъ.

Самыми удивительными находками въ Кносѣ можно считать громадныя стѣнныя картины. Правда, въ Тиринѳѣ и Микенахъ тоже появились на свѣтъ остатки живописи альфреско, но здѣсь сохранились цѣлыя стѣны, покрытыя совсѣмъ свѣжею живописью. И какъ разнообразны сюжеты этихъ картинъ! Здѣсь есть пейзажи, всякаго рода животныя, но главнымъ образомъ, они даютъ намъ массу свѣдѣній о человѣкѣ микенской эпохи, о его одеждѣ и занятіяхъ. Война, охота и бои быковъ, очевидно, выше всего цѣнились мужчинами; женщины же при дворѣ Миноса были поразительно свѣдущи по части нарядовъ и косметики; ихъ томные локоны, нѣжный цвѣтъ лица, осиныя таліи и низко, подъ самую грудь вырѣзанные корсажи, воланы ихъ широкихъ юбокъ дѣлаютъ изъ нихъ первоклассныхъ модницъ.

40. Стѣнная живопись дворца въ Кносѣ.
По Дрерупу, „Homer".

Нѣкоторыя изъ этихъ стѣнныхъ украшеній почти монументальной величины; но есть и остроумныя миніатюры, съ выразительными намеками. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на Критѣ была очень сильно развита глиптика, т.-е. искусство вырѣзывать крошечныя изображенія на драгоцѣнныхъ камняхъ (ср. рис. 13). Можно себѣ представить, какъ обрабатывали критскіе мастера благородные металлы! И какъ жаль, что мы не имѣемъ образчиковъ ихъ искусства.

Религія подданныхъ Миноса.

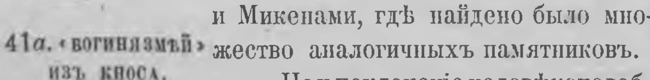
Какъ бы то ни было, но у насъ достаточно памятниковъ, чтобы получить представленіе о религіи этихъ древнихъ критянъ. Они были еще сильно преданы фетишизму: столбы и колонны, щиты и множество тому подобныхъ предметовъ,—всему этому воздавались божескія почести. Главнымъ символомъ высочайшаго божества былъ у нихъ двулезвенный топоръ, labrys (ср. рис. 11): на стѣнахъ дворца, на вазахъ, да

и въ подлинныхъ воспроизведеніяхъ изъ мѣди этотъ топоръ встрѣчается несмѣтное число разъ. Если допустить, что этотъ дворецъ—лабиринтъ саги, то весьма возможно, что и имя его въ связи со словомъ labrys и обозначало собственно „жилище Лабриса“, т.-е. высочайшаго божества, представленнаго въ образѣ двулезвейнаго топора.

На ряду съ фетишизмомъ процвѣтало и обоготвореніе животныхъ. Обоготворялись голуби и въ особенности были, представлявшіеся то сходно съ природою, то въ видѣ смѣлыхъ изображеній смѣшанныхъ существъ. Само собою понятно, насколько это обстоятельство сходится съ критскими миѳами, напр., съ сагою о критскомъ быкѣ, о Минотаврѣ. И то и другое—поклоненіе двулезвейному топору и поклоненіе быку—представляетъ связь между Критомъ и Микенами, гдѣ найдено было множество аналогичныхъ памятниковъ.

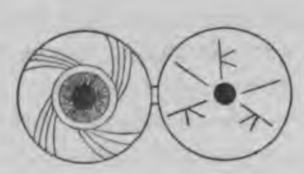
41*a*. «Богиня змѣй» изъ Кноса. Съ рисунка.

14 *b*. «Богиня змѣй» изъ Кноса. «Ann. of Brit. School».

Но и поклоненіе человѣкоподобнымъ божествамъ уже было въ ходу у критянъ Миноса, также какъ и въ Микенахъ. Съ особеннымъ предпочтеніемъ изображались женскія божества въ видѣ очень несовершенныхъ идоловъ или рѣзныхъ фигуръ на камнѣ. Сюда относится, главнымъ образомъ, недавно найденная „богиня змѣй“ (рис. 41, *a* и *b*).

42. Образчикъ письма изъ Микенъ, нацарапанный на сосудѣ.

43. Образчики письма изъ Трои, нацарапанные на прядильныхъ колечкахъ.

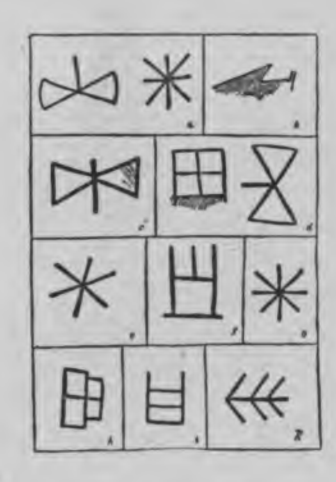
По Г. Шмидту. «Troj. Altert.».

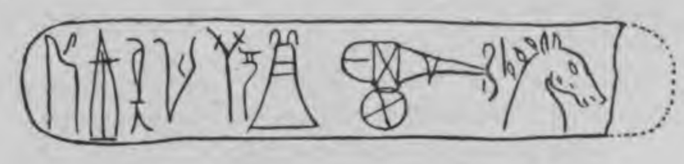
Правда, мы ничего не знаемъ о томъ, какъ поклонялись этимъ божествамъ и строили ли имъ храмы.

Письмена микенской эпохи.

Было бы очень странно, если бы у этого племени, сдѣлавшаго такіе успѣхи въ искусствахъ, не было главнаго орудія культуры—письма. И въ самомъ дѣлѣ, слѣды микенскихъ письменъ сохрани-

лись. Правда, въ самую Элладу письменность врядъ ли была введена: изъ Тиринѳа намъ не сохранилось ни одной буквы, а изъ Микенъ только три образчика письменъ, да и то, можетъ-быть, только занесенные издалека. Но зато въ почвѣ Трои нашлись многочисленныя прядильныя колечки, исписанныя отдѣльными знаками какого-то древняго письма (рис. 43). Печати съ островов Эгейскаго моря испещрены такими же письменными знаками. Но только счастливому Эвансу суждено было найти цѣлыя связныя надписи (рис. 44 сл.). Онъ выкопалъ изъ складовъ въ Кносѣ болѣе 2000 глиняныхъ дощечекъ, покрытыхъ письменами; по всей вѣроятности, это инвентарь запасовъ, сохранявшихся въ каждомъ отдѣльномъ складѣ. Прочитать это микенское письмо теперь, правда, нельзя и, вѣроятно, никогда нельзя будетъ; но изъ этого богатаго матеріала можно вывести заключеніе, что критяне микенскаго періода употребляли два вида письма: одно представлявшее родственныя черты съ египетскими іероглифами, частью же съ письмомъ сирійскихъ хеттитовъ; другое, развившееся изъ перваго письма и, повидимому, имѣющее знаки для отдѣльныхъ слоговъ устной рѣчи, а, слѣдовательно, приближающееся къ финикійской азбукѣ съ ея звуковыми знаками. Этотъ quasi-алфавитъ употреблялся не только на Критѣ, но, повидимому, распространенъ былъ и дальше; его находили на Эгейскихъ островахъ, въ Троѣ, на Кипрѣ, въ Сиріи и даже въ Египтѣ. Удивительно, что, при распространенности этого алфавита, онъ не употреблялся чаще, и что владыки Тиринѳа, Микенъ и Кноса не примѣняли его, чтобы сохранить для потомства лѣтопись своихъ славныхъ дѣлъ. Несомнѣнно, что алфавитъ этотъ древнѣе финикійскаго, съ которымъ, повидимому, онъ находится въ близкомъ родствѣ. Такимъ образомъ, представляется возможнымъ предположить, что финикійскій звуковой алфавитъ развился изъ критско-микенскаго слогового, и Діодоръ, въ концѣ концовъ, оказывается правымъ, сообщая, что отецъ Зевсъ даровалъ греческимъ музамъ изобрѣтеніе буквеннаго письма, но

44. и 45. Образчики письма изъ Кноса.
«Ann. of Brit. School.» Tsountas-Manat, Mycen Age».

что финикіяне усовершенствовали нѣсколько это греческое изобрѣтеніе и сдѣлали его подходящимъ средствомъ для выраженія мыслей у большинства народовъ земли. Итакъ, письмо, которымъ мы теперь пользуемся, было изобрѣтено еще въ царствѣ Миноса. Какъ вырастаютъ эти люди микенской эпохи въ нашей оцѣнкѣ!

Хронологія.

Хронологія ихъ такъ же загадочна, какъ и вся ихъ древняя культура; все же у насъ есть нѣсколько довольно надежныхъ критеріевъ для ея опредѣленія во времени. Въ Микенахъ нашли, между прочимъ, жука съ именемъ египетскаго царя Аменофиса III, время правленія котораго египтологи относятъ къ 1450 г. Съ другой стороны, въ гробницахъ египетскихъ Ѳивъ мы видимъ на стѣнныхъ картинахъ людей, приближающихся къ царю Тотмесу III, царствовавшему около 1500 г.; люди эти называются „кефтіу“ (весьма возможно, что это были критяне) и „люди съ острововъ великаго моря“, и они приносятъ въ видѣ дани сосуды, похожіе по формѣ и окраскѣ на микенскіе. Такимъ образомъ, не будетъ ошибкою, если мы отнесемъ расцвѣтъ микенской культуры ко времени между 1600 и 1200 гг. до Р. Хр.

Общая картина.

Резюмируемъ вкратцѣ все вышесказанное. Микенская культура оказалась первымъ расцвѣтомъ греческой цивилизаціи; ея носители—народы, населявшіе побережья и острова Эгейскаго моря около 1500 г., а также спорадически и другіе народы, отдаленные отъ моря. Правда, до сихъ поръ эта культура стоитъ передъ нами нѣмая и безгласная; также не осталось отъ нея, кромѣ развѣ царя Миноса, рѣзко очерченныхъ фигуръ и героевъ. Но общій ея характеръ можно считать, тѣмъ не менѣе, твердо установленнымъ. Прежде всего эта культура поражаетъ своимъ богатствомъ и опровергаетъ, такимъ образомъ, свидѣтельство старика Геродота, который полагалъ, будто бы бѣдность была всегда спутницей Эллады. Она поражаетъ насъ также мастерствомъ техники, развившимся въ такія древнія времена и почти во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Въ архитектурѣ встрѣчаются постройки изъ квадратныхъ и многоугольныхъ плитъ; эти постройки поражаютъ баснословною величиною и совершенствомъ. Употребленіе колоннъ было уже извѣстно микенцамъ. Ихъ крѣпости и дворцы, ихъ гробницы и колодцы возбуждали уже въ древности величайшее удивленіе. До сихъ поръ представляется совершенной загадкой, какъ они могли поднимать и передвигать чудовищныя плиты безъ новѣйшихъ приспособленій къ поднятію тяжестей. Каменотесное искусство тоже уже вышло у нихъ изъ младенчества, хотя въ этой области еще замѣчается нѣкоторая безпомощность. Въ раскрашиваніи стѣнъ и въ разноцвѣтной обработкѣ пластическихъ произведеній замѣтна значительная сноровка. Большой похвалы заслуживаютъ рѣзные камни этого времени; но самымъ блестящимъ образомъ заявила себя ихъ ловкость въ обработкѣ металловъ. Они умѣли

уже лить металлы, вытягивать проволоку, паять и работать молотомъ. Дѣлали сосуды изящнѣйшей формы изъ золота, рѣже изъ серебра. Изъ тонко выкованныхъ золотыхъ пластинокъ выдѣлывали богатѣйшія украшенія: пояса, діадемы, запястья и серьги; такими же золотыми пластинками покрывали пуговицы одежды, также какъ и парадное оружіе, которое клали съ мертвыми въ ихъ гроба. Круглыя шишки величиною съ головку гвоздя и больше, концентрическіе круги, переплетающіеся между собою самымъ разнообразнымъ образомъ, спирали, возникшія, очевидно, изъ проволокъ, составляютъ главные элементы въ языкѣ формъ того времени. Нужно прибавить сюда необыкновенное богатство прекрасно исполненныхъ изображеній предметовъ природы: листьевъ и почекъ, бабочекъ и каракатицъ, львовъ и быковъ.

Вмѣстѣ съ техникой обработки металловъ процвѣтало и гончарное искусство. Какъ въ формахъ сосудовъ, такъ и въ орнаментѣ, которымъ микенцы украшали свои произведенія, это искусство находится въ поразительной зависимости отъ произведеній золотыхъ дѣлъ мастеровъ и мѣдниковъ. Богатство формъ здѣсь только немного больше, такъ же какъ и число изображенныхъ животныхъ. Мы можемъ постепенно прослѣдить усовершенствованіе этого искусства на многихъ примѣрахъ: какъ сначала дѣлали безцвѣтные сосуды, потомъ наводили все болѣе и болѣе красокъ, частью на естественный глиняный грунтъ, частью на лакъ, который никто такъ не умѣлъ приготовлять, какъ эти древнѣйшие греки. Достигнувъ высшей степени совершенства въ собственно гончарномъ искусствѣ, они въ росписи придерживались образцовъ, данныхъ имъ мастерами металлическихъ издѣлій, и расписывали на посудѣ, подобно этимъ мастерамъ, круги и спирали, цвѣты и листья; на ряду съ ними встрѣчаются гуси и раковины, коровы и лошади; совсѣмъ рѣдко изображается человѣкъ еще очень несовершенной красоты, но съ чертами своеобразными и выразительными (рис. 46).

Какова же была жизнь этихъ людей микенской эпохи? Объ этомъ тоже повѣствуютъ ихъ нѣмые памятники. Очевидно, только могущественные цари и властелины могли созидать такія колоссальныя постройки, какъ гробница Атрея: безчисленные рабы должны были подчиняться волѣ одного, чтобы могли быть воздвигнуты замки въ родѣ тѣхъ, которые стоятъ на высотахъ Тиринѳа, Микенъ и Трои. Также и богатства, находившіяся въ этихъ замкахъ, заставляютъ насъ предполагать существованіе цѣлыхъ поколѣній владыкъ-насильниковъ: одною добротою и путемъ мирнаго пріобрѣтенія не накопляются такіе запасы золота и сокровищъ. Война и охота были дикими удовольствіями этихъ воинственныхъ царей, и гаремъ нарядныхъ женщинъ украшалъ ихъ царственныя жилища. Но они не только разъѣзжали по равнинамъ въ своихъ военныхъ колесницахъ, они отваживались также отправляться

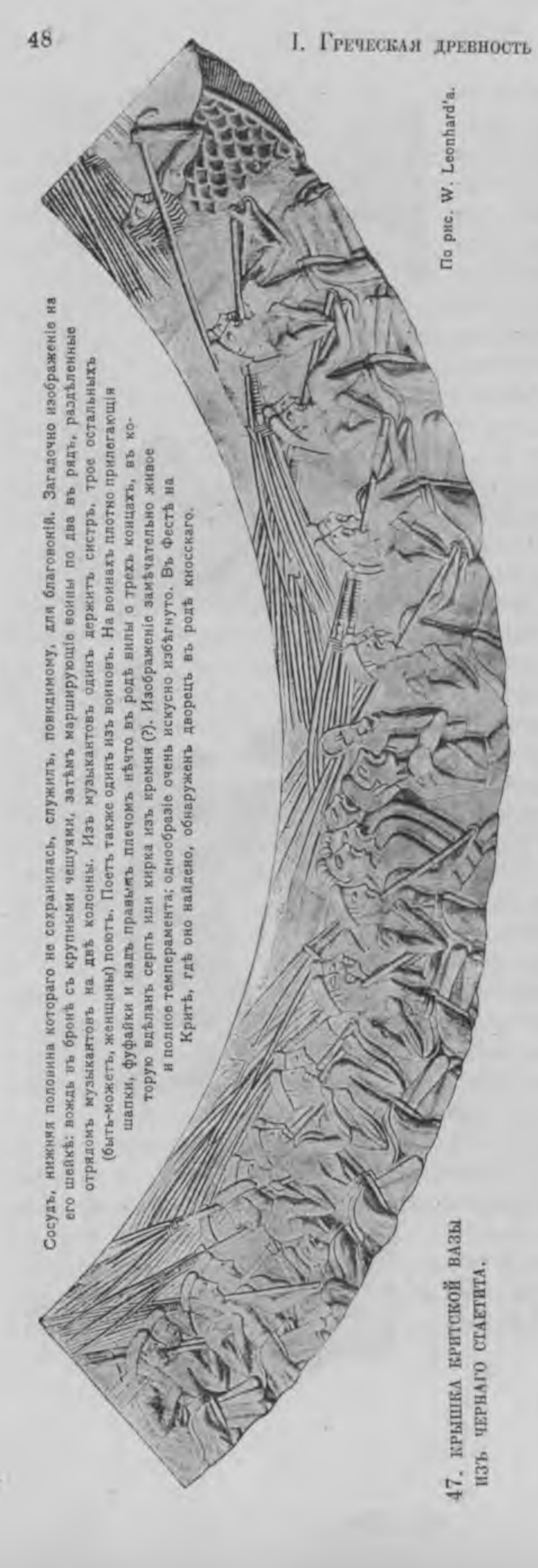
и въ открытое море. Уже Θукидидъ прославляетъ морскую державу царя Миноса. Даже самый выборъ изображаемыхъ съ особенною любовью предметовъ указываетъ на знакомство съ моремъ и его жизнью. Безъ оживленнаго морского сообщенія немыслимо равномѣрное распространеніе этой культуры на всемъ побережьѣ Эгейскаго моря. Моремъ распространялась она вообще, моремъ же проникла она и въ Элладу.

Мы не сомнѣваемся болѣе въ томъ, что микенская культура не могла расцвѣсть безъ соприкосновенія съ Востокомъ и особенно съ Египтомъ; миѳы о Данаѣ и Пелонѣ, о Кадмѣ и Европѣ по-своему закрѣпили воспоминанія объ этой древней связи. Но и раскопки ее подтвердили. Изображенія въ родѣ Афродиты съ ея голубями, сфинксовъ и грифовъ, охоты на львовъ или охоты въ тростниковой чащѣ Нила,—все это прямо указываетъ на Востокъ или Египетъ. Несомнѣнно то, что египетскія произведенія были найдены какъ въ Микенахъ, такъ и въ Кносѣ. Связь, такимъ образомъ, доказана. Вопросъ только въ степени зависимости. Болѣе ранніе изслѣдователи склонялись къ тому, чтобы признать бо́льшую часть микенскихъ художественныхъ произведеній привезенною изъ Сиріи и Египта или сдѣланной иностранными, переселившимися въ Грецію, мастерами. Теперь мнѣніе на этотъ счетъ измѣнилось. Не только архитектурныя, скульптур-

46. ВАЗА СЪ ВОИНАМИ ИЗЪ МИКЕНЪ.
По Фуртвенглеру-Лёшке, Mykenische Vasen.

У всѣхъ воиновъ борода клиномъ, но усы бриты. У нихъ кожанные шлемы съ султанами и двумя роговидными выступами; затѣмъ панцырь, изъ-подъ котораго видна рубашка съ бахромой. Ноги въ онучахъ, надъ ними гетры. Щитъ меньше обычнаго микенскаго. На копьѣ странная привѣска (мѣшокъ для хлѣба? значекъ?). Руки украшены запястьями, на колѣняхъ тоже родственные украшенія.

Сосудъ, нижняя половина котораго не сохранилась, служилъ, повидимому, для благовоній. Загадочно изображеніе на его шейкѣ: вождь въ бронѣ съ крупными чешуями, затѣмъ марширующіе воины по два въ рядъ, раздѣленные отрядомъ музыкантовъ на двѣ колонны. Изъ музыкантовъ одинъ держитъ систръ, трое остальныхъ (быть-можетъ, женщины) поютъ. Поетъ также одинъ изъ воиновъ. На воинахъ плотно прилегающія шапки, фуфайки и надъ правымъ плечомъ нѣчто въ родѣ вилы о трехъ концахъ, въ которую вдѣланъ серпъ или кирка изъ кремня (?). Изображеніе замѣчательно живое и полное темперамента; однообразіе очень искусно избѣгнуто. Въ Фестѣ на Критѣ, гдѣ оно найдено, обнаруженъ дворецъ въ родѣ кносскаго.

47. Крышка критской вазы изъ чернаго стеатита.

По рис. W. Leonhard'a.

ныя и живописныя произведенія, но и масса работъ изъ золота и рѣзныхъ камней признаются за туземныя произведенія древнихъ эллиновъ. Правда, нѣтъ недостатка и въ чуждыхъ элементахъ; но они не только не многочисленны, но, наоборотъ, сравнительно скудны. Греція въ это микенское время, по крайней мѣрѣ, столько же давала, сколько получала сама. Самоувѣренная красота и законченность формъ, которымъ мы не можемъ не удивляться, — это уже проявленія чисто-эллинскаго пониманія прекраснаго.

Если мы, въ заключеніе, представимъ себѣ, что эта ранняя эллинская культура — въ то же время и та, въ хвалу которой Гомеръ настраивалъ свою мощную лиру, то наше нѣсколько подробное описаніе не потребуетъ особаго оправданія.

[*Баумгартенъ*].

48. ДРЕВНІЙ ХРАМЪ ВЪ КОРИНѲѢ.
(Ср. рис. 6 на стр. 9).

Съ фотографіи Императорскаго Германскаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ.

II. ГРЕЧЕСКОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

1000—500.

А. ГОРОДЪ. ЖИЗНЬ. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ.

Переселеніе дорійцевъ.

Событіемъ, нанесшимъ окончательный ударъ микенской культурѣ въ концѣ второго и въ началѣ перваго тысячелѣтія, было дорійское переселеніе. Оно не только утвердило за другимъ главнымъ племенемъ грековъ, дорійцами, преобладающее положеніе въ Греціи рядомъ съ іонійцами, но распредѣлило и остальныя племена по мѣстностямъ такъ, какъ они жили тамъ впослѣдствіи. Потому-то только послѣ дорійскаго переселенія государства начинаютъ развиваться сообразно своимъ племеннымъ особенностямъ. Изъ Ѳессаліи и изъ маленькой горной мѣстности, Дориды, дорійцы двинулись въ Пелопоннесъ и завладѣли мнимымъ наслѣдствомъ своего родоначальника Геракла. Прежде всего имъ достались три дорійскихъ „жребія“ и три южныя мѣстности Пелопоннеса: Арголида, Лаконія, Мессенія. Выходцами изъ Арголиды основаны были затѣмъ самостоятельныя общины—Коринѳъ, Сикіонъ и Фліунтъ;

выходцами изъ Коринѳа была доризирована Мегера, изъ Эпидавра— Эгина. Въ то же время племя эпейцевъ, темнаго происхожденія, укоренилось въ Элидѣ, а древніе гомеровскіе ахейцы были оттѣснены къ сѣверному побережью Пелопоннеса; только аркадцы въ серединѣ полуострова остались нетронутыми этими передвиженіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и переселеніе ѳессалійцевъ и беотійцевъ въ страны, коимъ они дали свое имя, находится тоже въ зависимости отъ дорійскаго переселенія, такъ же, какъ, въ концѣ концовъ, и дальнѣйшее распространеніе греческой колонизаціи, тогда какъ начало ея восходитъ къ самому раннему времени греческой древности. Прежде всего во второй половинѣ второго тысячелѣтія былъ занятъ Кипръ, гдѣ, вслѣдствіе сліянія пришельцевъ съ туземцами, образовалось греко-финикійское населеніе съ оригинальной культурой. Другой такой утраты греческой самобытности болѣе не наблюдалось. Тѣ города, которые во множествѣ расцвѣли, какъ результатъ эолійской и іонійской колонизаціи, по берегу Малой Азіи, сохранили вполнѣ эллинскій характеръ. Хотя только главная масса пришлаго населенія, переселявшагося безъ всякаго плана въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій въ Малую Азію, принадлежала къ вышеупомянутымъ главнымъ племенамъ, все же сѣверная часть малоазійскаго побережья постепенно сдѣлалась областью эолійскаго племени, между тѣмъ какъ середину его заполнили іонійцы, которые скоро стали вытѣснять остальныя племена изъ ихъ собственныхъ владѣній. Эолійское переселеніе распространилось въ Малую Азію черезъ островъ Лесбосъ; іонійское, выйдя, по преданію, изъ Аттики, сначала заняло Евбею и Циклады и по ту сторону моря Хіосъ и Самосъ, а потомъ уже распространилось по малоазійскому берегу отъ Эолиды до милетскаго полуострова. Теперь, подъ главенствомъ Милета, всѣ іонійскіе города составили союзъ, религіознымъ центромъ котораго былъ всеіонійскій храмъ на мысѣ Микале, такъ что и здѣсь, на азіатской почвѣ, понятіе „Іонія“ получило хотя не политическое, но блистательное культурное значеніе, между тѣмъ какъ древній союзъ жителей острововъ, центромъ котораго было делосское святилище Аполлона, во всѣхъ отношеніяхъ остался позади. Къ эолійцамъ и іонійцамъ присоединяются теперь дорійцы. Излишекъ ихъ проникаетъ черезъ Киѳеру къ древнему культурному центру—Криту, а черезъ южные острова Эгейскаго моря, въ особенности черезъ Косъ и Родосъ, къ малоазійскому берегу, гдѣ основывается дорическое „шестиградіе“ со своей столицею Галикарнассомъ.

Колонизація.

Если, такимъ образомъ, дорическое переселеніе и сопровождавшія его племенныя передвиженія были ограничены сравнительно небольшою областью; если его нельзя сравнить съ германскимъ переселеніемъ народовъ и его могучимъ волнобоемъ народныхъ массъ,—тѣмъ не менѣе, это переселеніе стоитъ выше германскаго простотой и ясностью исто-

рической послѣдовательности. Оно и дало позднѣйшей Грецiи, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, ея настоящiй обликъ; развитiе ея культуры совершается отнынѣ просто и равномѣрно, при участiи ея главныхъ племенъ. Правда, и германскiя племена издавна заявили себя своими индивидуальными чертами, но здѣсь мы не наблюдаемъ того сосредоточенiя культурной силы на немногихъ преобладающихъ племенахъ, какъ въ Грецiи. Могучее развитiе эллинской культуры совершается почти при исключительномъ предводительствѣ обоихъ главныхъ племенъ: дорiйцевъ и iонiйцевъ; прослѣдить эти противоположныя стремленiя и взаимное проникновенiе двухъ различныхъ направленiй духа и мысли, живого iонизма и неподвижнаго доризма, — это значитъ наблюдать одно изъ поразительнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторiи человѣчества. Консервативный характеръ дорiйцевъ объясняютъ тѣмъ, что они застыли на ранней ступени умственной культуры; склонность же къ прогрессу iоническаго племени, сказывающуюся даже въ языкѣ, приписываютъ болѣе раннему отдѣленiю этого племени отъ всего народа. При этомъ замѣчательно то, насколько быстрѣе идетъ развитiе культуры въ колонiяхъ, и какъ своеобразныя черты обоихъ главныхъ племенъ приспособляются къ мѣстнымъ условiямъ. Такимъ образомъ объясняется и то, что оба главныя племени пропитывали своимъ особеннымъ духомъ цѣлыя части свѣта далеко за предѣлами своихъ владѣнiй; мы видимъ, напримѣръ, останавливаясь только на важнѣйшихъ явленiяхъ, что Малая Азiя подчиняется все болѣе и болѣе iонiйскому духу, между тѣмъ какъ на западѣ эллинскаго мiра, въ Сицилiи и южной Италiи, преобладаетъ дорическiй элементъ. Конечно, въ области духа, въ особенности въ литературѣ и искусствѣ, преграды между отдѣльными племенами все болѣе и болѣе падаютъ. Все же намъ врядъ ли могутъ указать другую литературу и другое искусство, гдѣ бы влiянiе такого дуализма могло быть прослѣжено легче, чѣмъ въ Грецiи. Главнымъ же образомъ, контрастъ между обоими племенами сказывается въ области государственныхъ учрежденiй и въ обычаяхъ, а исчезновенiе его указываетъ на начало новаго времени, новой культуры, которая, широко распространившись, имѣетъ право занять самостоятельное мѣсто между греческой и римской культурами, а именно—культурѣ эллинистической.

Весь большой перiодъ средневѣковья можно раздѣлить на двѣ равныя части, принимая въ основанiе различные фазисы политическаго развитiя племенъ. Въ первую четверть перваго тысячелѣтiя до Р. Хр. мы видимъ царскую власть въ полномъ расцвѣтѣ и въ борьбѣ съ аристократiей; во вторую четверть аристократiя одерживаетъ надъ нею верхъ, но не можетъ устоять противъ новой формы монархiи—тираннiи, которая, съ своей стороны, существуетъ непродолжительное время и, въ концѣ концовъ, уступаетъ мѣсто демократiи.

1. РАННЯЯ ЭПОХА СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

1000—750.

Бытъ Греціи въ произведеніяхъ Гомера.

Свѣдѣнія о ранней эпохѣ греческаго средневѣковья дошли до насъ только въ поэтическихъ произведеніяхъ Гомера, появившихся около 900 года до Р. Хр. и представляющихъ намъ живую картину государственныхъ и общественныхъ условій эллинскаго быта. При этомъ, конечно, необходимо принять во вниманіе, что поэзія Гомера отражаетъ только отчасти условія своего времени, такъ какъ цѣлью ея было изображеніе въ главныхъ чертахъ греческаго быта передъ дорическимъ переселеніемъ. Насколько она была въ состояніи это выполнить, остается невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, при изученіи культуры греческаго средневѣковья, намъ придется обращаться къ Гомеру, такъ какъ мы не имѣемъ возможности рѣзко разграничить условія этого періода съ условіями жизни предыдущаго. Съ другой стороны, опасность ошибки при этомъ не велика, потому что въ дѣйствительности оба періода во многихъ чертахъ очень близки одинъ къ другому въ культурномъ отношеніи.

Родъ.

Узамъ семьи и цѣлаго рода, восходящимъ къ древности и даже въ первобытныя времена, и у Гомера придается большое значеніе. Уже въ „Иліадѣ“ есть болѣе крупныя единицы, фратріи и филы, изъ которыхъ первыя составлялись изъ круговъ родственниковъ, тогда какъ на вторыя надо смотрѣть какъ на отдѣльныя племенныя единицы, слившіяся въ болѣе крупныя народныя общины. Вѣроятно, что и у грековъ, какъ и вездѣ, поземельная собственность отдѣльныхъ обществъ первоначально была основаніемъ бытового устройства, и общинныя поля распредѣлялись въ видѣ земельныхъ надѣловъ между отдѣльными гражданами. Все же характерно для ихъ предпріимчивости, въ противоположность германцамъ, что уже у Гомера мы видимъ развившуюся частную собственность.

Сословія.

Такъ же явственно различаемъ мы выдѣленіе позднѣйшихъ общественныхъ сословій. Уже въ древнѣйшихъ частяхъ „Иліады“ есть благородные, свободные и рабы. Правда, совсѣмъ не замѣтно позднѣйшей замкнутости сословій. Обращеніе высшихъ съ низшими свободно и естественно: неравный по рожденію легко возвышается благодаря личнымъ способностямъ. Даже рабы, число которыхъ было не велико, пріобрѣтенные войною, разбоемъ или покупкою, могутъ уже въ эти древнія времена, какъ показываетъ „свинопасъ богоравный“, пользоваться высокимъ уваженіемъ и дружескою привязанностью своихъ господъ.

Цари.

Во главѣ племени стоитъ наслѣдственный царь; власть его „Божіей милостью“ наивно основывается на его божественномъ происхожденіи.

49.
Внутренняя часть чернофигурной чаши изъ Вулчи въ Берлинскомъ музеѣ.
По Gerhard, Trinkschalen.
Идущіе другъ за другомъ пахари поддерживаютъ одной рукой рукоятку плуга, въ другой у нихъ прутъ, которымъ они погоняютъ воловъ. Плугъ, упряженный парой воловъ,—старинной формы, годный лишь для расрыхленія почвы, а не для того, чтобы опрокидывать глыбы. Позади перваго пахаря—сѣятель съ корзиной въ лѣвой рукѣ.

Несмотря на это, онъ патріархально занимаетъ мѣсто среди своего народа. Отъ своихъ соплеменниковъ онъ не отличается внѣшнею роскошью; только длинный жезлъ, роскошнѣе украшенный, чѣмъ у другихъ, носящихъ таковой какъ отличіе своего сана или должности (жрецовъ, прорицателей, глашатаевъ), служилъ символомъ его власти. Въ его дѣятельности соединяются военная, судебная и жреческая функціи древнѣйшей царской власти. Какъ полководецъ предводительствуетъ онъ на войнѣ, окруженный своими соратниками „ѳерапонтами“, которые могли быть и безродными бѣглецами, какъ богатыри древнихъ германцевъ. Онъ живетъ вполнѣ патріархально, приноситъ жертвы отъ имени общины, принимаетъ и угощаетъ какъ чужестранцевъ, такъ и своихъ соплеменниковъ. Средства для царственной роскоши даетъ ему удѣльное помѣстье, за обработкой котораго онъ наблюдаетъ, какъ каждый крупный землевладѣлецъ, и продукты котораго онъ собираетъ „съ радостнымъ сердцемъ“, хотя это и не его личная собственность. Ко всему этому надо прибавить почетныя доли при жертвоприношеніяхъ и раздѣлѣ добычи.

Князья.

Царя окружаетъ в о о р у ж е н н о е б л а г о р о д н о е с о с л о в і е, князья въ укрѣпленныхъ замкахъ, сила которыхъ основывается на по-

земельной собственности, и которыхъ только чести ради называютъ совѣтомъ старѣйшинъ. Они обсуждаютъ послѣ общаго пира, за которымъ они—гости царя, по его приглашенію важные вопросы, касающіеся всего племени, и засѣдаютъ съ нимъ при надобности въ судѣ.

Собраніе общины.

Собраніе всей общины имѣло вначалѣ только очень небольшое значеніе. Одни благородные выступаютъ ораторами со скипетрами въ рукахъ; народъ только восклицаніями заявляетъ о своемъ мнѣніи, нисколько не связывая этимъ своего повелителя.

Правовая жизнь

Важнѣйшимъ явленіемъ въ правовой жизни людей этого страстнаго первобытнаго общества можно считать то, что у грековъ, какъ и у родственныхъ имъ германцевъ кровавую месть замѣняетъ вира, которую получаютъ родственники убитаго. Государство вступается только по призыву обѣихъ сторонъ. Тогда мы видимъ, какъ на гладкихъ камняхъ въ священномъ кругѣ засѣдаютъ судьи, окруженные толпами народа, слѣдившаго уже и тогда за ходомъ тяжбы; почтительно выслушиваютъ они товарища, излагающаго свое мнѣніе съ жезломъ въ рукахъ.

50. Внутреннее изображеніе краснофигурной чаши Сосія строгаго стиля (Берлинъ). Mon. d. Inst. I.
Ахиллъ перевязываетъ рану Патрокла.

Занятія.

Главнымъ занятіемъ гомеровскихъ грековъ было земледѣліе (рис. 49). Всѣ, не имѣющіе земли, ведутъ жалкую, презрѣнную жизнь поденщиковъ или „ѳетовъ". Но замѣтны въ зародышѣ и другіе роды занятій. Конечно, все то, что нужно для удовлетворенія ежедневных жизненныхъ потребностей, пищи и одежды, дѣлается дома. Но что даже величайшій герой можетъ исполнять всякаго рода рукодѣлья, не теряя нисколько уваженія къ себѣ окружающихъ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ образъ искуснаго во всякомъ дѣлѣ Одиссея. Къ древнѣйшимъ занятіямъ „работавшихъ для всего народа", какъ показываетъ

ихъ названіе „деміурговъ“ или ремесленниковъ, относится постройка дома или корабля, дѣятельность кузнеца, требовавшая особой мастерской, а также и работа того, кто, обрабатывая драгоцѣнный матеріалъ, въ особенности золото или серебро, создавалъ украшенія жизни,—если только эти предметы не привозились издалека. Здѣсь надо еще упомянуть о врачахъ, которые уже рано проявляли свое искусство въ залѣчиваніи ранъ (рис. 50 и 53), о прорицателяхъ, которые гадали, главнымъ образомъ, по полету птицъ, и о пользовавшихся большимъ уваженіемъ пѣвцахъ (рис. 51), которые то гостятъ при княжескихъ дворахъ, то странствуютъ съ мѣста на мѣсто, чтобы прославлять подъ аккомпанементъ лиры то въ пѣснѣ, то въ декламаціи „славу героевъ“, не забывая и новѣйшихъ событій. Особенное значеніе имѣли служившіе у князей глашатаи, которыхъ даже враги считали неприкосновенными. Они заботятся о созывѣ и порядкѣ народныхъ собраній, устраиваютъ торжественныя жертвоприношенія и прислуживаютъ гостямъ при царскихъ трапезахъ, сопровождаютъ и принимаютъ именитыхъ людей своего племени или чужестранцевъ; они же бываютъ царскими послами.

51. ВАЗОВОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ДРЕВНЯГО СТИЛЯ.
Mon. d. Inst.
Апполонъ-киѳаредъ въ туго стянутомъ плащѣ съ бахромой и кистями, съ семиструнной киѳарой въ рукѣ.

Сношенія

Собственныя торговыя сношенія съ дальними странами еще не были въ ходу: моряки не отваживались плыть дальше острововъ и малоазійскаго берега. Дорого цѣнившіяся художественныя произведенія Востока, главнымъ образомъ, металлическія издѣлія, доставлялъ финикійскій купецъ, который безжалостно соблюдалъ только свою выгоду и также не пренебрегалъ похищеніемъ людей. Торговля была тогда исключительно мѣновая, и самою употребительною мѣновою единицею была штука скота, и хотя металлы, главнымъ образомъ, золото, имѣли цѣну, опредѣлявшуюся ихъ вѣсомъ.

При этомъ подозрительность древнихъ временъ въ каждомъ чужестранцѣ видѣла врага. Даже величайшій герой почти такъ же, какъ и во времена норманновъ, считаетъ морской разбой за дозволенный промыселъ, могущій его обогатить, особенно въ томъ случаѣ, если дѣло касается иноплеменниковъ. Только религія могла смягчить эти нравы: она повелѣвала принимать бѣглеца, если онъ садился у очага, будь онъ даже нищимъ, какъ „посланнаго Зевсомъ“, а затѣмъ отпускать его съ подобающими гостю дарами и подъ надежной охраной. Также значительно содѣйствовали смягченію нравовъ наслѣдственныя права гостепріимства

(куначества), которыя часто получали значеніе даже среди боя: выступавшіе другъ противъ друга воины, узнавъ другъ въ другѣ кунаковъ, дружелюбно обмѣнивались оружіемъ.

Военное дѣло.

Въ древнія времена главнѣйшимъ занятіемъ всей общины у доблестныхъ народовъ была всегда война. Поэтому военное дѣло у грековъ средневѣковья вылилось въ своеобразную форму.

52. Внутреннее изображеніе чаши Евфронія.
По. Gerhard'y, Vasenb. III.
Ахиллъ убиваетъ у жертвенника Троила, сына Пріама.

Самымъ значительнымъ видоизмѣненіемъ, сравнительно съ вооруженіемъ микенскаго времени (рис. 52), было то, что мѣсто микенскаго чудовищно - тяжелаго щита занялъ круглый, съ легкой выпуклостью щитъ, держать который въ рукѣ было еще удобнѣе, вслѣдствіе вырѣзовъ по бокамъ. А уменьшеніе въ объемѣ щита вызвало, вмѣсто употребленія отдѣльныхъ пластинокъ для защиты живота, употребленіе сплошной кожаной кирасы съ наложенными на нее металлическими пластинками. Въ заключеніе остается упомянуть, на ряду съ поножами, какъ оружіе обороны, разнообразно устраиваемый шлемъ, который изъ простой мѣховой шапки (κυνῆ) развился въ цѣлое произведеніе искусства, украшенное гребнемъ и конскимъ султаномъ (ср. рис. 53). Длинный обоюдоострый бронзовый мечъ съ рукояткой, украшенной серебромъ и слоновой костью, употреблялся не столько для вертикальнаго, сколько для горизонтальнаго удара. Длинное, отъ двухъ до четырехъ метровъ, копье изъ ясеня, съ остріемъ внизу для того, чтобы его можно было втыкать въ землю, служило и для удара и, на ряду съ метательнымъ дротикомъ, для метанья. Лишь изрѣдка встрѣчается лукъ изъ козьихъ роговъ, занесенный съ Востока; ха-

53. АРХАИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВАЗѢ ИЗЪ ВУЛЧИ, ПО-ВИДИМОМУ, ДРЕВНЕ-ХАЛКИДСКОЕ ИЗДѢЛІЕ VI-го ВѢКА.
Mon. d. Inst. I.

Бой Аянта и Главка изъ-за тѣла Ахилла (направо Парисъ, Эней и др. троянскіе бойцы, налѣво Аѳина. Въ углу налѣво Сѳенелъ перевязываетъ Діомеда.

рактерно то, что въ „Иліадѣ“ носитъ лукъ Парисъ, презираемый за изнѣженность.

Главная масса войска состоитъ изъ легко вооруженной пѣхоты, которая надвигается сомкнутыми рядами, точно „стѣна“, но во время боя немедленно разбивается на отдѣльныя группы. Но исходъ битвы зависитъ отъ вождей, которые, стоя въ тяжеломъ вооруженіи на двухколесныхъ боевыхъ колесницахъ (ср. рис. 57), храбро мчатся въ сопровожденіи одного товарища, въ качествѣ возницы, черезъ поле сраженія. Встрѣтится имъ достойный по происхожденію противникъ,—они спрыгиваютъ съ колесницы, чтобы помѣряться съ врагомъ въ битвѣ копьемъ и мечомъ. Въ эти грубыя и наивныя времена побѣдитель, охваченный дикой жаждой добычи и побѣды, заботится не только о томъ, чтобы захватить все вооруженіе павшаг̆о, но также и о пріобрѣтеніи его трупа; въ тѣ времена иногда считалось славнымъ опозорить трупъ врага, влачить его въ пыли позади боевой колесницы, отдать его на съѣденіе звѣрямъ. Это изображаютъ намъ живыя картины прославленныхъ искусствомъ сценъ (рис. 53) рыцарской борьбы за трупы. Полное уничтоженіе огнемъ и мечомъ, смерть и порабощеніе жителей—такова судьба завоеваннаго города.

54. Черепки дипилонскихъ вазъ. Корабли.

Mon. d. Inst. I.

Морское дѣло. Если судить по Гомеру, морское дѣло не настолько было развито, чтобы корабль могъ служить непосредственно для войны. Какъ средство для переправы, онъ обладаетъ уже нѣкоторой степенью совершенства (рис. 54), со своимъ граціознымъ изгибомъ обѣихъ сторонъ и соразмѣрностью корпуса. Передвигается онъ при помощи гребцовъ, которыхъ имѣетъ около 50. Въ открытомъ морѣ на немъ водружаютъ мачту съ укрѣпленнымъ на реѣ парусомъ, съ помощью котораго, благодаря остроумно приспособленнымъ канатамъ, можно было наилучшимъ образомъ пользоваться вѣтромъ.

Домъ. Частная жизнь спеціально въ устройствѣ дома сохранила еще довольно много сходства со стариной. Это все тѣ же княжескіе дворцы; ихъ составныя части: „мегаронъ“, главная палата, кровельныя

балки которой поддерживаются четырьмя колоннами, окружающими находящійся посрединѣ очагъ; затѣмъ—дворъ, окруженный „сверкающей“ колоннадою съ алтаремъ Зевса Герке (охранителя ограды); наконецъ, большое число домашнихъ покоевъ (Thalamoi), соединенныхъ узкими проходами. Главная перемѣна, повидимому, состояла въ томъ, что верхній этажъ назначался для помѣщенія женщинъ. Также сохранилась отъ старины пестрая роскошь Востока на стѣнахъ, обложенныхъ золотыми пластинками. По тому, какъ домъ снабжался настоящей домашней утварью и столовой посудой, мы видимъ, что гомеровское время мало отличалось отъ позднѣйшей эпохи, о которой придется сказать обстоятельнѣе ниже; только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вещахъ проявилась склонность этого героическаго времени ко всему прочному, тяжеловѣсному,—таковы столь излюбленные котлы, вставленные въ треножники (рис. 55).

55. Треножникъ изъ Олимпіи.
По Luckenbach'у. Abb. z. Gesch. I.

Одѣяніе.

Одѣяніе грековъ искони имѣетъ въ своемъ основаніи простую „античную“ систему двойной одежды. Оба пола носили нижнюю одежду въ родѣ рубашки, такъ называемый хитонъ (у іонійцевъ длиннополый), иногда и съ рукавами. Внѣ дома они носили „хлену“, верхнее шерстяное платье; вельможи же и князья носили льняную накидку въ качествѣ парадной одежды (рис. 56). Верхняя одежда женщинъ (рис. 57) состояла изъ широкаго, влачащагося по землѣ одѣянія, которое стягивали поясомъ, такъ называемый Peplos. Для выхода изъ дома женщины носили на головѣ покрывало, закрывавшее только заднюю часть головы. У мужчинъ такъ же, какъ и во времена древности, одежду дополняли золотыя украшенія. Внѣ дома мужчины носили на головахъ шапки, сдѣланныя по большей части изъ шкуръ животныхъ, а на ногахъ мужчины и женщины носили сандаліи. Въ противоположность позднѣйшему времени, весь костюмъ обнару-

56. Фигура въ длиннополомъ плотно прилегающемъ кафтанѣ и плащѣ.
Arch. Ztg. XXXIX.

живаетъ особенную архаическую неподвижность и связанность, при случаѣ даже восточную напыщенность. Также и въ уборѣ волосъ видится церемонность и неподвижность: часто они ниспадаютъ съ головы въ правильно завитыхъ локонахъ. Борода бываетъ выбрита только на верхней губѣ.

Пища. И въ гомеровское время главная пища состояла, повидимому, изъ хлѣба, который по формѣ представлялъ нѣчто похожее на наши макароны; но для этихъ крѣпкихъ тѣломъ героевъ характеристичны ихъ плотные обѣды, кушанья которыхъ состояли исключительно изъ мяса домашнихъ животныхъ: быковъ, овецъ, козъ и свиней; ѣсть же мясо рыбъ и птицъ приходилось только тѣмъ, кого побуждала къ этому крайняя нужда. Только бѣдняки искали эту пищу или ныряли въ воду за мягкотѣлыми животными—устрицами.

Бракъ. Самый важный масштабъ для показанія культуры — бракъ. Въ нашу эпоху преобладаетъ моногамія, поскольку только одна жена признается закономъ; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что у грековъ

57. ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВАЗѢ ИЗЪ ЦЕРЕ ВЪ БЕРЛИНѢ. Mon. d. Inst. X.

Амфіарай всходитъ на колесницу, отправляясь въ походъ противъ Ѳивъ. На лѣво его жена Эрифила съ роковымъ ожерельемъ въ рукѣ, которымъ она дала себя подкупить и обязалась склонить своего мужа принять участіе въ походѣ.

былъ также распространенъ восточный обычай побочныхъ женъ. Несмотря на античную откровенность, съ которою обсуждаются отношенія половъ между собою, мы видимъ, что также и здѣсь отъ времени Гомера вѣетъ здоровымъ нравственнымъ чувствомъ и наивною чистотою. Такъ, раннее греческое средневѣковье показываетъ намъ женщину не только за веретеномъ и ткацкимъ станкомъ, которыхъ не стыдились даже царицы среди своихъ служанокъ, оно даетъ намъ и иные образцы: такова вѣрная Пенелопа, такова чтимая всѣмъ народомъ, примирительница спорящихъ мужей, царица феаковъ, Арета, такова ея дочь, привѣтливая и въ то же время самоувѣренная Навзикая. Эти образцы показываютъ намъ греческую женщину въ гораздо болѣе почетномъ положеніи, нежели во времена позднѣйшей, болѣе высокой культуры. Въ предложеніи брачныхъ подарковъ со стороны жениха, конечно, можно видѣть старинную куплю невѣсты; но теперь эти подарки служатъ уже только для того, чтобы одарить молодую жену. Гомеру извѣстны также и веселыя свадебныя шествія съ ихъ пѣснями.

Воспитаніе. Мы не встрѣчаемъ у Гомера собственно обученія ребенка: мальчикъ долженъ былъ, конечно, учиться владѣть оружіемъ; о танцахъ и о музыкѣ тоже уже нѣсколько заботились. И все-таки человѣчество всегда будетъ со страстной тоскою обращать взоры къ этому вѣку безъ обученія, когда доблесть предковъ служила единственнымъ образцомъ, и когда мысли юноши сводились къ тому, чтобы „тщиться другихъ превзойти".

Погребеніе. Ничто не характеризуетъ такъ міровоззрѣнія народа, какъ способъ погребенія умершихъ. У Гомера мы видимъ употребительные на всемъ свѣтѣ три акта погребальнаго торжества: выставленіе на катафалкѣ омытаго, умащеннаго и украшеннаго трупа и плачъ по умершемъ, особенно со стороны женщинъ (рис. 59), затѣмъ выносъ умершаго на рукахъ его друзей (рис. 58) и сожженіе трупа на кострѣ, причемъ огненную могилу усопшаго снабжали всякаго рода утварью и любимыми животными, а иногда приносили въ жертву дажа военноплѣнныхъ. Послѣ того, какъ пламя костра было потушено виномъ, кости умершаго завертывали въ тукъ, обвивали полотномъ и хоронили въ урнѣ. Надъ нею, по древнему арійскому обычаю, насыпали конусообразный могильный холмъ, который украшали камнемъ или колонною; при случаѣ, на немъ утверждался также особенный знакъ отличія, въ родѣ весла.

Почитаніе боговъ. Почитаніе боговъ стоитъ у Гомера еще во многихъ отношеніяхъ на древней индо-европейской ступени. Алтари стояли на открытомъ мѣстѣ, подъ старыми деревьями, на вершинахъ горъ или въ естественныхъ гротахъ. Правда, можно усмотрѣть постепенное вліяніе Востока въ томъ, что уже у Гомера встрѣчаются храмы, напр., въ Троѣ, въ чудесномъ городѣ феаковъ, или что многостранствовавшіе спутники Одиссея объ-

58. ДИПИЛОНСКАЯ ВАЗА. Mon. d. Inst. IX.
Дроги, на нихъ покойникъ.

щаютъ ихъ божеству, какъ нѣчто особенное. Призванный къ служенію у какой-нибудь опредѣленной святыни жрецъ отступаетъ на задній планъ, такъ какъ, вѣдь, каждый отецъ семейства—жрецъ своего дома. Болѣе вліянія пріобрѣтаетъ прорицатель, который предсказываетъ будущее, какъ и въ позднѣйшія времена, по голосамъ и знакамъ, по случайнымъ явленіямъ природы, по полету птицъ и по внутренно-

59. ДИПИЛОНСКАЯ ВАЗА. Mon. d. Inst. IX.
Плачъ надъ лежащимъ на катафалкѣ покойникомъ.

стямъ жертвенныхъ животныхъ. Знаменитые оракулы тоже имѣютъ значеніе, особенно оракулъ Зевса въ Додонѣ, которому служитъ странная секта босоногихъ; его воля проявляется въ шелестѣ священныхъ дубовъ, въ звонѣ привѣшенныхъ тамъ мѣдныхъ кимваловъ и въ журчаньи священнаго источника; но зарожденіе дельфійскаго оракула относится тоже къ этому времени. Молитвенныя формулы, очищенія, и шеніе обвитыхъ шерстяными

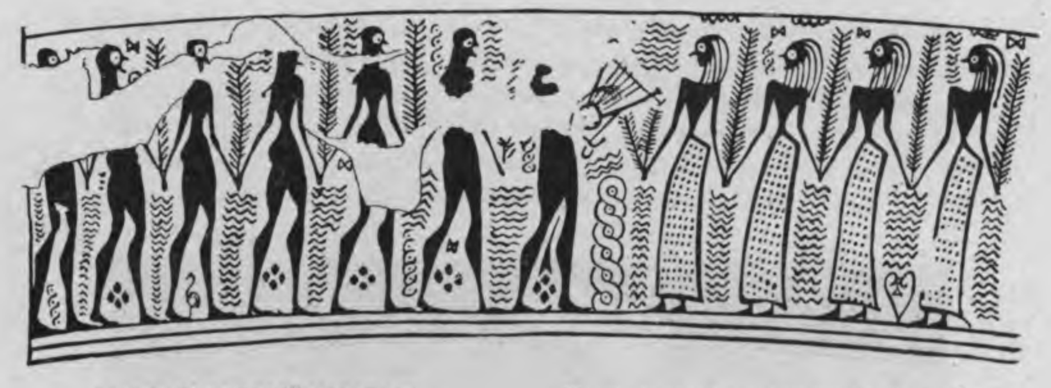
лентами вѣнковъ,—все это употреблялось съ древнѣйшихъ временъ. Но главнымъ ядромъ всякаго религіознаго служенія является жертва, до такой степени, что каждое закланіе животнаго сопровождалось обрядомъ жертвоприношенія. Весьма живо со всѣми подробностями описываются массовыя жертвы, приносимыя всѣмъ народомъ, такъ называемыя гекатомбы. Для нихъ приводятся отборныя животныя съ позо-

60. КРАСНОФИГУРНОЕ ВАЗОВОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОЗДНѢЙШЕЙ ЭПОХИ.
По Gerhard, Vasenb. III.

Побѣдное жертвоприношеніе (налѣво приносящій возліяніе жрецъ, направо двое юношей съ вертелами и флейтистъ съ двойной флейтой).

лоченными рогами, украшенныя вѣнками и лентами. Принесенію въ жертву предшествуютъ древніе обычаи освященія: со лба животнаго срѣзаютъ шерсть и бросаютъ ее въ пламя, голову его обсыпаютъ священнымъ ячменемъ; изъ кубка каждый дѣлаетъ равное возліяніе. Подъ звуки флейты животному наносится установленный обрядомъ смертный ударъ; его кровь орошаетъ жертвенникъ; тогда въ даръ богамъ сжигаютъ кости ногъ съ жиромъ, лакомыя же внутренности тотчасъ же жарятъ и съѣдаютъ (рис. 60). Но главнымъ актомъ жертвоприношенія остается торжественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый пиръ, для котораго приготовляются на заботливо наблюдаемыхъ вертелахъ хребты жертвенныхъ

61. ПРАДЗНИЧНЫЙ ХОРОВОДЪ НА ДРЕВНЕ-АѲИНСКОЙ ВАЗѢ.
Jahrb. d. Inst. 1887.

Шесть мужчинъ съ киѳаредомъ во главѣ приближаются къ четыремъ женщинамъ. У всѣхъ по вѣтви въ соединенныхъ рукахъ.

животныхъ. Наконецъ, надо отличать отъ жертвы-трапезы жертву искупительную; здѣсь все животное, на которое какъ бы переносится проклятіе, сжигается или же уничтожается какимъ-нибудь другимъ способомъ.

Кромѣ жирнаго чада отъ жертвы, богамъ приносятся и другіе символическіе дары: волосы дѣтей, побѣдоносное оружіе; богинямъ женщины уже приносятъ въ даръ праздничную одежду (Peplos).

Игры. Самую оригинальную форму жизнерадостнаго эллинскаго богопочитанія представляютъ, конечно, и г р ы. Прежде всего въ честь умершихъ производились почти всѣ роды „гимнастическихъ" состязаній, т.-е. такихъ, въ которыхъ исполнители участвуютъ собственными „обнаженными" тѣлами; изъ конныхъ состязаній достигли полнаго развитія ристанія колесницъ. Только благороднѣйшій цвѣтъ—соревнованія въ искусствахъ музъ—еще не распустился на величавомъ деревѣ греческой агонистики, хотя съ древнѣйшихъ временъ на праздникахъ въ честь боговъ являются также праздничные хоры съ пѣніемъ и игрой на киѳарѣ, подъ аккомпанементъ которыхъ совершалась и хороводная пляска (рис. 61). Изображенія игръ мы разсмотримъ при изложеніи слѣдующаго періода, когда особенно ясно обрисовываются древнѣйшія олимпійскія торжества. Здѣсь же укажемъ только на то, что, въ наивной жизнерадостности тѣхъ временъ, призами являлись вполнѣ реальные предметы: прекрасные кони, искусныя рабыни, оружіе и мѣдная утварь, кубки, а также необработанные благородные металлы.

Такимъ встаетъ передъ нами время Гомера въ своей простотѣ, иногда даже въ своей грубости. Не только поэтическія достоинства обезпечиваютъ Гомеру вѣчную жизнь въ памяти человѣчества, но и изображенныя имъ условія быта дышатъ такою исключительною откровенностью и простотою, прекрасною человѣчностью, что они навсегда останутся тѣмъ источникомъ юности, въ который мы охотно погружаемся, чтобы придти къ сознанію своей исконной природы.

2. ПОЗДНѢЙШЕЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

(750—500).

Государство и упраздненie монархiи.

Важнѣйшая перемѣна въ политическомъ отношенiи, замѣтная въ позднѣйшемъ средневѣковьѣ сравнительно съ раннимъ, состоитъ въ замѣнѣ монархiи владычествомъ благородныхъ. Съ полнымъ прекращенiемъ переселенiй начинаетъ также исчезать и переселенческая монархiя, смѣнившая патрiархальную монархiю Гомера. Этотъ процессъ совершается въ VIII или, самое позднее, въ VII столѣтiи. Если не считать своеобразно ограниченной спартанской монархiи съ ея двумя царями, древняя монархiя продолжаетъ существовать только въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ греческаго мiра пограничныхъ областяхъ, какъ въ Эпирѣ и на Кипрѣ, а главнымъ образомъ, въ Македонiи, которая по всему своему характеру напоминаетъ сѣверное, германское государство, и изъ которой идея исконной царской власти должна была впослѣдствiи озарить мiръ удивительнымъ блескомъ.

Причины упраздненiя монархiи состоятъ иногда, какъ видно и изъ нашихъ источниковъ, въ вымиранiи царскихъ домовъ, въ несогласiяхъ внутри самихъ царскихъ родовъ, въ неспособности правителей, но, главное, въ тираническомъ притѣсненiи подданныхъ; въ общемъ же переходъ происходитъ, повидимому, постепенно, безъ особенно сильныхъ сотрясенiй. Стремленiе къ полной равноправности, имѣвшее въ эти времена особенное значенiе при основанiи колонiй, повело въ самой Грецiи скорѣе и основательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, къ устраненiю той государственной формы, столь мало отвѣчающей своеобразному характеру грека.

Аристократiя.

Конечно, это стремленiе къ уравненiю правъ прежде всего послужило на пользу только высшему сословiю. Мѣстные аристократы—а въ тѣ времена таковыми были самыя богатыя семейства—все болѣе и болѣе ограничивали власть царя, пока она совсѣмъ не стушевалась. Еще раньше, чѣмъ она совсѣмъ была уничтожена, благородные роды обезпечили себѣ участiе въ правленiи тѣмъ, что отторгнули нѣкоторыя права отъ власти повелителя. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ, на ряду съ царемъ, уже является полемархъ или „воевода", затѣмъ архонтъ, какъ высшiй „правитель", а позже шесть „ѳесмоѳетовъ" или „законоуложителей". Продолжительность службы этихъ участниковъ въ управленiи страной была опредѣлена сначала въ 10 лѣтъ, а потомъ ограничена до одного года; такимъ образомъ, всему благородному сословiю была дана возможность оказывать влiянiе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Но настоящiй правительственный центръ составлялъ ареопагъ,

т.-е. собраніе бывшихъ сановниковъ или архонтовъ, учрежденное какъ царскій совѣтъ. Мы видѣли уже, что знать основывала свою силу на своемъ привилегированномъ хозяйственномъ положеніи крупныхъ землевладѣльцевъ; но и въ военномъ дѣлѣ они стояли выше большинства: какъ всадники, они служили въ конницѣ, а въ это время уже вездѣ въ Элладѣ военная колесница уступила мѣсто боевому коню.

Община (Polis). Возвышеніе знати находится въ связи съ измѣненіемъ отношеній въ территоріи, которое, въ концѣ концовъ, должно было, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, оказаться роковымъ для самого привилегированнаго сословія. Какъ намъ доказываетъ примѣръ Одиссея, кефалленское царство котораго заключало въ себѣ цѣлый рядъ острововъ и отдѣльныя части материка, а также замѣчательная морская держава Миноса, могущественное вліяніе котораго на культуру обширныхъ областей сказывается уже въ мотивахъ художественнаго орнамента, заимствованнаго изъ жизни морскихъ животныхъ (ср. рис. 29),—въ общемъ, государства не были заключены въ предѣлы національнаго и территоріальнаго единства. Большое число городовъ могло быть подвластно одному владыкѣ. Между ними находилась его—часто очень маленькая—столица; иногда даже резиденціей его была расположенная совсѣмъ въ сторонѣ царская крѣпость. Въ другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ властвовали благородные и пользовались часто большою самостоятельностью. Въ эти времена плохихъ путей сообщенія все это способствовало ослабленію царской власти. Съ другой стороны, идея царской власти, распространяющейся на большую область, не уживалась съ развитіемъ тѣсно ограниченной греческой общины (Polis). Никогда, въ теченіе всей исторіи, мысль о полномъ тожествѣ государства и городской общины не была такъ послѣдовательно проведена, какъ въ Аѳинахъ. Допуская финикійское происхожденіе замкнутыхъ по своему положенію городовъ,—а стало-быть, и то, что Греція и въ этомъ важномъ пунктѣ находилась подъ вліяніемъ Востока,—мы видимъ все-таки, что греческій городъ-государство есть нѣчто новое. Здѣсь нѣтъ, какъ въ другихъ государствахъ, страны, которая бы посылала своихъ представителей. Государство имѣетъ только одинъ городъ, въ который всѣ граждане могутъ и даже должны сходиться, если они хотятъ пользоваться своими политическими правами; они даже лично знаютъ другъ друга, какъ члены сильно разросшагося семейства. Территорія же страны, безъ которой городъ не можетъ обойтись для своего нропитанія, не имѣетъ политическаго значенія; жители деревень или „комъ“, жители селъ или „демовъ“, самостоятельны только въ вопросахъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. Потому-то грекъ называетъ гражданина государства просто „гражданиномъ“ (πολίτης), все равно, живетъ ли онъ въ городѣ, или въ деревнѣ.

Синэкизмъ. Процессъ, который соединилъ въ первый разъ въ городѣ жителей

одной области, называется синэкизмомъ или совмѣстнымъ поселеніемъ. Конечно, при этомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ происходило насильственное уничтоженіе уже развившихся городообразныхъ поселеній или „разрушеніе богато расцвѣтшей городской жизни“, какъ это утверждали ранѣе. Напротивъ, синэкизмъ вызывался скорѣе нуждою, чѣмъ принужденіемъ. Процессъ здѣсь тотъ же, что и на италійской почвѣ. И у грековъ естественнымъ образомъ жизни была жизнь сельская; даже въ позднѣйшее время у нѣкоторыхъ племенъ, какъ, напр., у этолійцевъ и у нѣкоторой части аркадцевъ, сельская жизнь была довольно распространена, тогда какъ у большинства грековъ сельское населеніе сравнительно съ городскимъ кажется весьма незначительнымъ. Зато уже въ древнія времена, кромѣ селъ, должны были быть укрѣпленные стѣнами кремли, въ которыхъ населеніе могло бы укрываться при опасности. Что такіе кремли не покидались и въ мирное время (какъ древнія крѣпости у эквикуловъ въ Италіи), но постепенно обращались въ постоянные центры племенъ,—это вполнѣ согласно съ характеромъ грековъ, о которыхъ, главнымъ образомъ, и думалъ Аристотель, произнося свои знаменитыя слова: „человѣкъ есть политическое (т.-е., переводя буквально, городское) существо“. Такимъ образомъ, уже во время царей были расширены первоначальныя мѣста убѣжища: къ кремлю-акрополю былъ прибавленъ посадъ, который тоже былъ окруженъ стѣною. Такъ, за Кадмомъ, основателемъ названной въ честь его Кадмеи (если вѣрить сагѣ), послѣдовало новое поколѣніе Амфіона и Зеѳа, которые окружили стѣной Ѳиванскій посадъ. Съ другой стороны, къ старымъ расширившимся царскимъ резиденціямъ присоединились совершенно новые города, образовавшіеся изъ соединенія самостоятельныхъ до тѣхъ поръ сельскихъ общинъ.

Процессъ синэкизма въ греческомъ мірѣ происходилъ весьма разнообразно. Всего послѣдовательнѣе идея одного города и одного государства была проведена въ Аѳинахъ. И въ позднѣйшее время нигдѣ въ Греціи такая большая область не была подчинена одной городской общинѣ, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, и былъ заложенъ фундаментъ національнаго величія: это достопамятное сліяніе города съ землею было отнесено ко времени великаго царя преданія, народнаго героя Тезея.

Своеобразное явленіе представляетъ Спарта, гдѣ пять лежащихъ одно около другого селъ (комъ) остались, правда, безъ обводной стѣны, но вошли въ такое тѣсное общеніе между собою, что, образовавши городъ Спарту, они такъ же легко завладѣли страною, какъ и окруженныя стѣною Аѳины.

Третья область Греціи, которая пріобрѣла на время рѣшающее значеніе, Беотія, представляетъ намъ примѣръ болѣе значительнаго числа городовъ, образовавшихъ нѣчто въ родѣ союза государствъ. По-

пытки централизовать эту страну со стороны Θивъ не имѣли полнаго успѣха, въ виду сопротивленія этихъ окрѣпшихъ общинъ.

Аристократія.

Такъ какъ гражданское населеніе строго обособилось отъ несвободныхъ или полусвободныхъ жителей государства, то оно могло предаться исключительно государственнымъ заботамъ и передать негражданину попеченіе о поддержаніи жизни: этотъ послѣдній долженъ былъ оставаться ремесленникомъ, „банавсомъ“, какъ этого требуетъ Аристотель. Такъ объясняется первоначальное отвращеніе грека ко всякой ремесленной дѣятельности, какъ и значительное число рабовъ въ греческихъ общинахъ, хотя въ этой области различныя отношенія и различныя времена создавали самыя разнообразныя условія. Въ нашу эпоху только богатое сословіе благородныхъ было въ состояніи проводить такіе аристократическіе принципы. Потому также только у рыцарскаго благороднаго юношества, какъ мы видимъ изъ поэзіи Пиндара, могли процвѣтать всѣ тѣлесныя упражненія и состязанія, однимъ изъ главныхъ элементовъ которыхъ былъ дорого стоившій бѣговой конь. У благородныхъ впервые появилась идея агона, благороднаго состязанія, которая, какъ мы увидимъ, постепенно проникаетъ во всѣ слои эллинской культуры. Сословіе благородныхъ и въ Греціи осуществляло тогда идею того, къ чему обязываетъ высокое рожденіе (noblesse oblige), и старалось выдѣлиться болѣе тонкими нравами и изысканностью воспитанія. Знать первая энергично стремилась къ осуществленію идеала „добраго и прекраснаго человѣка“; но, конечно, недолго могла она, опираясь на свое основанное на земельной собственности богатство, смотрѣть свысока на неблагородное, свободное сословіе; со временемъ она утратила свою нравственную высоту и стала заботиться только о томъ, какъ бы сохранить свое имущественное превосходство надъ болѣе низкимъ сословіемъ. Слова Аристотеля, относящіяся къ аристократамъ позднѣйшаго времени,—о томъ, что они окружали своихъ подраставшихъ сыновей неразумной роскошью, въ то время какъ сыновья бѣдныхъ закалялись въ борьбѣ за существованіе,—относятся также и ко времени упадка древней аристократіи. Естественный ходъ событій старались задержать всевозможными принудительными мѣрами. Такъ, Гесіодъ впервые находитъ желательной „систему двухъ дѣтей“, требуя, чтобы въ каждомъ семействѣ было не болѣе двухъ сыновей. Средства къ достиженію этого были поневолѣ сомнительнаго свойства: подкидываніе дѣтей (которое, конечно, принимая во вниманіе гуманный характеръ народа, имѣло скорѣе юридическое, чѣмъ практическое значеніе) и поощреніе внѣбрачныхъ отношеній половъ.

Сословіе неблагородныхъ.

Такъ-то и въ нѣдрахъ самой аристократіи господствовали нездоровыя условія жизни; въ лицѣ же подчиненнаго ей городского сословія для нея назрѣвалъ могущественный противникъ. Правда, это сословіе было вначалѣ устранено отъ государственныхъ дѣлъ. За-

кономъ были запрещены, повидимому, даже браки между господствующей аристократіей и простолюдинами, которые были также лишены права носить оружіе. Но главное было вотъ что. Знаніе дѣйствующаго права, находившееся исключительно въ рукахъ аристократіи, давало ей возможность злоупотреблять матеріальной нуждой народа. Бѣднѣйшіе дѣлались должниками благородныхъ и, въ концѣ концовъ, даже продавались ими иногда, какъ рабы, въ чужія страны. Если, такимъ образомъ, сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ уничтожалось, то возвышалось другое сословіе, которое скоро могло по благосостоянію сравниться съ аристократіей. Съ тѣхъ поръ, какъ кораблестроеніе сдѣлало значительные успѣхи, а употребленіе монеты, появившейся впервые въ VII столѣтіи въ Лидіи, облегчило международныя сношенія, развилась торговля, которая, въ свою очередь, вызвала развитіе промышленности. И хотя наиболѣе дальновидные аристократы перестали пренебрегать (какъ показываетъ примѣръ Солона) новымъ способомъ обогащенія, тѣмъ не менѣе, большинство изъ нихъ оставалось аграріями: такимъ образомъ, съ развитіемъ новаго денежнаго хозяйства, цѣнность доходовъ, получаемыхъ ими только съ имѣній, неизбѣжно должна была уменьшиться.

Съ расцвѣтомъ торговли находится въ связи послѣдній важный періодъ греческой колонизаціи: это — великая міровая колонизація VII и VIII столѣтій. Вопросъ о томъ, была ли она только послѣдствіемъ, или же скорѣе причиной расцвѣта торговли, является вопросомъ неразрѣшимымъ и въ сущности празднымъ. Конечно, часто внутренніе раздоры и избытокъ народонаселенія представляли поводъ къ выселенію; но фактъ тотъ, что какъ-разъ въ это время колонизація исходила отъ немногихъ значительныхъ пунктовъ съ преимущественно торговымъ значеніемъ. Колонизаціи.

Къ сѣверу отъ Эгейскаго моря, по берегамъ Ѳракіи и Македоніи, отличавшимся богатствомъ строевого лѣса и благородныхъ металловъ, разселились жители Евбеи, эретрійцы и, главнымъ образомъ, халкидцы, давшіе свое имя сильно и своеобразно расчлененному полуострову Халкидикѣ съ его богатымъ вѣнцомъ городовъ. Коринѳъ также какъ бы повторилъ себя здѣсь въ меньшемъ масштабѣ въ видѣ прилегающей къ двумъ морямъ Потидеи. Кромѣ того, Паросъ выдѣлилъ колонію на Ѳасосъ, а острова, находящіеся около береговъ Малой Азіи, населили выходцами нѣкоторые города, какъ Маронея, Самоѳрака и Энъ. Но морскіе пути, которые вели черезъ Геллеспонтъ, Мраморное море и Черное (получившее теперь названіе „гостепріимнаго“), вплоть до неизсякаемой житницы—южной Россіи, заселили, главнымъ образомъ, милетцы и притомъ такимъ множествомъ цвѣтущихъ колоній, какому нѣтъ примѣра въ исторіи: достаточно сказать, что на одномъ

62. ДРЕВНЕЕ, БЫТЬ-МОЖЕТЪ, ПАРОДИРУЮЩЕЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ТОРГОВЛИ СИЛЬФІЕМЪ ВЪ КИРЕНѢ НА ВАЗѢ.
Mon. d. Inst. I.

Киренскій царь Аркесилай въ странномъ нарядѣ смотритъ за развѣсомъ и упаковкой сильфія. Внизу складъ, охраняемый стражемъ.

только Черномъ морѣ насчитывали 90 милетскихъ колоній. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ стали, въ свою очередь, новыми значительными центрами для распространенія колонизаціи, такъ, напр., Кизикъ на Мраморномъ морѣ и Синопъ на Черномъ. Кромѣ Милета, слѣдуетъ назвать еще маленькое, но энергичное дорійское государство Мегару, колонисты котораго въ этихъ странахъ стали твердой ногою особенно у Босфора и основали тамъ Калхедонъ, а напротивъ него знаменитую впослѣдствіи Византію.

Подобно сѣверу, и югъ сталъ областью милетской колонизаціи. Подъ покровительствомъ царя Псамметиха греки могли даже, съ этимъ дѣятельнымъ торговымъ народцемъ во главѣ, проникнуть въ замкнутый Египетъ, гдѣ они прежде всего основали городъ Навкратиду, древніе остатки которой недавно были изслѣдованы. Съ другой стороны, сосѣднее съ Египтомъ ливійское плоскогоріе Барка было заселено колонистами съ одинокаго острова Ѳеры, и здѣсь, подъ управленіемъ царей, развилась своеобразная, наполовину экзотическая культура, обязанная своимъ расцвѣтомъ весьма распространенной торговлѣ неизвѣстнымъ намъ растеніемъ сильфіемъ (рис. 62).

Колонизаціонное стремленіе грековъ проявилось въ такой же мѣрѣ и въ западномъ направленіи, исходя, главнымъ образомъ, изъ уже названныхъ главныхъ центровъ—Халкиды, Коринѳа и Мегары. Изъ цвѣтущихъ городовъ Сициліи получили особенное значеніе Сиракузы, основанныя Коринѳомъ; на ряду съ ними—„другое око Сициліи“, Акрагантъ, населенный колонистами изъ сицилійской Гелы, которая, въ свою очередь, была колоніей Родоса и Крита.

Южная Италія служитъ примѣромъ того, что рядомъ съ торговыми интересами, несомнѣнно, имѣли значеніе и тѣ точки зрѣнія, которыя руководили переселенцами при болѣе раннихъ колонизаціяхъ. Тамъ ахейцы, оттѣсненные-было къ сѣверному Пелопоннесу переселеніемъ ранняго средневѣковья, основали впервые свои многочисленные города въ видѣ земледѣльческихъ колоній и подчинили себѣ затѣмъ всю территорію въ большей степени, чѣмъ другіе греческіе колонисты. Уже начиная съ пятаго вѣка, стали называть эти ахейскія колоніи именемъ Великой Эллады. На ряду съ земледѣліемъ здѣсь процвѣтала и торговля, что мы видимъ на примѣрѣ блестящаго западнаго культурнаго центра, Сибариса, важное значеніе котораго навѣрное еще обнаружатъ раскопки. Достаточно припомнить, что кротонцы, разрушившіе его въ концѣ разсматриваемаго нами періода, могли его уничтожить только тѣмъ, что провели черезъ него воды Кратиса, занесшія его пескомъ. Съ другой стороны, является совершенно единичнымъ фактомъ то, что и Спарта, вслѣдствіе политическихъ смутъ, приняла участіе въ колонизаціи и основала Тарентъ, городъ, который былъ призванъ впослѣдствіи занять въ южной Италіи первое мѣсто.

Наиболѣе выдвинувшіеся на западъ посты греческой цивилизаціи, которые, какъ таковые, должны были получить особенное значеніе для общаго развитія европейской культуры, были Кумы, метрополія основаннаго вблизи нихъ Неаполя, и Массалія: первый былъ призванъ быть посредникомъ при передачѣ греческой торговли и греческой культуры племенамъ Италіи, второй же нашелъ свою задачу въ распространеніи торговыхъ сношеній эллиновъ на сѣверъ Европы.

Дѣйствіе этой могучей греческой колонизаціи сказалось, главнымъ образомъ, въ вытѣсненіи финикіянъ со Средиземнаго моря; какъ въ Сициліи они были ограничены западною частью острова, страною вокругъ Панорма (нынѣ Палермо), такъ и вообще греческая торговля стала постепенно вытѣснять финикійскую повсюду изъ Средиземнаго моря. Не одинъ только греческій духъ распространяется теперь по вселенной: греческая цивилизація является отнынѣ передатчицей всякой другой культуры для человѣчества. На первое время колоніи чудеснымъ образомъ даже опережаютъ свои метрополіи; въ нихъ долго лежитъ центръ тяжести греческаго культурнаго развитія.

Хотя въ силу естественныхъ условій, какъ это намъ нерѣдко подтверждаютъ и свидѣтельства, эти новыя общины (которыя вездѣ очень короткое время зависѣли отъ основавшихъ ихъ городовъ и скоро оставались связанными со старой родиной только чувствомъ благочестія) заводили на первыхъ порахъ у себя господство аристократіи,—тѣмъ не менѣе, колонизація сама по себѣ всегда способствовала распространенію демократическихъ идей, независимо отъ того, что вездѣ въ старыхъ и новыхъ общинахъ расцвѣтавшая торговля угрожала положенію аристократіи.

Начала демократіи.

Этотъ важнѣйшій процессъ политическаго развитія, совершившійся въ эллинскомъ мірѣ,—появленіе демократіи,—становится сорершенно понятнымъ, если мы представимъ себѣ составъ греческой общины.

При этомъ слѣдуетъ различать развитіе по національнымъ племенамъ и по соціальнымъ сословіямъ, причемъ, правда, не исключается и взаимное соприкосновеніе обоихъ этихъ явленій; также необходимо принять во вниманіе, что иногда воля законодателя замѣняетъ старыя формы новыми.

Классы населенія.

Прежде всего насъ поражаетъ то, что во многихъ греческихъ государствахъ, и даже въ наиболѣе значительныхъ, народъ дѣлится не на два естественныхъ класса, свободныхъ и несвободныхъ, но что между ними выдвигается группа такихъ людей, которые, не будучи лишены личной свободы, все-таки не имѣютъ правъ полноправныхъ гражданъ или пользуются ими въ ограниченной степени. Такое промежуточное сословіе можетъ возникнуть различно, какъ по своей сущности, такъ и по времени своего появленія.

Оба главныя государства, Спарта и Аѳины, представляютъ яркіе примѣры обѣихъ главныхъ возможныхъ формъ. Въ Спартѣ древне ахейское населеніе, насколько оно не было обращено побѣдителями въ рабовъ, обратилось въ періэковъ („окрестныхъ жителей“), которые были обязаны служить въ войскѣ и, не имѣя политическихъ правъ и будучи ограниченны въ имуществѣ и правахъ пріобрѣтенія, занимались не только сельскимъ хозяйствомъ, но могли себя посвящать и выгодной торговлѣ или доходной промышленности, особенно обработкѣ желѣза. То же было

въ Аргосѣ, а вѣроятно и въ Θессаліи. Въ Аѳинахъ же мы встрѣчаемъ въ роли промежуточнаго сословія метэковъ („сожителей“ города), которые поселялись въ городѣ, чтобы вести торговлю, и платили подать за защиту, которую имъ оказывало государство.

Раздѣленіе гражданъ.

Разсмотримъ теперь раздѣленіе собственно гражданъ. Какъ ни кажется естественнымъ, что и у грековъ, какъ у всѣхъ индо-европейцевъ, государство основывалось на семьѣ,—все же семейное начало въ дѣлѣ образованія государства у нихъ часто мало замѣтно. Важнѣйшею частью народа является колѣно или фила. Нерѣдко эти филы совпадали съ политическими сословіями, не имѣя одинаковыхъ правъ; потому-то ихъ происхожденіе можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что завоеватели, проникая въ страну, хотя и не уничтожали вполнѣ гражданской самостоятельности побѣжденныхъ, но, по крайней мѣрѣ, ее ограничивали. Потому-то многоизслѣдованный вопросъ о томъ, существовали ли искони отдѣльныя части греческой общины, изъ которыхъ затѣмъ выросла совокупная община, или же эта послѣдняя впослѣдствіи раздѣлилась на части,—слѣдуетъ рѣшать особо для каждаго отдѣльнаго случая. Вообще ясно, что у народовъ, которые укрѣпились на мѣстахъ въ силу переселенія,—а таковы почти всѣ наиболѣе значительныя греческія племена, за исключеніемъ издревле осѣдлыхъ аѳинянъ,—совокупность народа лишь со временемъ образовалась отъ слiянія отдѣльныхъ племенъ. Этотъ родъ возникновенія государства подтверждается позднѣйшими политическими процессами, когда, вслѣдствіе присоединенія новыхъ филъ, община еще болѣе расширяется. Такъ возникла въ Сикіонѣ и Аргосѣ рядомъ съ тремя дорическими филами—гиллейцами, диманцами и памфилійцами—четвертая, очевидно, ахейская, составившаяся изъ древняго населенія страны. Но чтобы и въ Аттикѣ считавшіяся исконными четыре іонійскія филы—гелеонтовъ („блистающихъ“), гоплетовъ („вооруженныхъ“), аргадеевъ („работниковъ“) и эгикорейцевъ („козьихъ пастуховъ“)—были первобытными ячейками, и чтобы изъ слiянія ихъ возникло главное племя іонійцевъ,—это едва ли можно считать вѣроятнымъ, принимая во вниманіе хотя бы то, что имена этихъ филъ указываютъ по большей части на занятія жителей. Очевидно, что только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ общинами, выросшими изъ слiянія различныхъ племенныхъ единицъ; гораздо чаще въ раздѣленіи народа сказывается самостоятельный и сознательный актъ, а это—явленіе, имѣющее величайшее значеніе для сужденія о духѣ греческаго народа, и въ дальнѣйшемъ развитіи котораго могла обнаруживаться впослѣдствіи государственная мудрость великихъ реформаторовъ. Руководящая точка зрѣнія для такого произвольнаго раздѣленія бываетъ обыкновенно чисто-мѣстная. Такимъ образомъ объясняются многія явленія. Такъ, въ Спартѣ, рядомъ съ дорическими племенными филами, было

еще подраздѣленіе на пять мѣстныхъ округовъ. Такъ, въ Теосѣ въ Малой Азіи народъ былъ подраздѣленъ по башнямъ, т.-е. по частямъ города, изъ которыхъ каждая примыкала къ одной изъ башенъ городской стѣны.

Соотвѣтственно обоимъ родамъ филъ, родовымъ или мѣстнымъ, и дальнѣйшее раздѣленіе греческаго населенія могло быть двоякимъ: были какъ родовыя подраздѣленія—фратріи (братства), роды и дома,—такъ и мѣстныя—демы (округа) и комы (села).

При этомъ естественно, что въ древнѣйшія времена члены родовой филы жили вмѣстѣ, и что, съ другой стороны, даже въ мѣстныхъ филахъ отдѣльное лицо могло отлучаться изъ мѣстопребыванія филы, не теряя права на принадлежность къ этой послѣдней.

Если исходить изъ этого факта, что нѣкоторыя фратріи (и въ Аттикѣ и въ другихъ странахъ) называются по имени знатныхъ родовъ, то представится вѣроятнымъ, что и вообще подраздѣленія филъ заимствуютъ свои имена у тѣхъ родовъ, которые въ нихъ преобладаютъ, а это, въ свою очередь, доказываетъ, что сословію благородныхъ было гарантировано первенствующее положеніе во всемъ актѣ дѣленія народа на классы.

Касты по роду занятій.

Раздѣленіе на племена осталось на все послѣдующее время основаніемъ народной организаціи, и потому, на ряду съ нимъ, касты (т.-е. раздѣленіе народа по роду занятій, какъ на востокѣ) не могли выработаться въ такой степени, чтобы получить значеніе для государства. Если въ Аѳинахъ и существовали рядомъ съ благородными (эвпатридами) мелкіе земледѣльцы (геоморы) и ремесленники (деміурги), то едва ли эти два низшіе класса населенія имѣли въ древнія времена политическое значеніе. Конечно, для развитія государства важно было и то, въ какомъ отношеніи къ сословію благородныхъ стояли, съ одной стороны, земледѣльцы, а съ другой стороны, торговцы и ремесленники: первые впадали все болѣе и болѣе въ гнетущую нужду и невыносимую зависимость отъ благородныхъ, вторые же сдѣлались ихъ опасными соперниками, такъ какъ ихъ благосостояніе быстро увеличивалось. Рано или поздно сословіе благородныхъ должно было считаться въ большей или меньшей степени съ обоими этими явленіями. Результатомъ этой борьбы въ большей части общинъ была демократія; при отсутствіи же вышеназванныхъ соціальныхъ условій, особенно же развитія торговли и промышленности, аристократическій режимъ могъ существовать и долѣе. Типическимъ и совершеннымъ примѣромъ перваго процесса являются Аѳины, о развитіи которыхъ мы только и имѣемъ подробныя свѣдѣнія; примѣромъ же другого, въ извѣстномъ смыслѣ,—Спарта.

Кодификація права.

Первой большой уступкой благороднаго сословія бываетъ обыкновенно кодификація права. Она часто совершается раньше, чѣмъ государство получаетъ опредѣленную форму, а иногда и одновременно съ

политическимъ устроеніемъ государства. Въ особенности въ седьмомъ столѣтіи, вплоть до начала шестого, появляются призванные довѣріемъ народа „эсимнеты“ или законодатели, которые представляютъ намъ въ плѣнительныхъ образахъ примѣры силы личности въ ранніе періоды греческой исторіи. Такъ, въ нижней Италіи у локрійцевъ появляется легендарная фигура Залевка, у кротонцевъ — Харонда; главнымъ же образомъ, сюда относится личность Дракона въ Аѳинахъ, жившаго въ послѣдней четверти VII столѣтія. Его законодательство, съ его типичною строгостью,—„законы, написанные кровью“,—ограничили, главнымъ образовъ, древнюю кровавую месть. Въ основу его законовъ, сюда относящихся, легло представленіе, что пролитіе крови не было только посягательствомъ на права одного лица или его родни и потому не искупалось выплаченной имъ вирой, но требовало прежде всего религіознаго очищенія. Потому-то предсѣдателемъ всѣхъ судовъ по убійствамъ былъ высшій сановникъ государства, носившій титулъ царя (basileus), которому было предоставлено навсегда наблюденіе за религіозными дѣлами. Характерно было учрежденіе древнѣйшаго судилища по убійствамъ въ древнемъ совѣтѣ благородныхъ, на холмѣ богини проклятія, отъ котораго оно и получило, вѣроятно, свое названіе „ареопага“ (отъ ara—„проклятіе“ и pagos—„холмъ“). Для облегченія его дѣятельности, уже Драконъ, повидимому, учредилъ дальнѣйшіе суды, гдѣ судили граждане, числомъ 51, не моложе 50 лѣтъ, такъ называемые „эфеты“; это было первое начало болѣе независимаго суда гражданъ. Гражданское судопроизводство оставалось въ рукахъ архонта, который, какъ старшій сановникъ въ государствѣ, оберегалъ семейное право, затѣмъ полемарха, который улаживалъ ссоры между гражданами и негражданами, и 6 ѳесмоѳетовъ („правоуложителей“), имѣвшихъ исключительно судебныя полномочія.

Драконъ.

Но и послѣ законодательства Дракона въ Аттикѣ оставалось еще совершить важнѣйшія для государства преобразованія, — пріурочивать къ самому Дракону основы демократической конституціи мы, несмотря на свидѣтельство Аристотеля, не имѣемъ права. По самому распространенному и правдоподобному предположенію, заслуга второго, важнѣйшаго шага на пути государственнаго преобразованія принадлежитъ Солону, самому геніальному среди его многочисленныхъ греческихъ собратій, который, будучи потомкомъ древняго царскаго рода и одновременно представителемъ торговаго сословія, былъ особенно призванъ рѣшить великую задачу примирительной формы правленія въ началѣ VI столѣтія (въ 594 году). Характерна въ ней соціально-политическая сторона. Прежде всего слѣдовало облегчить тяжесть долговъ мелкихъ земледѣльцевъ, часть которыхъ обратилась уже въ „шестидольниковъ“, т.-е. такихъ, которые могли сохранять для себя только одну шестую до-

Демократическія реформы.

Солонъ.

хода, отдавая остальное своимъ господамъ, и даже, если не могли платить, дѣлались вмѣстѣ со своими дѣтьми ихъ собственностью. Смѣлымъ учрежденіемъ „сисахтіи“, т.-е. „сверженія тяготъ“, Солонъ упразднилъ какъ существовавшія долговыя обязательства, такъ и рабство за долги, запретивъ послѣднее навсегда. Со справедливою гордостью могъ онъ прославлять это дѣло въ своихъ стихотвореніяхъ, описывая, какъ бремя крѣпостныхъ столбовъ исчезало съ „материнской груди родной земли“, какъ возвращалась свобода закрѣпощеннымъ, и какъ многіе, которые разучились даже звукамъ родного языка на чужбинѣ, получили возможность вернуться на родину. Одновременно было ограничено произвольное расширеніе поземельной собственности установленіемъ наивысшей мѣры для нея.

Какъ Солонъ помогъ сословію мелкихъ земледѣльцевъ учрежденіемъ сисахтіи, такъ онъ увеличилъ благосостояніе расцвѣтающаго уже средняго торговаго сословія введеніемъ, на мѣсто эгинской, новой еврейской системы монетъ, мѣръ и вѣса. Зато представляется сомнительнымъ, послужила ли тотчасъ на пользу также и этому сословію главная реформа Солона: впослѣдствіи она необходимо должна была уничтожить границу между сословіемъ благородныхъ и среднимъ сословіемъ. Дѣло въ томъ, что пользованіе политическими правами было связано съ цензомъ, который, впрочемъ, на первыхъ порахъ опредѣлялся доходами съ земли. Этотъ тимократическій принципъ, по которому податная сила каждаго отдѣльнаго лица опредѣляла его участіе въ правленіи, до того естественъ въ странахъ, гдѣ торговля и мореходство играютъ первенствующую роль, что трудно отказаться отъ представленія, что онъ появился прежде всего въ колоніяхъ, какъ и многія новшества того времени. Наиболѣе богатымъ людямъ, принадлежащимъ къ обоимъ высшимъ классамъ, „пентакосіомедимнамъ“ (т.-е. получающимъ пятьсотъ мѣръ зерна) и всадникамъ, Солонъ назначилъ конную службу и, можетъ быть, также и поставку кораблей для морской войны. Зато только они могли быть избираемы въ архонты и, косвенно, въ члены ареопага. Среднее сословіе, которое „парою воловъ“ обрабатывало свои поля („зевгиты“), поставляло главную массу тяжело-вооруженныхъ, которые теперь имѣли рѣшающее значеніе въ бою; они могли быть членами совѣта четырехсотъ, который былъ учрежденъ рядомъ съ ареопагомъ, т.-е. съ древнимъ совѣтомъ благородныхъ, а также занимать низшія должности. Низшій классъ поденщиковъ (ѳеты) обязанъ былъ военной службой лишь въ качествѣ легковооруженныхъ и имѣлъ право лишь на участіе въ народномъ собраніи и судѣ. Послѣдній представлялъ большой судъ присяжныхъ („геліею“), составленный изъ гражданъ-добровольцевъ, въ который можно было подавать апелляцію на приговоры архонтовъ. Выборы въ архонты происходили такимъ образомъ: каждая изъ

четырехъ филъ избирала десять кандидатовъ, и изъ выбранныхъ сорока человѣкъ по жребію выбирались девять архонтовъ.

Тиранія.

Если, такимъ образомъ, государственное устройство, данное Солономъ, и кажется еще сильно консервативнымъ, тѣмъ не менѣе, оно представляетъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго демократическаго развитія страны. Правда, за началомъ освободительнаго устройства государственной жизни часто слѣдуетъ знаменательная реакція; такъ случилось и въ Аѳинахъ. „Цезарическая" борьба за власть возвышаетъ нерѣдко сильныя личности до верхнихъ ступеней государства; это одно изъ самыхъ характерныхъ явленій позднѣйшаго греческаго средневѣковья. Это не должно насъ удивлять въ націи, которая—подобно современной странѣ цезаризма, Франціи—была такъ воспріимчива къ обаянію личности. Въ древности эти люди, сами достигавшіе власти, назывались **тиранами**; и, въ самомъ дѣлѣ, ихъ беззаконное правленіе, въ концѣ концовъ, по большей части вырождалось въ тиранію, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время. Въ Аѳинахъ эта неограниченная монархія основывается еще при жизни Солона (561 годъ) Писистратомъ, но еще до законодательства Дракона безуспѣшная попытка въ этомъ же родѣ была сдѣлана Килономъ. Уже въ VII вѣкѣ мы видимъ такое же явленіе въ Сикіонѣ, въ городахъ малоазійской Іоніи, въ Коринѳѣ и Мегарѣ. Одновременно съ Аѳинами, тиранія возникла въ сицилійскомъ Акрагантѣ, а въ Сиракузахъ—только къ началу расцвѣта греческой культуры.

Почвой, производящей тиранію, бываетъ обыкновенно олигархія. Тираномъ дѣлается иногда временный устроитель правового порядка, эсимнетъ, котораго правящее сословіе благородныхъ принуждено бываетъ призвать къ дѣятельности. Не у каждаго изъ этихъ людей, чувствовавшихъ себя во всеоружіи могущества, бывало столько нравственной силы, какъ у Солона, который, послѣ свершенія великаго дѣла спокойно удалился, „не снявъ сливокъ въ свою пользу", какъ онъ самъ могъ сказать про себя. Но столь же часто въ роли тирана являлся заступникъ и представитель народнаго большинства. Въ древнѣйшія времена это былъ, по большей части, аристократъ, привлекавшій къ себѣ вниманіе народа. Часто тирана возвышаютъ заслуги, состоящія въ защитѣ притѣсняемыхъ, будь это порабощенныя народныя племена, какъ въ Сикіонѣ, или соціальные слои населенія, какъ тѣ жители горъ („діакрійцы"), которые выбрали Писистрата вождемъ въ борьбѣ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ („педіейцевъ"), между тѣмъ какъ средняя партія, представлявшая населеніе береговъ и занимавшаяся торговлей и мореплаваніемъ („паралійцы"), заняла выжидательное положеніе. Есть, однако, общее явленіе, которое мы могли бы наблюдать и теперь, если бы была побѣждена такъ называемая олигархія нашего времени, „буржуазія": освободители народа не могутъ удержаться въ

качествѣ вождей, не дѣлаясь, въ свою очередь, самыми рѣшительными притѣснителями. Потому-то уже среди этихъ древнѣйшихъ тирановъ, но, конечно, гораздо болѣе среди тирановъ слѣдующей эпохи мы видимъ тѣхъ убійцъ всякой гражданской свободы, которые заклеймили самое слово „тиранъ“ на всѣ времена. При этомъ бываетъ естественнымъ явленіемъ, что сынъ тирана—обыкновенно хуже отца; ему повинуются уже не такъ охотно, какъ нѣкогда отцу, освободителю отъ ярма аристократическаго владычества, и именно въ немъ выступаетъ особенно явственно дурная сторона тираніи. Если принять во вниманіе, кромѣ того, незначительную величину области, находившейся во власти тирана, которой не соотвѣтствовала пышность его дома, а также отсутствіе закона о престолонаслѣдіи, то становится понятнымъ, почему эти тираніи такъ же скоро вырождались и падали, какъ династіи итальянскихъ городовъ XIV и XV столѣтій. Только древнѣйшая, утвердившаяся еще въ VII вѣкѣ тиранія Орѳагоридовъ въ Сикіонѣ просуществовала около 100 лѣтъ. Кипселиды въ Коринѳѣ правили 73 года, писистратиды въ Аѳинахъ съ перерывами—50 лѣтъ, сицилійскіе тираны Гелы и Сиракузъ—только 18 лѣтъ.

Но какъ ни было коротко существованіе этихъ династій, тѣмъ не менѣе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что онѣ, какъ и вообще цезаризмъ всѣхъ вѣковъ, самымъ значительнымъ образомъ содѣйствовали развитію культуры. Въ международныхъ дѣлахъ такіе люди, какъ Періандръ, Поликратъ и Писистратъ, съ помощью своихъ дипломатическихъ отношеній, преслѣдовали гораздо болѣе дальновидную политику, чѣмъ городскія общины позднѣйшаго демократическаго времени. Такимъ образомъ могла бы создаться такая міровая политика, при которой и колоніи сыграли бы значительную роль, что и составляло цѣль стремленій Писистрата. Внутри государства важнѣйшею заботою тирана было прежде всего покровительство земледѣлію. Писистратъ заботился о надѣленіи землей обѣднѣвшихъ крестьянъ, исправлялъ дороги, даже ходилъ самъ, инкогнито, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ, по деревнямъ и поощрялъ усердныхъ земледѣльцевъ. Конечно, эту заботливость о сельскомъ хозяйствѣ можно объяснить и иначе: очень вѣроятно, что тираны, принимая такія мѣры, руководились, главнымъ образомъ, желаніемъ задержать развитіе большихъ городовъ. Сюда относится также то, что Періандръ коринѳскій хотѣлъ запретить торговцамъ своего города имѣть рабовъ, думая этимъ заставить ихъ самихъ работать; сюда же и его запрещеніе гражданамъ праздно стоять на рынкѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться еще на двухъ новыхъ явленіяхъ тогдашней культуры. Очень темной стороной тираніи представляется намъ то, что она вызвала впервые гнусныя дѣянія тайной полиціи, подавлявшей свободное выраженіе мнѣній гражданина. Съ другой стороны, тѣлохранители

тирана не всегда были похожи на тѣхъ, которыхъ завелъ Аристодемъ куманскій, т.-е., на дикую орду невольниковъ, убившихъ своего господина, и варваровъ; они могли также быть организованными отрядами чужестранцевъ, вооруженными копьями и булавами, и въ качествѣ таковыхъ были предвѣстниками наемныхъ войскъ позднѣйшей эпохи. Въ нихъ военное сословіе является у грековъ впервые внѣ связи съ государственною общиною.

Но сколько бы ни представляла тиранія важныхъ зародышей государственнаго развитія, въ общемъ, все-таки, появленіе ея, вслѣдствіе ея короткаго существованія, имѣло для государства значеніе только освѣжающей воздухъ грозы. Выродившееся владычество аристократіи, которое обыкновенно непосредственно, или въ своихъ пережиткахъ, предшествовало тираніи, было ею уничтожено, и были пріобрѣтены новыя силы для государства, благодаря возвышенію низшаго сословія. Помимо того, важна и отрицательная сторона тираніи: паденіе ея имѣло то значеніе, что оно вызвало важныя перемѣны въ общемъ порядкѣ вещей, главнымъ же образомъ, было причиной дальнѣйшей организаціи демократіи. Самое же продолжительное вліяніе тиранія имѣла на духовную сторону культуры, что и докажетъ развитіе изобразительныхъ искусствъ и поэзіи въ теченіе этого періода.

Если, такимъ образомъ, въ греческихъ общинахъ, и главнымъ образомъ, въ Аѳинахъ мы видимъ аристократію все болѣе и болѣе оттѣсненною на задній планъ, а демократію все болѣе и болѣе укрѣпляющеюся, несмотря на многіе перерывы въ ея развитіи, вызванные господствомъ тирановъ, — въ одномъ государствѣ не было только-что изложенныхъ первоначальныхъ условій такого развитія, и мы видимъ, какъ оно коснѣетъ на аристократическо-консервативномъ основаніи, заложенномъ еще во время греческаго средневѣковья: это государство — антиподъ аѳинскаго — Спарта. Спарта.

Устройство спартанскаго государства связано съ именемъ Ликурга, котораго, уже по одной аналогіи съ другими благородными эсимнетами, мы не можемъ считать миѳическимъ лицомъ, олицетвореніемъ принципа. Ликургъ жилъ, по общепринятому мнѣнію, во второй половинѣ IX столѣтія; его жизнь, слѣдовательно, относится къ раннему средневѣковью. Но данное имъ характерное устройство претерпѣло уже въ древнѣйшія времена много измѣненій, отдѣльныхъ фазисовъ которыхъ мы не можемъ подробно прослѣдить; самое значительное изъ нихъ относится ко временамъ мудреца Хилона, жившаго въ началѣ VI столѣтія. Потому-то мы и займемся теперь разсмотрѣніемъ спартанской конституціи.

Народонаселеніе Лаконіи распадается, согласно устройству, данному ей Ликургомъ, на три класса: господствующій классъ, спар- Классы населенія.

тіатовъ, потомковъ завоевателей-дорійцевъ; свободныхъ, но политически безправныхъ періэковъ, потомковъ древняго, чуждаго спартіатамъ по племени ахейскаго населенія; и, наконецъ, покоренныхъ побѣдителями, закрѣпощенныхъ илотовъ, считающихся наслѣдственными рабами всего

Спартіаты. государства, которое и отдаетъ ихъ спартіатамъ, для использованія ихъ труда. Въ этомъ строго неизмѣнномъ отдѣленіи маленькой горсти повелителей отъ подчиненныхъ аристократическій моментъ выступаетъ тѣмъ сильнѣе, что спартіаты заставляли своихъ крѣпостныхъ обрабатывать свои земельные участки. Но совершенно одинаково во всей исторіи человѣчества стоитъ тотъ фактъ, что именно въ этомъ аристократическомъ сословіи повелителей идея гражданственности возвысилась до совершеннаго подавленія личности въ пользу государства. Путемъ же къ этой цѣли служилъ старинный, искусственно поддерживаемый коммунизмъ, который принуждалъ отдѣльную личность отказываться отъ своего права по своему устраивать ежедневную жизнь въ пользу общества. При этомъ не слѣдуетъ забывать о томъ, что этотъ античный соціализмъ существенно отличался отъ всѣхъ подобныхъ новѣйшихъ стремленій тѣмъ, что преслѣдовалъ простую, ясную цѣль идеальнаго порядка—воспитаніе полноправныхъ гражданъ для одного только призванія, военной службы; такимъ образомъ, государственное устройство Спарты было только военнымъ устройствомъ, но какъ таковое оно по послѣдовательности не имѣетъ себѣ равнаго. Конечно, первоначально установленное Ликургомъ полное равенство собственности не могло быть продолжительнымъ даже среди небольшого числа спартіатовъ: скоро и среди нихъ появились богатые и бѣдные. Зато наступило такое однообразіе жизни, что собственность не могла болѣе никому приносить пользы. Это низведеніе значенія собственности нашло себѣ самое своеобразное выраженіе въ постановленіи, чтобы во всей странѣ употреблялись только желѣзныя деньги; этимъ были прерваны всякія торговыя сношенія съ другими государствами, и земледѣлію было обезпечено надолго его значеніе главной опоры народнаго хозяйства.

Воспитаніе. Средствомъ, которымъ достигался идеалъ спартанскаго государства, было воспитаніе, и опять-таки нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, где бы воспитаніе юношества до такой степени было сдѣлано необходимымъ и основнымъ условіемъ его существованія, какъ тамъ. Только до 7 лѣтъ крѣпкій мальчикъ — слабыя дѣти были при рожденіи устраняемы — росъ въ отеческомъ домѣ; послѣ 7 лѣтъ онъ выросталъ среди сверстниковъ въ правильно организованныхъ отрядахъ или ротахъ, подъ надзоромъ государства, которое воспитывало изъ него воина. Дружеское отношеніе мальчиковъ къ молодымъ людямъ отъ 20 до 30 лѣтъ, поставленнымъ во главѣ отдѣленій, поощрялось государствомъ, а эти дружескіе союзы между старшими и младшими, какъ это бываетъ и въ

новѣйшихъ интернатахъ, представляли важный моментъ въ воспитаніи. Тѣлесная сила и ловкость, также какъ душевная бодрость, которая у воина часто проявляется въ хитрости и въ лукавствѣ, были единственною цѣлью этого воинственнаго воспитанія. Занимались, главнымъ образомъ, тѣлесными упражненіями и то только тѣми, которыя служили главной цѣли: придавали больше значенія гимнастикѣ, чѣмъ спорту, и потому спартанцы, какъ это видно по записямъ, очень рѣдко оказывались побѣдителями на олимпійскихъ играхъ, ввѣренныхъ ихъ надзору. Музыка и стихосложеніе допускались преимущественно постольку, поскольку они могли служить къ оживленію воинственнаго духа; въ особенности любили лирическіе хоры, въ видѣ маршевыхъ или боевыхъ пѣсенъ. Уваженіе къ старшимъ, неограниченное повиновеніе государству и его законамъ, спокойное перенесеніе всякой боли, строгая опредѣленность въ поведеніи и особенно въ употребленіи рѣчи („лаконизмъ“), — вотъ извѣстныя всему міру добродѣтели спартанца. Типичнымъ для обязательнаго тамъ подчиненія является ежегодно издававшійся приказъ эфоровъ: „стричь себѣ усы и повиноваться законамъ“; типичны также, какъ картины строгаго воспитанія, извѣстные разсказы о бичеваніи мальчиковъ въ храмѣ Артемиды - Орѳіи, которымъ ихъ пріучали къ молчаливому перенесенію боли, а также жесткое ложе на тростникѣ Эврота, который они на каждую ночь должны были сами себѣ собирать.

63. Состязающаяся въ бѣгѣ.
Статуя въ Ватиканѣ. Съ фотографіи.

Женщины.

Спарта—единственная страна древняго міра, гдѣ была приведена въ исполненіе мысль давать женщинамъ одинаковое съ мужчинами, хотя и очень простое, воспитаніе. Гимнастическія упражненія, для которыхъ женщины, вопреки обычаю прочихъ эллиновъ, выходили изъ полумрака своихъ жилищъ (рис. 63), развивали и въ спартанкѣ то же достоинство осанки, то же умѣніе себя держать, ту же способность къ перенесенію

напряженія и боли, а также, и это главное, то тѣлесное здоровье, силу и красоту, которыя еще въ древнія времена возвышали ее надъ всѣми ея греческими сестрами и дѣлали ее способной быть матерью сильныхъ сыновей. Это собственно и было единственною цѣлью всего воспитанія женщинъ. Но странными должны намъ казаться нѣкоторыя постановленія, которыя имѣли въ виду прямо-таки біологическій подборъ; напр.: преміи за дѣторожденіе, штрафованіе безбрачныхъ, и даже, въ исключительныхъ случаяхъ, допущеніе женатыми чужихъ мужчинъ къ собственнымъ женамъ.

Фидитіи. Когда спартанецъ достигалъ двадцатилѣтняго возраста, онъ еще болѣе начиналъ принадлежать обществу, какъ членъ товарищества, состоявшаго изъ 15 человѣкъ. Въ домѣ чувствовали себя вполнѣ дома только жены и матери. За общими трапезами, „фидитіями“, для которыхъ они должны были дѣлать ежемѣсячные взносы, состоявшіе изъ ячменной муки, вина, сыра, смоквъ и небольшой суммы денегъ,— они ежедневно ѣли вмѣстѣ, когда бывали въ городѣ; поступая иначе, они отказывались отъ своихъ политическихъ правъ и изъ „равныхъ“ дѣлались „полуправными“. Эти обязательныя трапезы такъ вошли въ обыкновеніе у спартіатовъ, что они являлись въ Спарту на ужинъ даже тогда, когда это не было обязательно,—напр., когда они въ теченіе дня охотились въ горахъ. Хотя ихъ главное блюдо, знаменитая черная похлебка (которая приготовлялась изъ вареннаго въ крови свиного мяса, только немного приправленнаго уксусомъ и солью), было очень просто, все-таки оно считалось настолько здоровымъ и питательнымъ, что приготовлялось для гастрономовъ даже въ Аѳинахъ; во всякомъ случаѣ, эта похлебка была гораздо лучше той жалкой пищи, которой должно было часто довольствоваться большинство бѣднаго населенія Аѳинъ. Потребленіе вина, правда, было ограничено, и пьянство считалось порокомъ, свойственнымъ только рабамъ.

Война. Такъ-то спартіаты и въ мирное время жили всѣ вмѣстѣ, какъ современные офицеры въ своемъ казино; потому-то еще Исократъ имѣлъ право назвать ихъ государство съ его четырьмя кварталами „государствомъ-станомъ“. Недаромъ Спарта была единственнымъ эллинскимъ городомъ безъ стѣнъ. Если миръ считался только приготовленіемъ къ войнѣ, то война была настоящимъ праздникомъ для спартіата, когда онъ въ пурпурной военной одеждѣ, съ увѣнчанной и умащенной головой, подъ звуки военной музыки, выступалъ на поле сраженія. Вотъ почему Ксенофонтъ называетъ всѣхъ остальныхъ грековъ профанами, а спартанцевъ художниками въ военномъ дѣлѣ.

За постоянное подчиненіе закону общественности спартіатъ, въ своемъ аристократическомъ высокомѣріи, вознаграждалъ себя тѣмъ большимъ самовластіемъ по отношенію къ подчиненнымъ ему людямъ. Наи-

болѣе сносное существованіе выпадало еще на долю періэковъ, Періэки. которые не только имѣли умѣренный заработокъ въ торговлѣ и промышленности, но даже при случаѣ могли быть производимы въ офицеры. Но чтобы спартіатъ могъ осуществлять аристократическій идеалъ „обилія досуга", на его земельномъ участкѣ должны были работать илоты; они были прикрѣпленные къ землѣ подневольные люди, кото- Илоты. рыхъ нельзя было продавать. Ихъ надлежало держать въ повиновеніи самымъ строгимъ обращеніемъ: одного подозрѣнія было достаточно, чтобы объявить ихъ внѣ закона. Самымъ же отвратительнымъ вырожденіемъ этого безправія была „криптея", охота, устраивавшаяся знатною молодежью на казавшихся почему-либо опасными и подозрительными илотовъ. Послѣдующее время показываетъ намъ, однако, какъ болѣе гуманный духъ развивающейся культуры привелъ къ смягченію нравовъ даже относительно положенія крѣпостныхъ; это выразилось, главнымъ образомъ, въ институтѣ полуправныхъ гражданъ, такъ называемыхъ моѳаковъ, и отпущенныхъ на волю илотовъ, такъ называемыхъ неодамодовъ.

Въ политической организаціи этой аристократіи не сразу представляется ясная картина владычества знати. Его принципу, положимъ, мало противорѣчитъ то, что во главѣ государства, съ самаго начала, стояли два царя, соотвѣтственно двумъ царскимъ домамъ—агіадовъ Цари. и эврипонтидовъ. Вѣроятно, уже это двойное число ослабляло ихъ вліяніе, и рѣдко устанавливалось между ними полное согласіе, которое дѣлало бы для нихъ возможной какую-нибудь иниціативу; но и помимо того они постепенно обратились въ чисто-номинальныхъ царей безъ всякаго значенія. Отъ тройной власти, которой облеченъ индо-европейскій царь, какъ верховный жрецъ, судья и полководецъ, одна часть отпадала за другой. Какъ верховный жрецъ, спартанскій царь сохранилъ заботу о государственныхъ жертвоприношеніяхъ въ мирное и военное время, такъ же какъ и важныя сообщенія съ Дельфами, производившіяся черезъ особенныхъ пословъ, такъ называемыхъ пиѳійцевъ. Изъ судебной власти у него осталось только разрѣшеніе вопросовъ семейнаго и наслѣдственнаго права, главнымъ образомъ, касавшихся выдачи замужъ дочерей-наслѣдницъ и усыновленія. Право объявленія войны цари потеряли, такъ какъ оно перешло къ народному собранію; съ началомъ новаго періода греческой исторіи (съ 506 г. до Р. Хр.) въ поле выступалъ только одинъ царь, который, несмотря на неограниченную власть, принадлежавшую ему какъ полководцу, былъ постоянно контролируемъ двумя сопровождавшими его эфорами (см. ниже). Въ концѣ концовъ, они пользовались больше почестями, чѣмъ правами. Доходы съ царскихъ удѣловъ, третья часть военной добычи, участіе въ раздѣлѣ жертвенныхъ животныхъ, двойныя порціи при общественныхъ трапезахъ, все это принадлежало имъ: даже отъ каждаго свиного помета они имѣли право на одного

поросенка. Самыя же внушительныя почести заключались, что весьма характерно, въ погребеніи, отличавшемся почти восточною пышностью; кромѣ того, умершіе цари почитались какъ „герои“.

Въ остальномъ организація государственной власти не отступала отъ обычнаго типа греческаго свободнаго государства: были засѣданія совѣта и верховное народное собраніе; заключенія послѣдняго имѣли силу закона.

Герусія. Совѣтъ старѣйшинъ, герусія, состоялъ изъ 28 членовъ старше 60 лѣтъ, уже неспособныхъ къ военной службѣ. Этотъ совѣтъ избирался путемъ аккламаціи, о силѣ которой должны были судить нѣсколько запертыхъ въ зданіи людей. Задачей совѣта старѣйшинъ и въ Спартѣ, какъ въ Аѳинахъ, было предварительное обсужденіе предлагаемыхъ мѣръ; но, по большей части, его дѣятельность ограничивалась уголовнымъ судопроизводствомъ. Вѣроятно, только въ видѣ исключенія онъ могъ, по соглашенію съ царями, отмѣнить „кривое“ постановленіе народнаго собранія.

Народное собраніе. Народное собраніе, т.-е. собраніе всѣхъ спартанцевъ старше 30 лѣтъ, не потерявшихъ своего права гражданства, могло, по закону, по военному, т.-е. аккламаціею, рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, о внѣшней политикѣ, споры о престолонаслѣдіи и дѣла о выборахъ; но право говорить было ограничено и принадлежало только царямъ, геронтамъ и эфорамъ; лишь въ видѣ исключенія, тому или другому гражданину давалось на это разрѣшеніе. И въ другихъ отношеніяхъ нельзя сравнить значеніе этого собранія съ рѣшающимъ значеніемъ экклесіи въ демократическихъ государствахъ.

Эфоры. Такимъ образомъ, всѣ органы власти въ спартанскомъ государствѣ представляются намъ значительно ограниченными въ своихъ правахъ; въ противовѣсъ имъ, своеобразный принципъ политическаго контроля, безъ котораго древнія республики не могли существовать, способствовалъ также и въ Спартѣ образованію контрольнаго органа, который, какъ это и понятно въ аристократическомъ государствѣ, мало-по-малу, достигъ почти неограниченной силы. Это была коллегія пяти эфоровъ, учрежденная, быть-можетъ, лишь въ царствованіе царя Ѳеопампа (754 г. до Р. Хр.); первоначально эфоры назначались царями, но съ начала VI столѣтія избирались ежегодно народомъ изъ всѣхъ спартіатовъ. Въ ихъ руки перешло постепенно все гражданское судопроизводство и управленіе финансами; но даже предводительства на войнѣ и предсѣдательства въ народной общинѣ цари не могли сохранить безъ ограниченія. Они объявляли мобилизацію; двое изъ нихъ сопровождали царя на войну, имъ же были поручены сношенія съ иностранными государствами. Для этихъ сношеній употреблялись также депеши, написанныя на лентахъ, навернутыхъ на ихъ своеобразные

жезлы (такъ наз. скиталы), такъ что читать ихъ могли только лица, обладавшiя такими же жезлами, т.-е. цари и полководцы; для нихъ эти депеши были обязательнымъ руководствомъ. Они же предсѣдательствовали въ герусiи и въ народномъ собранiи, могли отставлять должностныхъ лицъ въ теченiе ихъ служебнаго года, высылать подозрительныхъ чужестранцевъ безъ дальнѣйшихъ околичностей и имѣли даже верховный надзоръ надъ всѣми жителями страны; этотъ надзоръ былъ гораздо дѣйствительнѣе римской цензуры, которая учреждалась только на время. Замѣчательно то, какъ опредѣлились отношенiя эфоровъ къ царямъ. Ежемѣсячно цари должны были присягать конституцiи въ присутствiи эфоровъ, которые, въ свою очередь, присягали въ вѣрности царямъ подъ условiемъ, чтобы эти послѣднiе соблюли вѣрность конституцiи. Внѣшнимъ образомъ важное значенiе эфоровъ выражалось въ томъ, что они одни изъ всѣхъ спартiатовъ не вставали при царѣ.

Хотя эфоратъ, въ виду его полновластiя, часто сравниваютъ съ венецiанскимъ совѣтомъ десяти и съ совѣтомъ трехъ, тѣмъ не менѣе мы не видимъ въ Спартѣ тѣхъ крайностей аристократической подозрительности, особенно противъ собственныхъ собратьевъ по сословiю, до которыхъ дошли въ Венецiи для устраненiя неудобныхъ людей; не встрѣчаемъ открытаго употребленiя яда, заключенiя въ подземныя темницы или подъ „свинцовыя кровли". Основанiе различiя между этими государствами заключается въ разныхъ цѣляхъ, къ которымъ стремились обѣ аристократическiя республики, и которыя ясно обрисовываютъ намъ идеализмъ древнихъ. Какъ ни были велики культурныя заслуги Венецiи въ смыслѣ поощренiя торговли,—государство это, даже независимо отъ всѣхъ примѣнявшихся тамъ насильственныхъ мѣръ, могло устоять только благодаря тому, что въ немъ допускалась индивидуальная свобода, не ограниченная никакими нравственными принципами и переходившая въ прямую распущенность; наоборотъ, единственной задачей эфората въ Спартѣ было поддержать жизнеспособность такого государственнаго устройства, которое создавало бы доблестныхъ воиновъ—задача, несомнѣнно имѣвшая высокое нравственное значенiе. Правда, насильственное примѣненiе этой военной силы внѣ государства могло создать Спартѣ въ Грецiи только враговъ.

Конечно, мало хорошаго въ томъ, что гордое военное сословiе Спарты испытало прежде всего свою силу на своихъ единоплеменникахъ и въ ожесточенныхъ войнахъ, слѣдовавшихъ за Ликургомъ въ продолженiе двухъ столѣтiй, наложило на Мессенiю, второй крупный „дорическiй жребiй" въ Пелопоннесѣ, свое жестокое ярмо,—правда, создавая себѣ этимъ въ собственной странѣ злобнаго противника. Перевѣсъ надъ третьимъ дорическимъ государствомъ, могущественнымъ въ гомеровское время Аргосомъ, былъ этимъ обезпеченъ. Съ другой Военное значенiе Спарты.

стороны, солдатское воспитаніе спартіатовъ было необходимымъ условіемъ для перваго великаго шага къ ниспроверженію азіатскаго варварства, къ битвѣ при Ѳермопилахъ. Въ политическомъ отношеніи спартанцы воспользовались своимъ военнымъ могуществомъ, чтобы ниспровергнуть тирановъ повсемѣстно въ Греціи, и между прочимъ—что было крайне необдуманно—также и въ Аѳинахъ, которымъ этимъ самымъ они облегчили задачу сдѣлаться опаснымъ соперникомъ Спарты. Изъ двухъ же партій, на которыя впослѣдствіи такъ рѣзко распадается все населеніе греческихъ общинъ—демократовъ и аристократовъ,—послѣдніе находятъ вѣрное покровительство въ Спартѣ, тогда какъ Аѳины обращаются въ опору для демократіи.

Право. Болѣе чѣмъ въ какомъ бы то ни было современномъ государствѣ, правовая жизнь древнихъ государствъ занимаетъ центральное мѣсто во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; такъ, мы видимъ, что, съ теченіемъ времени, дѣйствія должностныхъ лицъ и даже рѣшенія совѣщательныхъ собраній подчиняются приговору судовъ. Особенно раннее развитіе правовыхъ отношеній во всѣхъ частностяхъ мы видимъ на островѣ Критѣ, который уже въ концѣ греческой древней исторіи былъ замѣчательнымъ культурнымъ центромъ. (Критъ). Знаменитый каменный кодексъ Гортинскаго права, который, со времени своего перваго появленія въ 1884 году, выступаетъ передъ нами все яснѣе и яснѣе, показываетъ намъ въ своихъ постановленіяхъ (ихъ запись относится къ VII—V столѣтіямъ, но сами они по большей части много древнѣе), какъ въ Критѣ самымъ подробнымъ образомъ и съ большою тонкостью устанавливалось прежде всего право личности въ ея естественной рамкѣ, т.-е. въ семьѣ. Были упорядочены семейное право, наслѣдственное право и право собственности, къ которымъ необходимо было присоединить и судопроизводство. Послѣдніе отрывки этой законодательной книги, найденные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, показываютъ, напримѣръ, какъ было ограничено благодаря подробно разработанному закладному праву самоуправство заимодавца по отношенію къ несостоятельному должнику, или въ какихъ случаяхъ было запрещено брать залоги. Такъ, одежду и всѣ предметы ежедневнаго употребленія должника, его ткацкій станокъ съ шерстью и всѣми принадлежностями, его инструменты, его плугъ и сбрую яремнаго быка, его ручную мельницу и жернова, постель мужа и жены,—все это заимодавецъ долженъ былъ оставлять нетронутымъ. Присяжные поручители, подобные такимъ же въ древне-германскомъ правѣ (Eideshelfer) встрѣчаются и здѣсь, какъ и въ эпоху гомеровской культуры.

(Аѳины). Болѣе подробныя свѣдѣнія о греческихъ правовыхъ формахъ мы имѣемъ только изъ исторіи Аѳинъ, гдѣ Солонъ, какъ уже было упо-

мянуто выше, довершилъ развитіе правового порядка. Въ Аѳинахъ, съ незапамятныхъ временъ судъ надъ предумышленнымъ и непредумышленнымъ убійствомъ и тому подобными тяжелыми преступленіями, въ особенности же судъ надъ поджогомъ, творился въ пяти освященныхъ миѳическимъ преданіемъ мѣстахъ. Судьями были здѣсь навѣрное еще до правовой реформы Дракона — который только придалъ опредѣленныя формы древнему обычаю — постоянно засѣдающія лица, которыя, конечно, не могутъ считаться судьями по призванію въ современномъ смыслѣ. Вышеназванныя важнѣйшія уголовныя дѣла разрѣшалъ развившійся изъ гомеровскаго совѣта старѣйшинъ совѣтъ знати, который, по мѣсту своей дѣятельности, назывался ареопагомъ (рис. 64); въ

64. АРЕОПАГЪ ВЪ АѲИНАХЪ. Съ фотографіи Императорскаго Германскаго археологическаго Института въ Аѳинахъ.

четырехъ же остальныхъ мѣстахъ засѣдали „указатели права“, эфеты. Главнѣйшимъ измѣненіемъ въ правовыхъ понятіяхъ, которое совершилось, очевидно, не безъ энергичнаго воздѣйствія государственной власти и нашло себѣ опредѣленную форму, благодаря законодательству Дракона, была отмѣна виры, принятіе которой родственниками убитаго у гомеровскихъ грековъ, какъ и у древнихъ германцевъ, какъ бы искупляло убійство. Теперь законное преслѣдованіе убійцы судомъ становится обязательнымъ. Неисполненіе этого долга могло быть по суду наказано, если только убійство не было непредумышленнымъ, или если преду-

мышленно убитый передъ смертью не простилъ своего убійцы: въ обоихъ этихъ случаяхъ дозволялось лицу, обязанному кровавою местью, простить виновнаго. Мы уже раньше говорили о томъ, что это измѣненіе обычая было возможно только при установленіи религіознаго характера искупленія. Но до какой степени эта религіозная сторона искупленія была подчеркнута—притомъ подчеркнута въ совершенно непонятной для насъ формѣ, — показываетъ то обстоятельство, что даже надъ неодушевленными предметами, причинившими смерть человѣку, производился торжественный судъ, и они вывозились за предѣлы страны. — Самый важный шагъ къ дальнѣйшему развитію судебнаго дѣла сдѣлалъ Солонъ, передавъ народу остальное судопроизводство; а это учрежденіе народнаго суда—не столько, впрочемъ, въ своей первоначальной формѣ, сколько въ своемъ дальнѣйшемъ преобразованіи въ теченіе слѣдующаго періода—повело къ своеобразному и роковому возвышенію аттической демократіи. Дѣло въ томъ, что и послѣ Солона магистраты сохранили право судебнаго рѣшенія, котораго они никогда не теряли въ другихъ аристократическихъ государствахъ, какъ, напр., въ Спартѣ; народный судъ былъ по Солону только апелляціонною инстанціею. Зато инструкція процесса должна была навсегда остаться въ рукахъ судебнаго вѣдомства. Эта инструкція процесса заключалась въ томъ, что принимались жалобы истца и письменный отвѣтъ обвиняемаго, по поводу обѣихъ грамотъ приносилась клятва, затѣмъ въ предварительномъ слѣдствіи (anakrisis) собиралось отъ обѣихъ сторонъ все, что могло понадобиться для рѣшенія вопроса: выдержки изъ законовъ, документы, показанія свидѣтелей, такъ же какъ и добытыя съ помощью пытки и (какъ это ни странно) имѣвшія еще болѣе значенія показанія рабовъ,—все это въ запечатанныхъ сосудахъ сохранялось ко дню главнаго разбирательства (kyria); тотъ же магистратъ руководилъ и этимъ послѣднимъ. Онъ же и объявлялъ рѣшеніе суда. Безъ обвинителя не было и суда. Гражданинъ самъ былъ обязанъ отожествлять дѣло правосудія съ своимъ собственнымъ, все равно—подалъ ли онъ жалобу по своему личному дѣлу (dikê), или чувствовалъ себя призваннымъ выступить въ интересахъ общественнаго блага (graphê). Онъ долженъ былъ отправить, кому слѣдуетъ, вызовъ въ присутствіи понятыхъ, долженъ былъ принести судебныя доказательства, какъ истецъ или какъ отвѣтчикъ; долженъ былъ самъ защищать свое дѣло передъ судомъ, хотя ему и было разрѣшено приглашать для второй рѣчи защитника (synêgoros), или же произнести заранѣе приготовленную риторомъ рѣчь; наконецъ, онъ долженъ былъ обязаться къ присягѣ передъ противникомъ, или потребовать ее отъ него. Дѣло въ томъ, что аттическое право не знало ни государственнаго прокурора, ни частнаго защитника, ни принудительной присяги. Судьями же въ процессахъ — хотя первоначально только въ апелляціонной ин-

станцiи—были сами граждане, подъ именемъ „гелiастовъ"; это имя они получили отъ единственнаго вначалѣ судебнаго мѣста, „солнечной" гелiеи. Хотя за время Солона мы не знаемъ ни ихъ общаго числа, ни способа ихъ назначенiя, тѣмъ не менѣе, уже въ шестомъ вѣкѣ ихъ число должно было быть значительно: уже тогда судили отдѣленiя всего состава, хотя и не столь численныя, какъ въ позднѣйшее время, когда число 500 (или, вѣрнѣе, 501 человѣкъ, такъ какъ хотѣли избѣжать равнаго числа голосовъ) для общественныхъ дѣлъ представляло норму, а для особенно важныхъ процессовъ даже могли соединиться два, три или четыре такихъ полныхъ судилища. Относительно рода наказанiя болѣе раннее время проявляетъ, сравнительно съ послѣдующимъ перiодомъ, большую строгость, подобно тому какъ и въ нашемъ современномъ обществѣ, по мѣрѣ его развитiя съ теченiемъ времени, допускались въ этомъ отношенiи многiя смягченiя. „Написанные кровью" законы Дракона, каравшiе кражу плодовъ съ полей смертною казнью, очень характеристичны въ этомъ отношенiи. Чаще приговаривали въ древнѣйшiя времена къ смертной казни, ужаснѣе были и ея формы, чѣмъ въ позднѣйшее время, когда вошелъ въ употребленiе безбольный напитокъ омеговой настойки; такъ, самихъ преступниковъ или ихъ трупы сбрасывали въ пропасти, разбойниковъ убивали палицей и т. д. Изгнанiе, вслѣдствiе эгоизма древняго государства, всего было связано съ конфискацiей имущества. Оносительно рѣдко встрѣчается самое употребительное у насъ наказанiе, которое всего болѣе было противно чувству свободы у грековъ, — тюремное заключенiе; оно имѣетъ скорѣе значенiе принудительной мѣры по отношенiю къ государственнымъ должникамъ или служитъ для усиленiя другого наказанiя. Продолжительное же лишенiе личной свободы, какъ наказанiе, въ нормальное время совершенно не существовало для гражданина; только не-гражданинъ продавался какъ рабъ, если присваивалъ себѣ право гражданства. Зато необыкновенно распространена была въ различныхъ формахъ являющаяся у насъ лишь добавочнымъ наказанiемъ потеря гражданскихъ правъ, атимiя; кромѣ того, конфискацiя имущества и другiя денежныя пени.

Финансы. Монеты.

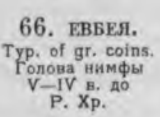
Упорядоченное управленiе финансами могло развиться лишь съ введенiемъ урегулированной монетной системы. Конечно, благородные металлы уже цѣлыми столѣтiями раньше могли быть, вмѣсто скота, показателями цѣнностей при мѣновой торговлѣ въ Египтѣ и Азiи; тѣмъ не менѣе, настоящiй и безпримѣрный культурный прогрессъ состоялся тогда, когда малоазiйскiе греки къ началу VII вѣка снабдили кусокъ благороднаго металла государственнымъ штемпелемъ, который удостовѣрялъ правильность его вѣса и тонкость пробы.

Эти первыя монеты скоро сдѣлались такъ популярны, что царь Фидонъ аргосскій уже въ VII столѣтіи велѣлъ изъять изъ обращенія послѣдніе металлическіе слитки и посвятить ихъ въ храмѣ Геры. Ходячей монетой въ Греціи служило вездѣ и всегда серебро, находившееся въ изобиліи въ горныхъ рудникахъ, между прочимъ и аттическаго горнаго хребта Лаврія. Древнѣйшей же греческой монетной системой была эгинская съ ея посто-

65. Аѳинская тетрадрахма V в. до Р. Хр. Typ. of gr. coins. Голова Паллады.—Rv. Сова съ оливковой вѣтвью во вдавленномъ квадратѣ.

66. Евбея. Typ. of gr. coins. Голова нимфы V—IV в. до Р. Хр.

67. Тарентъ. Typ. of gr. coins. Герой Тарантъ на дельфинѣ плыветъ черезъ море. V в. до Р. Хр.

68. Гела сицилійская. Typ. of gr. coins. Быкъ съ головой мужа. V в. до Р. Хр.

69. Сиракузская декадрахма рѣзчика Кимона. Typ. of gr. coins. Голова нимфы Аретусы, окруженная дельфинами.— Квадрига, надъ ней Побѣда съ вѣнкомъ; внизу призы въ видѣ различнаго оружія. V—IV в. до Р. Хр.

70. Агригентъ. Typ. of gr. coins. Два орла пожираютъ зайца. V—IV в. до Р. Хр.

янной единицей, серебрянымъ „статеромъ“ вѣсомъ въ 12,4 гр.; ее чеканили и въ Аѳинахъ до Солона, въ видѣ двойной драхмы (didrachmon). Эти старинныя греческія монеты не имѣютъ еще никакой легенды (приписи), но мы видимъ на ихъ лицевой сторонѣ простыя монетныя изображенія: Пегаса въ Коринѳѣ, черепаху въ Эгинѣ, пчелу въ Ефесѣ, Горгону или быка въ Аѳинахъ, щитъ въ Беотіи, между тѣмъ какъ обратная сторона представляетъ вдавленный квадратъ, посредствомъ котораго монета удерживалась на чеканѣ.

71. Монета Филиппа II. Typ. of gr. coins. Увѣнчанный Зевсъ.

72. Монета Амфиктіоновъ. Typ. of gr. coins. Деметра. Средина IV в. до Р. Хр

Солонъ оказался большимъ новаторомъ и въ этой области, замѣнивъ для Аѳинъ эгинскую систему системой острова Евбеи, которая представляла переводъ азіатской золотой валюты на серебро. Этимъ было облегчено

для Аѳинъ присоединеніе къ коринѳско-халкидской торговой области, и понятно, что при возрастающемъ государственномъ и торговомъ значеніи Аѳинъ, принятая этимъ городомъ система скоро получила общее значеніе для всей Эллады.

Основная монета, драхма, соотвѣтствуетъ по своей цѣнѣ 36 коп., т.-е. наиболѣе распространенной теперь монетной единицѣ, которую мы встрѣчаемъ въ латинскихъ странахъ и въ Австріи, и распадается на шесть оболовъ; 100 драхмъ составляютъ мину (36 р.), а 60 минъ—талантъ (2160 р.). Интересно то, что въ изучаемый нами періодъ главная монета государства равнялась 4 драхмамъ (tetradrachmon), приближаясь этимъ къ нашему рублю. Характерно для цѣнности денегъ того времени то, что во время Солона одинъ медимнъ хлѣба (52,53 литр.) стоилъ одну драхму, обыкновенный быкъ всего лишь пять драхмъ.

73. Пантикапей.
Typ. of gr. coins.
Голова Пана.
IV в. до Р. Хр.

74. Гортинъ.
Typ. of gr. coins.
Европа на деревѣ. IV в. до Р. Хр.

Писистратъ завершилъ новый порядокъ вещей въ Аѳинахъ, упорядочивъ чеканку монеты; съ тѣхъ поръ голова Паллады и ея сова появляются аккуратно на всѣхъ аѳинскихъ монетахъ. Золото же, которое въ Аѳинахъ колеблется въ цѣнѣ между 14-ти- и 10-тикратною цѣною серебра, чеканится только въ видѣ исключенія.

75. Сиракузы.
Typ. of gr. coins.
Голова Паллады.—Rv. Пегасъ.

Состояніе народнаго хозяйства.

Народное хозяйство въ эти древнѣйшія времена во многихъ государствахъ и въ особенности въ Аѳинахъ, гдѣ только въ V вѣкѣ наступило значительное измѣненіе къ лучшему, было въ довольно неутѣшительномъ состояніи, такъ какъ, при незначительной производительности земли, необходимъ былъ обильный ввозъ, вслѣдствіе чего большая часть народнаго богатства уходила за границу.

Финансовое управленіе.

Насколько своеобразное чувство свободы у грековъ не позволяло имъ достигнуть прочной системы въ области **финансоваго управленія**,—какимъ образомъ были уравнены приходы и расходы,—все это мы можемъ подробно прослѣдить только по отношенію къ періоду расцвѣта аѳинскаго государства.

Военное устройство.

Военное устройство въ большинствѣ греческихъ государствъ, и при этомъ въ важнѣйшихъ изъ нихъ, уже въ VI вѣкѣ было такъ правильно организовано, что всѣ улучшенія въ послѣдовавшее за этимъ время кажутся второстепенными; наблюдаются даже симптомы, указывающіе, что слишкомъ долгое пребываніе на одной ступени развитія съ теченіемъ времени становится роковымъ.

Войска большей части греческихъ государствъ были народными ополченіями, вызывавшимися для защиты отъ внѣшнихъ, а въ Спартѣ (вслѣдствіе особенныхъ отношеній одной части населенія къ другой) также нерѣдко и отъ внутреннихъ враговъ. Продолжительность срока службы показываетъ намъ опять, какъ высоки были требованія, предъявляемыя государствомъ къ своимъ гражданамъ: въ обоихъ главныхъ государствахъ Греціи, въ Спартѣ и въ Аѳинахъ, граждане должны были быть готовыми къ военной службѣ съ 20-го по 60-ый годъ жизни. При этомъ нужно принять во вниманіе, что способные къ военной службѣ солдаты набирались, по большей части, не всѣ, а только въ извѣстномъ количествѣ; конечно, особенно цѣнились позднѣйшіе наборы, а въ Спартѣ самые поздніе, за послѣднія 10 или 15 лѣтъ, которые и считались отборнымъ войскомъ. Въ Аѳинахъ настоящей службѣ предшествовала двугодичная подготовка, первый годъ которой былъ посвященъ собственно военной выправкѣ, а второй—болѣе легкой сторожевой службѣ въ гарнизонахъ. Это была единственная служба въ мирное время; ее можно сравнить съ нашею воинскою повинностью, особенно съ годовою службою нашихъ вольноопредѣляющихся. Въ Спартѣ, конечно, это подготовительное время не было необходимостью, такъ какъ мы видѣли, что все совмѣстное воспитаніе юношества имѣло цѣлью только подготовку къ военной службѣ. Къ тому же спартанское войско рѣзко отличалось отъ ополченій другихъ греческихъ общинъ, а также и отъ аѳинскаго, тѣмъ, что спартанцы были въ извѣстномъ смыслѣ солдатами по призванію, которые не только всю свою жизнь въ малыхъ и большихъ отрядахъ занимались воинственными упражненіями, но постоянно жили хотя и въ свободномъ, но все-таки въ служебномъ товариществѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ греческихъ общинахъ населеніе въ мирное время спокойно предавалось своимъ занятіямъ.

Также и относительно организаціи войска Спарта представляла исключеніе почти изъ всѣхъ греческихъ государствъ. Въ большинствѣ случаевъ войско до такой степени представляло вооруженный народъ, что подраздѣленія войска соотвѣтствовали подраздѣленіямъ народной общины; такъ, напр., въ Аѳинахъ члены каждаго колѣна (каждой филы) и въ полѣ стояли подъ начальствомъ ими самими выбраннаго вождя, а въ отрядахъ (лохахъ) собирались люди, принадлежавшіе къ одной мѣстности (дему). Напротивъ, спартанское военное управленіе съ древнихъ временъ основывалось на принципѣ не землячества, а воинскаго товарищества: соотвѣтственно „сисситіямъ“ или сотрапезничествамъ мирнаго времени составлялись небольшія „товарищества клятвы“ или эномотіи, каждое примѣрно въ 25 человѣкъ, которыя очевидно (какъ и соотвѣтствующія маленькія корпораціи въ современной военной жизни) сами по себѣ мало значили въ военныхъ операціяхъ; двѣ эномотіи составляли пентекостію (пятидесятницу), восемь—лохъ, два лоха—мору.

Предводительство, которое въ древнихъ государствахъ не подходило къ современному понятію о начальствованіи во всемъ значеніи этого слова, у спартанцевъ (какъ показываютъ уже термины лохагъ, пентекостеръ, энотомархъ) вполнѣ соотвѣтствовало подраздѣленіямъ войска. То же было, очевидно, и въ Аѳинахъ; главная власть была въ рукахъ вышеупомянутаго „военачальника“ или полемарха, принадлежавшаго къ самымъ высокопоставленнымъ должностнымъ лицамъ, къ архонтамъ.

Съ теченіемъ времени, однако, соціальный составъ населенія получилъ вліяніе на организацію греческихъ войскъ. Такъ, спартанцы рано были вынуждены выбирать свободныхъ неграждaнъ, періэковъ, для усиленія своихъ рядовъ. Они стояли въ этихъ случаяхъ наравнѣ съ гражданами и могли, какъ мы видѣли раньше, дѣлаться офицерами, потому что именно спартанское военное устройство основывалось на полномъ равенствѣ всѣхъ свободныхъ людей въ войскѣ. Съ другой стороны, именно въ демократическихъ Аѳинахъ Солонъ, какъ выше упомянуто, нормировалъ участіе въ военной службѣ всадниковъ, гоплитовъ и легковооруженныхъ по степени ихъ имущественнаго состоянія. Полное исчезновеніе конницы, которое мы наблюдаемъ во время расцвѣта греческихъ государствъ, начинаетъ подготовляться уже теперь; точно также образованіе легкихъ отрядовъ на ряду съ тяжелыми выступаетъ яснѣе только въ теченіе слѣдующаго періода. Само вооруженіе, какъ мы увидимъ ниже, даже въ періодъ расцвѣта Аѳинъ, не измѣнилось существенно со временъ Гомера. О тактикѣ мы узнаемъ только изъ исторіи цвѣтущаго періода Греціи; все же можно предположить, при ея простотѣ, что она ведетъ свое начало съ изучаемаго нами періода, если не съ еще болѣе ранняго. Особенно въ Спартѣ осталось много древнихъ военныхъ обычаевъ, напр., круглый лагерь. Что же касается духа, который оживлялъ эти греческіе полки,—того нераздѣльнаго единства гражданина и воина, той религіозности, которою проникнута и эта область греческой жизни,—то тутъ характерны слова воинской присяги, которую произносили молодые аѳиняне тотчасъ же послѣ занесенія ихъ въ списки гражданъ общины: „Клянусь не срамить этого оружія и не оставлять моего соратника въ бою, бороться за святыни и за общее достояніе, одинъ и вмѣстѣ съ другими; клянусь оставить отечество не уменьшеннымъ, а на морѣ и на землѣ такимъ же великимъ, какимъ я унаслѣдовалъ его. Буду повиноваться приказаніямъ начальниковъ и существующимъ законамъ, а также и всѣмъ тѣмъ, которые народъ еще издастъ; не допущу упраздненія этихъ законовъ кѣмъ бы то ни было или неповиновенія имъ, а буду защищать ихъ одинъ и вмѣстѣ съ другими; также буду почитать отечественныхъ боговъ и святыни“.

Въ морскомъ дѣлѣ примѣнялся уже въ это время знаменитый типъ классическаго корабля—тріера; суда болѣе древняго времени, длин- Морское дѣло.

ные низкіе корабли съ однимъ рядомъ веселъ, которые назывались по числу веселъ тріаконторами (30), пентеконторами (50) и т. д., начинаютъ выходить изъ употребленія. Съ тѣхъ поръ, какъ Аѳины во времена килоновой неурядицы начали споръ съ Мегарой изъ-за обладанія Саламиномъ, съ тѣхъ поръ, какъ расцвѣли сосѣднія приморскія общины, какъ Эгина, — Аѳины стали содержать маленькій постоянный флотъ изъ 48 кораблей, по числу отдѣльныхъ участковъ страны, которыхъ было по 12 въ каждой изъ четырехъ филъ, и которые назывались навкраріями; каждая изъ нихъ должна была поставлять по одному военному кораблю.

Торговля и промышленность.

Если не всѣ силы страны поглощались военной службой, какъ въ Спартѣ, или участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ, какъ это было съ теченіемъ времени въ Аѳинахъ, — то населеніе большинства греческихъ государствъ, независимо отъ ревностныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, направляло свою энергію съ постоянно возрастающимъ усердіемъ къ торговлѣ и промышленности. Дѣло въ томъ, что представленіе объ унизительномъ характерѣ практической дѣятельности имѣло фактически еще мало значенія для массы греческаго народа. Эта сохранившаяся до нашихъ дней наклонность эллиновъ къ промышленной дѣятельности должна считаться одной изъ наиболѣе выдающихся чертъ ихъ національнаго характера; въ древности эта черта проявлялась очень рано въ іоническомъ племени, въ особенности въ Аѳинахъ. Уже въ эти времена представляются знаменательными: торговая дѣятельность знатныхъ государственныхъ мужей, какъ Солона; вліятельное положеніе, которое заняли въ политическомъ отношеніи береговые жители Аттики—паралійцы; вошедшая въ поговорку роскошь жителей Сибариса, которые, какъ зажиточные купцы, уже заставляли другихъ исполнять за себя настоящую работу. Въ промышленности замѣчательна еще одна индивидуальная черта: каждый работаетъ за себя, честь собственной фирмы для него важнѣе всего, и цеховая промышленность не играетъ еще никакой роли. Поэтому-то и эксплуатація рабовъ на фабрикахъ первоначально была незначительна; главное ихъ примѣненіе, какъ показываетъ примѣръ богатой рабами Спарты, было въ сельскомъ хозяйствѣ.

Частная жизнь.

Если мы обратимся теперь къ изученію отдѣльнаго человѣка, самого по себѣ или въ маленькомъ семейномъ кругу,—то древняя жизнь поразитъ насъ необыкновенною простотою и несложностью, можно даже сказать, бѣдностью, въ сравненіи съ новѣйшей. Уже въ позднѣйшее средневѣковье Греція начинаетъ освобождаться отъ вліянія пышнаго Востока и возвращаться къ большей простотѣ.

Домъ.

Домъ прежде всего — быть можетъ, за исключеніемъ только жилищъ тирановъ, которыя, конечно, намъ мало извѣстны — является такимъ же непохожимъ на дворцы гомеровскихъ героевъ, какъ не похожи

мѣщанскіе дома германскаго средневѣковья на рыцарскіе замки. Правда, и съ домомъ нѣмецкаго патриція жилой греческій домъ этого времени имѣетъ мало общаго; напротивъ, онъ отличается такою тѣснотою и бѣдностью, которыя прямо поразительны для стоявшей такъ высоко культурной націи. Этотъ фактъ выясненъ только благодаря находкамъ, сдѣланнымъ въ послѣднее время; онъ былъ долгое время затемненъ вслѣдствіе того, что изслѣдователи, увлеченные теоріей Витрувія, принимали за исходный пунктъ для своихъ наблюденій условія гораздо болѣе позднихъ періодовъ.

Крестьянскій домъ.

Прежде всего слѣдуетъ (какъ и въ настоящее время) вплоть до самыхъ позднихъ періодовъ отличать крестьянскій домъ отъ городского. Первый естественно всегда менѣе подвергался измѣненіямъ и въ главныхъ чертахъ, вѣроятно, сохранилъ свою форму съ тѣхъ поръ, какъ греки, вмѣстѣ съ другими индо-европейцами, оставили круглую или конусообразную хижину, напоминавшую палатку, и перешли къ хижинѣ четыреугольной формы. Мы знаемъ греческій крестьянскій домъ только по тому описанію пергамскаго дома, которое даетъ намъ для болѣе поздняго времени (II в. по Р. Хр.) Галенъ. Подъ пологой двухскатной крышей, которая во всѣ времена служила для крестьянскихъ домовъ, лежитъ прямоугольное пространство, которое распадалось на нѣсколько частей, благодаря боковымъ отдѣленіямъ для стойлъ и отдѣленной задней части, состоявшей изъ трехъ комнатъ; изъ нихъ средняя представляла такъ называемую экседру или „красный уголъ“; верхній этажъ, служившій, главнымъ образомъ, хозяйственнымъ цѣлямъ, встрѣчался довольно часто.

76. Домъ на Делосѣ. По Luckenbach'y, Abb. z. Gesch. I.

77. Домъ въ Пріенѣ. По Luckenbach'y, Abb. z. Gesch. I. IV в. до Р. Хр.

Городской домъ.

Съ типомъ городского дома мы знакомимся по найденнымъ остаткамъ домовъ (въ особенности въ Аттикѣ, Делосѣ и Пріенѣ); правда, они принадлежатъ слѣдующимъ періодамъ (рисунки 76 и 77), но отнести ихъ къ болѣе раннему времени вполнѣ возможно, потому что простѣйшіе среди нихъ такъ естественны и несложны, что въ этомъ отношеніи не могутъ быть превзойдены. Судя по ихъ плану, городской домъ представлялъ нѣчто среднее между крѣпостью гомеровскаго времени, свободно и разнообразно составленной изъ различныхъ частей, и крестьянскимъ домомъ съ его узко опредѣленнымъ планомъ. Находящійся посреди всей постройки дворъ соотвѣтствуетъ двору властителей микенской эпохи;

все же берется замкнутый и, насколько позволяло пространство, по примѣру крестьянскихъ домовъ, четырехугольный планъ. Весьма характерно, что эти городскіе жители (на подобіе жителей современныхъ южныхъ странъ) избирали дворъ (aulê), занимавшій часто почти половину всего пространства, главнымъ мѣстомъ семейнаго общежитія. Поэтому хотя такой дворъ въ простомъ мѣщанскомъ домѣ и бывалъ часто безъ колоннъ и не заслуживалъ еще гордаго имени перистиля, — все-таки небольшое число колоннъ во дворахъ, дѣйствительно окруженныхъ колоннадою, и большое протяженіе непокрытаго крышею пространства дѣлаетъ возможнымъ сравненіе этого двора съ римскимъ атріемъ, который точно также первоначально былъ сборнымъ мѣстомъ семьи. Можно даже предположить, что дворъ греческаго городского дома произошелъ изъ гомеровскаго чертога путемъ увеличенія средняго непокрытаго крышей пространства между колоннами. Съ другой стороны, аула соотвѣтствуетъ также по своему значенію главному пространству крестьянскаго дома. Также въ распредѣленіи остальныхъ покоевъ, свободно группирующихся вокругъ центральнаго двора, повторяется въ городскомъ домѣ расположеніе комнатъ крестьянскаго дома. Весь онъ въ ширину распадается на три части; изъ нихъ передняя, заключавшая впослѣдствіи выходившія на улицу помѣщенія (какъ конюшни, мастерскія и т. д.), въ древнія времена занимала мало мѣста; средняя часть дома, съ ея обширнымъ дворомъ, естественно принадлежала прежде всего мужчинамъ, тогда какъ задняя часть предназначалась женщинамъ, такъ что эти два послѣднія отдѣленія можно разсматривать какъ зачатки вполнѣ развившихся впослѣдствіи двухъ половинъ, мужской (andronitis) и женской (gynaikonitis), столь замѣтно отдѣленныхъ другъ отъ друга. Правда, и верхній этажъ, существованіе котораго необходимо допустить при незначительной величинѣ плана, могъ служить для женщинъ, какъ и во времена Гомера. Вообще же сравнительно простой планъ дома производитъ на насъ такое впечатлѣніе, что во времена греческаго средневѣковья не было того почти восточнаго отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ, которое мы имѣемъ право предполагать, судя по позднѣйшему устройству греческаго дома, и которое уже существовало въ древнихъ греческихъ дворцахъ подъ вліяніемъ Востока (см. выше, стр. 32).

Едва ли можно предположить въ древнемъ городскомъ домѣ существованіе комнатъ съ особымъ назначеніемъ. Парадная мужская зала, которую мы находимъ иногда рядомъ со дворомъ или позади его (и которая называлась впослѣдствіи экседрой), относится навѣрное скорѣе къ позднѣйшей культурѣ; съ другой стороны, достовѣрно извѣстно, что въ древности одна тихая уединенная комната предназначалась для супружеской спальни, въ которой сохраняли также все цѣнное, и которая носила особое названіе „домового“ покоя (dômation). Если перенести это частное

хранилище, какъ и естественно, въ заднюю часть дома, то раздѣленіе дома на три части представляетъ полную параллель съ жилищемъ божества,—храмомъ, который также состоитъ изъ передняго пространства, изъ главной, средней части (cella), схожей съ аулой, и изъ задняго помѣщенія—сокровищницы.

Большая скромность греческихъ жилищъ выражается не только въ небольшомъ числѣ комнатъ, но также и въ ихъ незначительной величинѣ и технической отдѣлкѣ. Что касается перваго пункта, то онъ обусловливался необходимостью. Безпрестанныя войны маленькихъ общинъ между собою уже въ глубокой древности повели къ возведенію обводныхъ стѣнъ, о расширеніи которыхъ позже уже болѣе не думали и не могли думать вслѣдствіе относительно немногочисленнаго населенія городовъ. Такимъ образомъ, маленькія жилища должны были тѣсниться другъ къ другу, раздѣленныя, по бóльшей части, только общими стѣнами. Что же касается матеріала, то господствовали глиняныя постройки, которыя можно было сломать, причемъ только употребленныя при постройкѣ балки, какъ самое драгоцѣнное, не бросались; отказаться же отъ украшеній было тѣмъ легче, что древній домъ никогда не развивалъ фасадовъ на улицу, а былъ обращенъ къ ней лишь узкой стороной безъ оконъ. Скромное же убранство внутреннихъ частей дома, какъ и простота всей прочей домашней жизни, указываетъ на то, что греку домъ былъ только нуженъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей пищи и сна, тогда какъ все остальное время онъ почти исключительно посвящалъ общественной жизни.

Обстановка дома.

Также и обстановка дома ограничивается самымъ необходимымъ; вообще, древній міръ и впослѣдствіи не зналъ утвари, служащей только для украшенія. Могъ измѣняться только матеріалъ: въ домашней утвари вмѣсто дерева часто встрѣчается бронза, въ столовой посудѣ глину замѣняетъ серебро; вообще же также и въ этой области замѣтно все то же рѣзко-консервативное направленіе. Для храненія вещей продолжали служить, вмѣсто нашихъ неподвижныхъ шкаповъ и комодовъ, сундуки и ящики. Украшенные полированными гвоздями и изящною накладною работою, они разставлялись въ длину стѣнъ для того, чтобы въ то же время служить и сидѣніями. Въ исторіи искусствъ они получили право гражданства, благодаря знаменитому ларцу Кипсела (ср. ниже). Идущая вдоль стѣнъ низкая скамья, уложенная подушками въ родѣ восточнаго дивана, представляетъ собою главнѣйшее сидѣніе, совершенно вошедшее въ составъ архитектоническаго цѣлаго. Рядомъ съ нею встрѣчаются и позднѣе гомеровскіе „троны“, кресла и сидѣнія безъ спинокъ; только тяжелый тронъ скоро выходитъ изъ употребленія и получаетъ принятое у насъ торжественное значеніе, между тѣмъ какъ кресло принимаетъ тѣ округленныя формы, которыя представляютъ какъ бóльшія

удобства, такъ и болѣе красивыя линіи, чѣмъ бо́льшая часть нашихъ современныхъ стульевъ (ср. рис. 91). Новые обычаи повели къ выработкѣ одного предмета, который затѣмъ вплоть до временъ римлянъ и даже до нашихъ дней составляетъ собственный центръ домашней обстановки. Благодаря заимствованному съ Востока обычаю мужчинъ лежать при отдыхѣ и при трапезѣ, — обычаю, который распространился всюду въ послѣгомеровское время, кромѣ Крита,—особенное значеніе получила „клина“ или диванъ. Это—кровать на четырехъ

78. ПОГРЕБЪ ВЪ КНОССКОМЪ ДВОРЦѢ. Neue Jahrb. 1903.

Обратить вниманіе на разставленные въ два ряда чаны.

ножкахъ, снабженная поясами, тюфяками и подушками; ее можно сравнить съ нашею кушеткою, но иногда она принимаетъ форму дивана и, служа также ложемъ для сна, вытѣсняетъ постель, извѣстную намъ по описанію Гомера и родственную по устройству съ нашей современной постелью. Къ дивану, служившему для обѣдовъ, былъ приспособленъ и маленькій и невысокій столъ.

Въ сравненіи съ мебелью, которая служила для храненія различныхъ вещей или для отдыха,—приспособленія для освѣщенія, какъ это вполнѣ естественно на югѣ, отступаютъ на заднiй планъ. Вмѣсто монументальныхъ жаровенъ Гомера и на ряду съ оставшимися въ употре-

бленіи смоляными факелами, особенно часто встрѣчаются своего рода лучины (phanoi), а именно напитанные масломъ, плотно связанные перевязями и металлической оболочкой прутья, которые, путемъ удлиненія подставки, могли быть обращены въ стоячіе свѣтильники и представляли, такимъ образомъ, зачатки роскошно развившихся впослѣдствіи канделябровъ. Самое же цѣлесообразное использованіе масла—посредствомъ лампы,—а съ нимъ и важнѣйшій способъ освѣщенія у древнихъ, встрѣчается только въ слѣдующемъ періодѣ.

Между тѣмъ, какъ во всей хозяйственной утвари, по бо́льшей части, существуетъ замѣтная равномѣрность внѣшней отдѣлки,—въ одной области, именно въ выработкѣ сосуда, насъ особенно поражаетъ необыкновенное богатство формъ. Но какъ-разъ при этомъ замѣчательно то, что бо́льшая часть этихъ формъ Сосуды.

79. Аттическая амфора. VII в. до Р. Хр. Jahrb. d. Inst. II.

80. Микенская кубышка. Arch. Ztg. XXXIX.

81. Кувшинъ изъ Фалера. Jahrb. d. Inst. II.

установилась уже въ прежнюю эпоху; что ходъ времени сказался, главнымъ образомъ, въ томъ, что простой матеріалъ, глина, облагораживался тончайшей техникой, а впослѣдствіи замѣнялся драгоцѣннымъ металломъ. Правда, масса простой кухонной утвари, которая, кромѣ немногихъ блюдъ и горшковъ, потеряна для насъ, очень мало отличается отъ нашей; зато изготовленіе сосудовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, сосудовъ для жидкостей, уже въ это время достигло съ технической стороны, а впослѣдствіи также въ художественномъ отношеніи такого совершенства, которое рѣдко выпадаетъ на долю керамикѣ. И хотя мы будемъ встрѣчать эти произведенія повсемѣстно при изученіи исторіи искусства, все же будетъ полезно здѣсь же указать на ихъ важнѣйшія формы, такъ какъ ихъ разсмотрѣніе освѣщаетъ также обычаи и культуру нашей эпохи.

82. КРАТЕРЪ ИЗЪ КИРЕНЫ.
VII в. до Р. Хр. Arch. Ztg. XXXIX.

Изъ сосудовъ для храненія вина, масла, меда и воды уже въ легендарныя времена имѣлъ значеніе исполинскій чанъ (pithos, неточно называемый часто „бочкой“), величайшій глиняный сосудъ въ мірѣ, служившій даже мѣстопребываніемъ человѣку. Эти чудовищные глиняные колоссы, которыхъ, какъ мы видѣли, очень много доставили недавнія критскія раскопки, приближались по формѣ къ приплюснутому снизу шару (рис. 78). Также и гомеровская амфора, кувшинъ съ двумя ручками, оставалась въ употребленіи во всѣ времена древности и достигла теперь своихъ самыхъ благородныхъ формъ, имѣвшихъ значеніе и для искусства позднѣйшаго времени (рис. 79), точно также какъ и выпуклый кувшинъ для воды, гидрія (рис. 81 и 86). Съ теченіемъ времени только усовершенствовался приспособленный для храненія и употребленія масла лекиѳъ, стройный сосудъ съ узкимъ горлышкомъ, похожій на бутылочку (рис. 99), необходимость котораго для ежедневной жизни грека вошла почти въ пословицу. Существовавшіе уже въ древности сосуды для смѣшенія и черпанія жидкостей развиваются до бо́льшей и бо́льшей степени совершенства; въ особенности получаетъ разнообразнѣйшія формы необходимый для смѣшенія вина и воды кратеръ (рис. 82). Самымъ большимъ богатствомъ фигуръ отличаются сосуды для питья. Плоская чаша безъ ручекъ, фіалъ, употреблялась при торжественныхъ возліяніяхъ въ честь боговъ; вмѣсто двойного кубка героической эпохи и емкаго кострюлевиднаго кархесія, входятъ въ употребленіе, по мѣрѣ развитія культуры, маленькія, болѣе изящныя формы: плоская чаша, съ ножкой и ручками, киликсъ (рис. 84); кубокъ въ формѣ нашихъ чашекъ, скифосъ; также аттрибутъ Діониса, кантаръ съ его красиво округленнымъ профилемъ,

83. РИТОНЪ ИЗЪ ЭПОХИ РАСЦВѢТА.
По Rayet-Collignon, Cér. gr.

84. КИРЕНСКАЯ ЧАША.
Arch. Ztg. XXXIX.

высокой ножкой и широкими ручками (употреблялся онъ лишь при торжественныхъ случаяхъ и долженъ былъ въ позднѣйшее время подвергнуться сокращенію своихъ размѣровъ, рис. 85). Прекрасный примѣръ облагороженія простого издѣлія природы художественностью формы представляетъ преобразованіе встрѣчавшагося у варваровъ рога для питья въ ритонъ; это былъ изящный сосудъ, представлявшій въ орнаментальномъ видѣ всевозможныя формы звѣриныхъ головъ. Онъ давалъ пирующимъ возможность не только пить благородное вино, но и тянуть его по каплѣ ртомъ черезъ крошечное отверстіе въ мордѣ изображеннаго животнаго (рис. 83).

Одежда.

Простотѣ греческаго дома со всѣмъ его устройствомъ соотвѣтствовала и греческая одежда. Сначала во время греческаго средневѣковья одежда находится еще подъ сильнымъ вліяніемъ Востока; только послѣ побѣды надъ варварами была оставлена неподвижная восточная пышность и достигнута свободная красота эллинской драпировки.

85. Дионисъ съ кантаромъ и его виночерпій съ кувшиномъ.
Gerhard, Vasenb. III. Чернофигурная ваза Эксекія.

Женщины этого времени, въ силу своего большаго консерватизма, носили все еще прежнее шерстяное платье, гомеровскій пеплосъ; но мужчины одѣвались въ заимствованную съ Востока, въ особенности изъ Лидіи, іоническую роскошную одежду, противъ пышнаго покроя которой современемъ пытались бороться особенными постановленіями. Она состояла обыкновенно изъ льняного нижняго платья (хитона) и простой или двойной верхней одежды, тогда еще очень длиннополой, хлепы (рис. 85).

Также и головной уборъ мужчинъ, повидимому, мало измѣнился со времени Гомера: все то же тугое зачесываніе волосъ, только, вмѣсто правильныхъ локоновъ, появляются косички, посредствомъ которыхъ прическа сзади прикрѣпляется (ср. рис. 123 — 143). Долго волосы оставались необрѣзанными, какъ у спартанцевъ (которые носили ихъ особенно просто и украшали только въ торжественную минуту передъ боемъ), такъ и у іонійскихъ аѳинянъ, прическу которыхъ, собранную въ одинъ пукъ и скрѣпленную золотой стрекозой, Ѳукидидъ называетъ

символомъ древне-аѳинскихъ обычаевъ. Что же касается бороды, то въ древности былъ обычай, очевидно соотвѣтствовавшій болѣе практической, чѣмъ этетической точкѣ зрѣнія—стричь только усы; этотъ старинный обычай спартанцы, какъ мы видѣли, даже увѣковѣчили въ своихъ монументально-краткихъ законахъ. Живымъ изображеніемъ общаго впечатлѣнія отъ той старинной пышности, которую выставлялъ на показъ древній іоніецъ, служитъ для насъ описаніе самосскаго поэта Асія: „они отправились, убравши локоны и надѣвши прекрасныя одежды,

86. ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВАЗѢ. По Gerhard, Vasenb. IV.

Женщины въ бесѣдѣ у родника. Послѣдній вытекаетъ изъ львиной головы и украшенъ колоннами. Обратить вниманіе на различный способъ ношенія пустого и полнаго кувшина. Какъ пеплосъ, плотно обвивающій тѣло, такъ и свободно одѣтая кофта отличаются пестротой и отсутствіемъ складокъ. Всѣ, кромѣ одной, одѣты еще въ гиматій, концы котораго спадаютъ по старинному, въ правильныхъ складкахъ.

въ священную ограду Геры; бѣлоснѣжныя ткани ниспадали до земли; волосы развѣвались по вѣтру, скрѣпленные золотыми перевязями; золотыя иглы, похожія на стрекозъ, покоились на нихъ; художественно сдѣланныя запястья охватывали руки, и они несли военный щитъ“.

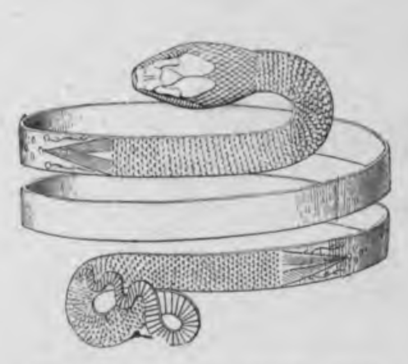
Но уже въ этомъ періодѣ начинается самое важное преобразованіе, которое когда-либо испытала греческая мужская одежда. Общимъ именемъ „плаща“ (himation) обозначаютъ продолговатый кусокъ матеріи, который уже не накидывается на спину, подобно хленѣ (причемъ оба конца свѣшиваются черезъ плечи впередъ), а покрываетъ безъ искусственныхъ скрѣпленій всю фигуру. О значеніи этого плаща для

времени расцвѣта мы еще поговоримъ ниже; здѣсь же мы укажемъ только на то, что эта новая одежда сдѣлала невозможнымъ одновременное ношеніе оружія, унаслѣдованное отъ глубокой старины и сохранившееся у новѣйшихъ народовъ спорадически вплоть до нашихъ дней. Кромѣ того, существовала овальная накидка, хламида, по преимуществу какъ одежда всадниковъ (ср. рис. парѳенонскаго фриза 226), между тѣмъ, какъ экзомида, шерстяной плащъ, скрѣпленный на лѣвомъ плечѣ и оставлявшій свободными правое плечо и руки, носилась уже давно ремесленниками и всѣми, кто долженъ былъ работать руками. Также и въ женской одеждѣ шерстяной пеплосъ долженъ былъ уступить мѣсто льняному хитону; кусокъ ткани, который или спускался въ видѣ покрывала съ затылка на спину (ср. рис. 86 и 123 сл.), или въ видѣ шали покрывалъ затылокъ и плечи, дополнялъ костюмъ женщины, красота котораго вскорѣ была прославлена искусствомъ. Только „показывавшія бедра“ дорійскія дѣвушки довольствовались одною одеждою, которую онѣ по старинному обычаю оставляли открытой съ одного бока, между тѣмъ какъ обыкновенно она была скрѣплена швами или застежками и часто даже подпоясана. Что касается головного убора, то характерно то, что женщины, повидимому, раньше мужчинъ освободились отъ неподвижной гомеровской прически. Уже въ VI вѣкѣ мы видимъ ихъ длинные волосы свободно ниспадающими; только на лбу изъ-подъ простой повязки, которую носятъ и мужчины, они располагаются правильными волнами, окружающими ухо (ср. рис. 144).

87. Серьга изъ Крыма.
(Розетка, подъ ней Эротъ)
Comptes rendus 1868.

Кромѣ повязки, прекраснѣйшимъ головнымъ украшеніемъ являлся вѣнокъ изъ живыхъ растеній для обоихъ половъ (ср. рис. 91), который какъ бы освящалъ не только игры, празднества и даже смерть, но и строгую государственную жизнь, такъ какъ архонты, ораторы, а позднѣе даже заслуженные граждане украшались вѣнками. Шляпы употреблялись только въ видѣ исключенія, особенно ремесленниками и странниками; ихъ формы остались неизмѣненными съ древнихъ временъ. Это былъ либо круглый колпакъ, который дѣлался сначала изъ мѣха (kynê), либо остроконечная, конусообразная войлочная шапка (pilos съ ея видоизмѣненіями, среди которыхъ особенно интересенъ заимствованный у варваровъ и имѣвшій такое значеніе

88. Запястье въ формѣ змѣи.
По экземпляру, найденному въ Помпеяхъ.
Mus. Borb. VII.

въ міровой культурѣ фригійскій колпакъ. Одновременно съ хламидой вошла въ употребленіе для подрастающаго поколѣнія, эфебовъ, появившаяся изъ Ѳессаліи и Македоніи плоская, придерживавшаяся ремнемъ подъ подбородкомъ, войлочная шляпа съ поразительно маленькой тульей, такъ назыв. петасъ, которую мы часто встрѣчаемъ какъ аттрибутъ Гермеса. Женщины тоже носили во время путешествія и на празднествахъ такую шляпу, если онѣ не предпочитали защищаться отъ солнца покрываломъ.

Изящно завязанная сандалія со времени Гомера существенно не измѣнилась, хотя на ряду съ ней и была въ употребленіи обувь, похожая и на башмаки, и на сапоги,—послѣдняя въ особенности для охоты.

Украшенія. Относительно употребленія и формы золотыхъ украшеній эллинскій міръ въ нашу эпоху начинаетъ освобождаться отъ восточныхъ традицій. Между тѣмъ какъ у варваровъ мужчины носили не только ожерелья и запястья, но также и серьги, грекъ теперь начинаетъ почти всю эту забаву предоставлять женщинамъ. Въ изготовленіи же этихъ женскихъ украшеній замѣчается переходъ отъ тяжелыхъ и неуклюжихъ восточныхъ образцовъ къ простому и изящному, что мы видимъ, напримѣръ, на столь разновидныхъ образчикахъ серегъ (рис. 87). Для своихъ волосъ женщины употребляли не наши большія шпильки и гребни, но длинныя, употребляющіяся также и у насъ булавки съ головками, изящно украшенными остроумно придуманными изображеніями. Ожерелья, въ противоположность къ массивнымъ, употреблявшимся у варваровъ спирально скрученнымъ металлическимъ кольцамъ, составляются изъ болѣе мелкихъ и сложныхъ частей, которыя съ теченіемъ времени становятся все разнообразнѣе; наоборотъ, для украшеній верхней и нижней части руки, какъ и ноги повыше щиколодки, предпочитали простую и все-таки стильную форму змѣи (рис. 88).

Такъ какъ перстень, какъ знакъ свободнаго человѣка, съ древнихъ временъ былъ не только излюбленнымъ украшеніемъ, но употреблялся вмѣсто печати, то вполнѣ естественно, что его оправѣ придавали меньше значенія, чѣмъ художественной обработкѣ употреблявшагося для печати полудрагоцѣннаго камня. То совершенство, которое было достигнуто впослѣдствіи въ обработкѣ камней чистой воды, или въ художественномъ использованіи различныхъ цвѣтныхъ пятенъ или жилокъ для различныхъ изображеній при помощи удивительной техники,—все это будетъ оцѣнено при изложеніи исторіи эллинистическаго и римскаго искусства.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ предметовъ для ношенія мы встрѣчаемъ въ рукахъ грека въ изучаемую эпоху прежде всего палку—либо какъ длинный посохъ, который онъ, со свойственною ему изящною небрежностью, явно употреблялъ какъ дѣйствительную опору при стояніи (срв. рис. 309), либо какъ длинный, украшенный на верхушкѣ

ТЕРРАКОТА ИЗЪ ТАНАГРЫ.

Берлинъ. Величина подлинника.

Въ опущенной правой рукѣ—вѣеръ. На головѣ вѣнокъ изъ листьевъ.

По Kekulé, Tonfiguren von Tanagra.

„Эллинская культура“ Лит. И. Кадушина С.П.Б.

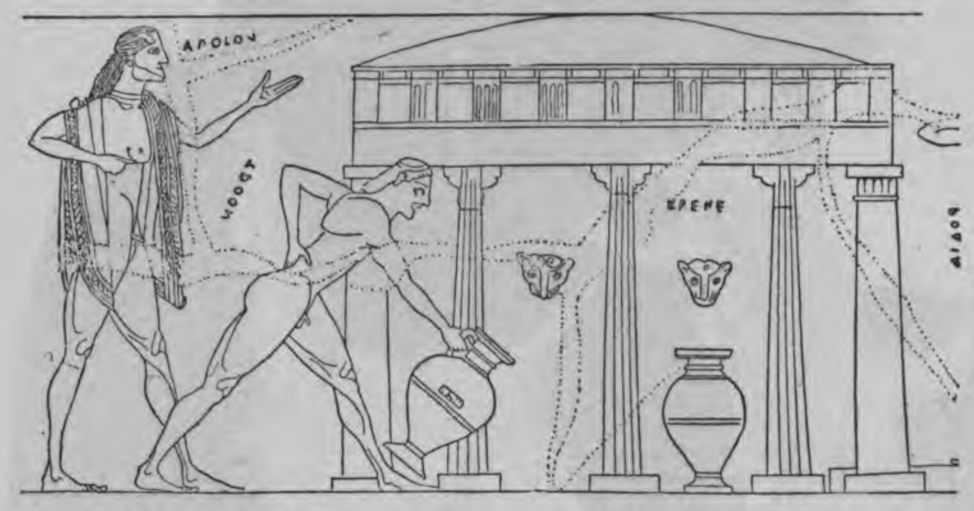
89. ИГРА ВЪ КОТТАБЪ. Изображенie на краснофигурной вазѣ изъ Корнето.
Ann. d. Inst. 1876.

головкой или цвѣткомъ копьевидный жезлъ. Какъ древнiй, упоминаемый еще Гомеромъ символъ судебной власти, онъ употреблялся послами, глашатаями и ораторами совѣщательныхъ собранiй и встрѣчается въ рукахъ изображенныхъ боговъ. Онъ сохранился и у насъ, напримѣръ, въ видѣ болѣе короткаго жезла главнокомандующаго. Женщины носятъ изящный, быть-можетъ, складной зонтикъ (ср. рис. 172) и еще болѣе элегантный, раскрашенный въ видѣ листа или составленный изъ перьевъ вѣеръ (ср. ниже табл. VII); чаще же всего круглое ручное металлическое зеркало, изящной ручкой котораго служила статуэтка богини красоты, и которое иногда, съ помощью такой же ручки, могло служить и стоячимъ зеркаломъ (ср. рис. 91, фиг. 5, и рис. 173). Вполнѣ понятно, что многiя варварскiя косметическiя средства, которыя и теперь употребляются, будучи заимствованы съ Востока, употре-

блялись и греческими женщинами; сюда относятся свинцовыя бѣлила и сурикъ для лица и черная краска для бровей.

Трапезы.

Если жилище грека было невелико и скромно, а его одежда проста и несложна, то и ежедневныя трапезы его, по сравненію съ современными условіями жизни, были обыкновенно крайне незатѣйливы, что и теперь часто встрѣчается въ южныхъ странахъ. Плоская

90. МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ РОДНИКЪ НА ВАЗѢ ФРАНСУА. По Perrot-Chipiez. VII.

Въ формѣ дорическаго храма съ антами и куполомъ. Колонны, вопреки обычаю, на базахъ.

и круглая ячменная булка, еще и теперь любимая въ Греціи подъ именемъ „мазы“, стручковые плоды, салатъ, порей и лукъ составляли скромную вегетаріанскую пищу историческихъ грековъ, въ противоположность хотя и очень просто приготовленному, но питательному жаркому гомеровскихъ героевъ. Объ интересной перемѣнѣ во вкусѣ свидѣтельствуетъ постепенно возраставшее предпочтеніе, которое оказывали рыбѣ и раковиднымъ животнымъ, также какъ и птицѣ, тогда какъ герои Гомера обращались къ этой пищѣ только въ случаѣ крайности.

Главная трапеза, происходившая передъ закатомъ солнца, за которой обычаемъ было запрещено вино, продолжалась только, пока не былъ удовлетворенъ голодъ. Но почти вездѣ—за исключеніемъ строгихъ дорическихъ государствъ, Спарты и Крита—царствовалъ обычай присоединять, при удобномъ случаѣ, къ этой трапезѣ попойку или пирушку, Symposion (ср. рис. 171). Послѣ того, какъ трапеза была кончена возліяніемъ въ честь „добраго духа“, и остатки были убраны, другое жертвенное возліяніе посвящало—что очень характерно—небожителямъ и дальнѣйшую веселую, а подчасъ и распущен-

ную пирушку. При этомъ подавался дессертъ изъ сыра, соленыхъ пирожковъ, фигъ, оливъ, финиковъ, дынь и другихъ, по большей части сильно приправленныхъ пряностями и возбуждающихъ жажду явствъ. И хотя нигдѣ въ Грецiи не было такихъ строгихъ законовъ, какъ въ нижнеиталiйскихъ Локрахъ, гдѣ за питье чистаго вина наказывали смертью,—все-таки у всѣхъ грековъ такое питье считалось варварствомъ, и вода обыкновенно преобладала надъ виномъ; при этомъ соблюдалось отношенiе либо 3 : 1 (положимъ, такое вино называлось „лягушечьимъ“ и вызывало насмѣшки), либо 2 : 1, либо, что уже было рѣдкостью, 3 : 2. Характеръ грека, любившаго законы и порядокъ, выразился и въ этой области: распорядитель пира, или „симпосiархъ“, котораго обыкновенно выбирали по жребiю, опредѣлялъ смѣшенiе вина, число и родъ кубковъ и вообще слѣдилъ за соблюденiемъ всѣхъ правилъ пира. Южная живость, непринужденно-остроумное и живое общенiе между молодыми и старыми въ хорошее время были болѣе благородными удовольствiями этого пира, чѣмъ различныя развлеченiя, которыхъ современемъ появлялось все больше и больше. Главными изъ нихъ

91. ИЗОБРАЖЕНIЕ НА ВАЗѢ ЭПОХИ РАСЦВѢТА.

Stackelberg, Gräber d. Hell.

Двѣ сцены изъ женскаго покоя, обозначеннаго лентами, флакономъ и т. д. Налѣво сидитъ женщина (2) за пяльцами между двухъ другихъ женщинъ, изъ коихъ одна приноситъ рабочую корзинку (1), а другая, матрональной наружности, смотритъ. Направо сидящая женщина (5) смотрится въ зеркало, изображенное въ профиль, тоже между двухъ другихъ, изъ коихъ одна (6) держитъ подушку для булавокъ и флаконъ для духовъ, а другая (4) тонкую ткань. Одежда разнообразна: на 4 хитонъ безъ пояса, у 3 гиматiй покрываетъ голову (уличный костюмъ), 1 и 6 въ диплоидѣ (покрывающая грудь и спину накидка, изъ одного куска съ хитономъ). Разнообразны и украшенiя волосъ: 1 вѣнокъ, 2 ленты, 5 широкая тесьма, 3 дiадема, 4 чепецъ.

были разнообразныя пѣсни, исполняемыя пирующими поочередно, фокусы съ кубкомъ и другими предметами, игры въ кости и шашки, практикующаяся еще до сихъ поръ на югѣ игра въ „мору“, въ особености же своеобразныя игра въ „коттабъ“ (рис. 89), которая заключалась въ томъ, что играющій старался ловко плеснуть остатокъ вина на дискъ, находившійся въ равновѣсіи на высокомъ шестѣ; этотъ дискъ тогда соскальзывалъ и падалъ на другой дискъ, который при этомъ громко звенѣлъ. Въ общемъ, характерно то, что грекъ древнѣйшихъ временъ во всѣхъ подобныхъ затѣяхъ принималъ самъ живое участіе, а не ограничивался, какъ полный достоинства римлянинъ, однимъ созерцаніемъ.

92. **ПЕНЕЛОПА ЗА КРОСНАМИ.**
По Helbig, Führer I.
Станокъ изъ вертикальныхъ, за которыми работали стоя. Наверху свернутая готовая ткань. Нити основы свѣшиваются, отягченныя маленькими гирями конической формы.

Семья.

Такъ-то въ условіяхъ жилища, одежды и пищи грековъ замѣтна большая разница, сравнительно съ гомеровскимъ временемъ; еще болѣе значительныя перемѣны произошли за это время въ самомъ важномъ нравственномъ организмѣ общества, въ семьѣ, особенно въ положеніи жены и дѣтей.

Заключеніе брака.

Что касается основанія **семьи**, заключенія брака, то только Спарта осталась вполнѣ вѣрной старинѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, — по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Здѣсь происходило еще, напримѣръ, хотя и скорѣе въ видѣ обряда, древнее умыканіе невѣсты. Въ другихъ же областяхъ Греціи возобладали новыя воззрѣнія. Такъ, отъ покупки невѣстъ, о которой напоминаютъ гомеровскіе обычаи, не осталось болѣе и слѣда, и приданое жены начинаетъ играть значительную роль. Вслѣдствіе этого, въ особенности въ Аѳинахъ, все болѣе и болѣе значенія получаютъ родители, какъ посредники при заключеніи брака; послѣдній заключался, какъ и вообще въ древности, главнымъ образомъ, въ видахъ прижитія законныхъ дѣтей, что спартанское законодательство и признаетъ со всей своей откровенной послѣдовательностью. Свадебные обычаи грековъ отличаются тѣмъ же сліяніемъ религіознаго и семейнаго элементовъ, какое встрѣчается и у дру-

гихъ одаренныхъ теплой душой народовъ. Послѣ нѣкоторыхъ жертвъ, приносившихся богамъ брака, женихъ и невѣста берутъ брачную ванну,— не общую, по распутному обычаю христіанскаго средневѣковья, а каждый особо, въ своемъ домѣ. Воду для ванны брали изъ священнаго, часто вдѣланнаго въ манументальную оправу источника, напр., въ Аѳинахъ изъ всѣми почитаемаго „прекрасно текущаго источника" Каллиррои (рис. 90; ср. рис. 86). Чтобы ознаменовать прощанье съ своей минувшей дѣвичьей жизнью, невѣста посвящаетъ богинѣ символическіе дары, локонъ и поясъ, но часто также и любимую свою игрушку— куклу. Женихъ, сопровождаемый родителями, родственниками и друзьями, приходитъ въ украшенный вѣнками домъ невѣсты къ торжественному жертвоприношенію въ честь боговъ брака и къ праздничной трапезѣ, въ которой принимаютъ участіе и женщины, обыкновенно исключаемыя изъ пировъ мужчинъ. Послѣ заката солнца невѣста, все еще подъ густымъ покрываломъ, при свѣтѣ факеловъ, сидя въ колесницѣ между женихомъ и дружкой (Paranymphos), ѣдетъ въ свой новый домъ подъ пѣніе „гименея", или свадебной пѣсни, которая у грековъ никогда не вырождалась въ дикую и непристойную пѣсню, какъ это бывало часто у простонародья въ другихъ странахъ. Мать жениха встрѣчаетъ ее тамъ у двери, подаетъ ей плодъ айвы, символъ плодовитости, и ведетъ ее въ брачный покой; но ея собственная мать, съ факеломъ, идетъ за нею, чтобы возжечь на новомъ очагѣ старый домашній огонь; участники шествія осыпаютъ невѣсту лакомствами, и опять хоръ юношей и дѣвушекъ поетъ въ честь новобрачной передъ брачнымъ покоемъ веселыя пѣсни, эпиталаміи, сопровождая ихъ струнной игрой и пляской. Первые два дня молодые получаютъ отъ своихъ родственниковъ обильные свадебные подарки; тогда же въ Аѳинахъ молодая супруга торжественно вводилась въ гражданское товарищество мужа, его „фратрію".

93. Кукла изъ глины съ подвижными членами. Ant. du Bosph. Cim.

Женщина.

Положеніе женщины въ домѣ въ эти времена, сравнительно съ гомеровскими условіями жизни, уже измѣнилось къ худшему. Только Спарта, проявляя и здѣсь свой консерватизмъ, благодаря вліянію своихъ героическихъ матерей, составляетъ исключеніе. Хотя рѣзкое отдѣленіе женскихъ покоевъ отъ другихъ помѣщеній наступило лишь позднѣе, все-таки іоняне уже тогда подчинились вліянію восточныхъ представленій о женщинѣ. Только спартанское воспитаніе способствовало.

какъ мы видѣли, болѣе живымъ сношеніямъ между дѣвушками и мужчинами; въ другихъ же областяхъ для этого требовались особые поводы, напр., религіозныя празднества, которыя, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи имѣли серьезное значеніе. Женщины проводили всю свою жизнь, по бо́льшей части, въ надзорѣ за порядкомъ въ домѣ, за воспитаніемъ дѣтей, въ домашнихъ работахъ и за своимъ туалетомъ. Эта дѣятельность была совсѣмъ не мала и могла наполнить весь день женщины, тѣмъ болѣе, что въ эти древнія времена (какъ и во времена Гомера) не только пища приготовлялась дома въ гораздо бо́льшемъ объемѣ, но также и вся одежда была домашняго издѣлія. Среди своихъ невольницъ свободныя женщины занимались пряжей и тканьемъ, иногда также вышиваньемъ (рис. 91). При этомъ на ряду со старымъ неудобнымъ гомеровскимъ станкомъ (рис. 92) употреблялся новый, въ которомъ основа, какъ у насъ, была натянута горизонтально. Не всегда женщины работали только для домашняго обихода: изготовленіе старинныхъ праздничныхъ „пеплосовъ“ для богинь, — которые въ Аѳинахъ на панаѳинеяхъ (т.-е. праздникѣ въ честь Аѳины) превращались въ художественныя расписныя хроники, украшенныя изображеніями государственныхъ мужей,—показываетъ, насколько эта домашняя дѣятельность позволяла и женщинамъ работать для того идеала, который стоялъ передъ каждымъ гражданиномъ,—для увеличенія славы своей родины. Вполнѣ естественно, что и туалетъ игралъ важную роль; его частности,—начиная съ омовенія изъ красиво изогнутой мраморной чаши, которая появляется изрѣдка вмѣсто старой глиняной ванны Гомера, — изображены на вазахъ этого періода въ граціозныхъ рисункахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ и о невзыскательныхъ развлеченіяхъ, которыми забавлялись гречанки въ свободное время. Въ особенности любили онѣ мячикъ и качели, но забавлялись также шашками, музыкой и уходомъ за домашними животными, среди которыхъ гуси пользовались особенною любовью.

94. Изображеніе на краснофигурной вазѣ.
По Lenormant et de Witte. El. cér. I.
Аѳина задумчиво подноситъ ко рту грифель, собираясь писать на тройномъ складнѣ (триптихѣ).

Дѣти.

При незначительной величинѣ греческой общины, при ея замкнутости, которая препятствовала ея расширенiю, наличность дѣтей въ семьяхъ имѣла большое значенiе; особенно болѣзненно чувствовался недостатокъ мужского потомства, главнымъ образомъ, по религiознымъ причинамъ,—потому что опасались прекращенiя культа предковъ; поэтому усыновленiе было болѣе важнымъ актомъ, чѣмъ въ настоящее время.

Вскорѣ послѣ рожденiя, новорожденнаго обносили вокругъ домашняго очага и этимъ какъ бы поручали его защитѣ домашнихъ боговъ; на десятый день, послѣ принесенiя благодарственной жертвы, ребенку давалось имя, причемъ мальчику часто давали имя дѣда. Няньки и кормилицы, при своеобразныхъ соцiальныхъ условiяхъ древности, играютъ большую роль въ теченiе дѣтства и юности дѣвушекъ, оставившую свои слѣды также и въ серьезной и веселой драмѣ; при этомъ благодарность создавала часто ласковыя и человѣческiя отношенiя, особенно между госпожею и прислужницею. Дѣтская жизнь, какъ она намъ извѣстна изъ произведенiй художественной промышленности, главнымъ образомъ, изъ росписи на вазахъ, ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ современной намъ. Ребенка качали въ колыбеляхъ различнаго устройства и пеленали, вопреки принципамъ современной гигiены. Погремушки, глиняныя куклы, часто съ подвижными членами (рис. 93), всевозможныя животныя, двухколесныя телѣжки, домики, корабли изъ кожи составляютъ обычные предметы занятiй вмѣстѣ съ собственными изобрѣтенiями дѣтской фантазiи. Также не было недостатка въ лошадкахъ, обручахъ и змѣяхъ; ходули, любимая на югѣ игра въ шары (Воссiа), ловля насѣкомыхъ и ящерицъ тоже забавляли дѣтей.

Воспитанiе.

До шестого года мальчики и дѣвочки выростаютъ вмѣстѣ, порученные заботливому уходу женщинъ. Только тогда для мальчиковъ начинается ученье подъ надзоромъ „педагога“, одного изъ старшихъ вѣрныхъ слугъ, который не имѣлъ никакого отношенiя къ образованiю мальчика, но, какъ его постоянный спутникъ (обыкновенно до 16 лѣтъ), посвящалъ его во всѣ правила общежитiя и благопристойности, а также наблюдалъ за его платьемъ, за его манерами на улицѣ и за столомъ и вообще за его поведенiемъ. Прямо-таки поразительной простотой отличалось преподаванiе у этого самаго образованнаго народа древняго мiра. Грамматикѣ, музыкѣ и гимнастикѣ (рис. 174 а. б.) мальчикъ обучался у частныхъ учителей, къ которымъ онъ ходилъ на домъ въ сопровожденiи „педагога“. Обученiе грамматикѣ состояло только въ первоначальномъ ознакомленiи съ чтенiемъ, письмомъ и счетомъ.

Письмо.

Для упражненiя въ письмѣ удобнымъ матерiаломъ служили дощечки, покрытыя слоемъ воска, на которомъ, при помощи грифеля, выводились буквы, такъ что ихъ тотчасъ можно было стереть (рис. 94). Эти дощечки и въ обыденной жизни пользовались большимъ рас-

пространеніемъ, въ виду чрезмѣрной дороговизны другихъ писчихъ матеріаловъ. Уже къ концу этого періода, еще до Геродота, была въ употребленіи бумага, искусно приготовленная изъ прессованныхъ слоевъ папируса; у іонійцевъ же съ древнихъ временъ, кажется, употреблялись для письма козья и овечья шкуры, и, такимъ образомъ, былъ данъ почипъ приготовленію пергамента.

95 и 96. НАРУЖНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ НА ЧАШѢ.
По Gerhard, Vasenb.
Посрединѣ два кулачныхъ бойца. Надзиратель съ длинною тростью что-то поправляетъ. Налѣво юноша съ тесьмой, служившей для измѣренія пространства при прыжкѣ и бросаніи диска. Направо юноша съ гирями, удивленный неправильнымъ поступкомъ одного изъ кулачныхъ бойцовъ.

Два борца; болѣе искусный, предупредивъ нагибъ противника, схватилъ его за руки. Надзиратель, съ посохомъ и тростью, спокойно смотритъ на него. Направо юноша разрываетъ почву, а у другого въ рукѣ мѣрильная тесьма.

Музыка.

Несмотря на значительную роль музыки какъ въ школѣ, такъ и въ жизни, ея несложность сравнительно съ современными условіями прямо поразительна. Успѣхи, достигнутые греками въ искусствѣ музыкальнаго исполненія, выясняются для насъ лишь изъ послѣдующаго

періода, между тѣмъ какъ незамысловатые инструменты извѣстны намъ изъ глубокой древности и со временъ Гомера до позднѣйшаго времени сохранились съ несущественными видоизмѣненіями.

Такъ какъ у струнныхъ инструментовъ не было выпуклой подставки, то у нихъ, какъ и у нашихъ гитаръ, немыслимо было употребленіе смычка. Звуки извлекались лишь при помощи пальцевъ или такъ называемаго „плектра", палочки, сдѣланной изъ дерева, слоновой кости или металла (ср. рис. 157). Уже одно разнообразіе видовъ заставляетъ насъ признать струнный инструментъ національнымъ у эллиновъ. Существуютъ три основныя формы: ѳракійская лира, сдѣланная изъ панцыря черепахи, азіатская киѳара, весьма схожая съ современной цитрою, съ прямоугольнымъ резонансомъ изъ деревянныхъ, металлическихъ или костяныхъ дощечекъ (ср. рис. 51), и, наконецъ, арфа (или тригонъ), у которой обращенная къ играющему сторона была снабжена резонансомъ. Количество струнъ у инструментовъ было весьма различно и доходило иногда до 15 и болѣе. Инструменты

Изъ духовыхъ инструментовъ встрѣчаются лишь свирѣль (syrinx), флейта или точнѣе кларнетъ (aulos) и труба (salpinx). Самый простой видъ свирѣли—пастушеская, составленная изъ 7—9 трубочекъ различной длины. По всей вѣроятности, изобрѣтатель ея старался воспроизвести явленіе природы, а именно шелестъ вѣтра, проносящагося по тростнику. Инструментъ, обычно называемый флейтою (aulos), наружнымъ своимъ видомъ напоминаетъ нашъ кларнетъ или гобой, но, въ противоположность кларнету, имѣетъ низкій строй. Флейта перешла къ грекамъ изъ оргіастическихъ культовъ Азіи и почему-то мало привилась, такъ что оставалась у грековъ (кромѣ ѳиванцевъ) инструментомъ малоупотребительнымъ и чуждымъ. Лишь на короткое время въ V вѣкѣ игра на флейтѣ входила въ обученіе аѳинскихъ юношей, между тѣмъ какъ игра на цитрѣ, сопровождавшая чтеніе поэтовъ, занимала видное мѣсто въ дѣлѣ воспитанія. Флейта состояла изъ мундштука и одной, а впослѣдствіи и двухъ прямыхъ трубочекъ одинаковой или неодинаковой длины, на подобіе тѣхъ, которыя въ настоящее время употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (ср. рис. 60). Длинная труба (salpinx), неизвѣстная еще Гомеру и представляющая собою металлическую трубу съ расширеніемъ въ концѣ, повидимому, изобрѣтена тирренцами для употребленія въ качествѣ сигнальнаго военнаго инструмента, а также при богослуженіи. Прочіе духовые инструменты, заимствованные у чужихъ народовъ, какъ, напр., у египтянъ и галатовъ, тоже не получили права гражданства въ Греціи, особенно рогъ, употребленіе котораго для военныхъ цѣлей греки, повидимому, предоставляли варварамъ.

Замѣчательно, что у грековъ, столь развитыхъ духовно, самой важной областью въ воспитаніи юношества (особенно въ древній періодъ) являлось физическое развитіе. Именно тѣмъ и отличались греки отъ всѣхъ прочихъ народовъ, что, развивая здоровое тѣло, они стремились къ созданію здороваго духа и, дѣйствительно, достигали этого. Ихъ безпримѣрное въ исторіи человѣчества и прямо идеальное физическое развитіе, достигаемое при помощи гимнастики и про- Гимнастика.

являемое въ играхъ и состязаніяхъ, составляетъ поэтому одно изъ наиболѣе знаменательныхъ явленій въ греческой культурѣ. Идеаломъ для грека является соединеніе въ одномъ лицѣ прекраснаго и добродѣтельнаго человѣка, соединеніе физическаго и нравственнаго совершенства, такъ называемая „калокагаѳія". По отношенію къ этому коренному вопросу ясно выразилось различіе между двумя главными племенами грековъ: въ то время какъ дорійцы съ спартанцами во главѣ односторонне подчеркивали закаливаніе тѣла для военныхъ цѣлей, — іонійцы стремились къ гармоническому развитію души и тѣла, т.-е., къ извѣстной уравновѣшенности личности.

Вольные начатки физическихъ упражненій, восходящіе еще къ миѳическимъ временамъ, въ разсматриваемый нами періодъ получаютъ свое развитіе и регилируются, главнымъ образомъ, благодаря знаменитымъ законодательствамъ Ликурга и Солона. Культивированіе всѣхъ тѣлесныхъ упражненій начинается прежде всего съ обособленія и самостоятельнаго развитія двухъ учрежденій, служившихъ для этой цѣли: 1) общедоступной гимназіи и 2) палестры, предназначенной исключительно для мальчиковъ и для гимнастики. Вначалѣ палестра представляла собою просто открытое мѣсто для упражненій, затѣмъ она преобразовалась во дворъ, окруженный колоннами, и, наконецъ, въ позднѣйшее время она стала представлять собою зданіе довольно сложной постройки. Не малую роль въ дѣлѣ обособленія этихъ двухъ учрежденій игралъ довольно строго примѣняемый принципъ раздѣленія по возрасту, который, какъ увидимъ ниже, не лишенъ былъ и нѣкоторой политической окраски.

Въ гимназіяхъ за обученіемъ слѣдили гимнасты, которые имѣли общій надзоръ за тѣмъ, какъ обнаженные ученики упражнялись въ пріобрѣтеніи физической ловкости и изящной благородной осанки. Далѣе слѣдовали собственно учителя гимнастики или „педотрибы", и, наконецъ, назначаемый государствомъ попечитель, которому, какъ уже показываетъ самое названіе его „софронистъ", надлежало охранять самую благородную добродѣтель эллиновъ, „софросину" — уравновѣшенность. Подъ руководствомъ этихъ людей молодежь пріобрѣтала то физическое превосходство, идеальное примѣненіе котораго во славу божества мы находимъ въ агонистикѣ (искусствѣ состязанія). Прекраснѣйшимъ же воплощеніемъ его въ художествахъ являются классическіе шедевры греческой пластики, которая при иныхъ условіяхъ никогда не достигла бы своей недосягаемой высоты. При разсмотрѣніи состязаній, посвященныхъ богамъ, мы коснемся всѣхъ видовъ физическихъ упражненій молодежи, здѣсь же укажемъ лишь на безхитростную, веселую игру въ мячъ, искусно обставленную уже у Гомера, для обученія которой назначались особое мѣсто въ гимназіяхъ и даже отдѣльный учитель, и

которая практиковалась въ разнообразныхъ формахъ, сходныхъ съ нашимъ лаунъ-теннисомъ и другими современными играми.

Обращаясь къ послѣдней формѣ проявленiя личности въ семьѣ, Погребенiе.

97 (Оригиналъ) и 98 (Реконструкцiя).
ГЛИНЯНЫЙ САРКОФАГЪ ИЗЪ КЛАЗОМЕНЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.
Ant. Denkm. I.
Посрединѣ лазутчикъ Долонъ, застигнутый Дiомедомъ и Одиссеемъ. Съ обѣихъ сторонъ по щитоносцу, далѣе бига, управляемая мальчикомъ, рядомъ съ которымъ окрыленная женщина (Ирида?) всходитъ на колесницу. У коней озирающiйся воинъ, къ которому ласкается собака.—Внизу бой двухъ воиновъ изъ-за убитаго.

правда, пассивнаго характера,—къ погребенiю, мы наблюдаемъ здѣсь извѣстные консервативные элементы, обуславливаемые, главнымъ образомъ, религiозными воззрѣнiями. Такъ, рядомъ съ обычаемъ сожиганiя труповъ, бывшимъ въ ходу уже у Гомера, снова возрождается болѣе древнiй способъ погребенiя несожженнаго трупа и практикуется до позднѣйшаго времени. Ни въ какой другой области исполненiе „установленныхъ обычаевъ“ не считается такимъ священнымъ долгомъ, какъ въ дѣлѣ погребенiя,—конечно, исключая различные виды богослуженiя. Останки умершихъ на чужбинѣ перевозились на родину; если

же нельзя было ихъ достать, то здѣсь воздвигались пустыя гробницы, „кенотафіи“. Со временемъ само государство озабочивалось устройствомъ торжественныхъ похоронъ. Если сынъ по отношенію къ недостойному отцу и освобождался отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, то все-таки почести погребенія онъ обязанъ былъ ему оказать. Съ другой стороны, чрезмѣрныя почести, оказываемыя памяти покойниковъ, заставляли нѣкоторыхъ законодателей, какъ, напр., Солона, издавать ограничительные законы, направленные противъ излишней роскоши.

Умершему закрывали глаза и ротъ; женщины омывали и умащали его трупъ, послѣ чего его клали на смертное ложе, обращая его ногами къ выходу. И пока онъ, закутанный въ тонкое бѣлое полотно и окруженный вѣнками изъ тиса, покоился на парадномъ одрѣ съ оболомъ во рту, служившимъ перевозной платой для Харона (см. табл. VI), ему оказывались послѣднія почести. Женщины, большею частью за плату, пѣли свои монотонныя жалобныя пѣсни, сопровождая ихъ сильными горестными жестикуляціями, причемъ рвали на себѣ волосы и ударяли себя въ грудь (каковой обычай и въ настоящее время существуетъ на югѣ, въ особенности на греческихъ островахъ). Въ это же время возлагались друзьями на умершаго вѣнки, какъ и у насъ, и приносились прочіе дары. За этимъ первымъ актомъ выставки покойника (prothesis) слѣдовала „экфора“, выносъ открытаго трупа (въ древнихъ Клазоменахъ трупъ выносился обычно въ саркофагѣ, расписанномъ своеобразною живописью) за городскія ворота, подъ звуки флейтъ и жалобныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ родственниками и знакомыми въ черной одеждѣ. Тамъ за городомъ трупъ обыкновенно сжигался, и, послѣ тушенія костра виномъ, останки собирались въ урну.

Кладбища. Мѣста погребенія или кладбища представляютъ собою большое разнообразіе, въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій. По большей части, обширныя „некрополіи“ тянулись вдоль большихъ дорогъ, за предѣлами города, какъ, напр., уже съ раннихъ временъ въ Аѳинахъ и Сикіонѣ. Только въ Спартѣ и въ Тарентѣ мертвецовъ хоронили въ самомъ городѣ, чтобы закалять гражданъ противъ страха передъ покойниками. Тамъ, гдѣ въ изобиліи имѣлся камень, могилы сооружались изъ него; на островахъ и въ Малой Азіи онѣ устраивались въ скалахъ. Среди нихъ особенно замѣчательны ликійскія, со своими фасадами въ стилѣ деревянныхъ построекъ. Въ позднѣйшій періодъ мы встрѣтимъ памятники, стоящіе особнякомъ и оригинально задуманные, но въ общемъ греки оставались вѣрны до-эллинскому обычаю воздвигать надъ останками умершаго „тимбосъ“, могильный холмъ, который они украшали тисомъ, цвѣтами и лентами. Прекрасный древній обычай Аттики требовалъ, чтобы на земляномъ холмѣ, покрывавшемъ покойника, былъ посѣянъ хлѣбъ, и чтобы, такимъ образомъ,

Табл. VI.

РИСУНОКЪ НА АѲИНСКОМЪ ЛЕКИѲѢ.

Берлинъ. По Winter, 55. Winckelmannsprogramm.

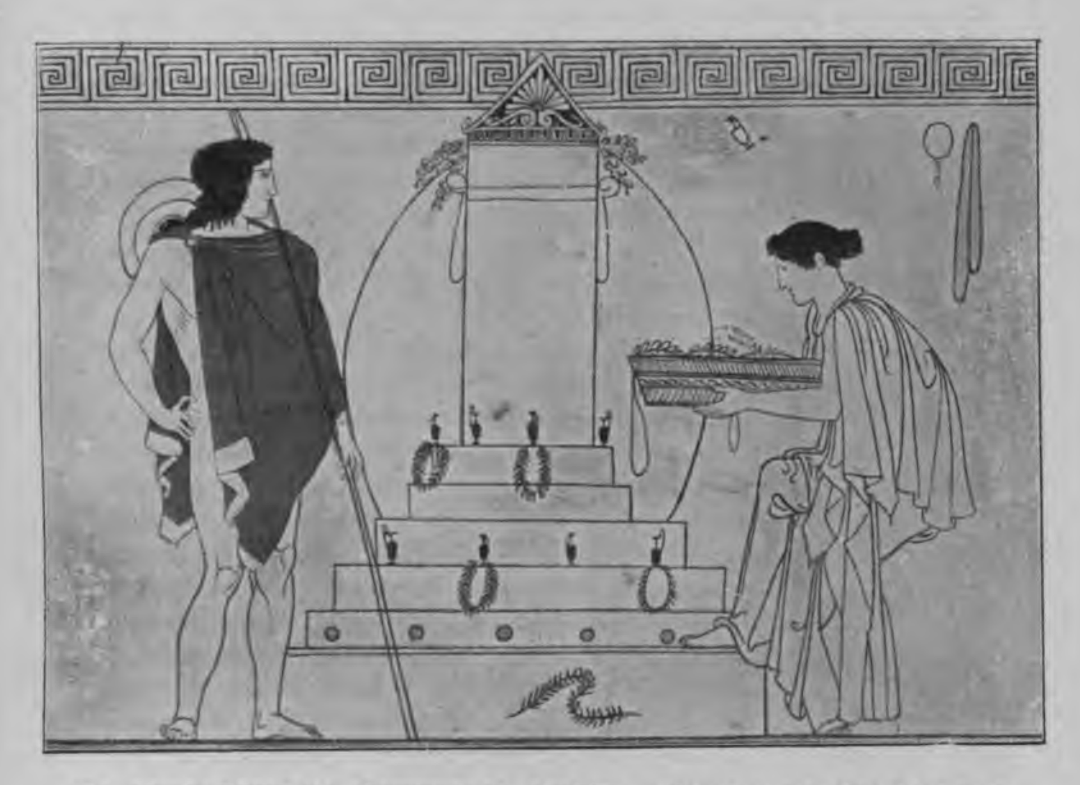
Изображено выставленіе трупа на катафалкѣ (prothesis). Умершій, юноша, одѣтъ въ свѣтлыя ткани, ложе украшено листьями, подъ нимъ лекиѳъ. Родители, убитые горемъ, склоняются надъ головой умершаго. Со стороны двери, къ которой обращены его ноги, приближается дѣвушка съ корзинкой; въ ней предполагаются цвѣты для увѣнчанія покойника; маленькая душа летаетъ по комнатѣ.—Обратить вниманіе на различіе цвѣта кожи у мужчины и женщины: этотъ пріемъ намъ извѣстенъ уже изъ чернофигурной росписи. Кромѣ бѣлаго и бураго цвѣта, встрѣчаются фіолетовый, синій и (на каймахъ) сѣро-зеленый. Въ болѣе свѣтлыя грундировки вписаны внутреннія линіи темными оттѣнками тѣхъ же цвѣтовъ. Особенно интересно начало моделировки на голыхъ частяхъ отца. Ваза, форму которой даетъ рис. 100, принадлежитъ, вѣроятно, концу V вѣка.

„Эллинская культура"

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

„кормилица“-земля была мѣстомъ покоя обреченнаго на исчезновенiе тѣла. Въ VII вѣкѣ въ Аѳинахъ еще существовалъ обычай зарывать въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ всякаго рода утварь и золотыя украшенiя въ видѣ дiадемъ. Съ 600 года на могилахъ начинають воздвигаться мраморные столбы (рис. 99), которые впослѣдствiи, благодаря своей художественной отдѣлкѣ, прiобрѣтаютъ большое значенiе въ исто-

99. ИЗОБРАЖЕНIЕ НА АТТИЧЕСКОМЪ ЛЕКИѲѢ.
Journ. of hell. st. XIX.

Могила получаетъ обычныя украшенiя въ видѣ вѣнковъ, повязокъ (тенiй) и флаконовъ съ масломъ (лекиѳовъ).

рiи искусства. Нѣсколько позже могилы покрываются также мраморными плитами, а вмѣсто домашней утвари въ могилу зарываются лишь кувшинчики съ масломъ (лекиѳы). Нерѣдко эти лекиѳы встрѣчаются на аттическихъ могилахъ въ монументальномъ видѣ (рис. 100), наравнѣ съ изображенiями сиренъ, служащихъ символомъ смерти (рис. 101). На ряду со столбами, особенно въ остальной Грецiи, встрѣчаются надгробные памятники кубической формы или круглые, украшенные цвѣтами, а впослѣдствiи и бычачьими черепами.

За похоронами слѣдовали п о м и н к и съ хвалебными рѣчами умершему и всякими поминальными дарами. Хотя трауръ заканчивался

въ Аѳинахъ на 30-й день вмѣстѣ съ третьимъ жертвоприношеніемъ, а въ Спартѣ еще раньше, однако, согласно вѣрованіямъ, покойникъ требовалъ ежегоднаго торжественнаго жертвоприношенія въ день его рожденія; мало того, по греческому обычаю, существовали ежемѣсячные поминальные дни для умершаго и еще день поминовенія всѣхъ усопшихъ, напр., у аѳинянъ въ „праздникъ цвѣтовъ“ (анѳестерій). Вообще наблюдается извѣстная смѣна идей, лежащихъ въ основаніи этого культа. Древнее почитаніе душъ умершихъ, требующее жертвъ, у Гомера уже почти исчезло, потому что, согласно его воззрѣніямъ, душа совершенно разстается съ тѣломъ, чтобы впредь пребывать въ царствѣ тѣней. Впрочемъ, какъ увидимъ дальше, въ слѣдующемъ періодѣ старыя вѣрованія снова возрождаются въ культѣ „героевъ“.

100. Аттическій лекиѳъ. (Его изображеніе воспроизведено на табл. VI). По Winter, прогр. въ честь Винкельмана № 55.

Богопочитаніе. Мы изучили грека, какъ въ его отношеніяхъ къ государству, такъ и въ кругу его семьи; теперь остается еще коснуться послѣдняго важнаго для народа вопроса, его отношенія къ божеству. Воззрѣнія грековъ на божество въ продолженіе всей ихъ исторіи въ общемъ обусловливались однимъ и тѣхъ же поразительно несложнымъ принципомъ. Это былъ наивный идеализмъ, окружавшій древніе миѳическіе образы человѣческими благами и безпрерывнымъ состояніемъ блаженства. Никогда религія не доходила до выработки догматовъ и богословской систематизаціи пестрыхъ вѣрованій народа; никогда не переступала она изъ области воображенія въ сферу отвлеченной мысли. Потому-то она и не могла создать никакихъ нравственныхъ нормъ для жизни и предоставляла это философіи, существовавшей уже въ разсматриваемый нами ранній періодъ, хотя обыкновенно философія зарождается на сравнительно высокой ступени культурнаго развитія. Далѣе, греки не знали никакой іерархіи въ духовномъ сословіи, которая могла бы присвоить себѣ извѣстную власть. Съ другой стороны, религіозные запросы ощущались не менѣе живо, чѣмъ у любого другого народа въ мірѣ. На это указываетъ то, что богопочитаніе проникаетъ всѣ области жизни, какъ общественной, такъ и частной, индивидуальной; что оно вдохновляетъ какъ серьезный трудъ, такъ и веселое развлеченіе; что, наконецъ, все искусство грековъ вызвано къ жизни лишь религіею. И при всемъ томъ рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не столько о религіи
Мистицизмъ. въ нашемъ смыслѣ, сколько о культѣ. Лишь съ VI вѣка начинаетъ зарождаться религіозное движеніе, которое дало поводъ къ важнѣйшему

въ исторіи человѣчества развитію религіозныхъ идей и завершается собственно только въ христіанствѣ. Государственная религія отличалась разсудочнымъ характеромъ; къ божествамъ, созданнымъ по образу и подобію человѣка наивнымъ воображеніемъ народа при помощи могучаго творчества поэтовъ, она относилась съ усердной, но холодной почтительностью, какъ къ могущественнымъ властелинамъ. Эта религія учила людей воздавать должное богамъ лишь въ той мѣрѣ, въ которой они разсчитывали получить отъ нихъ милости, и ограничивалась тѣми простыми нравственными принципами, которые проводилъ, напр., дельфійскій оракулъ. Но неудовлетворенная потребность сердца въ болѣе глубокой религіи, которая наполняла бы все существо человѣка, повела къ новому виду богослуженія. Древнѣйшимъ типомъ божества, которому оказывалось мистическое почитаніе подъ покровомъ тайны, былъ Діонисъ, богъ таинственныхъ порывовъ въ природѣ и въ душѣ человѣка; вскорѣ къ этому присоединились „оргіи“ другихъ божествъ, а впослѣдствіи и боговъ негреческаго происхожденія. Древнѣйшая и первобытная форма этого культа, никогда не исчезавшая у грековъ, представляетъ собою своеобразное состояніе изступленія, объяснимое только какъ явленіе патологическое; подобное же состояніе эпидемическаго характера наблюдалось въ средніе вѣка и въ другія историческія эпохи, особенно среди женщинъ. Въ Греціи этотъ экстазъ

101. Надгробная сирена изъ Аѳинъ.
По Baumeister, Denkmäler.

всецѣло направлялся по религіозному руслу. Такъ въ періодически повторяющіеся праздничные дни, посвященные божеству, на женщинъ находило изступленіе, и онѣ бѣжали въ горы. Здѣсь ихъ религіозное чувство стихійно разрѣшалось въ формѣ дикихъ плясокъ, бѣга и жертвоприношеній съ факелами, змѣями и даже съ разрываніемъ лѣсныхъ животныхъ. При описаніи классическаго періода, мы будемъ имѣть

102. РЕЛЬЕФЪ. Mus. Borb. V. Посвящаемый сидитъ на овечьей шкурѣ съ факеломъ въ рукѣ подъ покрываломъ. У жрицы тоже факелы. Жрецъ въ длиннополомъ вакхическомъ костюмѣ съ длинными рукавами и съ женственно зачесанными волосами приноситъ возліяніе.

случай убѣдиться въ томъ, какъ это примыкающее къ древнему культу природы богопочитаніе съ его неистовствомъ, вырождающимся въ чувственный разгулъ, въ странномъ контрастѣ соединялось съ проявленіями глубокой созерцательной мысли и мудрости, особенно въ орфической сектѣ. Мысль вѣрующаго направлялась къ загробному міру, и его разнузданное воображеніе рисовало ему радости, но, главнымъ образомъ, ужасы его; вѣрующая душа представляла себѣ даже нѣкотораго рода мученичество божества, особенно Діониса. Религіозный пессимизмъ, подчеркивавшій грѣховность міра, старался найти умиротвореніе для

души въ аскетическихъ формахъ покаянія, поста, въ посвященіяхъ и мистеріяхъ (см. рис. 102).

Элевсинскія мистеріи.

Чѣмъ былъ дельфійскій оракулъ среди прочихъ мѣстъ пророчествъ, или олимпійскія игры, сравнительно съ другими играми,—тѣмъ же были и элевсинскія мистеріи въ ряду прочихъ таинственныхъ культовъ, и это первенствующее значеніе ихъ объясняется какъ широкимъ распространеніемъ ихъ ученія, такъ и глубиной и благородствомъ его идейнаго содержанія. Вѣроятно, и этотъ культъ, учрежденіе котораго богиней Деметрой описывается въ гомеровскомъ гимнѣ въ честь этой богини, въ своихъ начаткахъ восходитъ до гомеровской эпохи. Съ тѣхъ поръ, какъ Элевсинъ слился съ Аѳинами въ одно политическое цѣлое, и элевсинскія празднества сдѣлались государственнымъ культомъ въ Аѳинахъ,—самыя разнообразныя группы населенія стали, мало-по-малу, стремиться къ этимъ мистеріямъ. Дѣло въ томъ, что, противъ обычая эллиновъ, различіе происхожденія не играло здѣсь роли: мужчины и женщины, свободные граждане и рабы, пріѣзжіе какъ изъ Греціи, такъ и изъ отдаленныхъ странъ, даже варвары и дѣти принимались въ этотъ тайный союзъ, если только они были чисты, т.-е. не запятнаны пролитіемъ крови.

Церемоніаломъ мистерій завѣдывалъ верховный жрецъ (іерофантъ) изъ древняго аристократическаго рода Эвмолпидовъ, вмѣстѣ съ жрицею, которые были въ то же время и толкователями священныхъ тайнъ; далѣе слѣдовали „дадухъ" или свѣточеносецъ, „керикъ" или глашатай, и, наконецъ, жрецъ при алтарѣ богини. Знаменательно то, что послѣднія должности должны были замѣщаться лицами изъ почтеннаго древне-аттическаго рода Кериковъ, и что самъ архонтъ-царь, съ помощью четырехъ „эпимелетовъ", слѣдилъ за формальной стороною торжествъ. Такимъ образомъ, празднованіе элевсинскихъ мистерій находилось въ тѣснѣйшей связи съ древнимъ родовымъ бытомъ. Кромѣ „малыхъ мистерій", осенью, во время общеобязательнаго „божьяго мира", торжественно совершались великія „элевсиніи", съ жертвоприношеніями, процессіями и факельными плясками, съ очистительными обрядами, постомъ и священными трапезами. Самымъ важнымъ моментомъ для народа являлось шествіе, въ которомъ несли по священной дорогѣ въ Элевсинъ изображеніе сына Зевса, Іакха, таинственнаго бога подземнаго царства, причемъ эта процессія останавливалась на всѣхъ этапахъ скорбнаго пути Деметры. Но для посвященныхъ центральнымъ пунктомъ торжества была священная драма, въ которой съ пѣніемъ, съ музыкой и при роскошной обстановкѣ изображались приключенія элевсинскихъ божествъ, похищеніе Коры, блужданія Деметры и, наконецъ, обрѣтеніе ею дочери. При помощи эффектовъ, дѣйствующихъ на всѣ чувства и вызывающихъ ужасъ и экстазъ, подготовлялись

вновь поступающіе въ священный союзъ. Все же вмѣстѣ взятое обѣщало посвященному блаженство въ будущемъ мірѣ и требовало отъ него праведной жизни. Хотя намъ почти ничего неизвѣстно о нравственномъ воздѣйствіи мистерій, тѣмъ не менѣе, является весьма знаменательнымъ это требованіе безупречнаго поведенія, вмѣстѣ съ игнорированіемъ, хотя бы и временнымъ, всѣхъ соціальныхъ преградъ.

Мѣста поклоненія.

Что касается внѣшнихъ условій греческаго культа и прежде всего мѣстъ поклоненія, то центрами религіозной жизни за этотъ періодъ являются роскошные храмы, эти удивительныя жилища божествъ, въ которыхъ собираются и хранятся пожертвованныя этимъ послѣднимъ сокровища, равно какъ и изображенія самихъ боговъ,—но все это будетъ разсматриваться въ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ. Рядомъ со служеніемъ въ храмахъ до позднѣйшаго времени сохранился древній, индоевропейскій культъ въ священныхъ рощахъ, среди природы. Онъ правился въ отношеніи второстепенныхъ боговъ, проявляющихъ свою власть лишь въ отдѣльныхъ явленіяхъ природы, какъ, напр., божествъ горнаго, водяного и растительнаго царствъ; но и храмы до позднѣйшихъ временъ представляли собою тоже лишь составную часть всей священной ограды (іеронъ), которая часто обнимала весьма обширное пространство, и къ которой принадлежали цѣлые доходные участки земли, часто сдаваемые въ аренду. Жертвенный алтарь находился не въ самомъ храмѣ, а передъ нимъ, въ рощѣ; въ ранній періодъ онъ воздвигался просто изъ камней и дерна, впослѣдствіи же искусно сооружался изъ благороднаго камня. Но и здѣсь уцѣлѣли нѣкоторые древніе элементы. Такъ, исполинскій алтарь при храмѣ Зевса въ Олимпіи частью былъ воздвигнутъ изъ самихъ жертвоприношеній, состоя въ нѣкоторыхъ частяхъ изъ золы и костей сожженныхъ жертвенныхъ животныхъ.

Жрецы.

Жреческое сословіе, можетъ-быть, нигдѣ не пользовалось такой незначительной властью, какъ у грековъ. При этомъ замѣчательно, что лишь въ одной этой области у грековъ женщина имѣетъ одинаковыя права съ мужчиною и въ глазахъ самого божества считалась равною ему. Особаго жреческаго сословія съ извѣстною профессіональною подготовкою и привилегіями, равно какъ и строго регулированной іерархіи жрецовъ не могло существовать уже по тому одному, что священнослужитель былъ приставленъ къ святилищу лишь въ качествѣ охранителя храма и священныхъ обрядовъ его. Каждое святилище имѣло собственно лишь одного жреца, которому былъ подчиненъ многочисленный персоналъ храмовыхъ и жертвенныхъ слугъ, казначеевъ, сторожей и іеродуловъ или рабовъ при храмѣ. Только жрецъ могъ править культъ, приносить жертвы за вѣрующихъ, завѣдывать храмомъ съ его доходами и истолковывать волю божества, но эти права не пріобрѣтались какимъ-либо особымъ обрядомъ посвященія. Помимо жрецовъ при го-

сударственныхъ храмахъ, уже съ древнихъ временъ существовали жрецы частныхъ святынь, принадлежавшихъ отдѣльнымъ общественнымъ группамъ, какъ-то: извѣстнымъ колѣнамъ (филамъ), родамъ, семействамъ, а впослѣдствіи и многочисленнымъ свободнымъ корпораціямъ, существованіе которыхъ для нашей эпохи еще не засвидѣтельствовано.

Также и въ Греціи жрецъ долженъ былъ быть физически и нравственно безупреченъ, государственный же жрецъ, сверхъ того, конечно, долженъ былъ имѣть право гражданства въ своей общинѣ. Назначеніе жреца въ рѣдкихъ случаяхъ совершалось посредствомъ выборовъ, по большей же части божеству предоставлялось указать на избранника посредствомъ жребія. Правда, ради сохраненія извѣстныхъ традицій, могла иногда представляться желательною наслѣдственная передача обязанностей священнослужителя, и, пожалуй, на этой почвѣ скорѣе всего и могла сказаться нѣкоторая тенденція къ созданію іерархіи. Въ позднѣйшіе періоды былъ довольно распространенъ своеобразный обычай продавать должность жреца. Доходы, получаемые жрецомъ, заключались въ извѣстныхъ доляхъ жертвенныхъ животныхъ, достававшихся ему, равно какъ и въ вознагражденіи за обрядъ жертвоприношенія; къ этому могли прибавляться и доходы съ имущества, принадлежавшаго храму. Въ одѣяніи жреца сохранился до послѣдняго времени типъ древней іонійской одежды, благодаря чему греческій жрецъ наружнымъ своимъ видомъ очень напоминалъ жрецовъ Востока: онъ былъ одѣтъ въ длинный, неопоясанный пурпуровый хитонъ, имѣлъ длинные развѣвающіеся волосы, а въ торжественныхъ случаяхъ иногда носилъ и различныя украшенія.

Прорицатели.

Большимъ значеніемъ и вліяніемъ, чѣмъ жрецы, пользовался прорицатель (mantis), благодаря той важности, которая придавалась предсказаніямъ будущаго, хотя со временемъ эти прорицатели отчасти утратили свою хорошую славу. Въ героическомъ вѣкѣ встрѣчаются уже типы прорицателей, какъ, напр., Калхантъ, Тиресій, Амфіарай, которые упоминаются часто въ поэзіи.

Вопрошанія боговъ.

Желаніе узнать волю боговъ во всѣ времена составляло жгучую потребность людей. И у грековъ божество открывало свою волю при помощи знаменій, которыя или являлись человѣку независимо отъ его просьбъ, или испрашивались имъ. Къ первымъ принадлежатъ разныя небесныя явленія, какъ громъ и молнія, солнечныя и лунныя затменія, но также и различныя случайныя происшествія, какъ внезапное чиханіе, знаменательныя слова, а также какія-нибудь измѣненія священныхъ предметовъ или подношеній. Особенное значеніе приписывалось птицамъ (напр., полетъ ихъ, направленный къ восходу солнца, предвѣщалъ счастье), а также и сновидѣніямъ, объясненіе которыхъ обезпечивало заработокъ множеству корыстолюбивыхъ толкователей. Къ

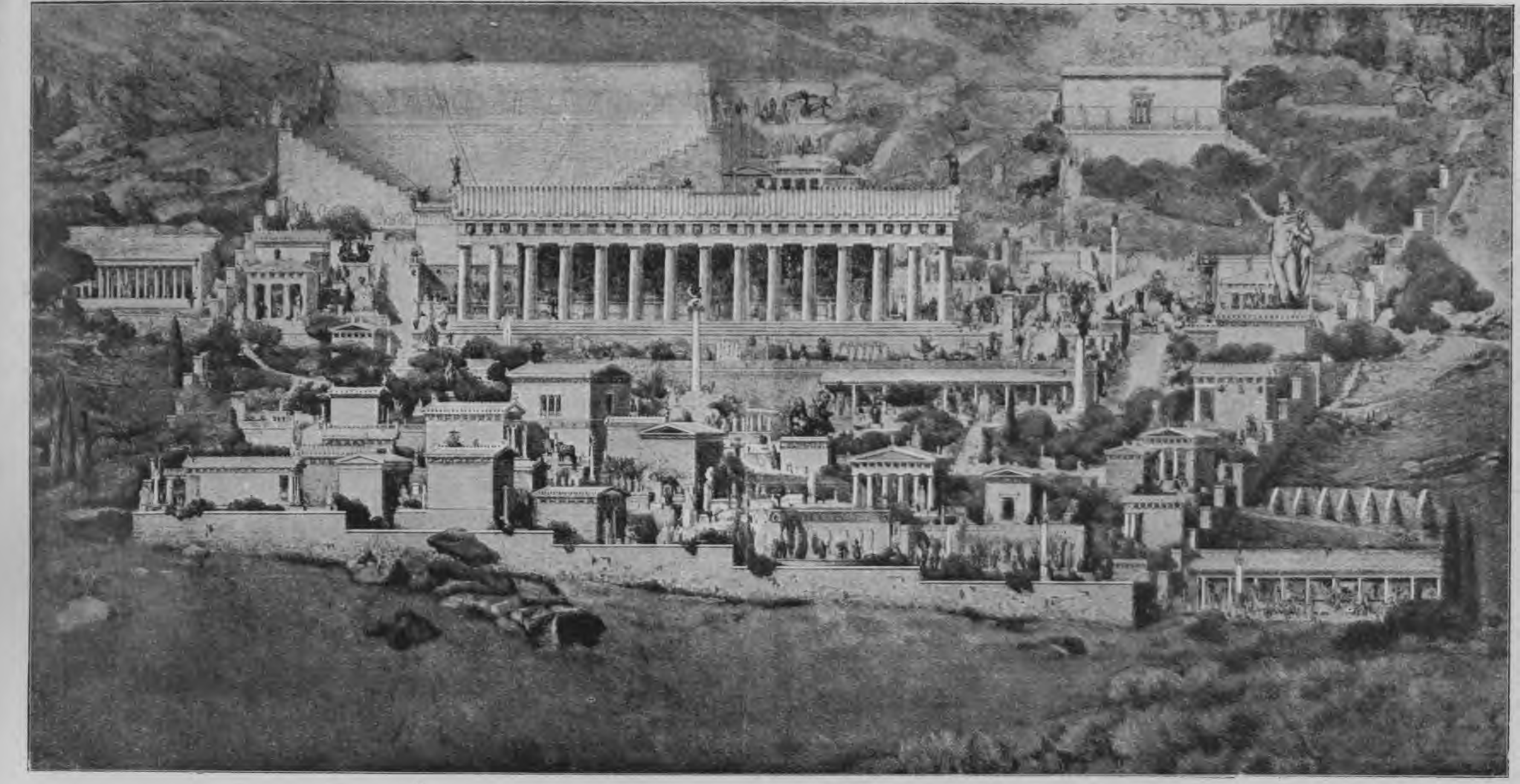
числу знаменій принадлежали и явленія, наблюдаемыя во время жертвоприношеній, причемъ обращалось вниманіе на форму внутренностей, пламени и дыма. Этотъ обычай вопрошанія боговъ практиковался особенно усердно во время войны.

Оракулы. Гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ эта, довольно-таки наивная, мантика, распространенная большею частью въ гомеровское время, пользовались оракулы, т.-е. тѣ почитаемыя почти всей Греціей мѣста, гдѣ божество давало отвѣты не только вопрошающему о будущемъ, но и ищущему совѣта. Эти мѣста въ большомъ количествѣ были разсѣяны по всему эллинскому міру; главнымъ образомъ, они были посвящены богу мантики, Аполлону. Славою древнѣйшаго оракула пользовалась хорошо знакомая уже Гомеру мѣстность Додона, гдѣ Зевсъ, богъ грозъ, являлъ свою волю въ шумѣ листьевъ посвященнаго ему дуба; и въ настоящее время эта мѣстность извѣстна какъ наиболѣе богатая грозами во всей Европѣ. Изъ болѣе поздняго времени сохранилось множество вопросовъ, сдѣланныхъ божеству и написанныхъ на свинцовыхъ дощечкахъ. Въ этихъ вопросахъ сказывается вся наивная натура грека въ его отношеніи къ божеству: такъ, напр., предлагались вопросы насчетъ украденной подушки, невѣрнаго мужа, злыхъ чаръ и т. д. (рис. 103).

103. Обломокъ свинцовой дощечки изъ Додоны.
По Carapanos, Dodone.
Авторъ вопрошаетъ, повидимому, бога, слѣдуетъ ли ему принести въ Додону и посвятить какое-то изображеніе.

Извѣстную аналогію съ современнымъ спиритизмомъ мы находимъ въ многочисленныхъ прорицалищахъ, въ которыхъ воля бога познавалась ночью во снѣ; они существовали особенно тамъ, гдѣ предполагался входъ въ подземное царство. Въ этихъ мѣстностяхъ принято было также и послѣ Гомера заклинать души умершихъ, какъ это нѣкогда дѣлалъ Одиссей, съ тѣмъ, чтобы во снѣ они открывали живымъ извѣстныя тайны. Съ другой стороны, наши прорицалища, въ которыхъ человѣкъ во снѣ вступалъ въ общеніе съ божествомъ, служили не только для того, чтобы узнать будущее, но—уже, надо полагать, съ древнѣйшихъ временъ—для того, чтобы мистическимъ путемъ вернуть больному утраченное здоровье. И, дѣйствительно, возможно, что тутъ самовнушеніе вызывало чудесныя исцѣленія даже безъ помощи врачей, дѣятельность которыхъ, впрочемъ, обыкновенно тоже находилась въ связи съ священными мѣстами. Согласно понятіямъ вѣрующаго больного, божество

СВЯЩЕННАЯ ДЕЛЬФІЙСКАЯ ОГРАДА.

На основаніи французскихъ раскопокъ воспроизвелъ А. Турнэръ.

По Nouvelles fouilles de Delphes.

Прорицалище расположено на покатости у подножія отвѣсныхъ скалъ Федріадъ (рис. 12): ограда имѣетъ въ ширину 130 метровъ и тянется вверхъ по склону на протяженіи 180 метровъ, причемъ подъемъ отъ южнаго до сѣвернаго края равняется 50 метрамъ. Все мѣсто было окружено стѣною, образовавшею неправильный четыреугольникъ. Главный входъ находился на юго-востокѣ. Отсюда вела вымощенная священная дорога вверхъ къ храму, дѣлая два поворота. Вдоль этой улицы, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, возвышались статуи и посвященія въ громадномъ количествѣ. Послѣ того, какъ Неронъ увезъ 500 статуй, количество оставшихся все еще доходило до 3000. Особенно много статуй находилось вблизи главнаго входа. Здѣсь, по правую сторону отъ входа, стояло на первомъ мѣстѣ изображеніе быка, пожертвованное керкирейцами (на большой подставкѣ, гдѣ на нашей таблицѣ ошибочно представлена пара лошадей). Напротивъ (на таблицѣ за деревьями не видно) возвышался многофигурный памятникъ аѳинянъ въ честь Мараѳонской побѣды. Вблизи находился деревянный конь, пожертвованный аргосцами въ 414 году. Въ углубленіи скалы, съ правой стороны дороги были поставлены тѣ болѣе чѣмъ 30 фигуръ, которыя Лисандръ воздвигъ за побѣду при Эгоспотамахъ. Этотъ величественный трофей отчасти закрывался побѣднымъ памятникомъ аркадцевъ, знаменовавшимъ собою отпаденіе ихъ отъ Спарты (370). Далѣе слѣдовало на лѣвой сторонѣ изображеніе семи вождей противъ Ѳивъ, вмѣстѣ съ колесницею Амфіарая, пожертвованною аргосцами за побѣду при Эноѣ (456). Рядомъ съ нею стояли полукругомъ Эпигоны, также посвященіе аргосцевъ. Направо отъ дороги, вторымъ полукругомъ были расположены статуи аргосскихъ мѣстныхъ героевъ отъ Даная до Геракла, воздвигнутыя тѣми же аргосцами въ память униженія Спарты (370 г.). Такимъ образомъ, въ этихъ мирно стоявшихъ рядомъ памятникахъ, были увѣковѣчены безконечные племенные раздоры эллиновъ.

Далѣе по священной дорогѣ тянулось болѣе дюжины сокровищницъ, выстроенныхъ отдѣльными общинами между 600 и 400 годами. Хорошо сохранилась сокровищница книдосцевъ, похожая на храмъ въ іонійскомъ стилѣ, съ антами и каріатидами вмѣсто колоннъ (рис. 199); цѣликомъ дошелъ до насъ многофигурный фризъ, который раньше былъ расписанъ пестрою живописью (рис. 200). Еще лучше, пожалуй, сохранилась сокровищница аѳинянъ (въ дорійскомъ стилѣ), которая построена около

510 года и будетъ снова реставрирована. Передъ ней, на особой подставкѣ, были расположены предметы добычи съ мараѳонской битвы. На ея стѣнахъ, со второго вѣка, были вырѣзаны гимны съ надписанными нотами, изъ которыхъ наши свѣдѣнія объ античной музыкѣ существенно обогатились.

Позади большого зданія, въ которомъ многіе склонны признать ратушу, находится мѣсто, гдѣ скала была оставлена въ своемъ первоначальномъ видѣ. Тутъ помѣщались нѣкоторые изъ древнѣйшихъ сакральныхъ памятниковъ: на первомъ мѣстѣ каменная глыба съ изображеніемъ Латоны, далѣе, отдѣленная отъ нея такъ называемымъ ущельемъ Змѣя, скала Сивиллы, гдѣ, по преданію, сивилла Герофила впервые изрекала свои оракулы; затѣмъ, сѣвернѣе, святилище богини Геи, которой первоначально были посвящены Дельфы. Надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ возвышалась колонна, воздвигнутая наксосцами и украшенная торжественно-неподвижнымъ сфинксомъ.

Дальнѣйшій путь велъ къ круглой праздничной площади «Halos», т.-е. къ току, гдѣ каждыя 8 лѣтъ пѣлись пѣсни въ честь умерщвленія дракона Пиѳона Аполлономъ; здѣсь же выстраивались и отсюда выходили процессіи.

Непосредственно за колонною наксосцевъ возвышается полигональный контрфорсъ храмовой террасы; онъ весь покрытъ надписями, которыя знакомятъ насъ съ постановленіями амфиктіоновъ списками побѣдителей и документами объ отпущеніи на волю рабовъ. Въ общемъ найдено болѣе 6000 надписей во всей священной оградѣ.

Между этою стѣною и площадью (Halos) тянулась святыня славы, построенная аѳинянами, вѣроятно, въ благодарность за Саламинскую побѣду и уставленная 480-ю корабельными украшеніями, доставшимися имъ въ добычу. Впослѣдствіи (въ 428 году) Форміонъ прибавилъ сюда еще другіе морскіе трофеи, взятые у спартанцевъ. Около юго-восточнаго угла этой святыни стояла на высокомъ пьедесталѣ Побѣда Пэонія, которая, вѣроятно, послужила образцомъ для возведенной по такому же поводу навпактійцами и мессенцами въ Олимпіи (ср. рис. 272).

Противъ восточной стороны храмовой террасы тоже стояли многочисленные памятники; такъ, напримѣръ, побѣдный треножникъ въ честь Платейской побѣды, у котораго ножки въ 6 метровъ вышины поддерживали золотую чашу, а средней подпоркой служила знаменитая змѣевидная колонна; круглая подставка съ углубленіями для трехъ ножекъ этого посвященія въ настоящее время найдена. Направо находилась исполинская статуя Аполлона, прозваннаго Sitalkas, въ 16 метровъ вышины, воздвигнутая амфиктіонами послѣ побѣды надъ фокійцами въ 346 году.

На неправильной террасѣ, поднимающейся двумя выступами, находился храмъ Аполлона въ дорійскомъ стилѣ, отъ котораго найденъ лишь фундаментъ. Какъ видно изъ размѣровъ его (58×23 м.), онъ былъ чрезвычайно удлиненной формы. Главная часть внутренности его, восточная, состояла изъ трехъ придѣловъ. Въ западной части, Адитонѣ (Adyton), меньшаго размѣра, находилась разсѣлина, сидя надъ которой, Пиѳія изрекала свои оракулы. Терраса вокругъ храма, какъ и самый храмъ, изобиловали посвященіями; близко къ юго-восточному углу храма стояла, напр., мачта съ тремя золотыми звѣздами, которую граждане Эгины пожертвовали послѣ Саламинской битвы. Далѣе, здѣсь найденъ широкій пьедесталъ, на которомъ Персей Македонскій хотѣлъ поставить свою статую; вмѣсто нея, однако, Эмилій Павелъ, его римскій побѣдитель, поставилъ свою собственную. Большой алтарь передъ восточнымъ фронтомъ храма былъ поставленъ хіосцами около 520 года.

Нѣсколько сѣвернѣе отъ этого алтаря помѣщалась весьма изящная акантова колонна, на капители которой были изображены танцующія дѣвушки. Недалеко стояли золотые треножники, которые Гелонъ Сиракузскій и его братья принесли въ даръ за побѣду при Гимерѣ (480).

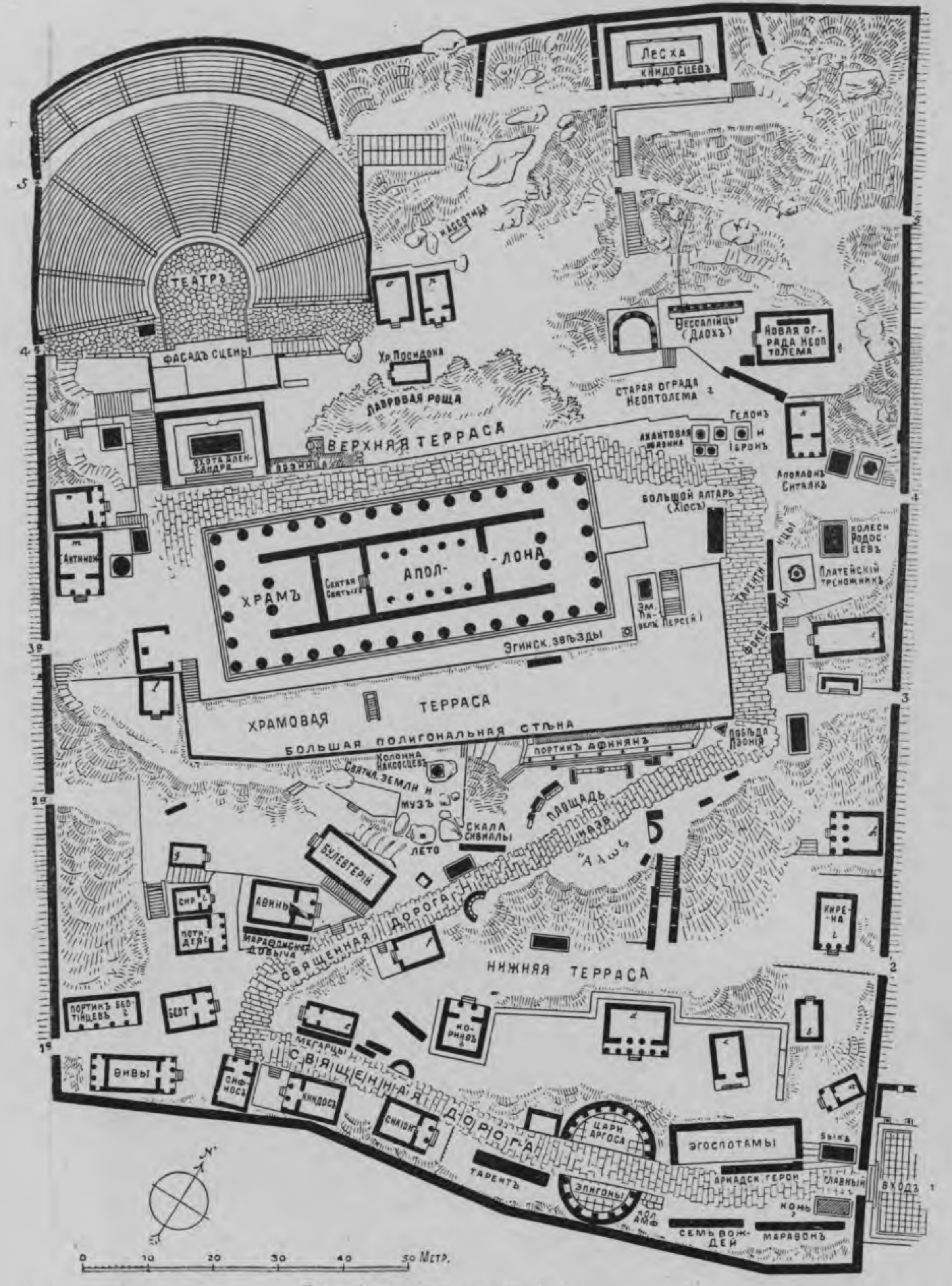
На сѣверѣ отъ этихъ памятниковъ, вѣроятно, слѣдуетъ искать священный участокъ Неоптолема, гдѣ у могилы героя приносились ежегодныя похоронныя жертвы. Еще сѣвернѣе къ нему примыкала узкая галлерея, открытая на югъ, въ которой ѳессаліецъ Даохъ поставилъ девять изображеній какъ его самого, такъ и его предковъ (мраморныя копіи съ бронзовыхъ статуй работы Лисиппа).

Къ западу отсюда, противъ сѣвернаго фронта храма Аполлона, тянулась роща изъ лавровыхъ и миртовыхъ деревьевъ, орошаемая священнымъ источникомъ Кассотидой; въ ней находилась древняя святыня Посидона. Въ этомъ мѣстѣ найдено изображеніе возницы работы Полизала (рис. 194),

Еще болѣе на западѣ находилось продолговатое, открытое на югъ помѣщеніе, гдѣ Кратеръ поставилъ рядъ статуй, заказанныхъ Леохару и Лисиппу, и этимъ увѣковѣчилъ знаменитую охоту на льва, на которой онъ спасъ жизнь Александру Великому. Къ западной стѣнѣ этого зданія примыкаетъ лѣстница, по которой входили въ театръ. Помѣщеніе для сцены разрушено, но мѣсто для зрителей съ его ступенями для сидѣнія хорошо сохранилось.

У сѣверной границы священной ограды находилась, наконецъ, и Леска книдосцевъ, построенная въ 420 г. какъ мѣсто для собраній. Внутри зданія былъ дворъ, окруженный колоннами, гдѣ могли упражняться атлеты. Стѣны, обращенныя на этотъ дворъ, были расписаны знаменитыми картинами Полигнота, изображавшими разрушеніе Трои и преисподнюю (стр. 324).

Начиная съ VII вѣка до Р. Хр., эта священная Дельфійская ограда считалась общегреческою національною святынею; даже иноплеменники (Крезъ, римляне) не разъ обращались къ оракулу. Въ 582 году были учреждены пиѳійскія игры, сначала только музическія, а затѣмъ и гиппическія и гимнастическія; но сама священная ограда не заключала въ себѣ мѣста для стадія и для гипподрома, и они были устроены внѣ ея. Съ IV вѣка по Р. Хр. начался упадокъ оракула и святыни, причемъ частыя землетрясенія способствовали разрушенію ея. Съ 1892 г. французы приступили къ раскопкамъ этого священнаго мѣста, что было связано съ крупными расходами. Воспроизведеніе на таблицѣ II наглядно знакомитъ насъ съ результатами этихъ раскопокъ; правда, оно изображаетъ всѣ памятники, которые когда-либо находились въ Дельфахъ, точно они всѣ находились здѣсь въ одно и то же время.

Планъ Дельфовъ по Luckenbach, Delphi

возвѣщало ему во снѣ средство для исцѣленія или даже даровало ему самое исцѣленіе во время сна.

Самымъ знаменитымъ оракуломъ, міровая слава котораго къ концу разсматриваемой нами эпохи уже достигала Рима, былъ дельфійскій оракулъ Аполлона, находившійся въ дикой, горной пустынѣ на склонѣ Парнаса (рис. 12). Когда дѣвственная Пиѳія опускалась на золотой треножникъ, находившійся въ святилищѣ, то исходящія изъ расщелины земли испаренія возбуждали въ ней экстатическое состояніе. Безсвязные слова и звуки, издаваемые ею, записывались стоявшимъ около нея прорицателемъ и затѣмъ перелагались коллегіею жрецовъ въ гексаметры, загадочный и двусмысленный характеръ которыхъ долженъ былъ защищать предусмотрительныхъ жрецовъ отъ какихъ-нибудь нареканій впослѣдствіи. Если наивная вѣра грековъ и эксплуатація ея жрецами могутъ намъ представляться отрицательными сторонами въ культѣ дельфійскаго оракула, то положительной его стороной мы можемъ считать ту культурную роль, которая выпала на его долю не только въ греческомъ мірѣ, но и за предѣлами его. Дельфійскій оракулъ служитъ наиболѣе яркимъ примѣромъ того, что самою важною стороною этихъ учрежденій является не предсказаніе будущаго, а подача совѣта въ животрепещущихъ вопросахъ времени, безразлично, идетъ ли рѣчь о чьей-либо частной жизни, о бракѣ, усыновленіи, о дѣловыхъ предпріятіяхъ и путешествіяхъ и т. п., или о дѣлахъ общественныхъ, о законодательствѣ, о перемѣнѣ государственнаго строя, о войнѣ и мирѣ, о заключеніи союзовъ, основаніи колоній и т. д. Особеное значеніе имѣли рѣшенія дельфійскаго божества въ области культа. Здѣсь они до извѣстной степени заступали мѣсто той высшей духовной инстанціи, которая въ греческой религіи отсутствовала. Такъ, напр., дельфійскому оракулу надлежало санкціонировать вновь возникающій культъ или основаніе храма и т. д. Въ особенно тѣсный союзъ съ Дельфами вступила Спарта, какъ выше было упомянуто, и этимъ до извѣстной степени упрочила свое политическое могущество. Такимъ образомъ, дельфійское святилище стало по важности своей исключительнымъ центромъ въ области религіи и нравовъ, агонистики и развлеченій, искусства и литературы; дальнѣйшей исторіи его развитія намъ еще придется коснуться въ слѣдующихъ главахъ. Наружный видъ этого священнаго мѣста выяснился, благодаря раскопкамъ, сдѣланнымъ французскими учеными въ послѣднее время (ср. табл. II).

Очистительные обряды.

Прослѣживая далѣе случаи, въ которыхъ человѣкъ вступаетъ въ общеніе съ божествомъ, замѣтимъ, что и у грековъ былъ принятъ извѣстный очистительный обрядъ въ видѣ подготовленія къ этому общенію. Это очищеніе совершалось посредствомъ воды, огня и дыма, въ

особенности при помощи сѣры; кромѣ того, вѣтка мирта, розмарина и можжевельника, а особенно вѣтка лавра, посвященнаго Аполлону, обладали силою смывать съ человѣка даже пролитую кровь. Къ этому очищенію иногда прибѣгали цѣлыя общины; такъ, напр., надъ аѳинянами, запятнанными массовымъ убійствомъ сторонниковъ Килона, совершилъ обрядъ очищенія приглашенный изъ Крита жрецъ Эпименидъ.

Молитва.

Средствами, при помощи которыхъ люди вступали въ непосредственное общеніе съ божествомъ, всюду служили молитвы и жертвоприношенія, а мотивами для нихъ—просьба, благодарность или умилостивленіе. У грековъ, какъ и у другихъ народовъ, молитва, бо́льшею частью, сводилась къ общей формулѣ, причемъ греки обыкновенно возсылали ее не къ одному обществу, а къ троицѣ. Молитвенный жестъ, съ которымъ они обращали лицо и руки къ небожителямъ, соотвѣтствовалъ, какъ нельзя лучше, свободному, гордому полету души грека. Родственнымъ съ молитвою, по античнымъ представленіямъ, является проклятіе; а формула клятвы, всегда связанной съ жертвоприношеніемъ, оканчивалась проклятіемъ самого себя въ случаѣ нарушенія обѣта.

Подношенія богамъ.

По наивнымъ воззрѣніямъ древнихъ, боги, дарующіе людямъ всякія блага, требуютъ съ своей стороны вознагражденія за это; поэтому обыкновенно молитва соединялась съ обѣтомъ. Обѣщанные дары бывали двоякіе: преходящаго или болѣе постояннаго характера. Къ первымъ относятся жертвы, ко вторымъ—дары, предлагаемые богамъ въ громадномъ разнообразіи, начиная съ наивныхъ подношеній предметовъ обихода, ставшихъ негодными для употребленія, и кончая грандіозными сооруженіями храмовъ и безсмертныхъ произведеній искусства.

Жертвы.

Жертвы, сожигаемыя въ честь небожителей и подземныхъ боговъ и бросаемыя въ воду для морскихъ и рѣчныхъ, бывали кровныя и безкровныя; къ послѣднимъ принадлежатъ и возліянія. Обычными подношеніями являлись жертвенныя лепешки, фрукты, сыръ, ѳиміамъ, а въ особенности первый сборъ полевыхъ плодовъ. Для возліяній употреблялось вино, а во время жертвоприношенія подземнымъ богамъ—смѣсь изъ меда, молока и воды. Кровныя жертвы сводились, главнымъ образомъ, къ торжественнымъ пиршествамъ, причемъ при выборѣ жертвуемыхъ домашнихъ животныхъ принимались въ разсчетъ полъ и значеніе божества, которому приносилась жертва. Церемоніалъ, установленный еще въ гомеровскую эпоху, вѣроятно, по существу остался безъ измѣненія и для слѣдующихъ временъ (ср. рис. 60). Только жертвы, приносимыя подземнымъ богамъ или при произнесеніи обѣта, а также умолостивительныя, какъ бы обремененныя проклятіемъ, обыкновенно уничтожались безъ остатка. Первобытныя человѣческія жертвоприношенія, заимствованныя, вѣроятно, съ Востока, существовали въ этотъ періодъ лишь въ формѣ своеобразныхъ символическихъ обря-

довъ. Вообще же жертвы сохраняютъ, какъ уже замѣтно въ гомеровскую эпоху, характеръ торжественнаго повода къ веселому праздничному пиршеству, на которомъ, въ отличіе отъ ежедневной скромной пищи, состоящей изъ полевыхъ плодовъ, съѣдались домашнія животныя, считавшіяся въ болѣе древнюю эпоху неприкосновенными. Въ особенности тѣ жертвы, которыя часто въ грандіозныхъ размѣрахъ приносились отъ государства, извѣстныя еще у Гомера подъ названіемъ „гекатомбъ", были праздниками для всего народа.

Пляска.

Во время жертвенныхъ пиршествъ существовалъ обычай выражать общее веселье посредствомъ хороводныхъ плясокъ, которыя, благодаря участію въ нихъ стройныхъ юношей и красивыхъ дѣвушекъ, удовлетворяли художественному чувству грековъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность проявляться мимическому таланту. Въ различныхъ движеніяхъ ногъ, въ гибкости торса, въ ритмическихъ жестахъ рукъ заключались начатки орхестики, получившей впослѣдствіи такое развитіе. Въ этихъ танцахъ отразился и воинственный духъ грека, а именно въ характерной для дорійскаго племени пляскѣ съ оружіемъ (популярной и у германцевъ), „пиррихѣ", которая воспроизводила въ видѣ мимической сцены движенія нападенія и обороны. Не менѣе интересное зрѣлище представляли собою многочисленныя праздничныя процессіи, наивысшее развитіе которыхъ — шествіе въ панаѳинскій праздникъ — будетъ разсмотрѣно нами въ другомъ мѣстѣ.

Празднества.

Въ разсматриваемый нами періодъ искренней вѣры празднества въ честь боговъ находятся на высшей точкѣ своего развитія, не только количественно, но, главнымъ образомъ, благодаря своему значенію и роскоши. Ихъ существенными составными частями являются, какъ и въ гомеровское время, жертвы, хороводныя пляски и праздничныя шествія. Теперь къ нимъ присоединяется замѣчательная агонистика, которая вступаетъ въ тѣсную связь съ богопочитаніемъ и вскорѣ достигаетъ пышнаго расцвѣта, между тѣмъ какъ у Гомера она являлась еще въ зачаточномъ состояніи и была связана только съ похороннымъ культомъ. Ни одинъ народъ не сознавалъ въ такой мѣрѣ, какъ греки, необходимость напряженія всѣхъ силъ для созданія чеголибо выдающагося. Самымъ же естественнымъ у нихъ стимуломъ для этого являлось соревнованіе въ формѣ агона, который придавалъ неумолимому закону права сильнаго извѣстное идеальное освѣщеніе. Этотъ принципъ соревнованія распространялся на всевозможныя области жизни, отъ самыхъ возвышенныхъ проявленій до самыхъ низменныхъ, и создавалъ все новыя формы; все же праздничный агонъ, получившій свое развитіе въ нашъ періодъ, ограничивался сравнительно немногими простыми формами. Различались три вида состязаній: гимническій агонъ, гиппическій и музическій. Къ гимническому

Агонъ.

агону, въ которомъ участники состязались обнаженными, относятся различные виды бѣга (рис. 104), прыганіе, бросаніе металлическаго диска (ср. рис. 205), бросаніе въ цѣль копьемъ, борьба и кулачный бой (ср. рис. 95 и 96), и, наконецъ, принятое лишь въ VII вѣкѣ въ Олимпіи соединеніе послѣднихъ двухъ видовъ, такъ называемый панкратій. Уже въ концѣ VIII вѣка существовалъ обычай соединять пять первыхъ упомянутыхъ видовъ состязаній въ такъ наз. пентатлъ (пятиборство), который, очевидно, предъявлялъ къ борцамъ чрезвычайно высокія требованія. Для болѣе древняго періода особенно

104. Изображеніе на чернофигурной вазѣ. По Gerhard, Vasenb. IV.

Состязающіеся въ бѣгѣ на стадіи въ Аѳинахъ.

характерно то уваженіе, которымъ пользовался гимническій агонъ. Что же касается гиппическаго агона, т.-е. состязанія лошадей (обыкновенно четверокъ, какъ и у Гомера), то этотъ видъ имѣлъ значеніе въ тѣ времена, когда главное вниманіе обращалось на внѣшній блескъ. Чтобы отличиться силою и ловкостью въ гимническомъ агонѣ, требовалось тщательное развитіе всего тѣла, между тѣмъ какъ въ гиппическомъ агонѣ требовались только твердая рука и вѣрный глазъ, чтобы править лошадьми, главнымъ же образомъ, средства для содержанія и воспитанія породистыхъ коней, почему этотъ видъ состязанія былъ доступенъ лишь людямъ богатымъ. Такимъ образомъ, изъ древняго ге-

роическаго вѣка средневѣковому періоду передалась не только двухколесная легкая, боевая колесница, но и тотъ рыцарскій духъ, который могъ проявляться въ этихъ состязаніяхъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не перешло въ руки профессіональныхъ возницъ. Къ этому болѣе древнему и распространенному виду гиппическихъ состязаній съ VII вѣка присоединяется еще состязаніе наѣздниковъ. Впослѣдствіи еще прибавилось къ нимъ нѣсколько разновидностей, какъ, напр., употребленіе парной упряжи, жеребятъ, даже муловъ.

Физическое развитіе, достигнутое греками на всѣхъ этихъ состязаніяхъ въ періодъ наибольшаго ихъ расцвѣта, превосходитъ все то, до чего доходилъ спортъ во всѣ времена и особенно въ наши дни. Такъ, напр., на длительномъ бѣгѣ (долихосъ) въ Олимпіи приходилось 24 раза пробѣжать олимпійскій стадій (192,27 метр.), т.-е. всего $4^1/_2$ килом.; Фаиллъ въ Дельфахъ совершилъ непостижимый для насъ прыжокъ на разстояніе 55 футовъ, а при ѣздѣ приходилось преодолѣвать чрезвычайныя трудности въ огибаніи столба, служившаго цѣлью (рис. 105).

Третій видъ состязаній, музическій, обнималъ область художественныхъ исполненій. Сюда относились игра на флейтѣ и на цитрѣ, пѣніе съ сопровожденіемъ одного изъ названныхъ инструментовъ, главнымъ же образомъ, исполненіе произведеній лирической и драматической поэзіи. Хотя уже Писистратъ стяжалъ себѣ неувядаемую славу тѣмъ, что взялъ подъ свое могучее покровительство зарождающуюся драму, и уже къ концу нашего періода сценическія представленія въ Аѳинахъ получили извѣстную организацію, но развитіе и расцвѣтъ ихъ всецѣло принадлежатъ слѣдующему періоду, такъ что разсмотрѣніе ихъ послѣдуетъ лишь дальше.

Національныя игры.

Агонистика достигла своего апогея, когда четыре агонистическихъ празднества стали общегреческими **національными торжествами**: а именно празднества въ честь Зевса въ Олимпіи (въ Элидѣ) и въ Немеѣ (въ Арголидѣ), затѣмъ празднества въ честь пиѳійскаго Аполлона въ Дельфахъ и на Коринѳскомъ перешейкѣ въ честь Посидона. Олимпійскія и пиѳійскія игры были „пентетерическія", т.-е. происходили разъ въ четыре года, другіе два вида игръ были „тріетерическіе", т.-е. повторялись на третій годъ. Этотъ переходъ игръ въ національные праздники совершался постепенно; еще въ VIII вѣкѣ олимпійскія игры были мѣстнымъ праздникомъ, но съ того времени, какъ въ 776 году до Р. Хр. онѣ получили новую организацію, и каждое четырехлѣтіе стало называться по имени побѣдителя въ бѣгѣ,— съ тѣхъ поръ эти олимпійскія игры развились въ настоящій типичный національный праздникъ эллиновъ.

Идеальный характеръ этихъ игръ въ разсматриваемый нами періодъ выражается въ томъ, что обыкновенно столь хозяйственный

эллинскій народъ вмѣсто прежнихъ цѣнныхъ призовъ теперь видѣлъ высочайшую награду въ простомъ вѣнкѣ, который въ Олимпіи сплетался изъ оливковыхъ вѣтокъ, въ Дельфахъ изъ лавровыхъ, на коринѳскомъ перешейкѣ изъ пихты, а впослѣдствіи, какъ и въ Немеѣ, изъ тиса. Лишь въ позднѣйшее время снова стали входить въ употребленіе драгоцѣнные призы, когда роскошный цвѣтъ эллинской агонистики поблекъ, и она выродилась въ чисто-профессіональную атлетику.

Обще-греческія тенденціи.

Національныя празднества со своими святынями еще въ другомъ отношеніи представляются однимъ изъ наиболѣе важныхъ явленій этого времени. Въ нихъ впервые высказалась идея національнаго единства эллиновъ, мысль о принадлежности къ народу, отличавшемуся отъ варваровъ истинно-человѣческимъ достоинствомъ; мало того, общія заботы о національныхъ святыняхъ приводили, въ свою очередь, и къ политическому объединенію. Правда, еще раньше, въ виду изолированности греческихъ городовъ, возникла мысль объ ихъ объединеніи въ предѣлахъ извѣстнаго района; такъ образовался союзъ беотійскихъ городовъ, союзъ 12 іонійскихъ городовъ, союзъ шести дорійскихъ областей Малой Азіи, но на истинное общегреческое значеніе могли разсчитывать только такъ называемыя „амфиктіоніи“, т.-е. храмовые союзы, выросшіе на религіозной почвѣ и связанные религіозными интересами. Самою знаменитою была пилейская амфиктіонія, которая въ началѣ VI вѣка слилась съ дельфій-

Три четверки, посрединѣ понесшая лошадь, справа мета.

105. Изображеніе на чернофигурной вазѣ. По Gerhard, Vasenb. IV.

ской. Этотъ союзъ, объединявшій 12 видныхъ древнихъ греческихъ племенъ, между которыми находились фокійцы, локрійцы и (правда, въ ограниченномъ смыслѣ слова) дорійцы, іонійцы и ахейцы, ежегодно два раза собирался, въ лицѣ своихъ делегатовъ, въ Дельфахъ и Ѳермопилахъ. На этихъ собраніяхъ, на которыхъ каждое племя имѣло по 2 голоса, прежде всего, конечно, обсуждались вопросы, касающіеся дельфійскаго оракула, но, въ виду важной роли этого святилища, неминуемо приходилось касаться и политическихъ вопросовъ. Правда, это несовершенное и, въ сущности, безсильное представительство Греціи тщетно пыталось вмѣшаться въ общегреческую политику, и это поползновеніе должно было окончиться скорѣе роковымъ, чѣмъ благопріятнымъ образомъ, благодаря особенностямъ строя греческихъ государствъ; къ тому же политическое развитіе Греціи вскорѣ приняло иное направленіе. Установился извѣстный историческій законъ, въ силу котораго какое-нибудь о д н о государство стояло во главѣ цѣлой группы другихъ, взявъ на себя руководительство или гегемонію; въ разсматриваемый нами періодъ эту роль играла Спарта. Съ другой стороны, для общихъ интересовъ, связывавшихъ нѣкоторыя государства,—болѣе цѣлесообразными, чѣмъ амфиктіоніи, представлялись оборонительно-наступательные союзы (симмахіи) или просто оборонительные (эпимахіи), какъ и въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, за дельфійскою амфиктіоніею сохраняется неувядаемая слава перваго почина, сдѣланнаго ею въ видахъ осуществленія идеи гуманности на войнѣ, по крайней мѣрѣ, для той области, гдѣ распространялось вліяніе этой амфиктіоніи,—той гуманности, которая и въ современномъ веденіи войны, несмотря на женевскую конвенцію, еще очень далека отъ осуществленія. Древняя клятвенная формула гласила такъ: „я не стану разрушать ни одного города, принадлежащаго къ союзу амфиктіоніи, ни лишать его проточной воды, ни въ военное, ни въ мирное время; если какая-нибудь община нарушитъ это постановленіе, то я отправлюсь въ походъ противъ нея и разрушу ея города“. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ было это первое проявленіе международной гуманности, что вообще античное міровоззрѣніе отличалось скорѣе суровостью, какъ это видно и изъ текста клятвы; чужой считался безправнымъ. Вслѣдствіе подобныхъ взглядовъ не существовало никакихъ юридически обоснованныхъ сношеній съ иноземцами, ни законныхъ браковъ между отдѣльными племенами и общинами, ни правильной морской торговли: послѣдняя легко превращалась въ морской разбой. Если гражданинъ другого государства наносилъ какой-нибудь ущербъ, то пострадавшій старался завладѣть его личностью или имуществомъ, возстановляя, такимъ образомъ, самъ свои права. Единственно обычай гостепріимства, какъ и въ гомеровское время, смягчалъ взаимныя отношенія и у этого индо-европейскаго народа.

Въ формѣ „проксеніи“ гостепріимство пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе и развивается въ учрежденіе, аналогичное нашимъ консульствамъ.

[*Поландъ*].

Б. ИСКУССТВА.

1. Архитектура.

Тѣ крупные перевороты и народныя передвиженія, которыя обыкновенно подразумѣваются подъ именемъ дорическаго переселенія, положили около 1000 года внезапный предѣлъ микенской культурѣ. На мѣсто ахейцевъ и другихъ носителей древне-греческой цивилизаціи выпустили на сцену здоровые, но грубые завоеватели. Города и крѣпости микенскаго времени превратились въ развалины, сильно развитыя ремесла исчезли, и цвѣтущая художественная дѣятельность прекратилась, потому что во время переворотовъ побѣдители думали совсѣмъ о другихъ предметахъ, а не о твореніяхъ искусства, побѣжденные же по большей части не имѣли ни времени, ни возможности заботиться о художникахъ и ремесленникахъ.

Только въ VII столѣтіи наступила перемѣна. Политическія условія во многихъ мѣстностяхъ вновь установились, и благосостояніе поднялось. Живыя торговыя сношенія, которыя связывали грековъ метрополій съ греческими колонистами въ Азіи и Италіи, на берегахъ Понта и при устьѣ Нила, пробудили въ нихъ охоту къ предпріятіямъ, расширили ихъ кругозоръ и доставили имъ средства къ новому художественному творчеству; такимъ образомъ, мы видимъ, какъ около 650 г. повсюду въ Греціи начинается новый расцвѣтъ искусства, на славу греческимъ богамъ и въ украшеніе человѣческихъ городовъ и жилищъ.

Архитектура греческаго средневѣковья.

Особенно богато развилась за это время культурнаго обновленія находившаяся долго въ забросѣ архитектура. Многія изобрѣтенія микенскаго періода и раньше оставались въ употребленіи: производство воздушныхъ (необожженныхъ) кирпичей, деревянныя колонны, раздѣленіе дома на дворъ, портикъ и палату. Все это, видимо, послужило исходомъ; но главное было впереди. Микенскій строитель создавалъ крѣпости, дворцы, обширныя помѣщенія для живыхъ и мертвыхъ; теперь же въ первый разъ предстояла задача создать достойныя жилища боговъ. Постройка храмовъ надолго и почти исключительно привлекла къ себѣ всѣ художественныя силы страны. Для жалкихъ фетишей, подъ видомъ которыхъ человѣкъ микенской культуры представлялъ себѣ своихъ боговъ, не требовалось особеннаго жилища. Теперь же религія стала го-

раздо болѣе антропоморфической, такъ какъ боги, благодаря героическимъ пѣснямъ, много выиграли въ отношеніи пластической ясности и стали рѣзко выраженными личностями; ихъ почитали въ крупныхъ изображеніяхъ, а эти величественныя олицетворенія божества требовали достойнаго помѣщенія.

Грекъ умѣлъ всегда довольствоваться скромнымъ сравнительно пространствомъ. Потому-то и жилища, которыя онъ создалъ для своихъ боговъ, по большей части были умѣренныхъ размѣровъ. Они не служили, подобно нашимъ церквамъ, для собраній, но были только помѣщеніемъ для кумира божества, которое черезъ открытую дверь взирало на собравшуюся внѣ храма толпу. Греческіе храмы отличались не безмѣрнымъ протяженіемъ и не колоссальными массами, какъ храмы египтянъ и ассиріянъ; ихъ достоинство заключалось въ прекрасной соразмѣрности частей, одухотворенности всѣхъ формъ и украшеній и тщательной обработкѣ даже наименѣе замѣтныхъ частей. Греческій храмъ времени расцвѣта—такое произведеніе искусства, которое своею строгою закономѣрностью напоминаетъ творенія вѣчной природы; онъ также вѣченъ, какъ и они. Языкъ формъ греческаго храма сталъ общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ народовъ. Иногда отъ него удаляются и ищутъ новаго стиля въ свободныхъ сочетаніяхъ формъ; но, неудовлетворенные своевольными и произвольными измышленіями, люди рано или поздно все-таки возвращаются къ этимъ архитектонически-продуманнымъ архитектурнымъ формамъ эллиновъ. Еще неизмѣннѣе, чѣмъ совокупность строительныхъ формъ греческаго храма, отдѣльные мотивы его узоровъ: тамъ нѣтъ ни одного мотива, ни одного орнамента, которые, въ тысячекратномъ новомъ примѣненіи, не проникали бы въ позднѣйшее искусство.

Колонна и ея происхожденіе.

Все же это столь законченное и совершенное произведеніе греческаго искусства развилось изъ зародышей, которые были въ значительной степени занесены въ Грецію изъ чужихъ странъ. Идея колонны, этой главной составной части всякой греческой храмовой архитектуры, а также форма, которую ей дали греки, въ сущности, древне-египетскаго происхожденія. Въ постройкахъ долины Нила встрѣчается тотъ же самый видъ подпорокъ, состоящихъ изъ основанія, ствола и головки (или капители) и изборожденныхъ вертикально идущими желобками. Но между тѣмъ какъ въ египетской, а также и въ ассирійской архитектурѣ намъ представляется неисчерпаемое богатство фантастическихъ формъ капителей, у грековъ мы видимъ только три формы колоннъ и антаблемента. Въ этой-то простотѣ и сказалось мастерство. Греки развили только три изъ занесенныхъ къ нимъ изъ-за моря образцовъ; но до какого чистаго совершенства они ихъ довели!

Древнѣйшіе изъ сохранившихся намъ греческихъ храмовъ—пери-

птеральны, т.-е. настоящій храмъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженъ колоннадою. Очевидно, въ представленіи грека ничто не придавало строенію такого характера дома боговъ, какъ то, что его со всѣхъ сторонъ окружали колонны. И этотъ храмъ, украшенный и поддерживаемый со всѣхъ сторонъ колоннами, представляетъ собою специфически-греческое твореніе, нигдѣ не существовавшее раньше и ни отъ кого не заимствованное.

Рядомъ съ этою классическою фигурою храма были и другія, болѣе простыя формы, которыя непосредственно примыкали къ плану человѣческихъ жилищъ (ср. рис. 106); но все-таки всегда предпочтительной формой остался „периптеръ".

Въ средневѣковомъ искусствѣ, какъ извѣстно, романскій архитектурный стиль былъ смѣненъ готическимъ. Дорическій и іоническій стили, которые мы различаемъ въ греческомъ храмѣ, стоятъ въ другомъ от-

Антовый храмъ. Антовый храмъ съ задней колоннадой. Простилъ. Амфипростилъ.

106. ПРОСТѢЙШІЯ ФОРМЫ ГРЕЧЕСКИХЪ ХРАМОВЪ.
По Wägner-Baumgarten, Hellas.

ношеніи другъ къ другу: они не произошли одинъ отъ другого, но съ незапамятныхъ временъ существовали одинъ возлѣ другого и до конца примѣнялись одновременно.

Дорическій орденъ.

Дорическій архитектурный стиль получилъ свое названіе отъ того греческаго племени, которому по традиціи принадлежитъ наибольшая заслуга въ его обработкѣ; правда, въ настоящее время нельзя уже болѣе выяснить, какъ много въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано, и, слѣдовательно, насколько правильно самое названіе „дорическій". Твердо установлено, однако, что не одни эллины дорическаго племени, но всѣ греки безъ исключенія нримѣняли этотъ стиль. Достаточно напомнить, что главный храмъ въ кремлѣ іоническихъ Аѳинъ былъ построенъ не въ іоническомъ, а въ дорическомъ стилѣ, и что наиболѣе классическіе образцы нормальной дорической архитектуры сосредоточены именно въ этихъ іоническихъ Аѳинахъ.

Колонны нормальнаго дорическаго храма, не имѣя особенной базы, возвышаются на трехступенномъ фундаментѣ. Одна колонна совершенно

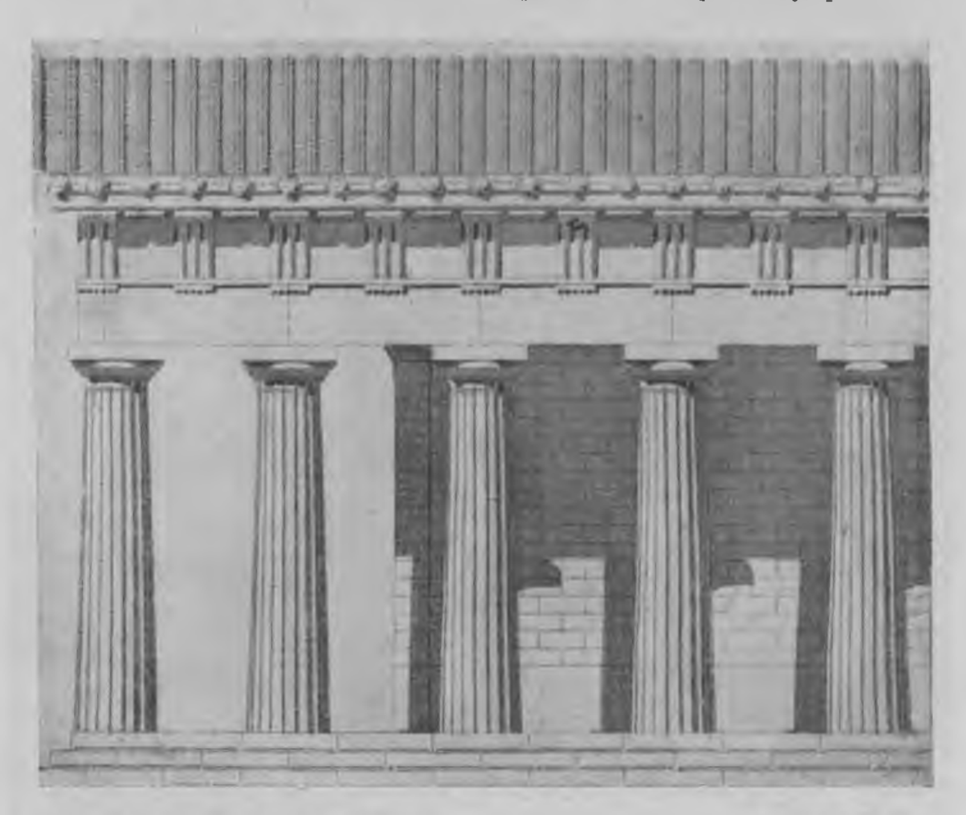

107. ПОСТРОЕНІЕ СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО УГЛА ПАРѲЕНОНА.
Wiener Vorlegebl.

Обратить вниманіе на заботливую отдѣлку квадръ пола, на параллелизмъ обоихъ рядовъ колоннъ, на оба фриза, на кассетировку потолка обходовъ.

сходна съ другой, разстояніе между ними почти равное. Въ противоположность микенскимъ деревяннымъ колоннамъ (ср. рис. 39), эти колонны суживаются кверху, что усиливаетъ впечатлѣніе ихъ твердой постановки. Но это суживаніе кверху не вполнѣ равномѣрно:

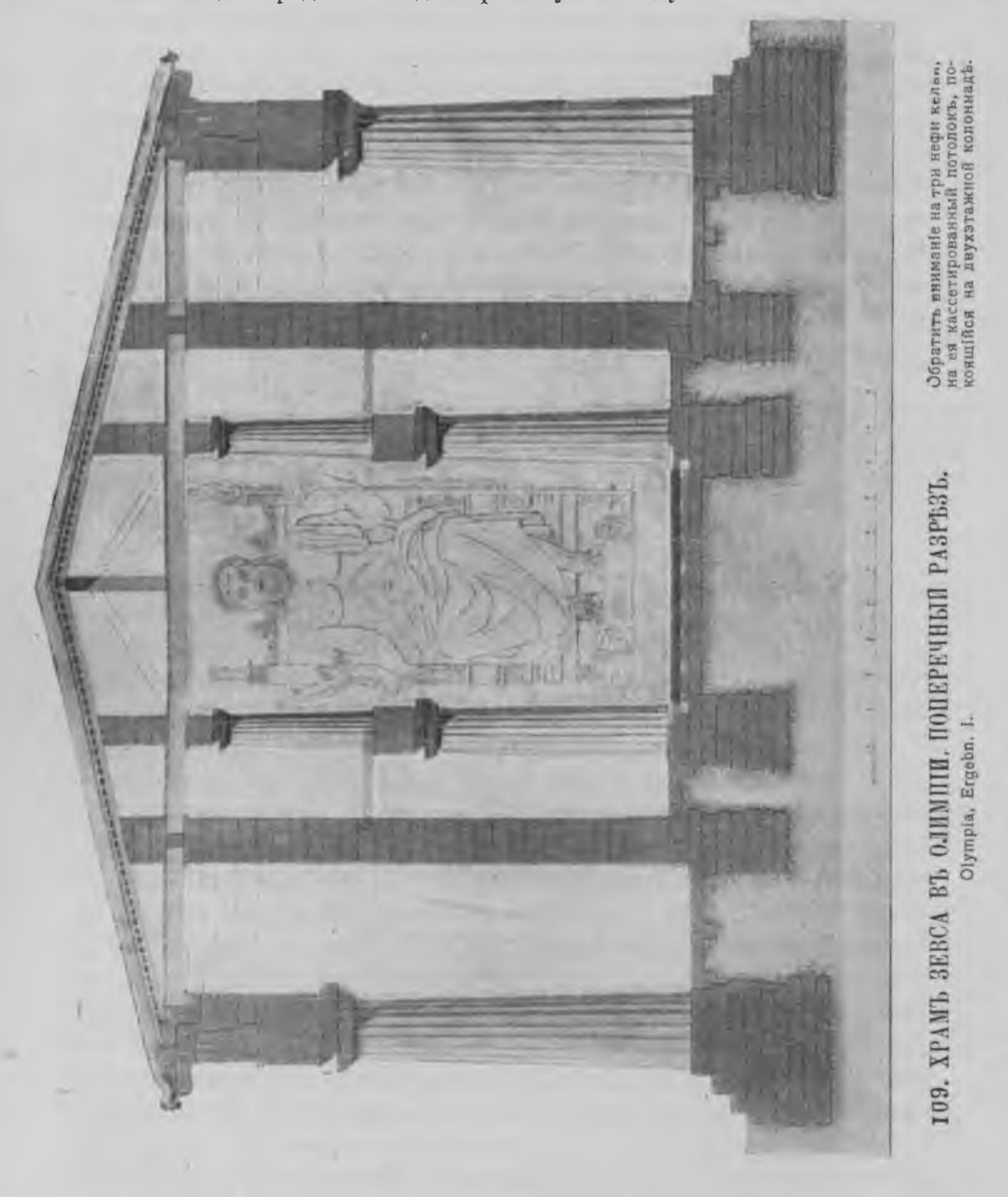
стволъ колонны обнаруживаетъ въ средней своей части легкое утолщеніе, вслѣдствіе чего производитъ впечатлѣніе нѣкоторой эластичности. Видно, что сверху на немъ лежитъ большая тяжесть, которая, тѣмъ не менѣе, не можетъ его раздавить. Составляющія своими краями острую грань продольныя капелюры подчеркиваютъ вертикальное направленіе колоннъ и заставляютъ забывать, что каждая изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ. И какъ разнообразно, благодаря этому, распола-

108. ХРАМЪ ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІИ. ЧАСТЬ ПРОДОЛЬНОЙ СТѢНЫ. Olympia, Ergebn. I.

гаются на ихъ окружности свѣтъ и тѣни! Капитель, какъ и сама колонна, отличается крайней простотой: нѣсколько кольцеобразныхъ выемокъ обозначаютъ шейку колонны; далѣе слѣдуетъ подушка, называемая эхиномъ, съ тонкимъ профилемъ, а на ней квадратная плита, абака, которяя, благодаря своей квадратной формѣ, представляетъ удачный переходъ отъ круглаго ствола колонны къ прямоугольному антаблементу. На капителяхъ лежитъ могучая главная балка, архитравъ или эпистиль; ее часто украшали вѣнками, или черепами принесенныхъ въ жертву животныхъ, или частями добычи. Надъ архитравомъ идетъ вокругъ всего зданія фризъ.

Онъ состоитъ изъ прямоугольныхъ подпорокъ, такъ назыв. триглифовъ, и изъ такъ назыв. метопъ. Триглифы расположены по одному надъ центромъ колонны и надъ серединой каждаго промежутка между колоннами. Метопами

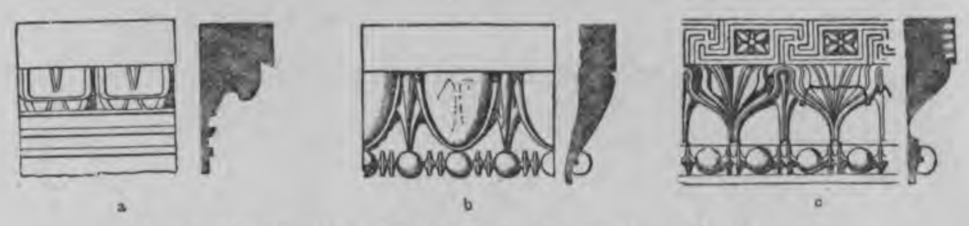

109. ХРАМЪ ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІИ. ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРѢЗЪ.
Olympia, Ergebn. I.

Обратить вниманіе на три нефи кельи, на ея кассетированный потолокъ, покоящійся на двухэтажной колоннадѣ.

называются квадратныя плиты, вставленныя между триглифами. Въ большинствѣ храмовъ онѣ были украшены горельефами, живыя формы которыхъ рѣзко выдѣлялись среди простыхъ вертикальныхъ линій триглифа. На

этотъ фризъ бросаетъ свою эффектную тѣнь сильно выступающій карнизъ. Этотъ карнизъ немного подрѣзанъ и имѣетъ на своей нижней поверхности четыреугольныя пластинки (mutuli), по одной надъ каждымъ триглифомъ и надъ каждой метопой. На этихъ пластинкахъ въ три ряда расположены шесть шпилей, такъ называемыхъ „капель“. Простой рядъ такихъ капель виситъ, сверхъ того, на узкомъ брускѣ (regula) подъ каждымъ триглифомъ, уже захватывая архитравъ. Въ меньшихъ храмахъ надъ карнизомъ шелъ кругомъ загнутый желобъ, который собиралъ дождевую воду, стекавшую затѣмъ черезъ особыя рыльца въ формѣ львиныхъ головъ; въ храмахъ же большихъ размѣровъ съ продольныхъ сторонъ желоба не было. Обѣ узкія стороны зданія увѣнчивались треугольными фронтонами (tumpanon), которые были обыкновенно украшаемы такъ назыв. фронтонными группами. Низкій карнизъ безъ брусковъ съ ка-

110. РАЗНАГО РОДА КИМАТІИ (ВОЛНООБРАЗНЫЕ ОРНАМЕНТЫ).
По Woermann, Gesch. d. Kunst. I.
a—дорическій, b—іоническій, c—лесбосскій.

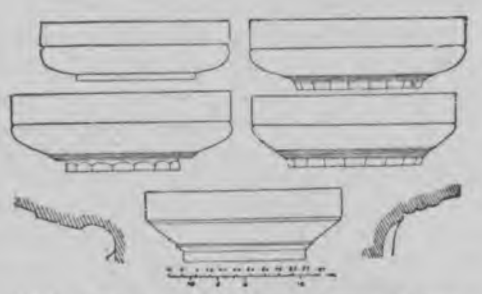
плями, но съ желобами для стока воды, сопровождалъ покатости фронтона. Коньковыя черепицы (akroteria) украшали остріе и углы фронтона.

Въ центрѣ колоннады лежалъ собственно храмъ (cella, „келья“), стѣны его, обыкновенно гладкія и безъ украшеній, были прорѣзаны не окнами, а одною большою дверью на восточной сторонѣ. Иногда наверху, близко къ потолку, тянулся въ видѣ каймы вокругъ всего зданія украшенный триглифами или барельефами фризъ. Потолокъ внутренняго храма, выложенный деревомъ, а также потолокъ надъ колоннадою былъ кассетированъ, т.-е. на балки потолка были наложены деревянныя плитки, которыя для уменьшенія своего вѣса имѣли квадратныя углубленія. Въ храмахъ большей величины внутренняя часть была въ три, рѣже въ двѣ нефи: тогда крышу подпирали двухэтажные ряды колоннъ. Въ самыхъ большихъ храмахъ, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, бывали въ крышѣ отверстія для освѣщенія сверху, но такое устройство, называемое Hypaethron (т.-е. „подъ вольнымъ эѳиромъ“), не можетъ быть установлено ни въ одномъ изъ сохранившихся храмовъ. Обыкновенно довольно было широко открытой двери, чтобы впускать необходимый для внутренности храма свѣтъ и достаточно освѣщать стоявшее здѣсь изображеніе божества. За главнымъ помѣщеніемъ былъ пристроенъ такъ называемый опистодомъ.

который во многихъ храмахъ служилъ для храненія храмовыхъ сокровищъ.

Многоцвѣтность архитектуры.

Въ соотвѣтствіе съ пестротой греческаго ландшафта и архитектура не могла отказаться отъ **полихроміи**. Этого нельзя было избѣжать потому, что отъ первоначальныхъ деревянныхъ построекъ не сразу перешли къ драгоцѣнному мрамору, но употребляли разнообразные дешевые известняки и даже пористый туфъ, который сначала надо было покрывать штукатуркой и потомъ, конечно, красить. Деревянныя балки, особенно подверженныя вліянію непогоды, покрывали сначала слоями глины, на которыхъ можно было выжигать прочные орнаменты. Этой же пестротѣ, къ которой греки привыкли при употребленіи простыхъ матеріаловъ, они въ нѣкоторыхъ частяхъ зданія остались вѣрны и по переходѣ къ мрамору. Несомнѣнно, что триглифы всегда окрашивались въ синій цвѣтъ, причемъ прорѣзы ихъ выдѣлялись своей черной окраской. Пластинки съ каплями на карнизѣ и бруски подъ триглифами были равнымъ образомъ неизмѣнно синіе; остальная поверхность карниза снизу, также какъ и узкія полосы, отдѣлявшія архитравъ отъ фриза и фризъ отъ карниза, блистали ярко-краснымъ цвѣтомъ; капли окрашивались то въ голубой, то въ красный цвѣтъ. Метопы оставались неокрашенными, когда на нихъ не было барельефовъ; въ другихъ же случаяхъ фонъ былъ и здѣсь и на фронтонахъ красный. На внутреннія стѣны тоже, повидимому, не жалѣли красокъ: во всякомъ случаѣ, кассеты окрашивались въ голубой цвѣтъ и украшались золотыми звѣздами или другими узорами. Къ одноцвѣтной окраскѣ большихъ частей зданія примыкали часто изображенные на нихъ орнаменты, причемъ съ большимъ пониманіемъ слѣдили за тѣмъ, чтобы каждый орнаментъ соотвѣтствовалъ функціи той части зданія, которую онъ украшалъ. На волнообразныхъ профиляхъ охотно расписывали гирлянды изъ листьевъ (kymation), которымъ придавали различныя формы, сообразно профилю украшаемаго мѣста (рис. 110). Длинныя полосы между архитравомъ и фризомъ, или между фризомъ и карнизомъ, давали поводъ къ изображенію такъ называемыхъ „меандровыхъ лентъ", въ изобрѣтеніи которыхъ греки такъ счастливо проявили свое чувство прекраснаго. На болѣе широкихъ карнизахъ обыкновенно писали пальметты: совсѣмъ узкія полосы украшали прелестнымъ узоромъ на подобіе жемчуга. Бла-

111. Пять различныхъ капителей изъ храма Геры въ Олимпіи.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

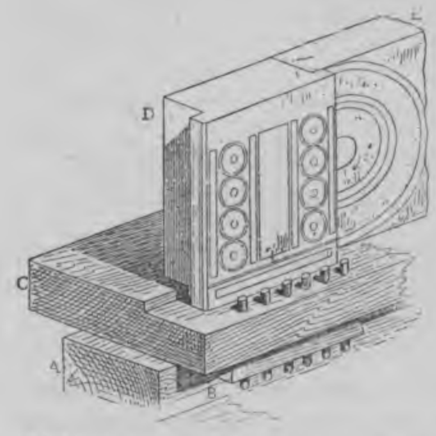
годаря всѣмъ этимъ цвѣтнымъ украшеніямъ каменныя массы получали жизнь и теплоту; только, такимъ образомъ, храмы во всемъ своемъ пестромъ великолѣпіи гармонировали съ яркой колоритностью греческаго ландшафта (ср. таблицы II и III).

До-историческое прошлое греческаго храма.

Конечно, эта система греческаго храма, которую мы только-что изобразили, имѣетъ исторію своего развитія. Жаль только, что нельзя болѣе подробно прослѣдить ее. Свѣдѣнія, полученныя нами отъ древнихъ писателей относительно этого процесса, слишкомъ скудны, чтобы на основаніи ихъ можно было составить себѣ о немъ какое-нибудь понятіе. Что же касается развалинъ самихъ храмовъ, то онѣ даютъ намъ мало свѣдѣній по интересующему насъ здѣсь вопросу, потому что вездѣ древнѣйшее замѣнено новѣйшимъ или самымъ основательнымъ образомъ устранено. Все-таки теперь извѣстны нѣкоторые памятники, по которымъ можно изучать самый процессъ развитія эллинской архитектуры.

Храмъ Геры въ Олимпіи.

На греческомъ материкѣ храмъ Геры въ Олимпіи можетъ считаться древнѣйшимъ памятникомъ храмовой постройки дорическаго стиля. Стѣны средняго храма были сложены изъ необожженныхъ кирпичей, которые лежали на каменномъ цоколѣ и на лицевой сторонѣ были прикрыты толстыми деревянными досками, повторяя, такимъ образомъ, то же, что мы видѣли въ древней Троѣ и Микенахъ. Всѣ колонны, какъ внѣшнія, такъ и въ трехъ нефяхъ внутренняго храма, были первоначально деревянныя, но, мало-по-малу, по мѣрѣ ихъ разрушенія отъ дѣйствія воздуха, ихъ стали замѣнять каменными. Капители этихъ послѣдовательно возникавшихъ колоннъ въ ихъ разнообразныхъ профиляхъ (см. рис. 111) показываютъ намъ, что эта замѣна совершалась въ теченіе многихъ столѣтій; одна изъ деревянныхъ колоннъ еще стояла на мѣстѣ во II вѣкѣ послѣ Р. Хр. Весь антаблементъ былъ, конечно, тоже деревянный; коньковыя украшенія крыши были изъ терракотты.

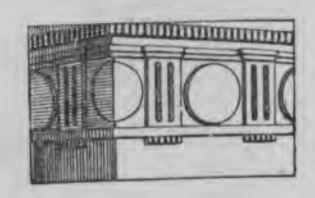

112. Деревянный антаблементъ въ Микенахъ.
По Perrot-Chipiez VI.
Рисунокъ представляетъ скрѣпленіе триглифа посредствомъ „капель“, принимая послѣднія за деревянные болты (предположенная форма микенскаго триглифа болѣе чѣмъ гадательна).

Происхожденіе каменной архитектуры изъ деревянной.

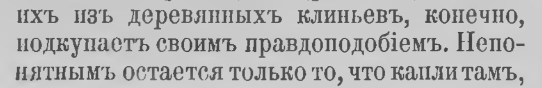
Также и, впрочемъ, нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что греческій храмъ во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ первоначально строился изъ дерева, а отсюда можно съ очевидностью вывести, что и своеобразныя формы позднѣйшей каменной постройки произошли вездѣ

изъ первоначальныхъ деревянныхъ формъ. Къ сожалѣнію, сами древніе почти не высказались объ этомъ предметѣ, а потому мы и должны ограничиться здѣсь болѣе или менѣе гадательными предположеніями. Исторія храма Геры, повидимому, доказываетъ, что дорическая, какъ и іоническая колонна, произошла изъ деревянной подпорки; но можетъ ли каждая ея форма быть объяснена на основаніи одной деревянной техники, — это еще нуждается въ тщательномъ изслѣдованіи.

113. УГЛОВАЯ ПОЛУМЕТОПА БИБЛІОТЕКИ САНСОВИНО ВЪ ВЕНЕЦІИ.
По рис. W. Leonhard'a.

Достаточно указать на одинъ фактъ, что микенская деревянная колонна неизмѣнно суживается книзу, а не кверху. Также и относительно триглифовъ фриза дѣло не совсѣмъ ясно: римскій архитекторъ Витрувій, правда, выдаетъ за достовѣрное, что триглифы были первоначально облицовками выдававшихся концовъ кровельныхъ балокъ, но какъ-разъ въ древнѣйшихъ дорическихъ постройкахъ триглифы были для этого слишкомъ велики. Четыреугольнымъ пластинкамъ (mutuli) подъ карнизомъ остроумно придавали значеніе скрѣпъ, которыя должны были мѣшать паденію лежавшихъ на нихъ деревянныхъ балокъ; капли же будто бы были деревянными болтами, посредствомъ которыхъ эти скрѣпы прибивались къ деревяннымъ балкамъ. Палочка съ каплями (regula) подъ триглифомъ по этой теоріи играла ту же роль для валика между архитравомъ и фризомъ; сидящіе же на ней гвозди, полагали, первоначально выдавались также и кверху и мѣшали выпаденію триглифовъ (рис. 112). Объясненіе капель происхожденіемъ

ихъ изъ деревянныхъ клиньевъ, конечно, подкупаетъ своимъ правдоподобіемъ. Непонятнымъ остается только то, что капли тамъ,

114. РАННІЯ ДОРИЧЕСКІЯ КАПИТЕЛИ.
По Winter'y, Kunstgesch. I.
a—изъ Тиринеа, b—изъ такъ назыв. храма Цереры въ Пестумѣ, c—изъ Коринеа.

115. ХРАМЪ ВЪ АССОСѢ. По Perrot-Chipiez VII.

гдѣ онѣ вполнѣ отдѣланы, всегда выдаются подъ косымъ угломъ и вовсе не имѣютъ вида гвоздей. И какъ слѣдуетъ понимать то, что употребленіе клиньевъ и гвоздей въ древнихъ нижне-италійскихъ храмахъ было замѣнено употребленіемъ простыхъ изображеній гирляндъ изъ листьевъ, такъ назыв. киматій (рис. 117)? Такимъ образомъ, происхожденіе греческихъ архитектурныхъ формъ изъ деревянныхъ построекъ, несмотря на все, что въ принципѣ говоритъ за него, не можетъ считаться всюду вполнѣ достовѣрнымъ.

Древнедорическіе памятники въ западной Элладѣ.

На ряду съ олимпійскимъ храмомъ Геры нѣкоторые храмы нижней Италіи и Сициліи представляютъ намъ интересныя черты, объясняющія процессъ развитія дорической архитектуры. Здѣсь еще нѣтъ твердо установленныхъ формъ. Разстоянія между колоннами, впослѣдствіи неумолимо-точныя, въ этихъ древнихъ постройкахъ колеблются поразительнымъ образомъ: на фасадахъ зданій они отличаются отъ разстояній на продольныхъ сторонахъ, въ серединѣ сторонъ они—одни, а ближе къ угламъ—другія. Очевидно, люди еще были мало чувствительны къ строгой закономѣрности, которая позже сдѣлалась главнымъ преимуществомъ хра-

116. ликійскій крестьянскій домъ.
По Durm'y, Bauk. d. Griech.
На колоннахъ перекладины.

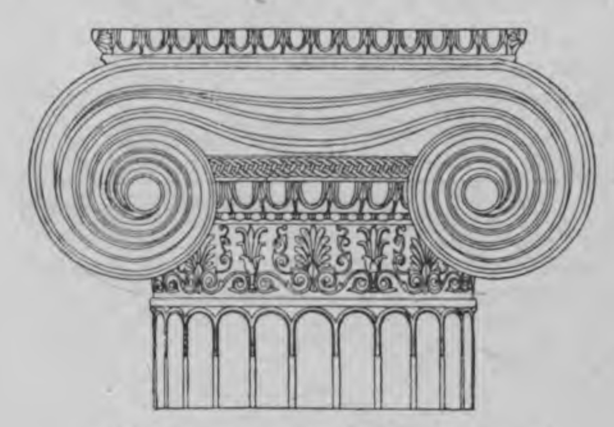
мовыхъ построекъ. И опять-таки можно прослѣдить, ступень за ступенью, по этимъ западнымъ постройкамъ, какъ постепенно росло это чувство закономѣрности. А съ возрастающею тонкостью вкуса у строителей все болѣе и болѣе пробуждалось сознаніе одной трудности, вытекающей изъ самаго плана дорическаго храма, которая доставляла много хлопотъ архитекторамъ, гдѣ только возводились постройки въ дорическомъ стилѣ. Эта трудность касалась угловыхъ триглифовъ.

117. Сѣверо-западный уголъ такъ назыв. храма Цереры въ Пестумѣ. По Koldewey u. Puchstein, Griech. Tempel. I. Обратить вниманіе на угловой триглифъ съ киматіемъ (вм. regula и mutuli) и на кассетировку нижней части карниза.

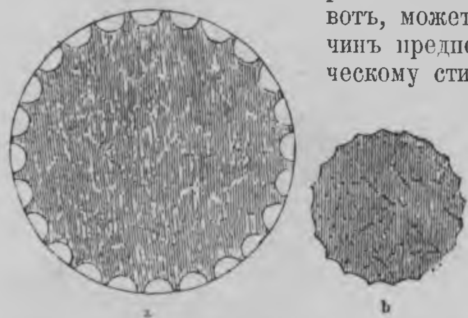
Проблема углового триглифа.

Къ существу триглифа относится то, что онъ долженъ находиться надъ центромъ или колонны, или разстоянія между двумя колоннами. Если слѣдовать этому принципу и при постройкѣ угловъ, — получается въ углу половина метопы; рѣшеніе это совершенно правильно было признано неудовлетворительнымъ, и только венеціанецъ Сансовино примѣнилъ его съ сомнительнымъ успѣхомъ къ постройкѣ своей библіотеки (рис. 113). Нѣтъ, триглифъ долженъ былъ подвинуться на уголъ, и было два пути, чтобы достигнуть этого. Или дѣлали послѣднюю метопу нѣсколько шире другихъ, или же ближайшія къ углу колонны ставили нѣсколько тѣснѣе другъ къ другу, чѣмъ остальныя. Греки рѣшительно предпочитали послѣдній исходъ, и интересно видѣть, какими приспособленіями они старались маскировать это сближеніе угловыхъ колоннъ. Они придавали угловымъ колоннамъ незамѣтный наклонъ къ срединѣ фасада или ставили также вторую и третью

118. Капитель изъ храма Эрехѳея. По Puchstein, Ion. Kapitelle.

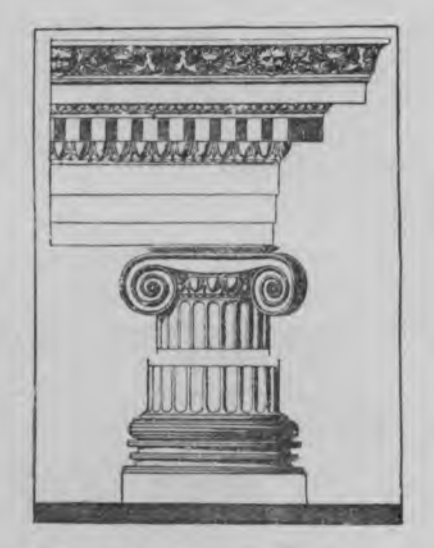
колонны отъ угла нѣсколько тѣснѣе другъ къ другу, благодаря чему, конечно, нарушалась равномѣрность промежутковъ между колоннами, отъ которой зависѣла красота всей постройки. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія этой трудности не было найдено; и вотъ, можетъ-быть, одна изъ главныхъ причинъ предпочтенія, позже отдаваемаго іоническому стилю.

119. Разрѣзы іонійской (a) и дорійской (b) колоннъ.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

Также и многое другое, что позже вошло въ канонъ дорическаго храма, или вовсе не встрѣчается въ постройкахъ западной Эллады, или замѣнено другими формами.

Такъ, тамъ встрѣчаются, какъ мы уже замѣтили, зданія; въ которыхъ капли надъ триглифами и подъ ними замѣнены киматіями, и еще такія зданія, карнизы которыхъ вмѣсто пластинокъ съ каплями имѣли кассетоны (ср. рис. 117). Относительная величина триглифовъ и архитрава очень различна; пластинки съ каплями на карнизѣ не всегда одинаковой величины, какъ это вошло въ обычай позже: часто тѣ пластинки, которыя лежатъ надъ метопами, наполовину уже, чѣмъ пластинки надъ триглифами. Наконецъ, въ ахейскихъ колоніяхъ нижней Италіи, въ особенности въ Пестумѣ, встрѣчается форма дорической капители, которая сильно отличается отъ канонической рѣзко вырѣзаннымъ желобкомъ подъ эхиномъ (рис. 114, b). Этотъ желобокъ, украшенный вѣнкомъ изъ листьевъ, встрѣчается совершенно въ такомъ же видѣ въ колоннахъ микенскаго времени (рис. 114, a). Несмотря на свою неоспоримую красоту, эта форма не была принята въ канонъ,—вѣроятно потому, что требовала слишкомъ много работы рѣзцомъ.

120. Іонійскій орденъ въ храмѣ Аѳины въ Пріенѣ.
По Woermann, Gesch. d. Kunst. I.
Обр. вниманіе на отсутствіе фриза.

Древнедорическіе памятники въ Малой Азіи.

Также на греческомъ Востокѣ, на берегахъ Малой Азіи встрѣчаются зданія, которыя относятся къ періоду развитія эллинской архитектуры и во многихъ, довольно существенныхъ, чертахъ отличаются отъ того, что позже вошло въ опредѣленную норму.

Для примѣра упомянемъ о знаменитомъ храмѣ въ Ассосѣ (рис. 115). Тутъ колонны стояли далеко одна отъ другой, что производило своеобразное впечатлѣніе, и весь архитравъ былъ по-

крытъ изображеніями—мысль очень неудачная; наконецъ, пластинки карниза и regula, хотя и правильной формы, но безъ капель.

Іоническій орденъ.

Рядомъ съ дорическимъ еще въ древнія времена появляется іоническій орденъ. Онъ впервые примѣнялся въ малоазіатской Іоніи, о чемъ намъ весьма правдоподобно сообщаютъ историческіе памятники, и такимъ образомъ съ полнымъ правомъ носитъ свое имя. Такъ какъ іоняне болѣе всѣхъ остальныхъ грековъ входили въ сношенія и мѣновую торговлю съ жителями Востока, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ихъ постройки замѣтнѣе напоминаютъ Востокъ, чѣмъ только-что разсмотрѣнныя нами дорическія. Въ особенности напоминаетъ Востокъ фантастическая форма іонической колонны, ближайшимъ первообразомъ которой является колонна Востока. Удивительное устройство ея капители происходитъ, вѣроятно, отъ одного пріема, примѣняемаго еще теперь при деревянныхъ постройкахъ (рис. 116). Между отдѣльно стоящей деревянной подпоркой и лежащей на ней деревянной балкой плотникъ охотно вставляетъ деревянный брусокъ; если представить его себѣ съ закругленными углами, то переходъ къ волютѣ іонической капители уже не слишкомъ труденъ. Этотъ мотивъ былъ необыкновенно приспособляемъ ко всякаго рода видоизмѣненіямъ; можно было сдѣлать волюты больше или меньше: соединительная лента волюты могла быть натянута или эластично изогнута; шейка подъ волютой допускала различныя украшенія; кромѣ киматія, который былъ почти обязателенъ, могли быть изображены угловые листья, которые какъ-будто вырастали изъ-подъ волюты. Также подъ киматіемъ можно было обвить колонну вѣнкомъ изъ пальметокъ или изобразить что-нибудь въ этомъ родѣ. Особенно у аѳинянъ іоническая капитель была богато и грандіозно отдѣлана (рис. 118).

122. Колонна изъ Персеполя.
Ср. рис. 121.
Winter, Kunstgesch. I.

121. Іонійская капитель изъ Неандріи.
Winter, Kunstgesch. I.

Стволъ іонической колонны несравненно стройнѣе и изящнѣе, чѣмъ стволъ дорической. Онъ суживается едва замѣтно, но имѣетъ зато собственную базу, которой, какъ мы видѣли, нѣтъ у дорической колонны. Это расширенное подножіе, которому аѳиняне придали опять-таки необыкновенно удачную форму, было необходимо какъ противовѣсъ сильно выступавшей капители. Подобно стволу дорической колонны, стволъ іонической также канелированъ, но его желобки не сходятся острыми гранями: между отдѣльными канелюрами оставлены маленькія дорожки.

Іоническій архитравъ такъ же изященъ, какъ и колонны; онъ состоитъ изъ трехъ частей, что отнимаетъ у него значительную часть тяжеловѣсности дорическаго архитрава; фриза или совсѣмъ не было (какъ въ одномъ храмѣ въ Пріенѣ), или онъ состоялъ, вмѣсто триглифовъ и метопъ, изъ непрерывной ленты, украшенной рельефными фигурами (рис. 243). Для защиты этого фриза, съ его изображеніями, который тянулся по внѣшней сторонѣ храма (а не внутри колоннады, какъ въ дорическомъ орденѣ, на вполнѣ защищенной стѣнѣ кельи храма), нужно было, чтобы іоническій карнизъ очень сильно выдавался наружу. Для того, чтобы онъ не казался тяжелымъ, онъ украшался всевозможными киматіями, вырѣзывался также такъ называемый зубчатый узоръ. Крыша іоническаго храма соотвѣтствовала по постройкѣ и украшенію крышѣ дорическаго. Такова же была его внутренность. Во всѣхъ храмахъ, дорическихъ и іоническихъ, передъ восточнымъ фронтономъ возвышался жертвенный алтарь, часто одной ширины съ храмомъ и также архитектонически расчлененный и украшенный.

Развитіе іоническаго стиля.

Іоническій стиль, конечно, имѣлъ также свои стадіи развитія, но мы ихъ еще менѣе знаемъ, чѣмъ стадіи развитія дорическаго стиля.

Образчикомъ того, какіе опыты были произведены, прежде чѣмъ строители достигли удовлетворительной нормы, служитъ храмъ около Неандріи въ троянской землѣ (рис. 121). Его капитель не развилась изъ горизонтально положеннаго бруска, какъ нормальная іоническая капитель; украшенный листьями набалдашникъ подъ волютами и подъ нимъ еще рядъ ниспадающихъ листьевъ напоминаютъ намъ скорѣе восточные образцы (ср. рис. 122). До сихъ поръ нѣчто подобное находили только въ эолійской Малой Азіи; уже въ ранней древности, повидимому, эта крайне взысканная колонна уступила мѣсто нормальной іонической.

Кромѣ дорической и іонической, въ четвертомъ столѣтіи появилась третья форма колонны и храмовой постройки,—коринѳская, о которой мы поэтому будемъ говорить позже.

Свѣтскія постройки греческаго средневѣковья.

Постройка храмовъ во время греческаго средневѣковья была положительно главной задачей, на которой архитекторы имѣли возможность испытать свою силу; но она не была ихъ единственной задачей. Эллины стояли, особенно къ концу этого періода, на такой культурной высотѣ, которой мы, жители сѣверныхъ странъ, достигли только 2000 лѣтъ спустя. Имъ нужны были укрѣпленія вокругъ ихъ городовъ, молы для защиты ихъ гаваней, большія помѣщенія и для нерелигіозныхъ собраній и для религіозныхъ тайныхъ союзовъ. Они придавали вполнѣ основательно большое значеніе обильному проведенію хорошей воды для питья. Длинные водопроводные каналы, частью подземные, частью проведенные въ высокихъ галлереяхъ, доставляли воду изъ далекихъ горъ въ города, гдѣ ее брали для общаго употребленія изъ болѣе или

менѣе монументальныхъ водохранилищъ (ср. рис. 90). Пользовался особенною извѣстностью водопроводъ, устроенный на островѣ Самосѣ мегарійцемъ Эвпалиномъ по повелѣнію Поликрата, а также водовмѣстилище съ девятью устьями, такъ называемая Enneakrunos, которымъ Писистратъ украсилъ Аѳины. Мы знаемъ о всѣхъ этихъ сооруженіяхъ только по свидѣтельствамъ писателей. По красотѣ они, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могли сравниться съ домами боговъ, но, какъ произведенія техники своего времени, заслуживаютъ всякаго уваженія.

2. Скульптура.

Если уже греческая архитектура превзошла въ художественномъ отношеніи произведенія Востока и египтянъ, то еще болѣе превзошли ихъ творенія эллинской пластики. Очевидно, для этой отрасли искусства у грековъ были особенныя природныя дарованія: ихъ фантазія, какъ видно уже изъ Гомера, создала фигуры боговъ и героевъ въ почти пластическихъ очертаніяхъ гораздо ранѣе, чѣмъ они осуществили эти созданія фантазіи въ мѣди или камнѣ. Къ этому присоединилось и то, что ихъ страна доставляла несравненный матеріалъ для скульптуры въ видѣ различныхъ сортовъ мрамора. Но и политическія ихъ учрежденія и ихъ обычаи необыкновенно содѣйствовали развитію ихъ пластики. На Нилѣ, какъ на Евфратѣ и на Тигрѣ, полновластны были одни монархи во всѣхъ областяхъ, а, слѣдовательно, и въ искусствѣ. Прославлять совершенства владыки было единственной задачей, поставленной художнику; его искусство было придворное, зависимое: онъ не могъ свободно считаться съ законами своего мастерства. Совершенно иначе было въ Элладѣ: здѣсь не было властителей-тирановъ, которые стѣсняли бы художественное творчество и заставляли бы себѣ служить; здѣсь художникъ служилъ своимъ искусствомъ блаженнымъ богамъ и свободнымъ гражданамъ; свободенъ былъ онъ самъ, свободенъ былъ и его трудъ. Онъ старался выразить въ своихъ образахъ то, что радовало его просвѣщенныхъ соплеменниковъ. И тутъ-то было особенно счастливымъ совпаденіемъ то, что у грековъ пользовались такимъ уваженіемъ гимнастическія упражненія, при которыхъ они ввели полную наготу тѣла уже въ 700 году до Р. Хр. Великій національный интересъ, который греки питали къ усовершенствованію физической части человѣка, тонкій взглядъ, который они выработали въ себѣ для оцѣнки всѣхъ тѣлесныхъ преимуществъ и всего того, что обезпечивало побѣду въ состязаніяхъ,— все это пришлось кстати пластикѣ, изображавшей человѣческія тѣла. Изо дня въ день художники имѣли здѣсь передъ глазами прекраснѣйшія юношескія тѣла, находившіяся въ самомъ живомъ движеніи; имъ не нужны были жалкія модели. Развитыя гимнастикой тѣла возбуждали

восхищеніе народа: художники, стараясь создать атлетически-совершенныя фигуры, оставались на почвѣ истинно-народнаго искусства, которому содѣйствовали и живо сочувствовали всѣ слои общества. Къ этому присоединилось еще одно: эти эллинскіе мастера въ ихъ геніальномъ самоограниченіи довольствовались тѣмъ, что доводили до болѣе и болѣе совершеннаго исполненія немногіе мотивы постановки фигуръ. Они не считали предосудительнымъ опираться на своихъ великихъ предшественниковъ: такъ создали они законченные, идеальные образы вѣчной красоты.

Начало барельефовъ.

Начало пластическаго искусства скрыто во тьмѣ вѣковъ. Повидимому, достовѣрно одно,—что рельефныя изображенія создавались раньше, чѣмъ цѣльныя фигуры. Уже въ микенское время мы встрѣчаемъ большое число часто очень совершенныхъ рельефныхъ изображеній, между тѣмъ какъ статуя почти совсѣмъ отсутствуетъ. Гомеръ тоже не упоминаетъ ни объ одной статуѣ съ такою любовью и такъ подробно, какъ онъ описываетъ рельефныя полосы, расположенныя на щитѣ Ахилла; получается впечатлѣніе, что во время Гомера дѣйствительно были подобные щиты, украшенные рельефными фигурами. Описаніе щита Геракла, сдѣланное Гесіодомъ, еще болѣе напоминаетъ реальное художественное произведеніе: здѣсь украшавшія его изображенія были тоже расположены полосами; но въ противоположность микенскому искусству (которое, кромѣ болѣе или менѣе стильнаго орнамента, всегда представляло реальныя сцены изъ природы и человѣческой жизни), здѣсь значительный контингентъ сюжетовъ даютъ сказанія, а съ ними въ греческое искусство вводится тотъ элементъ, которому суждено было оказаться наиболѣе благодарнымъ. На знаменитомъ ларцѣ Кипсела, который былъ принесенъ въ даръ Олимпійскому храму потомками коринѳскаго тирана Кипсела, рельефныя изображенія расположены были такими же полосами, какъ и на названныхъ щитахъ.

Ларецъ Кипсела.

Этотъ ларецъ былъ сдѣланъ изъ кедроваго дерева, нѣкоторыя же фигуры на немъ—изъ слоновой кости съ золотомъ, представляя собою первый опытъ той техники, которая впослѣдствіи достигла высокой степени совершенства въ статуяхъ боговъ, сдѣланныхъ изъ тѣхъ же матеріаловъ. На ларцѣ Кипсела изображены, главнымъ образомъ, миѳологическіе сюжеты.

Старинныя изображенія на вазахъ, которыя намъ предстоитъ разсмотрѣть дальше, могутъ намъ дать приблизительное представленіе объ успѣхахъ, достигнутыхъ этимъ древнѣйшимъ искусствомъ. Тѣ образцы рельефныхъ изображеній, которые представлены на рисункахъ 123 и 124, появились лишь послѣ 600 года и, слѣдовательно, показываютъ намъ эту отрасль искусства не въ началѣ ея развитія, а уже въ моментъ извѣстной зрѣлости.

Надгробный рельефъ изъ Спарты.

Надгробный рельефъ изъ Спарты для насъ поучителенъ тѣмъ, что показываетъ намъ, до какой степени художникъ заботился исключительно объ отчетливости контуровъ, и какъ мало онъ стремился къ выпуклости изображенія. Фигуры его плоски, точно прессованы, или точно ихъ приходилось вырѣзывать изъ тонкой дощечки. Крутой, подъ прямымъ угломъ, поворотъ головы у мужской фигуры едва ли, выполнимъ въ дѣйствительности; глазъ у женской фигуры изображенъ en face, между тѣмъ какъ остальное лицо ея вырѣзано въ профиль. Подобныя черты болѣе или менѣе общи всѣмъ рельефамъ этого ранняго періода.

Селинунтскія метопы.

Метопы, нѣкогда украшавшія средній храмъ **Селинунтскаго** кремля (рис. 124), отличаются самобытной грубостью и силой. Хотя эти рельефы достаточно выдаются, но, тѣмъ не менѣе, поверхность ихъ осталась плоскою. Всѣ головы повернуты en face, между тѣмъ какъ вообще на раннихъ рельефахъ преобладаютъ профили. Въ данномъ случаѣ уклоненіе отъ правила было не только возможно, въ виду сравнительной толщины рельефа, но даже представлялось необходимымъ, такъ какъ иначе нельзя было бы изобразить чудовищно разинутый ротъ Медузы. У всѣхъ фигуръ глаза чрезмѣрно выдаются изъ лица. Знаменательно то, что художникъ еще не рѣшается обнажить чресла у мужскихъ фигуръ, что несомнѣнно указываетъ на раннее происхожденіе этихъ рельефовъ. Стремленіе къ возможно большей отчетливости заставляло художника изображать ноги въ профиль, а туловища en face, причемъ, однако, оба поворота не согласованы другъ съ другомъ. Особенно неуклюжій видъ имѣетъ правая нога Паллады, стоящей въ апатичной позѣ по правую сторону Персея. Медуза кажется намъ преклонившей колѣно, на самомъ же дѣлѣ мы должны представить себѣ ее поспѣшно убѣгающею. Эта схема „колѣнопреклоненнаго бѣга“ будетъ встрѣчаться у насъ еще часто. Слѣды краски указываютъ на то, что нѣкоторыя детали, ставшія теперь неясными, нѣкогда были подчеркнуты разноцвѣтностью.

123. МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФЪ ИЗЪ СПАРТЫ, ВЪ БЕРЛИНѢ.
Ath. Mitt. II.
Героизированные покойники (символъ героизаціи—змѣя) сидятъ на разукрашенныхъ престолахъ; у мужчины въ рукѣ кубокъ, у женщины гранатовое яблоко; молящіеся въ крошечномъ масштабѣ приближаются съ пѣтухомъ и другими приношеніями.

Къ приведеннымъ образчикамъ древняго рельефнаго стиля, греческому и сицилійскому, прибавимъ еще одинъ рельефъ изъ греческаго Востока, находящійся на Ассосскомъ храмѣ въ Троадѣ, объ архитектурныхъ особенностяхъ котораго была рѣчь выше.

Ассосскій архитравъ.

Рельефное изображеніе, покрывавшее архитравъ храма, подобно

вышеописаннымъ рельефамъ, тоже имѣетъ плоскую поверхность, по напоминаетъ не деревянныя издѣлія, а бронзовыя. Для сюжета послужили подвиги Геракла и другіе мифы. Рядомъ со сфинксами и другими фигурами восточнаго происхожденія встрѣчаются и оригинальные греческіе мотивы, какъ, напр., кентавры, у которыхъ, однако, переднія ноги имѣютъ еще видъ человѣческихъ. Много старанія потрачено па то, чтобы равномѣрно наполнить фонъ; такъ, напр., головы всѣхъ фигуръ находятся на одной и той же высотѣ, независимо отъ того, сидятъ ли онѣ или стоятъ, и вслѣдствіе этого пропорціи стоящихъ и сидящихъ фигуръ получаются, конечно, неправильныя. Принципъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ „исокефаліи“, мы встрѣтимъ при разсмотрѣніи фриза Парѳенона; здѣсь этотъ принципъ примѣняется въ облагороженномъ

124. Метопы храма C въ Селинунтѣ изъ известняка, въ Палермо.

По Collignon, Sculpt. gr. I.

A. Персей съ помощью Аѳины отрубаетъ голову у Медузы. Пегаса, который при этомъ долженъ былъ выпрыгнуть изъ туловища Медузы, художникъ далъ ей въ руки.

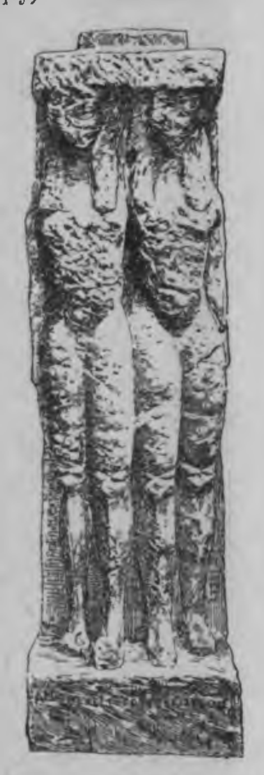
B. Гераклъ несетъ на коромыслѣ керкоповъ, карликовъ-проказниковъ, жившихъ въ Ѳермопилахъ.

видѣ, между тѣмъ какъ въ Ассосѣ онъ привелъ къ крупнымъ несообразностямъ, примѣромъ которыхъ служитъ крайняя лѣвая сторона фриза, гдѣ Гераклъ, лежа, душитъ Тритона; самъ онъ исполинскаго размѣра, между тѣмъ какъ убѣгающія морскія нимфы представлены крошечными.

Начало скульптуры.

О началѣ статуарной скульптуры мы также знаемъ весьма мало. По греческимъ преданіямъ, она развилась изъ тѣхъ грубыхъ изображеній боговъ первобытной эпохи (такъ называемыхъ хоапа), которыя обыкновенно немногимъ отличались отъ простыхъ деревянныхъ столбовъ. Дедалъ, совершенно легендарная личность, по преданію,

первый внесъ жизнь и движенiе въ эти грубые обрубки, открывъ имъ глаза и отдѣливъ ноги и руки отъ туловища. Дедалъ, говорятъ, изготовлялъ исключительно деревянныя издѣлiя; изъ этого преданiя мы въ правѣ вывести тотъ несомнѣнный фактъ, что для первыхъ скульптурныхъ опытовъ матерiаломъ служило дерево. Кромѣ того, древнѣйшiе ваятели употребляли и всякаго рода пористые известняки, въ виду ихъ мягкости; лишь въ VII вѣкѣ скульпторы перешли къ твердому мрамору, въ особенности на богатыхъ мраморомъ островахъ. Приблизительно къ этому времени развилась и техника бронзовыхъ издѣлiй: фигуры сначала выбивались молоткомъ по деревянной основѣ и скрѣплялись между собою заклепками, пока Главкъ изъ Хiоса около 600 года не изобрѣлъ паянiя. Приблизительно къ 500 году самосцы Рэкъ (Rhoecus), и Өеодоръ стали употреблять литую бронзу, благодаря примѣненiю которой художественныя произведенiя изъ металла получили широкое распространенie; съ тѣхъ поръ Самосъ оставался главнымъ центромъ обработки металловъ.

125. НАДГРОБНАЯ ПЛИТА ДЕРМИСА И КИТИЛА ИЗЪ ТАНАГРЫ, ВЪ АӨИНАХЪ. По Collignon, Sculpt. gr. I.

Какъ въ архитектурѣ, такъ и въ этой ранней скульптурѣ можно различить два направленiя, дорiйское и iонiйское. Дорiйцы сосредоточивали свое вниманiе на изображенiи мужественной силы и старались найти такую пластическую форму, которая достойно воспроизводила бы фигуры людей, закаленныхъ гимнастикою въ палестрахъ. Iонiйцы же тяготѣли къ извѣстной округленности и полнотѣ формъ, а потому не избѣгали и изображенiй женской красоты. Дорiйцамъ было важно воспроизвести фигуру атлета, почему естественно они изображали обнаженное тѣло; напротивъ, iонiйцы любили изощряться въ детальной отдѣлкѣ костюмовъ и причесокъ, доходившей у нихъ подъчасъ до полной иллюзiи. Впослѣдствiи оба эти направленiя, которыя такъ хорошо дополняли другъ друга, соединились въ Аөинахъ, что и способствовало возникновенiю истинно-великаго искусства.

Особенности наиболѣе древней скульптуры удобнѣе всего будетъ разъяснить на нѣкоторыхъ характерныхъ примѣрахъ.

Начнемъ съ дружеской четы Дермиса и Китила, изъ беотiйской Танагры (рис. 125). Эти фигуры напоминаютъ намъ египетскiя изображенiя, благодаря своимъ длиннымъ волосамъ, выступающей впе- Дермисъ и Китилъ.

редъ одной ногѣ, а также той условности, вслѣдствіе которой обѣ фигуры словно приклеены къ фону. Между обѣими фигурами не замѣтно никакого различія: очевидно, художникъ и не пытался создать портреты извѣстныхъ лицъ. Но, несмотря на этотъ недостатокъ свободы, характерный для египетскаго искусства, и здѣсь сказался греческій вкусъ, а именно въ томъ, что фигуры совершенно обнажены. Замѣтно, что художникъ еще не справляется съ изображеніемъ тѣла: вытянутыя въ струнку руки, сжатые кулаки и странныя утолщенія въ колѣняхъ,—все это грубые недостатки. Но, во всякомъ случаѣ, и на этихъ фигурахъ можно замѣтить стремленіе изобразить сильныя мускулистыя тѣла съ атлетическими формами.

126. Такъ назыв. Аполлонъ Тенейскій (найден. близъ Коринѳа). Изъ мрамора. Мюнхенъ. Brunn-Bruckmann. I.

„Аполлонъ Тенейскій"

Къ значительно позднѣйшему времени относится „Аполлонъ Тенейскій", какъ принято называть эту статую (рис. 126 и 127). Отъ танагрской группы онъ отдѣляется многими промежуточными звеньями, и, если бы не недостатокъ мѣста, мы охотно бы ихъ привели, тѣмъ болѣе, что по счастливой случайности десять изъ этихъ промежуточныхъ фигуръ еще сохранились. Въ тенейской статуѣ, которою, такимъ образомъ, завершается довольно продолжительный періодъ развитія, осталось еще много старинныхъ чертъ искусства. Прежде всего въ ней соблюдено правило фронтальности, согласно которому носъ, грудная кость, пупокъ и половой органъ должны находиться на одной линіи. Что касается обѣихъ половинъ тѣла, то онѣ могутъ и не быть симметричны; такъ, и у разбираемой фигуры лѣвая нога выступаетъ нѣсколько больше впередъ, чѣмъ правая. Во всякомъ первобытномъ искусствѣ соблюдается это правило; очевидно, для малокультурныхъ народовъ поза рекрута, вытянувшагося во фронтъ и неподвижно застывшаго съ головой, обращенной прямо впередъ,—представлялась единственно достойною человѣка и преимущественно отличающею его отъ животнаго. Греки первые къ концу VI вѣка эманцииировались отъ этого правила. Въ разсматриваемой статуѣ Аполлона слѣдами древняго искусства являются

затѣйливая прическа, ротъ, искривленный въ неловкую улыбку, и выпученные глаза. По старинному же сжаты и кулаки, но локти имѣютъ уже естественный изгибъ. Тазъ чрезвычайно узокъ, и животъ имѣетъ недостаточную отдѣлку. Съ колѣнями художникъ тоже не совсѣмъ справился, но изгибъ голени переданъ хорошо. Во всей позѣ этого Аполлона чувствуется какая то неувѣренность, точно ему страшно стоять на собственныхъ ногахъ, не имѣя за собою ничего, къ чему онъ могъ бы прислониться. Вообще, характеръ скульптурнаго произведенія не вполнѣ еще здѣсь опредѣлился: вмѣсто закругленныхъ формъ всюду чувствуется принципъ плоскости, и переходы отъ одного аспекта къ другому еще мало сглажены. Все еще напоминаетъ о томъ, что исходною точкою скульптуры служила деревянная доска; такъ, между прочимъ, изображеніе волосъ и чертъ лица производитъ такое впечатлѣніе, точно здѣсь художникъ вырѣзывалъ ножемъ и терпугомъ изъ дерева.—Много было споровъ о томъ, изображаетъ ли эта статуя какое-нибудь божество, напр., Аполлона, или это надгробный памятникъ съ фигурой смертнаго. Характерно уже то, что объ этомъ дѣйствительно можно было спорить; совершенное отсутствіе одежды, на первыхъ порахъ допускавшееся только для атлетовъ, вскорѣ сдѣлалось вообще идеальнымъ „костюмомъ“ свободнаго эллина, такъ что и боги стали изображаться не иначе, какъ нагими.

128. Даръ Наксіянки Никандры (найден. въ Делосѣ). Аѳины.
Collignon. Sculpt. gr. I.

127. Аполлонъ тенейскій.
По Overbeck'у, Gr. Plastik. I.

При всѣхъ недостаткахъ, присущихъ тенейской статуѣ, эта послѣдняя все же даетъ намъ возможность сдѣлать извѣстный выводъ объ идеалѣ атлета въ эпоху греческаго средневѣковья. Оказывается, эллины того времени выше всего цѣнили ловкость и силу, соединенную съ гибкостью; къ полнотѣ же формъ, свидѣтельствующей о сытой и праздной жизни, они относились отрицательно. Такому идеалу соотвѣтствуютъ въ разсматриваемой фигурѣ тонкость суставовъ у колѣнъ и щиколокъ, ширина плечъ, точно стянутый животъ, исключительное развитіе мускуловъ и жилъ и полное отсутствіе жирового наслоенія. Въ то время атлеты носили длинные и тщательно причесанные волосы, но впослѣдствіи этотъ обычай утратился. У дорійцевъ веселый нравъ и радостная увѣренность въ себѣ считалась необходимыми добродѣтелями,

и потому веселая усмѣшка рта и сіяющее выраженіе выпученныхъ глазъ у нашей статуи вполнѣ отвѣчаютъ тому представленію, которое мы составляемъ себѣ о пышущихъ здоровьемъ юношахъ той эпохи.

Древнѣйшее скульптурное изображеніе женщины, дошедшее до насъ, принадлежитъ Делосу, т.-е. центру іонійскаго міра, что едва ли является случайностью. Іонійцы, въ отличіе отъ дорійцевъ, въ художественныхъ своихъ работахъ съ особенною любовью занимались воспроизведеніемъ женской красоты, а также женскаго костюма и прически. Дѣятельность ихъ въ этой области становится извѣстною намъ, начиная съ VII вѣка. Къ этому времени, судя по надписи, принадлежитъ статуя, принесенная Никандрою изъ Наксоса въ даръ искусной охотницѣ Артемидѣ въ Делосѣ (рис. 128). Не извѣстно, изображена ли здѣсь сама Никандра, или богиня Артемида; зато не подлежитъ сомнѣнію, что эта мраморная фигура задумана на подобіе деревянныхъ, и что она представляетъ собою еще всецѣло хоанон. Слово „доска“ или „бревно“ поневолѣ просится на языкъ при взглядѣ на эту фигуру.

129. Гера Самосская, даръ Херамія. Изъ мрамора. Лувръ.
Brunn-Bruckmann 56.

Художникъ не рѣшился выдвинуть ни одной части тѣла: грудь, животъ, руки, — все находится въ одной плоскости. Лишь въ немногихъ мѣстахъ грани этого обрубка срѣзаны, плоскія же поверхности оставлены почти нетронутыми. Фигура не только слѣдуетъ фронтальному принципу, но, кромѣ того, она строго симметрична: ноги плотно прижаты одна къ другой, а локоны въ опредѣленномъ количествѣ спадаютъ одинаково по обѣимъ сторонамъ плечъ, какъ и на египетскихъ статуяхъ. Одежда выдержана совершенно въ томъ же стилѣ, т.-е. также производитъ впечатлѣніе куска дерева; едва ли богиня могла бы сдѣлать и шагъ въ этомъ деревянномъ облаченіи. Плоскія поверхности, вѣроятно, прежде нѣсколько оживлялись красками, но, тѣмъ не менѣе, эта статуя всегда имѣла видъ деревяннаго чурбана.

Самосская Гера.

Если статуя Никандры напоминаетъ намъ четырехгранный обрубокъ или толстую доску, то статуя, принесенная въ даръ Хераміемъ (Cheramyes) изъ Самоса (рис. 129), производитъ вне-

чатлѣніе, какъ-будто она образовалась изъ круглаго древеснаго ствола.

Расширяющаяся книзу одежда напоминаетъ комель древеснаго ствола, а множество мелкихъ складокъ—борозды въ корѣ. Само мраморное издѣліе не можетъ быть древнѣе средины VI вѣка. Художникъ обладалъ весьма развитою техникою, что доказывается умѣлымъ воспроизведеніемъ различныхъ тканей, изъ которыхъ состояла одежда, т.-е. тонкаго полотна и тяжелой шерстяной матеріи. Онъ строго придерживался тѣхъ традицій, которыя были установлены для самосскихъ изображеній Геры, и поэтому его произведеніе можетъ считаться весьма типичнымъ для этого рода фигуръ. Недостающую верхнюю половину тѣла мы можемъ дополнить найденнымъ въ Аѳинахъ торсомъ подобной самосской Геры (рис. 130). Эта фигура, задуманная согласно фронтальному принципу, но несимметричная, держитъ въ лѣвой рукѣ гранатовое яблоко; волосы на головѣ сдерживаются плоскою повязкою; лицо овальное, глаза и лобъ находятся въ одной плоскости; рѣзко обозначенные углы рта придаютъ лицу нѣсколько суровый характеръ, что согласуется и съ представленіемъ объ этой строгой богинѣ.

130. Женское изображеніе съ Акрополя. Изъ мрамора.
По Rhomaides, Musées d'Athènes.

Однимъ изъ центровъ ранняго іонійскаго искусства былъ островъ Хіосъ. Здѣсь около 600 года процвѣтала извѣстная скульптурная школа, и къ этой-то школѣ принадлежалъ Архермъ, который, согласно преданію, впервые изобразилъ богиню побѣды летящей. Весьма вѣроятно, что изображенная на рисункѣ 131 статуя изъ Делоса и есть работа упомянутаго Архерма.

Что касается этой прародительницы всѣхъ многочисленныхъ богинь побѣды, которыя впослѣдствіи изображались греческими худож-

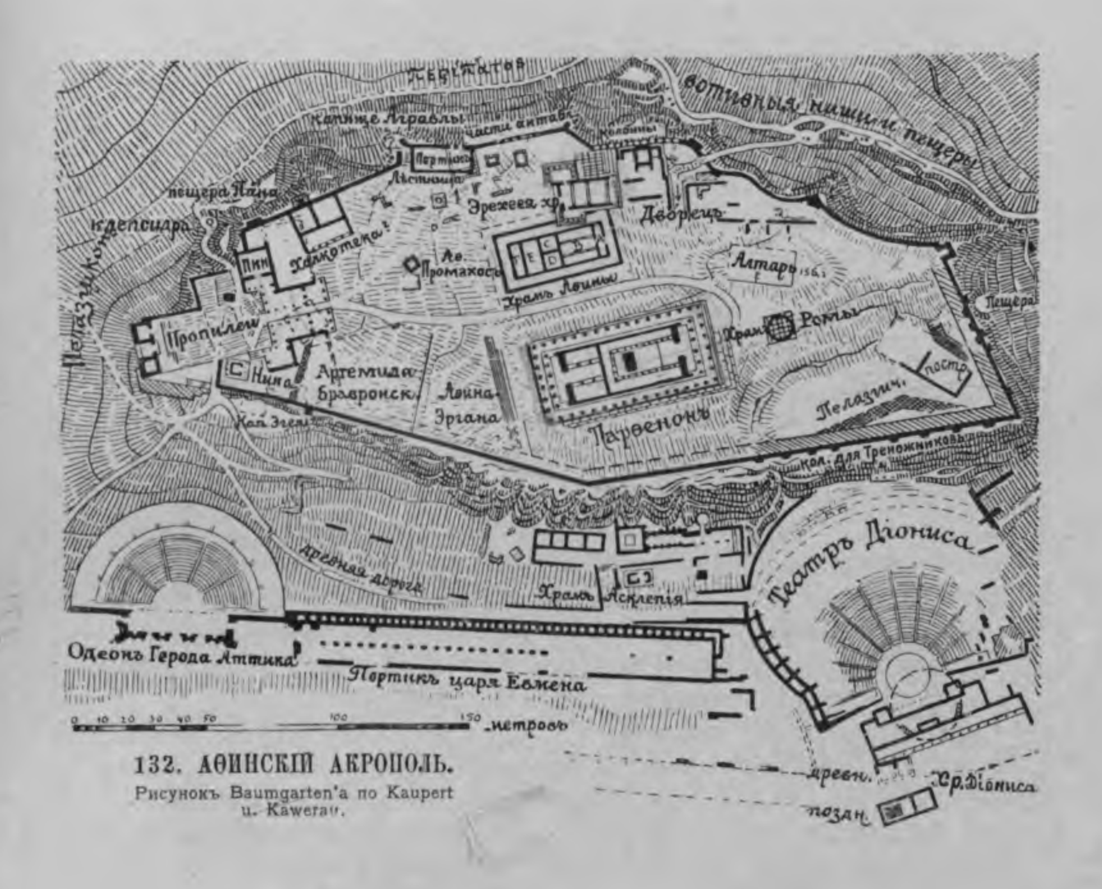
131. Ника Делосская, вѣроятно работа Архерма Хiосскаго. Изъ мрамора. Аѳины.
По Studniczka, Siegesgöttin

никами, то нельзя сказать, чтобы она была особенно хороша, несмотря на то, что она изящно причесана и весело скалитъ зубы. Чрезвычайно неуклюже размахиваетъ она по воздуху руками и ногами. Чтобы сильнѣе выразить движенiе нижнихъ оконечностей, художнику представлялось болѣе удобнымъ изобразить ихъ въ профиль. Но такъ какъ тогда могучiя крылья приняли бы невыгодное положенiе, то онъ рѣшилъ повернуть верхнюю половину тѣла en face, причемъ, конечно, утратилась естественная связь между нею и нижнею половиною тѣла. Прiемы древняго рельефнаго стиля перенесены здѣсь на скульптурное изображенiе, и это послѣднее производитъ поэтому впечатлѣнiе рельефа. Несмотря, однако, на это, разсматриваемая статуя представляетъ собою громадный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли до сихъ поръ. Вмѣсто застывшей неподвижности, появляется живѣйшее движенiе; вмѣсто того, чтобы обѣими ногами плотно упираться въ землю, фигура свободно несется по воздуху. Конечно, очень наивно то, что спускающееся между ногами платье должно образовать

связь фигуры съ пьедесталомъ; но лишь благодаря этому художникъ могъ отдѣлить ея ноги отъ земли и примѣнить схему рѣзваго „колѣнопреклоненнаго бѣга“.

Положительныя стороны ранней іонійской пластики.

Хотя произведеніе Архерма представляетъ собою далеко неудовлетворительное рѣшеніе проблемы полета, но, во всякомъ случаѣ, эта попытка не лишена смѣлости. Слѣдующіе за нимъ художники совершенно иначе приступили къ этой задачѣ.

132. АѲИНСКІЙ АКРОПОЛЬ.
Рисунокъ Baumgarten'a по Kaupert u. Kawerau.

Главное достоинство этого первобытнаго искусства, которое, начиная съ VII вѣка, практиковалось на Хіосѣ, заключается въ чистотѣ отдѣлки и въ тщательной передачѣ всѣхъ деталей: Такому направленію въ искусствѣ особенно благопріятствовали качества мрамора, который художники уже рано находили на Паросѣ и на прочихъ Кикладахъ. Такой камень, какъ паросскій лихнитъ, дѣйствительно допускаетъ передачу тончайшихъ деталей; мало того, онъ прямо соблазняетъ художника изображать, главнымъ образомъ, мелочи, въ родѣ кудрей, складокъ и украшеній. Матеріальное благостояніе, которымъ пользо-

вались въ VII вѣкѣ жители этихъ острововъ, не мало, конечно, содѣйствовало такому нѣсколько поверхностному направленію въ искусствѣ. Къ этому еще присоединилось очевидно прирожденное іонійцамъ стремленіе къ изяществу, и потому не удивительно, что они въ передачѣ излюбленныхъ ими женскихъ образовъ уже рано достигли изумительной степени граціи и легкости.

Ранняя аттическая пластика.

Ранне-аттическое искусство. Въ то время какъ на іонійскихъ островахъ Эгейскаго моря искусство въ технической своей части уже достигло извѣстной степени совершенства, въ іонійскихъ Аѳинахъ оно находилось еще въ младенческомъ состояніи. Этотъ самый городъ, которому впослѣдствіи выпала на долю роль вождя во всѣхъ областяхъ жизни, до реформъ Солона представлялъ собою отсталый поселокъ, что особенно сказывалось въ древнѣйшемъ его искусствѣ. Знакомство съ послѣднимъ стало возможнымъ для насъ лишь немного десятилѣтій тому назадъ. Въ 1883—90 гг. было приступлено къ разслѣдованію почвы аѳинскаго акрополя на всемъ его протяженіи (причемъ раскопки доводились до скалистаго грунта) и къ разборкѣ позднѣйшихъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ построекъ, возведенныхъ большею частью изъ античныхъ обломковъ. Особенно цѣннымъ оказался мусоръ, образовавшійся послѣ двукратнаго разгрома крѣпости персами въ 480 и 479 годахъ и послужившій впослѣдствіи для нивелировки крѣпостной площади при возведеніи новыхъ святилищъ на мѣстѣ разрушенныхъ. Въ этомъ такъ называемомъ „персидскомъ мусорѣ“ найдено много рѣдкостныхъ образчиковъ древне-аттической архитектуры и скульптуры, свидѣтельствующихъ о состояніи этого искусства въ эпоху до персидскихъ войнъ. Въ виду того значенія, которое имѣетъ аѳинскій акрополь для общегреческой культуры, мы должны вкратцѣ перечислить главные результаты произведенныхъ здѣсь раскопокъ.

„Персидскій мусоръ“.

Уже раньше мы упомянули (стр. 37) о царскомъ дворцѣ изъ микенской эпохи, крайне скудныя развалины котораго были обнаружены на востокѣ отъ храма Эрехѳея. Къ этому же періоду относится первобытная крѣпостная стѣна киклопическаго сооруженія, отъ которой найдены значительные остатки въ разныхъ мѣстахъ акрополя, главнымъ же образомъ, у западнаго подъема. Аѳинское преданіе называло легендарныхъ пелазговъ строителями этихъ сооруженій. Многочисленныя архитектурныя части, нѣкогда принадлежавшія къ древнѣйшимъ святилищамъ акрополя, были добыты изъ стѣнъ, возведенныхъ въ средніе вѣка; среди этихъ обломковъ находится и семь карнизовъ (simae) различной величины, свидѣтельствующихъ о раннемъ существованіи семи различныхъ храмовъ. Далѣе найдены обломки четырехъ фронтонныхъ группъ, попарно принадлежавшихъ двумъ храмамъ. Но далеко не о всѣхъ этихъ фрагментахъ мы можемъ сказать, къ какимъ постройкамъ они

ОБРАЗЦЫ РАЗНОЦВѢТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

По Wiegand, Porosarchitektur.

a. Сима (водосточный желобъ) до-писистратовскаго гекатомпедоса.

Изъ мрамора. Аѳины. Акрополь.

Надъ выдающимися круглыми отверстіями къ верхнему краю симы были прикрѣплены оловомъ по каменной пальметкѣ. Нашъ рисунокъ показываетъ симу продольной стороны: о ея видѣ надъ фронтомъ даетъ представленіе табл. I.

b. Сима съ писистратовскаго гекатомпедоса.

Изъ мрамора. Аѳины. Акрополь.

И здѣсь каналами для стока воды служили круглыя отверстія (ср. половину таковаго на краю слѣва). Только по краямъ ихъ замѣняли львиныя головы. Эти послѣднія замѣчательны своимъ низкимъ лбомъ, зелеными глазами и волосами гривы, расположенными на подобіе вѣнчика цвѣтка. Уши были изготовлены особо и приставлены.

«Эллинская культура» Лит. В. Кадушина С. П. Б.

относились; напр., о первоначальной формѣ такъ называемаго храма Эрехѳея раскопки не дали намъ никакихъ свѣдѣній. Это была древнѣйшая дворцовая святыня, въ которой находились нерукотворное изображеніе Аѳины, соляной источникъ Посидона, слѣдъ отъ его трезубца и, наконецъ, оливковое дерево, которое Аѳина въ своемъ спорѣ съ Посидономъ подарила аѳинянамъ. Новая постройка V вѣка такъ основательно уничтожила первоначальную форму этой популярнѣйшей святыни города, что мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для возстановленія ея.—Болѣе посчастливилось намъ съ храмомъ, который непосредственно съ южной стороны примыкалъ къ храму Эрехѳея и носилъ названіе „Гекатомпедосъ“ вслѣдствіе того, что величина „кельи“, т.-е. помѣщенія для изображенія божества, равнялась 100 футамъ. Фундаментъ этой постройки весь откопанъ и показываетъ намъ, что это зданіе, предшествовавшее перикловскому Парѳенону, имѣло планъ, весьма схожій съ послѣднимъ; подобно Парѳенону, оно тоже повидимому, заключало въ себѣ помѣщеніе для храненія государственныхъ и храмовыхъ денегъ. Это былъ первоначально храмъ съ двойными пилястрами, который, за исключеніемъ расписаннаго мраморнаго карниза (табл. III), весь состоялъ изъ буровато-сѣраго известняка, добывавшагося на вершинахъ Пирея. Масса раковинъ и улитокъ, вросшихъ въ этотъ камень, дѣлала необходимымъ покрытіе его штукатуркою и сплошною окраскою. Древнѣйшія скульптурныя украшенія этого Гекатомпедоса тоже сдѣланы изъ мягкаго известняка, такъ называемаго „пороса“, покрыты штукатуркою и сильно расписаны яркими красками. Мягкость этого „пороса“ дѣлала его очень цѣннымъ для древнихъ художниковъ. Его можно было обрабатывать съ помощью тѣхъ же инструментовъ и почти съ такою же легкостью, какъ и дерево, на которомъ греки впервые учились и упражнялись въ скульптурномъ искусствѣ. Такъ какъ этотъ довольно ломкій камень былъ не особенно пригоденъ для тонкихъ деталей, то художникамъ ничего больше не оставалось, какъ отказаться отъ подобныхъ работъ. Такъ-то древнія скульптурныя изображенія, высѣченныя изъ пороса, своими плоскими поверхностями и отсутствіемъ пластичности, своими рѣзкими контурами, проведенными точно ножомъ, и своими локонами, похожими на бусы, нѣсколько напоминаютъ совре-

133. Голова изъ пороса съ Акрополя.
Съ фотографіи.

Аттическія произведенія изъ „пороса“.

менныя игрушки, наскоро вырѣзанныя изъ самаго мягкаго дерева. Излюбленнымъ сюжетомъ этой аляповатой пластики былъ тяжеловѣсный Гераклъ. Грубыя изображенія змѣевидныхъ чудовищъ, которыхъ онъ съ такою неуклюжестью побѣждаетъ, легко умѣщались въ низкихъ углахъ фронтоннаго треугольника. Такимъ образомъ, проблема заполненія фронтона, которая доставляла столько трудностей искусству въ эпоху его расцвѣта, здѣсь была разрѣшена съ большою легкостью, хотя не особенно остроумно.

Для примѣра возьмемъ фронтонъ древняго Гекатомпедоса (рис. 134): съ лѣвой стороны Гераклъ борется съ Ехидной, справа Зевсъ умерщвляетъ легендарнаго Тифона. У этого чудовища три туловища съ длиннобородыми головами, а тройной перевитый змѣиный хвостъ, подобно хвосту Ехидны, очень хорошо укладывается въ углу фронтона. Выпученные, зеленые, какъ морская вода, глаза Тифона и тонкія губы со смѣлыми усами производятъ почти комическое впечатлѣніе. Не похоже на то, что Зевсъ въ этотъ моментъ собирается убить перуномъ это чудовище. Конечно, эта работа исполнена тщательнѣе, а отдѣлка тоньше, чѣмъ у головы, изображенной на рис. 133, но все же между замысломъ и его выполненіемъ лежитъ цѣлая пропасть, и техническія трудности до такой степени поглощаютъ всѣ силы художника, что онъ не въ состояніи придать своему произведенію какое-либо духовное содержаніе.

Начало аттической мраморной скульптуры.

Мы не знаемъ, съ какого времени аттическіе ваятели перешли отъ пороса къ мрамору. На первыхъ порахъ они стали употреблять синеватый мраморъ сосѣдняго Гиметта, такъ какъ мраморныя копи болѣе отдаленнаго Пентелика, очевидно, ими не были еще открыты. На наиболѣе раннихъ мраморныхъ изображеніяхъ этихъ художниковъ ясно видно, что исходною точкою для нихъ служила художественная обработка туфа.

„Тельценосецъ".

Если обратимъ вниманіе на фигуру такъ называемаго „тельценосца" (рис. 135), то увидимъ, что волосы у нея все еще напоминаютъ бусы, а вѣки, губы и плоская борода имѣютъ острые края, т.-е. что всѣ тѣ недостатки, которые въ мягкомъ туфѣ были вызваны необходимостью, здѣсь въ мраморѣ удержались безъ всякой надобности. Но, тѣмъ не менѣе, и на эту фигуру мраморъ оказалъ уже

134. ФРОНТОНЪ СТАРАГО ГЕКАТОМПЕДОСА. ИЗЪ ПОРОСА. АѲИНЫ.

Ath. Mitt. XIV.

свое благодѣтельное для искусства вліяніе. Такъ, напр., не лишенъ выраженія взглядъ глазъ, которые сначала, вѣроятно, были сдѣланы изъ болѣе темнаго матеріала; точно также въ мускулистыхъ рукахъ, крѣпко прижимающихъ къ груди ноги тельца, чувствуется воля и душа. Правда, строго симметричная поза и чрезвычайно узкій тазъ все еще напоминаютъ тенейскую статую Аполлона, но при всемъ томъ намъ кажется, что въ фигурѣ этого „тельценосца“ замѣтно гораздо больше жизни.

Съ половины VI вѣка аттическое искусство, развивавшееся до сихъ поръ самобытно, неожиданно вступаетъ въ совершенно новый фазисъ, благодаря соприкосновенію съ другими эллинскими художественными школами. Съ 550 года Аѳины выходятъ изъ сферы провинціальной замкнутости, въ которой онѣ до сихъ поръ пребывали. Со времени Солона этотъ городъ принималъ все болѣе и болѣе активное участіе въ политической жизни Эллады, и одновременно съ этимъ во внутренней жизни его обнаруживался во всѣхъ областяхъ стремительный прогрессъ. Душою этого передового движенія былъ Писистратъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей во всей греческой исторіи. Едва ли найдется другой эллинъ, который соединялъ бы въ себѣ такую смѣлую отвагу съ государственнымъ умомъ, такую хитрую изворотливость съ неизмѣнно веселымъ нравомъ. Своею любовью къ просвѣщенію онъ могъ бы соперничать съ самыми великими изъ рода Мидичи. Онъ и только онъ положилъ основаніе той гегемоніи въ области искусства, которая оставалась и впослѣдствіи за Аѳинами. Заслуги Писистрата въ поэзіи будутъ упомянуты въ слѣдующемъ отдѣлѣ, но еще болѣе онъ сдѣлалъ для изобразительныхъ искусствъ. При немъ, а также и при его сыновьяхъ, Аѳины обогатились многими новыми постройками; были сооружены водопроводы и усилены укрѣпленія акрополя, но, главнымъ образомъ, были воздвигнуты великолѣпные храмы для боговъ. Храмъ Олимпійскаго Зевса, который Писистратъ началъ строить на рѣкѣ Илисѣ, долженъ былъ затмить своими размѣрами гигантскіе іонійскіе храмы. Діонису онъ воздвигъ

Искусство при Писистратѣ.

135. Такъ назыв. тельценосецъ. Аѳины.
Съ фотографіи.

храмъ у южнаго подножія кремля. Но наибольшій почетъ онъ воздавалъ богинѣ Аѳинѣ, покровительницѣ города, украшая акрополь и его святыни. Древній Гакатомпедосъ, бывшій первоначально лишь храмомъ съ двойными пилястрами (антами), теперь былъ расширенъ въ периптеръ и украшенъ новыми фронтонными фигурами, высѣченными изъ бѣлоснѣжнаго мрамора. Кромѣ того, воздвигалось еще множество отдѣльныхъ статуй около храма Эрехѳея и Гекатомпедоса. Мѣстныхъ художниковъ, конечно, не хватало для всѣхъ этихъ многочисленныхъ новыхъ заказовъ. Писистратъ, видѣвшій многія страны и поддерживавшій живое общеніе съ тиранами на Самосѣ и Наксосѣ, очень хорошо понималъ, что въ другихъ мѣстахъ художественная техника стояла выше, чѣмъ въ аѳинскихъ мастерскихъ, и потому много работъ поручалъ чужимъ художникамъ. Почти всѣ выдающіеся ваятели того времени работали для него, какъ изъ Хіоса и Самоса, такъ и изъ Аргоса и Эгины. Весьма возможно, что многіе изъ этихъ иноземныхъ художниковъ навсегда поселились въ Аѳинахъ, привлекаемые большимъ спросомъ на ихъ трудъ.

Въ 80-тыхъ годахъ изъ „персидскаго мусора“ вблизи Гекатомпедоса было выкопано 14 статуй, изображающихъ дѣвъ (Parthenoi), которыя, по представленіямъ того времени, составляли свиту дѣвственницы-богини, и изображенія которыхъ поэтому было принято приносить ей въ даръ.

Дѣвы акрополя. Эти дѣвы [1]) высѣчены отчасти изъ паросскаго мрамора, отчасти изъ мѣстнаго пенteликонскаго. Торжественно, на подобіе дамъ эпохи рококо, эти фигуры въ одной рукѣ держатъ яблоко или цвѣтокъ, другою же граціозно приподнимаютъ шлейфъ своего платья. Всѣ онѣ нѣкогда стояли на стройныхъ, пестро раскрашенныхъ пьедесталахъ. На первый взглядъ онѣ всѣ кажутся довольно похожими другъ на друга, но при ближайшемъ разсмотрѣніи становится яснымъ, что онѣ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ весьма различны между собою и, навѣрное, принадлежатъ не одному художнику. Отдѣлка мрамора на большинствѣ статуй прямо-таки виртуозна. Кудри своимъ изяществомъ напоминаютъ тонкую филигранную работу. Платья ложатся тончайшими складками, и различныя ткани воспроизведены съ большою отчетливостью. Едва ли эти статуи были поставлены на своихъ мѣстахъ задолго до персидскихъ войнъ, такъ какъ слишкомъ свѣжи краски (табл. IV), покрывающія фигуры если и не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, глаза, волосы, украшенія, обувь и края одежды. Не удовлетворительно лишь выраженіе лица: все, что художники сумѣли изобразить на лицахъ этихъ дѣвушекъ, сводится къ насмѣшливой гримаскѣ и нѣсколько вялой улыбкѣ пресыщенія. Духовный элементъ въ этихъ произведеніяхъ подавляется массою украшеній и великолѣпіемъ туалета и прически; эти фигуры даже напоминаютъ кое-чѣмъ шаблонные рисунки нашихъ модныхъ журналовъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ онѣ названы «тетками». Это прозвище дали имъ молодые нѣмецкіе археологи, постоянно работающіе въ Аѳинахъ. Мы не рѣшились сохранить этотъ своеобразный терминъ въ русскомъ переводѣ, но охотно даемъ ему мѣсто въ примѣчаніи какъ образчику юмора нашихъ западныхъ собратьевъ. *Прим. ред.*

ПРИСЛУЖНИЦА АѲИНЫ ПОЛІАДЫ.

По полихром. копіи.

Одна изъ 14 «дѣвъ», найденныхъ въ 1886 г. къ сѣверу отъ храма Эрехѳея; изъ мрамора, въ Аѳинахъ. Обратить вниманіе на изящныя складки, узорчатую кайму украшенныхъ цвѣтами одеждъ, роскошные, тщательно завитые волосы, а равно и на мѣдный шпинекъ на макушкѣ. Этотъ шпинекъ нѣкогда поддерживалъ мѣдный дискъ, защищавшій статую отъ птицъ.

Лит. И. Кадушина С. П. Б.

Съ точки зрѣнія исторіи искусства, эти статуи интересны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что между ними и знакомыми намъ женскими изображеніями изъ Наксоса и Хіоса существуетъ несомнѣнное родство. Для этого достаточно сопоставить рис. 136 со статуею Никандры (рис. 128), и въ особенности статуи обѣихъ служительницъ Аѳины (рис. 136 и 137) съ Побѣдою Архерма (рис. 131). Единство стиля здѣсь поразительно, какъ со стороны замысла, такъ и со стороны многочисленныхъ частностей; какъ тамъ, такъ и здѣсь, локоны и мелкіе завитки расположены совершенно одинаково; одинакаво лежатъ сборки и складки полотняной одежды, наконецъ, даже пріемы въ раскрашиваніи фигуръ одни и тѣ же. Мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что большинство этихъ статуй исполнено художниками изъ школы Архерма, или, по крайней мѣрѣ, вообще представителями іонійскагоискусства. Не извѣстно, всѣ ли фигуры сдѣланы въ Аѳинахъ; вѣроятнѣе всего то, что часть этихъ іонійскихъ произведеній изготовлена въ самой Іоніи и доставлена въ Аѳины, но затѣмъ сами художники, привлекаемые большимъ спросомъ на ихъ трудъ, переселились въ Аѳины и продолжали свою прекрасную дѣятельность, пользуясь уже тамошнимъ пентеликонскимъ мраморомъ.

136. Прислужница Аѳины (найдена въ „персидскомъ мусорѣ").
Съ фотографіи.

137. Женская фигура. Аѳины.
Съ фотографіи

Нетрудно представить себѣ, что, рядомъ съ изящными мраморными издѣліями хіосскихъ художниковъ, весьма жалкую роль должны были

138. Голова юноши съ акрополя. Аѳины.
Съ фотографіи.

играть мѣстныя скульптурныя работы изъ пороса (а также изъ мрамора, но сдѣланныя по образцу известняковыхъ). Чужое искусство, благодаря своему техническому совершенству, серьезно грозило вытѣснить и замѣнить древнеаттическое. Но, къ счастью для послѣдняго, этого не случилось. Аттическіе художники, очевидно, все же сознавали, что и ихъ искусству присущи были извѣстныя достоинства; поэтому они не измѣняли ему, хотя, съ другой стороны, заимствовали у пришлыхъ художниковъ все то хорошее, что можно было у нихъ перенять. Такимъ образомъ, энергичная сила древнеаттическаго искусства заключила знаменательный союзъ съ изящною граціею іонійской мраморной скульптуры.

139. Женская фигура Антенора. Аѳины.
Съ фотографіи.

При Писистратѣ, какъ уже было замѣчено, кромѣ хіосскихъ ваятелей, въ Аѳинахъ, или, по крайней мѣрѣ, для Аѳинъ, работали еще художники изъ другихъ мѣстностей. Вышеупомянутое изображеніе женщины (ср. рис. 130), найденное также въ „персидскомъ мусорѣ“ акрополя, обладаетъ всѣми свойствами самосскаго стиля, который отличается не столько изяществомъ, сколько энергичнымъ, почти даже мрачнымъ величіемъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, несомнѣнно родственныхъ пелопоннесскимъ художественнымъ направленіямъ, о которыхъ рѣчь впереди. Своею серьезною красотою, своею нѣсколько суровою строгостью (ср. рис. 138) они могли служить благодѣтельнымъ противовѣсомъ утри-

рованной граціозности и веселой поверхности іонійскихъ произведеній.

Въ исторіи аттическаго искусства второй половины VI вѣка наступаетъ тотъ знаменательный моментъ, когда **разнообразные элементы, занесенные въ Аѳины извнѣ, подвергаются въ высшей степени удачной переработкѣ.** Аттическое искус-

140. ГАРМОДІЙ И АРИСТОГИТОНЪ. НЕАПОЛЬ.

Реставрація Михаэлиса въ страсбургскомъ музеѣ гипсовыхъ слѣпковъ.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

Бородатая голова Аристогитона антична, но не принадлежитъ къ этой группѣ. Ножны въ его протянутой рукѣ, поднятая рука Гармодія съ мечомъ, соединеніе обѣихъ статуй на общемъ пьедесталѣ—всѣ эти измѣненія, произведенныя Михаэлисомъ, основаны на античныхъ изображеніяхъ этой группы.

ство, необыкновенно воспріимчивое ко всему хорошему чужому, и притомъ вѣрное собственному энергичному характеру, выработало такія новыя формы, въ которыхъ не осталось и слѣда прежней неуклюжести.

Наиболѣе удачно выразился этотъ новый стиль въ работахъ аттическаго художника Антенора. Весьма вѣроятно, что ему принадлежитъ наиболѣе статная изъ 14 жрицъ Аѳины (рис. 139), отличающаяся отъ другихъ своими широкими плечами, гордою посадкою головы и, при всемъ ея изяществѣ, массою силы и породистости. Характерная для остальныхъ статуй натянутая улыбка здѣсь почти отсутствуетъ. Тотъ же Антеноръ вскорѣ послѣ 510 года сдѣлалъ бронзовыя статуи тираноубійцъ Гармодія и Аристогитона, которыя были поставлены на склонѣ ареопага и Антеноръ.

высоко чтились аѳинянами какъ символъ желаннаго освобожденія. Когда Ксерксъ въ 480 году увезъ ихъ съ собою, то аѳиняне поручили художникамъ Критію и Несіоту изготовить два новыхъ изображенія своихъ освободителей. Съ этой группы мы имѣемъ лишь мраморную копію, про которую не можемъ утверждать съ достовѣрностью, послужило ли ей оригиналомъ произведеніе Антенора, впослѣдствіи опять привезенное въ Аѳины, или же работа Критія и Несіота, изготовленная 30-ю годами позднѣе. Такъ какъ можно предположить, что эта послѣдняя должна была по возможности походить на увезенную Ксерксомъ группу, то, во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ, на основаніи имѣющейся у насъ мраморной копіи, сдѣлать кое-какіе выводы о художественныхъ пріемахъ Антенора.

141. Голова Гармодія. Неаполь. По Winter'y, Kunstgesch. I.

Тираноубійцы.

Въ классической наготѣ, съ мечемъ въ правой рукѣ, оба героя бокъ-о-бокъ устремляются противъ тирана. Въ видахъ разнообразія позъ, художникъ заставилъ Аристогитона поставить впередъ лѣвую ногу, а Гармодія — правую. Съ тою же цѣлью у одного высоко поднята лѣвая рука, у другого правая. Но именно вслѣдствіе того, что художникъ не провелъ этого принципа разнообразія въ каждой отдѣльной фигурѣ, а, напротивъ, равномѣрно каждую сторону тѣла фигуры либо выдвинулъ впередъ, либо отодвинулъ назадъ, — самое движеніе впередъ какъ бы задерживается. Еще другіе недостатки обращаютъ на себя вниманіе: лѣвая рука Аристогитона крайне неподвижна; хламида, которая съ нея свѣшивается, почти нисколько не захвачена стремительнымъ движеніемъ его. Голова Гармодія (бородатая голова Аристогитона явно позднѣйшаго происхожденія) поражаетъ архаическою невыразительностью своею и неестественно правильными завитками волосъ. Но если копія маломальски точно воспроизводитъ изображеніе тѣла у оригинала, то она, во всякомъ случаѣ, даетъ блестящее свидѣтельство о значительно развившемся искусствѣ Антенора: онъ уже выше такихъ недостатковъ, какъ, напр., узость таза, которою „тельценосецъ“ (рис. 135) еще такъ сильно напоминалъ Аполлона Тенейскаго (рис. 126); движеніе впередъ изображено съ достаточною энергіею, несмотря на раньше указанные изъяны въ этомъ отношеніи. Художникъ, очевидно, настолько уже выяс-

пилъ себѣ проблему внѣшней формы искусства, что могъ безпрепятственно воплощать въ мраморѣ свой художественный замыселъ.

Аттическіе рельефы VI вѣка.

Параллельно съ развитіемъ скульптурнаго искусства шло искусство рельефныхъ изображеній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстная надгробная плита, воздвигнутая на могилѣ нѣкоего Аристіона и принадлежащая скульптору Аристоклу, а по времени относящаяся приблизительно къ 520 году (рис. 142). Чрезвычайно узкая форма, выбранная Аристокломъ для могильнаго памятника, не составляла его изобрѣтенія. Здѣсь уже давно существовала извѣстная традиція, которою онъ не могъ пренебречь. Но, тѣмъ не менѣе, онъ очень хорошо умѣлъ умѣстить свою фигуру на плитѣ такъ, что ничто не напоминаетъ о тѣснотѣ пространства, занимаемаго ею.

142. НАДГРОБНАЯ ПЛИТА АРИСТІОНА. АѲИНЫ.
По Conze, Att. Grabrel. I.

Изящная отдѣлка волосъ, неодинаково расположенныхъ на головѣ и на бородѣ, и раскрашенныя детали платья напоминаютъ технику „дѣвъ“ акрополя. Правда, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ: костюмъ воина представляетъ лишь намекъ на одежду, ляжки слишкомъ широки, рука и запястье недостаточно реальны, подошвы ногъ, какъ у Тенейскаго Аполлона, плоско поставлены, глазъ обращенъ en face. Но, несмотря на эти недостатки, славный воинъ производитъ симпатичное впечатлѣніе. Прежде его относили къ первой половинѣ V вѣка и предполагали, что онъ изображаетъ участника Мараѳонской битвы, но для этого работа еще слишкомъ несовершенна. Далѣе, это изображеніе принимали за настоящій портретъ, но едва ли справедливо. Рельефъ показываетъ намъ не реальнаго Аристіона, а типъ воина изъ эпохи писистратидовъ.

Верхняя часть подобной же надгробной плиты, но вѣроятно болѣе древняго происхожденія, найдена въ городской стѣнѣ, возведенной Ѳемистокломъ, который употребилъ на ея постройку также и всякаго рода древніе матеріалы. Только здѣсь изображенъ не воинъ, а юноша, искусный въ метаніи диска (рис. 143).

Онъ держитъ лѣвою рукою дискъ позади головы, на подобіе ореола; весьма странный видъ придаетъ ему узелъ закрученныхъ волосъ (krobylos). Мраморная работа замѣчательно тонка: очевидно, художникъ стремился изобразить симпатичнаго человѣка въ возможно привлекательномъ видѣ; безъ вліянія мраморныхъ издѣлій іонійскаго происхожденія этотъ

юношескій обликъ едва ли вышелъ бы такимъ изящнымъ и почти обаятельнымъ.

Самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ этихъ раннихъ аттическихъ произведеній является женское изображеніе, посвященное божеству нѣкіимъ Евтидикомъ (рис. 144). Такъ какъ оно найдено въ „персидскомъ мусорѣ", то оно должно относиться ко времени до 480 года. Это изображеніе весьма удачно соединяетъ въ себѣ тонкую мраморную отдѣлку съ достоинствомъ осанки и цѣломудренною чистотою выраженія. И на этой дѣвушкѣ роскошное платье и изящно заплетенные волосы, но сейчасъ же видно, что художникъ не гнался только за этою внѣшнею стороною, и что она не была для него главною. Въ этомъ нѣсколько суровомъ лицѣ отражается уже настоящая душа и лежитъ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, печать индивидуальности. Небольшой лишь промежутокъ времени отдѣляетъ это произведеніе отъ тѣхъ изображеній дѣвушекъ, которыя въ неувядаемой красотѣ выступаютъ на фризѣ Парѳенона.

143. Обломокъ надгробной плиты дискобола. Аѳины.
По Conze, Att. Grabrel. I.

3. Живопись.

Живопись греческаго средневѣковья.

Строго говоря, мы должны были бы разсматривать живопись прежде всего, такъ какъ она всегда по своей природѣ призвана стоять во главѣ изящныхъ искусствъ; но, несмотря на обширное распространеніе ея, несмотря на то, что ея произведенія задавали тонъ для прочихъ отраслей искусства,—очень немногіе памятники живописи дошли до насъ, и въ особенности мало ихъ сохранилось изъ средневѣковья, меньше даже, чѣмъ изъ Микенской эпохи (выше, стр. 42). Какъ мы видѣли выше, различныя части храмовъ цѣликомъ бывали покрыты краскою; тѣмъ не менѣе, слѣды разноцвѣтной архитектуры теперь срав-

нительно рѣдко встрѣчаются. Внутреннія стѣны храмовъ несомнѣнно были покрыты живописью, а между тѣмъ она вся исчезла. Нераскрашенныя статуи для этого періода совершенно немыслимы; однако, остатки прежней полихроміи на дошедшихъ до насъ произведеніяхъ сравнительно весьма скудны. Только та живопись, матеріаломъ для которой служила жженая глина, т.-е. **вазовая роспись**, дошла до насъ въ большомъ количествѣ памятниковъ. Правда, здѣсь живопись является скорѣе видомъ художественной промышленности, чѣмъ искусства; но для насъ очень важно, что, благодаря этимъ художественно-промышленнымъ произведеніямъ, мы въ состояніи составить себѣ нѣкоторое понятіе о рисовальной техникѣ и идеалахъ ея за это время.

Живопись на вазахъ.

144. Женскій портретъ. Даръ Евтидика. Акрополь.
По Rhomaides, Musées d'Athènes.

Въ первые вѣка разсматриваемой эпохи въ украшеніяхъ на вазахъ господствовалъ такъ называемый **геометрическій** стиль. Относящаяся къ этому роду посуда встрѣчается всюду на греческомъ материкѣ, наиболѣе же усовершенствованныя ея формы въ Аѳинахъ. Здѣсь гончарный промыселъ являлся исконнымъ, такъ какъ превосходный составъ почвы, не сравнимой ни съ какой другой, создавалъ чрезвычайно благопріятныя условія для посуднаго производства. Наиболѣе внушительные образцы геометрически разукрашенныхъ вазъ найдены на аѳинскомъ кладбищѣ, передъ такъ назыв. Dipylon („двойныя ворота“), почему и

Дипилонскія вазы.

всѣ эти вазы получили названіе дипилонскихъ (ср. рис. 54, 58, 59 и 61). Отдѣлка ихъ состоитъ изъ линейныхъ украшеній, изъ комбинаціи круговъ и крестовъ, линій и точекъ. Но встрѣчаются и меандрорые рисунки поистинѣ классической красоты. Пустыхъ мѣстъ на поверхности посуды не полагалось, и каждое мѣстечко, какъ бы оно ни было мало, заполнялось узоромъ. По мѣрѣ развитія техники, рядомъ съ первоначальными линейными орнаментами, постепенно появляются и рисунки изъ органическаго міра. Художники упражнялись въ рисованіи водяныхъ птицъ, оленей и сернъ, охотнѣе же всего лошадей. И на этихъ рисункахъ замѣтно вліяніе геометрическихъ образцовъ. Въ особен-

145. ВЫБОРКА ТАКЪ НАЗЫВ. ДИПИЛОНСКИХЪ ВАЗЪ. Athen. Mitt. XVIII.

ности лошади напоминаютъ тѣ неудачныя изображенія, которыя и нынѣ встрѣчаются нерѣдко на ковровыхъ тканяхъ. Очевидно, на художниковъ дипилонскихъ вазъ величайшее вліяніе оказывала техника ткацкой работы и плетенія. На наиболѣе совершенныхъ и позднѣйшихъ произведеніяхъ этого стиля встрѣчаются и человѣческія фигуры, но онѣ имѣютъ вилообразную форму со страшно тонкою таліею и угловатыми плечами. На этихъ вазахъ мы видимъ праздничныя игры и хоры, процессіи воиновъ и колесницъ, сухопутныя и, чаще, морскія сраженія (рис. 54), наконецъ, торжественныя похоронныя процессіи,—однимъ словомъ, только событія обыденной жизни, а не миѳологическіе сюжеты, которые впослѣдствіи изображаются почти исключительно.

Коринѳскія вазы.

Приблизительно къ 650 году геометрическій стиль смѣняется оріентализирующимъ, и здѣсь греческое искусство въ послѣдній разъ дѣлаетъ серьезное заимствованіе у Востока; такъ какъ это направле-

ніе особенно процвѣтало въ Коринѳѣ, то мы можемъ назвать этотъ стиль коринѳскимъ. Изображенія на коринѳскихъ вазахъ, главнымъ образомъ, взяты изъ животнаго царства: рядомъ съ бараномъ, быкомъ, козерогомъ и кабаномъ фигурируютъ преимущественно левъ и пантера. Къ этимъ изображеніямъ восточной фауны присоединяются еще нѣкоторые фантастическіе образы Востока, сфинксы, грифоны и крылатыя дѣвы. Повторяя извѣстный шаблонъ, эти рисунки полосами опоясываютъ вазы. Растительные орнаменты восточнаго характера, розетки и пальметки всѣхъ размѣровъ, разсыпаны по этимъ рядамъ рисунковъ на

146. ВЫБОРКА КОРИНѲСКИХЪ СОСУДОВЪ. Rayet-Collignon, Céram. gr.

подобіе ковровыхъ узоровъ такимъ образомъ, что всѣ пустыя мѣста тщательно ими заполняются.

Человѣческія фигуры сначала играютъ очень скромную роль въ этой керамографіи съ ея монотонными рядами животныхъ въ восточномъ вкусѣ. Лишь изрѣдка встрѣчаются воины, мечущіе копья, или всадники на длинноногихъ коняхъ. Но со временемъ и человѣческія изображенія замѣтно встрѣчаются все чаще, причемъ важно замѣтить то, что художникамъ миѳологическіе сюжеты не только знакомы, но и интересны. Появляются Гераклъ, и другіе герои, и изображенія ихъ сказочныхъ подвиговъ постепенно вытѣсняютъ изъ керамографіи восточную фауну.

Кромѣ коринѳянъ, и жители Халкиды изготовляли подобныя вазы, гдѣ настоящіе эллинскіе сюжеты одерживали побѣду надъ чужими декоративными мотивами. Значительными центрами керамики являются также Милетъ и Самосъ. Но съ первыхъ десятилѣтій VI вѣка

Аѳины рѣшительно начинаютъ задавать тонъ въ керамикѣ, и аѳинская посуда является самою совершенною, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и относительно формы и рисовальной техники (ср. табл. V). На вазахъ коринѳскаго стиля фигуры и орнаменты были выкрашены въ бурый цвѣтъ на блестящемъ желтомъ фонѣ, частности же были покрыты бѣлой, красной и фіолетовой красками. У аѳинянъ же совершенно черныя фигуры выдѣлялись на фонѣ, выкрашенномъ въ красный цвѣтъ. Изготовленная такимъ образомъ посуда покрывалась блестящимъ лакомъ.

147a. Аѳинскій кратеръ, такъ назыв. «Ваза Франсуа» (по имени ея прежняго владѣльца). Rayet-Collignon, Céram. gr.

Чернофигурныя вазы.

При производствѣ этихъ чернофигурныхъ вазъ, какъ ихъ называютъ, особенно много заботились объ изяществѣ ихъ формъ. Орнаменты, которые попрежнему играли не малую роль, не разбрасывались уже такъ произвольно на поверхности вазъ; какъ и въ архитектурѣ, каждое украшеніе должно было гармонировать именно съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ оно помѣщалось, чтобы по возможности яснѣе подчеркивать назначеніе данной части. Поэтому на ножкѣ вазы употреблялась иная отдѣлка, чѣмъ на срединѣ ея или на горлышкѣ, на прямыхъ частяхъ иная, чѣмъ на изогнутыхъ. Количество орнаменталь-

ПАНАѲИНЕЙСКАЯ ПРИЗОВАЯ ВАЗА.

По Mon. d. Inst. X.

Чернофигурная, изъ окрестностей Кирены. Теперь въ Парижѣ.

Картина украшаетъ переднюю сторону одного изъ тѣхъ большихъ кувшиновъ, въ которыхъ аѳиняне собирали масло съ маслинъ, принадлежавшихъ государству, для того, чтобы на Панаѳинейскихъ празднествахъ преподнести побѣдителямъ это масло въ качествѣ приза. Здѣсь изображена въ полномъ вооруженіи и богато вышитомъ пеплосѣ Аѳина. На щитѣ ея легко можно узнать наступающихъ тираноубійцъ, списанныхъ со скульптурной группы, которая возвышалась на аѳинскомъ рынкѣ въ честь Гармодія и Аристогитона (ср. рис. 140). Справа и слѣва отъ богини стоитъ ио колоннѣ съ пѣтухомъ, символомъ состязанія. Надпись [τῶν 'Αθήνηθεν ἄθλων (scil. εἰμί), т. е. «я съ аѳинскихъ состязаній]», не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно назначенія сосуда и его содержанія.

„Эллинская Культура"

Лит И Кадушина С П Б

ныхъ типовъ было само по себѣ невелико: они сводились къ пальметкамъ, почкамъ лотоса, къ гирляндамъ изъ листьевъ, къ меандрамъ и бисернымъ нитямъ. Но аѳинскіе гончары удивительно искусно умѣли составлять изъ этихъ немногихъ элементовъ все новыя комбинаціи и самостоятельно, не прибѣгая къ шаблонамъ, придавать каждой вазѣ

147 b.

своеобразную красоту. Рисунки человѣческихъ фигуръ пріобрѣтали особенную ясность благодаря тому, что женщины, выкрашенныя въ бѣлый цвѣтъ, отдѣлялись отъ мужчинъ, написанныхъ черной краскою. Изобрѣтеніе этого пріема приписывалось аѳинянину Евмару, отцу скульптора Антенора. Производство чернофигурныхъ вазъ сильно развилось въ теченіе VI вѣка: аѳинскіе гончары, населявшіе цѣлый большой кварталъ въ Аѳинахъ, такъ назыв. Керамикъ, работали не только для мѣстныхъ потребностей, но разсылали свой товаръ и по всему прибрежью

Средиземнаго моря. Намъ извѣстно болѣе 40 именъ такихъ мастеровъ чернофигурныхъ вазъ; одному изъ нихъ принадлежитъ болѣе 80 сохранившихся издѣлій. Наилучшая посуда изготовлялась, конечно, не для ежедневнаго обихода, а для улучшенія храмовъ; поэтому къ ней придѣлывали петли и, въ качествѣ подношеній богамъ, подвѣшивали къ косякамъ и стѣнамъ святилищъ. Всѣ вазы, найденныя въ „персидскомъ мусорѣ" акрополя, были назначены для такого примѣненія. Мы, слѣдовательно, должны представить себѣ храмы этого кремля обвѣшанными массою художественной утвари.

Краснофигурныя вазы.

Еще до персидскихъ войнъ въ Аѳинахъ было сдѣлано новое усовершенствованіе вазовой росписи, благодаря которому художники были въ состояніи вмѣсто прежнихъ силуэтовъ изображать на вазахъ настоящія картины. Одному находчивому художнику пришла геніальная мысль, вмѣсто того, чтобы наводить на красномъ фонѣ черныя фигуры, поступать обратно и окрашивать въ черный цвѣтъ фонъ, оставляя для фигуръ естественную красную окраску глины; другими словами, онъ изобрѣлъ краснофигурную роспись (ср., кромѣ табл. VIII, еще рис. 50, 52, 60, 89, 153, 154 и др.). Теперь можно было обойтись безъ наивнаго пріема раскрашивать бѣлою краскою женскія фигуры, въ отличіе отъ черныхъ мужскихъ фигуръ; теперь не представлялось болѣе надобности выцарапывать острымъ гвоздемъ внутренніе штрихи фигуръ по черному лаку, какъ это дѣлалось прежде. На красныхъ фигурахъ можно было проводить тончайшіе штрихи; такимъ образомъ, открывался свободный путь для реальнаго изображенія. Краснофигурные черепки, найденные въ „персидскомъ мусорѣ" и отчасти еще носящіе слѣды пожара кремля, показываютъ намъ, что еще до персидскихъ войнъ эта новая техника достигла большой степени совершенства. Уже до Саламинской битвы жили и расписывали свои чудныя чаши благородный и изящный художникъ Дурисъ и болѣе грубоватый, склонный къ эротическимъ сюжетамъ Гіеронъ. Мы въ правѣ отнести дѣятельность этихъ художниковъ къ названному періоду, такъ какъ имена ихъ найдены въ вышеупомянутыхъ раскопкахъ, равно какъ и куски вазъ, несомнѣнно принадлежавшихъ имъ; а, между тѣмъ, сравнительно недавно еще наука не считала возможнымъ допустить это. Даже Эпиктетъ, великій мастеръ вазовой живописи, который не только самъ много работалъ, но и создалъ цѣлую школу,—по всей вѣроятности, расписывалъ свои чаши уже при писистратидахъ. На этихъ чашахъ были изображены событія ежедневной жизни; есть среди нихъ довольно чувственныя, рискованныя картины и сцены самаго разнузданнаго веселья, которыя мы можемъ разсматривать какъ иллюстраціи жизнерадостнаго настроенія, господствовавшаго при дворѣ аѳинскихъ тирановъ.

Итакъ, мы видимъ, что греки, въ особенности аѳиняне, уже

ѲЕСЕЙ У АМФИТРИТЫ.

КРАСНОФИГУРНАЯ ЧАША ЕВФРОНІЯ ВЪ ЛУВРѢ.

По Furtwängler u. Reichhold, Griech. Vasenbilder.

Ѳесей, котораго тритонъ перенесъ въ глубину моря (его символизируютъ дельфины), привѣтствуетъ сидящую Амфитриту; въ лѣвой ея рукѣ—вѣнокъ. Между обоими сопровождающая Ѳесея Аѳина; у нея въ лѣвой рукѣ копье, въ правой—сова (ср. рис. 202 и балладу Вакхилида).

НАРУЖНАЯ ЧАСТЬ ЧАШИ ЕВФРОНІЯ ВЪ ЛУВРѢ.

На ней четыре приключенія Ѳесея. Видно единоборство съ Керкіономъ и укрощеніе мараѳонскаго быка.

Лит. И. Кадушина С. П. Б.

сдѣлали первые рѣшительные шаги для выработки художественныхъ формъ во всѣхъ областяхъ искусства прежде, чѣмъ явились персы и едва не погубили всей культуры грековъ, стоившей имъ столькихъ усилій. Побѣда надъ врагомъ и подъемъ духа у побѣдителей дали возможность, вскорѣ послѣ войны, развиться этимъ зародышамъ искусства и достигнуть быстраго и блестящаго расцвѣта.

[*Баумгартенъ*].

В. ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

1. Начала поэзіи. Эпосъ: Гомеръ и Гесіодъ.

Мы имѣли возможность прослѣдить, какъ изобразительныя искусства въ борьбѣ съ неподатливымъ матеріаломъ, шагъ за шагомъ, освобождались отъ чужихъ образцовъ и, постепенно прогрессируя, достигли воплощенія наивысшей человѣческой красоты и божественнаго величія. Что же касается воплощенія греческаго духа въ словѣ и въ пѣснѣ, то первыя проявленія его покрыты для насъ мракомъ. При самомъ вступленіи въ исторію греческой литературы мы встрѣчаемся съ двумя произведеніями, которыя представляютъ собою не начало, а уже полный расцвѣтъ эпической поэзіи, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже упадокъ ея: „Иліаду“ и „Одиссею“. Прежнія поколѣнія восхищались ими, какъ таинственными и необъяснимыми откровеніями эллинскаго народнаго духа; современная наука научила насъ понимать постепенный ростъ этихъ поэмъ и на невольно возникающій вопросъ, что имъ предшествовало, находитъ отвѣтъ на нихъ самихъ. И результаты получились поразительные. Та форма, въ которой дошли до насъ гомеровскія пѣсни, указываетъ намъ на то, что для развитія греческой повѣствовательной поэзіи требовалось нѣсколько столѣтій, прежде чѣмъ она была въ силахъ произвести эти грандіозныя эпопеи греческаго рыцарства. Но и тутъ мы еще далеки отъ первоисточниковъ поэзіи.

Древнѣйшіе гимны.

Первый полетъ поэтическаго воображенія у всѣхъ народовъ направлялся къ небеснымъ силамъ, которыя властвовали надъ человѣческой жизнью; также и въ Греціи первыми вылились въ художественную поэтическую форму молитвы, которыя возносились къ богамъ. По крайней мѣрѣ, преданіе называетъ первыми представителями искусства пѣснопѣній цѣлый рядъ пѣвцовъ-священнослужителей. Личности ихъ такъ же мало принадлежатъ исторіи, какъ и лица героическаго эпоса, но и тѣ и другія имѣютъ нѣкоторое историческое основаніе. Всюду эти пѣвцы близко стоятъ къ извѣстнымъ культамъ боговъ,

и въ ихъ искусствѣ поэзія тѣсно связывается съ музыкой. Творчество нѣкоторыхъ пѣвцовъ носитъ слѣды азіатскаго искусства, которое несомнѣнно отразилось на греческой музыкѣ, вліяя не нее какъ родственными ей чертами, такъ и элементами, чуждыми эллинскому искусству. Какъ пѣвцы аполлоновой религіи, намъ извѣстны лирики Оленъ въ Делосѣ и Филаммонъ въ Дельфахъ; Евмолпу („сладкопѣвцу") и Мусею приписывались гимны въ честь Деметры; Тамирисъ потерпѣлъ, по преданію, пораженіе въ состязаніи съ музами; Марсій, представитель игры на фригійской флейтѣ, посвященной Кибелѣ, былъ побѣжденъ Аполлономъ, богомъ киѳары, также какъ и Линъ, который представляетъ собою не что иное, какъ олицетвореніе жалобной пѣсни того же имени. Въ лицѣ Орфея, славнаго питомца музъ и вдохновеннаго пророка Діониса, сила пѣсни впервые нашла свое типическое воплощеніе, пережившее всѣ послѣдующіе вѣка. Его пѣснею очаровывались птицы и лѣсные звѣри, скалы и деревья; нѣчто подобное сообщаютъ и германскія и финскія сказанія о пѣвцахъ-герояхъ Горандѣ и Вейнемейненѣ. Нѣжныя жалобы Орфея тронули даже суровую властительницу подземнаго царства, такъ что она готова была вернуть ему утраченную имъ жену Евридику (ср. рельефъ Орфея, рис. 254). Какъ Орфей, такъ и другіе изъ упомянутыхъ пѣвцовъ называются ѳракійцами; и, на самомъ дѣлѣ, ѳракійская область Піерія у сѣвернаго подножія Олимпа, этой всеэллинской горы боговъ, является исходной мѣстностью, откуда по направленію къ беотійскому Геликону, а далѣе и по всей Элладѣ, распространился культъ музъ, къ которымъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней обращаются поэты.

На первыхъ порахъ эти гимны, вѣроятно, заключали въ себѣ лишь мольбы смертныхъ къ божеству и призываніе его, со всѣми приличествующими ему почестями, т.-е. съ многочисленными эпитетами. Древнія стереотипныя формулы, съ которыми Гомеръ обращается къ богамъ, повидимому, остатокъ этой религіозной поэзіи. Дальнѣйшимъ шагомъ является краткій пересказъ подвиговъ божества, ему въ угоду, а вѣрующимъ въ назиданіе.

Пѣснь о предкахъ.

Здѣсь мы уже видимъ зародыши эпической пѣсни; но дальнѣйшее развитіе ея совершилось въ другомъ, болѣе тѣсномъ кругу. Подобно тому, какъ населеніе города собиралось вокругъ алтарей боговъ, такъ и члены семьи собирались за домашнимъ очагомъ, съ цѣлью почитанія предковъ. За торжественными пиршествами въ чертогахъ вельможъ распѣвались пѣсни, какъ и у древнихъ германцевъ, и въ этихъ пѣсняхъ прославлялись подвиги предковъ, которые обращались съ богами, какъ съ равными себѣ, а то и сами были богами. И эти пѣсни, исполняемыя въ царскихъ чертогахъ, находили отзвуки во всемъ народѣ, такъ какъ онѣ вызывали воспоминанія, которыми всѣ дорожили. Изъ этихъ пѣсенъ о пред-

кахъ выросъ эпосъ. На первыхъ порахъ его распѣвали не профессіональные пѣвцы, а всякій, кого муза вдохновляла на пѣснь. Въ „Иліадѣ“ неизвѣстны еще такіе пѣвцы, какъ Демодокъ и Фемій, встрѣчающіеся въ „Одиссеѣ“; тамъ Ахиллъ въ своей палаткѣ самъ развлекается тѣмъ, что чередуясь съ Патрокломъ, поетъ о славныхъ дѣяніяхъ героевъ подъ звуки лютни. Дѣло въ томъ, что и эти пѣсни не обходятся безъ музыкальнаго аккомпанемента, хотя о характерѣ его до насъ не дошло никакихъ извѣстій.

Древнѣйшія пѣсни не знали еще искуснаго гексаметра, который для насъ теперь неразрывно связанъ съ понятіемъ объ эпической поэзіи. Размѣромъ для нихъ служилъ простой короткій стихъ, который эллины вывезли изъ своей общей индоевропейской родины. Этотъ типъ стихосложенія сохранился еще въ тѣхъ древнихъ изреченіяхъ народной мудрости, которыми пользовались Гомеръ и Гесіодъ; въ устахъ народа этотъ стихъ, кажется, жилъ еще долгое время. Лишь съ началомъ художественной обработки поэзіи создается и дактилическій гексаметръ, которымъ пользовались творцы древнихъ гимновъ въ честь боговъ (вслѣдствіе чего въ его размѣрѣ во всѣ времена составлялись изреченія дельфійскаго оракула). Оттуда гексаметръ проникъ въ героическій эпосъ, въ которомъ подвергся тщательной отдѣлкѣ и остался навсегда нормальнымъ стихомъ. Для ударяемыхъ и неударяемыхъ членовъ, изъ которыхъ образовался древнѣйшій „метръ“, было установлено извѣстное соотношеніе, основанное на долготѣ и краткости слоговъ. Соединеніе двухъ стиховъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ три ударяемыхъ (а первоначально, можетъ-быть, и четыре) слога, представляетъ собою слѣдующую схему: Размѣръ.

Сла́вою свѣ́тлый Атри́дъ || повели́тель муже́й Агаме́мнонъ.

Подобное же сочетаніе двухъ стиховъ представляютъ сатурническій стихъ римлянъ и размѣръ нѣмецкой пѣсни о Гильдебрандѣ. Въ прогрессивномъ совершенствованіи этого необыкновенно гибкаго эпическаго размѣра впервые сказывается чуткость эллина къ красотѣ формы. Спокойное теченіе этого, не слишкомъ длиннаго, но и не слишкомъ короткаго стиха, какъ нельзя лучше, подходило къ равномѣрному ходу повѣствованія. Благодаря усѣченію послѣдняго дактиля, при чтеніи получалась небольшая пауза, не особенно разительная и въ то же время пріятная, какъ мѣсто нѣкотораго отдыха. Въ гексаметрѣ незамѣтно никакого однообразія, которое легко могло бы возникнуть отъ безконечнаго повторенія одного и того же размѣра, такъ какъ разнообразіе въ цезурахъ, неизвѣстное трескучему александрійскому стиху, и свободное, но не безпорядочное чередованіе легкаго дактиля съ тяжеловѣснымъ спондеемъ придаютъ каждому стиху его своеобразную физіономію. Чуткій поэтъ, та-

кимъ образомъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи средство согласовать форму съ содержаніемъ и при помощи разнообразныхъ ритмовъ изображать спокойное или бурное движеніе, мрачную серьезность и рѣзвое веселье.

Пѣвцы. Въ художественной разработкѣ поэзіи народъ въ его совокупности участвовалъ пассивно, т.-е. только воспринимая ее, потому что къ этому времени уже образовалась особая корпорація пѣвцовъ. Къ этимъ служителямъ музъ, такъ называемымъ аэдамъ, всякій относился съ предупредительностью, какъ мы видимъ на примѣрѣ слѣпого пѣвца Демодока въ странѣ феаковъ. Въ этомъ образѣ Гомеръ создалъ идеальнаго представителя того сословія, къ которому принадлежалъ самъ. Аэды обыкновенно находили убѣжище въ царскихъ и боярскихъ палатахъ, и, можетъ-быть, поэтому въ „Одиссеѣ" и „Иліадѣ" замѣтна аристократическая точка зрѣнія, несмотря на то, что онѣ, какъ нельзя лучше, попали въ тонъ и вкусъ народа. Но, конечно, пѣвецъ, настроивъ свою лиру и покончивъ со вступительнымъ восхваленіемъ божества, не могъ затѣмъ пройти весь безконечный рядъ сказаній; онъ выбиралъ изъ богатаго ихъ запаса, въ общихъ чертахъ извѣстнаго всѣмъ слушателямъ, отдѣльные эпизоды, распѣвая ихъ въ формѣ небольшихъ балладъ, на подобіе нѣмецкой эпической пѣсни о Гильдебрандѣ или нашихъ былинъ. Такъ, Демодокъ поетъ о распрѣ между Ахилломъ и Одиссеемъ и о деревянномъ концѣ; такъ и въ „Иліадѣ" сохранилась подобная отдѣльная эпическая пѣснь въ эпизодѣ о ночныхъ развѣдкахъ Долона.

Литературный языкъ. Среди этихъ-то пѣвцовъ сохранялась въ устной передачѣ эпическая пѣснь; получая отъ предшественниковъ болѣе старинныя пѣсни, они вмѣстѣ съ тѣмъ, становились творцами новыхъ; такимъ образовъ, постепенно возникъ эпическій литературный языкъ съ безконечными стереотипными оборотами. Разсказъ объ обыденныхъ происшествіяхъ всегда облекался въ одну и ту же форму; даже для подробнаго повѣствованія повторяющихся событій, какъ-то: поединковъ, массовыхъ битвъ, жертвоприношеній, трапезъ,—установился извѣстный шаблонъ, который существеннымъ образомъ облегчалъ работу поэта-импровизатора. Стремясь къ большей наглядности, которая породила также и сравненія, пѣвцы снабжали отдѣльные предметы поэтическими эпитетами; эти сочетанія названія съ эпитетомъ становились настолько постоянными, что употреблялись иногда и не впопадъ, напр., въ томъ случаѣ, когда герой среди бѣлаго дня простираетъ руки къ „звѣздному" небу, или Навсикая собирается стирать „ослѣпительно-бѣлыя" одежды. Эти свойства эпическаго стиля сообщали ему ровный и спокойный характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили для памяти пѣвца-сказателя извѣстными моментами отдыха.

Эолійская и іонійская эпическая поэзія. Вопросъ, гдѣ и когда распѣвались эти древнѣйшія героическія пѣсни, освѣщается до извѣстной степени, благодаря изслѣдованіямъ

о языкѣ и содержаніи гомеровскихъ пѣсенъ,—конечно, лишь въ той мѣрѣ, въ какой вообще возможно изслѣдователю проникнуть въ до-историческія сумерки. Какъ извѣстно, у Гомера мы находимъ своеобразное смѣшеніе эолійскихъ и іонійскихъ формъ языка, причемъ основу его составляетъ іонійское нарѣчіе, пересыпанное, однако, эолійскими словами. Подобная смѣсь діалектовъ должна была бы показаться чудовищною, если бы въ ней признать искусственное созданіе одного поэта; но она находитъ себѣ совершенно естественное объясненіе въ томъ фактѣ, что героическія пѣсни созданы греками, говорившими на эолійскомъ діалектѣ, а получили свое дальнѣйшее развитіе у іонійцевъ. Передача эта совершалась на малоазіатской береговой полосѣ, обращенной къ Греціи; тамъ іонійцы и эолійцы соперничали въ основаніи колоній; будучи вынуждены тѣсно сплотиться противъ варваровъ, они поддерживали такое живое общеніе между собою, какъ нигдѣ въ самой Греціи; тамъ же находилось и мѣсто дѣйствія троянской войны. Начатки же эпаса относятся къ первоначальной родинѣ эолійлевъ, Ѳессаліи, которая была и родиною Ахилла. Вѣроятно, героическія пѣсни распѣвались также на Критѣ и въ Арголидѣ въ царскихъ дворцахъ, откуда онѣ затѣмъ перешли въ Малую Азію. Необходимо отнести начало ихъ

148. Микенская надгробная плита.
По Perrot-Chipiez VI.

къ микенской эпохѣ, такъ какъ сколько бы позднѣйшіе пѣвцы, сознательно и безсознательно, ни вносили вѣрованій, обычаевъ и учрежденій своего времени, но въ эпосѣ сохранилась живая память о томъ отдаленномъ культурномъ мірѣ, который послѣ переселенія дорійцевъ былъ забытъ греками и исчезъ для нихъ, возродился же лишь благодаря раскопкамъ Шлимана въ Микенахъ. Въ то время еще не существовало глубокаго различія между культурою Европы и Азіи, между греками и варварами; и на изображеніяхъ мы видимъ микенскихъ властелиновъ на такихъ же боевыхъ колесницахъ, какъ и Гомера; точно также искусная работа микенскихъ кинжаловъ сдѣлала намъ понятнымъ описаніе Ахиллова щита въ „Иліадѣ“ (ср. рис. 148). Въ бурную эпоху переселенія племенъ эпическая пѣснь замолкла на своей родинѣ, между тѣмъ какъ въ колоніяхъ она продолжала раздаваться и наполнялась новымъ содержаніемъ.

Мы можемъ лишь догадываться о томъ, чѣмъ отличались другъ отъ друга эолійскій и іонійскій эпическіе стили, такъ какъ они оба неразрывно соединились въ гомеровскомъ эпосѣ. Можно только въ общихъ чертахъ утверждать, что „Иліада“ носитъ эолійскій страстный характеръ, сказывающійся въ яркомъ изображеніи глубокихъ душевныхъ волненій и жестокихъ битвъ; въ позднѣйшей же по времени „Одиссеѣ“ отразилось то время, когда іонійцы спокойно владѣли своими колоніями и достигали могущества и богатства, а въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ знакомились съ чудесами чужихъ морей. Въ описаніи города счастливыхъ феаковъ, которое даетъ Гомеръ, легко признать идеальное изображеніе крупнаго іонійскаго центра. Также и въ двухъ главныхъ герояхъ, въ неукротимомъ, прямодушномъ юношѣ-Ахиллѣ и въ осторожномъ, хитроумномъ страдальцѣ-Одиссеѣ, какъ нельзя лучше, отразились характерныя черты упомянутыхъ племенъ. Что касается

149. Микенскій кинжалъ. По Schuchhardt, Schliemanns Ausgrab.

Пантеры преслѣдуютъ утокъ на берегу Нила (на эту мѣстность указываютъ изображенныя папирусовыя лозы). Своеобразная техника, благодаря которой посредствомъ различнаго сплава благородныхъ металловъ достигается разноцвѣтность, позднѣе въ Греціи не встрѣчается.

частностей, то древніе эолійскіе и болѣе новые іонійскіе элементы мирно уживаются другъ съ другомъ въ обѣихъ поэмахъ. Въ „Иліадѣ“ Олимпъ представляется еще горною вершиною, покрытою снѣгомъ, на которую эолійцы въ своей родинѣ взирали съ благоговѣніемъ; въ „Одиссеѣ“ же онъ служитъ блаженнымъ жилищемъ боговъ, гдѣ не бываетъ ни снѣга, ни дождя. Изъ человѣческой оболочки, въ которую жизнерадостные іонійцы облекали своихъ боговъ, выглядываетъ иногда чуждый и для современниковъ не совсѣмъ уже понятный первобытный обликъ неукротимыхъ силъ природы. Рядомъ съ требованіями рыцарской культуры и обычаевъ, отдающихъ должное и героизму врага, рядомъ съ извѣстнымъ правовымъ порядкомъ, для котораго личности пословъ и тѣла павшихъ на войнѣ считаются неприкосновенными, выступаютъ, какъ и въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, черты первобытной дикости и варварской жестокости. Ахиллъ, несмотря на свой страшный гнѣвъ, ласково встрѣчаетъ трепетно приближающихся къ нему пословъ Агамемнона съ ихъ нерадостнымъ порученіемъ, а между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ поэмы тотъ же Ахиллъ вла-

читъ трупъ Гектора вокругъ стѣнъ Трои и немилосердно убиваетъ плѣнниковъ у костра въ честь своего убитаго друга.

Сюжеты. Сюжеты древнѣйшаго эпоса не исчерпываются тѣми, которые намъ извѣстны изъ „Иліады“ и „Одиссеи“, такъ какъ и по содержанію своему эти послѣднія лишь завершаютъ продолжительный, многообразный процессъ развитія. Сказаніе о ѳиванской войнѣ, которое несомнѣнно возникло на своей родинѣ, живетъ въ памяти пѣвцовъ „Иліады, и художественная разработка его предполагается знакомой всѣмъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ наглядно изображенные ея эпизоды въ „Иліадѣ“. Поэтому не представляется случайностью то, что участники троянской войны собираются въ беотійской Авлидѣ, равно какъ не случайнымъ является и заклинаніе тѣни ѳиванскаго прорицателя Тиресія съ цѣлью предсказанія Одиссею будущаго. Походъ аргонавтовъ въ простѣйшей своей формѣ несомнѣнно старше „Одиссеи“, такъ какъ въ этой послѣдней судно Арго упоминается уже какъ общеизвѣстное; быть-можетъ, событія этого похода послужили даже образцами для нѣкоторыхъ частностей въ „Одиссеѣ“. Ядромъ этого сказанія, также какъ и троянскаго, являются первобытные миѳы о богахъ; такъ и подъ Троей подвизаются многочисленныя, спустившіяся на землю божества (таковъ, напримѣръ, родственный германскому Зигфриду богъ свѣта, Ахиллъ), которыя въ сознаніи народа постепенно сливались съ предками господствующихъ родовъ. Кромѣ того, въ пѣсняхъ продолжаютъ жить воспоминанія о выдающихся историческихъ дѣятеляхъ и событіяхъ. Такъ, напр., древнѣйшіе завоевательные походы эолійцевъ на острова, расположенные у береговой полосы Малой Азіи *), перешли въ сказанія и, наконецъ, разрослись у пѣвцовъ въ грандіозное предпріятіе, съ участіемъ всѣхъ греческихъ царей. Теперь только центральнымъ нунктомъ сказанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главною пружиною дѣйствія стало похищеніе Елены троянскимъ царевичемъ Александромъ, причемъ Елена уже болѣе не богиня, а супруга спартанскаго царя. Изъ соединенія различныхъ сказаній возникъ новый благодарный мотивъ: высокомѣрный духъ не привыкшихъ повиноваться ахейскихъ вождей легко могъ стать поводомъ раздоровъ въ собственномъ лагерѣ, которые должны были отодвинуть цѣль всего предпріятія, т.-е. завоеваніе непріятельскаго города. Тутъ мы уже находимся на той почвѣ, на которой выросла „Иліада“ Гомера.

Гомеръ. **Гомеръ**—это имя знакомо всѣмъ намъ такъ, точно оно принадлежитъ родному поэту; а между тѣмъ не всякому извѣстно, что подъ нимъ скрывается одна изъ труднѣйшихъ проблемъ въ исторіи литературы, полная разгадка которой врядъ ли когда-либо удастся. Для

*) Въ «Иліадѣ» Ахиллъ также овладѣваетъ островами Лесбосомъ и Тенедосомъ.

нашихъ отцовъ, какъ и для грековъ, Гомеръ считался творцомъ „Иліады“ и „Одиссеи“; но мы въ настоящее время знаемъ уже, что ему въ древности приписывали съ такою же увѣренностью цѣлый рядъ другихъ поэмъ и мелкихъ стихотвореній, что имя „Гомеръ“ было, слѣдовательно, собирательнымъ именемъ для цвѣтущаго періода героическаго эпоса. Пробудившаяся у эллиновъ критика, правда, отняла у него одно за другимъ эти произведенія, а нѣкоторые представители ея зашли даже такъ далеко, что отказали ему и въ авторствѣ „Одиссеи“; но никто не осмѣлился усомниться въ реальности слѣпого старца-пѣвца, о которомъ уже съ раннихъ временъ сложились многія легенды, и священныя черты котораго, каковыми онѣ носились въ воображеніи многихъ, рука художника сумѣла закрѣпить въ талантливо выполненномъ идеальномъ портретѣ (рис. 150). А, между тѣмъ, болѣе семи городовъ соперничали изъ-за чести считать его своимъ уроженцемъ; датировки же его жизни, судя по разнообразнымъ, дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, разсѣяны по протяженію полутысячелѣтія слишкомъ, изъ чего мы ясно видимъ, что въ древности о немъ не существовало достовѣрнаго преданія.

Гомеровскій вопросъ.

Такъ какъ авторъ, какъ истый эпическій поэтъ, скрывается за своимъ произведеніемъ, то это послѣднее должно само дать намъ разъясненіе своего происхожденія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ф. А. Вольфъ въ 1795 году разрушилъ вѣру въ единаго Гомера, и К. Лахманъ взялся подсчитать творцовъ безсмертнаго произведенія, стараясь расчленить „Иліаду“ на самостоятельныя эпическія пѣсни,—съ тѣхъ поръ г о м е р о в с к і й в о п р о с ъ долгое время внушалъ живой интересъ научнымъ и образованнымъ кругамъ нашего общества. Въ настоящее время споръ между „теоріей мелкихъ пѣсенъ“ и „теоріей единства“, который велся часто съ излишнею горячностью, замолкъ, и взглядъ, примиряющій эти крайности, получаетъ все бо́льшее и бо́льшее распространеніе. Продолжительная практика профессіальныхъ пѣвцовъ (аэдовъ) въ дѣлѣ разработки героическаго эпоса, какъ мы видѣли, должна была приготовить весь тотъ запасъ техническихъ пріемовъ, съ помощью котораго геніальный поэтъ могъ уже создать свое твореніе. Изъ пространнаго и все еще растущаго эпическаго матеріала о троянской войнѣ онъ выдѣлилъ одинъ эпизодъ, г н ѣ в ъ А х и л л а, который заключалъ въ себѣ законченное единое дѣйствіе и разомъ выдвинулъ на мѣсто коллективнаго дѣйствія индивидуальный мотивъ рокового столкновенія между двумя благородными героями. Возникновеніе этого гнѣва, его послѣдствія и развязку онъ изобразилъ въ одной связной поэмѣ, которая, вѣроятно, настолько же была далека отъ древнѣйшей эпической пѣсни, какъ далека она и отъ нынѣ извѣстной намъ „Иліады“, разросшейся до размѣровъ 15693 стиховъ. Эта поэма несомнѣнно была дѣломъ о д н о г о поэта, и этотъ-то поэтъ и есть н а с т о я щ і й Г о м е р ъ. Что онъ бле-

стяще выполнилъ свою задачу, это мы видимъ изъ того, что его поэма со времени вытѣснила всѣ остальныя пѣсни, которыя распѣвались о троянской войнѣ. При этомъ дѣйствіе въ его поэмѣ оказалось весьма

150. ГОМЕРЪ.
МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ НЕАПОЛѢ.
Съ фотографіи.

Обратить вниманіе на мастерство, съ которымъ изображены и слѣпота дряхлаго старца, и кроткая мудрость и пророческое вдохновеніе великаго поэта.

удобнымъ для введенія новыхъ эпизодовъ: отсутствіе Ахилла въ борьбѣ побуждало къ тому, чтобы вплести подвиги другихъ героевъ, пока, наконецъ, каждое племя не захотѣло видѣть своихъ героевъ въ этомъ пантеонѣ греческаго эпоса. Дальнѣйшей переработкѣ его содѣйствовало то обстоятельство, что пѣсни еще долгое время продолжали распростра-

няться, главнымъ образомъ, устно, при помощи аэдовъ, а впослѣдствіи рапсодовъ. Мы не въ состояніи съ опредѣленностью указать, когда и гдѣ послѣдовала первая запись пѣсенъ; во всякомъ случаѣ, и при записи оказалось необходимымъ ввести нѣкоторые эпизоды, которые соединяли бы отдѣльныя пѣсни. Такимъ образомъ, дошедшее до насъ произведеніе состоитъ изъ ряда наслоеній, которыя, группируясь около опредѣленнаго ядра, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ еще довольно ясно отдѣляются другъ отъ друга. Всѣ же мы не въ состояніи цѣликомъ выдѣлить это ядро, т.-е. первоначальную „Иліаду", такъ какъ древніе элементы частью вытѣснены новыми вставками *).

„Иліада". Какъ вся война, такъ и ссора между Ахилломъ и Агамемнономъ, загорается изъ-за женщины. Ахиллъ заставилъ Агамемнона возвратить плѣнную Хрисеиду ея отцу, жрецу Аполлона Хрису, чтобы спасти войско отъ чумы. Разгнѣванный царь оскорбляетъ героя, несправедливо отнимая у него Брисеиду, предложенную ему раньше въ видѣ почетнаго дара отъ войска. Оскорбленный въ своей чести, Ахиллъ удаляется съ поля сраженія. На пустынномъ берегу моря онъ жалуется на свое горе матери, выплывающей изъ морской глубины. Зевсъ, хотя и неохотно, обѣщаетъ полное удовлетвореніе матери Ахилла, явившейся къ нему на Олимпъ и съ мольбой обнимающей его колѣни. На слѣдующее утро Агамемнонъ подъ вліяніемъ сновидѣнія, посланнаго Зевсомъ, ведетъ войско, которое было уже готово отказаться отъ безуспѣшной войны, изъ корабельнаго лагеря навстрѣчу троянцамъ. Но вмѣсто ожидаемаго сраженія предлагается поединокъ между Менелаемъ и Парисомъ, который долженъ рѣшить, кому изъ нихъ обладать Еленой. Какъ вторая книга наглядно изображаетъ намъ астроеніе и порядки въ лагерѣ ахейцевъ, такъ теперь (въ 3 кн.) передъ нашими глазами является осажденный городъ, въ которомъ происходятъ приготовленія къ поединку. Однако, рѣшительнаго исхода не наступаетъ, такъ какъ Афродита спасаетъ своего Париса отъ ударовъ Менелая. Только когда послѣдній раненъ вѣроломнымъ троянцемъ (4 кн.), начинается общая битва, въ которой передъ всѣми отличается Діомедъ (5 кн.), вдохновляемый и защищаемый Аоиною. Какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, боги не только помогаютъ своимъ любимцамъ, но и сами вступаютъ въ бой. Первый день сраженія (кн. 5—7) не приноситъ никакого рѣшенія, равно какъ и второй день, не заключающій въ себѣ ничего особеннаго (кн. 8). Ночью, пока оба войска стоятъ въ полѣ лагеремъ другъ противъ друга, цари посылаютъ Одиссея и Аянта, сына Теламона (къ которымъ позднѣе былъ присоединенъ Фениксъ, сѣдовласый воспитатель Пелида) къ Ахиллу, чтобы добиться его помощи для стѣсненныхъ ахейцевъ (кн. 9), но попытка ихъ не имѣетъ успѣха. Третій день битвы представляетъ собою нѣчто совершенно безпорядочное, благодаря обширнымъ позднѣйшимъ вставкамъ. Когда троянцы, предводимые Гекторомъ, уже приближаются

*) Нельзя, однако, не упомянуть о томъ, что какъ-разъ въ наши дни нѣкоторые изслѣдователи, на основаніи общихъ соображеній о происхожденіи и передачѣ героическихъ пѣсенъ, вернулись къ прежнимъ воззрѣніямъ, что «Иліада» почти во всемъ своемъ объемѣ сочинена однимъ поэтомъ.

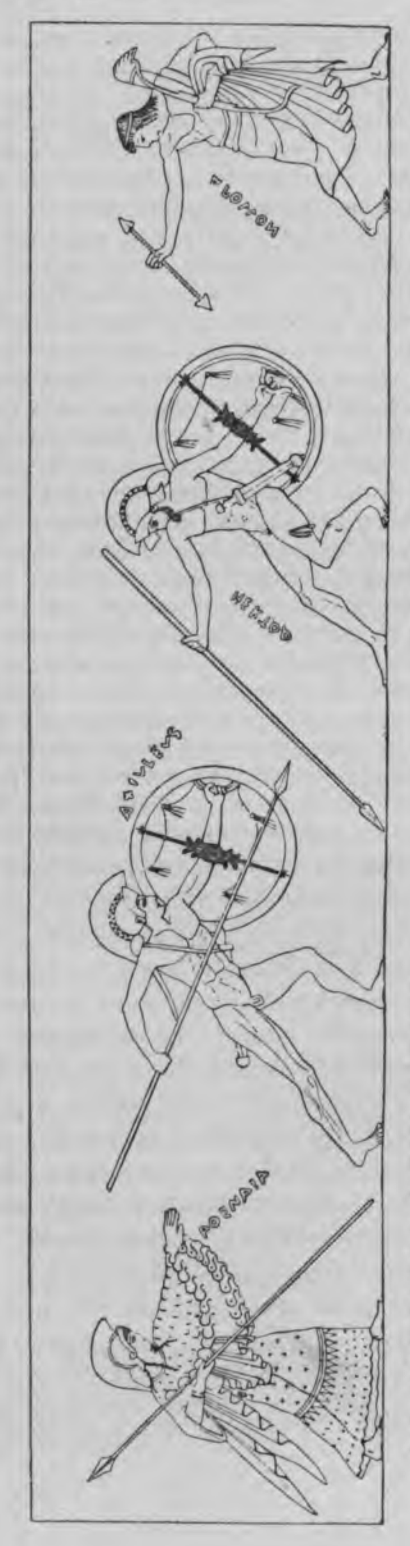
къ отстаиваемымъ Аянтомъ кораблямъ (кн. 15), Ахиллъ, наконецъ, рѣшается въ моментъ крайней нужды послать имъ въ помощь Патрокла. Облеченный въ вооруженіе Ахилла, онъ отражаетъ враговъ, успѣвшихъ уже поджечь корабли. Но когда онъ, вопреки предостереженіямъ Ахилла, до самаго города преслѣдуетъ бѣгущихъ троянцевъ, его постигаетъ злая судьба: Гекторъ его убиваетъ съ помощью Аполлона (кн. 16). Горе Пелида не знаетъ границъ, и гнѣвъ его противъ Агамемнона исчезаетъ передъ жаждой отомстить за друга (кн. 18). Слѣдующее затѣмъ описаніе роскошнаго вооруженія, выкованнаго Гефестомъ по просьбѣ опечаленной Ѳетиды для ея сына, составляетъ извѣстное мѣсто отдыха въ стремительномъ ходѣ дѣйствія. Теперь начинается рѣшительная борьба (кн. 19). Ахиллъ неистовствуетъ среди троянцевъ (кн. 20), которые, преслѣдуемые имъ, бросаются въ бурныя волны Скамандра (кн. 21). Оставшіеся въ живыхъ спасаются въ городъ; лишь Гекторъ ждетъ противника, готовый пожертвовать собою для своихъ. Но и онъ обращается въ бѣгство передъ страшнымъ натискомъ врага, пока, наконецъ, введенный въ заблужденіе Аѳиною, не останавливается, чтобы встрѣтить Ахилла и, по волѣ судьбы, погибнуть на глазахъ плачущихъ родителей (кн. 22, ср. рис. 157). На этомъ оканчивалась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первоначальная „Иліада". Но не меньшій интересъ внушаютъ намъ столь прославляемыя Шиллеромъ похоронныя торжества въ честь Патрокла (кн. 23) и выкупъ тѣла Гектора (кн. 24). Тѣло Патрокла предается торжественному погребенію; трупъ Гектора предполагается бросить на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Но сѣдовласый Пріамъ, охраняемый божествомъ, осмѣливается ночью отправиться въ непріятельскій лагерь, гдѣ онъ, обхвативъ колѣни того человѣка, который убилъ его сына, трогательными мольбами смягчаетъ жестокое сердце побѣдителя. Надгробный плачъ о Гекторѣ, намекающій на близкое паденіе Трои, сообщаетъ заключительной части „Иліады" соотвѣтствующее настроеніе.

„Одиссея".

Послѣ того, какъ завоеваніе Трои, на которое „Иліада" лишь слегка намекаетъ, получило въ сказаніяхъ опредѣленную форму, интересъ грековъ, страстныхъ мореплавателей, обращается къ возвращающимся героямъ и сосредоточивается на образѣ многострадальнаго Одиссея. Этотъ послѣдній, въ борьбѣ съ опасностями на морѣ и съ чудесами незнакомыхъ странъ, преслѣдуемый любовью и ненавистью, послѣ десятилѣтнихъ блужданій, вступаетъ, наконецъ, на почву дорогой родины и возвращаетъ себѣ царство и жену. Такимъ образомъ, получился центръ, около котораго сгруппировались жившія въ народѣ многочисленныя сказанія о морскихъ чудесахъ. Кромѣ того, этотъ сюжетъ давалъ матеріалъ для изображенія родныхъ нравовъ, такъ что „Иліада" и „Одиссея", взятыя вмѣстѣ, представляютъ собою довольно полную картину культуры гомеровскаго вѣка, если не принимать въ соображеніе различное время происхожденія того и другого эпоса.

Изъ разрушенной Трои поэтъ выводитъ своего героя на море. Однако, повѣствованіе не слѣдуетъ по прямому пути, какъ въ „Иліадѣ"; искусно распланированный сюжетъ складывается изъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе обширныхъ частей, что легче всего объясняется происхожде-

піемъ „Одиссеи“ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поэмъ. Поэтъ приступаетъ къ разсказу съ того знаменательнаго момента, когда въ совѣтѣ боговъ было рѣшено возвращеніе Одиссея. Но прежде чѣмъ повѣствовать объ осуществленіи этого рѣшенія, поэтъ первой части („Телемахія“, 1—4 кн.) изображаетъ событія на Итакѣ, вызванныя отсутствіемъ Одиссея: безстыдные происки жениховъ, сватающихся къ покинутой Пенелопѣ, и безпомощное положеніе молодого Телемаха. Сама Аѳина посылаетъ его развѣдать о пребываніи отца. Въ Пилосѣ и Спартѣ Телемахъ встрѣчаетъ счастливо вернувшихся героевъ; видитъ Нестора, окруженнаго славными сыновьями, и Менелая, вновь обрѣтшаго свою Елену. Здѣсь мимоходомъ пѣвецъ удовлетворяетъ любопытство слушателей, пожелавшихъ узнать о судьбѣ прочихъ героевъ. Наконецъ, мы встрѣчаемъ самого многострадальнаго Одиссея въ то время, какъ онъ на скалистомъ берегу острова Огигіи изнываетъ въ тоскѣ по родинѣ (кн. 5). Въ теченіе семи лѣтъ Калипсо держала его; теперь, по настоянію Гермеса, она должна его отпустить. Хотя судно его разбивается во время бури, посланной Посидономъ, но морская богиня Левкоѳея доставляетъ его къ берегу феаковъ, и съ этихъ поръ, по опредѣленію рока, враждебныя силы утрачиваютъ свою власть надъ нимъ. Онъ снискиваетъ довѣріе прелестной царевны Навсикаи (кн. 6), которую Аѳина направляетъ къ пустынному берегу, и находитъ гостепріимную встрѣчу во дворцѣ царя Алкиноя (кн. 7). Здѣсь Одиссей своимъ личнымъ обаяніемъ пріобрѣтаетъ участіе и уваженіе всѣхъ еще прежде, чѣмъ они узнаютъ, что такой прославленный герой нашелъ пріютъ въ ихъ городѣ. Пѣснь

151. ЕДИНОБОРСТВО АХИЛЛА И ГЕКТОРА.
ИЗОБРАЖЕНІЕ НА КРАСНОФИГУРНОЙ ВАЗѢ ИЗЪ ЦЕРЕ.
По Gerhard, Vasenb. III.

Посрединѣ Ахиллъ, готовящійся нанести раненому Гектору послѣдній ударъ. Налѣво Аѳина, воодушевляющая Ахилла, направо Аполлонъ: покидая безповоротно обреченнаго Гектора, онъ показываетъ Ахиллу предназначенную для него смертоносную стрѣлу.

Демодока способствуетъ разоблаченію тайны (кн. 8), и только теперь собравшіеся въ царскомъ чертогѣ феаки, равно какъ и слушатели поэмы, узнаютъ изъ собственныхъ устъ Одиссея вѣсть о его блужданіяхъ (кн. 9—12). Оказывается, что послѣ сраженія съ киконами онъ благополучно доѣхалъ почти до пелопоннесскаго мыса Малеи, но поднявшаяся буря занесла его въ незнакомую сказочную страну. Ни сладкіе плоды лотоса, которыми его угощаютъ лотофаги, ни страшныя опасности, грозящія ему въ пещерѣ уродливаго Циклопа, не въ состояніи оторвать его мысли отъ возвращенія на родину. Направляемый попутнымъ вѣтромъ, посланнымъ Эоломъ, онъ уже видитъ издали горы Итаки, но тутъ его товарищи, ослѣпленные жадностью, вновь удаляютъ его отъ цѣли. Благодаря присутствію духа, ему удается спасти одинъ изъ своихъ 13 кораблей отъ разрушительной ярости людоѣдовъ-лестригоновъ. Съ помощью Гермаса онъ уничтожаетъ чары Цирцеи и проводитъ у нея цѣлый годъ. Послѣ этого ему приходится спуститься въ подземное царство, чтобы вопросить тѣнь Тиресія. Тамъ онъ отъ умершей матери получаетъ первую вѣсть о родинѣ, а также встрѣчаетъ тѣни бывшихъ соратниковъ своихъ. Предостерегаемый Цирцеей, онъ благополучно минуетъ сиренъ (ср. рис. 152), а также Сциллу и Харибду. Послѣ этого его постигаетъ несчастіе, вызванное преступленіемъ товарищей надъ стадомъ Геліоса. Судно разбивается, и Одиссея, только чудомъ избѣжавшаго Харибды, море выбрасываетъ на берегъ Огигіи.—Таковы разсказы Одиссея въ собраніи феаковъ. Алкиной отпускаетъ его съ богатыми дарами, и таинственный корабль феаковъ

152. Изображеніе на древне-кориноской вазѣ. Древнѣйшее изображеніе приключенія съ сиренами.
По Strena Helbigiana.
Женщина, сидящая за сиренами на ихъ странномъ островѣ, быть-можетъ, ихъ мать, богиня-Земля. Домъ съ открытою дверью слѣва, съ котораго начинается плаваніе, повидимому, дворецъ Цирцеи.

153. КРАСНОФИГУРНОЕ ВАЗОВОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЪ СТИЛѢ ПОЛИГНОТА.
По Henke. Homers Odyssee.

приводитъ его въ одну ночь на родину, которой онъ, проснувшись утромъ, не узнаетъ, пока Аѳина не открываетъ ему глазъ (кн. 13). Превращенный въ нищаго, онъ въ хижинѣ честнаго свинопаса Эвмея узнаетъ о предстоящихъ ему новыхъ страданіяхъ (кн. 14). Затѣмъ онъ заключаетъ въ свои объятія вызваннаго Аѳиною сына (кн. 16). Терпѣливо переноситъ онъ въ своемъ дворцѣ насмѣшки и оскорбленія жениховъ (кн. 17) и, неузнанный, сидитъ напротивъ своей ничего не подозрѣвающей жены; лишь вѣрная собака его и старая кормилица признаютъ вернувшагося господина (кн. 18—20). Наконецъ, наступаетъ часъ возмездія. Вышедши побѣдителемъ изъ состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука (кн. 21) онъ направляетъ стрѣлу въ надменнаго Антиноя и послѣ неравной борьбы побѣждаетъ всѣхъ жениховъ, поддерживаемый Аѳиною и немногими вѣрными рабами (кн. 22; ср. рис. 153). Только теперь, когда онъ опять сталъ господиномъ въ своемъ собственномъ домѣ, онъ даетъ себя узнать изумленной Пенелопѣ (кн. 23). Встрѣча со старымъ отцомъ, Лаэртомъ, представляетъ собою уже позднѣйшее прибавленіе (кн. 24).

Критическій взглядъ.

Часто высказывался взглядъ, что критическій анализъ гомеровскихъ пѣсенъ, отнимающій у насъ поэта и разрушающій единство его произведеній, долженъ парализовать живой интересъ къ нимъ у интеллигентныхъ читателей. Но развѣ этотъ призрачный образъ слѣпого Гомера не блѣднѣетъ передъ той возвышающей идеей, что надъ созданіемъ этихъ произведеній вѣками работали лучшія силы народа? Несмотря на разногласія изслѣдователей, для насъ важны конечные результаты ихъ критическихъ работъ: мы научились различать настоящее золото отъ шлака,

Убійство жениховъ (ср. изображеніе изъ Гьельбаши).

и передъ нами вновь засіяли блестящіе образы эпоса, освобожденные отъ вѣковой ржавчины, „чудные какъ въ первый день творенія“. Конечно, никто не отнимаетъ у обыкновеннаго читателя его законнаго права безхитростно наслаждаться Гомеромъ, не обращая вниманія на споръ ученыхъ; но въ отношеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ недочеты произведенія могутъ ему испортить впечатлѣніе, правильное пониманіе условій, при которыхъ возникла поэма, дастъ ему бо̀льшее удовлетвореніе, чѣмъ сомнительное утѣшеніе, что и старикъ Гомеръ могъ вздремнуть.

Искусство Гомера.

Но на чемъ же основаны неувядаемая свѣжесть и привлекательность этихъ поэмъ? Внимательный читатель, вѣроятно, скоро замѣтитъ, что его, какъ и при чтеніи гётевскаго „Фауста“, не столько захватываетъ ходъ дѣйствія, сколько простая, но потрясающая основная идея. Часто онъ даже теряетъ связующую нить, благодаря отрывочнымъ, неоконченнымъ эпизодамъ, однообразнымъ сценамъ рѣзни и призрачнымъ сраженіямъ боговъ. Но зато неизгладимо запечатлѣваются въ памяти образы поэмы, стоящіе, какъ живые, передъ нашими глазами. Это не грубые дикари, какъ многіе герои скандинавскихъ сагъ, не изящные рыцари, искатели приключеній въ средневѣковомъ романтическомъ эпосѣ,—но настоящіе, истые герои, сильные и все же доступные мягкимъ чувствамъ, стремительные и страстные въ любви и ненависти, представляющіе собою типы первобытной мужественности, сдерживаемой требованіями морали и воспитанія. Въ ихъ пламенномъ движеніи про-

Характеры.

являются всѣ силы; и потому отъ этихъ образовъ вѣетъ для насъ еще первоначальной свѣжестью. Въ то время, какъ въ другихъ сказаніяхъ герои одного и того же рода удивительно похожи другъ на друга, Гомеръ въ своемъ неисчерпаемомъ искусствѣ характеристики выковываетъ вполнѣ индивидуальные образы.

Останавливаясь на характерахъ „Иліады“, отмѣтимъ, прежде всего, Агамемнона, котораго его могущество и вліяніе поставили во главѣ предпріятія. Этотъ раздражительный и легко теряющійся вождь не стоитъ на высотѣ своего положенія уже по одному тому, что онъ неспособенъ подчинять личныя выгоды общему благу. Въ его соперникѣ Ахиллѣ (ср. изобр. 154) воплотился типъ благороднѣйшаго рыцарства: его доблести служатъ намъ мѣриломъ, которое мы поневолѣ примѣняемъ и къ другимъ героямъ. Храбрость его проявляется столь же бурно, какъ и другіе страстные порывы его молодого сердца. Но этотъ свѣтлый образъ затуманенъ дымкою грусти: не на долгую жизнь родила его богиня-мать, и въ теченіе этой жизни ему суждено выпить до дна всю ту чашу горестей, которая выпадаетъ на долю человѣка. Въ Ахиллѣ подтверждается основная истина греческаго нравственнаго кодекса, что несоблюденіе мѣры—корень всякаго зла. Но мы видимъ, что, именно благодаря этой его неуравновѣшенности, въ немъ совершается нравственное перерожденіе и что его тяжкія страданія въ короткое время превращаютъ юношу въ мужа. Его сверхчеловѣчество склоняется передъ властью высшихъ силъ: Ахиллъ первыхъ пѣсенъ „Иліады“ никогда добровольно не вернулъ бы трупа своего смертельнаго врага его отцу. Передъ Ахилломъ другіе герои отступаютъ на второй планъ, но все же каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ достаточно выдѣляется: мудрый совѣтникъ Несторъ, который въ воспоминаніяхъ своихъ (чрезмѣрно распространенныхъ послѣдующими поэтами) связываетъ настоящее время съ славнымъ прошлымъ, пережи-

154. Ахиллъ.
Краснофигурное вазовое изображение въ Римѣ.
По Gerhard, Vasenbild. III.

тымъ имъ самимъ; далѣе Аянтъ, сынъ Теламона, и Діомедъ, оба одинаково храбрые, но одинъ гордый, надменный, а другой скромный и уступчивый; затѣмъ Менелай, несловоохотливый, какъ истый доріецъ, и прочіе, кончая уродливымъ Ѳерситомъ, этимъ живымъ типомъ демократа, преломленнымъ въ призмѣ аристократическаго міросозерцанія эпоса.

Съ другой стороны, въ осажденной Троѣ мы видимъ сѣдовласаго Пріама, окруженнаго почтенными старѣйшинами города и цвѣтущими сыновьями, среди которыхъ Гекторъ представляетъ собою трогательную параллель къ Ахиллу; поглощенный заботою объ отечествѣ и родныхъ, онъ не стремится жить, подобно Ахиллу, полною личною жизнью: „Побѣдившимъ—честь побѣды, охранявшему—любовь". Нѣжность храбраго героя къ женѣ и ребенку вся вылилась въ сценѣ прощанія съ Андромахою; эта сцена — одна изъ такихъ, которыя создаются только разъ въ искусствѣ. Рядомъ съ Андромахою стоитъ подавленная заботами мать Гектора, Гекуба, и, наконецъ, сама Елена, невинная виновница войны, полная раскаянія въ своемъ поступкѣ, относящаяся съ понятнымъ для дорійской женщины негодованіемъ къ невоинственному характеру своего супруга, слабаго, но обаятельнаго царевича Париса. Удивительные контрасты представляютъ собою эти три женскихъ образа въ „Иліадѣ"!

Въ характерѣ Одиссея соединены прямо противорѣчивыя качества. Въ „Иліадѣ" онъ представляется преимущественно умнымъ и ловкимъ ораторомъ. Такое описаніе его, съ вполнѣ индивидуальными чертами, даетъ Антеноръ въ одной изъ позднѣйшихъ вставокъ, гдѣ онъ изображаетъ Одиссея задумчиво стоящаго съ потупленнымъ взоромъ, пока вдругъ съ устъ его не срываются слова, точно снѣжинки въ зимнюю вьюгу. Въ „Иліадѣ" ничего еще не извѣстно объ участіи Одиссея въ завоеваніи Трои и о его странствованіяхъ. Лишь въ „Одиссеѣ" раскрываются всѣ противорѣчивыя свойства его удивительно измѣнчивой натуры, столь характерной для древнихъ іонійцевъ, а отчасти и для современныхъ грековъ. Никогда онъ не теряется въ опасности; только одинъ разъ, когда, будучи уже близокъ къ цѣли, онъ вновь оказывается выброшеннымъ на произволъ судьбы,—онъ замышляетъ самъ положить конецъ своимъ страданіямъ; но это продолжается только одинъ моментъ. Въ борьбѣ съ сверхчеловѣческими силами онъ пользуется всякими средствами. Съ хитрымъ разсчетомъ онъ улавливаетъ слабую сторону Циклопа и строитъ на ней планъ освобожденія изъ пещеры своего гигантскаго противника. Побѣдивъ, онъ осыпаетъ его холодными насмѣшками, и подобную же безжалостность проявляетъ впослѣдствіи, убивая съ неумолимою жестокостью всѣхъ жениховъ Пенелопы. Не смущаемый никакими опасностями и никакими соблазнами, онъ неустанно преслѣдуетъ свою цѣль, которая, однако, все дальше и дальше уходитъ отъ него. И въ то время, какъ онъ томится на чужбинѣ, вѣрная супруга, своего рода

Гудруна-вдова, ждетъ его годъ за годомъ, притѣсняемая наглыми женихами. Тщательно оберегаетъ она сына Телемаха, представляющаго собою одинъ изъ тѣхъ типовъ привлекательныхъ и благовоспитанныхъ юношей, которые впослѣдствіи часто встрѣчаются въ произведеніяхъ изобразительныхъ искусствъ Аттики. Что касается обитателей сказочныхъ царствъ, въ которыя судьба заноситъ Одиссея, то они обрисованы лишь въ общихъ контурахъ; исключеніе составляетъ Полифемъ, типичнѣйшій людоѣдъ, котораго когда-либо создавалъ сказочный вымыселъ.

Гомеровскій бытъ.

Всѣ эти отдѣльныя фигуры эпоса оставались бы для насъ чуждыми, если бы поэтъ не сумѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввести насъ въ ихъ жизнь. Дошедшія до него преданія изъ микенской эпохи онъ соединяетъ съ обычаями и идеалами своего вѣка, такъ что мы получаемъ общую картину древнегреческой жизни, съ которою по наглядности можетъ сравняться лишь наше представленіе объ аѳинской жизни въ вѣкъ Перикла. Въ этомъ смыслѣ мы не мало обязаны гомеровскимъ поэтическимъ сравненіямъ. Мы видимъ, какъ солнце неустанно совершаетъ свой путь по небу, и какъ луна и звѣзды освѣщаютъ своимъ свѣтомъ одинокаго пастуха. Передъ нами ширится безконечное море, то гладкое, мирное, то возмущенное бурей и бьющее волнами въ береговыя скалы. Мы слѣдимъ за полетомъ журавлей и лебедей, наблюдаемъ животныхъ въ лѣсу, какъ въ мирной ихъ жизни, такъ и въ борьбѣ другъ съ другомъ и съ человѣкомъ. Мы видимъ, наконецъ, людей за ихъ ремесломъ жнеца на полѣ, охотника и дровосѣка въ лѣсу, пастуха среди своихъ стадъ, женщину за ткацкимъ станкомъ и слесаря въ своей мастерской. Въ „Одиссеѣ“ изображаются благоустроенное молочное хозяйство и обширное скотоводство. Само собою разумѣется, что съ вооруженіемъ воиновъ и со способомъ веденія войны, равно какъ съ горестями и радостями жизни моряковъ, мы ознакомляемся изъ эпоса самымъ основательнымъ образомъ. Идеалъ семейнаго быта, по Гомеру, зиждется на супружеской вѣрности, материнской любви и почтительности дѣтей. Хозяинъ и работникъ одинаково участвуютъ какъ въ трудахъ, такъ и въ радостяхъ жизни, и даже бездомные нищіе не отвержены обществомъ, такъ какъ они находятся подъ покровительствомъ Зевса. Государствомъ управляетъ царь Божіею милостію, которому самъ Зевсъ вручилъ скипетръ. Но невозмутимое патріархальное государство сохранилось лишь у счастливыхъ феаковъ; въ дѣйствительной же жизни Греціи аристократія заняла господствующее положеніе въ государствѣ, какъ видно изъ распрей, происходящихъ въ совѣтѣ вождей, а еще болѣе изъ вызывающаго поведенія жениховъ во дворцѣ отсутствующаго государя. Поэтъ, который предостерегаетъ отъ правленія многихъ, очевидно, уже самъ испыталъ его гнетъ. На Олимпѣ въ облакахъ царятъ боги; но безчисленныя нити тѣсно связываютъ ихъ съ человѣкомъ. „Гомеръ сдѣлалъ изъ людей бо-

говъ, а боговъ превратилъ въ людей“, говоритъ одинъ остроумный греческій писатель. Только безсмертіе и сравнительно бо́льшая власть даютъ преимущество богамъ предъ людьми, въ прочихъ же отношеніяхъ небожителямъ присущи всѣ человѣческія качества, какъ добрыя, такъ и дурныя; иногда мысли и поступки у героевъ представляются намъ даже болѣе благородными и достойными, чѣмъ у боговъ. Трудно представить себѣ болѣе поразительный по контрастамъ моментъ, чѣмъ тотъ, когда Зевсъ однимъ движеніемъ головы потрясаетъ Олимпъ и въ то же время боится объясненія со своей подозрительной супругой. Въ среду небожителей борьба изъ-за Трои внесла тоже разладъ, и въ этой борьбѣ они не по справедливости, а по личному расположенію помогаютъ сражающимся. Трудно представить себѣ, чтобы греки дѣйствительно вѣровали въ этотъ легкомысленный міръ боговъ. Многіе ученые поэтому вслѣдъ за Геродотомъ утверждали, что Гомеръ и Гесіодъ сочинили для грековъ боговъ, но это справедливо только отчасти. Дѣло въ томъ, что если бы въ массѣ греческаго населенія Малой Азіи существовали болѣе возвышенныя воззрѣнія на боговъ, то одно это обстоятельство послужило бы препятствіемъ для всеобщаго распространенія эпоса. Мы можемъ теперь утверждать, что понятія о богахъ лишь со временемъ принимаютъ все болѣе и болѣе безцеремонный характеръ; такъ, напр., недостойныя и пошлыя сцены изъ жизни боговъ, какъ доказано въ настоящее время, представляютъ собою несомнѣнно позднѣйшія вставки. У самого Гомера никто не высказываетъ сомнѣнія въ существованіи боговъ. Человѣкъ покорно преклоняется передъ ихъ волею, и ему кажется, что онъ на каждомъ шагу чувствуетъ ихъ личное вмѣшательство. Обѣтами и жертвами онъ старается расположить ихъ къ себѣ; но все-таки можно уже уловить и высшую нравственную концепцію въ словахъ Ахилла: „кто послушенъ богамъ, тому и они охотно внимаютъ“.

Изображеніе человѣческой природы.

Неотразимая сила гомеровской поэзіи основывается на рельефномъ изображеніи истинной благородной человѣчности. Чѣмъ глубже мы вникаемъ въ гомеровскій эпосъ, тѣмъ менѣе мы сознаемъ, что передъ нами греки и троянцы изъ эпохи, отдѣленной отъ насъ тремя тысячелѣтіями, и тѣмъ сильнѣе мы поражаемся, съ какою вѣрностью Гомеръ изобразилъ общечеловѣческую природу такою, какова она была всегда и будетъ вѣчно. Поистинѣ, не слѣпой старецъ сочинилъ эти поэмы, но человѣкъ, который смотрѣлъ на міръ широко открытыми глазами. Мы, люди столичной сутолоки, часто слѣпые и глухіе къ окружающимъ насъ чудесамъ, можемъ поучиться у старика Гомера наблюдать мельчайшія детали жизни. Самымъ освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на насъ гомеровская наивность, т.-е. та непосредственность, съ которою у него всюду проявляется свободная человѣческая натура, еще не вѣдая условныхъ границъ утонченной культуры. „Какъ врата Аида, ненавистенъ

Наивность.

мнѣ всякій, кто высказываетъ не то, что скрываетъ въ своемъ сердцѣ". Этотъ девизъ Ахилла въ духѣ самого поэта и обусловливаетъ рѣчи и поступки всѣхъ его героевъ. У Гомера еще не считается предосудительнымъ называть вещи ихъ именемъ, открыто высказывать свои самыя сокровенныя думы и желанія, равно какъ не требуется боязливо маскировать свою здоровую чувственность, т.-е. удовольствіе отъ ѣды, питья и любви. Непривыченъ для насъ въ греческомъ эпосѣ ничѣмъ не прикрашенный естественный эгоизмъ, отъ котораго и мы далеко не свободны, хотя считаемъ неудобнымъ открыто сознаться въ немъ. У Гомера не считается предосудительнымъ также то, когда человѣкъ беззастѣнчиво разглашаетъ о своей собственной славѣ; поэтому и Одиссей, не смущаясь, называетъ себя знаменитымъ героемъ, „слава котораго доходитъ до небесъ". Но, съ другой стороны, герои поэмы не стараются прятать свои слабости, а по отношенію къ чувствамъ другихъ не всегда соблюдаютъ деликатность. Только тогда, когда мы всецѣло переносимся въ этотъ міръ дѣтски-наивной непосредственности, мы съ ужасомъ сознаемъ, до какой степени мы, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, порабощены громкою фразою и вѣжливой общественной ложью.

Эпическое искусство.

Изумительно то вѣрное чутье, которое проявилъ Гомеръ, созидая основные законы эпическаго искусства для всѣхъ временъ. Повѣствованіе на всемъ протяженіи своемъ ясно и прозрачно; въ немъ чередуются пространныя описанія съ сжатымъ изложеніемъ главныхъ моментовъ разсказа. Съ тонкимъ тактомъ поэтъ избѣгаетъ описанія предметовъ, замѣняя его дѣйствіемъ. Такъ, напр., вмѣсто того, чтобы описывать щитъ Ахилла и лукъ Пандара, онъ изображаетъ процессъ ихъ выдѣлки. Поэтъ часто однимъ лишь словомъ намекаетъ на чувства дѣйствующихъ лицъ и такимъ образомъ побуждаетъ читателя постоянно дорисовывать остальное собственнымъ воображеніемъ. Личность автора совершенно скрывается за его произведеніемъ, а между тѣмъ всюду чувствуется его направляющая и созидающая рука; это особенно видно въ искусномъ распредѣленіи эпическаго матеріала, благодаря чему событія, совершавшіяся въ теченіе 10 лѣтъ, легко и наглядно обозрѣваются какъ фонъ происшествій, обнимающихъ сравнительно небольшой рядъ дней (въ „Иліадѣ" 51 день, въ „Одиссеѣ" 41). То же самое искусство замѣтно и въ описаніи деталей,—и вдумчивый читатель проникается истиннымъ удовольствіемъ, убѣждаясь въ томъ, какъ послѣдовательно и эффектно построены главныя сцены, и какъ тонко согласованы рѣчи героевъ съ ихъ характеромъ и настроеніемъ. Уже одинъ изъ древнихъ критиковъ хвалилъ Гомера за его способность переноситься въ извѣстныя условія и въ настроеніи лицъ до такой степени, что повѣствованіе о событіяхъ производитъ впечатлѣніе, точно мы сами ихъ переживали.

Сравненія

Особенную прелесть греческаго эпоса представляютъ собою срав-

ненія, которыя точно яркіе цвѣты, разбросаны на мрачномъ фонѣ сраженій (въ „Иліадѣ“ 178 сравненій, въ то время какъ въ „Одиссеѣ“ всего 29). У поэта, поглощеннаго своимъ сюжетомъ, въ памяти всплываютъ аналогичныя происшествія, и его воображеніе тотчасъ же набрасываетъ немногими штрихами образъ, который на мгновеніе отрываетъ слушателя отъ хода дѣйствій, и этимъ самымъ заставляетъ его еще рельефнѣе представить себѣ изображаемое. На насъ, живущихъ подъ другимъ небомъ и, по бо́льшей части, вдали отъ моря, эти картины производятъ болѣе слабое впечатлѣніе. Но кто знакомъ съ греческимъ моремъ, у того точно спадаетъ съ глазъ завѣса, и онъ, подобно Гёте во время пребыванія его въ Сициліи, понимаетъ искренность и правдивость, съ которыми написаны гомеровскія сравненія, обнимающія всѣ области природы и человѣческой жизни. Трогательно видѣть, какъ пѣвецъ великихъ сраженій, вмѣстѣ съ тѣмъ, подмѣчаетъ мельчайшія детали ежедневной жизни: какъ, напр., маленькая дѣвочка удерживаетъ за платье спѣшащую куда-то мать и глазами, полными слезъ, проситъ взять ее на руки, или какъ ребенокъ на берегу моря строитъ изъ песку домики и снова разрушаетъ ихъ. Для того, чтобы понять, какая мудрость заключается въ этихъ „украшеніяхъ повѣствованія“, стоитъ только сопоставить „Иліаду“ съ заключительными сценами Нибелунговъ, гдѣ ни одна мирная картина не облегчаетъ душу, угнетенную все возрастающею кровавою рѣзнею.

Ни одинъ поэтъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія на свой народъ и на міровую литературу, какъ Гомеръ. Хотя его пѣсни сочинялись для господствующихъ классовъ Іоніи, но онѣ настолько отвѣчали чувствамъ и мыслямъ всего народа, что при помощи странствующихъ рапсодовъ быстро распространились по всему эллинскому міру и, благодаря этому широкому распространенію, стали настоящимъ народнымъ эпосомъ. Вмѣстѣ съ религіею и языкомъ, эпосъ сознавался всѣми греками какъ первое общее ихъ достояніе. Всякій находилъ въ эпосѣ героя по своему вкусу: и пылкій эоліецъ, и стойкій доріецъ, и ловкій іоніецъ. Гомеръ игралъ роль библіи для грековъ и, можетъ-быть, даже болѣе. Декламація его пѣсенъ входила въ церемоніалъ государственныхъ празднествъ, какъ твердо установленная составная ихъ часть. Начало этому было положено Писистратидами въ Аѳинахъ, гдѣ также по преданію послѣдовала первая запись этихъ пѣсенъ въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ. Подрастающее поколѣніе изъ Гомера научалось понимать истинно-греческій духъ. „Этому поэту Греція обязана своимъ духовнымъ развитіемъ“, говоритъ Платонъ коротко и вѣрно. Во всѣхъ областяхъ литературы мы можемъ прослѣдить вліяніе Гомера. Римляне впервые заинтересовались греческою письменностью благодаря „Odyssia Latina“ Ливія Андроника несмотря на то, что эта послѣдняя представляла собою довольно не-

Значеніе Гомера.

уклюжее воспроизведеніе Гомера. Хотя въ средніе вѣка имя Гомера также чтилось высоко, но лишь съ эпохи Возрожденія его стали вновь изучать, послѣ чего началось его побѣдоносное шествіе по народамъ Европы, которое достигло своего эпогея въ XVIII вѣкѣ.

Эпическій циклъ.

Къ 750 году „Иліада“ получила болѣе или менѣе законченный видъ, а въ 650 г. и „Одиссея“. Послѣ этого, благодаря живительному вліянію гомеровскихъ поэмъ, снова всплываютъ на поверхность временно заглохшія остальныя сказанія о началѣ и концѣ троянской войны. Эти пѣсни въ различныхъ мѣстахъ греческаго міра перерабатывались гомеровскими пѣвцами въ болѣе обширныя поэмы, которыя, въ свою очередь, обратно вліяли на позднѣйшія наслоенія „Иліады“ и „Одиссеи“. Прежде и эти поэмы цѣликомъ приписывались Гомеру, но потомъ отношеніе къ нимъ стало болѣе критическимъ, и хотя не всегда удавалось твердо установить настоящихъ авторовъ, однако, особенно жалѣть объ этомъ не приходится, такъ какъ имена ихъ все равно намъ ничего бы не говорили. Поэма „Кипріи“ поэта Стасина повѣствовала о возникновеніи войны и о первыхъ эпизодахъ ея, до начала „Иліады“. Въ „Эѳіопидѣ“ Арктина VIII вѣка повѣствованіе начинается съ событій, послѣдовавшихъ за похоронами Гектора, и заключаетъ въ себѣ борьбу Ахилла съ амазонками, съ Мемнономъ и, наконецъ, смерть героя; въ „Паденіи Трои“ тотъ же поэтъ изображаетъ развязку войны. Впослѣдствіи славу этой поэмы затмила „Малая Иліада“ поэта Лесха (Lesches), очевидно, больше отвѣчавшая вкусу современниковъ своимъ грубоватымъ изложеніемъ, несвободнымъ иногда и отъ комизма. Къ „Одиссеѣ“ примыкали сказанія о возвращеніи прочихъ героевъ, собранныя поэтомъ Гагіемъ въ его „Ностахъ“, помимо которыхъ, вѣроятно, существовала еще отдѣльная поэма о „Возвращеніи Атридовъ“. Конечная судьба Одиссея составляла предметъ „Телегоніи“ Эвгаммона (послѣ 600 года).

Тѣсно группируясь около гомеровскаго эпоса, эти поэмы этимъ самымъ отказывались отъ самостоятельной художественной композиціи и отъ единства впечатлѣнія. Подобное самоотреченіе или недостатокъ творческихъ силъ нѣсколько озадачиваетъ насъ; все же мы не въ правѣ пытаться приписать этимъ поэмамъ болѣе широкую рамку дѣйствія въ виду очень опредѣленныхъ показаній Аристотеля и другихъ авторовъ, что не исключаетъ, конечно, отдѣльныхъ проспективныхъ и ретроспективныхъ эпизодовъ въ родѣ гомеровскихъ. Вообще на названныхъ пѣвцовъ великій образецъ вліялъ и благотворно и пагубно. Позднѣйшія мѣста въ „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“ показываютъ намъ примѣръ того, какъ при помощи готовыхъ гомеровскихъ оборотовъ создавались сносныя изображенія новыхъ событій, хотя гомеровскаго духа тутъ уже совершенно не было. При всемъ томъ троянскія сказанія содержали въ себѣ еще массу благодарныхъ сюжетовъ, и у Арктина, напр., встрѣчались потрясающія

сцены, о силѣ которыхъ мы можемъ догадываться по позднѣйшимъ подражаніямъ. Но мы совершенно не въ состояніи опредѣлить, до какой степени поэты сомостоятельно разрабатывали сказанія, и въ какой мѣрѣ они сумѣли придать поэтическимъ образамъ индивидуальную жизнь, такъ какъ изъ 29 книгъ, въ которыхъ были собраны эти поэмы, для насъ сохранилось лишь 85 стиховъ. Популярность этихъ поэтовъ продолжалась до V вѣка, и художники, особенно живописцы вазъ, а также лирическіе и трагическіе поэты, усердно черпали у нихъ благодарные сюжеты. Но все-таки интересъ къ нимъ относился только къ ихъ содержанію, а не къ художественной формѣ, такъ какъ нигдѣ не встрѣчается выраженія похвалы по поводу ея. Напротивъ, позднѣйшіе критики отзываются съ нескрываемымъ пренебреженіемъ о „циклическихъ поэмахъ". Такое названіе эти послѣднія получили потому, что всѣ пѣсни, передающія, по образцу Гомера, героическія сказанія, вмѣстѣ съ его поэмами были впослѣдствіи собраны въ обширный сводъ эпическихъ поэмъ, такъ называемый эпическій циклъ. Его потомъ вытѣснили прозаическія выдержки, которыя заключали въ себѣ наиболѣе важныя свѣдѣнія для изученія „Иліады" и „Одиссеи" и усердно списывались составителями руководствъ по миѳологіи, причемъ даже снабжались, въ началѣ I вѣка по Р. Хр., цѣлымъ рядомъ иллюстрированныхъ сценъ на небольшихъ рельефныхъ доскахъ (особенно замѣчательна „Tabula Iliaca" въ Римѣ). До насъ дошелъ въ сильно сокращенномъ и отчасти искаженномъ извлеченіи разсказъ о троянскихъ событіяхъ, который былъ взятъ изъ хрестоматіи Прокла (II вѣка послѣ Р. Хр.) и служилъ введеніемъ въ „Иліаду". Мы, конечно, еще въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ греки, нуждаемся для пониманія Гомера хотя бы въ общемъ знакомствѣ съ содержаніемъ этихъ эпическихъ поэмъ. Мы тогда будемъ имѣть представленіе о томъ, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, расширялось сказаніе, какъ на мѣстѣ дѣйствія появлялись сыновья убитыхъ и герои другихъ племенъ, и какъ повторялись и трактовались знакомые изъ Гомера мотивы.

Сюжеты эпическаго цикла.

Вступленіемъ служитъ рѣшеніе Зевса при помощи грандіозной войны облегчить Землю, слишкомъ обремененную большимъ количествомъ людей. Споръ трехъ богинь изъ-за красоты (вошедшее въ поговорку яблоко Эриды здѣсь еще отсутствуетъ), возникшій на свадьбѣ Пелея съ морскою богинею Ѳетидою, приводитъ къ роковому приговору Париса. Подъ покровительствомъ Афродиты троянскій царевичъ похищаетъ обѣщанную ему прекраснѣйшую женщину, спартанскую Елену, дочь Зевса. Покинутый мужъ Менелай, съ цѣлью отомщенія, собираетъ въ походъ противъ Трои греческихъ царей, изъ которыхъ многіе, какъ, напр., Одисэей, лишь по принужденію откликаются на его призывъ. Уже въ началѣ пути они сбиваются съ дороги и причаливаютъ къ Мисіи. Въ завязавшейся борьбѣ съ туземцами вождь этихъ послѣднихъ, Телефъ, сынъ Геракла, раненъ Ахилломъ и можетъ получить исцѣленіе только

отъ того же копья, которымъ ему нанесена рана. Послѣ отъѣзда героевъ буря ихъ гонитъ обратно на родину; Ахиллъ же въ Скиросѣ вступаетъ въ бракъ съ царскою дочерью Деидаміею. Сыну ихъ суждено впослѣдствіи заступить мѣсто отца въ войнѣ, и поэтому вторичное собраніе войскъ въ Авлидѣ происходитъ лишь 10 лѣтъ спустя послѣ похищенія Елены. Здѣсь высокомѣріе Агамемнона вызываетъ гнѣвъ Артемиды, и за это кровь его дочери Ифигеніи должна быть пролита на жертвенномъ алтарѣ: въ послѣдній моментъ богиня уноситъ ее къ таврійцамъ

155. ЕДИНОБОРСТВО АХИЛЛА И МЕМНОНА. ИЗОБРАЖЕНІЕ НА НИЖНЕИТАЛІЙСКОЙ ВАЗѢ. По Millin, Vases ant. I.

Наверху „взвѣшиваніе душъ" (психостасія; см. ниже: Эсхилъ); взвѣшиваетъ ихъ Гермесъ. Налѣво Ѳетида, направо Заря: первая обрадована, вторая приведена въ отчаяніе исходомъ взвѣшиванія.

и даритъ ей безсмертіе. Въ своемъ пути греки оставляютъ на островѣ Лемносѣ Филоктета, который неизлѣчимо боленъ отъ укуса змѣи. Наконецъ, они достигаютъ троянскаго берега. Въ первой битвѣ, послѣдовавшей сейчасъ послѣ прибытія флота, Гекторъ убиваетъ только-что женившагося Протесилая, спрыгнувшаго первымъ на берегъ, а Ахиллъ въ поединкѣ смертельно ранитъ Кикна, послѣ чего троянцы отступаютъ. Вслѣдъ за неудавшеюся попыткою примиренія начинается девятилѣтняя осада Трои, во время которой Ахиллъ завоевываетъ окружающіе города и острова, завладѣваетъ стадами троянцевъ, и убиваетъ молодого царевича Троила (ср. рис. 52) и возвращается съ богатою добычею, среди которой находятся Хрисеида и Брисеида. Незадолго до ссоры, возникшей изъ-за нихъ, къ троянцамъ присоединяются многочисленные союзники, которые даютъ имъ возможность выступить противъ ахейцевъ въ открытомъ бою.

156. Разрушеніе Трои. По Furtwängler'у и Reichhold'у, Gr. Vasenmal. **Такъ назыв. „Ваза Вивенціо“ въ Неаполѣ.**

Посрединѣ Неоптолемъ, готовящійся убить престарѣлаго Пріама; на колѣняхъ у послѣдняго покрытый ранами трупъ малолѣтняго Астіанакта. Правѣе Андромаха, бросающаяся съ пестомъ на ахейца. Лѣвѣе Аянтъ локрійскій, отрывающій Кассандру отъ кумира Аѳины. По краямъ мирныя сцены: направо сыновья Ѳесея, Акамантъ и Демофонтъ, освобождающіе свою бабку Этру; налѣво Эней, уносящій своего отца Анхиса и уводящій своего сына Асканія.

Благодаря опять-таки новымъ союзнымъ силамъ, троянцы имѣютъ возможность продолжать войну даже послѣ гибели Гектора, съ которой, казалось, должна была рѣшиться окончательно судьба Трои. Далѣе амазонка Пентесилея умираетъ отъ руки Ахилла, который, увлеченный любовью къ убитой непріятельницѣ, убиваетъ Ѳерсита, насмѣхающагося надъ нимъ. Сначала Ахиллъ воздерживается отъ борьбы противъ эѳіопскаго царя Мемнона, потому что съ судьбою послѣдняго связана и его собственная судьба. Но, послѣ того какъ палъ другъ его Антилохъ,—этотъ послѣдній въ пылу сыновней любви пожертвовалъ жизнью для спасенія своего отца Нестора,—начинается рѣшительный поединокъ между двумя сыновьями боговъ, при живомъ участіи и самихъ небожителей и смертныхъ людей (ср. рис. 155). Хотя Ахиллъ и остается побѣдите-

лемъ, но, въ то время, какъ онъ спѣшитъ проникнуть вслѣдъ за бѣгущими троянцами въ скейскія ворота, его поражаетъ стрѣла, пущенная Парисомъ и направленная Аполлономъ. Аянтъ и Одиссей доставляютъ трупъ Ахилла въ лагерь (ср. рис. 53), гдѣ устраиваются пышныя похороны его съ играми. Драгоцѣнное вооруженіе его присуждается тому, кто нанесъ наибольшій ущербъ троянцамъ. Одиссей получаетъ призъ, а Аянтъ изъ-за этого впадаетъ въ бѣшенство и въ припадкѣ отчаянія самъ себя убиваетъ.—Теперь и ахейцы должны позаботиться о подкрѣпленіяхъ, на что указываютъ и изреченія прорицателей. Грекамъ удается убѣдить тяжко оскорбленнаго Филоктета отправиться подъ Трою, и отъ его стрѣлы погибаетъ виновникъ всѣхъ несчастій, Парисъ. Одиссей приводитъ изъ Скироса подросшаго къ тому времени Неоптолема, который отъ отца унаслѣдовалъ его неукротимую смѣлость, но не его благородство. Однако, завоеваніе Трои возможно только при помощи хитрости. Одиссей и Діомедъ съ помощью Елены похищаютъ Палладіумъ, древнее изображеніе Аѳины, служившее охраною города, и послѣ этого наиболѣе смѣлые ахейцы (по „Малой Иліадѣ“ до 3000!) прячутся въ сооруженіи громадныхъ размѣровъ, имѣющемъ подобіе коня. Троянцы, въ радостномъ упоеніи по поводу мнимаго ухода непріятеля, сами вводятъ въ городъ гибельнаго для нихъ деревяннаго коня, несмотря на предостереженія Кассандры и жреца Лаокоона, ужасная гибель котораго еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ ихъ безумной затѣѣ. Ночью огненный знакъ призываетъ обратно грековъ, дожидающихся у острова Тенедоса. Изъ коня выходятъ ахейцы, и начинается рѣзня, отъ которой спасаются лишь немногіе, какъ, напр., благочестивый Эней (ср. рис. 156). Безъ сожалѣнія Неоптолемъ убиваетъ безоружнаго Пріама у домашняго алтаря; локрійскій Аянтъ насильно отрываетъ Кассандру отъ алтаря Аѳины, къ которому она въ страхѣ припала. Менелай, рѣшившійся раньше убить невѣрную супругу, смягчается при видѣ ея красоты. Наконецъ, побѣдитель приступаетъ къ раздѣлу добычи и плѣнныхъ; но Астіанакта, сына Гектора, рѣшаютъ бросить съ высоты башни, чтобы онъ впослѣдствіи не отомстилъ за отца.

Гнѣвъ Аѳины преслѣдуетъ возвращающихся ахейцевъ за то, что они не искупили преступленія Аянта. Лишь немногіе возвращаются на родину цѣлыми и невредимыми, причемъ нѣкоторые, какъ Менелай, лишь послѣ долгихъ странствованій. Многіе тонутъ во время бури, которая губитъ и Аянта. Другіе основываютъ вдали отъ родины новыя поселенія, являясь первыми піонерами для будущихъ эллинскихъ колонистовъ. Что же касается главнаго вождя всего предпріятія, Агамемнона, то его въ Микенахъ ждетъ трагическая кончина отъ руки вѣроломной супруги Клитемнестры и любовника ея Эгисѳа, которыхъ впослѣдствіи убиваетъ Орестъ, мститель за отца. Этими событіями опредѣляется настроеніе дѣйствующихъ лицъ въ началѣ „Одиссеи“, какъ небожителей, такъ и смертныхъ людей.

Одиссей по возвращеніи своемъ предпринимаетъ еще нѣсколько поѣздокъ, какъ, напр., къ ѳеспротамъ, гдѣ онъ, согласно совѣту Тиресія, основываетъ культъ Посидона, чтобы умилостивить гнѣвъ этого божества. Наконецъ, Одиссея настигаетъ смерть въ Итакѣ отъ руки собственнаго сына (отъ Цирцеи) Телегона, который отправился разыскивать отца. Такимъ образомъ, троянскія сказанія заканчиваются древнимъ мотивомъ о поединкѣ между отцомъ и сыномъ, не узнающими другъ друга.

Еще меньше знакомы намъ другія циклическія поэмы, которыя разсказывали о сотвореніи міра и о сраженіяхъ боговъ, а въ особенности тѣ, которыя содержали въ себѣ славныя ѳиванскія сказанія. Эти сюжеты были разработаны въ „Эдиподіи“, „Ѳиваидѣ“, „Эпигонахъ“ и „Алкмеонидѣ“. По всей вѣроятности, „Походъ Амфіарая“ (который былъ „окомъ всего войска, прорицателемъ и героемъ“) представлялъ собою самостоятельную поэму по отношенію къ Ѳиваидѣ (ср. рис. 57). Форма, въ которой здѣсь передавалась исторія Эдипа, неудачный походъ семи вождей противъ Ѳивъ и, наконецъ, завоеваніе города сыновьями этихъ семи, не отличалась существеннымъ образомъ отъ знакомой намъ обработки сюжетовъ въ позднѣйшихъ трагедіяхъ. Въ „Завоеваніи Эхаліи“ одинъ изъ подвиговъ Геракла получилъ впервые самостоятельную эпическую форму, и лишь въ VI вѣкѣ всѣ приключенія этого героя были приведены въ извѣстный порядокъ Писандромъ изъ Родоса и связаны въ одну поэму, къ которой въ слѣдующемъ вѣкѣ примыкаетъ обширная „Гераклеида“ поэта Паніассида (Panyassis), дяди Геродота. Новую „Ѳиваиду“ сложилъ Антимахъ изъ Колофона во время Пелопоннесской войны; эта поэма написана сильнымъ языкомъ, но лишена внутренней связи. Всѣ эти поэты, которые, вѣроятно, шли по проторенньмъ дорогамъ гомеровскаго стиля, до насъ не дошли, и это не удивительно, такъ какъ нигдѣ не встрѣчается ни малѣйшаго намека на популярность ихъ произведеній. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ наивной вѣры въ древнія сказанія заглохъ и интересъ къ безхитростному повѣствованію іонійскаго эпоса. Только „Иліада“ и „Одиссея“ удержались рядомъ съ лирическими и трагическими поэтами, которые сумѣли влить сказанія, точно драгоцѣнное старое вино, въ новые мѣхи. Только одинъ поэтъ осмѣлился въ своемъ эпическомъ творчествѣ пренебречь отжившими свой вѣкъ сказаніями, заглушившими впослѣдствіи и трагедію. Это былъ Хэрилъ изъ Самоса, который горевалъ о томъ, что онъ не родился въ то время, „когда передъ служителями музы простиралось еще необработанное поле“. Хэрилъ выбралъ сюжетомъ для эпоса пораженіе Ксеркса, и его поэма, говорятъ, декламировалась въ Аѳинахъ на торжественныхъ праздникахъ рядомъ съ Гомеромъ. Намъ не извѣстно, насколько ему удалось придать этому грандіозному сюжету достойную поэтическую форму; во всякомъ случаѣ, поэма его не нашла подражателей.

Другіе эпосы. Писандръ. Паніассидъ. Антимахъ. Хэрилъ.

Застывшій въ мертвыхъ формулахъ героическій эпосъ вызывалъ даже насмѣшки, примѣромъ чего служитъ такъ называемая „Батрахо(міо)махія“, невинная пародія, въ которой съ комическимъ паѳосомъ изображается грозная война лягушекъ съ мышами. Этотъ комическій эпосъ, сочиненный, вѣроятно, во время персидскихъ войнъ (можетъ-быть, Пигретомъ изъ Каріи), долгое время пользовался большою популярностью и даже понынѣ не совсѣмъ забытъ.

«Война мышей и лягушекъ».

Мышиный церевичъ Крохоборъ (Psicharpax), сидя на спинѣ лягушечьяго царя Толстощека (Physignathos), рѣшилъ плыть по волнамъ и погибъ въ нихъ.

Мыши, разгнѣванныя этимъ, снаряжаются на войну подъ предводительствомъ своего царя Хлѣбогрыза (Troxartes); ихъ глашатай Горшколазъ (Embasichytros) передаетъ вызовъ лягушкамъ, и онѣ тоже по-своему вооружаются. Боги рѣшаютъ сначала держаться въ сторонѣ отъ боя, потому что они не могутъ принять къ сердцу дѣло ни одной изъ воюющихъ сторонъ; разгорается жестокій бой, и лягушки побѣждены. Даже молнія Зевса не могла сдержать кровожадности мышей, пока онъ не выслалъ на помощь лягушкамъ одѣтыхъ въ панцыри раковъ, которые обратили мышей въ бѣгство.

Введеніе задумано прекрасно; но въ описаніи боя силы измѣняютъ поэту. Комическій эффектъ повѣствованія основанъ на чисто-внѣшнихъ средствахъ, т.-е. смѣло составленныхъ именахъ и на контрастѣ между высокопарными фразами и ничтожествомъ сюжета.

Гомеровскіе гимны.

Гомеровскіе гимны. Демодокъ въ „Одиссеѣ" начинаетъ свою пѣсню обращеніемъ къ божеству, и его примѣру слѣдовали р а п с о д ы, которые странствовали не съ лирой, но съ посохомъ въ рукахъ и до позднѣйшихъ временъ исполняли гомеровскія пѣснопѣнія при торжественныхъ случаяхъ. Это вступленіе первоначально состояло только изъ нѣсколькихъ стиховъ; но при праздникахъ въ честь какого-нибудь божества въ него естественно вплетались и миѳы изъ его культа и культа его святыни, что увеличивало его объемъ и придавало ему самостоятельное значеніе. Собраніе 34 подобныхъ вступленій сохранилось намъ подъ неподходящимъ именемъ „гомеровскихъ гимновъ": они совсѣмъ не гимны въ древнемъ смыслѣ этого слова и не сочинены Гомеромъ. Ихъ значеніе заключается скорѣе въ томъ, что они появились послѣ Гомера (700 г. до Р. Хр.) въ различныхъ странахъ греческаго міра; они, такимъ образомъ, наглядно представляютъ намъ, какъ іонійскій эпосъ былъ разработанъ даровитыми и бездарными пѣвцами по образцу существовавшихъ уже ранѣе оригиналовъ. Эти гимны различаются между собою столько же по содержанію, сколько и по формѣ. Серьезно и съ достоинствомъ описываетъ слѣпой пѣвецъ изъ Хіоса въ первомъ гимнѣ Аполлону величественное появленіе бога, его рожденіе на островѣ Делосѣ и веселое празднество, ежегодно наполнявшее оживленіемъ маленькій островъ. Во второмъ гимнѣ, который по характеру приближается къ поэзіи Гесіода, описывается торжественно, хотя и нѣсколько однообразно, основаніе дельфійской святыни. Печальный основной тонъ, напоминающій точно также міровоззрѣніе Гесіода, господствуетъ и въ гимнѣ Деметрѣ, который имѣлъ сюжетомъ похищеніе Персефоны (Прозерпины) Плутономъ, появленіе горюющей богини въ Элевсинѣ, гдѣ она основала свои таинства, и горестно-сладкое возсоединеніе дочери съ матерью. Напротивъ, въ третьемъ и четвертомъ гимнахъ вполнѣ исчезаетъ серьезное отношеніе къ религіи, которое замѣ-

няется чисто-человѣческимъ представленіемъ о мірѣ боговъ, такъ хорошо извѣстномъ намъ изъ многихъ гомеровскихъ сценъ. Съ наивнымъ, мѣстами даже грубоватымъ юморомъ изображаетъ гимнъ Гермесу дивныя дѣла новорожденнаго бога, который, выскользнувъ изъ колыбели, тотчасъ же блестяще обнаруживаетъ свой талантъ изобрѣтательности и свою воровскую хитрость. Съ іонійскимъ реализмомъ, напоминающимъ гомеровскій эпизодъ съ Аресомъ и Афродитой, поэтъ гимна Афродитѣ изображаетъ ея любовное соединеніе съ Анхизомъ на горѣ Идѣ. Въ седьмомъ стихотвореніи прелестными стихами описывается побѣда Діониса надъ морскими разбойниками. Что касается болѣе короткихъ гимновъ, то многіе изъ нихъ представляютъ собою только съ трудомъ сколоченныя стихотворныя издѣлья безъ самостоятельнаго значенія, подобныя которымъ мы снова встрѣчаемъ въ видѣ вставокъ въ стихотвореніяхъ Гесіода.

Гесіодъ.

Гесіодъ. Между тѣмъ какъ на берегахъ Малой Азіи расцвѣтала новая Грецiя при дѣятельномъ соревнованіи племенъ, а стремленіе къ совершенію великихъ дѣлъ и къ творчеству окрыляло шаги музы,—въ это время старая Грецiя совершенно измѣнила свою физіономію. Бо́льшая часть мѣстностей наполнилась новымъ населеніемъ, и новый порядокъ вещей могъ только, мало-по-малу, утвердиться послѣ переселеній. Но при этомъ совершенно недоставало поводовъ и побужденій къ большимъ общенароднымъ предпріятіямъ, ибо каждый изъ маленькихъ городовъ-государствъ, также какъ и каждый гражданинъ въ нихъ, боролись, озабоченные лишь своимъ собственнымъ благосостояніемъ или собственной невзгодою. На этой почвѣ возросла поэзія Гесіода. Поэтому она ведетъ насъ изъ міра гомеровскихъ героевъ сразу въ трезвый міръ дѣйствительности, который прежде всего ставитъ человѣку задачу старательно упорядочить свое отношеніе къ сосѣдямъ и къ богамъ. Потому-то Гесіодъ и является первымъ поэтомъ, который выступаетъ изъ своихъ произведеній какъ живая личность. Его отецъ выселился изъ эолійской Кимы въ бѣдное беотійское мѣстечко Аскру въ Беотіи. Тамъ Гесіодъ жилъ около 700 года какъ простой земледѣлецъ, а въ молодыхъ годахъ пасъ стада на Геликонѣ, этой горѣ музъ. При этомъ богини сами явились ему и посвятили его въ поэты, чтобы онъ воспѣвалъ вѣчныхъ боговъ. Печальные опыты съ братомъ Персомъ, который, подкупивъ судій, обманулъ его при раздѣлѣ наслѣдства, а потомъ попытался сдѣлать то же самое еще разъ, и, наконецъ, растративъ въ праздности все свое имущество, пришелъ къ нему просителемъ, направили его на другой путь. Къ брату относятся пѣсни порицанія и увѣщанія, сочиненныя въ разное время и безъ всякой внутренней связи и собранныя, съ многими вставками и добавленіями, подъ именемъ „Работы и дни“, въ одно произведеніе, которое, по мѣстному преданію, считалось единственнымъ подлиннымъ твореніемъ Гесіода.

«Работы и дни».

Все вмѣстѣ можно назвать пѣснью о добросовѣстномъ трудѣ и честной наживѣ; какъ руководящій мотивъ, постоянно повторяются увѣщанія: „работай, неразумный Персъ!“ и „дѣлай дѣло за дѣломъ!“. Но содержаніе необыкновенно разнообразно, потому что поэтъ различными путями приближается къ своей цѣли—доказать необходимость труда и то, что настоящій трудъ приноситъ людямъ благословеніе. Кромѣ злой Эриды, которая сѣетъ между людьми несогласія, есть еще другая, которая пробуждаетъ между ними благородное соревнованіе. Повинуясь ей, Персъ долженъ мирно уладить споръ съ братомъ. Только трудомъ можно пріобрѣтать блага жизни; работѣ Зевсъ обрекъ людей въ наказаніе за обманъ Прометея. Тогда же онъ послалъ Пандору, созданную по его повелѣнію женщину, неразумному Эпиметею, который принялъ ее, несмотря на предостереженія своего предусмотрительнаго брата Прометея, а изъ принесеннаго ею сосуда распространились на человѣчество всѣ бѣдствія. То, что на свѣтѣ все идетъ къ худшему, становится очевиднымъ изъ разсказа о четырехъ вѣкахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Здѣсь въ первый разъ появляется прекрасная мечта о золотомъ вѣкѣ младенчества людей, для которой у жизнерадостныхъ гомеровскихъ героевъ не хватало времени. Каждая слѣдующая ступень приноситъ упадокъ, сравнительно съ предшествующей; но между мѣднымъ и желѣзнымъ вѣкомъ, подъ бременемъ котораго вздыхаетъ онъ самъ, онъ долженъ вставить блестящую эпоху героевъ, чтобы согласовать свой мрачный взглядъ на вещи съ ходячими воззрѣніями своего времени. Басня изъ жизни животныхъ, первая въ греческой литературѣ, предостерегаетъ „царей“ отъ насилія надъ слабымъ; какъ они, такъ и Персъ, должны слушаться голоса спреведливости и не зазнаваться, изъ страха предъ богиней Правдой, являющейся могущественной помощницей Зевса въ судѣ и его всевидящимъ окомъ. Крута дорога къ добродѣтели, но она сулитъ награду; путемъ серьезнаго труда ведетъ она къ продолжительному счастью. Цѣлый рядъ мѣткихъ пословицъ—„простой народный катехизисъ древне-эллинской морали“ (какъ его называетъ Кирхгофъ) — указываетъ истинныя нормы полезной дѣятельности.—За этими общими правилами жизни непосредственно слѣдуетъ связное поученіе о земледѣліи, обращенное также къ брату, которому онъ, вмѣсто денегъ, предлагаетъ добрый совѣтъ. По положенію созвѣздій опредѣляется тамъ дѣятельность земледѣльца, начиная съ основательнаго устройства плуга и прочихъ зимнихъ приготовленій, посѣва сѣмянъ весною, и кончая уборкой жатвы и сборомъ винограда осенью. Странно выдѣляется среди прозаичности этого дѣла живое описаніе суровой зимы. Полагаясь на музу, Гесіодъ рѣшается даже давать предписанія относительно мореплаванія, хотя всего одинъ разъ переправлялся моремъ въ Евбею на состязаніе пѣвцовъ. — Какъ въ земледѣліи, такъ и во всей жизни, важно схватить рѣшающій моментъ. Эта основная мысль проводится въ другой серіи изреченій, которыя указываютъ также на многочисленныя, вообще предосудительныя дѣйствія. Многія содержащіяся тамъ правила приличія и въ современной Греціи не считаются такъ самоочевидными, какъ въ другихъ странахъ. Въ заключеніе перечисляются дни мѣсяца, которые считаются пригодными или непригодными для разныхъ житейскихъ дѣлъ; это перечисленіе доказываетъ намъ, къ какой глубокой древности относится неискоренимый предразсудокъ, связывающій съ извѣстными днями хорошія или дурныя предзнаменованія.

Свѣжій запахъ земли исходитъ изъ всего стихотворенія, которое заключаетъ въ себѣ безцѣнную по своей вѣрности картину эллинской культуры того времени. Съ неприкрашенной правдивостью поэтъ описываетъ жизнь и міровоззрѣнія здороваго, умѣющаго нести тяжелую работу поколѣнія, съ узко-ограниченнымъ кругозоромъ, которое по трезвости и практичности можно сравнить съ римлянами, и которое, даже среди трудовъ и угнетенія, сохранило въ цѣлости вѣру во всемогущество и всепримиряющую справедливость боговъ.

Религіозной потребности народа должна была удовлетворять «Теогонія». „Теогонія“. Она повѣствуетъ о происхожденіи міра боговъ: мало-помалу, безформенныя первичныя силы могуществомъ любви и борьбою съ враждебными началами достигаютъ твердаго мірового порядка, воплотившагося въ олимпійскихъ богахъ.

Стихотвореніе въ его настоящей формѣ начинается двумя гимнами къ музамъ, изъ которыхъ первый содержитъ посвященіе Гесіода въ поэты и часто служилъ образцомъ для подражанія (ср. стр. 203). Вначалѣ была зіяющая бездна Хаоса, затѣмъ широкогрудая Земля, мрачный Тартаръ и всепобѣждающая любовная сила Эрота. Земля произвела изъ самой себя покрытаго звѣздами Урана и отъ него сильное поколѣніе титановъ, изъ которыхъ младшій, хитрый Кроносъ, свергъ могущество отца. Далѣе тянется длинный рядъ происшедшихъ отъ нихъ божественныхъ существъ, населившихъ небо и землю, такъ же какъ и чудовищныя сказочныя созданія, съ которыми боролись боги и герои. Сухой перечень ихъ, только изрѣдка прерываемый живо разсказанными эпизодами, заставляетъ предполагать, что поэтъ не сознавалъ глубокаго символизма во многихъ изъ этихъ генеалогій.—Отъ титана Кроноса и Реи происходятъ главные боги Олимпа, которыхъ отецъ тотчасъ же вновь поглощаетъ, пока Зевсъ не спасается отъ подобной же участи благодаря хитрости своей матери. Но и Прометей, сынъ титана, неутомимый защитникъ людей, обдѣлилъ Зевса при раздѣлѣ жертвы и похитилъ у него огонь, котораго Зевсъ не давалъ смертнымъ. Въ наказаніе Зевсъ посылаетъ имъ греческую Еву, Пандору, родоначальницу женщинъ, которыя съ тѣхъ поръ стали жить среди мужчинъ, причиняя имъ великое зло. Затѣмъ, пользуясь всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, поэтъ описываетъ борьбу боговъ съ титанами, которая, вслѣдствіе помощи освобожденныхъ изъ оковъ сторукихъ исполиновъ, оканчивается побѣдою новаго мірового порядка. Точно эпилогъ ко всему предыдущему, является вставленное послѣ и написанное другою рукою описаніе послѣдней трудной борьбы Зевса съ чудовищемъ Тифономъ. Наконецъ, являются потомки олимпійскихъ боговъ, къ которымъ въ особомъ прибавленіи присоединяются смертные сыновья богинь.

Причина вліянія Гесіода на соотечественниковъ заключается не Характеристика въ его поэтическомъ дарованіи, а въ значительности его сюжетовъ и въ возвышенности силъ, появленіе и уничтоженіе которыхъ онъ описываетъ. У Гесіода не было достаточной поэтической мощи, чтобы собрать въ одно законченное цѣлое то множество фигуръ, которыя были

или плодомъ его собственнаго вымысла или заимствовались имъ изъ старыхъ гимновъ или устнаго преданія. Несмотря на добросовѣстное стараніе оживить описаніе, ему было трудно избѣжать однообразія перечисленій, необходимыхъ при такомъ обиліи матеріала. Къ тому же въ этомъ сочиненіи первоначальная связь часто нарушалась вставками. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ остерегаться предъявлять слишкомъ строгія требованія къ этимъ древнѣйшимъ дидактическимъ стихотвореніямъ.

Правильная оцѣнка гесіодовой поэзіи затрудняется еще неизбѣжнымъ сравненіемъ ея съ Гомеромъ, съ которымъ она находится въ тѣсной внѣшней связи, а въ то же время въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчіи. Уже около 700 года въ собственной Греціи такъ любили гомеровскія пѣснопѣнія, что даже поэтъ, желавшій дать что-нибудь новое, долженъ былъ по формѣ приблизиться къ этому первообразу. Такъ, размѣръ стиха, языкъ и способъ выраженія, даже подражаніе отдѣльнымъ мѣстамъ,—все это объясняется вліяніемъ поэзіи Гомера, что тѣмъ болѣе удивительно, чѣмъ рѣзче бросается въ глаза контрастъ пѣсенъ Гесіода съ героическимъ эпосомъ. Разница между легко живущими краснобаями-іонійцами и положительными, но прозаичными беотійцами проявляется здѣсь самымъ нагляднымъ образомъ. Прекрасное сіяніе, преображающее дѣйствительность, и жизнерадостное міровоззрѣніе гомеровскихъ боговъ и людей находились далеко за предѣлами ограниченнаго кругозора этихъ мелкихъ земледѣльцевъ; напрасно мы будемъ искать среди нихъ малѣйшаго слѣда той рыцарской любви къ битвѣ, которая наполняетъ „Иліаду“. Музы Гесіода, предостерегая его, возвѣщаютъ ему, что онѣ также умѣютъ сообщать много ложнаго, но похожаго на правду. Отъ этого хочетъ и онъ предостеречь своихъ соотечественниковъ, и этимъ самымъ онъ заявляетъ справедливое требованіе, чтобы къ нему не прикладывали мѣрки Гомера. Чистосердечный тонъ, которымъ онъ одинаково серьезно говоритъ какъ о мельчайшихъ потребностяхъ ежедневной жизни, такъ и объ отношеніи людей къ богамъ: забота о безпутномъ братѣ, добросовѣстность, съ которою онъ перечисляетъ поколѣнія боговъ,—всего этого не слѣдуетъ забывать ради сухости, неоспоримо присущей многимъ частямъ его произведеній. Поучительный тонъ, который дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ истинной поэзіей, зависѣлъ отъ сюжетовъ и цѣлей поэта. Но и въ нихъ замѣтна оригинальная печать его духа: обширныя области поэзіи, плодотворно развившіяся впослѣдствіи, — религіозная и житейская дидактическая поэзія, мудрыя изреченія и басни — обязаны ему своимъ появленіемъ въ литературѣ; да и начало прозы примыкаетъ не къ гомеровской, а къ гесіодовской школѣ. Потому-то у грековъ рядомъ съ Гомеромъ Гесіодъ пользовался большимъ почетомъ. Одна старинная легенда даже говоритъ о побѣдоносномъ состязаніи Гесіода съ Гомеромъ въ Халкидѣ на островѣ Евбеѣ. Несмотря на различіе между

ними или, вѣрнѣе, благодаря ему, оба они оставались учителями своего народа, у которыхъ греческій мальчикъ учился не только читать, но и жить.

Школа Гесіода

Къ Гесіоду примкнула цѣлая школа рапсодовъ, сочиненія которыхъ, подъ именемъ ихъ учителя, дошли до насъ, по крайней мѣрѣ, въ многочисленныхъ отрывкахъ. Теогонія побуждала къ попыткѣ обработать героическія саги всѣхъ племенъ также въ генеалогическомъ порядкѣ. Эта попытка осуществилась около 600 года въ видѣ „Каталога женщинъ", въ которомъ были перечислены одна за другой всѣ родоначальницы извѣстныхъ героическихъ родовъ, производившихъ себя по большей части отъ боговъ, и гдѣ вкратцѣ была разсказана ихъ исторія. Въ Локридѣ, гдѣ, по преданію, умеръ Гесіодъ, этотъ „Каталогъ" возникъ впервые, потому что тамошняя знать основывала свои права на происхожденіи отъ благородныхъ женщинъ, удостоенныхъ любви небожителей. Здѣсь въ первый разъ проявилось сознаніе связи всѣхъ эллиновъ, благодаря ихъ общему происхожденію отъ Эллина, сына Девкаліона. Тамъ же впервые было подробно разсказано преданіе о походѣ Аргонавтовъ. И какъ это сочиненіе было присоединено къ заключенію „Теогоніи", такъ же съ нимъ еще связали родственную поэму, названную „Эеями" („Ehoiai"), которая въ удобной формѣ ряда примѣровъ—причемъ отдѣльныя части начинались словами „ê hoiê", т.-е. „или каковая"..—перечисляла героинь, имѣвшихъ дѣтей отъ безсмертныхъ боговъ. Насколько мы можемъ судить на основаніи 150 отрывковъ обоихъ сочиненій, которыя вмѣстѣ составляли 5 книгъ,—авторъ этихъ „эей" старался дать болѣе подробный разсказъ сравнительно съ сухимъ перечисленіемъ „Каталога женщинъ"; но все-таки и онъ не сумѣлъ вдохнуть настоящую жизнь въ свои образы. Это доказываетъ отрывокъ объ Алкменѣ, матери Геракла, сохранившійся цѣликомъ въ видѣ введенія къ описанію щита, которымъ пользовался Гераклъ въ бою противъ Кикна; само это описаніе, скопированное съ описанія щита Ахилла, представляетъ скорѣе археологическій, чѣмъ литературный интересъ.—Вполнѣ въ томъ же духѣ, какъ и „Эеи", былъ и Навпактскій эпосъ, который также возникъ въ Локридѣ. Также и Асій на Самосѣ сочинилъ генеалогическое стихотвореніе (ср. данный образецъ на стр. 102), а въ Коринѳѣ въ VII вѣкѣ Евмелъ въ своихъ „Korinthiaka" повѣствовалъ о до-историческомъ періодѣ существованія своего родного города, древней Эфиры, роскошно расцвѣтшаго подъ управленіемъ аристократіи. Важную роль играла тамъ Медея, правда, не какъ злая волшебница, а какъ природная владычица Коринѳа. Къ особенному виду саги, который въ то суевѣрное время долженъ былъ пользоваться большою симпатіей, относится „Мелamподія"; это произведеніе сообщаетъ о странной судьбѣ пилійскаго жреца Мелампа, а также и исторію другихъ знаме-

нитыхъ прорицателей. Наконецъ, и „Работы и дни“ нашли себѣ параллельное сочиненіе въ утраченныхъ „Заповѣдяхъ Хирона“, мудраго воспитателя героической эпохи. Это было нѣчто въ родѣ кодекса рыцарской морали, сравненіе котораго съ крестьянской моралью Гесіода могло бы дать намъ важныя культурно-историческія указанія.

Орфики и философы.

Но мы можемъ прослѣдить вліяніе Гесіода еще дальше. Какъ его „Теогонія“ является первымъ руководствомъ греческой теологіи, такъ по его образцу пророки уже извѣстныхъ намъ религіозныхъ сектъ (ср. стр. 22) изложили свое ученіе во многихъ утраченныхъ нынѣ стихотвореніяхъ. Возникли теогоніи, гимны, прорицанія, посвятительныя и искупительныя пѣснопѣнія, сочинители которыхъ скрывались подъ маскою миѳическихъ основателей Орфея и Мусея, чтобы окружить свои издѣлія ореоломъ священной древности. Также была въ ходу теогонія отъ имени таинственнаго жреца-искупителя Эпименида Критскаго (около 600 года). Важную роль въ дѣлѣ созиданія и редакціи такихъ апокрифическихъ поэмъ игралъ орфикъ Ономакритъ, который былъ изгнанъ изъ свиты Писистратидовъ за поддѣлку одного оракула. Еще важнѣе было то, что въ концѣ VI столѣтія также и древнѣйшіе философы начали преподносить свою новую мудрость своимъ слушателямъ въ той же знакомой, пріятной и убѣдительной формѣ; таковы элеаты Ксенофанъ и Парменидъ въ своихъ поэмахъ о природѣ, и Эмпедоклъ, котораго Лукреціи избралъ себѣ впослѣдствіи образцомъ. Къ этимъ стихотворцамъ-мыслителямъ, кругомъ дѣятельности которыхъ были уже западныя колоніи, мы еще разъ возвратимся впослѣдствіи; здѣсь же намъ нужно было только указать на то, что древо эпоса, даже когда стволъ его началъ изсыхать, на свѣжихъ вѣтвяхъ приносило еще полные силъ и жизни плоды.

2. Лирика.

Народная пѣсня.

Безыскусственныя народныя пѣсни уже въ гомеровское время сопровождали всю жизнь грека отъ колыбели до могилы. Такъ, Цирцея и Калипсо поютъ за ткацкимъ станкомъ; юноша во время сбора винограда подъ звуки форминги распѣваетъ „пѣсню Лина“, сопровождаемую пляскою и веселыми возгласами товарищей. Также и феаки устраиваютъ подъ аккомпаниментъ Демодока хороводныя пляски на хорошо выровненныхъ мѣстахъ (таково первоначальное значеніе слова choros). При проводахъ невѣсты поется „Гименей“; у смертнаго одра Гектора, подъ жалобные вопли женщинъ, пѣвецъ запѣваетъ „треносъ“, а Ахиллу сами музы поютъ похоронную пѣснь. За жертвеннымъ пиромъ мужей раздается „пэанъ“ для умилостивленія Аполлона; подобный же „пэанъ“, но ввидѣ побѣдной пѣсни, поютъ ахейцы послѣ гибели Гек-

тора: „мы стяжали великую славу, мы убили славнаго Гектора, на котораго троянцы въ своемъ городѣ какъ на бога молились“.

Выработка опредѣленныхъ формъ художественной лирики принадлежитъ опять-таки восточнымъ колоніямъ. Въ VII вѣкѣ эти послѣднія пріобрѣтаютъ иную физіономію, чѣмъ въ цвѣтущій періодъ эпоса. Внутреннія и внѣшнія бури нарушаютъ мирную торговую дѣятельность и спокойное пользованіе пріобрѣтенными благами. Въ самой странѣ бушевали партійная борьба между господствующими родами и распри между отдѣльными общинами; извнѣ алчные лидійцы (Гигесъ, 675—657) угрожали богатымъ приморскимъ городамъ, и дикія орды киммерійцевъ наводняли весь полуостровъ. Въ это бурное время греки уже не удовлетворялись мечтательнымъ созерцаніемъ подвиговъ давно прошедшихъ временъ, но подчинялись властнымъ требованіямъ дѣйствительности: новое время требовало новыхъ пѣсенъ, въ которыхъ, какъ и въ жизни, энергично проявлялась бы личность. Зачатки субъективной поэзіи мы нашли уже у Гесіода; теперь же поэзія рѣшилась на знаменательный шагъ впередъ, отказавшись всецѣло отъ оковъ преданія и предоставивъ каждому свободно пѣть о томъ, чѣмъ была полна его собственная душа. Остатки древнѣйшей лирики, къ сожалѣнію, весьма скудные, цѣнны для насъ какъ историческіе документы, вѣрно отражающіе настроеніе, условія жизни и идеалы того времени. Для богатаго содержанія этихъ пѣсенъ гексаметръ не представлялся болѣе удовлетворительною формою, а потому въ то время быстро возникли одинъ за другимъ новые виды лирики, особенно элегія, ямбъ и пѣсня, которымъ было суждено въ теченіе двухъ вѣковъ господствовать въ поэзіи.

Подготовительный періодъ.

Элегія. Слово elegos, вѣроятно, перешло къ грекамъ изъ Фригіи вмѣстѣ съ игрою на флейтѣ, съ которою этотъ elegos былъ неразрывно связанъ; но элегическое двустишіе (дистихъ)—уже чисто-эллинскаго происхожденія. Этотъ дистихъ представляетъ собою соединеніе гексаметра съ другимъ дактилическимъ стихомъ, пентаметромъ, состоящимъ изъ двухъ равныхъ короткихъ стиховъ, изъ которыхъ каждый оканчивается ударяемымъ слогомъ. Постоянное чередованіе спокойнаго гексаметра со стремительнымъ пентаметромъ вноситъ въ дистихъ жизнь и движеніе и дѣлаетъ его одинаково пригоднымъ какъ для выраженія сдержанной жизнерадостности, такъ и для плача о мертвыхъ, какъ для мечтательнаго созерцанія, такъ и для убѣдительнаго назиданія. Въ цѣломъ, это двустишіе представляетъ собою небольшую, вполнѣ законченную строфу, и къ этой особенности стиха поэты, привыкшіе уже къ гексаметру, должны были еще приготовиться. Между языкомъ эпоса и языкомъ элегическаго дистиха существуетъ близкое родство, причемъ въ послѣднемъ лишь слегка замѣтны діалектическіе оттѣнки. По мнѣнію

Элегія.

древнихъ писателей, элегическая форма примѣнялась первоначально для заплачекъ; но первыя элегіи, дошедшія до насъ, носятъ воинственный характеръ:

Долго-ль вы станете медлить? Воспряньте, о юноши, духомъ!
Стыдъ передъ всѣми людьми вы на себя навлекли!
Руки свои опустивши, какъ-будто бы въ мирное время,
Праздно влачите вы дни здѣсь, гдѣ ярится война.

Каллинъ. Такими словами незадолго до 650 года Каллинъ изъ Эфеса призывалъ молодежь родного города къ борьбѣ и убѣждалъ ее, что почетно умереть за родину, жену и дѣтей. Такія же картины военной жизни, но болѣе наглядныя и безъ идеальнаго полета, рисуетъ намъ младшій со-

Архилохъ. временникъ Каллина, Архилохъ изъ Пароса, котораго, можетъ-быть, правильнѣе считать настоящимъ творцомъ этого рода поэзіи. Кромѣ воинственнаго содержанія, мы у него впервые находимъ лирическій плачъ, вызванный смертью родственника, погибшаго на морѣ.

Тиртей. Вполнѣ воинственнымъ духомъ проникнуты элегіи Тиртея, который во вторую мессенскую войну вдохновлялъ упавшій духъ спартанцевъ. Одна изъ легендъ, сложившихся о немъ, выдавала его за пришлаго аѳинянина, а, между тѣмъ, въ его стихахъ ясно выражены чувства природнаго спартіата. И онъ и его соплеменники знали только одинъ девизъ:

Славенъ удѣлъ храбреца на войнѣ беззавѣтно погибнуть
Вѣрнымъ оплотомъ своихъ въ битвѣ за милый очагъ.

Въ однихъ стихотвореніяхъ поэтъ выше всѣхъ благъ и добродѣтелей ставитъ непоколебимый воинственный духъ; въ другихъ противополагаетъ славу побѣдителя, даже павшаго, позору побѣжденного или бѣдствіямъ бездомнаго изгнанника. Поэтъ въ своемъ воззваніи къ молодежи, способной носить оружіе, настойчиво убѣждаетъ ее не отступать въ битвѣ, стоять какъ бы вросши въ землю, стиснувъ зубы, защищая тѣло щитомъ и держа въ рукѣ длинное копье. Если молодые воины будутъ сражаться такъ, сплотившись, нога объ ногу, щитъ къ щиту, грудь съ грудью, то побѣда будетъ на ихъ сторонѣ. Въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Евномія", онъ напоминаетъ спартанцамъ объ ихъ твердо сложившемся государственномъ строѣ, установленномъ самимъ Аполлономъ, о тяжеломъ, но славномъ прошломъ, а также и о древнемъ оракулѣ: „лишь алчность принесетъ Спартѣ гибель, и ничто иное". Тиртей односторонен ъ, какъ и его единоплеменники, но въ этой односторонности заключается и его сила. Простой языкъ поэта, по бо́льшей части пренебрегающій образами и сравненіями, пріобрѣтаетъ извѣстное величіе, благодаря возвышенности предмета его поэзіи и силѣ его нравственныхъ устоевъ.

Мимнермъ. Мимнермъ изъ Колофона прославился въ другой области. Онъ впервые затронулъ въ элегіи ту струну, которая, прозвучавъ вначалѣ еле слышно, впослѣдствіи заглушила всѣ остальныя: онъ творецъ любовной элегіи.

Что наша жизнь, что счастье, вдали отъ златой Афродиты?
О, умереть бы, когда сердце остынетъ мое!

Такова тема его стиховъ, написанныхъ, по преданію, въ честь любимой имъ флейтщицы Нанно. Сохранившіеся отрывки полны грустныхъ, но не тоскливыхъ жалобъ о скоропреходящей молодости, радости которой только и придаютъ цѣну жизни. Холоднымъ потомъ покрываются его члены, когда онъ видитъ, какъ цвѣтущая юность изчезаетъ, точно сновидѣніе, и грозно приближается безотрадная старость съ ея заботами и страданіями. Лучше скорѣе умереть, чѣмъ такъ дальше жить! Въ миѳологическомъ мірѣ поэтъ находитъ образы, соотвѣтствующіе его собственнымъ настроеніямъ, и въ этомъ отношеніи онъ служитъ образцомъ для послѣдующихъ поэтовъ. Даже дневное свѣтило даетъ ему поводъ высказать свое состраданіе къ богу солнца за тяжелый трудъ, не позволяющій ни ему, ни конямъ его отдохнуть въ теченіе долгаго дня.

Солонъ. Противоположность мягкому іонійцу Мимнерму представляетъ энергичный аѳинянинъ Солонъ. Если первый желаетъ умереть не позже 60 лѣтъ, то послѣдній предлагаетъ ему увеличить срокъ жизни до 80 лѣтъ, такъ какъ не можетъ считаться бременемъ такая старость, въ которой человѣкъ съ каждымъ днемъ умножаетъ свои познанія. Солонъ, этотъ великій государственный дѣятель, впервые ввелъ въ литературу имя своего родного города, которому впослѣдствіи было суждено такъ прославиться. Стихотворенія Солона, изъ которыхъ намъ извѣстно до 280 стиховъ, и которыя можно было бы озаглавить „Мысли и воспоминанія“, способны заинтересовать насъ и теперь своею житейскою правдою и кроткою мудростью. Еще въ молодости онъ призывалъ аѳинянъ къ обратному завоеванію Саламина. Въ 594 году ему была поручена реорганизація государственнаго управленія (ср. стр. 75), и поводомъ къ этому, по словамъ Аристотеля, послужила элегія, въ которой поэтъ искренно оплакивалъ древнѣйшую область Іоніи, раздираемую внутренними смутами. Солонъ въ своихъ стихахъ проводилъ тѣ принципы, которыми онъ руководствовался при разрѣшеніи тяжелой задачи государственнаго переустройства, пытаясь, такимъ образомъ, воспитать въ своихъ согражданахъ здравое міровоззрѣніе и политическій умъ. Съ состраданіемъ онъ относился къ нуждѣ бѣдняковъ, которые томились въ несправедливой долговой кабалѣ, и съ негодованіемъ обрушивался на жадность и произволъ богачей; но, допуская народъ къ участію въ управленіи, онъ

14*

соблюдалъ справедливую мѣру и, такимъ образомъ, охранялъ имущихъ отъ чрезмѣрныхъ потерь:

Выпуклый щитъ протянувши, обоимъ я сталъ на защиту,
Чтобы никто не стяжалъ несправедливыхъ побѣдъ.

Уже въ глубокой старости поэтъ предостерегаетъ аѳинянъ отъ Писистрата, пытавшагося завладѣть тираннiею, которою пренебрегъ самъ Солонъ. Безпощадно онъ выставляетъ имъ на видъ ихъ ослѣпленiе:

Если по собственной слабости, граждане, вы пострадали,
То не вините боговъ въ этомъ несчастьи своемъ.
Сами взростили тирановъ и дали имъ силу и крѣпость,
Нынѣ же стонете вы, тяжкое иго влача.

Такимъ образомъ, этотъ благородный человѣкъ и словомъ и дѣломъ заботился о благѣ своихъ согражданъ. Ему хотѣлось, чтобы они прониклись тѣмъ его возвышеннымъ мiропониманiемъ, которое отразилось, главнымъ образомъ, въ его „самосозерцанiи“. И онъ понималъ, что всѣ люди на землѣ одинаково отягчены бременемъ жизни. Они въ своей близорукости надѣются и хлопочутъ, но удача или неудача во всякомъ дѣлѣ зависитъ лишь отъ Зевса и неизбѣжнаго рока. Мудрый можетъ вымолить у боговъ счастье и награду за честный трудъ, но преступникъ не въ состоянiи отвратить кару Зевса, обрушивающуюся на него, какъ весенняя буря; если она даже минуетъ его, то впослѣдствiи неизбѣжно постигаетъ его дѣтей. Подобныя воззрѣнiя мы встрѣчаемъ еще и у Гесiода. Эти золотыя наставленiя облечены въ форму простыхъ, но изящныхъ стиховъ. Просто и непринужденно, иногда довольно пространно, нанизываетъ поэтъ слова и мысли не для того, чтобы поразить, а для того, чтобы убѣдить, причемъ онъ не пренебрегаетъ и картинными сравненiями. Благодаря ясной гармоничности своего существа, Солонъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе достойнымъ изъ такъ назыв. семи мудрецовъ, которые играли важную роль не столько въ литературѣ, сколько въ духовномъ развитiи эллинскаго народа. И, дѣйствительно, въ этихъ людяхъ, которые въ разныхъ мѣстахъ греческаго мiра руководили судьбами своей родины, какъ правители или совѣтчики, воплощался нравственный идеалъ того времени. Имъ приписывались короткiя энергичныя изреченiя, въ которыхъ высказалась практическая житейская мудрость, какъ, напр.: „страхъ передъ божествомъ и самосознанiе должны направлять человѣка на путь истины; самообладанiе должно удерживать его отъ неумѣреннаго наслажденiя жизнью, равно какъ не допускать его изнывать подъ ея бременемъ“.

Ѳеогнидъ

Эти изреченiя, но въ болѣе пространномъ изложенiи, отчасти повторяются и въ сборникѣ Ѳеогнида. Названный сборникъ, состоявшiй изъ произведенiй самого поэта и изъ сентенцiй другихъ элегиковъ, пред-

назначался, главнымъ образомъ, для чтенія во время веселыхъ пиршествъ. Самоувѣренный, увлекающійся Ѳеогнидъ, какъ своими личными свойствами, такъ и политическими взглядами, представляетъ замѣчательный контрастъ съ Солономъ, который старше его на 50 лѣтъ. Сочиненія Ѳеогнида даютъ намъ живую картину партійной борьбы между знатью и народомъ, которая изнуряла сосѣднюю съ Аѳинами Мегару. Самъ поэтъ, однако, не стоитъ, подобно Солону, внѣ всякихъ партій: онъ—убѣжденный аристократъ, для котораго понятія „знатный" и „добрый" тожественны, равно какъ и понятія „простолюдинъ" и „худой". Сердце его озлоблено долгими годами изгнанія вдали отъ родины, которая оставалась для него самымъ дорогимъ на свѣтѣ, несмотря на гостепріимство, оказываемое ему на чужбинѣ. Его опасенія, что корыстолюбіе знатныхъ навлечетъ на городъ гибель, сбылись, и теперь ему пришлось быть очевидцемъ того, какъ власть очутилась въ рукахъ людей, одѣтыхъ въ потертыя козьи шкуры и недавно еще скитавшихся за городомъ, подобно оленямъ. По его мнѣнію, къ такимъ гражданамъ слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ и притворяться передъ ними. Правила жизни въ этомъ „кодексѣ нравственности для знати" обращены къ молодому другу поэта, Кирну, чье имя, по увѣренію автора, въ скоромъ времени повсюду прославится. Кромѣ правилъ политической мудрости, въ этомъ сборникѣ изреченій содержится множество поученій и размышленій о страхѣ божіемъ, объ отношеніи къ дурнымъ и добрымъ людямъ, объ истинной и ложной дружбѣ, о могуществѣ вина и поведеніи людей за пиршествомъ, однимъ словомъ, о всевозможныхъ человѣческихъ дѣлахъ. Въ этихъ правилахъ, точно въ зеркалѣ отражается здоровая нравственность VI вѣка; лишь изрѣдка расхваливаются въ нихъ хитрыя продѣлки и кровавая месть врагамъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Ѳеогнидъ не упоминаетъ своего имени, а лишь имя друга Кирна, которое какъ бы подтверждаетъ авторство перваго, между тѣмъ какъ Фокилидъ и (элегикъ) Демодокъ обыкновенно помѣщаютъ свое собственное имя во главѣ своихъ короткихъ изреченій.

Эпиграммы.

Изящный знатокъ жизни и поэзіи, лирикъ Симонидъ также писалъ элегіи, но знаменитъ онъ преимущественно своими эпиграммами. Начиная съ VII вѣка, на могильныхъ памятникахъ и подношеніяхъ богамъ стали появляться „надписи" въ гексаметрахъ или дистихахъ. Образцы сохранившихся надписей свидѣтельствуютъ намъ о стараніяхъ авторовъ такъ или иначе соединить въ нѣсколькихъ стихахъ сухіе факты и похвалу умершему съ прославленіемъ божества или съ благочестивымъ пожеланіемъ. Но Анакреонъ и, главнымъ образомъ, Симонидъ довели эту скромную будничную поэзію до истинно-художественной высоты, создавъ такую поэтическую форму, которая удержалась въ міровой литературѣ и до настоящаго времени. Причи-

ной этого является неизсякающій до сихъ поръ интересъ къ такимъ задачамъ, которыя такъ мастерски разрѣшили эти два поэта, выражая остроумную идею въ возможно сжатой и сильной формѣ. Примѣромъ можетъ служить эпиграмма Анакреона:

Грозенъ въ бою Тимокритъ былъ; о немъ эта надпись вѣщаетъ
Видно, не храбрыхъ Аресъ, а боязливыхъ щадитъ.

Другой примѣръ—знаменитая могильная надпись въ память борцовъ при Ѳермопилахъ, которую нельзя не упомянуть, безразлично, принадлежитъ ли она Симониду, или нѣтъ:

Странникъ, до Спарты дошедши, о насъ возвѣсти ты народу:
Какъ повелѣлъ намъ законъ, здѣсь мы костьми полегли.

Эти и подобныя имъ эпиграммы, которыя прославляли павшихъ во время освободительныхъ войнъ, особенно цѣнны для насъ какъ непосредственные документы той великой эпохи.

Ямбъ. Архилохъ. **Ямбъ.** Геніальнымъ новаторомъ въ греческой поэзіи явился Архилохъ изъ Пароса (около 650), единственный поэтъ, котораго, не задумываясь, ставили рядомъ съ Гомеромъ. Будучи сыномъ знатнаго отца и рабыни-матери, онъ, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и въ погонѣ за счастьемъ, велъ жизнь, полную приключеній, „служа одновременно богу войны и музамъ“. Побуждаемый нуждою, онъ переселился „вмѣстѣ съ лирою и флейтою“ въ Тасосъ, ставшій незадолго до этого колоніей его родного города; но неудовлетворенный вернулся обратно съ этого „трижды проклятаго острова, гдѣ скопилось все горе эллиновъ“. Впослѣдствіи онъ служилъ, въ качествѣ наемника, разнымъ вождямъ и нашелъ смерть въ сраженіи. Онъ былъ неунывающимъ борцомъ, который не терялъ присутствія духа ни въ разочарованіяхъ жизни, ни на войнѣ, гдѣ онъ (какъ и другіе поэты послѣ него) бросалъ щитъ и обращался въ бѣгство безъ особеннаго огорченія. Своихъ враговъ, которыхъ у этого неугомоннаго человѣка было множество, онъ преслѣдовалъ жестокими насмѣшками, въ особенности несчастнаго Ликамба съ его дочерьми, изъ которыхъ одна была его невѣстою. Очень мѣтко онъ сравнилъ себя съ кузнечикомъ, который, схваченный за крылышки, еще громче трещитъ. Но и по отношенію къ себѣ онъ не зналъ пощады. Это первый поэтъ, который вполнѣ раскрывалъ свою душу:

Сердце, сердце, неспокойно ты отъ бѣдствій и отъ бурь,
Будь смѣлѣй, иди навстрѣчу разъяренному врагу.

Но въ его распоряженіи имѣются и другіе мотивы. Прелестно описываетъ онъ свою возлюбленную:

Съ улыбкой на устахъ, въ рукѣ сжимая миртъ
И розы свѣжія, стоитъ она. Волной
Спадаютъ волосы на плечи и на грудь...

Крайне наивно передаетъ онъ свое изумленіе по поводу солнечнаго затменія. Скудные отрывки, къ сожалѣнію, даютъ намъ весьма неполное представленіе о богатствѣ формъ и мыслей, но это не умаляетъ его славы какъ творца новыхъ видовъ поэзіи. Конечно, не слѣдуетъ думать, что Архилохъ „изобрѣлъ“ ямбъ, потому что природа, по выраженію Аристотеля, сама себѣ создаетъ соотвѣтствующій метръ. Ямбъ, или „метательный стихъ“, употреблялся еще во время праздниковъ Деметры, когда, согласно древнему обычаю, встрѣчныхъ забрасывали насмѣшливыми задорными стишками. Нѣсколько ямбическихъ стиховъ вставлены, между прочимъ, среди гексаметровъ въ небольшомъ эпосѣ „Маргитъ“, также приписывавшемся Гомеру. Въ немъ осмѣивался придурковатый, но самоувѣренный простофиля, который дальше пяти не могъ считать: „много ремеселъ онъ зналъ, но всѣ одинаково скверно“. Художественная же отдѣлка ямбическаго размѣра принадлежитъ лишь Архилоху, который выработалъ опредѣленныя правила стихосложенія. Три пары стопъ изъ этого ямба образуютъ триметръ, а четыре пары стопъ трохея тетраметръ. Соединеніе обоихъ метровъ въ небольшую строфу называется эподомъ; этотъ послѣдній впослѣдствіи былъ воспроизведенъ Гораціемъ. Вмѣстѣ съ торжественнымъ дактилемъ, вышелъ изъ употребленія и эпическій языкъ, ставшій неподвижнымъ и условнымъ, и поэты теперь для новыхъ размѣровъ черпали слова изъ народной рѣчи, которая по характеру своему такъ подходила къ нимъ.

Нѣсколько моложе Архилоха былъ Симонидъ (Семонидъ) изъ Аморгоса, острова, сосѣдняго съ Паросомъ. Не обладая поэтическимъ полетомъ своего предшественника, онъ трезво смотритъ на человѣческую жизнь и въ ней находитъ мало отраднаго. Онъ извѣстенъ своей поэмой о женщинахъ, въ которой онъ обрушивается на ихъ пороки съ озлобленностью, позволяющей предположить горькій опытъ въ этомъ отношеніи. Излюбленное народомъ сравненіе женщины съ тѣмъ или другимъ животнымъ онъ остроумно развиваетъ въ томъ смыслѣ, что ведетъ самое происхожденіе женщины отъ животнаго; такъ, напримѣръ, неряха происходитъ, по его мнѣнію, отъ свиньи, ворчунья—отъ собаки, кокетка—отъ лошади и т. д. Изъ десяти женщинъ лишь одна оказывается безупречною хозяйкою и ведетъ свое происхожденіе отъ прилежной пчелы, съ которою уже Гесіодъ сравниваетъ хорошую женщину. Сладкозвучный лирическій поэтъ Анакреонъ тоже умѣлъ метать стрѣлы ядовитыхъ насмѣшекъ; такъ, напримѣръ, онъ безпощадно разоблачаетъ позорное прошлое нѣкоего Артемона, „повсюду носимаго“ (въ носилкахъ). Иной характеръ носятъ длинные ямбическіе стихи Солона, въ которыхъ онъ, на подобіе героевъ трагедіи, съ достоинствомъ оправдываетъ свои поступки. Страстная личная сатира пріобрѣла новаго представителя въ лицѣ Гиппонакта изъ Эфеса (около

Симонидъ изъ Аморгоса.

Анакреонъ.

Солонъ.

Гиппонактъ.

540 г.), который является подражателемъ Архилоха, но болѣе грубымъ. Въ искусствѣ стихосложенія онъ старался перещеголять своего предшественника. Неожиданно замедляя темпъ послѣдней стопы ямбическаго триметра, онъ получилъ такъ называемый хромой ямбъ, который создаетъ, по крайней мѣрѣ, въ короткихъ стихотвореніяхъ, несомнѣнно эффектъ парадоксальности:

Прекрасныхъ дней у женщины лишь два въ жизни:
День свадьбы, и когда кладутъ ее въ землю.

Народная пѣсня.

Эолійская лирика. Народная пѣсня за это время хотя и не замолкла, но дошла до насъ только въ отрывочныхъ звукахъ, такъ какъ

157. Алкей и Саффо.
Краснофигурная ваза въ Мюнхенѣ.
По Welcker'y. Alte Denkmäler II.

профессіональные ученые впослѣдствіи считали ниже своего достоинства заниматься подобными пустяками. Мы имѣемъ лишь отрывки древнихъ гимновъ, хорошенькую пѣсенку о ласточкѣ, которую родосскія дѣти, выпрашивая подарки, распѣвали весною у дверей, далѣе, локрійскую любовную пѣсню и, наконецъ, нѣсколько шутливыхъ загадокъ, которыя уже рано пользовались большою популярностью. Существовалъ также за пиршествомъ обычай передавать изъ рукъ въ руки лавровую или миртовую вѣтку, причемъ получившій ее обязанъ былъ спѣть коротенькую пѣсенку (ср. стр. 106). До насъ дошелъ сборникъ подобныхъ жизнерадостныхъ и свободолюбивыхъ пѣсенъ, такъ называемыхъ „сколій“, атти-

ческаго происхожденія. Этотъ сборникъ по содержанію своему напоминаетъ современные студенческіе пѣсенники.

Эолійская лирика.

Первобытная свѣжесть народной поэзіи чувствуется и въ сочиненіяхъ великой поэтической четы, Алкея и Саффо, которые около 600 года на Лезбосѣ разработали настоящее пѣсенное искусство (мелику), съ ея многообразными формами. Они сочиняли свои изящные стихи и строфы, главнымъ образомъ, пользуясь мелодичнымъ размѣромъ такъ называемаго логаэда, въ которомъ очень удачно соединяются ритмы дактиля и трохея. Эта поэзія приводила въ восторгъ весь древній міръ, а также и римскихъ подражателей, Катулла и Горація; до насъ дошло лишь слабое отраженіе этого искусства. Алкей, происходившій изъ знатнаго рода, принималъ горячее участіе въ партійной борьбѣ митиленцевъ противъ тирана Мирсила, гибель котораго онъ радостно привѣтствовалъ. Для него, какъ и для Ѳеогнида, поэзія служила оружіемъ страстной борьбы. Съ тревогою онъ видитъ, какъ качается государственный корабль:

Алкей.

Движенья вѣтра я не могу понять:
Стремятся волны, словно безумныя,
Туда, сюда, а мы несемся
Вмѣстѣ съ ладьею по волѣ неба.
Но противъ бури тщетно мы боремся!
Вотъ волны мчатся, залили палубу,—
И клочья паруса печально
Треплются въ воздухѣ, словно крылья.

Великолѣпно поэтъ изображаетъ залъ, наполненный сверкающимъ оружіемъ: „о немъ не должно теперь забывать, когда мы взялись за дѣло"; „воинственные мужи составляютъ защиту города"; „впередъ на враговъ", такъ какъ „нечего бояться вражескихъ щитовъ, украшенныхъ гербами". Изгнанный изъ родины, вмѣстѣ со своими товарищами и съ Саффо, которая нашла убѣжище въ Сициліи, онъ велъ безпокойную скитальческую жизнь, пока, наконецъ, кроткій Питтакъ не позволилъ ему вернуться. Однако, въ своихъ стихахъ онъ находитъ облегченіе отъ всѣхъ заботъ, отягчавшихъ его сердце. Также и вино служитъ для него истиннымъ утѣшеніемъ въ горѣ: бушуетъ ли зимняя непогода, приближается ли цвѣтущая весна, душитъ ли лѣтній зной, — всякое время напоминаетъ ему о винѣ. Вся поэзія въ честь вина должна считать его достойнымъ своимъ творцомъ. Алкей сочинялъ и любовныя пѣсни, но въ этой области онъ долженъ уступить первенство великой сердцевѣщательницѣ — Саффо. Съ изумительною откровенностью, которая послѣдующимъ поколѣніямъ казалась не то наивною, не то вызывающею, эта стихотворица разоблачаетъ самые сокровенные тайники женскаго сердца. Она какъ бы сознаетъ близкую связь свою съ Афродитою и

Саффо.

Эротомъ, съ музами и харитами, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ знаменитая ея ода къ Афродитѣ:

О, богиня, съ трона цвѣтовъ внемли мнѣ,
Зевса дочь, рожденная пѣной моря!
Ты не дай позорно погибнуть въ мукахъ
Саффо несчастной.
Ты охотно просьбамъ моимъ внимала
И, чертогъ блестящій отца покинувъ,
Мнѣ на помощь скорую ты спѣшила
Съ неба на землю.
И тебя въ златой колесницѣ мчали
Черезъ воздухъ голуби, словно вѣтеръ;
Тѣнь отъ бѣлыхъ крыльевъ темнила землю,
Воды и рощи·
И, явясь какъ молнія, ты спросила,
И безсмертный ликъ улыбался ясно:
«Что съ тобой? Меня для чего съ мольбою
Ты призываешь?
Что печалитъ сердце твое такъ бурно?
И кого привлечь въ твои сѣти надо?
Чью согрѣть холодность? И кто дерзаетъ
Саффо отвергнуть?
Пусть тебя преслѣдуетъ онъ любовью,
Если раньше страстью твоей гнушался;
Пусть даетъ дары, если раньше гордо
Самъ отвергалъ ихъ».
О, богиня, нынѣ опять явись ты!
Дай мнѣ то, къ чему такъ стремится сердце.
Будь сама союзницей мнѣ могучей,
О, Афродита!

Конечно, и самый точный переводъ не въ состояніи передать мягкое благозвучіе стиховъ Саффо, написанныхъ на эолійскомъ нарѣчіи. Въ своемъ поэтическомъ убѣжищѣ, которое должно было оставаться недоступнымъ для печали, она обучала знатныхъ дѣвушекъ музыкѣ и пѣнію, такъ какъ у эолійцевъ жизнь женщинъ не была такъ замкнута, какъ въ Аѳинахъ. Этихъ ученицъ своихъ она любила ревнивой любовью, и въ нихъ для нея воскресала собственная молодость. Прелестно она описываетъ красоту одной подруги, переселившейся въ Малую Азію: „когда она появляется среди лидійскихъ женщинъ, то кажется, что полный мѣсяцъ съ красноватымъ блескомъ выступаетъ на вечернемъ небѣ. Тогда меркнетъ сіяніе всѣхъ звѣздъ, и лучезарный свѣтъ разстилается по поверхности моря и по цвѣтущимъ лугамъ. Нѣжная выпала роса; пышно расцвѣтаютъ розы, душистая трава и густой клеверъ“. Этотъ отрывокъ найденъ недавно, равно какъ и прочувствованная молитва къ Нереидамъ. Въ этой послѣдней Саффо умоляетъ бо-

гинь о благополучномъ возвращеніи далекаго брата, къ которому она, какъ сестра, искренно расположена, несмотря на многія прегрѣшенія его, требовавшія искупленія. Для хорового исполненія она сочиняла оригинальныя свадебныя пѣсни, которыя пѣлись для новобрачныхъ во время многочисленныхъ обрядовъ этого знаменательнаго для нихъ дня. Въ этихъ пѣсняхъ много веселаго юмора, какъ, напр., сравненіе поздно вышедшей замужъ дѣвушки съ сладкимъ яблокомъ, которое росло на самой верхушкѣ дерева и потому было забыто собирателями... впрочемъ, нѣтъ, не забыто, а только они не могли достать его. Вообще сравненія у Саффо и Алкея выбраны очень удачно и обнаруживаютъ у нихъ тонкое пониманіе природы, благодаря которому они подмѣчаютъ въ окружающемъ мірѣ отраженіе собственныхъ ощущеній и душевныхъ состояній. У названныхъ поэтовъ чувства и настроенія находятъ такое естественное и непосредственное выраженіе, которое лишь рѣдко встрѣчается въ греческой лирикѣ, тяготѣющей вообще къ рефлексіи.

158. Предполагаемая Саффо. Мраморная голова въ Берлинѣ. По Collignon, Sculpt. gr. II.

Анакреонъ.

Любовь и вино составляютъ два полюса оси, около которой вращаются мысли и чувства Анакреона изъ Теоса; его поэзія тѣсно примыкала къ эолійской лирикѣ, хотя онъ былъ іоніецъ и писалъ на іонійскомъ діалектѣ. Вмѣстѣ съ Ивикомъ онъ былъ первымъ изъ тѣхъ придворныхъ поэтовъ, которые, поступившись независимостью художника, прославляли и идеализировали роскошную жизнь при дворѣ тирановъ. Около 530 года мы видимъ обоихъ у Пиликрата на Самосѣ, гдѣ Анакреонъ воспѣваетъ прекрасныхъ пажей тирана, а затѣмъ при дворѣ Гиппарха въ Аѳинахъ. Слова и ритмъ Анакреона вкрадчивы и мягки, но въ нихъ нѣтъ и слѣда эолійскаго пыла, равно какъ и глубины мысли. Поэтъ неустанно проповѣдуетъ искусство изящно наслаждаться жизнью, не впадая въ некрасивыя крайности. Онъ продолжаетъ пить и любить даже тогда,

когда Эротъ пренебрежительно пролетаетъ мимо него при видѣ его сѣдой бороды.

Мячъ мнѣ бросая пурпурный,
Эротъ къ играмъ меня зоветъ
Съ этой рѣзвой малюткою
Въ разноцвѣтныхъ сандальяхъ.
Но съ Лезбоса она, увы,
И не любитъ сѣдыхъ волосъ;
Вспоминаетъ она съ тоской
О кудряхъ золотистыхъ.

Въ глазахъ потомства, которое долгое время еще находило удовольствіе въ пѣсняхъ Анакреона и старалось подражать ему, поэтъ представлялся симпатичнымъ жизнерадостнымъ старикомъ. Слава его въ теченіе продолжительнаго времени ошибочно покоилась на случайно сохранившейся коллекціи подобныхъ, приписывавшихся ему, игривыхъ пѣсенъ, которыя въ XVIII вѣкѣ были предметомъ совершенно незаслуженнаго восхищенія и подражанія. Впрочемъ, среди многихъ пошлыхъ и пустыхъ стишковъ попадаются и нѣкоторыя, удачно задуманныя пѣсни, хотя бы, напримѣръ, про Эрота, который въ ненастную бурную ночь ищетъ убѣжища и, нашедши его, въ знакъ признательности, испытываетъ на гостепріимномъ хозяинѣ, не утратилъ ли его лукъ своей прежней упругости. Вообще въ этой позднѣйшей „Анакреоновщинѣ“ постоянно фигурируютъ хорошо извѣстные намъ изъ помпеянскихъ фресокъ игривые амуры, которые продолжали свои шалости и въ новомъ искусствѣ.

Дорійская хоровая лирика.

Дорійская хоровая лирика. Терпандръ, творецъ художественно разработанной эллинской музыки, происходилъ также изъ Лезбоса, „наиболѣе богатаго пѣснями изъ всѣхъ острововъ“. По преданію, онъ первый ввелъ въ Греціи семиструнную лиру (ср. стр. 113), и онъ же былъ творцомъ тѣхъ древнихъ семидольныхъ напѣвовъ (nomoi), которые были употребительны при культѣ Аполлона. Главная же его заслуга заключается въ томъ, что онъ около 676 года перенесъ свое искусство въ Спарту. Спартанцы въ своей опредѣленной законами общественной жизни съ раннихъ временъ любили пѣніе и хороводныя пляски. На праздничныхъ собраніяхъ поочередно пѣли старики, юноши и мальчики:

«Мы были нѣкогда воинственными юношами».
«Мы же теперь таковы: если хочешь, попытай»!
«Мы же когда-нибудь будемъ еще храбрѣе».

Энергичныя походныя пѣсни, написанныя анапестомъ, сопровождали войско на войну. Этотъ трезвый народъ не могъ собственными силами придать своимъ безыскусственнымъ хоровымъ пѣснямъ изящную форму

и богатое содержаніе и потому охотно заимствовалъ все это отъ художественнаго избытка Малой Азіи. Вскорѣ послѣ того Спарта стала главнымъ центромъ хоровой лирики, которая, подобно гомеровскимъ пѣснямъ, въ своемъ дорійско-эолійскомъ языкѣ сохранила и впослѣдствіи слѣды своего двойного происхожденія. Посредникомъ между дорійской и эолійской лирикою былъ Алкманъ, котораго положительно можно было бы принять за природнаго спартіата, если бы онъ самъ не засвидѣтельствовалъ свое происхожденіе изъ Сардъ. Терпандръ, быть-можетъ, былъ только композиторомъ, Алкманъ же поэтъ по преимуществу и притомъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ пѣвцовъ Эллады. Подобно другимъ поэтамъ, онъ сочинилъ гимны въ честь мѣстныхъ боговъ, напримѣръ, въ честь Діоскуровъ: точно также онъ написалъ пѣсни въ честь вина и любви; но наибольшею славою пользовались его „парѳеніи“, исполнявшіяся дѣвушками на религіозныхъ празднествахъ и представлявшія собою нѣчто среднее между духовной и свѣтской поэзіей. Одна сохранившаяся пѣсня начинается героическимъ сказаніемъ въ родѣ тѣхъ, которыя вскорѣ послѣ этого были блестяще разработаны Стесихоромъ. Заканчивая разсказъ нравоученіемъ: „возмездіе боговъ неминуемо“ и „счастливъ тотъ, кто безпечно проводитъ свои дни“,—Алкманъ дѣлаетъ неожиданный переходъ и восхваляетъ пѣвицъ, исполняющихъ пѣсню, среди которыхъ, какъ солнце среди звѣздъ, выдѣляются красавица Агидо и его двоюродная сестра, запѣвальщица Агесихора. Поэтъ въ изящныхъ разнообразныхъ картинахъ восхваляетъ ихъ красоту и искусство, причемъ попеременно говоритъ то отъ своего лица, то отъ лица дѣвушекъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно непринужденно распространяется о самомъ себѣ, напримѣръ, о своемъ здоровомъ, не особенно разборчивомъ аппетитѣ, о тягостяхъ старости, которыхъ этотъ пожилой хормейстеръ не могъ избѣжать, и т. д. Чрезвычайно отчетливо отражается въ этой поэзіи сознаніе національной сплоченности спартанцевъ, не застывшей еще въ неподвижности, между тѣмъ какъ творчество Алкея и Архилоха носитъ слѣды партійныхъ раздоровъ въ колоніяхъ. Многое у Алкмана представляется грубымъ и прозаичнымъ, но его прекрасная ночная пѣсня, напоминающая Гете, полна настроенія: „теперь покоятся горныя вершины и ущелья; высота и глубина, все спитъ, что двигалось на темной землѣ: звѣри на горахъ и рои пчелъ и чудовища въ пурпуровой глубинѣ моря, спятъ и легкокрылыя стаи птичекъ“. Алкманъ.

Лезбосское искусство проникло и въ Коринѳъ вмѣстѣ съ Аріономъ, который нашелъ пріютъ при дворѣ Періандра. Многократно воспѣваемое преданіе о поѣздкѣ поэта на дельфинѣ картинно символизируетъ силу звуковъ. Но до насъ не дошелъ ни единый стихъ изъ его диѳирамбовъ. Аріонъ.

Стесихоръ въ лирикѣ былъ тѣмъ же, чѣмъ Гомеръ въ эпосѣ. Стесихоръ.

жившій около 640—555, въ полудорійской Гимерѣ на островѣ Сициліи, онъ является первымъ представителемъ западной Греціи, который оказалъ сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе поэзіи. Героическій эпосъ, подобно солнцу, засіялъ на востокѣ; теперь же онъ озаряетъ греческій міръ съ запада, но уже въ иномъ преломленіи. Дѣло въ томъ, что Стесихоръ придалъ тѣмъ же эпическимъ сюжетамъ совершенно новую форму, перерабатывая ихъ въ пространныя, колоритныя хоровыя пѣсни. Кромѣ троянскихъ сказаній (какъ, напримѣръ, о разрушеніи Трои), изобилующихъ образами, о которыхъ намъ даютъ нѣкоторое представленіе рельефы на „Tabula Iliaca" (ср. стр. 197), онъ воспѣвалъ еще подвиги Геракла, Орестею и др. При этомъ онъ,—по образцу Алкмана, какъ намъ теперь извѣстно,—раздѣлялъ свои оды на три части: строфу, антистрофу и эподъ. Къ сожалѣнію, мы вынуждены довольствоваться чужими отзывами о его искусствѣ, такъ какъ самый длинный отрывокъ, дошедшій до насъ изъ 26 книгъ его сочиненій, состоитъ всего изъ 6 стиховъ; судя по этимъ отзывамъ, древніе авторы высоко цѣнили его серьезный, полный достоинства тонъ, но осуждали излишнюю расплывчатость изложенія. Все-таки мы въ состояніи вывести, что поэтъ крѣпче стянулъ вольныя нити эпоса подбирая опредѣленную мотивировку фактовъ, причемъ онъ старался согласовать съ нравственными воззрѣніями своего времени эти древнія сказанія, передававшіяся раньше безо всякой критики. Онъ впервые выдвинулъ мотивъ столкновенія между различными видами долга; такъ, у него Орестъ, вынужденный отомстить собственной матери за убійство отца, дѣлается жертвой подобнаго столкновенія, причемъ поэтъ заставляетъ самого Аполлона вручить сыну оружіе для убійства матери. Стесихоръ не страшится никакихъ смѣлыхъ новшествъ; такъ, онъ не допускалъ того, чтобы дочь Зевса, Елена, точно какая-нибудь развратница, вызвала столь тягостную войну, и потому отрекся въ своей знаменитой „Палинодіи" отъ всего дурного, что раньше говорилъ о ней, и сталъ смѣло утверждать, что никогда Елена не пріѣзжала въ Трою на разукрашенномъ суднѣ, и что Парисъ похитилъ лишь призракъ Елены, которая въ дѣйствительности была чудомъ унесена въ Египетъ. Такимъ образомъ, Стесихоръ первый старался осмыслить сказанія, хотя это впослѣдствіи и повело къ неудержимому ихъ разложенію. Въ этомъ отношеніи онъ послужилъ образцомъ для Пиндара и для трагическихъ поэтовъ. Кромѣ того, онъ еще разработалъ нѣсколько сентиментальныхъ любовныхъ разсказовъ изъ народныхъ устныхъ преданій и, такимъ образомъ, открылъ новую литературную область, которая впослѣдствіи усердно культивировалась александрійскими поэтами. Наконецъ, онъ ввелъ въ литературу и сициліанскаго пастуха Дафниса, трогательныя жалобы котораго впослѣдствіи наполняли собою буколическую поэзію.

Ивикъ. По слѣдамъ Стесихора пошелъ Ивикъ изъ Регія, расположеннаго

противъ Сициліи. Мы упомянули уже о немъ, какъ о странствующемъ пѣвцѣ при дворѣ Поликрата. Тамъ знакомство съ Анакреономъ, вѣроятно, побуждало его къ сочиненію любовныхъ пѣсенъ, которымъ онъ былъ обязанъ своею славою. Со страстнымъ пыломъ воспѣвалъ онъ могущество Эрота, который даже весною обрушивается на него съ силою ѳракійской зимней бури и даже въ старости вызываетъ его на состязаніе, несмотря на то, что поэтъ уподобляетъ себя уставшей отъ скачекъ лошади. Прекрасная легенда о журавляхъ (ibykes), разоблачившихъ его убійцъ, возникла лишь 400 лѣтъ спустя, и, благодаря Шиллеру,—а у насъ Жуковскому,—входитъ въ сокровищницу нашихъ классическихъ воспоминаній.

Такъ-то, благодаря взаимному общенію между западомъ и востокомъ и вліянію ихъ другъ на друга, въ собственной Греціи образовалась та среда, изъ которой вышли три великихъ поэта: Симонидъ, Пиндаръ и Вакхилидъ. Но дѣятельность ихъ, по крайней мѣрѣ, въ бо́льшей своей части принадлежитъ уже пятому вѣку.

3. Начатки прозы и наукъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что у грековъ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, послѣ появленія поэзіи проходятъ вѣка, прежде чѣмъ робко зарождается проза. Простая повседневная рѣчь теряется незамѣченная до тѣхъ поръ, пока она, благодаря болѣе глубокому идейному содержанію, не пріобрѣтаетъ опредѣленную форму и устойчивость. Такъ, вѣроятно, на первыхъ порахъ формулировались правила жизни и извѣстныя истины, добытыя опытомъ, которыя выражались въ видѣ короткихъ изреченій и могли не облекаться въ стихотворную форму. Родственная пословицѣ басня о животныхъ предъявляетъ уже къ языку бо́льшія стилистическія требованія, развивая нагляднѣе, чѣмъ длинныя рѣчи, извѣстную истину въ общедоступной и безобидной формѣ. Аристократическій эпосъ, вѣроятно, пренебрегалъ этой непритязательной литературою, но о существованіи ея въ то время мы могли бы заключить изъ тонкости и изящества описаній природы у Гомера. Въ первой же дидактической поэмѣ Гесіода уже встрѣчается намъ и первая басня (ср. стр. 205). На примѣрѣ нашихъ родныхъ сказокъ мы видимъ, что подобные разсказы, несмотря на изложеніе ихъ въ прозѣ, могутъ заключать въ себѣ массу поэзіи и въ опредѣленной формѣ долгое время передаваться изъ устъ въ уста. Сказка, въ собственномъ смыслѣ, не связанная мѣстомъ и временемъ, никогда не могла въ Греціи пустить глубокіе корни, потому что она уже рано слилась съ героическими сказаніями. Сказочный рыцарь, искатель при-

Басня о животныхъ и сказка.

ключеній, наталкивающійся на непреодолимыя трудности, назывался Геракломъ, Персеемъ или Одиссеемъ, а заботливая фея — Аѳиною; основныя же формы и сказочные мотивы остаются одни и тѣ же, какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ сказкахъ. Что же касается басни, то она пользовалась въ Греціи большой популярностью, и особенно была въ употребленіи при первоначальномъ обученіи. Многіе изъ этихъ разсказовъ перешли въ Грецію изъ чужихъ краевъ. Эзопъ, отецъ басни, по преданію, тоже былъ не грекъ, а фригіецъ. Народный романъ впослѣдствіи сдѣлалъ изъ него всесвѣтнаго балагура и пересмѣшника; намъ же достовѣрно извѣстно лишь то, что онъ въ VI вѣкѣ жилъ на Самосѣ въ качествѣ раба. Басни, распространявшіяся подъ его именемъ, были записаны только около 300 года въ Аѳинахъ.

Эзопъ.

Надписи.

Лишь съ принятіемъ финикійскаго алфавита (вѣроятно, уже съ X вѣка) представлялось вообще возможнымъ фиксировать прозаическіе тексты. Древнѣйшіе сохранившіеся памятники, быть-можетъ, предшествуютъ еще 700 году; около 600 года употребленіе азбуки было уже повсюду распространено. Надписи, которыя открываются все въ большемъ и большемъ количествѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ литературное значеніе, такъ какъ стилистическому искусству негдѣ было развернуться въ этихъ короткихъ могильныхъ и иныхъ надписяхъ, въ подробныхъ спискахъ именъ, въ законахъ и постановленіяхъ народа, въ государственныхъ договорахъ и частныхъ документахъ. Но, уже съ самаго начала ихъ возникновенія, въ нихъ сказываются извѣстная величавая простота и, главнымъ образомъ, ясность въ формулировкѣ даже затруднительныхъ предметовъ (ср. стр. 86). Эти надписи для нѣкоторыхъ племенъ составляютъ единственные сохранившіеся остатки письменности.

Іонійская философія природы.

Однако, не сухое фактическое содержаніе надписей создало греческую прозу, а извѣстныя духовныя теченія, которыя стремились къ опредѣленному закрѣпленію въ словѣ. Здѣсь опять это нововведеніе исходило отъ іонійцевъ, нарѣчіе которыхъ осталось языкомъ греческой прозы, пока руководящая роль въ этомъ отношеніи не перешла къ Аѳинамъ. Находясь въ центрѣ общенія между народами, іонійцы вмѣстѣ съ чужимъ товаромъ получали и чужія мысли и познанія, которыя въ ихъ гибкомъ умѣ рождали все новые и новые вопросы. Не довольствуясь наивными представленіями народной вѣры, равно какъ и позднѣйшимъ фантастическимъ ученіемъ орфиковъ объ образованіи міра, милетскіе мыслители безстрашно поставили вопросъ о дѣйствительномъ происхожденіи всего сущаго. Конечно, легко смѣяться надъ этими первыми неловкими попытками разрѣшать труднѣйшія проблемы при помощи дѣтски несложныхъ формулъ, но прежде всего слѣдуетъ себѣ уяснить, что мы здѣсь находимся у колыбели самой важной науки о

человѣческомъ духѣ, а именно философіи, которая съ тѣхъ поръ неустанно работала надъ разгадками тайнъ природы и человѣческой жизни. Первымъ изъ этихъ іонійскихъ философовъ природы былъ Θалесъ изъ Милета (около 585 года), многосторонне образованный математикъ и государственный дѣятель. Онъ считалъ животворящую воду за первоначальную матерію, изъ которой все произошло, между тѣмъ какъ Анаксименъ, 50 лѣтъ спустя, приписалъ эту господствующую роль воздуху, находящемуся въ постоянномъ движеніи. Къ тому же времени Анаксимандръ, авторъ перваго изъ многочисленныхъ трактатовъ „о природѣ“, уже дошелъ до сознанія, что начало сущаго должно находиться за предѣлами всѣхъ видимыхъ явленій. Поэтому онъ предположилъ существованіе первоначальной матеріи, никогда не рождающейся и не умирающей; это есть то „безпредѣльное“ (apeiron), изъ котораго все происходитъ, и въ которое все возвращается, какъ бы въ наказаніе за отдѣленіе отъ общаго начала. Въ его опытѣ теоріи развитія (напр., о происхожденіи звѣздъ) насъ поражаетъ какъ бы предчувствіе основныхъ законовъ природы, раскрытіе которыхъ современная наука причисляетъ къ великимъ своимъ пріобрѣтеніямъ.

Θалесъ. Анаксименъ. Анаксимандръ

Значительный шагъ впередъ сдѣлалъ Гераклитъ изъ Эфеса (около 500 года), первый изъ тѣхъ одинокихъ мыслителей, которые въ гордомъ отреченіи отъ міра, „вопрошая самихъ себя“, задумываются надъ загадкою жизни. Благодаря отрывочному, похожему на оракулъ, языку его книги, пестрящему поэтическими картинами, Гераклитъ уже рано получилъ прозвище „загадочнаго“. Онъ также ищетъ первоначальную матерію: „во всѣ времена былъ, есть и будетъ вѣчно живой огонь“. Подъ нимъ онъ, однако, представляетъ себѣ не видимый, пылающій огонь, качественно неизмѣнный, подобно воздуху Анаксимена; нѣтъ, по его мнѣнію, это—нѣчто мыслящее, это—самъ Зевсъ; даже человѣческая душа является искрою этого божественнаго огня. Сущность его ученія заключается въ томъ, что онъ, независимо отъ внѣшнихъ ощущеній, составилъ себѣ цѣльное, законченное представленіе о причинахъ всего рождающагося и погибающаго. Подобно тому, какъ мы не можемъ дважды погрузиться въ одну и ту же рѣку, такъ какъ все новыя волны притекаютъ и утекаютъ, точно также всѣ явленія находятся въ вѣчномъ теченіи, поочередно разлагаясь и возрождаясь. „Война — это отецъ и царь надъ всѣмъ міромъ: однихъ она сдѣлала богами, другихъ—людьми, однихъ обрекла на рабство, другимъ дала свободу“. Но результатомъ мірового процесса у него не является безпорядочный хаосъ; напротивъ, по опредѣленію судьбы, въ этой безпрерывной смѣнѣ противоположныхъ состояній совершается правильный кругъ развитія всего существующаго. Такимъ образомъ, онъ впервые проникъ въ „незримую гармонію“ явленій, которая ему представляется прекраснѣе, чѣмъ ви-

Гераклитъ.

димая. Глубокомысленное созерцаніе этого философа будило умы во всѣ времена, вплоть до нашихъ дней.

Элеаты. Основатели элеатской школы и пиѳагорейскаго союза, жившіе въ VI вѣкѣ, тоже происходили изъ Малой Азіи; но послѣ завоеванія ихъ іонійской родины персами они переселились на берега Италіи. Здѣсь и въ Сициліи, въ VII вѣкѣ, возникла какъ бы новая Грецiя, благодаря счастливымъ культурнымъ условіямъ, въ которыхъ преобладали дорійскіе элементы. Эта новая Греція не только отличалась чуждымъ для старинной родины внѣшнимъ блескомъ (особенно при дворахъ тирановъ, воспѣваемыхъ лириками), но стала принимать живѣйшее участіе и въ духовной жизни греческаго народа. Обѣ школы въ V вѣкѣ проявили здѣсь обширную дѣятельность.

Ксенофанъ. Молодой Ксенофанъ изъ Колофона, „съ появленіемъ мидянъ“, покинулъ свою родину, и съ тѣхъ поръ, въ качествѣ странствующаго рапсода, путешествовалъ по эллинскому міру въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Все, что онъ въ это время пережилъ, видѣлъ и надъ чѣмъ размышлялъ, онъ высказалъ въ глубокомысленныхъ стихахъ. Его религіозное чувство не мирилось съ созданными на подобіе человѣка народными божествами, „которымъ Гомеръ и Гесіодъ приписали все, что позоритъ человѣка“. Ксенофанъ, „созерцая вселенную“, впервые возвысился до вѣрованія въ единое божество, наполняющее весь міръ, всевидящее, всеслышащее, всемыслящее и потому непостижимое для человѣческаго ума. Въ сосѣдней съ Пестумомъ Элеѣ этотъ неутомимый странникъ,

Парменидъ. наконецъ, нашелъ послѣдній покой, и здѣсь же его ученикъ, Парменидъ, точнѣе формулировалъ и послѣдовательно развилъ идеи своего учителя. Исходя изъ предположенія Гераклита, что всякое чувственное воспріятіе обманчиво, онъ приходитъ къ противоположному выводу: всякое становленіе представляется ему настолько же немыслимымъ, какъ и небытіе. Во всѣхъ явленіяхъ онъ усматриваетъ однородное бытіе, не происшедшее и не умирающее, неизмѣнное и неподвижное, которое онъ сравниваетъ съ правильно закругленнымъ шаромъ. Но онъ самъ сознавалъ слишкомъ рѣзкій контрастъ между этой умозрительною теоріею и всѣмъ тѣмъ, что мы видимъ глазами и слышимъ ушами; поэтому онъ, не смущаясь, прибавилъ къ изложенію „истины“, выраженной чрезвычайно отдѣланными стихами, вторую часть, въ которой онъ старался объяснить происхожденіе міра съ точки зрѣнія обманчивыхъ „мнѣній“ людей. Рѣшительнымъ защитникомъ его ученія „объ истинѣ“ былъ уче-

Зенонъ. никъ его Зенонъ. Съ діалектическимъ искусствомъ, благодаря которому онъ является предшественникомъ софистовъ, онъ доказалъ, что гипотеза о множествѣ и движеніи вещей ведетъ къ нелѣпости и противорѣчіямъ. Стрѣла, которая свиду летитъ, на самомъ дѣлѣ, въ каждый моментъ ея движенія, „покоится“ въ какой-нибудь части пройденнаго простран-

ства Быстроногій Ахиллъ никогда не догонитъ медленной черепахи, потому что она его постоянно опережаетъ на минимальную долю пройденнаго имъ пути. Эти общеизвѣстные аргументы Зенона многихъ заставляли задумываться еще со временъ Аристотеля.

Болѣе обширною была дѣятельность пиѳагорейцевъ, которыхъ Аристотель объединяетъ подъ общимъ названіемъ италійскихъ философовъ. Пиѳагоръ при Поликратѣ (около 530 года) прибылъ изъ Самоса въ нижне-италійскій городъ Кротонъ. Позднѣйшая легенда сдѣлала изъ него чародѣя, какъ и изъ другихъ основателей мистическихъ союзовъ. Онъ ничего не написалъ, но слова его, „произнесенныя имъ самимъ", тщательно сохранялись. Благодаря своимъ многостороннимъ познаніямъ и обаянію своей личности, онъ пріобрѣлъ въ новой родинѣ широкое вліяніе. Основанный имъ пиѳагорейскій союзъ представляетъ собою не столько философскую школу, сколько общину, управляемую опредѣленнымъ уставомъ, разсадникъ всѣхъ тѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ доблестей, которыми запечатлѣвался дорійскій національный характеръ. Когда въ V вѣкѣ начали сказываться демократическія стремленія и у италійскихъ грековъ, то аристократическія тенденціи въ политической дѣятельности этого союза навлекли на него серьезныя преслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, пиѳагорейцы въ теченіе продолжительнаго времени оказывали глубокое вліяніе на умственное и нравственное образованіе высшихъ сословій въ Великой Греціи. Члены союза объединялись таинственными узами и сплачивались при помощи мистическихъ обрядовъ и ученій, заимствованныхъ преимущественно у орфиковъ, напр., ученія о переселеніи душъ. Другимъ объединяющимъ началомъ являлись научныя занятія, которымъ самъ основатель союза предавался всею душою. Многочисленныя наблюденія надъ природою (напр., неожиданное открытіе, что высота звука зависитъ отъ длины вибрирующей струны), развили въ нихъ сознаніе извѣстной гармоніи явленій, опредѣляемой числами и распространяющейся на все мірозданіе. Поэтому они объявили, что число есть сущность всѣхъ вещей; все казалось имъ происшедшимъ изъ конечныхъ и безконечныхъ, изъ четныхъ и нечетныхъ величинъ. Несмотря на возвышенность основной идеи, теорія пиѳагорейцевъ въ примѣненіи къ частнымъ явленіямъ, особенно въ области духовной жизни, неминуемо повела къ безплодной и безцѣльной мистикѣ чиселъ, которая давала пищу суевѣрнымъ представленіямъ позднѣйшихъ временъ. Но, съ другой стороны, пиѳагорейцы существеннымъ образомъ способствовали развитію математики и геометріи (одна изъ основныхъ теоремъ понынѣ еще носитъ названіе пиѳагоровой), а также акустики и астрономіи. Пиѳагорейцы.

Какими бы наивными въ настоящее время ни показались начатки точныхъ наукъ, они не могутъ быть игнорируемы въ общей картинѣ духовной жизни этой отдаленной эпохи, тѣмъ болѣе, что въ широ- Точныя науки.

кихъ слояхъ публики почти ничего не извѣстно о нихъ. Хотя живое воображенiе грековъ постоянно соблазняло ихъ покинуть твердую почву наблюденiй и вступить на скользкiй путь умозрительныхъ обобщенiй, тѣмъ не менѣе, они, при скромныхъ научныхъ средствахъ, добыли цѣлый рядъ цѣнныхъ познанiй, шедшихъ далеко впереди времени. Основы математики и астрономiи перешли къ грекамъ съ Востока и изъ Египта. На основанiи этихъ свѣдѣнiй Θалесъ, къ удивленiю современниковъ, былъ въ состоянiи предсказать солнечное затменiе 585 года. По ученiю Θалеса, земля плавала на водѣ,—между тѣмъ какъ пиθагорейцы признали уже шаровидную форму земли. Они предположили, что земля, вмѣстѣ съ другими небесными тѣлами, движется вокругъ гигантскаго центральнаго огня, существованiя котораго они, конечно, не могли доказать, равно какъ и вызываемыхъ этимъ движенiемъ разнообразныхъ звуковъ, которые будто бы сливались въ недоступную человѣческому слуху „гармонiю сферъ". Рѣшительный шагъ впередъ въ этомъ направленiи сдѣлалъ, къ слову сказать, одинъ изъ позднѣйшихъ пиθагорейцевъ, а именно Экфантъ, впервые учившiй, что земля вращается вокругъ своей оси, а за нимъ Аристархъ изъ Самоса, который смѣло предвосхитилъ открытiе Коперника и утверждалъ, что земля движется вокругъ солнца. Такое же важное открытiе, но въ другой области, сдѣлалъ современникъ Пиθагора, врачъ и философъ Алкмеонъ изъ Кротона. Занимаясь вскрытiемъ и изслѣдованiемъ органовъ чувствъ, онъ сдѣлался творцомъ анатомiи и физiологiи и установилъ, что центръ всякой духовной дѣятельности надо искать въ мозгу. Замѣчательное открытiе въ области построенiя земли сдѣлалъ Ксенофанъ, находившiй въ своихъ поѣздкахъ окаменѣвшихъ морскихъ животныхъ вдали отъ моря, изъ чего онъ заключилъ, что вся земля первоначально была покрыта водою.

География.

Первая попытка начертить картину земли, которая, правда, представлялась еще окруженной океаномъ, принадлежитъ философу Анаксимандру. Его карта послужила исходною точкою для Гекатея, который собственно и былъ основателемъ географiи. Этотъ милетецъ, много видавшiй на своемъ вѣку, которому, однако, его сограждане не воздавали должнаго, пренебрегая его разумными совѣтами во время iонiйскаго возстанiя (около 500 года), — изложилъ результаты своихъ обширныхъ научныхъ экскурсiй въ своемъ „Путешествiи вокругъ земли", которое, несмотря на сухой и отрывочный стиль, въ продолженiе столѣтiй служило главнымъ источникомъ свѣдѣнiй объ обитаемой землѣ. Гекатей, вмѣстѣ съ тѣмъ, является древнѣйшимъ изъ такъ называемыхъ логографовъ (или горографовъ), другими словами, онъ— первый греческiй историкъ. Какъ видно, и эта область обязана своимъ возникновенiемъ живому уму iонiйцевъ.

Потребность въ связномъ изложенiи историческихъ событiй у эллиновъ пробудилась довольно поздно. За немногими блестящими исключенiями, имъ въ общемъ недоставало того чувства историческаго синтеза, съ помощью котораго изслѣдователь, исходя изъ точнаго изученiя деталей, постепенно восходитъ до созданiя наглядной общей картины какой-нибудь эпохи. Не малую роль въ этомъ играло и политическое раздробленiе Грецiи на множество небольшихъ городскихъ общинъ, въ которыхъ кругъ интересовъ населенiя часто ограничивался горизонтами, видимыми съ высоты крѣпостныхъ стѣнъ. Грандiозныхъ общихъ предпрiятiй, которыми заинтересовался бы весь народъ, не было, и потому вниманiе его обращалось на прошлое, на блестящiе подвиги героическихъ сказанiй, которые—и этого мы не должны забывать—народъ принималъ за историческiе факты. Это сильное влiянiе миѳа на мысли и чувства эллиновъ препятствовало историческимъ сюжетамъ проникнуть въ драму и вообще отнимало охоту рельефно изображать настоящее время, потому что сквозь призму идеализированнаго прошлаго всѣ дѣянiя современниковъ казались ничтожными и жалкими. Въ этихъ же видахъ и Гекатей, по слѣдамъ котораго пошли впослѣдствiи Ферекидъ и Акусилай, непосредственно примыкаетъ въ своихъ „Генеалогiяхъ" къ гомеровскимъ и гесiодовскимъ поэмамъ. Однако, здѣсь приходилось волей-неволей распутывать и приводить въ порядокъ хаосъ противорѣчивыхъ поэтическихъ и устныхъ преданiй, и это должно было неминуемо повести къ первымъ шагамъ критики; сверхъ того, новыя iонiйскiя просвѣтительныя вѣянiя, объявившiя войну олимпiйскимъ богамъ, не могли мириться съ волшебными подвигами какого-нибудь Геракла или Ѳесея. Не легкомысленный скептицизмъ историка, но искреннее желанiе сохранить вѣру въ преданiя сказывается въ смѣлыхъ вступительныхъ словахъ основателя исторической науки: „Такъ говоритъ Гекатей изъ Милета: я заношу лишь то, что мнѣ представляется истиннымъ, ибо преданiя эллиновъ суть многи и, какъ мнѣ кажется, смѣшны". Если та „историческая правда, къ которой онъ стремился при помощи рацiоналистическихъ толкованiй, все-таки представляется намъ теперь нѣсколько плоской и „смѣшной", то не слѣдуетъ забывать, что такая судьба постигла большинство историковъ, пошедшихъ по его слѣдамъ.—Слѣдующiе за нимъ логографы давали родословные списки героическаго вѣка до своего времени, при помощи произвольныхъ комбинацiй и длиннаго ряда вымышленныхъ именъ; эти авторы составляли описанiя путешествiй и генеалогiи по образцу Гекатея, кромѣ того, писали разсказы объ основанiи городовъ и городскiя хроники, а равно и изложенiя современныхъ событiй. Всѣ эти отрасли исторiографiи были разработаны въ обширныхъ литературныхъ трудахъ Гелланика изъ Митилены, который былъ нѣсколько моложе Геродота. Въ короткой своей всемiрной хроникѣ, доводившей историческiя

Исторiографiя.

событія съ древнѣйшихъ временъ до средины пелопоннесской войны, онъ, хотя и весьма произвольно, намѣтилъ первую опредѣленную систему хронологіи (даже дату завоеванія Трои онъ взялся указать!), пріурочивая факты къ срокамъ службы аргосскихъ жрицъ Геры, списокъ которыхъ будто бы восходилъ до миѳической Іо. Самый извѣстный изъ его трактатовъ помѣстной исторіи была его „Аттида“, послужившая впослѣдствіи образцомъ для цѣлаго ряда историковъ Аттики. Въ этой исторіи, которая впервые дала имена десяти древнимъ царямъ отъ Кекропа до Ѳесея, авторъ старался пріурочить къ героическому вѣку происхожденіе знатнѣйшихъ родовъ, равно какъ и начало искони почитаемыхъ празднествъ и учрежденій. Всѣ эти сочиненія, лишенныя всякихъ художественныхъ прикрасъ и довольствовавшіяся сухимъ нанизываніемъ фактовъ, не могли уже удовлетворять изысканному вкусу болѣе образованнаго вѣка, и потому не сохранились. Приведенные же въ нихъ факты, насколько они для насъ уловимы, имѣютъ для насъ значеніе цѣнныхъ источниковъ.

Ретроспективный взглядъ.

Если мы еще разъ бросимъ общій взглядъ на картину духовнаго развитія Греціи, то передъ нами ясно выступаютъ нѣкоторыя основныя черты, общія всѣмъ грекамъ. Имъ было чуждо понятіе о духовной собственности, которое у насъ такъ строго опредѣлено. Никто не считалъ хищеніемъ заимствовать то, что было сдѣлано предшественниками; иное дѣло теперь, когда многіе стремятся лишь къ тому, чтобы, во что бы то ни стало, создать что-нибудь новое и неслыханное! Только благодаря этой основной чертѣ грековъ, у нихъ могли возникнуть такія сочиненія, которыя, подобно организмамъ природы, развивались лишь въ силу внутренней необходимости и потому переживали всѣ времена. Эти творенія были настоящимъ національнымъ искусствомъ, которое поддерживалось современниками и прогрессировало, благодаря чуткому пониманію ихъ. При этомъ оказывается, что въ разсматриваемую эпоху все духовное движеніе исходило отъ восточныхъ колоній, между тѣмъ какъ самая Эллада лишь постепенно воспринимала эти импульсы. Даже Писистратъ могъ лишь приглашать къ своему двору поэтовъ и художниковъ, но не могъ создать новыя духовныя цѣнности, такъ какъ сфера, необходимая для ихъ роста, была свобода, за которую грекъ во всякое время былъ готовъ бороться словомъ и оружіемъ. Поэтому въ послѣдующій періодъ утратившія свою свободу колоніи, которыя до сихъ поръ были центромъ духовной жизни, теперь отступаютъ на второй планъ; ихъ мѣсто занимаетъ старая Эллада, и здѣсь въ скоромъ времени Аѳины становятся очагомъ и оплотомъ эллинскаго искусства и образованія.

[*Вагнеръ*].

159. ПАРѲЕНОНЪ ВЪ АѲИНАХЪ, СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА. Съ фотографіи Beer'a.

III. ЭПОХА РАСЦВѢТА.

(V и VI вѣка).

А. ГОРОДЪ. ЖИЗНЬ. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ.

Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ развитіе греческой культуры въ цвѣтущій періодъ ея, слѣдуетъ бросить взглядъ на ходъ историческихъ событій. Приступая къ этому, мы обратимъ наше вниманіе преимущественно на нравственныя силы, дѣйствовавшія въ эллинскомъ народѣ. При разсмотрѣніи этого вопроса, мы убѣдимся, что въ характерѣ эллинской націи, какъ и всякаго другого великаго народа, рядомъ съ блестящими, свѣтлыми, есть и темныя стороны. Оно же докажетъ намъ, что при оцѣнкѣ этого народа, имѣвшаго громаднѣйшее значеніе для міровой культуры, намъ слѣдуетъ воздержаться столько же отъ излишней идеализаціи, сколько отъ нерѣдко проявляемаго въ послѣднее время страстнаго осужденія. Историческій обзоръ.

Къ концу VI вѣка, какъ мы увидимъ ниже, важнѣйшая и типичнѣйшая для грековъ государственная система, каковою является демократія, пріобрѣтаетъ, главнымъ образомъ, въ Аѳинахъ, настолько законченную по существу форму, что всѣ дальнѣйшія измѣненія режима вытекаютъ уже изъ нея, какъ необходимыя послѣдствія, и, къ сожалѣнію, ведутъ лишь къ вырожденію. Эта демократія становится теперь рядомъ съ болѣе старинною формою спартанской аристократіи, которая основными своими чертами коренится въ греческомъ средневѣковьѣ. Обоимъ государствамъ, Спартѣ и Аѳинамъ, вскорѣ пришлось доказать свою жизнеспособность въ славной національной войнѣ противъ персовъ, бывшей тѣмъ первымъ великимъ столкновеніемъ между восточною и западною культурами, за которымъ долженъ былъ послѣдовать цѣлый рядъ подобныхъ же вплоть до нашихъ дней. Побѣду надъ огромнымъ численнымъ перевѣсомъ врага могъ одержать лишь такой народъ, для котораго свобода была дороже жизни, и простая гражданская честь выше всего блеска Востока. Наибольшая слава должна была выпасть на долю того племени, которое въ этой священной войнѣ сражалось за общенаціональное дѣло въ первыхъ рядахъ, и эта слава принадлежитъ аѳинянамъ. Ихъ городъ, являвшійся передовой державою среди іонійцевъ, охотно оказалъ помощь своимъ малоазіатскимъ единоплеменникамъ противъ персовъ. Несмотря на опасность, угрожавшую его собственнымъ интересамъ, — какъ, напр., возможное возвращеніе тирана Гиппія,—его граждане, тѣмъ не менѣе, заступились за притѣсняемыхъ братьевъ (500 г. до Р. Хр.). Возстаніе іонійцевъ окончилось полною неудачею. Послѣдствіемъ ея явилось то, что Малая Азія стала достояніемъ исконнаго врага грековъ, и роскошная іонійская культура, несмотря на дальнѣйшіе успѣхи греческаго оружія, настолько пріостановилась въ своемъ ростѣ, что никогда уже болѣе не могла вернуть своего прежняго своеобразнаго блеска. Аѳинянамъ, покинутымъ спартанцами, почти однимъ пришлось при Мараѳонѣ выдержать первый могучій натискъ персовъ противъ Европы и отбросить врага отъ родныхъ береговъ (490). Когда, спустя десятилѣтіе (480), юный царь Ксерксъ во всемъ блескѣ и роскоши Востока отправился противъ Греціи, то Спарта, въ роли первой континентальной державы, могла, по справедливости взять на себя предводительство надъ эллинскими силами, предоставленное ей съ полнымъ довѣріемъ. Аѳины, усилившіяся въ это время, благодаря умѣлой финансовой политикѣ Ѳемистокла, до степени первой морской державы, тоже подчинились Спартѣ, несмотря на равенство силъ, и такимъ образомъ проявили мудрое, истинно-патріотическое самоотреченіе. Битвы при Ѳермопилахъ и при Артемисіи, блестящія побѣды при Саламинѣ (480), Платеѣ и Микалѣ (479) доставили грекамъ славу геройскаго народа, которую даже недоброжелательная критика нашихъ дней не могла у нихъ отнять. Никогда нравственное величіе народа не сіяло ярче, чѣмъ

въ ту пору, когда спартанскіе воины со своимъ царемъ Леонидомъ шли на вѣрную смерть, повинуясь закону; или когда аѳиняне во имя свободы дважды предоставляли персамъ опустошать родной городъ, заявивъ, что скорѣе солнце измѣнитъ свой путь, чѣмъ они согласятся на блестящее предложеніе персидскаго царя—въ качествѣ его первыхъ подданныхъ властвовать надъ остальною Элладою. Насколько сильно было въ то время національное воодушевленіе эллиновъ (за исключеніемъ немногихъ племенъ, какъ ѳессалійцевъ и беотійцевъ, малодушно подчинившихся персамъ), видно изъ того факта, что, одновременно съ Саламинскою побѣдою, и сицилійскіе греки побѣдили напоръ западныхъ варваровъ, карѳагенянъ. Этотъ рядъ безпримѣрныхъ побѣдъ долженъ былъ вызвать у грековъ ясное чувство ихъ нравственнаго превосходства надъ персами и укрѣпить ихъ гордое національное самосознаніе, не проявлявшееся впослѣдствіи ни у одного народа съ такою силою,—что они представляютъ собою нѣчто отличное отъ прочихъ обитателей земли, такъ называемыхъ варваровъ. Высокій подъемъ духа у грековъ во время національной войны тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что, какъ извѣстно, лишь немногіе изъ тогдашнихъ вождей были вполнѣ безупречной нравственности. На характерахъ величайшихъ героевъ того времени невыгодно отразились двѣ отрицательныя національныя черты грековъ, алчность и честолюбіе, не останавливающееся передъ интригами и даже передъ вѣроломствомъ и измѣною. Такъ, спартанскій царь Павсаній, соблазненный персидскимъ золотомъ, рѣшается предать отечество, а аѳинянинъ Ѳемистоклъ, въ концѣ концовъ, переходитъ къ непріятелямъ,—правда, побуждаемый къ этому безразсудствомъ своихъ согражданъ,—и тамъ затѣваетъ ту демоническую игру хитроумныхъ козней, которая и для насъ не вполнѣ ясна, но дала основаніе персамъ назвать его „лоснящейся греческой змѣей“. Наконецъ, необычайное уваженіе грековъ къ „справедливому“ Аристиду, который былъ врагомъ всякаго безчестнаго поступка, доказываетъ, что это качество Аристида вовсе не считалось необходимою принадлежностью человѣка.

Послѣ того, какъ греки взяли Сестъ и Византію, послѣдній оплотъ персидскаго могущества въ Европѣ, и перенесли борьбу на непріятельскую территорію, въ національной войнѣ наступила перемѣна гегемоніи, принадлежавшей до сихъ поръ Спартѣ. Эта перемѣна въ предводительствѣ надъ всѣми эллинами была вызвана не одними личными свойствами вождей, — т.-е. надменнаго предателя Павсанія и справедливаго Аристида, но и боязнью консервативной Спарты предпринимать походъ въ отдаленныя страны. Вслѣдствіе этого она должна была уступить первенство сильнымъ на морѣ аѳинянамъ, такъ какъ исходъ войны въ этомъ періодѣ зависѣлъ уже отъ флота. Аѳинскіе вожди, съ блестящимъ аристократомъ Кимономъ во главѣ, повели теперь отъ имени Эллады

побѣдоносную наступательную войну до половины V вѣка, когда этотъ старый герой умеръ передъ Китіемъ на Кипрѣ, и его войско послѣ смерти вождя одержало еще послѣднюю великую побѣду надъ персами (449). Въ этихъ битвахъ, на ряду съ кораблями и войсками аѳинянъ, которые къ этому времени вполнѣ закончили устройство своего флота, участвовали еще военныя силы острововъ и приморскихъ городовъ, угрожаемыхъ персами. Эти колоніи образовали вмѣстѣ съ аѳинами первый морской союзъ, члены котораго на первыхъ порахъ должны были помогать каждой державѣ кораблями, войсками и деньгами.

Идеалистическій порывъ, объединившій сначала всѣхъ грековъ въ общенаціональномъ воодушевленіи противъ исконнаго врага, вскорѣ уступилъ мѣсто все возрастающей зависти, которую питала первая континентальная держава къ быстро развившейся морской державѣ аѳинянъ. Этотъ антагонизмъ, первоначально вытекавшій изъ благороднаго соревнованія грековъ, которымъ была проникнута вся ихъ жизнь, опредѣляетъ весь ходъ греческой исторіи, сводя ее къ чередованію гегемоній. Непродолжительнымъ оказался также и политическій идеализмъ аѳинянъ по отношенію къ ихъ союзникамъ. Съ тѣхъ поръ какъ обязанности членовъ союза стали опредѣляться исключительно денежными взносами, отношеніе Аѳинъ къ мелкимъ государствамъ превратилось въ тяжелый гнетъ для послѣднихъ; управлявшій государствомъ Периклъ даже могъ позволить себѣ расходовать союзныя деньги, первоначально предназначавшіяся для веденія войны съ персами, на роскошныя украшенія столицы.

Все же и въ эту пору были попытки объединить эллинскій народъ. Изъ аѳинскихъ государственныхъ дѣятелей Кимонъ былъ первымъ, который старался установить дружескія отношенія со Спартою для того, чтобы оба первенствующія государства могли совмѣстно бороться противъ общаго врага; онъ выражалъ опасеніе, какъ бы Эллада, вслѣдствіе ослабленія Спарты, „не стала хромать на одну ногу“. Точно также и Периклъ, побѣдоносный политическій соперникъ Кимона, завершитель демократическаго режима (ср. рис. 160), высказывался въ пользу объединенныхъ дѣйствій обѣихъ державъ и уже мечталъ о международномъ третейскомъ судѣ греческихъ общинъ. Однако, старанія того и другого были тщетны, и холодность между этими соперничающими государствами все увеличивалась, ведя къ многочисленнымъ столкновеніямъ и раздорамъ. Намъ придется въ другомъ мѣстѣ разсмотрѣть, какъ Аѳины за сравнительно короткій срокъ перемирія (445—431) достигли совершенно исключительнаго, по характеру своему, культурнаго расцвѣта въ такъ называемый „вѣкъ Перикла“. Здѣсь мы укажемъ лишь на то, что аѳиняне и за предѣлами своего города усиливали свое вліяніе, основывая послѣднія эллинскія колоніи. Это были, по большей части, такъ называемыя клерухіи, которыя развивались не самостоятельно, но продолжали счи-

таться собственностью метрополіи. Такими колоніями явились Синопъ на южномъ побережьи Чернаго моря, ѳракійскій Херсонесъ, острова Наксосъ и Андросъ, главнымъ же образомъ, Ѳуріи въ нижней Италіи и Амфиполь во Ѳракіи (437). Благодаря имъ не только обезпечивалась цѣлость обнимавшей также и союзниковъ „аттической державы“, но расширялась и сфера сбыта для все возраставшей аѳинской торговли, и уменьшалась нужда бѣднѣйшей части населенія.

160. ПЕРИКЛЪ.
Съ фотографическаго снимка.
Герма въ Ватиканѣ можетъ-быть, копія съ Кресилая (см. Искусства III, Б, 3). П. изображался въ шлемѣ, вѣроятно для того, чтобы намекнуть на должность полководца, которую онъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и которая служила основаніемъ его могущества.

Обостренныя отношенія между Спартою и Аѳинами, этими вождями двухъ вліятельнѣйшихъ племенъ (дорійскаго и іонійскаго) и представителями двухъ главныхъ политическихъ принциповъ (аристократическаго и демократическаго), все усиливаясь, повели со временемъ къ пелопоннесской войнѣ (431—404). Подобно 30-лѣтней войнѣ въ Германіи, и эта почти тридцатилѣтняя война подорвала народныя силы, уничтожила культуру и разнуздала въ области нравовъ грубые инстинкты человѣческой природы, такъ что здѣсь мы видимъ не только примѣры массовыхъ убійствъ побѣжденныхъ и продажу ихъ въ рабство, но и факты безчеловѣчной расправы между партіями одной и той же городской общины. Низменные эгоистическіе происки демагоговъ, въ родѣ Клеона, наносятъ уронъ политическому могуществу Аѳинъ, которыя въ кровавыхъ битвахъ

истощаютъ свои лучшія силы; примѣромъ можетъ служить безразсудный походъ въ отдаленную Сицилію, когда аѳиняне, охваченные демоническимъ честолюбіемъ Алкивіада, мечтали завоевать островъ, покорить Карѳагенъ и, такимъ образомъ, обратиться въ міровую державу. Многочисленныя битвы съ перемѣннымъ счастьемъ кончились тѣмъ, что Аѳины были поражены Спартою, которая, со своей стороны, оказалась едва ли менѣе истощенною, несмотря на то, что не постыдилась принять персидское золото въ началѣ военныхъ дѣйствій противъ родственнаго племени. Пораженіе Аѳинъ и вліяніе Спарты на нѣкоторое время пріостановили развитіе аѳинской демократіи и способствовали двукратному (411 и 404) возникновенію тамъ аристократическаго управленія со всѣми его ужасами.

Для западной части греческаго міра пораженіе Аѳинъ было тоже отчасти сопряжено съ паденіемъ и утратою политической свободы. Послѣ того, какъ великолѣпный Акрагантъ, такъ называемое „одно око Сициліи", былъ разрушенъ карѳагенянами, Сиракузы, другой блестящій городъ этого острова, изъ опасенія подобной же участи, отдался Діонисію (405 г.), и съ тѣхъ поръ прекрасный островъ, въ теченіе слишкомъ полустолѣтія управляемый мрачнымъ Діонисіемъ I и распутнымъ сыномъ его Діонисіемъ II, томился подъ гнетомъ новой, болѣе унизительной формы тиранніи, которой положилъ конецъ идеализмъ благороднаго Тимолеона въ исходѣ разсматриваемаго періода (343).

Послѣ окончанія пелопоннеской войны Спарта захватила въ свои желѣзныя руки управленіе всею Греціею. Съ помощью Лисандра, человѣка, „который клятвами обманывалъ мужей съ такой же легкостью, какъ обыкновенно обманываютъ дѣтей при игрѣ въ кости", Спарта, расторгнувъ всѣ не-спартанскіе союзы, повсюду учредила господство олигархіи; при содѣйствіи намѣстниковъ, часто поддерживаемыхъ военною силою, она держала въ тискахъ города, только-что успѣвшіе освободиться отъ аѳинской власти. Въ это время десять тысячъ греческихъ наемниковъ, находившихся на службѣ геніальнаго персидскаго царевича Кира, предприняли походъ, такъ живо описанный Ксенофонтомъ. Этотъ походъ раскрылъ всю слабость персидской державы, многочисленныя войска которой обратились въ бѣгство передъ горстью эллиновъ. Послѣ этого, смѣлый спартанскій царь Агесилай предпринялъ свой блестящій побѣдоносный походъ противъ персидскаго царства (399—394), пока, наконецъ, на греческой территоріи не образовались, съ помощью персидскаго золота, коалиція противъ деспотической Спарты. Однако, такъ называемая коринѳская война (395—387), въ которой Аѳины старались снова воспрянуть, окончилась укрѣпленіемъ спартанской гегемоніи, хотя самый миръ былъ продиктованъ персидскимъ царемъ. По „анталкидову миру", заключенному подъ предсѣдательствомъ персидскаго царя, малоазіатскія общины, освобожденныя 100 лѣтъ тому назадъ, были по-

зорно выданы персамъ. Національная борьба Эллады противъ персидскаго царства послѣ этого совершенно замерла. Передовыя державы, Аѳины и Спарта, преслѣдовали каждая свои собственные интересы: Аѳины обезпечили себѣ господство въ Эгейскомъ морѣ основаніемъ второго морского союза, который, однако, не былъ направленъ противъ Персіи (378), а Спарта старалась укрѣпить свою гегемонію въ самой Греціи. Однако, вызывающее поведеніе Спарты, вздумавшей занять Ѳиванскій кремль въ мирное время, повело не только къ освобожденію этого города, но, вслѣдствіе блестящей побѣды при Левктрѣ, и къ кратковременной гегемоніи Ѳивъ. Продолжительность этой послѣдней была связана съ государственнымъ управленіемъ благородныхъ и безкорыстныхъ героевъ, Пелопида и Эпаминонда, и окончилась со смертью перваго въ Ѳессаліи (364) и гибелью второго въ побѣдоносно веденной имъ битвѣ при Мантинеѣ (362).

Послѣ этого, для Греціи настало время, когда изъ наличныхъ силъ ея уже не могла создаться руководящая держава. Съ появленіемъ царя Филиппа подготовляется эпоха эллинизма, характеризуемая не только объединеніемъ всей греческой культуры, но и завоеваніемъ ею всего міра, что стало возможно лишь благодаря паденію отдѣльныхъ городскихъ общинъ Греціи. Въ борьбѣ македонянъ съ Греціею мы видимъ, какъ первобытный народъ, сохранившій въ своихъ горныхъ лѣсахъ культурный бытъ героическаго вѣка, преданный войнѣ и охотѣ, но также и низменной страсти къ вину, одерживаетъ верхъ надъ чрезмѣрно утонченнымъ населеніемъ греческихъ городовъ, и какъ энергичный, дальновидный самодержецъ, бывшій столько же храбрымъ солдатомъ, сколько хитрымъ и неразборчивымъ въ средствахъ дипломатомъ, побѣждаетъ выродившуюся демократію. Несмотря на блестящее матеріальное положеніе многихъ общинъ и, главнымъ образомъ, Аѳинъ, несмотря на идеализмъ отдѣльныхъ лицъ, въ особенности великаго оратора, Демосѳена, еще разъ соединившаго первую континентальную державу, Ѳивы, съ первой морскою, Аѳинами,—эллинскія демократическія государства потерпѣли пораженіе при Херонеѣ (338), послѣ чего уже не могло быть серьезнаго сопротивленія и со стороны спартанской аристократіи, Филиппъ, этотъ разнузданный въ своей частной жизни человѣкъ, соблюлъ по отношенію къ побѣжденнымъ грекамъ мудрую уступчивость и сдержанность, разсчитывая такимъ образомъ склонить ихъ къ грандіозному отпору противъ натиска, угрожавшаго нѣкогда Элладѣ съ Востока, въ видѣ походовъ Дарія и Ксеркса. Считавшійся у эллиновъ полуварваромъ и поэтому презираемый, царь Филиппъ впервые даровалъ имъ благо всеобщаго мира (на коринѳскомъ конгрессѣ, 337 г.) и предоставилъ всѣмъ притѣсняемымъ общинамъ нѣкоторую независимость для того, чтобы всѣ греческія племена соединились съ Македоніею посредствомъ оборонительно-наступатель-

наго договора въ одинъ общеэллинскій союзъ. Конечною его цѣлью была великая національная война съ Персіею, и въ этой войнѣ онъ намѣтилъ для себя роль верховнаго вождя на морѣ и на сушѣ.

Смерть царя отъ кинжала одного изъ его тѣлохранителей положила конецъ намѣреніямъ этого великаго человѣка и предоставила выполненіе ихъ болѣе сильному сыну его, Александру, который, со своею геройскою смѣлостью и возвышенною человѣчностью, явился идеаломъ благороднаго эллина, хотя и не былъ свободенъ отъ заблужденій, порождаемыхъ страстною, неукротимою натурою. Прежде, чѣмъ открыть свое побѣдоносное шествіе по Азіи, Александру пришлось сломить безразсудное сопротивленіе Ѳивъ и уничтожить этотъ центръ Беотіи, отомстивъ, такимъ образомъ, за мелкія общины, разрушенныя нѣкогда Ѳивами. Смѣлымъ натискомъ онъ побѣдилъ персовъ въ кавалерійскомъ бою на Граникѣ (334), завоевалъ Сирію и Египетъ, причемъ первое государство покорилъ лишь послѣ упорнаго сопротивленія, а второе расположилъ къ себѣ обаяніемъ своей личности; вслѣдъ за тѣмъ онъ одержалъ нобѣду надъ персидскимъ царемъ при Иссѣ (333) и Гавгамелѣ (331) и, разрушивъ персидскую державу, перенесъ свои военныя предпріятія въ отдаленную Индію. Историческая роль Александра имѣетъ величайшее значеніе для міровой культуры, такъ какъ онъ сочеталъ блескъ Востока съ греческимъ образованіемъ въ одно цѣлое, благодаря чему эллинская культура, въ концѣ концовъ, побѣдила міръ, и наступила столь знаменательная для исторіи человѣчества эпоха эллинизма.

Демократія.

Со стороны политической, цвѣтущій періодъ Греціи характеризуется развитіемъ демократіи, самой распространенной и важной изъ античныхъ государственныхъ системъ. Въ основѣ демократіи лежитъ идея равенства, которая и по настоящее время волнуетъ умы. Современный человѣкъ при этомъ легко забываетъ, что это равенство не распространялось на все населеніе античныхъ городовъ, даже не на большинство его, а лишь на сравнительно малочисленный классъ полноправныхъ гражданъ. Понятіе о свободѣ вообще толкуется въ различныхъ мѣстахъ самымъ различнымъ образомъ, притомъ часто весьма односторонне и произвольно. Согласно же греческой теоріи, это равенство состоитъ изъ трехъ элементовъ, выраженныхъ въ соотвѣтственныхъ терминахъ: это идеи „исономіи“, равенства всѣхъ передъ закономъ, „исотиміи“, равномѣрной политической оцѣнки всѣхъ, и „исегоріи“, равной для всѣхъ свободы рѣчи, въ особенности передъ судомъ и въ народномъ собраніи. Въ разумно организованныхъ государствахъ это равенство было ограничено тѣмъ, что въ управленіи и завѣдываніи государствомъ участвовали лишь люди, пригодные для этого дѣла по своимъ способностямъ и силамъ. Такъ какъ извѣстныя общественныя функціи находятся

въ зависимости отъ имущественныхъ условій, то въ настоящихъ демократіяхъ обычнымъ является „тимократическій“ принципъ, основанный на раздѣленіи гражданъ по имущественному цензу. Принципъ, опредѣляющій пригодность гражданина къ извѣстной должности, и въ настоящее время бываетъ подверженъ очень рискованному толкованію; точно также соединеніе этого принципа съ принципомъ имущественнаго ценза на практикѣ сталкивается со значительными затрудненіями, причемъ эта проблема разрѣшается самымъ различнымъ образомъ. Наиболѣе естественнымъ является такое рѣшеніе вопроса, въ силу котораго высшія должности предоставляются наиболѣе имущимъ, отъ остальныхъ же должностей отстраняются лишь самые бѣдные. Дѣло народа—назначать наиболѣе достойныхъ людей, и пока онъ самъ стоитъ на высотѣ, онъ выбираетъ и хорошихъ людей; какъ скоро же народъ опускается, онъ выбираетъ только такихъ лицъ, которыя потворствуютъ его прихотямъ. Такъ и у грековъ демократія на первыхъ порахъ была сильна, вслѣдствіе благородной сдержанности народа, но опасность вырожденія демократической идеи сказалась съ ужасающей быстротою. Мы поэтому въ правѣ говорить о двухъ формахъ демократіи: болѣе ранней, умѣренной, и позднѣйшей, неограниченной, которую мы должны считать вырожденіемъ.

Аѳины со времени Клисѳена.

Наиболѣе совершенную свою форму нашелъ демократическій принципъ въ Аѳинахъ послѣ того, какъ этотъ городъ испыталъ на себѣ всѣ другія формы античной политической жизни. Царская власть и аристократія, какъ мы видѣли, предшествовали демократіи, основанной Солономъ, которому незадолго до этого Драконъ подготовилъ путь своимъ уголовнымъ законодательствомъ. Дальнѣйшее развитіе демократіи тормозилось тираніями,—особенно тираніею Писистрата. Хотя Солонъ введеніемъ тимократическаго принципа и распространеніемъ активнаго избирательнаго права на всѣхъ гражданъ положилъ прочное основаніе аѳинской демократіи, но настоящую организанію, въ той ея формѣ, которая является существенною и для будущихъ временъ, она получила лишь въ началѣ разсматриваемаго періода (509 до Р. Хр.) отъ аристократа Клисѳена. Такъ какъ эта демократическая система является единственною, которую мы знаемъ точнѣе, то мы вынуждены считать ее вообще типомъ греческой демократіи. Сначала набросаемъ общую картину ея, насколько она въ существенныхъ своихъ чертахъ сходится съ характеромъ ранней умѣренной демократіи, а въ заключеніе укажемъ на тѣ черты, въ которыхъ наиболѣе ясно подготовляются роковое дальнѣйшее развитіе и упадокъ демократической идеи.

Филы и демы

Первый шагъ, предпринятый Клисѳеномъ, долженъ представляться радикальнымъ и довольно смѣлымъ, такъ какъ онъ измѣнилъ самыя основы раздѣленія народа. Вмѣсто прежней естественной организаціи

общинъ, основанной на семейномъ и родовомъ началѣ, вмѣсто четырехъ древнихъ филъ Ѳесея, онъ ввелъ чисто-искусственное раздѣленіе основанное на территоріальномъ принципѣ. Небольшія общины, уже существовавшія въ государствѣ, такъ называемые демы, онъ превратилъ въ административные участки, причемъ иногда крупные центры, какъ, напр., Аѳины, тоже раздѣлялись на нѣсколько подобныхъ демовъ. Изъ этихъ небольшихъ участковъ Клисѳенъ составилъ 10 болѣе крупныхъ округовъ, такъ называемыхъ филъ, но—и это очень замѣчательно—не отдѣлилъ ихъ территоріально одну отъ другой, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ филахъ. Этими новыми округами онъ смѣло замѣнилъ древнія іонійскія родовыя филы, давъ имъ названія отъ древнихъ героевъ и согласуя всѣ государственныя учрежденія съ ихъ устройствомъ. При этомъ Клисѳенъ постарался смѣшать между собою различные общественные элементы, раздоры которыхъ передъ этимъ вызывали столько безпокойствъ въ государствѣ, стараясь о томъ, чтобы въ каждую филу по возможности въ одинаковой степени входили представители какъ аѳинской „равнины“, такъ и мѣстъ, прилегающихъ къ морю и удаленныхъ отъ него. Посредствующимъ звеномъ между филами и демами служили триттіи (трети), которыя соединяли въ себя всѣ демы, расположенныя въ какой-нибудь изъ трехъ упомянутыхъ мѣстностей и принадлежащія къ одной филѣ. На основаніи этого раздѣленія, по триттіямъ производились наборы для военнаго флота.

Навкраріи. Несмотря на радикальное измѣненіе въ раздѣленіи народа, Клисѳенъ, съ другой стороны, удержалъ нѣкоторыя прежнія государственныя корпораціи, включивъ ихъ въ свою систему. Такъ, напр., онъ довелъ число навкрарій (48), на которыя распадались древнія іонійскія филы, до 50, вслѣдствіе чего въ составъ каждой филы стало входить по 5 навкрарій. На нихъ лежали извѣстныя государственныя повинности, главнымъ образомъ, въ области весьма скромнаго въ то время флота. Съ могущественнымъ же ростомъ морского дѣла впослѣдствіи онѣ должны были уступить мѣсто другой организаціи.

Фратріи. Изъ прежнихъ учрежденій остались еще фратріи, хотя члены одной и той же фратріи, по политическимъ соображеніямъ, были распредѣлены по различнымъ филамъ. Эти старинные союзы поддерживались желаніемъ сохранить древнія формы семейнаго и родового культовъ; кромѣ того, фратріи служили и интересамъ общины, такъ какъ за ними сохранилась важная обязанность занесенія законныхъ рожденій въ свои списки, что соотвѣтствовало современнымъ метрическимъ записямъ и обставлялось торжественнымъ церемоніаломъ съ жертвоприношеніями божеству фратріи. Въ концѣ концовъ, религіозный элементъ все-таки служилъ наиболѣе прочнымъ цементомъ, связывавшимъ всѣ корпораціи, какъ естественно сложившіяся, такъ и искусственно составленныя, ибо

для греческой исторіи всѣхъ временъ типичнымъ девизомъ служило слѣдующее положеніе: нѣтъ союза безъ религіознаго центра. Поэтому каждый демъ, каждая фила, каждое общество имѣли своего „героя“, именемъ котораго они обозначались, и который служилъ посредникомъ между членами союза и божествомъ.

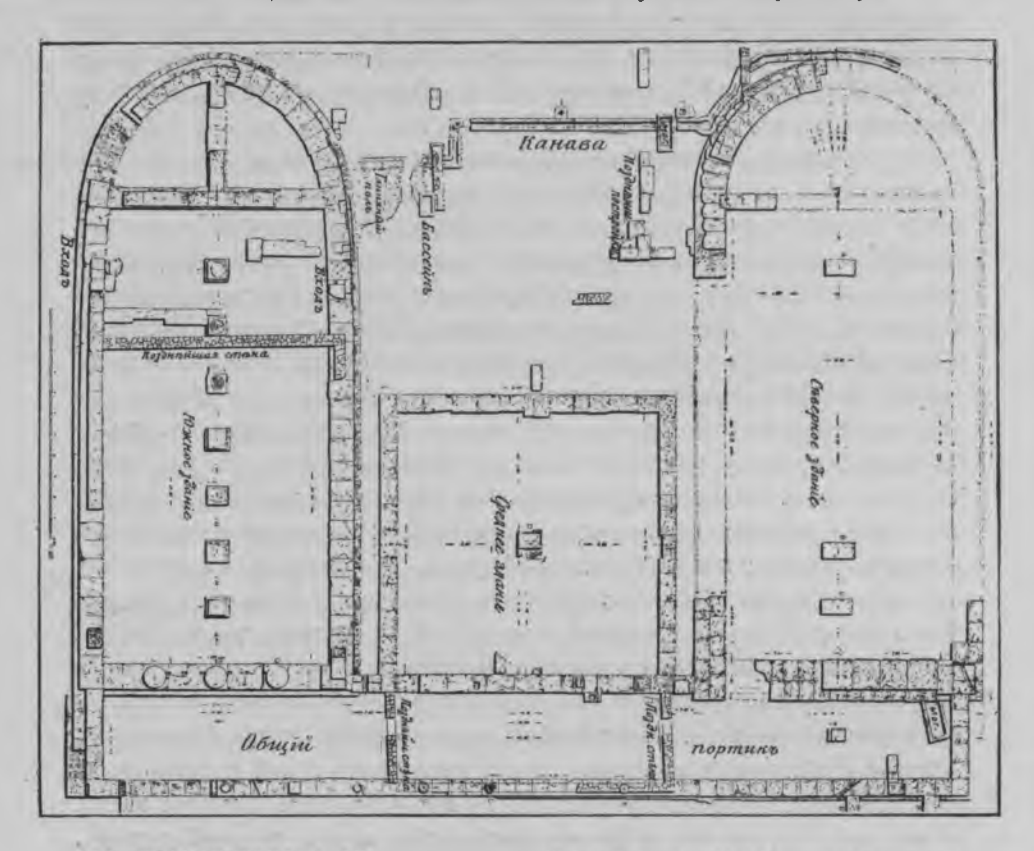
Весьма характерно въ устройствѣ какъ демовъ, такъ и прочихъ корпорацій, вполнѣ выясняющихся для насъ лишь въ послѣдующій періодъ, то обстоятельство, что въ нихъ отражается весь общегосударственный строй (polis) со своими учрежденіями, но, конечно, только въ общихъ чертахъ. Строй демовъ.

Обращаясь къ административнымъ учрежденіямъ, мы укажемъ прежде всего на собраніе совѣта, Bulê, являющееся центромъ всей государственной жизни въ античномъ мірѣ. Сообразуясь съ новымъ раздѣленіемъ населенія на демы, Клисѳенъ увеличилъ число членовъ совѣта съ 400 до 500, которые избирались по жребію изъ полноправныхъ гражданъ, достигшихъ 30-лѣтняго возраста. Хотя эта статья законодательства Клисѳена отличалась демократическимъ характеромъ, тѣмъ не менѣе, въ ней сохранилась плутократическая норма, установленная Солономъ, такъ какъ къ жребію допускались лишь лица первыхъ трехъ классовъ, и они не получали вознагражденія за свой трудъ. Съ другой стороны, здѣсь мы можемъ уже осмотрѣть зачатки парламентарнаго представительства, такъ какъ каждая фила избирала одинаковое количество членовъ совѣта по жребію изъ своей среды. До вступленія въ должность „булевты“ должны были подвергнуться испытанію (докимасіи), подробности котораго мы разсмотримъ въ отдѣлѣ о должностныхъ лицахъ, послѣ чего они клялись въ вѣрности законамъ Солона, обѣщая давать всегда наилучшіе совѣты и лишать гражданъ свободы лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Члены совѣта, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, носили миртовые вѣнки, какъ знакъ своей должности; на общественныхъ собраніяхъ и въ театрѣ имъ отводилось почетное мѣсто, а во время служебнаго года они освобождались отъ военной службы. Въ случаѣ какого-нибудь проступка одного изъ членовъ, остальные члены совѣта могли сами немедленно исключать виновнаго путемъ голосованія, производившагося при помощи оливковыхъ листьевъ, послѣ чего велось уже болѣе детальное разслѣдованіе проступка, которое могло повлечь за собою и дальнѣйшія наказанія. Совѣтъ.

Для совѣщанія совѣтъ собирался въ своемъ помѣщеніи, расположенномъ на площади (ср. рис. 161), ежедневно, за исключеніемъ тѣхъ праздниковъ, которые считались неблагопріятными днями. Охраняемый находившимися поблизости полицейскими чинами, такъ называемыми „стрѣлками“ (или „скиѳами“, какъ ихъ охотно называли въ комедіи), совѣтъ обыкновенно разрѣшалъ народу присутствовать на за-

сѣданіяхъ, но не иначе, какъ за рѣшеткою. Эти засѣданія открывались жертвоприношеніями и молитвами, особенно торжественными въ томъ случаѣ, когда жертвы приносились членами совѣта при вступленіи въ должность и при оставленіи ея, представляя собою нѣкоторую параллель молебствіямъ при открытіи и закрытіи современныхъ парламентскихъ сессій.

Компетенція совѣта сводилась къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ.

161. ЗДАНІЕ СОВѢТА ВЪ ОЛИМПІИ (BULEUTERION).

Два параллельно расположенныхъ длинныхъ корпуса, оканчивающихся апсидами, и небольшой средній корпусъ квадратной формы, соединенные между собою колоннадою, построенною впереди зданія.

Во-первыхъ, онъ долженъ былъ давать законное направленіе выраженіямъ народной воли, причемъ на его обязанности лежали подготовительная работа для всѣхъ дѣлъ и предварительное заключеніе о нихъ (probuleuma), а затѣмъ и надзоръ за исполненіемъ народныхъ приговоровъ; иногда, въ особенно важныхъ случаяхъ, народъ уполномочивалъ его принять самостоятельное рѣшеніе. Съ другой стороны, совѣту всецѣло предоставлялось самостоятельное веденіе и рѣшеніе многихъ дѣлъ,

напр., мѣропріятія по финансовому и тѣсно связанному съ нимъ военному вѣдомствамъ, каковые вопросы въ современныхъ государствахъ рѣшаются болѣе демократическимъ способомъ, т.-е. представляются на усмотрѣніе народнаго представительства. При содѣйствіи извѣстныхъ должностныхъ лицъ, совѣтъ завѣдывалъ государственными откупами, заключеніемъ условій по общественнымъ работамъ и продажею конфискованныхъ имуществъ. Ему даже принадлежало право арестовать всякаго, не исполнившаго къ сроку своихъ денежныхъ обязательствъ. Подъ контролемъ совѣта находились казначейства, храмы боговъ, расходы всѣхъ государственныхъ кассъ; для производства этого контроля онъ избиралъ изъ своей среды спеціальную счетную комиссію, состоявшую изъ десяти „логистовъ“. Заботы о незначительномъ еще въ то время флотѣ также лежали на попеченіи совѣта, вѣрнѣе на комиссіи десяти „строителей тріеръ“, причемъ отъ нихъ требовалось не только сохраненіе состава флота, но и ежегодное увеличеніе его на 10 тріеръ. Точно также и заботы о кавалеріи, единственномъ постоянномъ войскѣ Аѳинъ, вмѣнялись въ обязанность совѣту, которому надлежало слѣдить за тѣмъ, чтобы и лошади и люди были всегда готовы къ военнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, совѣту принадлежала судебная власть, что было связано съ своеобразнымъ характеромъ аѳинскаго судопроизводства, о которомъ рѣчь впереди.

Чисто-демократическое ограниченіе этой внушительной административной власти совѣта заключалось въ томъ, что только тотъ составъ совѣта, который въ данное время находился на службѣ, могъ привести въ исполненіе свои предварительныя рѣшенія или распоряженія по административной части, между тѣмъ какъ совѣтъ слѣдующаго года не былъ связанъ этими постановленіями.

Въ Аѳинахъ, благодаря большому количеству членовъ совѣта и массѣ дѣлъ, собранія въ полномъ составѣ происходили рѣже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ. Обыкновенно функціонировала только десятая часть совѣта въ составѣ 50 членовъ, такъ называемыхъ п р и т а н о в ъ, принадлежавшихъ къ одной изъ 10 филъ и представлявшихъ собою постоянный дѣловой комитетъ. Такимъ образомъ, каждая фила завѣдывала пританіею въ теченіе десятой доли года, т.-е. 35—36, а иногда и 38—39 дней, такъ какъ аѳиняне считали лунный годъ въ 354 дня, въ который включался, смотря по надобности, 13-ый (високосный) мѣсяцъ. Къ пританіи обращались всѣ послы, герольды и уполномоченные какъ иностранныхъ государствъ, такъ и свои, возвращающіеся въ отечество; пританамъ препровождались всѣ документы, адресованные на имя государства, и они же созывали ежедневно общія засѣданія совѣта и народныя собранія. Присутственное мѣсто собранія совѣта представляло собою круглое зданіе съ очагомъ посрединѣ и носило обычное Пританія.

для подобныхъ построекъ названіе „ѳолосъ"; здѣсь члены совѣта, смѣняясь поочередно, пребывали не только во время дѣлопроизводства, но и въ часы обѣда и отдыха, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ серьезно аѳиняне относились къ дѣлу государственнаго контроля. То обстоятельство, что предсѣдатель притановъ, эпистатъ, ежедневно избирался вновь по жребію, свидѣтельствуетъ намъ о чрезвычайно подвижномъ и непостоянномъ характерѣ этой отрасли демократическаго управленія. Онъ не только предсѣдательствовалъ въ засѣданіи совѣта и народныхъ собраніяхъ, но былъ хранителемъ печати совѣта и ключей отъ государственной казны, совѣтскаго архива и святилищъ. Онъ даже былъ обязанъ ночевать въ ѳолосѣ, вмѣстѣ съ одною третью остальныхъ притановъ.

Голосованіе по отдѣльнымъ пунктамъ очередныхъ дѣлъ, предварительно объявляемыхъ особою программою совѣта, при обыкновенныхъ резолюціяхъ производилось посредствомъ поднятія руки (хиротоніи); при судебныхъ приговорахъ голоса подавались тайно посредствомъ баллотировочныхъ камешковъ, а при удаленіи недостойнаго члена—посредствомъ оливковыхъ листьевъ.

Секретари.

Обязанности секретарей при совѣтѣ въ различныя времена понимались различно: мы находимъ среди нихъ не только должностныхъ лицъ, занимавшихся составленіемъ протоколовъ и докладами актовъ, но и такихъ, которые слѣдили за точнымъ исполненіемъ совѣтскихъ постановленій и даже представляли отчеты о государственныхъ дѣлахъ въ качествѣ бухгалтеровъ совѣта.

Народное собраніе.

Во всѣхъ греческихъ государствахъ право совѣщанія и окончательнаго рѣшенія принадлежало народному собранію (правда, въ аристократическихъ государствахъ, какъ Спарта, это право было лишь формальнымъ). Особенную власть народное собраніе пріобрѣло въ Аѳинахъ, гдѣ оно всецѣло опредѣляло ходъ государственной жизни. Правомъ голоса по всей Греціи пользовался совершеннолѣтній гражданинъ, не утратившій своего гражданства. Но въ то время, какъ въ Спартѣ право голоса пріобрѣталось лишь съ 30 лѣтъ, въ Аѳинахъ юноши, едва достигшіе 2-лѣтняго возраста, уже могли выступать въ качествѣ ораторовъ. Подача голосовъ (обыкновенно посредствомъ поднятія руки) производилась не по сословіямъ, какъ въ Римѣ, но всѣми гражданами безъ различія. Съ какимъ усердіемъ греки относились къ обсужденію общественныхъ дѣлъ, видно также изъ того, что они, несмотря на свой живой темпераментъ, во время преній садились, между тѣмъ какъ римляне имѣли обычай стоять. Участіе гражданъ въ собраніяхъ было весьма неодинаково въ разныхъ государствахъ. Были попытки исключать низшіе слои населенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ отъ гражданъ требовалось, чтобы они записывались, если желали

пользоваться въ народномъ собраніи своими гражданскими правами; если они потомъ не являлись въ собраніе, то подвергались штрафу. Этотъ обычай представляетъ интересный опытъ принужденія къ исполненію гражданскихъ обязанностей. Подобныя мѣропріятія въ большинствѣ случаевъ прямо побуждали несостоятельныхъ гражданъ, неохотно бросавшихъ свое дѣло, совсѣмъ не записываться и, такимъ образомъ, отказываться отъ своего права.

Въ Аѳинахъ народное собраніе, экклесія, вѣроятно, всегда возбуждало живѣйшій интересъ гражданъ. Но и здѣсь число этихъ собраній сравнительно не велико; первоначально въ каждую пританію происходило по одному собранію, и лишь съ теченіемъ времени число этихъ собраній увеличилось до четырехъ. Аѳинская экклесія

Первоначальнымъ мѣстомъ собраній греческихъ общинъ былъ рынокъ: но въ Аѳинахъ народъ замѣнилъ его площадью на широкомъ

162. ДВОЙНАЯ ТЕРРАСА У СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО СКЛОНА ГОРЫ ПНИКСА.
По Курціусу, Stadtgesch. von Athen.
Прежде эта терраса считалась многими, но, можетъ-быть, ошибочно, мѣстомъ для экклесіи (народнаго собранія); вѣроятнѣе. что она служила для религіозныхъ цѣлей.

утесѣ, такъ наз. Пниксомъ, находившимся въ западной части города (рис. 162). Въ особенныхъ случаяхъ также и святилища употреблялись для собраній; въ позднѣйшій же періодъ, какъ мы увидимъ послѣ, въ Аѳинахъ и въ другихъ городахъ каменный театръ сталъ служить народу мѣстомъ для обсужденія серьезныхъ государственныхъ дѣлъ.

Каждое собраніе созывалось пританами за четыре дня, причемъ порядокъ дня объявлялся тутъ же. Поднятое знамя приглашало къ сходкѣ; канатъ, выкрашенный сурикомъ, служилъ для того, чтобы направлять толпу, а потомъ огораживать мѣсто собранія. Экклесія, происходившая всегда до полудня, открывалась очистительной жертвой, кровью которой окроплялась площадь; далѣе слѣдовали жертва изъ ѳиміама и потомъ торжественная молитва, которую глашатай повторялъ со словъ государственнаго писца, съ проклятіями всѣмъ, кто обманываетъ народъ; все

это было очень характерно для той связи, въ которой состояли въ древности религія и государство.

Строгимъ порядкамъ древняго аѳинскаго парламентаризма вполнѣ соотвѣтствовало то, что эпистатъ не только руководилъ собраніемъ, но также, не боясь возраженій, имѣлъ право и обязанъ былъ карать всякія нарушенія порядка лишеніемъ слова, удаленіемъ съ каѳедры или изъ собранія, денежною пеней до 50 драхмъ или представленіемъ болѣе серьезныхъ проступковъ на судъ совѣта или народа. Но зато, кромѣ него, никто не смѣлъ прерывать оратора, когда онъ стоялъ на трибунѣ (Bêma), украшенный, въ знакъ своей неприкосновенности, миртовымъ вѣнкомъ, подобно мужамъ совѣта и другимъ лицамъ, облеченнымъ государственною властью.

При всей свободѣ, которая была предоставлена народу относительно предмета обсужденія, все-таки строгость древнихъ порядковъ требовала, какъ это уже было упомянуто, чтобы ничто не предлагалось народу для обсужденія, о чемъ бы совѣтъ предварительно не составилъ уже своего заключенія. При этомъ было позволено каждому высказываться за или противъ постановленія совѣта, а также дополнять его или предлагать совсѣмъ противоположное. Большое значеніе для болѣе раннихъ временъ имѣло то, что всѣ предложенія (какъ это вѣроятно) разсматривались предварительно въ засѣданіи ареопага. Отказъ въ голосованіи вопроса со стороны предсѣдателя (который, конечно, за злоупотребленіе этимъ своимъ правомъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности), взятіе назадъ предложенія тѣмъ лицомъ, отъ котораго оно исходило, — таковы были въ древнемъ государствѣ, какъ и въ современномъ, общеупотребительныя средства для устраненія предложеній. Самымъ же главнымъ оплотомъ противъ напора разрушительныхъ законопредложеній была „встрѣчная присяга“, гипомосія, т.-е. клятвенный протестъ, на который имѣлъ право каждый гражданинъ, даже послѣ принятія предложенія, и который состоялъ въ томъ, что приносящій присягу обязывался преслѣдовать предложеніе какъ противозаконное и подать на его автора уголовную жалобу въ нарушеніи закона. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ—въ отличіе отъ Рима—каждый гражданинъ имѣлъ право на нѣкотораго рода veto.

Свободная демократическая форма голосованія поднятіемъ руки, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о частномъ интересѣ отдѣльныхъ лицъ, была мудро замѣнена тайнымъ голосованіемъ съ помощью камешковъ. Кромѣ того, въ такихъ случаяхъ требовалась наличность 6000 голосовъ, какъ, напр., при судебномъ рѣшеніи въ дѣлѣ обвиненія одного лица народнымъ собраніемъ, при отмѣнѣ наказанія или денежной пени государствомъ, или при дарованіи правъ гражданства. Сюда же относится введенный Клисѳеномъ о с т р а к и з м ъ или „черепкованіе“. Это

было изгнаніе безъ потери гражданскихъ правъ, нѣчто въ родѣ административной ссылки извѣстныхъ гражданъ, которые, вслѣдствіе своего вліянія, могли быть опасными для существующей формы правленія. По старинному обычаю, граждане писали имя того, кого они хотѣли изгнать, на глиняныхъ черепкахъ (рис. 163).

Результатъ каждаго голосованія объявлялся предсѣдателемъ; на основаніи его составлялся актъ, который хранился въ архивѣ въ святилищѣ Матери боговъ (Metrôon), и, кромѣ того, обыкновенно, вырѣзанный на камнѣ или на мѣди, выставлялся публично. Это была, правда, нѣсколько наивная, но законная попытка не только издавать законы, но и заботиться о дѣйствительномъ ознакомленіи съ ними народа.

Если въ собраніи не все было кончено, предсѣдатель отпускалъ народъ съ приказаніемъ вновь собраться въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Преждевременный роспускъ собранія могли вызвать разныя небесныя знаменія: землетрясенія, солнечныя затменія, грозы, даже сильные ливни. Такимъ образомъ, мы опять видимъ, что религіозные моменты играютъ роль въ политической жизни.

163. Отстракъ (черепокъ) съ именемъ Ѳемистокла.
$^3/_8$ натуральной величины.
По Луккенбаху, Abb. z. Gesch. I.
Θεμιστοκλῆς Φρεάρριος (Фреарры были демомъ Ѳ.).

Предметы совѣщаній были весьма многочисленны и со временемъ становились все разнообразнѣе. Кромѣ судебной дѣятельности общины, о которой еще рѣчь впереди, и ея вліянія на выборъ и отставку служебныхъ лицъ,—народной общинѣ, какъ носительницѣ верховной власти, принадлежало окончательное рѣшеніе какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и во внутреннемъ управленіи. Въ особенности ея дѣятельность направлялась на жизненные вопросы народной общины, на всѣ отношенія къ другимъ государствамъ во время войны и мира. Даже полководцы зависѣли отъ народа не только въ вопросахъ о численности арміи, но часто, что уже можетъ казаться довольно рискованнымъ, и въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ. Собственные послы назначались народомъ, получали отъ него инструкціи и снабжались деньгами на проѣздъ; чужихъ пословъ выслушивали и опредѣляли имъ почести; давали имъ мѣста въ театрѣ или предлагали угощеніе у государственнаго очага въ пританеѣ. Народнымъ собраніемъ опредѣлялись подати съ покоренныхъ народовъ, а также иногда и съ подданныхъ, какъ равно и повинность, взимавшаяся съ гражданъ въ военное время; издавались постановленія о пошлинамъ, мѣрахъ, вѣсахъ и

монетахъ. Характерною чертою въ отношеніяхъ государства къ религіи и культу было то, что въ экклесіи принимались также и постановленія о введеніи государственнаго богослуженія и праздниковъ. Очень богатъ перечень всѣхъ почестей, которыя могъ присуждать народъ, и о которыхъ мы упомянемъ еще при изложеніи финансоваго дѣла. Сюда относятся различныя почетныя привилегіи для чужестранцевъ, какъ, напр., пожалованіе права гражданства, или пожалованіе исотеліи, т.-е. уравненія поселившихся въ Аѳинахъ иностранцевъ („метековъ") съ гражданами относительно государственныхъ повинностей (см. ниже), или пожалованія права государственнаго гостепріимства, проксеніи. Далѣе нужно упомянуть освобожденіе отъ государственныхъ повинностей, о которыхъ будетъ сказано ниже, угощеніе въ пританеѣ, присужденіе почетныхъ титуловъ (какъ, напр., титула благодѣтеля) и разныхъ почетныхъ даровъ, вѣнковъ всякаго рода и, наконецъ, почетныхъ статуй (см. ниже).

Служащіе. Такъ какъ Аѳины могутъ служить образцомъ демократическаго государства, то само собою разумѣется, что здѣсь встрѣчается бо́льшее, чѣмъ гдѣ бы то ни было, разнообразіе въ ежегодно смѣняющемся составѣ служащихъ. Понятно, что демократія стремилась къ тому, чтобы, по возможности, привлечь къ управленію наибольшее число гражданъ и въ то же время ограничить ихъ власть раздѣленіемъ ея между многими. Обѣ эти цѣли стали достигаться еще въ бо́льшей степени, когда (какъ именно въ Аѳинахъ) вошло въ силу очень рискованное постановленіе, чтобы никто не занималъ два раза гражданской должности, и никто не было болѣе двухъ разъ членомъ совѣта.

У насъ чиновники распадаются на высшихъ и низшихъ; нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Аѳинахъ, гдѣ мы наблюдаемъ три степени. Настоящіе „начальники" (ἄρχοντες), при извѣстныхъ законныхъ ограниченіяхъ, имѣли право приказывать, наказывать, рѣшать самостоятельно или вызывать постановленіе суда, руководимаго ими же. Эпимелетамъ, которыхъ по дѣятельности можно сравнить съ нашими комиссіями, чаще, чѣмъ этимъ послѣднимъ, поручались совершенно спеціальныя дѣла, или повторявшіяся періодически (какъ игры), или же вызывавшіяся экстренною необходимостью (какъ, напр., возведеніе стѣнъ). Нѣкоторыя права верховной власти имъ принадлежали тоже, но, конечно, съ ограниченіемъ, въ виду ихъ узкой сферы дѣятельности. Низшія служебныя лица не могли, конечно, ничѣмъ управлять самостоятельно и получали за свою работу вознагражденіе, между тѣмъ какъ эпимелеты и архонты получаютъ, самое бо́льшее, суточныя, да и то только, когда они бываютъ за границею.

Назначеніе. Самой замѣчательной демократической чертой при замѣщеніи должностей, присущей всѣмъ греческимъ конституціямъ, въ особенности въ Аѳинахъ и притомъ съ древнихъ временъ, какъ мы это уже раньше

видѣли, — является назначеніе чиновниковъ по жребію. Ясно, что, благодаря этому учрежденію, не могло создаться никакого постоянства въ личномъ составѣ и никакой преемственности въ занятіяхъ. Все-таки и впослѣдствіи, на ряду съ назначенными по жребію, были и избранные чиновники, которые, въ свою очередь, распадались на избранныхъ самимъ народнымъ собраніемъ и (что относится, главнымъ образомъ, къ надзирателямъ за публичными постройками) на избранныхъ отдѣльными филами. Для обоихъ родовъ назначенія служащихъ, однако, принимаются во вниманіе только добровольные кандидаты; давленіе на гражданина съ цѣлью принудить его занять почетную должность (что, къ сожалѣнію, часто случается въ настоящее время, по причинѣ незначительнаго развитія у современныхъ гражданъ чувства общественности) было неизвѣстно въ древнемъ государствѣ; хотя, конечно, при выборныхъ должностяхъ общее довѣріе можетъ выдвинуть и такого человѣка, который самъ не заявлялъ о своемъ желаніи. Голосованіе производилось съ помощью бобковъ подъ руководствомъ ѳесмоѳетовъ; выборы же въ народномъ собраніи, какъ и въ филахъ, происходили открыто, съ помощью поднятія рукъ.

Своеобразную мѣру контроля для всѣхъ служащихъ представляла уже упомянутая при описаніи совѣта докимасія или испытаніе. Оно производилось, для новаго совѣта, передъ старымъ, для 9 архонтовъ— передъ совѣтомъ, для всѣхъ остальныхъ чиновниковъ—передъ особымъ судомъ, причемъ каждый гражданинъ, даже случайно присутствовавшій при совѣщаніи, могъ дѣлать свои возраженія. Это испытаніе, въ силу своей демократичности, касалось прежде всего гражданскаго происхожденія и нравственности, но не профессіональной дѣятельности; это учрежденіе поэтому могло приносить пользу только во времена высокаго нравственнаго уровня народа. Намъ извѣстны разныя причины, препятствовавшія назначенію на ту или другую должность. Что касается минимальнаго возраста — 30 лѣтъ для чиновниковъ, судей или членовъ совѣта,—то народъ при выборахъ иногда, вѣроятно, обходилъ это требованіе. Понятны постановленія, по которымъ не могли занимать должности государственный должникъ или тотъ, кто не отдалъ отчета въ должности, которую занималъ ранѣе, а также требованіе, чтобы никто не занималъ одновременно двухъ должностей. Благороднымъ духомъ патріархальной нравственности вѣетъ на насъ отъ постановленія, согласно которому исключается изъ числа кандидатовъ тотъ, кто не исполнилъ сыновняго долга по отношенію къ родителямъ, кто предался разврату, отбросилъ щитъ или растратилъ свое имущество. Тѣлесные недостатки тоже, понятно, исключали возможность занятія важныхъ государственныхъ должностей, если соотвѣтствующіе чиновники исполняли религіозные обряды (какъ это полагается теперь въ духовенствѣ католиче-

Докимасія

ской церкви). Для нѣкоторыхъ должностей существовали особыя постановленія. Такъ, полководецъ долженъ былъ состоять въ законномъ бракѣ и имѣть недвижимую собственность въ Аттикѣ, чтобы быть завѣдомо связаннымъ съ родиной личными интересами.

Права и обычаи.

Послѣ торжественной присяги, которую приносили публично, и послѣ вступительной жертвы, чиновникъ начиналъ свою дѣятельность. Его важнѣйшимъ правомъ было налагать денежные штрафы или возбуждать преслѣдованіе должника судомъ, въ которомъ онъ тогда предсѣдательствовалъ. Почетными привилегіями служащихъ были особыя мѣста въ собраніяхъ и въ театрѣ, а также и освобожденіе отъ военной службы. Торжественныхъ инсигній власти, принятыхъ у римлянъ, мы въ Аѳинахъ не видимъ; только миртовый вѣнокъ носили аѳинскіе чиновники при исполненіи служебныхъ обязанностей, такъ же, какъ члены совѣта или ораторы въ народныхъ собраніяхъ. Своеобразною чертою грековъ былъ обычай такъ распространять понятіе о служебной коллегіальности, что многія коллегіи обѣдали вмѣстѣ со всѣмъ низшимъ персоналомъ тутъ же въ помѣщеніи учрежденія.

„Евтина".

Какъ при поступленіи на службу чиновники должны были подвергаться испытанію, такъ при оставленіи ея имъ нужно было представлять отчетъ (euthyne). Правда, обвиненіе и увольненіе могли постигнуть всѣхъ служащихъ и въ теченіе ихъ службы, но теперь они подвергались особенно строгому испытанію, и прежде всего тѣ, у которыхъ на рукахъ были общественныя деньги. Совѣтъ и контрольныя учрежденія старались покончить въ теченіе 30 дней изслѣдованіе всей служебной дѣятельности чиновника. Судилище, состоявшее изъ 501 человѣка, рѣшало, слѣдовало ли дать ходъ обвиненію, или нѣтъ. При этомъ имѣли право требовать обвиненія не только обычные въ этомъ случаѣ прокуроры (или синегоры), но и каждый членъ суда. Довольно характерно то, что денежный штрафъ былъ единственнымъ употребительнымъ наказаніемъ; онъ при растратѣ и взяточничествѣ въ 10 разъ превосходилъ растраченную или полученную сумму иска.

Отдѣльныя должности.

При взглядѣ на различныя **должности** становится ясно, что главная индивидуалистическая черта греческаго національнаго характера проявлялась не только въ ихъ разнообразіи, никогда впослѣдствіи не превзойденномъ, но и въ ихъ способности къ дальнѣйшему развитію которая съ теченіемъ времени вела къ созданію все новыхъ формъ, несмотря на свойственное древности стремленіе держаться старины.

Во **главѣ государства** въ греческихъ общинахъ стоятъ обыкновенно коллегіи сановниковъ, въ средѣ которыхъ находится и „эпонимный" магистратъ, т.-е. такой, именемъ котораго обозначается годъ. Названія этихъ правительственныхъ коллегій въ высшей степени разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ объясняются исторически, какъ,

напр., древній царскій титулъ (basileus) или же названіе эсимнета, т.-е. устроителя права (смотри выше, стр. 75). По большей части эти обозначенія относятся вообще къ государственному управленію, но могутъ также имѣть болѣе религіозный или военный характеръ. Къ первымъ принадлежали, главнымъ образомъ, названія—ританы и архонты. Архонты были преимущественно въ Аѳинахъ (ср. стр. 75 и сл.), о магистратурѣ которыхъ мы и имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Архонты.

Послѣ многочисленныхъ измѣненій въ способѣ назначенія девяти аѳинскихъ архонтовъ, съ половины V вѣка ихъ начали избирать (вмѣстѣ съ секретаремъ) такимъ образомъ, чтобы каждая фила поставляла одного изъ нихъ. Архонты не выступаютъ всѣ вмѣстѣ, подобно римскимъ консуламъ, во всеоружіи нераздѣльнаго служебнаго полновластія; каждый изъ нихъ имѣетъ свою опредѣленную область. Вмѣстѣ появляются они почти исключительно при выборѣ служащихъ и присяжныхъ. Ихъ власть рано была сведена къ одному только судопроизводству, а такъ какъ и здѣсь ихъ роль была такъ ограничена Солономъ, что всегда могли подаваться апелляціи въ судъ гражданъ, и даже постепенно у нихъ было совсѣмъ отнято право судебнаго рѣшенія,—то, за вычетомъ распоряженій относительно праздниковъ и незначительныхъ отдѣльныхъ административныхъ дѣлъ, въ сущности у нихъ осталась только инструкція процессовъ и предсѣдательство въ судѣ. Поэтому ихъ древніе гордые титулы мало соотвѣтствуютъ кругу ихъ дѣятельности.

Архонтъ.

Первый изъ архонтовъ, по-просту называвшійся архонтомъ и только впослѣдствіи получившій названіе „эпонима", такъ какъ именемъ его обозначался годъ,—былъ хранителемъ семейнаго и наслѣдственнаго права, защитникомъ вдовъ и сиротъ, а потому также предсѣдателемъ суда во всѣхъ вопросахъ, касавшихся семьи и наслѣдства. Это, конечно, замѣчательная черта греческой культуры: семьѣ въ государствѣ отводилось такое значеніе, что попеченіе о ней было ввѣрено высшему государственному сановнику. Изъ праздниковъ онъ устраивалъ, главнымъ образомъ, Великія Діонисіи (см. ниже).—Второй архонтъ „царь" или Basileus, какъ уже объ этомъ упоминалось, сохранилъ изъ тройной сферы дѣятельности древняго монарха только надзоръ надъ общимъ государственнымъ культомъ и въ особенности заботу о древнѣйшихъ приношеніяхъ и богослуженіяхъ, такъ же какъ и о священныхъ мистеріяхъ. Поэтому онъ былъ предсѣдателемъ суда во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся культа, а такъ какъ за убійство требовалось, главнымъ образомъ, религіозное искупленіе (см. стр. 75), то онъ былъ предсѣдателемъ и въ процессахъ объ убійствѣ.—Имя третьяго архонта, полемархъ или полководецъ, также мало соотвѣтствовало въ болѣе извѣстныя намъ историческія эпохи его настоящей дѣятельности: въ битвѣ при Мараѳонѣ палъ послѣдній полемархъ, который отправился на поле сраженія въ качествѣ вождя. Согласно извѣстному взгляду древнихъ, видѣвшихъ въ чужестранцѣ a priori врага, нашему „полководцу" предоставленъ былъ также надзоръ за правовымъ положеніемъ чужестранцевъ и принадлежалъ судъ надъ не-гражданами. Сюда же

Basileus. Полемархъ.

относятся религіозныя обязанности, напр., хлопоты о заупокойномъ празднествѣ въ честь павшихъ на войнѣ воиновъ и поминальное жертвоприношеніе въ честь тираноубійцъ.—Остальные шесть архонтовъ—

Ѳесмоѳеты. ѳесмоѳеты—составляли болѣе сплоченную коллегію, которая почти исключительно занималась судопроизводствомъ и тѣмъ отличалась отъ трехъ вышеупомянутыхъ высшихъ сановниковъ. Ѳесмоѳеты назначали составъ суда присяжныхъ, опредѣляли дни суда и предсѣдательствовали во всѣхъ процессахъ, которые не входили въ вѣдомство опредѣленныхъ учрежденій. Только ѳесмоѳеты имѣютъ общія присутственныя мѣста, такъ какъ уже со времени Солона коллегіальная дѣятельность архонтовъ все болѣе и болѣе сокращается; другіе же находятся въ своихъ отдѣльныхъ служебныхъ помѣщеніяхъ.

Если архонты были вѣрны своей присягѣ (въ которой они, на случай неисполненія, клялись представить почти невозможное, а именно золотую статую, равную вѣсомъ собственному тѣлу), другими словами, если они служили безупречно, тогда, чтобы наградить ихъ за честность и сохранить ихъ для управленія страной, имъ разрѣшалось вступать въ государственный совѣтъ, ареопагъ,—такимъ же образомъ, какъ въ Римѣ изъ бывшихъ магистратовъ составлялся сенатъ.

Засѣдатели. Каждый изъ трехъ высшихъ сановниковъ самъ избираетъ себѣ двухъ засѣдателей, подвергающихся, однакоже, такъ же, какъ и они сами, испытанію и отчету, такъ что и тутъ сохраняется идея коллегіальности.

Судебныя учрежденія. Постоянныя судебныя учрежденія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ мы увидимъ дальше, въ общемъ, не были необходимы греческому государству. Бо́льшимъ значеніемъ пользуется лишь коллегія одиннадцати (уголовная полиція и въ то же время исполнительный комитетъ), которая со времени Клисѳена избиралась изъ десяти филъ и, съ прибавленіемъ писца, была доводима до одиннадцати членовъ. Она управляла тюрьмами и слѣдила за исполненіемъ назначенныхъ судомъ наказаній.

Полиція. Полицейскіе чиновники были многочисленны въ Аѳинахъ. Самые важные были встрѣчавшіеся вездѣ въ Греціи астиномы (квартальные надзиратели), въ Аѳинахъ числомъ 10, избираемые по числу филъ. Вся большая область уличной полиціи, а также полиціи нравовъ, подлежала ихъ вѣдѣнію, насколько это дозволяли античныя культурныя условія. Къ ихъ дѣятельности относилась и строительная полиція, въ особенности надзоръ за соблюденіемъ законной ширины улицъ, также иногда содержаніе въ порядкѣ святилищъ, затѣмъ надзоръ за нравами и приличнымъ поведеніемъ на улицѣ; ихъ же контролю подлежали всѣ лица, служащія для публичныхъ увеселеній, какъ флейтистки, киѳаристки и пѣвицы. Самыми значительными полицейскими чинами, послѣ астиномовъ, были (тоже повсемѣстно встрѣчающіеся) агораномы или базарные надзиратели. Они назначались по выбору, въ числѣ десяти человѣкъ, и служили въ городѣ и

въ Пиреѣ, гдѣ могли также улаживать менѣе важныя спорныя дѣла. Для ремонта святынь, для содержанія въ порядкѣ дорогъ и колодцевъ, для надзора за мѣрами и вѣсами назначались въ извѣстное время специальные чиновники. Особенно важны были для благосостоянія гражданъ контрольныя учрежденія, которыя должны были препятствовать всякимъ махинаціямъ, ведущимъ къ вздорожанію зерна, и мошенничествамъ при продажѣ печенаго хлѣба и муки,—такъ называемые ситофилаки; затѣмъ портовые надзиратели, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы двѣ трети хлѣбныхъ грузовъ продавались въ городъ.

Финансовые чиновники.

Особенно многочисленны были финансовыя учрежденія, которыя съ теченіемъ времени часто преобразовывались. Древніе колакреты („отрѣзыватели кусковъ отъ жертвенныхъ животныхъ“), отношеніе которыхъ къ жертвоприношеніямъ явствуетъ уже изъ ихъ имени, въ историческое время расходовали ввѣренныя имъ деньги на общественныя трапезы и праздничныя посольства; будучи ограничены Клисѳеномъ, они были впослѣдствіи совсѣмъ отмѣнены. При Клисѳенѣ къ нимъ присоединились главные сборщики или аподекты, которые должны были собирать главные доходы страны. Характерно для необдимаго, по мнѣнію древнихъ, контроля, что финансовые чиновники не завѣдывали никакой собственной кассой, но въ день поступленія входящихъ суммъ, тотчасъ же, на основаніи существовавшихъ у нихъ записей, распредѣляли ихъ по учрежденіямъ и должны были на слѣдующій день отдавать въ нихъ отчетъ совѣту. Далѣе, со времени Клисѳена, получили большое значеніе полеты, которые руководили подрядами по общественнымъ работамъ, арендой государственныхъ земель, рудниковъ, пошлинъ и податей, а также продавали конфискованныя имущества. О древней связи между государственными финансами и религіей свидѣтельствуютъ казначеи храмовъ и, главнымъ образомъ, казначеи богини Аѳины, функціонировавшіе обыкновенно въ числѣ десяти человѣкъ въ періодъ времени отъ однѣхъ панаѳиней до другихъ.

Еще множество спеціальныхъ учрежденій, какъ и у насъ, имѣло отношеніе къ государственной казнѣ. Архитекторъ со своими комиссарами руководилъ постройками, продавцы хлѣба заботились, особенно во время голода, о даровой раздачѣ или дешевой продажѣ хлѣба, особые чиновники закупали жертвенныхъ животныхъ. Въ этихъ случаяхъ часто является спорнымъ вопросъ, была ли эта дѣятельность постоянной или только комиссаріатской, такъ какъ временами одно переходило въ другое. Такъ было, напримѣръ, съ очень распространенными въ Греціи попечителями о жертвоприношеніяхъ (Hieropoioi); эту очень важную финансовую дѣятельность обыкновенно не довѣряли самимъ жрецамъ. Но и жрецы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могли считаться чиновниками, такъ какъ они тоже подлежали испытанію и

отчетности; правда, съ другой стороны, что они не имѣли такого вліянія на государственныя дѣла, какое, напр., въ Римѣ принадлежало авгурамъ.

Военные чиновники.

Отъ древняго полемарха верховное руководительство въ военномъ дѣлѣ перешло къ коллегіи, состоявшей изъ десяти стратеговъ, или полководцевъ, которые выбирались поднятіемъ рукъ. Первоначально они предводительствовали войсками на войнѣ, что видно по ихъ названію, а именно, каждый—тяжеловооруженными той филы, которой онъ былъ выбранъ. Помощниками стратеги имѣли таксіарховъ, предводителей отдѣльныхъ „таксъ“ или батальоновъ, на которые войско распадалось по числу филъ; они выбирались точно также отдѣльными филами, поднятіемъ рукъ. На родинѣ они наблюдали, главнымъ образомъ, за наборомъ и распредѣленіемъ солдатъ, подъ руководствомъ стратеговъ. Конницей, единственнымъ постояннымъ войскомъ Аѳинъ, командовали два гиппарха, которымъ были подчинены десять филарховъ. Флотъ требовалъ только одного учрежденія для всего пловучаго военнаго состава; это были такъ наз. десять неоровъ. Команда же на морѣ принадлежала стратегамъ, такъ какъ особыхъ адмираловъ обыкновенно не было.

Низшіе чиновники.

Въ громадной толпѣ низшихъ чиновниковъ находились, главнымъ образомъ, многочисленные и необходимые, также какъ и у насъ, писцы; но, кромѣ нихъ, были и глашатаи, которыхъ можно представить себѣ только въ античномъ государствѣ, съ его широкою „гласностью“ въ собственномъ значеніи слова. Несмотря на то, что первые были иногда государственными рабами, они могли все-таки, въ качествѣ контролеровъ и счетоводовъ своихъ начальниковъ, пріобрѣтать нѣкоторое значеніе. Что касается глашатая, этого „ко всѣмъ обращеннаго голоса отечества“, какъ его называетъ Демосѳенъ, то онъ выступаетъ повсюду: на торжественной молитвѣ и при воззваніи, въ народномъ собраніи и передъ судомъ, въ мирное время и на войнѣ.

Ареопагъ.

При постоянной смѣнѣ лицъ въ совѣтѣ и магистратурѣ, при неустанномъ развитіи демократической идеи, которую мы еще разсмотримъ впослѣдствіи,—для здороваго хода политики былъ необходимъ контроль всего государственнаго строя, въ духѣ сохраненія существующаго. Этотъ контроль въ Спартѣ производился эфорами; въ Аѳинахъ — ареопагомъ. Онъ состоялъ и впредь изъ бывшихъ архонтовъ, слѣдовательно, изъ мужей, призванныхъ въ этотъ почтенный совѣтъ уже въ преклонномъ возрастѣ и посвящавшихъ ему свою остальную жизнь. Такъ, ареопагъ и тогда еще слѣдилъ за воспитаніемъ и поведеніемъ гражданина и за дѣятельностью чиновниковъ. Нарушенія права и нравственности онъ каралъ словомъ или взысканіемъ. Также и въ правовой жизни онъ имѣлъ вначалѣ болѣе самостоятельное значеніе, чѣмъ суды геліастовъ; но такъ какъ его вліяніе основывалось не столько на твердо ограниченной власти, сколько на нравственномъ воздѣйствіи, то самая

неопредѣленность его положенія, по воззрѣнію того времени, должна была то усиливать его значеніе, то ослаблять его.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, картина аѳинской демократіи, какъ она была основана Клисѳеномъ. Очевидно, что многія изъ описанныхъ нами частностей выработались только съ теченіемъ времени; на нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣвшія большого значенія, мы уже указали. Теперь же мы преимущественно обратимъ вниманіе на тѣ черты, которыя свидѣтельствуютъ о существенныхъ перемѣнахъ государственнаго строя и могутъ дать намъ понятіе о постепенномъ роковомъ вырожденіи демократіи, — явленіи, задержанномъ только на короткое время, въ концѣ V вѣка (411 и 404) двумя попытками аристократической реакціи. Измѣненіе государственнаго устройства въ V и IV вѣкахъ.

Пути къ дальнѣйшему развитію демократіи были подготовлены, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Эфіальтъ устранилъ консервативный оплотъ, который до тѣхъ поръ служилъ помѣхой всякому демократическому натиску; онъ значеніе ареопага ограничилъ судебною дѣятельностью,—того ареопага, который какъ-разъ во время бѣдствій персидской войны еще разъ блестяще проявилъ свою силу, организовавъ національную оборону (462 г. до Р. Хр.). Между тѣмъ, какъ въ Спартѣ контрольный институтъ пяти эфоровъ развивался въ противоположномъ направленіи, и ихъ все возрастающій перевѣсъ обрекалъ аристократическое государство на застой и косность, — въ Аѳинахъ единственной задержкой безграничнаго демократическаго развитія было обвиненіе въ противозаконности, которое, вслѣдствіе своего безличнаго характера, всегда могло оказаться къ услугамъ демагоговъ. Ареопагъ.

Демократизаціи государства содѣйствовало, главнымъ образомъ, то, что и бѣднѣйшимъ слоямъ населенія была дана возможность пріобрѣтать въ немъ значеніе. Такъ, со временъ Аристида и ѳеты могли принимать участіе въ совѣтѣ, по достиженіи ими 30-лѣтняго возраста, и даже фактически могли быть выбираемы въ архонты со средины V вѣка, безъ предварительныхъ выборовъ, хотя тогда это право было предоставлено ясно только третьему классу. Когда затѣмъ союзники, составлявшіе первый морской союзъ, все болѣе и болѣе становились относительно Аѳинъ въ положеніе подданныхъ, граждане изъ низшихъ слоевъ общества все въ большемъ и большемъ числѣ начали проникать въ чиновничество и въ суды (смотри ниже, стр. 257 сл.). Эта демократизація завершилась тогда, когда и бѣднѣйшимъ гражданамъ было облегчено безпрепятственное участіе въ государственномъ управленіи посредствомъ уплаты имъ жалованья. Такъ, уже со времени Перикла, повидимому, члены совѣта получали жалованье (5 оболовъ), но, главнымъ образомъ, присяжные, и если Периклъ платилъ имъ только по одному оболу, то демагогъ Клеонъ давалъ уже по три (425 г. до Р. Хр.). Выборное начало. Жалованіе.

Особенно важно было то, что, въ концѣ концовъ, всѣ граждане получили право на нѣчто въ родѣ вознагражденія отъ государства. Ниже мы объяснимъ, при изслѣдованіи финансовъ, какъ, сверхъ того, появился обычай (введенный, вѣроятно, Перикломъ), выдавать деньги на театръ, такъ называемый ѳеориконъ. Эта опасная система жалованья гражданину достигла высшей степени тогда, когда, послѣ возстановленія демократіи въ 403 году, введено было вознагражденіе за участіе въ народныхъ собраніяхъ, которое скоро возросло отъ одного до трехъ оболовъ. Теперь низшій слой населенія, освобожденный отъ прежней заботы о добываніи себѣ пропитанія, тѣснится въ народныя собранія: сословіе ремесленниковъ играетъ въ немъ видную роль (смотри ниже), болѣе консервативное земледѣльческое населеніе неизбѣжно отступаетъ на задній
Демагоги. планъ. Вожди также выходятъ изъ низшихъ слоевъ населенія. Демагоги, руководимые низменнымъ честолюбіемъ и алчностью, все болѣе и болѣе подчиняютъ себѣ толпу, лишенную способности сужденія; лучшіе элементы принуждаются къ молчанію сикофантами. Многія другія учрежденія не могутъ удержаться въ демагогическомъ круговоротѣ. Характерно то, что послѣднимъ, подвергнутымъ остракизму, былъ жалкій фигляръ, жертва соглашенія обоихъ соперничающихъ вождей—Никія и Алкивіада. Такъ-то благородный образъ гражданской свободы, при несовершенствѣ всѣхъ человѣческихъ учрежденій и при опасныхъ слабостяхъ также и греческаго національнаго характера, долженъ былъ страшно извратиться, когда рушились твердые нравственные устои народа. Особенно бѣдственно было положеніе страны въ IV вѣкѣ, когда народъ требовалъ отъ государства все болѣе щедраго кормленія, не исполняя по отношенію къ нему самой простой обязанности—личной военной службы.

Въ виду исключительнаго успѣха демократическихъ идей въ V и IV столѣтіяхъ, не нужно забывать и того, что въ это же время было положено начало нѣкоторымъ учрежденіямъ, снособнымъ, повидимому, нѣсколько ограничить роковое развитіе демократіи. Сюда относится за-
Номоѳеты. мѣчательное учрежденіе номоѳетовъ, которое, можетъ быть, возникло еще во времена Перикла. Этимъ законодательная инціатива была отнята у народа и передана нарочно для этого народомъ же назначенной комиссіи. Отнынѣ ходъ измѣненія законовъ былъ слѣдующій. Въ первомъ годовомъ собраніи къ народу обращались съ вопросомъ: согласенъ ли онъ въ принципѣ на измѣненіе такого-то закона? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта,—тѣ, которые намѣревались сдѣлать свои предложенія, могли выставить ихъ около статуй десяти „эпонимовъ" филъ (своего рода святыхъ), а секретарь совѣта долженъ былъ прочесть предложенные законы въ собраніяхъ первой пританіи. Въ четвертомъ очередномъ собраніи составлялась изъ геліастовъ комиссія номоѳетовъ. Въ присутствіи ея начиналось обсужденіе законовъ на подобіе процесса, причемъ

кромѣ добровольныхъ защитниковъ старыхъ законовъ выступали и оффиціальные ихъ адвокаты (синегоры). Вмѣстѣ съ совѣтомъ, номоѳеты подавали голосъ за старый или новый законъ, и потому не тайнымъ голосованіемъ, а обычною въ совѣтѣ формою поднятія рукъ. А затѣмъ какъ противъ постановленій народнаго собранія, такъ и тутъ могло быть возбуждено обвиненіе въ противозаконности.

Также и въ положеніи, которое заняло въ эти времена та или другая должность, находился противовѣсъ крайностямъ демоса. Послѣ финансовыхъ учрежденій, которыя должны были преобразовываться черезъ извѣстные промежутки времени и отражать въ своихъ измѣняющихся формахъ положеніе вещей (какъ это было съ положеніемъ союзнаго казначея, hellenotamias, въ эпоху перваго морского союза, или съ положеніемъ управляющаго зрѣлищной и военной кассой въ IV столѣтіи), ни одна должность не претерпѣла столькихъ перемѣнъ, какъ должность стратега. И въ настоящее время характерную черту истинной республики составляетъ то, что военнымъ дѣломъ завѣдуетъ не военный, а гражданскій чиновникъ, и что въ его главѣ стоитъ гражданское министерство, а не главный штабъ; въ этомъ направленіи измѣнилось и положеніе аѳинскихъ стратеговъ. Какъ еще раньше полемархъ не имѣлъ никакого отношенія къ военной службѣ, такъ нынѣ и полководцы (стратеги) постепенно все болѣе и болѣе дѣлаются администраторами. Конечно, это же указываетъ, главнымъ образомъ, и на расширеніе ихъ служебной сферы. Они заботятся не только о снаряженіи войскъ на войну, причемъ имъ же, по крайней мѣрѣ, отчасти, довѣряется предводительство надъ войсками,—но получаютъ также важныя служебныя назначенія по управленію и судебнымъ дѣламъ. Особенно знаменательно то, что имъ приходится быть представителями государства за границей, вести дипломатическіе переговоры и заключать договоры, и что они, именно ради этого, одни изо всѣхъ магистратовъ, обращаются съ прямыми предложеніями къ совѣту и народу. Такимъ образомъ, при непостоянствѣ толпы, даже одинъ значительный человѣкъ въ этомъ положеніи могъ достигнуть прочнаго вліянія, что мы видимъ на примѣрѣ Перикла. Въ IV столѣтіи стратеги, правда, все болѣе и болѣе устраняются отъ роли полководцевъ, и Демосѳенъ имѣлъ основаніе пожалѣть о томъ, что они болѣе заняты процессіями, чѣмъ войнами.

Чиновники. Финансы.

Стратеги.

Правовыя отношенія, для которыхъ мы опять можемъ ссылаться только на Аѳины, въ теченіе нашего періода, сравнительно съ средневѣковьемъ, измѣнились очень мало, если имѣть въ виду только внѣшнюю сторону примѣненія права. Въ вѣдѣніи ареопага и впредь оставались дѣла объ убійствахъ; также и эфеты продолжали существовать, пока ихъ мѣста не заступили присяжные. Но самый ходъ постепеннаго воз-

Право.

вышенія этого суда присяжныхъ (heliaia) очень характеренъ для развитія демократической идеи. Очень важно было то, что, со временъ Перикла, архонты должны были отказаться въ пользу геліеи отъ права самостоятельныхъ судебныхъ рѣшеній и сохранили за собою только право инструкціи въ процессахъ, находившихся въ ихъ вѣдѣніи, и предсѣдательство на нихъ. Итакъ, кромѣ ареопага и нѣкоторыхъ судей, оставлявшихся для особыхъ случаевъ, главнымъ образомъ, для неважныхъ дѣлъ,—не осталось мѣста для профессіональнаго судебнаго персонала. Безъ сомнѣнія, есть что-то очень идеальное въ томъ, что самъ гражданинъ постановляетъ судебныя рѣшенія, если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слишкомъ стѣсненъ нормою закона; но тогда, конечно, уже все зависитъ отъ личности судьи. Пока число геліастовъ не было слишкомъ велико въ Аѳинахъ, пока судьи выходили изъ спокойнаго земледѣльческаго сословія,—при хорошихъ нравственныхъ зачаткахъ древняго населенія Аѳинъ, положеніе дѣлъ не оставляло желать ничего лучшаго. Но когда было основано аѳинское государство, и члены союза также должны были для суда являться въ Аѳины, когда ежегодно призывались къ судебной дѣятельности до 6000 гражданъ, а послѣ сокращенія общаго числа ихъ вслѣдствіе пелопоннесской войны каждый гражданинъ старше 30 лѣтъ, заявлявшій о своемъ желаніи, становился судьею,—тогда уже было прямымъ требованіемъ справедливости, чтобы судейская дѣятельность оплачивалась. Это вознагражденіе выдавалось сначала въ размѣрѣ назначеннаго Перикломъ весьма незначительнаго судейскаго жалованья, приблизительно по одному оболу въ день. Но эту сумму утроилъ, какъ мы уже видѣли, демагогъ Клеонъ. Такимъ образомъ, именно тѣмъ гражданамъ, которые не хотѣли напряженно работать, была дана возможность самымъ удобнымъ образомъ поддерживать свое существованіе, тогда какъ дѣятельный и порядочный гражданинъ, при общемъ развитіи торговли и промышленности, по возможности, воздерживался отъ судебной дѣятельности. Большое число процессовъ лишь немного сократилось отъ того, что съ конца пелопоннесской войны каждая частная жалоба регулярно подавалась для самостоятельнаго рѣшенія общественному мировому судьѣ, назначавшемуся изъ старѣйшихъ гражданъ; такъ какъ апелляція къ суду геліастовъ оставалась дозволенной, то къ ней прибѣгали все чаще и чаще, а современемъ имъ стали вновь передавать процессы съ самаго начала. Такъ-то съ теченіемъ времени суды геліастовъ все болѣе и болѣе расширяли свою компетенцію; имъ приходилось рѣшать даже вопросы законодательные и административные. Можно предположить, что законодатель, допустившій такую мѣру, скорѣе имѣлъ намѣреніе отнять у некомпетентной массы рѣшенія важныхъ вопросовъ и предоставить ихъ небольшому кружку опытныхъ лицъ; но эти добрыя намѣренія привели къ противоположнымъ результатамъ, когда суды геліастовъ стали, что

случилось впослѣдствіи, ареной самаго дикаго демократическаго произвола. Что пользы было во всѣхъ остроумно изобрѣтенныхъ мѣрахъ для огражденія самостоятельности судей, всѣхъ оговоркахъ, относившихся къ сложной баллотировкѣ компетентнаго судебнаго персонала, къ возбужденію жалобы, ко всему судопроизводству, въ особенности же къ тайному голосованію,—если, въ концѣ концовъ, краснорѣчіе оратора было самымъ важнымъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что граждане чисто-демократическимъ порядкомъ подавали свои голоса безъ предварительнаго обсужденія. Такимъ образомъ, могла возникнуть и страшная фигура сикофанта, т.-е. человѣка, который знаніе права обратилъ въ низкій промыселъ, обвиняя невинныхъ гражданъ или грозя имъ обвиненіемъ; такимъ образомъ, онъ добывалъ себѣ деньги или вымогательствомъ, или вслѣдствіе приговора надъ его жертвою.

Для описанія положенія финансовъ классическихъ временъ намъ придется также взять образцомъ Аѳины. Аттика, сама по себѣ, была страною бѣдною, съ каменистою почвою, и должна была ежегодно платить за зерновой хлѣбъ, привозившійся изъ-за границы, 250 талантовъ, то-есть болѣе полумилліона рублей. Такимъ образомъ, своимъ процвѣтаніемъ она была обязана вліятельному положенію въ остальномъ эллинскомъ мірѣ. Главную сумму, по крайней мѣрѣ, половину, всѣхъ доходовъ аѳинскаго государства составляли съ половины V вѣка, когда союзная касса была перенесена въ Аѳины, взносы участниковъ перваго морского союза. Каждые четыре года они были вновь опредѣляемы, да и, кромѣ того, по самой сущности своей, они были въ большой зависимости отъ политическаго положенія дѣлъ. Въ началѣ пелопоннесской войны они составляли отъ 4—500 тал.; во время войны, хотя число обложенныхъ налогомъ государствъ уменьшилось, они дошли до 1200 тал.; правда, что изъ этой суммы поступало только $^3/_4$, хотя противъ неисправныхъ должниковъ посылались иногда корабли съ исполнительными полномочіями; съ прекращеніемъ существованія аттическаго государства доходы эти прекратились. Замѣна этихъ налоговъ двадцатою частью ввоза и вывоза, взимавшеюся съ членовъ союза, и пошлина за пользованіе византійскимъ проливомъ были недолговѣчны. Съ членовъ второго морского союза, подъ другимъ именемъ, также собирались взносы.

Финансы.

Доходы.

Ядромъ собственно аѳинскихъ доходовъ, по справедливости, считались пошлины. При общемъ подъемѣ торговыхъ сношеній, пятидесятая часть, взимавшаяся съ каждаго ввоза и вывоза, доставляла значительныя суммы, такъ, напр., вскорѣ послѣ конца пелопоннесской войны отъ 30 до 36 талантовъ. Плата за пользованіе гаванью, базарныя пошлины, а равно и суммы, отчислявшіяся при продажѣ, также естественно

должны были возрастать. Античный пріемъ сдавать всѣ пошлины въ общемъ на откупъ отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ, естественно, вызывалъ въ Аѳинахъ, при сношеніяхъ съ этими „мытарями“, печальныя явленія всякаго рода корыстныхъ происковъ. Такъ какъ торговля привлекала въ Аѳины много чужестранцевъ, которые жили тамъ подъ охраною законовъ, то пошлина съ нихъ, по 12 драхмъ съ головы,—единственная постоянная прямая подать, если не считать пошлины за рабовъ (по 3 об. въ годъ),—значительно повышали доходы государства. Она приносила до 20 талантовъ ежегодно.

Больше всего должны были повыситься доходы съ судопроизводства съ тѣхъ поръ, какъ союзники имѣли свой судъ въ Аѳинахъ. При этомъ эти доходы составлялись не только изъ различной платы за судебныя издержки, но часто изъ очень высокихъ штрафовъ—встрѣчается даже упоминаніе о 50 талантахъ штрафа,—и изъ пагубныхъ конфискацій имуществъ. Насколько эти доходы были значительны, можно видѣть уже изъ того, что оккупація страны врагомъ во время пелопоннесской войны отозвались на ней тяжелымъ финансовымъ кризисомъ, вызвавъ затишье въ судебныхъ дѣлахъ и, слѣдовательно, убыль судебныхъ пошлинъ.

Наконецъ, доходы съ государственныхъ земель, уже по самой сущности своей, въ разсматриваемый нами періодъ, едва ли могли значительно повыситься противъ прежняго. Однако, серебряные рудники въ Лавріи, только частью принадлежавшіе государству, частью же обложенные податями,—приносили тогда хорошій доходъ, такъ что Ѳемистоклъ могъ предложить гражданамъ излишки этого дохода, прежде распредѣлявшіеся между ними, употребить на усиленіе флота.

Расходы. Росту правильныхъ доходовъ соотвѣтствуетъ столь же быстрое возрастаніе расходовъ.

То, что составляетъ главную статью расхода въ бюджетѣ современныхъ государствъ,—расходы на постоянную армію,—имѣло и въ наше время только второстепенное значеніе. Экипировка и жалованье постоянной кавалеріи требовали во времена Ксенофонта 40 талантовъ; къ этому надо прибавить содержаніе 200 конныхъ стрѣлковъ. Значительнѣе возрасталъ расходъ на флотъ, для котораго и теперь всякая остановка въ развитіи есть уже регрессъ. Не только нужно было содержать, по крайней мѣрѣ, три государственныхъ корабля для дипломатическихъ сношеній и для участниковъ въ нѣкоторыхъ внѣ-аѳинскихъ торжествахъ, причемъ каждое изъ этихъ судовъ требовало ежегоднаго содержанія въ 8 талантовъ,—но и весь флотъ ежегодно увеличивался, причемъ вся необходимая его обстановка должна была поддерживаться въ надлежащемъ состояніи.

Другую главную статью расхода въ современномъ государствѣ составляетъ жалованье чиновникамъ. Въ этомъ отношеніи Аѳины также

представляютъ своеобразное явленіе, такъ какъ должности считались почетными и, стало-быть, безплатными. Все-таки и въ этой области были необходимые расходы: на общественныя трапезы, на командировки пословъ и комиссій за границу и другіе; совершенно естественно, что эти расходы теперь возрастаютъ, также какъ и затраты на обычное содержаніе цѣлаго полчища низшихъ чиновниковъ. Болѣе значительныхъ суммъ требовала уплата жалованья членамъ совѣта, а позднѣе, съ конца пелопоннесской войны, и вознагражденіе, выдававшееся участникамъ въ народномъ собраніи, а главнымъ образомъ — введенное Перикломъ и увеличенное Клеономъ жалованье судьямъ (стр. 255). Ежегодные расходы на совѣтъ вычисляли въ 17 талантовъ; такую же сумму полагали на народное собраніе; сумма же, потраченная на суды во время процвѣтанія перваго морского союза, доходила даже до 100 талантовъ.

И все-таки даже эти большія суммы обыкновенно не представляли главной статьи расхода въ бюджетѣ Аѳинъ, какъ и многихъ другихъ государствъ. Характерной чертой древности было то, что наибольшихъ затратъ требовали, собственно говоря, удовольствія, — правда, облеченныя въ самую благородную форму, какую они когда-либо имѣли въ исторіи народовъ, а именно въ форму торжествъ въ честь боговъ, на родинѣ ли, или у единоплеменниковъ на чужбинѣ. Демосѳенъ имѣлъ полное основаніе жаловаться на то, что никакое военное предпріятіе никогда не требовало столько денегъ, какъ подготовленіе обоихъ главныхъ празднествъ Аѳинъ, Панаѳиней, съ ихъ великолѣпнымъ торжественнымъ шествіемъ въ честь богини города, и Великихъ Діонисій съ ихъ драматическими представленіями. Хотя государство и относило нѣкоторые расходы по этимъ празднествамъ, какъ мы увидимъ ниже, на счетъ богатѣйшихъ гражданъ, все-таки еще много оставалось сдѣлать: нужно было добывать большое число жертвенныхъ животныхъ, которыя составляли потомъ угощеніе для всего низшаго населенія города; главнымъ же образомъ, приходилось устраивать блестящія состязанія. Достаточно представить себѣ, что въ концѣ нашего періода сумма, вырученная за кожи жертвенныхъ животныхъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, превышала 2000 рублей; что призы, выдаваемые побѣдителямъ, доходили до 1500 др. Совершенно невѣроятнымъ по нашимъ понятіямъ расходомъ, поглощавшимъ, однако, значительныя суммы, былъ ѳеориконъ. Бывшій первоначально невинною входною платою за посѣщеніе театра, не свыше двухъ оболовъ на гражданина, — онъ скоро превратился въ деньги на развлеченія, которыхъ аѳинянинъ требовалъ и при другихъ торжествахъ. Если Периклъ и хотѣлъ первоначальнымъ учрежденіемъ ѳеорикона, какъ говорили, вознаградить гражданъ за ихъ всегдашнюю готовность къ бою, которую они проявляли и въ мир-

ное время ко благу всего морского союза,—то во времена, когда аѳиняне уже не несли военной службы, эти деньги представляли опасное кормленіе всѣхъ гражданъ, какое въ такой наивной формѣ не встрѣчается нигдѣ, даже въ Римѣ. Кромѣ того, существовала и специальная помощь бѣднымъ и неспособнымъ къ труду, которую мы не можемъ не признать справедливой, также какъ и попеченіе о дѣтяхъ павшихъ воиновъ. Въ общемъ, эта забота о бѣдныхъ была довольно скромныхъ размѣровъ (мы мало слышимъ также о раздачѣ зернового хлѣба, столь значительной въ Римѣ), потому что государство, къ сожалѣнію, благодаря своимъ праздникамъ и жалованью гражданамъ, и такъ слишкомъ много способствовало тому, чтобы аѳинянинъ, при отсутствіи потребностей, могъ жить, не работая въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Къ затратамъ, которыя государство производило для отдѣльныхъ лицъ, относились также расходы на чествованіе. Конечно, расходъ на угощеніе въ пританеѣ, у древняго государственнаго очага, былъ незначителенъ. Вначалѣ и другія почести были очень скромны. Периклъ получилъ впервые вѣнокъ изъ зеленыхъ вѣтвей масличнаго дерева, въ которомъ отказано было даже Мильтіаду. Со временемъ начали награждать золотыми вѣнками, цѣною въ 500 и даже 1000 драхмъ; расходы возрастали еще благодаря тому, что по поводу этой почести изготовлялся камень, на которомъ вырѣзывался соотвѣтствующій актъ. Однако, почетная статуя вначалѣ составляла рѣдкое явленіе. Кромѣ изображенія побѣдителя въ состязаніяхъ, которое имѣло значеніе принесеннаго имъ самимъ священнаго дара божеству, въ Аѳинахъ V вѣка — что довольно характерно для того времени—возвышался только почетный памятникъ тираноубійцамъ; лишь съ изображенія Конона, возстановителя стѣнъ, начинается рядъ постепенно умножающихся почетныхъ статуй, пока этотъ обычай, въ слѣдующую эпоху, не дошелъ до безумной крайности.

Въ заключеніе обратимся еще къ отраднымъ сторонамъ этой картины. Если мы бросимъ взглядъ на великолѣпные города грековъ съ ихъ храмами, театрами, гимназіями, съ многочисленными зданіями различныхъ учрежденій и помѣщеніями для судовъ, съ роскошными колоннадами, которыя служили только частью практическимъ цѣлямъ и такъ чудесно округляли картину древняго города; если мы взглянемъ на безчисленныя сооруженія, которыя обезпечивали безопасность, здоровье и благосостояніе гражданъ, на неприступныя стѣны съ ихъ башнями, на рвы и молы, водопроводы и колодцы, гавани и рынки,—то мы должны допустить, что и расходы для созданія и поддержанія всего этого въ цвѣтущее время эллинскаго міра должны были обратиться въ постоянную статью бюджета, если даже, по возможности, къ нимъ привлекали и

кассы храмовъ. Сколько сдѣлалъ въ этомъ направленіи для Аѳинъ вѣкъ Перикла, можно видѣть уже изъ того, что одни Пропилеи стоили свыше 4 милл. рублей, и что снимавшаяся золотая одежда статуи Аѳины-Дѣвы стоила приблизительно 90000 рублей.

Излишки.

Несмотря на громадные расходы, финансовое положеніе греческихъ общинъ въ мирное время было обыкновенно хорошо, въ сравненіи съ нашею современною нуждою, такъ что легко получались излишки. Такъ, аѳинская казна въ началѣ пелопоннесской войны, кромѣ драгоцѣнностей храмовъ, заключала до 6000 тал. Хотя они скоро были истрачены,—послѣ мира, заключеннаго Никіемъ, скоро опять накопилось 7000 тал. Понятно, что хорошее состояніе финансовъ нерѣдко соблазняло къ легкомысленному употребленію излишковъ; это легкомысліе все чаще одерживало верхъ по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе понижалась преданность грековъ государственной общинѣ, и соотвѣтственно съ этимъ возрастало стремленіе къ личному благосостоянію. Ѳемистоклъ могъ еще воодушевить своихъ согражданъ проектомъ употребить излишки съ доходовъ отъ серебряныхъ рудниковъ, распредѣлявшіеся прежде между ними, на усиленіе флота; но уже въ концѣ нашего періода Евбулъ всѣ излишки направилъ въ безславную кассу ѳеорикона, отказавшись вполнѣ отъ дѣятельной внѣшней политики, пока Демосѳену не удалось, послѣ долгихъ напрасныхъ стараній, положить этому конецъ и перевести излишки въ военную кассу.

Военное время.

Но финансовое положеніе было очень затруднительно, когда приходилось вести продолжительную войну. Хотя и не нужно было заботиться о государственной экипировкѣ гражданъ, такъ какъ каждый заботился о себѣ, и снаряжали только легковооруженныхъ,—тѣмъ не менѣе, уже одно жалованье требовало большихъ суммъ, такъ что, напримѣръ, тянувшійся три года походъ противъ Потидеи въ началѣ пелопоннесской войны, въ которомъ въ разное время принимало участіе отъ 3—7000 человѣкъ, стоилъ 2000 тал.

Сокровищницы храмовъ.

Естественно, что въ такихъ случаяхъ накопленныхъ суммъ не могло надолго хватить. На случай нужды оставались еще богатыя средства въ сокровищницахъ храмовъ, но, понятно, что остерегались дѣлать изъ нихъ заимствованія; а разъ былъ данъ почимъ, то и эти средства вскорѣ должны были истощиться. Все-таки иногда они помогали государству въ затруднительномъ положеніи. Такъ во время пелопоннесской войны аѳинянамъ удалось въ 30 дней соорудить флотъ въ сто кораблей, расплавивъ пожертвованные въ храмы серебряные и золотые священные предметы, а въ концѣ нашего періода богатыя сокровища Дельфійскаго храма поддержали фокидцевъ при веденіи продолжительной войны, такъ что даже вздорожала жизнь отъ избытка въ странѣ благороднаго металла.

Ссуды. Гдѣ же еще брали деньги во время нужды? Въ Аѳинахъ также появлялись финансовыхъ дѣлъ мастера, которые думали помочь дѣлу налогами на роскошь, низшаго качества монетой и даже свинцовой монополіей, хотя всѣмъ этимъ и не могли достигнуть многаго. Объ излюбленныхъ у насъ внутреннихъ и внѣшнихъ займахъ мы не знаемъ почти ничего достовѣрнаго. Итакъ, остаются только взносы гражданъ. Совершенно въ античномъ духѣ было то, что граждане въ народномъ собраніи приглашались къ добровольнымъ пожертвованіямъ или безпроцентнымъ ссудамъ, максимумъ или минимумъ которыхъ также нерѣдко опредѣлялись (напр., отъ 200 до 50 др.). Однако, несмотря на готовность древняго гражданина къ пожертвованіямъ (все равно, жертвовалъ ли онъ вполнѣ добровольно, или находился подъ легкимъ давленіемъ страха оказаться дурнымъ гражданиномъ), — все это приводило, очевидно, къ весьма незначительнымъ результатамъ. Итакъ, въ концѣ концовъ, оставался только прямой подоходный налогъ; но, къ чести всего древняго міра, это явленіе, столь непопулярное и въ наше время, было извѣстно только въ качествѣ исключительной мѣры на случай войны.

Подоходный налогъ. Въ основаніе этого налога положено было солоново дѣленіе на классы, пока оно существовало, хотя это дѣленіе было установлено не съ этою цѣлью; при этомъ, конечно, принимали во вниманіе не только земельную собственность, но и всѣ доходы. Эта античная система налоговъ раздѣляетъ съ новѣйшими ту особенность, что попытки ея пересмотра и передѣлки никогда не прекращаются. Существованіе этой системы извѣстно намъ съ половины V вѣка; со временъ основанія второго морского союза (378) она пріобрѣтаетъ прогрессивный характеръ. Аѳинское государство поступало совершенно въ античномъ духѣ, отклоняя отъ себя непріятный трудъ взиманія податей и обязывая 300 изъ наиболѣе богатыхъ гражданъ уплачивать государству всю сумму впередъ, которую имъ предоставлялось потомъ собирать по мѣрѣ возможности съ остальныхъ жителей, причемъ каждый производилъ сборъ въ своемъ податномъ участкѣ.

Литургіи. Стремленіе государства взвалить финансовыя обязанности всецѣло на богатыхъ гражданъ еще въ большей степени проявлялось въ особаго рода денежныхъ повинностяхъ, которыя они несли для общества, а именно въ такъ называемыхъ литургіяхъ, процвѣтавшихъ преимущественно въ Аѳинахъ. Эти литургіи были двоякаго рода: обыкновенныя, повторявшіяся каждый годъ, и экстренныя, по случаю войны. Первыя имѣли цѣлью возможно роскошную обстановку главныхъ государственныхъ праздниковъ: здѣсь богатѣйшіе граждане озабочивались устройствомъ угощенія для членовъ своей филы, равно какъ подготовкою и экипировкою молодыхъ людей своей филы, которые должны были участвовать въ состязаніяхъ (гимназіархія). Особенно дорого об-

ходилась столь характерная для Аѳинъ хорегія, т.-е. обстановка хора, преимущественно для драматическихъ представленій на Діонисіяхъ. Наконецъ, такъ наз. архиѳеоръ на собственныя средства снаряжалъ представителей своей филы для участія на иногородныхъ празднествахъ. Для нуждъ войны существовала почетная должность тріерарха, который долженъ былъ подготовить къ плаванію военное судно (сооруженное и снаряженное на государственный счетъ) и командовать имъ. Въ этой области тоже были сдѣланы попытки болѣе справедливаго распредѣленія повинностей, и, въ концѣ концовъ, благодаря Демосѳену, онѣ окончились тѣмъ, что участіе въ этихъ значительныхъ расходахъ регулировалось, сообразно съ имуществомъ.

Чтобы гарантировать гражданъ отъ несправедливыхъ тяготъ, существовало средство, такъ называемый имущественный обмѣнъ. Если одинъ гражданинъ находилъ, что другому, по его средствамъ, болѣе подобаетъ принять на себя литургію, то онъ предлагалъ этому послѣднему обмѣнъ имуществомъ, послѣ чего уже судебный процессъ рѣшалъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ взять литургію, не доводя, однако, дѣло до фактическаго обмѣна.

Нѣтъ сомнѣнія, что литургіи представляли собою явное посягательство на имущество богатыхъ гражданъ, и притомъ такое, которое намъ кажется прямо невѣроятнымъ. Такъ, напр., на трагическую хорегію расходовалось иногда до 3000 драхмъ, а на снаряженіе судна 40—60 минъ. Подобная эксплуатація государствомъ богачей подвергалась нерѣдко сильнѣйшему осужденію. Но при этомъ нужно имѣть въ виду слѣдующія два соображенія. Если мы сравнимъ безумную роскошь другихъ временъ и нашихъ дней, когда люди такъ мало способны на жертвы въ пользу государства, съ неприхотливостью аѳинянина, граничащею со скупостью, но превращающеюся въ расточительность по отношенію къ государству, то мы можемъ только принести дань удивленія этому античному идеализму, тѣмъ болѣе, что мы не въ правѣ предполагать здѣсь насильственное пронужденіе со стороны государства или хвастовство со стороны гражданъ. Съ другой стороны, жертва, приносимая гражданами въ видѣ литургіи, при условіи справедливаго распредѣленія повинностей, не являлась уже столь разорительною, если принять въ разсчетъ общее экономическое положеніе того времени.

Экономическія условія.

Въ области экономической, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, произошелъ крупный переворотъ, сказавшійся, главнымъ образомъ, въ томъ, что сельское хозяйство отошло на второй планъ. Только въ Спартѣ, гдѣ никогда не исчезало типичное для грека презрѣніе къ такъ называемому „ремесленному“ труду, опорой государственныхъ финансовъ продолжала быть земельная собственность, обрабаты-

ваемая илотами, и особенно земля побѣжденныхъ мессенцевъ. Поэтому-то въ IV вѣкѣ ей пришлось пережить тяжелыя времена, когда она потеряла Мессенію, и населеніе терпѣло такую нужду, что многіе не были въ состояніи уплачивать свои взносы для общихъ обѣдовъ, такъ называемыхъ „сисситій“ (ср. стр. 82).

Въ другихъ гасударствахъ, главнымъ образомъ въ Аѳинахъ, какъ уже сказано было выше, населенію приходилось пользоваться привознымъ хлѣбомъ. Здѣсь процвѣтали торговля и промышленность. Въ противоположность господствующимъ кастамъ Востока, аѳиняне вообще не пренебрегали ремесленнымъ трудомъ, такъ какъ убѣждались въ необходимости его, но, тѣмъ не менѣе, они не совсѣмъ утратили общегреческаго нерасположенія къ этой дѣятельности. Такое отношеніе не позволяло имъ, особенно въ началѣ нашего періода, тратить свои лучшія силы на промышленность и достигнуть въ ней такого совершенства, какого можно было бы ожидать отъ аѳинянъ, въ виду ихъ природной способности и къ этой отрасли человѣческой дѣятельности. Торговля поэтому, которая къ тому же сулила болѣе значительные барыши, пользовалась бо́льшею популярностью, чѣмъ промышленность.

164. Сборъ оливъ.
Рисунокъ на амфорѣ изъ Орбетелло (Берлинскій музей).
Ber. d. Sächs. Ges. d. Wiss. 1867.

Торговля.

Дѣйствительно, бо́льшая часть жителей Аттики получала богатый доходъ, занимаясь сухопутною и морскою торговлею, а также отдавая въ заемъ деньги. Здѣсь уже начинаетъ развиваться нѣчто въ родѣ свободной торговой организаціи, хотя широкое развитіе и характерныя особенности ея наблюдаются лишь въ послѣдующій періодъ. Необходимость подобныхъ союзовъ ощущалась тѣмъ болѣе, что въ то время торговыя дѣла велись лично и довольно примитивнымъ образомъ; купецъ долженъ былъ самъ сопровождать свои товары. Если, съ одной стороны государство ограничивало торговлю различными запретительными законами и учрежденіями, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы обезпечить городу необходимое количество хлѣба,—то, съ другой стороны, оно и поощряло ее, въ особенности устройствомъ и обстановкою грандіознаго эмпорія, т.-е. складочнаго мѣста въ Пиреѣ, съ его длинною набережною, базарными площадями, гостиницами. храмами, обширными торговыми рядами, среди которыхъ особенно поражала такъ называемая дигма, родъ биржи, гдѣ выставлялись образчики товаровъ

всего міра. Главнымъ предметомъ ввоза являлся хлѣбъ, который, какъ и въ настоящее время, доставлялся изъ южной Россіи; съ Чернаго моря получалась и соленая рыба, служившая здоровою и дешевою пищею для бѣдныхъ; строевой лѣсъ привозился изъ горныхъ мѣстностей, расположенныхъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова; желѣзо и мѣдь изъ Евбеи и Кипра, лучшія вина изъ Лесбоса и Хіоса, тонкіе шерстяные товары изъ Малой Азіи, пряности изъ Кирены. Предметами вывоза служили лишь немногіе продукты страны. Мраморъ и серебро, вѣроятно, больше употреблялись въ самой странѣ; самымъ важнымъ вывознымъ продуктомъ было масло (рис. 164, 165); великій Платонъ, говорятъ, доставлялъ масло даже въ Египетъ. Кромѣ того, вывозились смоквы и медъ и, наконецъ, предметы аоинской промышленности.

165. Чернофигурныя изображенія на амфорѣ изъ Цере.
Ber. d. Sächs. Ges. d. Wiss. 1867.

Передъ сборомъ. Надпись гласитъ: Ὦ Ζεῦ πάτερ, αἴθε πλούσιος γεν(οί)μαν: „О, отецъ Зевсъ, дай мнѣ разбогатѣть". Очевидно здѣсь оливковое масло выжимается черезъ воронку въ небольшой сосудъ на пробу.

Послѣ сбора. Надпись гласитъ: ἤδη μέν, ἤδη πλέον (ἀ)π' ἄρα βέβακεν: „уже, уже сборъ оказался болѣе обильнымъ". Сидящій юноша показываетъ на полную амфору и, повидимому, на пальцахъ считаетъ доходы передъ счастливымъ товарищемъ, стоящимъ противъ него.

Биржевая спекуляція

Въ скоромъ времени, на ряду съ торговлею, развились и оживленныя денежныя операціи, исходившія изъ храмовыхъ кассъ, которыя, очевидно, были первыми греческими банками. Центромъ этой биржевой дѣятельности въ разсматриваемый періодъ сдѣлались Аѳины. Банкиры или трапезиты стали постепенно посредниками всего денежнаго обращенія, ведя свои дѣла въ одиночку или коллективно; при ихъ посредничествѣ совершалась купля и продажа, они принимали вклады, причемъ пускали въ оборотъ какъ свои, такъ и чужія деньги, и зарабатывали не мало. Въ демосѳеновскій періодъ, метэкъ, начавшій свою дѣятельность безъ капитала, могъ заработать 50 талантовъ и жить затѣмъ процентами съ нихъ. При большихъ процентахъ, отъ 12 до 18%, капиталъ могъ удвоиться въ теченіе 6 лѣтъ. Довольно характерно, что этимъ видомъ торговли занималось большое количество метэковъ,

которыхъ въ цвѣтущій періодъ насчитывалось до 10000 въ Аѳинахъ. Этимъ метэкамъ была почти всецѣло предоставлена мелочная торговля, считавшаяся низменнымъ дѣломъ, а также и питейная торговля, которая въ это время не имѣла еще особеннаго значенія. Многія женщины занимались также базарною торговлею и играли на греческихъ рынкахъ свою характерную роль.

166. КУЗНЕЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ. Mon. d. Inst. IX.

ЧЕРНОФИГУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВАЗѢ ИЗЪ ОРВІЕТО.

Молодой рабочій въ вѣнкѣ держитъ на наковальнѣ раскаленный кусокъ желѣза, взятый имъ изъ плавильной печи (слѣва); другой кузнецъ замахивается молотомъ, чтобы ударить. Двое мужчинъ съ палками и одѣтые въ гиматіи, въ противоположность работающимъ около огня, обнаженнымъ кузнецамъ, могутъ быть приняты за посѣтителей мастерской. Можетъ-быть, одинъ изъ нихъ, который какъ будто даетъ указанія протянутою рукою,—владѣлецъ мастерской. На стѣнѣ виситъ одежда или платокъ, кромѣ того, принадлежности и издѣлія мастерской, какъ-то: два двустороннихъ молота, ножъ (?), коловоротъ, пила, мечъ съ ножнами и кувшинъ, можетъ-быть, предназначенный для утоленія жажды. На полу лежатъ молотокъ и щипцы.

Промышленность.

Рядомъ съ торговлею въ этотъ періодъ процвѣтала и промышленность; Аѳины, въ эпоху расцвѣта, прямо называются промышленнымъ государствомъ. Но здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Прежде всего, корпоративный характеръ производства не можетъ быть доказанъ. Далѣе, весьма типичнымъ для греческой жизни является то обстоятельство, что, напр., въ Аѳинахъ работники были свободные гра-

ждане, а не рабы, и потому произведенія промышленности часто отмѣчены оригинальною прелестью личнаго вкуса, и съ ними не могъ конкурировать изготовляемый рабами „фабричный товаръ". Въ IV вѣкѣ услові‍я постепенно измѣнялись, такъ какъ трудъ рабовъ къ тому времени расширился. Для нашего времени крупное производство этой эпохи, конечно, представляется еще незначительнымъ, даже когда мы встрѣчаемъ

167. САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ. Mon. d. Inst. XI.

ЧЕРНОФИГУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ СЪ ТОЙ ЖЕ ВАЗЫ, КАКЪ НА РИС. 166.

Мастеръ снимаетъ съ женщины мѣрку, вырѣзая при помощи „полумѣсяца" кусокъ кожи для подошвы. Сидящій съ другой стороны помощникъ его съ чужеземнымъ типомъ лица сгибаетъ кусокъ кожи, чтобы приладить верхнюю часть обуви къ ступнѣ женщины. Сѣдовласый мужчина, который протянутой рукой какъ бы даетъ указаніе, является или провожатымъ женщины, или владѣльцемъ мастерской. На стѣнѣ висятъ куски кожи, колодки, шила и корзина. Подъ столомъ находится посуда и, можетъ-быть, начатая сандалія.

такіе примѣры, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ болѣе 100 рабочихъ служили одной фирмѣ. Со временемъ, благодаря промышленности, установилось равновѣсіе между вывозомъ и весьма значительнымъ ввозомъ. Особенное значеніе имѣло металлическое производство, изготовленіе оружія и утвари (рис. 166), равно какъ и производство глиняной посуды, требо-

вавшейся въ виду огромнаго вывоза масла (см. таблицу V). Кромѣ этого, Аѳины, какъ въ другія времена Парижъ, доставляли всему міру всякіе предметы, связанные съ утонченною культурою, какъ-то: одежду и обувь (рис. 167), благовонныя мази, книги. При такихъ условіяхъ неудивительно, что ремесленники стремились играть извѣстную роль въ государствѣ, и однимъ изъ мало отрадныхъ знаменій этого времени, къ которымъ не трудно подобрать параллели въ городскихъ управленіяхъ нашихъ дней, является тотъ фактъ, что послѣ перикловa вѣка среди ораторовъ въ народныхъ собраніяхъ и вожаковъ партій выдавались ремесленники, какъ, напр., „скорнякъ“ Клеонъ, между тѣмъ какъ антимѣщанскіе элементы населенія, одаренные болѣе широкимъ кругозоромъ, удалялись все болѣе и болѣе отъ государственной жизни.

Богатство. Такимъ образомъ, въ рукахъ крупныхъ промышленниковъ, къ которымъ принадлежали и метэки (какъ, напр., родственники оратора Лисія), скоплялись значительныя б о г а т с т в а. Все же съ современной точки зрѣнія представляется довольно незначительною та цифра, которою выражается имущество всего населенія во время Демосѳена, оцѣненное въ 6000 талантовъ (13 милліоновъ рублей).

Цѣны. Однако, при этомъ надо принять въ разсчетъ, что въ частной жизни роскошь была мало распространена, и ц ѣ н ы были еще низкія Высчитано, что содержаніе семейства изъ 4 лицъ, включая сюда пищу и одежду ихъ, стоило во времена Сократа только 140 рублей въ годъ! Правда, въ IV вѣкѣ заработная плата и цѣны значительно повысились, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ установилась золотая валюта, что случилось около средины этого столѣтія. Въ IV вѣкѣ значительно усилился и ростъ городского населенія, и, кромѣ того, возникли новые крупные центры; такъ-то теперь Мегалополь и Мессена, Сиракузы и Акрагантъ, Олинѳъ и Галикарнасъ стали большими городами, и были призваны къ новой жизни нѣкоторые старые города, напр., Ѳивы и Мегара.

Соціальные контрасты. По сравненію съ Римомъ, насъ поражаеть, какъ мало было здѣсь с о ц і а л ь н ы х ъ с т о л к н о в е н і й, вызываемыхъ контрастомъ между богатыми и бѣдными. Даже во время возстаній бѣднаго населенія, напр., возстанія Кинадона въ Спартѣ по окончаніи пелопоннесской войны, или ужасной расправы (скитализма) въ Аргосѣ (370), гдѣ отъ „палочниковъ“ погибло 1500 видныхъ лицъ,—рѣшающимъ факторомъ является страшный антагонизмъ между аристократами и демократами, но не между богатыми и бѣдными. Не менѣе характерно для греческой жизни и то, что за исключеніемъ случаевъ броженій среди илотовъ, намъ почти ничего не извѣстно о возстаніяхъ рабовъ, которыя въ Римской имперіи часто достигали угрожающихъ размѣровъ. Очевидно, греческіе рабы были далеко не такъ многочисленны и не находились въ такомъ угнетенномъ положеніи, какъ въ Римѣ.

Военное дѣло

Въ военномъ дѣлѣ измѣненіе условій, сравнительно съ средневѣковымъ періодомъ, совершалось лишь постепенно. Всецѣло сохранилась система воинской повинности въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ Спартѣ и Аѳинахъ. Наиболѣе крупнымъ переворотомъ можно считать обычай (особенно въ Аѳинахъ въ IV вѣкѣ) отправлять на войну наемниковъ. О высшихъ чинахъ рѣчь была уже выше при разсмотрѣніи системы правленія (стр. 254). Здѣсь укажемъ лишь на то, какъ мало у грековъ была разработана военная іерархія. Это видно уже изъ тѣхъ чисто-демократическихъ условій, которыми въ Аѳинахъ было обставлено вознагражденіе. Если жалованье простого рядового солдата (2 обола = 12 коп. за службу и столько же на харчи) соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ, то для насъ кажется уже необычайнымъ, что ротный командиръ (лохагъ) получалъ только въ два раза больше, а полководецъ стрятегъ—только въ четыре раза. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что все аѳинское войско, находившееся подъ предводительствомъ 10 стратеговъ и 10 таксіарховъ, насчитывало къ началу пелопоннесской войны лишь 18000 тяжеловооруженныхъ солдатъ.

168. Воинъ, на рельефѣ изъ Кревсиды въ Беотіи.
Ath. Mitt. XVII.

Вооруженіе Гоплиты.

Перемѣна въ вооруженіи заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что вѣсъ военныхъ доспѣховъ значительно уменьшился, благодаря развившейся техникѣ металлическаго производства. Укажемъ еще на то, что вооруженіе, при всемъ своемъ разнообразіи въ деталяхъ, въ это время пріобрѣло тѣ прекрасныя характерныя формы, которыя стали положительно типичными и потому продолжаютъ существовать еще въ современномъ искусствѣ. Все вооруженіе въ цѣломъ (рис. 168) было еще настолько тяжело (2 пуда), что гоплитъ при передвиженіи нуждался въ помощи посильщика, слуги или раба, тѣмъ болѣе, что, кромѣ оружія, у него была еще дорожная сумка для провизіи. Главными предметами вооруженія являлись панцырь, состоявшій изъ передней и задней части

и надѣвавшійся поверхъ шерстяной рубашки, которая перехватывалась поясомъ въ таліи, затѣмъ изъ набедренника, покрывавшаго ноги, шлема и щита. Рядомъ съ болѣе древнимъ кариѳскимъ шлемомъ, наличникъ котораго закрывалъ щеки, употреблялся и изящный аттическій шлемъ съ откиднымъ забраломъ. На ряду со стариннымъ щитомъ, имѣвшимъ форму очень удлиненнаго овала (правда, со временемъ значительно укороченнымъ), встрѣчался и дорійскій круглый щитъ, защищавшій тѣло лишь отъ подбородка до колѣнъ, но имѣвшій иногда внизу продолженіе изъ кожи. Художественныя металлическія украшенія щитовъ составляли предметъ обширной промышленности. Щиты, болѣе чѣмъ прочія части вооруженія, снабжались извѣстными знаками и девизами и связывались съ личностью воина, такъ что обладаніе и утрата щита неминуемо были сопровождаемы извѣстными нравственными чувствами. Къ нему же относится обычай уже болѣе прозаическаго характера,—употребленіе столь привычныхъ для нашего времени военныхъ знаковъ. Такъ, напр., граждане одного государства носили на щитѣ иниціалъ родного города (лакедемоняне—букву А) или изображеніе герба (аѳиняне—изображеніе совы).

Въ качествѣ наступательнаго оружія въ этомъ періодѣ служили пика, длиною въ $2^1/_2$ метра, и обоюдоострый тяжелый мечъ въ 40 сант. длины, которымъ не столько ударяли, сколько кололи.

Легковооруженные.

Хотя уже столкновенія съ легковооруженными персидскими стрѣлками должны были навести грековъ на мысль о болѣе **легкомъ вооруженіи**, но это послѣднее стало примѣняться лишь постепенно и только совмѣстно съ прежнимъ тяжелымъ вооруженіемъ гоплитовъ. Въ систематическомъ примѣненіи мы видимъ эти различные виды оружія впервые въ знаменитомъ походѣ 10000, хотя и въ пелопоннесской войнѣ они уже употреблялись. Видъ легкой инфантеріи въ бою представляли собою **пельтасты**, которые, кромѣ меча, носили одно или нѣсколько дротиковъ (метательныхъ копій), а иногда и своеобразныя копья, снабженныя кожаною петлею, при помощи которой ихъ метали; благодаря этому, движеніе пріобрѣтало большую стремительность и почти равнялось дѣйствію нашего огнестрѣльнаго оружія. Названіе свое пельтасты получили отъ маленькаго, легкаго щита, называемаго пельтой (вѣроятно, ѳракійскаго происхожденія), изящная художественная форма котораго въ разныхъ видахъ извѣстна намъ изъ многочисленныхъ изображеній амазонокъ.

Къ пельтастамъ присоединяются **собственно легковооруженные**, безъ щита и какого-либо другого оборонительнаго оружія, называемые по роду оружія „стрѣлками", „пращниками" или „дротовщиками"; къ нимъ прибавлялись иногда и „метатели камней". Характерно то, что эти отряды по происхожденію своему относились, по бо́льшей части, къ опредѣленнымъ, небольшимъ національнымъ округамъ.

Конница и въ этомъ періодѣ отстала въ своемъ развитіи вплоть до македонской эпохи. Всадники, благодаря тяжелой бронѣ, похожей на вооруженіе нѣшихъ, и тяжелому копью, были мало подвижны, и боевое значеніе ихъ было невелико. Довольно характерно и то, что служба ихъ считалась особенно безопасною. Тѣмъ не менѣе, аѳиняне очень гордились своею постоянною кавалеріею въ 1000 человѣкъ, всегда готовыхъ къ бою, и часто подвергали испытанію боевую способность какъ ихъ самихъ, такъ и лошадей ихъ. Эти всадники фигурировали, главнымъ образомъ, во время блестящихъ государственныхъ процессій, напр., на панаѳинейскихъ празднествахъ. Такъ какъ въ составъ кавалеріи входили юноши изъ знатныхъ, видныхъ семействъ, то кавалерія часто служила благопріятной почвой для аристократическихъ тенденцій. Конница.

Фортификаціонная война, въ которой отличались особенно аѳиняне, стояла въ этомъ періодѣ еще на низкомъ уровнѣ и ограничивалась лишь возведеніемъ блокадныхъ стѣнъ, противъ которыхъ осаждаемые воздвигали контрзагражденія; также и артиллерійское дѣло достигло своего полнаго развитія лишь въ эпоху эллинизма. Тѣмъ не менѣе, обозъ тяжеловооруженнаго войска былъ весьма великъ и по численности почти равнялся самому войску, такъ какъ требовались не только носильщики багажа, но и для каждаго гоплита свой оруженосецъ. Кромѣ этого въ обозѣ находились трубачи для подачи сигналовъ и глашатаи, служившіе посредниками не только для передачи приказовъ, но и для сообщеній между воюющими сторонами; здѣсь же находились прорицатели, приносившіе кровавыя жертвы передъ началомъ войны; о нихъ мы, къ слову сказать, гораздо лучше освѣдомлены, чѣмъ о военныхъ врачахъ, что довольно характерно для этой эпохи. Обозъ.

Веденіе войны въ теченіе долгаго времени основывалось на крайне несложныхъ пріемахъ. Кромѣ отыскиванія и разгрома непріятельскаго войска, задачею ея являлось еще, по древнему гомеровскому образцу, опустошеніе страны. Весьма скромную роль играли различные стратегическіе вопросы, какъ-то: искусный выборъ мѣстности и момента натиска, умѣніе застигнуть непріятеля врасплохъ, обходы, фланговыя движенія, распредѣленіе войска и пр. Тѣмъ не менѣе, передвиженія греческихъ войскъ совершались съ большою интенсивностью, несмотря на сравнительную тяжеловѣсность ихъ. Ихъ дневные переходы приблизительно въ 30 верстъ, прерываемые завтракомъ около полудня, вполнѣ соотвѣтствуютъ обычнымъ современнымъ требованіямъ. Передвиженіе часто затруднялось тѣмъ, что производилось въ боевомъ строѣ или въ неуклюжемъ карре, причемъ гоплиты и легковооруженные, разставленные со всѣхъ сторонъ, окружали находившійся въ срединѣ обозъ. Веденіе войны.

У грековъ не встрѣчается ничего похожаго на высоко развитый лагерный строй римлянъ. Если войско не оставалось въ деревняхъ Лагерь.

или городахъ, то для лагеря выбиралось мѣсто, защищенное, главнымъ образомъ, своимъ положеніемъ и охранявшееся часто лишь стражею и аванпостами. Въ продолженіе ночи, раздѣлявшейся на три смѣны, въ лагерѣ горѣли сторожевые огни. Греческое войско, въ силу своего демократическаго духа, не могло обходиться безъ мѣста для собраній, и вооруженный народъ нерѣдко организовался по образцу политической общины или даже прямо какъ таковая. Въ предобѣденные часы рынокъ передъ лагеремъ оживлялся кипучею жизнью, когда окрестное населеніе предлагало для продажи разнаго рода провизію, за которую солдаты должны были платить изъ получаемаго ими жалованья.

Сраженіе. Въ сраженіи греки вступали совершенно сомкнутымъ боевымъ строемъ, въ видѣ восьми прямыхъ рядовъ, такъ называемою фалангою, въ которую они выстраивались обыкновенно лишь при видѣ непріятеля. Легкая инфантерія помѣщалась, смотря по обстоятельствамъ, внѣ этого замкнутаго строя, такъ какъ задачею ея было самое завязываніе боя. Передъ началомъ сраженія игралъ значительную роль и религіозный моментъ, выражаясь, съ одной стороны, въ торжественномъ жертвоприношеніи, на основаніи котораго возвѣщался исходъ битвы, съ другой стороны, въ паролѣ, для котораго преимущественно выбиралось имя божества, какъ напр., при Кунаксѣ: „Зевсъ-Спаситель и Побѣда“, и, наконецъ, въ пэанѣ, распѣваемомъ воинами въ честь божества, руководящаго сраженіемъ. Передъ нападеніемъ войско воодушевлялось рѣчами, часто весьма длинными, напоминающими древнія героическія времена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствующими о силѣ слова у эллиновъ. Только у спартанцевъ сильнымъ возбудительнымъ средствомъ считалась музыка. Для приступа обыкновенно давала знакъ прямая труба. Греки, отличавшіеся большою личною храбростью, всецѣло возлагали надежды на молодецкій натискъ, и боевой кличъ ихъ (ἀλαλά, ἐλελεῦ) сдѣлался въ мірѣ не менѣе славнымъ и грознымъ, чѣмъ наше „ура“. Одною изъ тактическихъ особенностей, часто примѣнявшеюся и понынѣ еще встрѣчающеюся у русскихъ, являлся принципъ неравномѣрнаго распредѣленія силъ на обоихъ флангахъ и въ центрѣ, съ цѣлью содѣйствовать болѣе энергичному ходу борьбы. Замѣчательно при этомъ то, что обыкновенно у обѣихъ воюющихъ сторонъ правый флангъ, гдѣ находился полководецъ, заключалъ въ себѣ лучшія войска и, слѣдовательно, въ союзныхъ войскахъ считался почетнымъ мѣстомъ, почему и уступался охотно напр., спартанцамъ. Въ виду этого, существеннымъ нововведеніемъ являлся косой строй Эпаминонда, въ которомъ сильный лѣвый флангъ въ 50 рядовъ энергично сталкивался съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ прочіе отряды, выстроенные эшелонами, постепенно надвигались и на первыхъ порахъ только отвлекали его.

Самая важная задача побѣдителя, настойчивое преслѣдованіе раз-

битаго врага, была почти неосуществима благодаря составу греческаго войска и недостаточности кавалеріи. Поэтому результаты даже крупной побѣды были часто незначительны. Даже серьезныя сраженія у эллиновъ имѣли характеръ почти исключительно агонистическій. Они гордились, если имъ удавалось отстоять поле битвы и заставить противника торжественно признать свое пораженіе тѣмъ, что онъ долженъ былъ испросить позволеніе хоронить своихъ убитыхъ. Они раздавали призы за величайшіе подвиги храбрости, сооружали побѣдные трофеи изъ оружія, нагроможденнаго на шесты. Къ чести грековъ надо, однако, прибавить, что они вообще не допускали постоянныхъ трофеевъ, потому что имъ не хотѣлось увѣковѣчивать побѣды надъ единоплеменниками, чтобы не возбуждать у нихъ ненависти.

Позднѣйшее развитіе.

Крупное значеніе имѣла реформа, проведенная въ началѣ IV вѣка Ификратомъ и состоявшая въ томъ, что легковооруженнымъ, т.-е. вышеозначеннымъ пельтастамъ, была предоставлена рѣшающая роль въ битвѣ. Оборонительное оружіе было сдѣлано болѣе легкимъ, копья же удлинены на половину, длина меча почти удвоена. Эти перемѣны находились въ связи съ переворотомъ, наступившимъ въ воинскомъ наборѣ у грековъ. Послѣ ужаснаго кровопролитія въ пелопоннесской войнѣ Эллада была настолько истощена, что не могла болѣе вести свои войны при помощи собственныхъ гражданъ и должна была прибѣгнуть къ наемнымъ силамъ. Поэтому и конница обильной табунами ѳессалійской равнины пріобрѣла такое серьезное значеніе въ войскахъ царя Филиппа. Этотъ правитель содѣйствовалъ разведенію лошадей устройствомъ конскихъ заводовъ, и, такимъ образомъ, создалъ кавалерію, столь необходимую и въ настоящее время, особенно для преслѣдованія непріятеля. Благодаря своему тяжелому вооруженію, эта конница со своими полновѣсными копьями при первомъ же натискѣ представляла собою могучую силу. Къ этому времени наступленіе пѣхоты сомкнутыми рядами получило свое естественное завершеніе въ видѣ страшной македонской фаланги, въ которой всѣ стоявшіе въ первыхъ пяти рядахъ встрѣчали врага цѣлою стѣною копій (такъ назыв. сариссъ), длиною въ 14 фут. Съ помощью этихъ-то войскъ Филиппа Александръ покорилъ міръ.

Морскія войны.

Военное дѣло этого періода, сравнительно съ періодомъ греческаго средневѣковья, измѣнилось, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, что морская война пріобрѣла выдающееся значеніе. Никогда этотъ родъ войны не облекался въ столь идеальныя формы, никогда не былъ онъ до такой степени облагороженъ принципомъ агонистики, какъ у древнихъ грековъ въ періодъ расцвѣта. Причиною такого явленія служило, главнымъ образомъ, удивительное орудіе этой борьбы, тріера, которая въ Аттикѣ получила свою классическую форму и примѣненіе и въ теченіе цвѣтущаго періода не давала развиваться тяжеловѣснымъ формамъ слѣдующей

Тріеры.

эпохи. Раньше употреблялись длинныя и низкія суда съ однимъ рядомъ гребцовъ; тріера же представляла собою легкую постройку, длиною въ 40—50 м. и лишь около 5 м. ширины. 170 гребцовъ ея, составлявшихъ главную часть всего экипажа въ 200 человѣкъ, сидѣли тремя рядами, другъ надъ другомъ (рис. 169). Своими веслами различной длины они гребли въ тактъ подъ звуки флейты и равномѣрные возгласы командира и придавали своему мелко сидящему судну чрезвычайную быстроту хода и поворотливость, которыя и въ настоящее время не совсѣмъ еще понятны для нашихъ техниковъ. Двумя большими, связанными между собою веслами съ широкими лопастями управлялъ рулевой. Парусныя снасти не имѣли особеннаго значенія, такъ какъ употреблялись только во время ѣзды; при началѣ же сраженія обѣ мачты опу-

169. ТРІЕРА. РЕЛЬЕФЪ СЪ АѲИНСКАГО АКРОПОЛЯ. Rev. arch. 1883.

скались; для управленія парусами достаточно было 20 матросовъ. Не больше значенія имѣлъ и десантъ въ составѣ около дюжины солдатъ. Только въ болѣе древнемъ періодѣ сраженіе велось съ палубы; впослѣдствіи такіе случаи, даже при абордажѣ, представляли исключенія, какъ напр., передъ Сиракузами (413) въ закрытомъ портѣ. Аѳиняне, благодаря своей развитой морской техникѣ, умѣли какъ бы оживлять самое судно и отправлять его въ бой. Орудіемъ его являлся изобрѣтенный этрусками таранъ, обитый желѣзомъ, который выдавался впередъ почти надъ самой ватерлиніей. Только въ видѣ исключенія сиракузцы въ пелопеннесской войнѣ примѣняли при наступленіи два штурмовыхъ бревна, выдававшихся впередъ и въ стороны и служившихъ для охраны веселъ; ловкіе аѳиняне пользовались только тараномъ. Чтобы усилить дѣйствіе толчка, не рискуя пострадать отъ него самимъ, слѣдовало поразить непріятельскій корабль въ бокъ. Это достигалось посредствомъ двухъ наступательныхъ маневровъ, въ которыхъ аѳиняне были особенно искусны, а именно посредствомъ „обхода“ и „прохода“. При „обходѣ“ прихо-

дилось огибать носъ непріятельскаго корабля, который, въ свою очередь, конечно, тоже направлялся носомъ къ наступающему судну, и устремиться къ его боку; при „проходѣ“ же выжидался удобный моментъ, чтобы пройти вплотную мимо непріятельскаго корабля, носъ котораго угрожалъ передней части наступающаго судна, и, моментально подобравъ весла, на ходу разбить осушенныя весла противника, вслѣдствіе чего судно его становилось негоднымъ къ бою, и ему могъ быть нанесенъ окончательный ударъ. Въ цѣляхъ регулированія наступленія и отступленія военно-морская техника выработала еще „обратный натискъ“, позволяющій кораблю, не поворачиваясь, идти заднимъ ходомъ; достигалось это тѣмъ, что гребцы только толкали весла отъ себя, а не тянули ихъ на себя.

Военные порты.

Корабли, отъ которыхъ требовалась такая подвижность, конечно, отличались легкостью постройки, тѣмъ болѣе, что плавать приходилось имъ на безопасныхъ водахъ Средиземнаго моря. Но зато они могли служить лишь немного лѣтъ. Въ связи съ этимъ, у южанъ мы встрѣчаемъ обычай, который намъ представляется страннымъ. Пока тріеры не употреблялись въ дѣло, они не оставались на водѣ, а лежали на берегу подъ навѣсами, расположенными обыкновенно лучеобразно вокругъ небольшихъ круглыхъ гаваней. Этими навѣсами покрывались и каменныя, выдолбленныя и сглаженныя дорожки, по которымъ поднимались и спускались хорошо смазанные кили кораблей. Фалерскій рейдъ, открытый и потому мало пригодный для устройства подобныхъ „корабельныхъ домовъ“, со временъ Ѳемистокла былъ оставленъ флотомъ; зато въ маленькомъ, кругломъ портѣ Зеѣ впослѣдствіи помѣщалось до 200 судовъ, въ портѣ же Мунихіи и въ той части Пирея, которая назначалась для военнаго флота, находилось только приблизительно по 100 судовъ. Помимо этихъ верфей, существовали обширные арсеналы, изъ которыхъ одинъ, сооруженный Филономъ во время Демосѳена, мы можемъ точно воспроизвести благодаря сохранившейся надписи. Патріотическое чувство аѳинянина получало полное удовлетвореніе, когда онъ проходилъ широкими галлереями этихъ сооруженій и наслаждался интереснымъ зрѣлищемъ корабельныхъ снастей, которыя въ полномъ комплектѣ и порядкѣ складывались ярусами другъ надъ другомъ. Кромѣ верфей и арсеналовъ, существовали еще обширные доки для сооруженія и ремонта судовъ. Со средины V вѣка они вмѣстѣ съ гаванями защищались противъ всякаго непріятельскаго нападенія гигантскою стѣною съ башнями, которая окружала весь Пирей, причемъ часть ея, обращенная къ морю, была толщиною почти въ 8 м., часть же, обращенная къ сушѣ—въ 3 м. Двѣ, а впослѣдствіи и три „длинныя стѣны“ соединяли, въ свою очередь, весь портовый городъ съ Аѳинами и, такимъ образомъ, превращали городъ Аѳины, находящійся отъ моря на разстояніи $1^1/_2$ ча-

совъ, въ сильную морскую крѣпость. И въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Мегарѣ, встрѣчались подобныя же сооруженія.

Съ Аѳинами могли сравниться, пожалуй, Сиракузы (въ эпоху Діонисія), съ ихъ портовыми сооруженіями и сильнымъ военнымъ флотомъ, состоявшимъ больше, чѣмъ изъ 300 тріеръ. Примѣромъ геніальной проницательности царя Филиппа служитъ тотъ фактъ, что этотъ властитель горцевъ и крестьянъ, завоевавъ береговую полосу, отдѣляющую Македонію отъ моря, создалъ изъ доходовъ съ ѳракійскихъ золотыхъ рудниковъ внушительный флотъ.

Частная жизнь.

Обращаясь къ разсмотрѣнію частной жизни въ періодъ расцвѣта, замѣтимъ, что, сравнительно съ громадными успѣхами, достигнутыми греческимъ народомъ въ области духовной, частная жизнь съ своей внѣшней стороны обнаруживаетъ незначительный прогрессъ противъ древней эпохи. Только въ IV вѣкѣ, когда граждане стали уклоняться отъ государственныхъ дѣлъ, и увлеченіе войною исчезло, начинается извѣстное развитіе частной жизни, достигшей своего апогея въ эпоху эллинизма. Главною причиною этого явленія служило то обстоятельство, что раньше политическая жизнь настолько поглощала всѣ интересы, что личная жизнь должна была отступать передъ нею на заднiй планъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, это обстоятельство имѣло роковое значеніе, но для частной жизни грека оно имѣло и благодѣтельные результаты, выражавшіеся въ томъ, что богатство не играло такой роли, какъ у другихъ народовъ въ періоды ихъ расцвѣта, что и здѣсь проводились идеальные принципы, что и въ частной жизни первенствовали художественный вкусъ и пониманіе, а не излишество и роскошь.

Жилище.

Что касается частнаго жилища, то въ этотъ періодъ оно въ существенныхъ чертахъ было такимъ же простымъ, какъ и прежде. Хотя во вновь возникавшихъ портовыхъ городахъ, какъ напр., въ Пиреѣ, для построекъ представлялся больщій просторъ, чѣмъ въ старыхъ тѣсныхъ метрополіяхъ въ родѣ Аѳинъ,—тѣмъ не менѣе, греческій домъ не являетъ собою еще того типа дворца, какой изображаетъ намъ Витрувій, и который, очевидно, принадлежитъ лишь эпохѣ эллинизма. Впрочемъ, въ этой области демосѳеновское время составляетъ уже переходную ступень, что видно изъ жалобъ этого оратора на то, что богачи въ его время жили роскошнѣе, чѣмъ Мильтіадъ и Аристидъ.

Костюмъ.

Въ костюмѣ послѣ персидскихъ войнъ замѣчается положительно возвращеніе къ прежней простотѣ, особенно у мужчинъ. Послѣдніе остатки обычая щеголять пурпуровыми плащами, пестрыми хитонами и золотыми украшеніями исчезли не только передъ демократическимъ равенствомъ, которое могло усматривать въ этомъ признаки спѣси, но также передъ тонко развитымъ чувствомъ стильности, тяготѣющимъ къ

простотѣ. Вмѣсто полотна опять стала употребляться отечественная шерстяная матерія. Вмѣсто іонійскаго хитона стали носить дорійскій, доходившій только до колѣнъ и перехваченный поясомъ въ таліи. Почти единственнымъ шагомъ впередъ въ костюмѣ являлось искусство, съ которымъ греки драпировались въ верхнюю одежду, гиматій. У этого одареннаго тонкимъ художественнымъ чутьемъ народа названное искусство сдѣлалось не только средствомъ для проявленія личнаго вкуса, но и для выраженія индивидуальности (ср. статуи Софокла, Демосѳена, Эсхина). Мало того, многіе костюмы у политически развитыхъ аѳинянъ получали и политическую окраску, каковые примѣры встрѣчаются и вообще во всемірной исторіи. Напр., короткій грубый плащъ у лаконистовъ обличаетъ симпатіи ихъ къ Спартѣ, аристократическая же молодежь украшала золотомъ и пурпуромъ древній кавалерійскій плащъ, хламиду, которая и позднѣе сохраняла свое значеніе для эфебовъ. Варварскій обычай у мужчинъ носить драгоцѣнныя украшенія, который въ настоящее время, къ сожалѣнію, грозитъ возродиться,—совершенно исчезъ; только кольцо съ печатью, имѣвшее практическое значеніе, было общеупотребительнымъ.

170. ТЕРРАКОТТА ИЗЪ ТАНАГРЫ.
Съ фотографіи.
Слѣдуетъ обратить вниманіе на оригинальную манеру прикрыванія головы шляпкою, несмотря на то, что затылокъ, кромѣ того, окутанъ одеждою.

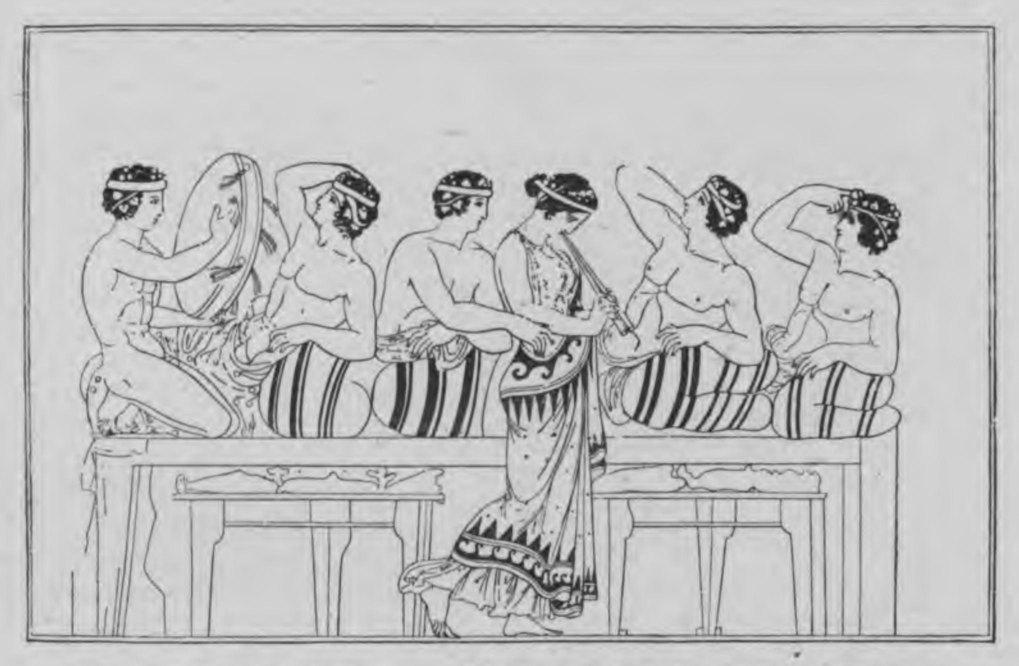
У женщинъ, конечно, отреченіе отъ пестрой одежды замѣчается не въ такой степени; особенное искусство проявляется въ изящной отдѣлкѣ платья каймою другого цвѣта. Хитонъ приближается опять къ древнему пеплосу и обнаруживаетъ большое разнообразіе формъ. Различные способы опоясыванія, двойные хитоны, разное верхнее платье, какъ показываютъ наши изображенія (рис. 170, 91 стр. 107 и табл. VII), являются уступками модѣ, если только можно назвать модою то, что никогда не бываетъ безвкуснымъ.

Прежняя условность въ прическѣ волосъ и бороды, какъ, напр., искусственные косы и локоны, въ этотъ періодъ также почти исчезла. Только спартанцы продолжали отпускать волосы, и щеголи, въ родѣ Алкивіада, выставляли на показъ цѣлую гриву кудрей. Прочіе же греки, а главнымъ образомъ аѳиняне, изящно обрѣзывали волосы, но не такъ коротко стригли, какъ практичные римляне. Вплоть до Александра Великаго цирюльники, въ видахъ эстетическихъ, сохраняли средніе размѣры для бороды, не насилуя ея въ угоду модѣ какими-нибудь вычурными формами, какъ въ настоящее время (см. рис. 160 и статуи Софокла, Демосѳена и Эсхина). Женская прическа приняла также болѣе естественныя формы сравнительно съ прежними временами; въ этой области гречанка могла самымъ различнымъ образомъ проявлять свой вкусъ, придавая своей прическѣ ту или другую форму (ср. рис. 210 и сл.). При участіи женщинъ на извѣстныхъ празднествахъ, въ убранствѣ ихъ волосъ сохранялись нѣкоторыя древнія традиціи, какъ это видно, напр., изъ каріатидъ храма Эрехѳея. Женскій головной уборъ дополняли еще ленты, діадемы, платки, сѣтки (рис. 91, стр. 107); только шляпы, этотъ опаснѣйшій субстратъ женскаго безвкусія нашихъ временъ, встрѣчались какъ и у мужчинъ, лишь въ видѣ исключенія (см. выше. стр. 103), да и то только въ самой простой и практичной формѣ (ср. рис. 170).

Ѣда. Та же простота, которой греки придерживались въ костюмѣ, наблюдается у нихъ и въ ѣдѣ. Никогда въ этомъ періодѣ трапезы не отличались излишествомъ и роскошью. Только къ выбору пищевыхъ продуктовъ для приготовленія кушаній, а особенно къ рыбѣ, ставшей любимѣйшимъ блюдомъ, греки были далеко не равнодушны. Оттого-то праздные аѳиняне, которыхъ, очевидно, было не малое количество, имѣли обыкновеніе, не въ примѣръ нашимъ нравамъ, сами закупать провизію для стола, когда рынокъ еще „начиналъ наполняться народомъ“, послѣ утра, проведеннаго въ гимназіяхъ или у друзей, или въ цирюльняхъ за „трапезою безъ вина“, или въ сапожныхъ и кузнечныхъ мастерскихъ (ср. рис. 166, стр. 268).

Симпосій. Несмотря на простоту ѣды, все же замѣтно появленіе нѣкоторой роскоши во время симпосія (пира), составлявшаго главное развлеченіе мужчинъ въ домѣ. Впрочемъ, необходимо сдѣлать оговорку, относящуюся и къ другимъ явленіямъ жизни: чѣмъ распущеннѣе жизнь массы въ эпоху матеріальнаго благосостоянія, тѣмъ благороднѣе бываетъ образъ жизни избранныхъ умовъ. Поэтому всегда рискованно говорить о „всеобщемъ упадкѣ нравовъ“. Такъ-то и симпосій въ этомъ періодѣ имѣетъ двойную физіономію. Вмѣсто тѣхъ застольныхъ обрядовъ, которые вездѣ и всегда имѣютъ нѣсколько ребяческій характеръ, вмѣсто наивныхъ застольныхъ пѣсенокъ и загадокъ, о которыхъ рѣчь была

выше (стр. 106), теперь, подъ вліяніемъ новыхъ идей, на пирахъ раздавались пышныя импровизованныя рѣчи и остроумные споры; болѣе того, просвѣщеннѣйшіе умы этого времени находили здѣсь поводъ къ самымъ глубокомысленнымъ бесѣдамъ. Такимъ образомъ, съ безсмертнымъ „пиромъ“ Платона возникаетъ новый видъ философскаго изложенія, „литература симпосіевъ“. Съ другой стороны, правда, симпосіи сопровождались разгуломъ и распущенностью, особенно въ области эротической. Вмѣсто невинныхъ старыхъ пѣсенокъ патріотическаго характера

171. Симпосіонъ. Краснофигурное изображеніе на вазѣ. По Tischbein, Anc. vases. III.

Увѣнчанные молодые люди, въ позѣ, обычной за столомъ, полулежа, расположились на обѣденномъ ложѣ, опираясь лѣвымъ локтемъ на подушки. На низенькихъ столикахъ лежатъ различныя яства. Музыкальнымъ развлеченіемъ занята флейтистка, а одинъ изъ юношей ударяетъ въ большіе бубны (ср. стр. 106).

(въ Аѳинахъ за виномъ раньше особенно охотно воспѣвались тираноубійцы), раздавались циничныя и разгульныя пѣсни. Полнымъ же банкротствомъ прежняго благороднаго пира сталъ обычай же не довольствоваться собственными силами, а прибѣгать ко всевозможнымъ наемнымъ лицамъ. Такъ, мы видимъ за пиромъ всякаго рода представленія изъ репертуара современныхъ театровъ „варіете“. Фокусники и фокусницы, не уступающіе нынѣшнимъ „артистамъ“ въ ловкости, исполняли свои акробатическіе номера при помощи зубовъ и ногъ; исполнительницы пляски съ мечами служили для возбужденія нервовъ, а балагуры старались вызвать неудержимое веселье. Но, главнымъ образомъ, здѣсь

фигурировали флейтистки и киѳаристки, ровно какъ и танцовщицы по части нравственности врядъ ли возвышавшіяся надъ гетерами, тоже иногда приглашавшимися на эти пиры. Мимоходомъ, особенно въ V вѣкѣ, на эти пиршества проникала и политика, и веселыя собранія превращались тогда въ политическіе клубы, которые представляли собою предметъ серьезнаго безпокойства для государства.

Женщины. Такъ какъ бракъ былъ прежде всего юридическимъ и политическимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ цѣлью доставленіе государству полноправныхъ гражданъ, то, въ общемъ, положеніе женщинъ вмѣстѣ съ прогрессомъ экономическаго развитія могло только ухудшиться. Какую жалкую роль играли, напр., несчастныя дочери-наслѣдницы, которыхъ ближайшій родственникъ могъ взять за себя или дать сыну въ жены съ тѣмъ только, чтобы сохранить имущество въ семьѣ! Какъ легко давался разводъ мужу, который иногда отказывался отъ него только ради приданаго! А все же и тутъ, въ противоположность неутѣшительной картинѣ аѳинской брачной жизни, набросанной намъ Аристофаномъ и представляющей собою лишь карикатуру, появляются уже въ V вѣкѣ слѣды болѣе благородныхъ отношеній. Такъ, напр., въ прекрасномъ „Домостроѣ“ Ксенофонта (Oeconomicos, т.-е. полученіи молодому супругу о веденіи домашняго хозяйства) молодой супругъ заявляетъ своей женѣ, что если она будетъ его слушаться и жить согласно его указаніямъ, то будетъ пользоваться еще большимъ авторитетомъ въ домѣ, чѣмъ онъ самъ, и не утратитъ почета и въ старости. Замѣчательною чистотою семейнаго быта, и притомъ лишенною всякой сентиментальности, дышатъ прелестныя рельефныя изображенія на аттическихъ могильныхъ памятникахъ V вѣка (рис. 256—261).

172. Женскій туалетъ. Краснофигурное изображеніе на вазѣ.
По Tischbein, Anc. vases. I.
Одна изъ любимѣйшихъ сценъ, изображаемыхъ на вазахъ. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на зонтъ, вѣроятно закрывающійся и совершенно напоминающій современные зонты.

Именно іонійское племя, которое, благодаря Аѳинамъ, наиболѣе

извѣстно намъ, держалось по отношенію къ женщинамъ восточныхъ взглядовъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе греки. У такъ называемаго эолійскаго племени женщины пользовались большимъ авторитетомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уже положеніе лесбосскихъ поэтессъ въ болѣе раннемъ періодѣ (ср. стр. 218). Также было извѣстно, что въ Ѳивахъ къ женщинамъ относились съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Аѳинахъ. А что въ Спартѣ женщины, благодаря свободному воспитанію ихъ, занимали болѣе почетное положеніе, на это мы указывали уже въ обозрѣніи ранняго періода. Правда, въ разсматриваемый періодъ какъ-разъ у нихъ мы видимъ признаки извѣстной распущенности; здѣсь даже проявляется начало опаснаго женскаго владычества, особенно въ IV вѣкѣ, когда $^2/_5$ всей земельной собственности принадлежали женщинамъ, и дочери-наслѣдницы могли завѣщать имущество по своему усмотрѣнію. Интересное явленіе представляютъ собою также послѣдовательницы пиѳагорейскаго союза въ нижней Италіи, — если только принципы ихъ, засвидѣтельствованные писателями позднѣйшихъ эпохъ, дѣйствительно восходятъ къ IV вѣку. Эти принципы предписывали женщинамъ соблюдать простоту нравовъ, свято чтить бракъ и дѣлать счастливыми своихъ мужей.—Рядомъ съ этимъ все беззастѣнчивѣе развивался гетеризмъ. Правда, не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующаго обстоятельства: хотя античность и можно упрекнуть въ томъ, что, за исключеніемъ извѣстныхъ поэтессъ, изъ всѣхъ женщинъ чаще всего упоминались такія, какъ Лаида, Фрина и пр., но дѣло въ томъ, что античные люди вообще и во всемъ были чрезвычайно откровенны, и—большой вопросъ, выше ли стоитъ нравственный уровень въ такія времена, когда о подобныхъ вещахъ принято умалчивать. Кромѣ того, знакомство благороднѣйшихъ людей со многими гетерами объясняется еще тѣмъ, что жены, ограниченныя тѣснымъ домашнимъ кругомъ и даже тамъ не допускавшіяся къ утѣхамъ симпосіевъ, проводили свою жизнь если не за домашними работами, то передъ зеркаломъ (рис. 173), удовлетворяя пустой страсти къ нарядамъ (рис. 172), и поэтому не могли давать мужьямъ той умственной пищи, которую давали гетеры, выросшія въ болѣе свободныхъ условіяхъ и часто обладавшія глубокимъ знаніемъ жизни,—какъ, напр. благородная Аспазія, подруга великаго Перикла. Гораздо болѣе предосудительной, нежели гетеризмъ, является любовь между мужчинами и маль-

173. Греческое зеркало. (см. стр. 105). Archäol. Zeit. 37.

174 a. ВОСПИТАНІЕ ЮНОШЕСТВА. КЕРАМИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА НАРУЖНОЙ СТОРОНѢ ЧАШИ ДУРИДА.

Слѣва учитель (киѳаристъ) учитъ мальчика игрѣ на лирѣ и показываетъ ему, какъ слѣдуетъ ударять лѣвою рукою по струнамъ, чтобы сопровождать пѣніе игрою на лирѣ. Другой учитель держитъ свитокъ, на которомъ можно прочесть начало гимна („Муза моя! про Скамандра текучаго пѣть начинаю"...), текстъ котораго стоящій передъ нимъ мальчикъ, скрóмно задрапированный въ свой гиматій долженъ ему сказать наизусть. Справа, вѣроятно, сидитъ почтенный педагогъ, рабъ, сопровождавшій мальчика въ школу (см. стр. 111). На стѣнѣ висятъ еще двѣ семиструнныя лиры (см. выше, стр. 112) съ лентою, корзина съ ручкою для храненія книжныхъ свитковъ, футляръ для свитковъ съ привѣшеннымъ этикетомъ (?) и, наконецъ, двѣ чаши.

174 б.

Слѣва учитель наигрываетъ для мальчика на двойной флейтѣ, уча его пѣнію (объ обученіи игрѣ на флейтѣ [см. выше, стр. 113], которое практиковалось въ Аѳинахъ очень недолго, очевидно, нечего и думать, такъ какъ у мальчика нѣтъ своего инструмента). Другой учитель собирается исправлять работу въ такъ называемомъ триптихѣ (см. выше, стр. 110, рис. 94), переданную ему ученикомъ. Справа опять сидитъ педагогъ. На стѣнѣ висятъ футляръ для флейтъ, перевязанная письменная доска, семиструнная лира и крестообразный предметъ неизвѣстнаго употребленія.

чиками, которая все болѣе и болѣе утрачивала свою идеальную сторону и погрязала въ развратѣ.

Воспитаніе.

Ко времени пелопоннесской войны въ воспитаніи юношества наступилъ громадный переворотъ. Простая воспитательная система болѣе древней эпохи (ср. стр. 111 сл.), обнимавшая чтеніе, письмо, счетъ, гимнастику, немного музыки и знакомство съ Гомеромъ и другими поэтами (рис. 174),—не удовлетворяла болѣе высшихъ слоевъ населенія. Хотя на первомъ планѣ ставилось гармоничное развитіе личности, какъ этого требуютъ вожди также и современной педагогической полемики, но отъ преимуществъ обширнаго образованія люди уже не могли болѣе отказаться. Удивительно при этомъ, что государство, обыкновенно налагавшее свою руку на всѣ области жизни, въ этомъ періодѣ еще не имѣло непосредственнаго вліянія на воспитаніе, особенно въ сферѣ духовной (исключеніе составляла Спарта, хранившая болѣе другихъ городовъ прежнія традиціи). Полное развитіе „эфебіи“, обставлявшейся повсюду въ Элладѣ съ чрезмѣрной торжественностью и весьма поощряемой государствомъ, принадлежитъ также лишь позднѣйшему періоду. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области постепенныя реформы были весьма значительны, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вѣра въ боговъ послѣ персидскихъ войнъ все болѣе и болѣе стала утрачиваться, и вмѣсто нея вѣра въ силу знанія и могущество рѣчи совершенно заполонили умы. Появленіе софистовъ, которые выступали въ новыхъ областяхъ знанія какъ желанные хорошо вознаграждаемые учителя, но часто возбуждали противъ себя и вражду и преслѣдованіе, а также и реакцію въ лицѣ Сократа,—мы опишемъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же укажемъ лишь на отдѣльные предметы образованія. Кромѣ ораторскаго искусства, софисты учили своихъ учениковъ ариѳметикѣ и геометріи. Преподаваніе распространялось даже на нѣкоторыя техническія области, особенно такія, которыя могли пригодиться впослѣдствіи молодымъ гражданамъ. Такъ, напр., существовали учителя тактическихъ и стратегическихъ наукъ, а въ числѣ гимнастическихъ упражненій процвѣтала гопломахія, умѣнье обращаться съ оружіемъ. Но эти занятія не наносили ни малѣйшаго ущерба литературно-гуманитарному образованію. Съ чтеніемъ Гомера, Гесіода, Ѳеогнида и другихъ поэтовъ связывались грамматическіе, лингвистическіе и моральные комментаріи, и къ чести эллинскаго образованія служитъ то, что еще въ концѣ этого періода такой человѣкъ, какъ Александръ Великій, въ чтеніи простой и возвышенной поэзіи Гомера умѣлъ находить не только удовольствіе и успокоеніе, но и образцы для подражанія.

Гимназіи.

Знаменательнымъ въ смыслѣ духовнаго развитія является то обстоятельство, что въ **гимназіяхъ**, которыя первоначально служили тѣлеснымъ упражненіямъ, но со своими колоннадами, банями, бассей-

нами и экседрами все болѣе и болѣе превращались въ комплексы роскошныхъ зданій и позднѣе становились даже центрами общественной жизни,— что въ этихъ гимназіяхъ стали теперь появляться философы; они поучали юношество въ формѣ свободныхъ, непринужденныхъ бесѣдъ и доставили двумъ знаменитымъ аѳинскимъ гимназіямъ то значеніе, которое и въ настоящее время связано съ ихъ именами—„Академіи“ и „Лицею“.

Не мало характеризуетъ Грецію и то, что роскошь въ ней появилась прежде всего при погребеніи умершихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, законодательныя мѣры Солона, равно какъ и все возрастающее число надписей, запрещающихъ роскошь. Къ концу разсматриваемаго періода, очевидно подъ вліяніемъ Востока, и греки начинаютъ воздвигать пышные могильные памятники. Такъ, напр., могила Исократа, кромѣ плиты съ изображеніями, была украшена колонною въ 30 локтей и могильною сиреною семи локтей вышины. Въ это время и государство оказывало почести своимъ умершимъ, устраивая въ военное время ежегодно грандіозныя похоронныя торжества въ честь павшихъ воиновъ. При этомъ право произносить надгробное слово считалось высокою честью, и такой человѣкъ, какъ Периклъ, сумѣлъ такимъ образомъ воздвигнуть величавый памятникъ въ прославленіе отечества, какъ объ этомъ намъ сообщаетъ Ѳукидидъ. Погребеніе.

Весьма знаменательнымъ для значенія государства былъ, какъ мы видѣли, тѣсный союзъ его съ религіею. Правда, оно охраняло лишь святыни и культъ государственныхъ боговъ; стѣснять свободу совѣсти оно не могло, такъ какъ опредѣленныхъ догматовъ не существовало. Единичные же случаи преслѣдованія судомъ за подрывъ государственной религіи представляются совершенно ничтожными, сравнительно съ многочисленными процессами противъ еретиковъ въ христіанское время, и едва ли обратили бы на себя вниманіе, если бы среди нихъ не оказалось дѣло Сократа (см. ниже о Сократѣ). Но уже съ начала этого періода религіозная потребность у болѣе чуткихъ людей не удовлетворялась государственною религіею. Несмотря на все возраставшую роскошь храмовъ, количество подношеній богамъ, блестящую обстановку праздниковъ съ процессіями, жертвами и играми,—въ срединѣ V вѣка, съ появленіемъ ученія софистовъ, замѣчается большое охлажденіе къ государственной религіи, которое стало охватывать широкіе слои общества; въ эту эпоху просвѣтительныхъ вѣяній, какъ мы видѣли, появились даже попытки всецѣло замѣнить религію новыми культурными идеалами и совершенно отвернуться отъ всего божественнаго (ср. стр. 22). Религія.

Стремленіе къ болѣе глубокому пониманію вѣры на первыхъ порахъ часто лишь открывало новыя свойства прежнихъ боговъ; по ихъ различныя прозвища, раскрывающія новое моральное ихъ значеніе, Божества.

нерѣдко измѣняли для вѣрующаго основной характеръ божества. Нѣкоторыя божества, культъ которыхъ переносился въ отдаленныя страны, пріобрѣтали на чужбинѣ новыхъ почитателей. Это особенно относится къ Асклепію, къ которому обращались чаянія новаго Мессіи. Чисто-эллинскій характеръ его культа сказывался въ томъ, что въ немъ сочетались понятія религіознаго искупленія и физическаго исцѣленія, такъ что храмы этого божества, особенно храмъ въ Эпидаврѣ (ср. рис. 7), становились, вмѣстѣ съ тѣмъ центрами врачебнаго искусства, какъ уже выше было сказано (стр. 124). Точно также возродился культъ героевъ, коренившійся въ древнихъ вѣрованіяхъ о демоническихъ свойствахъ души; даже историческимъ лицамъ оказывались почти божескія почести, какъ это впервые случилось въ Аѳинахъ по отношенію къ тираноубійцамъ. Первый грекъ, который заставлялъ почитать себя какъ бога, былъ надменный побѣдитель Аѳинъ, Лисандръ. Впрочемъ, въ свободной Греціи подобныя явленія оставались единичными, пока эллинистическая эпоха не довела обожествленія правителей до обыденнаго явленія. Постепенно также замѣчалось вторженіе чужихъ божествъ въ Грецію; но широкое распространеніе ихъ относится лишь къ эпохѣ Александра Великаго, и именно благодаря этой чертѣ слѣдующій за нею эллинистическій вѣкъ становится подготовительнымъ періодомъ для христіанства. При этомъ культъ чужеземныхъ божествъ не всегда ограничивался тѣснымъ кругомъ иностранцевъ и ихъ друзей, соединявшихся въ своего рода братства, но иногда онъ даже принимался подъ эгиду государства. Для религіозныхъ воззрѣній эллина весьма характерно, что онъ легко приравнивалъ чужія божества къ собственнымъ или даже всецѣло отожествлялъ ихъ. Такимъ образомъ, и родные религіозные образы получали новое, извнѣ навѣянное значеніе: это относится особенно къ Діонису. Изъ чужихъ божествъ ѳракійскія, повидимому, первыя встрѣтили сочувственный пріемъ у аѳинскаго народа, такъ что уже во времена Платона государство устраивало праздники въ честь богини Бендиды. Вмѣстѣ съ ѳракійскими божествами, проникли въ Грецію и малоазіатскія; такъ, напр., уже около средины V вѣка въ Аѳинахъ появился такъ называемый „метрагиртъ“, одинъ изъ тѣхъ нищенствующихъ монаховъ, которые почитали азіатскую Великую Матерь-Природу, и о которыхъ рѣчь впереди. Правда, онъ былъ убитъ аѳинянами; но уже во времена Демосѳена почитатели Сабазія открыто справляли на улицахъ свой дикій, ребяческій культъ. Лишь къ концу этого періода культъ семитическихъ и египетскихъ боговъ началъ вводиться болѣе настойчиво, благодаря стараніямъ иностранцевъ, причемъ особеннымъ почетомъ среди иноземныхъ божествъ на греческомъ Олимпѣ пользовались впослѣдствіи египетскія.

Мистицизмъ. Для настоящей эпохи было важно не столько имя божества, сколько

особенности его культа. Люди старались вызвать подъемъ духа при помощи очищенiя,—правда, нерѣдко понимаемаго чисто-формальнымъ образомъ. Теперь наступило время тайныхъ культовъ, мистерiй (ср. стр. 22, 118 и сл.). Съ этимъ названiемъ обыкновенно связываютъ весьма различныя представленiя. Слѣдуетъ, однако, различать два вида мистерiй: на однѣ допускались всѣ вѣрующiе, другiя назначались для небольшихъ замкнутыхъ обществъ; однѣ объединялись серьезнымъ нравственнымъ принципомъ, другiя часто представляли собою не что иное, какъ убѣжища, въ которыхъ происходили оргiастическiя „радѣнiя", а иногда и проявленiя самой низменной чувственности.

Среди мистерiй и теперь первое мѣсто принадлежало элевсинскимъ особенности которыхъ были охарактеризованы выше (стр. 120). Высшiй расцвѣтъ ихъ относится уже къ V вѣку. Когда персидское могущество грозило уничтоженiемъ всей Элладѣ, греки поневолѣ стали заглядывать въ свой внутреннiй мiръ и, въ виду почти неизбѣжной гибели государства, болѣе чѣмъ когда-нибудь искать утѣшенiя въ представленiяхъ о загробной жизни. Но и послѣ персидскихъ войнъ блескъ аѳинскихъ религiозныхъ культовъ не утратилъ своей привлекательности для населенiя прочей Эллады. Пока Аѳины были въ силѣ, элевсинскiя мистерiи, очевидно, сохраняли для грековъ свое неотразимое обаянiе. Рядомъ съ ними появились въ IV в. самоѳракiйскiя мистерiи съ ихъ таинственными культами загадочнымъ Кабирамъ, между тѣмъ какъ культъ Исиды съ его по бо́льшей части немногочисленными обществами вѣрующихъ скорѣе принадлежалъ слѣдующему перiоду.

Кромѣ мистовъ, упомянемъ еще объ орфикахъ, извѣстныхъ Орфики. намъ еще изъ перiода греческаго средневѣковья; они сохранили свою нравственную чистоту, можетъ-быть, вслѣдствiе своей близости къ пиѳагорейцамъ. Вполнѣ отличаясь отъ мистовъ въ тѣсномъ смыслѣ, они требовали аскетическаго образа жизни, главнымъ образомъ, воздержанiя отъ мясной пищи, стремясь, такимъ образомъ, достигнуть полнаго очищенiя отъ наслѣдственнаго грѣха и порвать окончательно со всѣмъ земнымъ. Однако, у орфеотелестовъ и метрагиртовъ, собиравшихся въ маленькiе тайные союзы и нравственно и духовно находившихся на болѣе низкомъ уровнѣ, мысль о подобномъ очищенiи понималась только поверхностно. У нихъ существовало множество смѣшныхъ обычаевъ, раскаянiе же и нравственное возрожденiе встрѣчалось лишь у болѣе богатыхъ натуръ. Много говорилось о безнравственной жизни этихъ нищенствующихъ монаховъ, странствовавшихъ со своими ослами, нагруженными всякими священными предметами. Собственно говоря, дальнѣйшее развитiе этого обычая и вырожденiе его принадлежатъ слѣдующему перiоду, равно какъ и многочисленныя корпорацiи. группировавшiяся обыкновенно около какого-нибудь религiознаго знамени.

Суевѣріе. Въ общемъ, и въ Греціи можно наблюдать, что чѣмъ менѣе народная масса способна вѣрить въ существованіе самихъ боговъ, тѣмъ болѣе она подпадаетъ подъ власть дикаго суевѣрія. Такія вѣрованія, какъ, напр., страхъ передъ демонами, преслѣдующими человѣка посредствомъ дурного глаза и другихъ пагубныхъ воздѣйствій, встрѣчаются еще и въ настоящее время у южанъ. Благодаря этому суевѣрію, хитрые иностранцы находили здѣсь все большую и большую наживу, выступая въ качествѣ заклинателей и колдуновъ, подобно современнымъ знахаркамъ и лѣкарямъ, между тѣмъ какъ еще въ періодъ пелопоннесской войны одна женщина, занимавшаяся любовными чарами, была присуждена къ смертной казни какъ лицо, вредное для общества.

Мантика. Мантика тоже опускалась все ниже и ниже, занимаясь всѣми мелочными дрязгами обыденной жизни. Поэтому толкователи сновъ пріобрѣли большое значеніе въ позднѣйшій періодъ эллинской исторіи, и не удивительно, что сохранившіеся для насъ (упомянутые выше на стр. 124) ребяческіе вопросы, обращенные къ Додонскому оракулу, принадлежатъ къ IV и III вѣкамъ.

О великомъ значеніи Дельфійскаго оракула намъ приходилось обстоятельно говорить выше (стр. 124 и сл.). Здѣсь укажемъ лишь на тотъ замѣчательный фактъ, что оракулъ этотъ сумѣлъ со временемъ еще возвысить свой престижъ, несмотря на то, что въ персидскихъ войнахъ онъ сначала былъ на сторонѣ національнаго врага. Правда, нельзя отрицать того, что и въ нашемъ періодѣ онъ подчинялся вліянію власть имѣющихъ, главнымъ образомъ, Спарты, и что еще Демосѳенъ не безъ основанія могъ упрекнуть пиѳію въ заискиваніи передъ Филиппомъ. Но, тѣмъ не менѣе, оракулъ этотъ во всѣ времена держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Сцена. Благороднѣйшею формою празднествъ въ честь боговъ являлся, какъ мы видѣли, агонъ (состязаніе); лучшимъ же расцвѣтомъ его, развившимся до полнаго блеска лишь къ началу этого періода,—была драма, т.-е. тотъ видъ музическаго агона, который лишь въ своихъ начаткахъ относится къ болѣе древней эпохѣ. Поэтическія особенности драмы будутъ разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же укажемъ лишь на внѣшнія условія, при которыхъ этотъ оригинальнѣйшій родъ поэзіи, благодаря Аѳинамъ, сдѣлался достояніемъ человѣчества. Если сравнить массовое драматическое производство нашихъ дней, ослѣпительный блескъ сценической обстановки, потрясающій всѣ чувства и, въ концѣ концовъ, притупляющій ихъ, съ греческою драмою, то эта послѣдняя можетъ показаться поверхностному наблюдателю поистинѣ отсталою. Во всякомъ случаѣ, греки, столь неудержимо стремившіеся впередъ въ области политической, обнаруживали здѣсь изумительную сдержанность, которую мы, однако, должны будемъ признать мудрою умѣренностью, когда убѣдимся

какое потрясающее дѣйствiе достигалось столь простыми средствами, и какимъ величiемъ было проникнуто также и это проявленiе греческаго художественнаго творчества.

Прежде всего замѣтимъ, что драматическiя представленiя были рѣдкимъ удовольствiемъ, ожидавшимся съ напряженнымъ нетерпѣнiемъ; никогда они не служили обыденнымъ развлеченiемъ для среднихъ классовъ, какъ въ наше время. Въ V вѣкѣ, при расцвѣтѣ ихъ, это были въ Аѳинахъ религiозныя празднества въ честь Дiониса, но и позже они сохранили характеръ чрезвычайныхъ праздничныхъ развлеченiй. Изъ аттическихъ празднествъ въ честь Дiониса, такъ называемыя „сельскiя Дiонисiи", справлявшiяся осенью во время сбора винограда въ отдѣльныхъ селахъ и очевидно положившiя начало драмѣ, имѣли лишь мѣстное значенiе. На „ленейскомъ" же праздникѣ „винодѣльнаго пресса" и, главнымъ образомъ, на установленныхъ Писистратомъ Великихъ Дiонисiяхъ, происходившихъ въ мартѣ мѣсяцѣ,—удовлетворялась потребность въ зрѣлищахъ для всего населенiя Аттики. Представленiя.

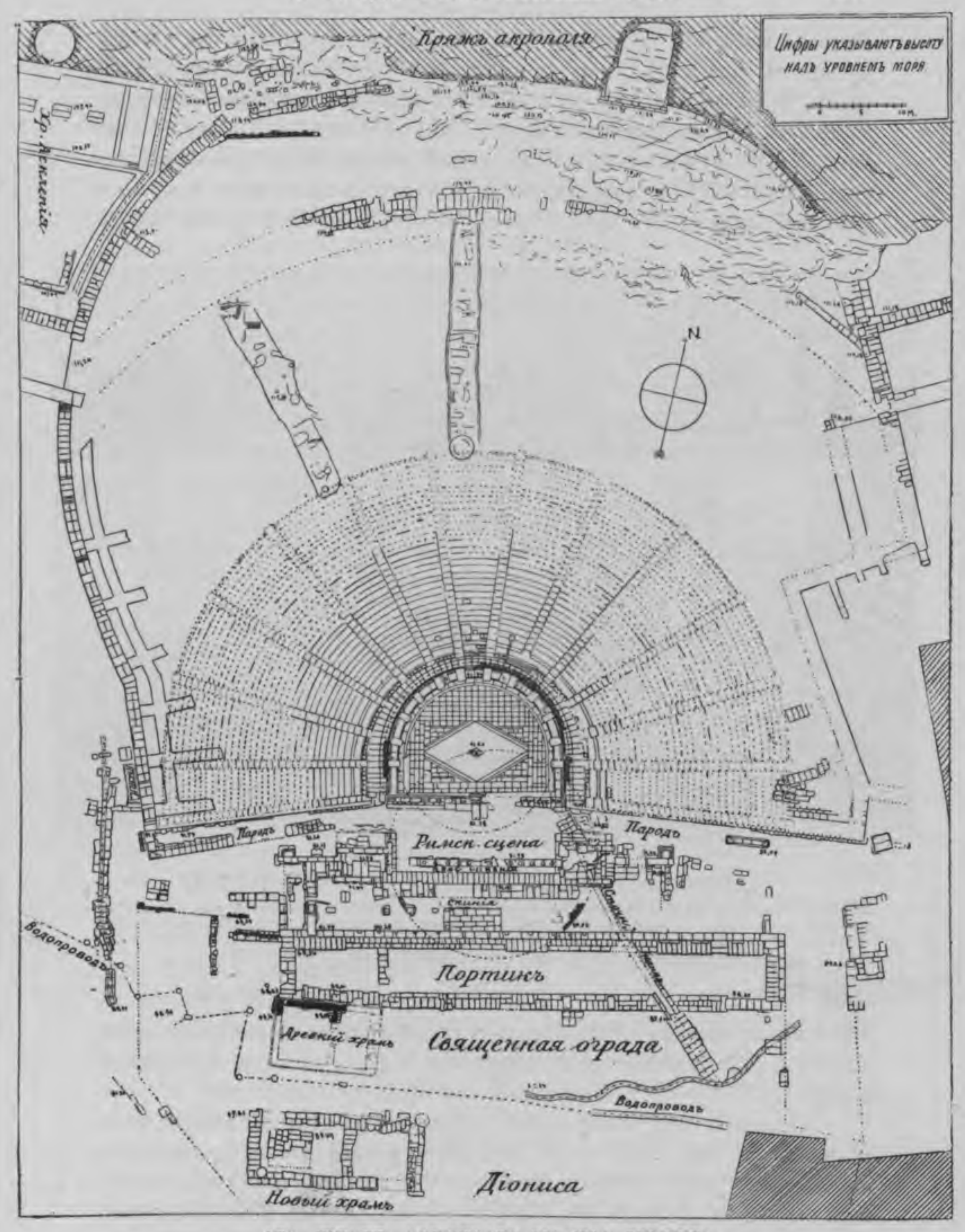
Рядомъ съ религiознымъ элементомъ, который (какъ будетъ сказано ниже) сохранился до извѣстой степени и въ содержанiи драмы, въ этой послѣдней также и принципъ агона получилъ свое высшее художественное выраженiе. На Великихъ Дiонисiяхъ происходило состязанiе между тремя тетралогiями, разыгрываемыми въ теченiе трехъ дней. „Литургiю" по этому дѣлу государство поручало троимъ изъ наиболѣе богатыхъ гражданъ (см. выше стр. 264). Въ качествѣ хореговъ, т.-е. собственно „предводителей хора", эти лица заботились о наборѣ хора, о блестящихъ костюмахъ его и разучиванiи ролей. Хоръ, группировавшiйся вокругъ своего корифея, насчитывалъ въ трагедiи 12 (а со временъ Софокла 15) человѣкъ, въ комедiи же количество членовъ хора доходило до 24. Для каждаго поэта, сдѣлавшаго заявленiе, архонтъ по жребiю назначалъ хорега и трехъ актеровъ, которыми даже въ цвѣтущiй перiодъ ограничивался драматическiй персоналъ; такимъ же путемъ назначались и пять судей. Совершенно въ античномъ духѣ (не въ примѣръ современнымъ условiямъ) является независимость драматическаго творчества отъ соображенiй матерiальнаго успѣха, такъ какъ и поэтъ и актеры получали свой, вѣроятно, весьма скромный гонораръ отъ государства. Какъ бы ни расходовался хорегъ (въ 411 году трагическое представленiе стоило 3000 др. или 1300 р.), сколько бы времени и усилiй ни прилагали поэтъ, актеры и хоревты къ изученiю своихъ ролей,— единственною наградою оставался побѣдный вѣнокъ, честь полученiя котораго распространялась на хорега, поэта, перваго актера или протагониста и, наконецъ, на всю филу побѣдителей. Эта честь, въ концѣ концовъ, стоила хорегу еще новыхъ расходовъ, такъ какъ онъ долженъ былъ поставить бронзовый треножникъ, доставшiйся въ видѣ приза по-

бѣдоносной филѣ, съ монументальнымъ пьедесталомъ на „улицѣ треножниковъ“, которая вела отъ Пританея, огибая восточную сторону Акрополя. Зато подобная побѣда, доставшаяся какой-нибудь новой драмѣ и по приговору всѣхъ аѳинскихъ гражданъ, столь компетентныхъ въ дѣлѣ искусства, и часто при участіи избраннѣйшихъ умовъ всей Греціи,—въ сущности имѣла значеніе грандіознѣйшей художественной критики, единственной въ мірѣ. Какими жалкими представляются, въ сравненіи съ ней, интриги какой-нибудь клики на нашихъ первыхъ представленіяхъ! Мы знаемъ вѣдь, что благодаря просвѣщенному духу Перикла каждый гражданинъ пользовался безплатнымъ доступомъ на эти зрѣлища. Вначалѣ, надо думать, безплатный входъ полагался лишь для жрецовъ, высшихъ сановниковъ и другихъ именитыхъ гостей, занимавшихъ мѣста на каменныхъ почетныхъ креслахъ близъ самой орхестры; но со временъ Перикла входная плата, взимавшаяся со всѣхъ въ размѣрѣ двухъ оболовъ, возвращалась гражданамъ обратно въ качествѣ такъ называемаго theorikon (см. выше, стр. 260).

Театральное зданіе.

Весьма постепенно совершенствовались тѣ сценическія сооруженія, которыя кажутся намъ необходимыми для театральныхъ представленій. И въ этой области нельзя не удивляться простотѣ вкуса аѳинянъ, которые такъ мало придавали значенія внѣшней обстановкѣ, и лишь подъ давленіемъ извѣстныхъ условій перешли отъ временныхъ подмостковъ къ простому практическому разрѣшенію представившейся имъ задачи.

Древнѣйшею изъ трехъ частей, составлявшихъ греческій театръ, была орхестра, т.-е. первоначально круглая площадка для плясокъ почитателей бога; впослѣдствіи на ней помѣщался особый хоръ изъ опытныхъ пѣвцовъ, такъ называемыхъ хоревтовъ, стоявшихъ кругомъ жертвеннаго алтаря Діониса (thymele), который сохранялся еще долгое время. Съ того момента, когда въ драмѣ зародился діалогъ (см. ниже), между однимъ изъ хоревтовъ (вначалѣ, вѣроятно, самимъ поэтомъ) и корифеемъ хора,—съ тѣхъ поръ явилась необходимость въ палаткѣ (σκηνή) для переодѣванія актера; возможно, что этотъ послѣдній взбирался иногда также на жертвенный столъ, чтобы рѣчь его была слышнѣе. Изъ подобныхъ элементовъ создалась сцена. Медленность, съ которою происходилъ процессъ этого развитія, завершившійся лишь къ концу классическаго періода (отдѣльные фазисы этого развитія устанавливаются лишь теперь благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ и сопровождаются сильнымъ споромъ ученыхъ) служитъ доказательствомъ того, какъ мало значенія придавалось этой внѣшней обстановкѣ, сравнительно съ чисто-художественными вопросами. Важнѣйшимъ шагомъ впередъ была замѣна той палатки заднею кулисою, отдѣлявшею актеровъ во время переодѣванія отъ публики. Передъ этой кулисою (ср. рис. 176) играли актеры, причемъ,

175. ПЛАНЪ АѲИНСКАГО ТЕАТРА ДІОНИСА.

Изъ священной территоріи Діониса, къ которой принадлежитъ и длинная колоннада, ведетъ выходъ къ сценическому сооруженію („скенѣ"), которое со временъ Демосѳена нѣсколько разъ перестраивалось. Передъ нимъ находится сцена уже римскаго періода. Орхестра, мѣсто пляски хора, нѣсколько больше полукруга; она увеличена прилегающимъ къ ней прямоугольникомъ. Позади слѣдуютъ ряды ступеней, отчасти придѣланныхъ къ скалѣ кремля. Передняя возвышенная часть ступени предназначалась для сидѣнья, задняя служила мѣстомъ для ногъ сидѣвшихъ въ слѣдующемъ ряду. Лѣстницы, идущія отъ орхестры лучеобразно вверхъ, раздѣляли помѣщеніе для зрителей на 13 клиньевъ.

согласно извѣстной современной теоріи, сцена находилась на одномъ уровнѣ съ орхестрой. Лишь къ концу этого періода вмѣсто деревянной сцены, устраиваемой для каждаго представленія, появились каменныя постройки, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ развалины позднѣйшаго времени. Эти сооруженія состояли изъ задней декораціи, изображавшей дворецъ (проскеній), и характерныхъ, выступающихъ впередъ боковыхъ флигелей (параскеній). Трудно установить тотъ моментъ, когда актеры

176. ВОСПРОИЗВЕДЕНІЕ «СКЕНЫ» И ОРХЕСТРЫ V ВѢКА.

Скена представлена здѣсь еще въ видѣ простой прямоугольной, одноэтажной постройки. Она состоитъ изъ главной части и двухъ боковыхъ флигелей, изъ которыхъ впослѣдствіи развились выступавшія впередъ такъ называемыя параскеніи. Дорожка отдѣляетъ мѣста для зрителей отъ орхестры. Посреди орхестры стоитъ прямоугольный алтарь (ѳимела).

стали играть на возвышенной эстрадѣ (логейонъ), но, во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя утратила свой временный характеръ лишь въ римскую эпоху, когда она стала постоянною составною частью театра.

Декораціи этой узкой сцены, правда, очень незамысловатыя, тѣмъ не менѣе, не были лишены необходимыхъ условій для возбужденія иллюзіи,—хотя само собою разумѣется, что, при отсутствіи искусственнаго освѣщенія, иллюзія эта была далеко не полною. Надъ фундаментальною заднею кулисою, изображавшею дворецъ, устраивалась декорація съ широкою перспективою въ даль; кромѣ того, существовали такъ

называемые періакты, т.-е. трехгранныя призмы, расписанныя подъ декораціи и поворачивавшіяся, благодаря чему перемѣна декораціи не представляла затрудненій. Изъ многочисленныхъ, большею частью весьма безхитростныхъ, изобрѣтеній театральныхъ машинистовъ укажемъ лишь на нѣкоторыя, болѣе характерныя. Такова лѣсенка въ подземелье, по которой дѣйствующія лица появлялись изъ проваловъ; такова затѣмъ знаменитая машина, которая, вмѣстѣ съ устроенною на возвышеніи сценою для боговъ, давала возможность появляться съ приближеніемъ развязки извѣстному deus ex machina, вошедшему въ поговорку и удержавшемуся въ ней до настоящаго времени (см. ниже). О мудрой предусмотрительности, съ которою греки стремились внести въ представленіе какъ можно больше спокойствія (въ настоящее время тоже замѣчаются подобныя попытки), свидѣтельствуетъ такъ называемая эккиклема, т.-е. небольшая эстрада на колесахъ, выкатываемая вмѣстѣ съ находившимися на ней лицами изъ глубины сцены впередъ, чтобы изобразить передъ зрителями, быстро и безъ перемѣны декорацій, происшествія внутри дома. Занавѣсомъ греческая сцена не могла пользоваться, благодаря связи между актерами и хоромъ, находившимся на орхестрѣ, а также и въ силу извѣстнаго единства мѣста и времени, хотя оба проводились не особенно строго.

Что касается помѣщеній для зрителей, то оно лишь постепенно пріобрѣтало форму грандіознаго каменнаго амфитеатра, многочисленные остатки котораго и понынѣ еще вызываютъ наше изумленіе съ его гигіеничнымъ расположеніемъ и роскошнымъ видомъ на море. На первыхъ порахъ въ Аѳинахъ зрители помѣщались на временномъ деревянномъ помостѣ. Такъ какъ уже тогда мѣсто для зрителей было недостаточно, и происходила большая тѣснота, то однажды случилась театральная катастрофа: деревянное сооруженіе обрушилось и схоронило подъ своими обломками массу зрителей. Съ тѣхъ поръ для большей безопасности деревянныя сидѣнія прикрѣплялись амфитеатромъ къ покатой скалѣ Акрополя, причемъ устраивались еще подпорки для нихъ. Лишь къ концу нашего періода эти прежнія сооруженія замѣнились сплошными каменными (рис. 178). Но и теперь еще многое сохранило свой первобытный характеръ; высокія каменныя ступени представляли собою весьма несовершенныя сидѣнія безъ спинокъ, которыя публика могла сдѣлать поудобнѣе лишь съ помощью приносимыхъ съ собою подушекъ. Несмотря на это, живой греческій народъ терпѣливо высиживалъ здѣсь цѣлые дни, торопясь съ ранняго утра занять мѣсто получше и подкрѣпляя себя лишь взятою изъ дома провизіею. Въ этихъ грандіозныхъ амфитеатрахъ (въ Аѳинахъ могли сидѣть 30000 чел., а въ Эфесѣ—почти 60000) насъ поражаетъ удивительная акустика, которую часто испытываютъ туристы и въ настоящее время; тогда эта

акустика еще усиливалась, благодаря остроумнымъ техническимъ приспособленіямъ. Не менѣе интересно и то, что театръ по своему устройству могъ служить отраженіемъ политическаго и соціальнаго раздѣленія народа. Такъ, напр., клинообразные отдѣлы амфитеатра, которые отдѣлялись другъ отъ друга проходами, поднимавшимися лучеобразно отъ

177. ТЕАТРЪ ВЪ ЭПИДАВРѢ. Съ фотографіи.

Этотъ театръ, выстроенный въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Поликлетомъ младшимъ (см. подъ „Искусство"), принадлежитъ къ красивѣйшимъ и наиболѣе сохранившимся греческимъ театрамъ и отличается нѣкоторыми особенностями. Обширное помѣщеніе для зрителей, приближающееся къ эллипсу, раздѣляется здѣсь горизонтальнымъ проходомъ (діазомою) какъ бы на два яруса, изъ которыхъ нижній, благодаря лѣстницамъ, распадается на 12 клиньевъ, а верхній, вѣроятно на 22. Углубленный проходъ внизу, открывавшій доступъ публикѣ къ мѣстамъ и служившій въ то же время сточною канавою, отдѣлялъ помѣщеніе для зрителей отъ орхестры, имѣющей здѣсь еще совершенно форму круга съ радіусомъ въ 9,81 м. Сценическая постройка („скена"), фундаментъ которой еще сохранился, заключаетъ въ себѣ каменный проскеніонъ, т.-е. заднюю кулису, украшенную полуколоннами. Между учеными ведется споръ, играли ли актеры передъ кулисою на одинаковой высотѣ съ хоромъ, или на возвышенной эстрадѣ, примыкавшей къ передней стѣнѣ проскенія.

орхестры вверхъ,—могли предназначаться для отдѣльныхъ филъ или колѣнъ греческаго населенія, между тѣмъ какъ ярусы, отдѣлявшіеся другъ отъ друга широкими горизонтальными ходами, соотвѣтствовали подчасъ соціальнымъ различіямъ, какъ до нѣкоторой степени и у насъ (рис. 177). Это особенно относится къ послѣдующему вѣку, когда театръ

знаменательнымъ образомъ втянулъ въ себя и государственную жизнь съ ея безсодержательною пышностью—объявленія почетныхъ наградъ, представленія эфебіи и т. д.

Изъ приведенныхъ данныхъ о греческомъ театрѣ мы усматриваемъ, что въ древнемъ мірѣ онъ дѣйствовалъ не столько на зрѣніе, сколько Актеры.

178. ТЕАТРЪ ДІОНИСА ВЪ АѲИНАХЪ.
ОРХЕСТРА И НИЖНЯЯ ПОЛОВИНА ПОМѢЩЕНІЯ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ.

Въ нижнемъ ряду прорѣзаннаго лѣстницами амфитеатра ясно видны монументальныя каменныя кресла, на которыхъ обыкновенно сидѣли жрецы и жрицы, архонты и стратеги, благодѣтели города и иностранные послы. Развалины кулисной стѣны, которыя еще видны, относятся лишь къ II вѣку послѣ Р. Хр.

на слухъ. Если сравнить утонченную роскошную обстановку нашей современной сцены, разнообразіе костюмовъ и декорацій, тонко согласованныхъ съ извѣстною эпохою, національностью, сословіемъ и нравами, наконецъ, детально разработанную мимику крупныхъ артистовъ,—то, конечно, картина греческой сцены и въ особенности **внѣшній видъ актера** должны намъ показаться черезчуръ примитивными и, можетъ-быть, даже нѣсколько странными.

Наиболѣе страннымъ представляется современному человѣку употребленіе **маски**; а между тѣмъ, и въ этой области греки создали

нѣчто весьма эффектное, сохранившее свое значенiе для всѣхъ временъ какъ декоративный мотивъ.

Что касается причинъ, вызвавшихъ это странное явленiе, то мы ихъ находимъ въ разнообразнѣйшихъ областяхъ. Прежде всего, употребленiе маски объясняется исторически, изъ обычая переряживаться и разрисовывать себя, что встрѣчается всюду, какъ у первобытныхъ людей при религiозныхъ торжествахъ, такъ и у культурныхъ народовъ при сборѣ винограда. Кромѣ того, въ пользу употребленiя маски говорили многiя практическiя соображенiя: возможность для одного лица играть нѣсколько ролей, а для мужчинъ исполнять женскiя роли, согласно греческому обычаю, а также возможность производить впечатлѣнiе на болѣе значительномъ разстоянiи при помощи увеличенныхъ чертъ лица и резонаторовъ, усиливающихъ звукъ голоса. По религiознымъ соображенiямъ также считалось удобнѣе, если личность актера, изображавшаго бога или героя, совершенно скрывалась за ролью, которую онъ игралъ въ честь божества. Наконецъ, употребленiе маски согласовалось съ общимъ направленiемъ художественнаго чутья грековъ, которое выражалось какъ въ поэтической обработкѣ древнихъ сказанiй, такъ и въ изящныхъ искусствахъ классическаго перiода и стремилось создавать не столько индивидуальные, сколько идеальные образы, отличавшiеся присущею эллинскому искусству величавостью и своеобразною красотою. Съ другой стороны, въ комедiи, опять-таки благодаря маскѣ, возможно было выводить на сцену дѣйствительныя лица съ сохраненiемъ ихъ индивидуальныхъ особенностей, а подчасъ даже съ карикатурнымъ подчеркиванiемъ таковыхъ.

Какъ мы видѣли, греки, въ видахъ религiозныхъ и практическихъ, стремились придавать фигурѣ актера большiе размѣры, сообразуя съ маскою и весь остальной костюмъ. Сверху маска прикрывалась треугольнымъ уборомъ, съ котораго спускался парикъ. Названiе этого головного убора, онкосъ, употреблялось иногда также какъ синонимъ напыщенной рѣчи. На ноги актеръ надѣвалъ обувь на подобiе ходулей, такъ называемые котурны, служащiе и понынѣ символомъ для обозначенiя торжественнаго стиля. Вслѣдствiе такого увеличенiя фигуры актеру приходилось всюду подкладывать себѣ подушки и подушечки вплоть до пальцевъ, а кромѣ того, онъ облекался въ древнiй сценическiй костюмъ, ниспадающiй до пятъ.

Разумѣется, этотъ, по нашимъ понятiямъ, крайне неуклюжiй костюмъ исключалъ всякую возможность быстрыхъ движенiй на сценѣ; но эти послѣднiя часто и безъ того сдерживались соображенiями религiознаго характера, напр., при убiйствѣ дѣйствующаго лица. Съ другой стороны, не удивительно, что, въ перiодъ упадка искусства, вся эта неподвижная фигура актера сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ.

Музыка. Подъ влiянiемъ драмы, въ Грецiи постепенно расцвѣтало и другое искусство, которое замѣнило драму впослѣдствiи, но до тѣхъ поръ вело удивительно скромное существованiе, несмотря на то, что оно всегда

тѣснѣйшимъ образомъ связывалось съ жизнью эллина. Рѣчь идетъ о музыкѣ. При разборѣ предшествующаго періода мы разсматривали музыку въ связи съ обученіемъ. И дѣйствительно, ея оцѣнка у древнихъ была преимущественно этическая. Изобрѣтенная богами, она обладала силою исцѣлять тѣло и душу. Съ шумною современною музыкою она никогда не имѣла сходства и, по простотѣ своей, была ближе къ музыкѣ первобытныхъ народовъ. Мѣдныхъ инструментовъ у грековъ не было; полифонія и тематическая разработка были совершенно незнакомы въ Греціи, равно какъ трезвучія и прочія гармоническія сочетанія. Особенности греческой музыки сводятся къ различному характеру тональностей, т.-е. къ серьезному дорійскому ладу, шумному фригійскому и мягкому лидійскому. Все же мы имѣемъ свѣдѣнія о крупныхъ переворотахъ, начавшихся со временъ Аристофана и возбудившихъ такіе же страстные споры и протесты, какъ въ свое время музыка Вагнера. Хотя мы и знаемъ объ этомъ весьма мало, однако, фактъ тотъ, что новой музыкѣ былъ сдѣланъ упрекъ, что она отреклась отъ древней нравственной основы; ее обвиняли въ томъ, что она искала цѣли въ самой себѣ и возбуждала только неопредѣленныя чувства, смущавшія душу. Въ IV вѣкѣ эта эманципація музыки сдѣлала значительный шагъ впередъ, и въ эллинистическую эпоху, какъ мы увидимъ, она оттѣснила на второй планъ ту драму, которой была обязана своимъ ростомъ. Напрасно у великаго Тимоѳея въ Спартѣ отобрали его одиннадцатиструнный инструментъ, напрасно философы громили музыку за „нравственное“ вырожденіе ея,—побѣда осталась за инструментальною музыкою, хотя наибольшею популярностью пользовались еще тѣ художники, которые соединяли ее съ пѣснею, т.-е. киѳарэды. Крупные гонорары музыкантамъ и высокія цѣны за ихъ инструменты стали обычнымъ явленіемъ. Все же и это искусство примѣнялось въ очень ограниченной области; если не считать очень скромной военной музыки, то оно служило только культу и было посвящено божеству.

Гимнастика.

Также и въ области гимнастики въ IV вѣкѣ подготовлялся переворотъ. На мѣсто агонистики, коренившейся въ гармоническомъ развитіи тѣла безъ ущерба для духа, все болѣе и болѣе выдвигалась атлетика, одностороннее увлеченіе весьма грубыми упражненіями, напр., панкратіемъ, т.-е. соединеніемъ борьбы съ кулачнымъ боемъ (ср. кулачнаго бойца, рис. 339), причемъ къ дѣлу относились со все усиливающимся ремесленнымъ духомъ, имѣя въ виду матеріальную выгоду. Благородная свободная гимнастика вытѣснялась низменнымъ спортомъ и погонею за призами,—что, къ сожалѣнію, наблюдается нерѣдко и въ наши дни.

Національныя игры.

Великія національныя игры, особенно олимпійскія и дельфійскія, сохранили въ общемъ свой прежній характеръ; ихъ слава, по-

жалуй, даже росла до конца V вѣка. Послѣ этого, однако, во время политическихъ бурь IV вѣка онѣ скорѣе падали, и только въ эллинистическую эпоху агонистика пережила новый періодъ расцвѣта, но уже при совершенно иныхъ условіяхъ. Здѣсь мы напомнимъ лишь объ одной особенности національныхъ игръ классическаго вѣка. Въ эту эпоху высокой культуры подобныя всемірныя собранія (панегириды), помимо самихъ игръ, служили грекамъ, главнымъ образомъ, для общенія съ другими племенами, которое расширяло умственный горизонтъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ современныя путешествія, съ ихъ желѣзнодорожною сутолокою и жизнью въ отеляхъ. Мало того, эти собранія давали возможность избраннымъ умамъ представить свое творчество на судъ всей Эллады не только въ области агонистики, но и на разныхъ другихъ поприщахъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, софисты въ Олимпіи произносили рѣчи; но и Геродотъ и Лисій выступали здѣсь; великіе живописцы выставляли свои произведенія, и, наконецъ, здѣсь же до общаго свѣдѣнія доводились результаты научныхъ изслѣдованій, какъ, напр., астрономическія таблицы. Такимъ образомъ, эти собранія въ лучшія времена были тѣмъ мѣстомъ, гдѣ панэллинизмъ нашелъ свое полнѣйшее, прекраснѣйшее выраженіе, гдѣ этотъ благородный народъ ясно созналъ свою міровую роль, и гдѣ, быть-можетъ передовые умы уже угадывали, какіе элементы безсмертія въ немъ таятся.

[*Поландъ*]

Б. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

1. Искусство въ эпоху персидскихъ войнъ.

Выше мы прослѣдили постепенный ростъ и усиленіе художественнаго творчества у грековъ до 500 года, т.-е. до начала великой освободительной войны, которой было суждено составить эпоху и въ исторіи греческаго искусства, потому что къ этому времени также и искусству удалось стряхнуть съ себя послѣднія оковы несвободы и неподвижности.

Переходное время.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изложенію греческаго искусства въ періодъ его расцвѣта, мы должны дать краткое обозрѣніе переходной эпохи, которая въ сущности совпадаетъ съ періодомъ персидскихъ войнъ. Въ это время наше вниманіе останавливается, главнымъ образомъ, на пластикѣ, такъ какъ въ области архитектуры намъ не приходится отмѣчать что-либо новое; къ 500 году въ ней примѣнялись всюду тѣ естественныя формы, которыя уже были разсмотрѣны выше на стр. 132 и дальше. То же самое слѣдуетъ сказать и о живо-

писи, насколько она въ видѣ керамографіи сохранилась намъ въ памятникахъ искусства: она непрерывно и успѣшно развивалась въ вышеохарактеризованномъ (стр. 168 сл.) направленіи. Художники этой живописи на вазахъ гораздо раньше достигли полной свободы и естественности движеній и позъ, между тѣмъ, какъ въ скульптурѣ этотъ шагъ сдѣланъ былъ лишь послѣ персидскихъ войнъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ для рисунка, находящагося въ плоскости, существовало гораздо меньше затрудненій, чѣмъ въ пластикѣ. Такимъ образомъ, къ 500 году въ области живописи какъ бы пала послѣдняя преграда, мѣшавшая идти впередъ свободному творчеству.

Пелопоннесская пластика.

Въ скульптурѣ же, какъ уже выше было сказано, развитіе совершалось медленнѣе. Здѣсь приходилось идти ощупью и подчасъ испытывать большія или меньшія неудачи, прежде чѣмъ овладѣть настоящими техническими пріемами. Въ этомъ отношеніи весьма поучительными иллюстраціями переходнаго стиля являются нѣкоторыя произведенія пелопоннесскихъ художниковъ, на которыя намъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что пелопоннесское искусство до сихъ поръ было нами едва затронуто (ср. выше, стр. 149 и сл.).

О начаткахъ его мы имѣемъ довольно скудныя свѣдѣнія. Достовѣрно извѣстно лишь то, что уже въ VI вѣкѣ пелопоннесское искусство отличалось значительною производительностью, главнымъ образомъ, благодаря вліянію критскихъ художниковъ. Кромѣ критскихъ, сюда пріѣзжали видные мастера изъ Магнесіи и другихъ художественныхъ центровъ Малой Азіи. Упомянемъ здѣсь и объ искусствѣ бронзовыхъ издѣлій, которое, какъ выше было сказано (стр. 151), впервые практиковалось на Самосѣ и, повидимому, съ этого острова было перенесено въ Пелопоннессъ, гдѣ оно вскорѣ достигло большого совершенства, чѣмъ на своей родинѣ. Больше всего процвѣтало оно въ городахъ Аргосѣ и Сикіонѣ и на островѣ Эгинѣ. Множество бронзовыхъ фигуръ, наполнявшихъ около 500 года храмовыя рощи въ Олимпіи, Коринѳѣ и другихъ мѣстахъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ изготовлялись въ этихъ центрахъ пелопоннесской бронзовой промышленности.

Техника металлическихъ издѣлій во многихъ отношеніяхъ отличается отъ техники мраморныхъ и каменныхъ вообще. Прежде всего, металлическая работа учитъ художника тонкой отчетливой передачѣ всѣхъ контуровъ и всѣхъ деталей. Затѣмъ она допускаетъ гораздо болѣе свободные и смѣлые мотивы движенія. Наконецъ, у нея есть свои особенныя художественныя средства: въ то время какъ прозрачный мраморъ отчасти пропускаетъ свѣтъ, металлическая поверхность прямо отражаетъ его; если въ мраморѣ производятъ впечатлѣніе естественныя закругленія, то въ бронзѣ приходится считаться съ рефлексами. Въ этой послѣдней поэтому ясность контуровъ и формъ достигается только при помощи

отчетливаго разграниченія плоскостей, а часто даже перелома ихъ. Если можно вѣрить сообщеніямъ древнихъ писателей, то художники изъ Аргоса, Сикіона и особенно изъ Эгины превосходно понимали спеціальныя требованія металлическаго производства и, благодаря вѣрному чутью, вполнѣ удовлетворяли имъ. Во главѣ цѣлаго ряда знаменитыхъ скульпторовъ по бронзѣ стоятъ жители Эгины—Калонъ и Онатъ, первый—суровый и еще несвободный, второй—на высотѣ архаической художественной техники. Онатъ дѣлалъ уже попытки соединять нѣсколько статуй въ группу, хотя не умѣлъ еще устанавливать взаимныя отношенія между фигурами.

Изъ многочисленныхъ бронзовыхъ фигуръ, вышедшихъ изъ мастерскихъ этихъ художниковъ, ни одна не дошла до насъ въ достовѣрной копіи. Только на основаніи приблизительно одновременныхъ мраморныхъ произведеній мы можемъ составить себѣ представленіе объ особенностяхъ ихъ искусства.

Такимъ произведеніемъ является фигура Апполона (?), принадлежащая лорду Стрэнгфорду. Если сопоставить эту фигуру со статуею Апполона Тонейскаго (стр. 152), то покажется поразительнымъ, какіе замѣчательные успѣхи сдѣлало за это время изображеніе идеала юноши.

179. **Аполлонъ Стрэнгфорда.**
Лондонъ. Британскій музей.
Monum. des Inst. IX.

Аполлонъ Стрэнгфорда.

Роль скелета всюду вѣрно понята. Гдѣ онъ приближается къ поверхности тѣла, тамъ онъ точно указанъ. Мускулатура также гораздо правильнѣе, что особенно замѣтно на отдѣлкѣ живота. Ляжки все еще слишкомъ массивны, но благодаря отдѣлкѣ, они не такъ неуклюжи. Выраженіе лица осмысленно, почти серьезно. Вполнѣ оживить лицо художнику, правда, еще не совсѣмъ удалось; цѣль, которую онъ, повидимому, преслѣдуетъ, еще чисто-формальная. Но эта цѣль имъ достигнута въ высшей степени.

Эгинеты.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ наиболѣе совершеннымъ изображеніемъ спокойно стоящаго атлета, которое намъ извѣстно изъ архаическаго искусства, находятся знаменитые Эгинеты въ Мюнхенѣ. По нахожденіи этихъ фигуръ въ 1811 году, кронпринцъ баварскій, позднѣйшій Людовикъ I пріобрѣлъ ихъ и поручилъ Торвальдсену реставрировать ихъ, что этотъ послѣдній сдѣлалъ, пожалуй, даже слишкомъ основа-

180. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОНЪ ХРАМА ВЪ ЭГИНѢ. Фигура, протягивающая руки, взята изъ восточнаго фронтона. Угловыхъ фигуръ справа и слѣва нѣтъ.

тельно. Храмъ, фронтоны котораго онѣ нѣкогда украшали, расположенъ высоко надъ Серонскимъ заливомъ въ восточной части острова. Въ виду стройныхъ дорическихъ формъ этого храма, мы не имѣемъ права отнести постройку его ко времени до персидскихъ войнъ. Напротивъ, недавнія раскопки доказали намъ, что храмъ воздвигнутъ лишь послѣ Саламинской битвы, мѣсто дѣйствія которой отсюда можно видѣть. Жители Эгины болѣе другихъ эллиновъ были вправѣ прославлять эту побѣду и благодарить боговъ за нее, такъ какъ послѣ сраженія именно имъ былъ присужденъ всѣми эллинами первый призъ за храбрость.

Изъ 12 фигуръ, вѣроятно, наполнявшихъ нѣкогда западный фронтонъ, сохранились еще 10, между тѣмъ, какъ изъ статуй восточнаго фронтона, несравненно болѣе совершенныхъ, уцѣлѣло только 5. Много споровъ велось относительно первоначальнаго распредѣленія ихъ по фронтонамъ. Достовѣрно кажется то, что справа и слѣва отъ средней фигуры павшаго героя стояло по одному воину, изъ которыхъ каждый старается перетянуть трупъ на свою сторону. Въ настоящее время этихъ-то двухъ фигуръ въ западномъ фронтонѣ и не хватаетъ. На нашемъ рисункѣ, по крайней мѣрѣ, фигура съ правой стороны воспроизведена по соотвѣтствующей фигурѣ восточнаго фронтона. Споръ ведется, главнымъ образомъ, о томъ, находилось ли мѣ-

181. **ГЕРАКЛЪ СЪ ВОСТОЧНАГО ФРОНТОНА ЭГИНСКАГО ХРАМА.** Съ фотографіи.

сто двухъ стрѣлковъ передъ колѣнопреклоненными копьеносцами или позади нихъ. Нашъ рисунокъ помѣщаетъ ихъ позади копьеносцевъ. Безъ сомнѣнія, цѣлесообразнѣе отодвинуть стрѣлковъ съ ихъ далеко мѣтящими стрѣлами возможно дальше отъ ихъ цѣли. Иные ученые считаютъ фронтонъ недостаточно наполненнымъ при 12 фигурахъ и предлагаютъ поэтому вставить еще двухъ стоящихъ копьеносцевъ, помимо существующихъ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса едва ли возможно когда-либо.—Только немногія изъ представленныхъ фигуръ мы въ состояніи узнать. На самомъ высокомъ мѣстѣ посрединѣ обоихъ фронтоновъ находилась Паллада Аѳина въ полномъ сооруженіи. Невидимая для сражающихся, она рѣшаетъ исходъ борьбы. Кромѣ нея, на западномъ фронтонѣ мы въ одномъ лишь стрѣлкѣ съ правой стороны можемъ признать извѣстную фигуру, а именно Париса, благодаря его высокой фригійской шапкѣ; стрѣлокъ на восточномъ фронтонѣ, у котораго вмѣсто шлема надѣта львиная шкура, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ только Геракломъ. Но достаточно и одной фигуры Париса, чтобы угадать въ этихъ борцахъ троянскихъ героевъ, прославленныхъ Гомеромъ. Сюжетами являются здѣсь сцены, часто описываемыя у Гомера. Въ лицѣ павшаго воина, котораго, повидимому, убилъ Парисъ, и изъ-за тѣла котораго борются обѣ стороны, мы можемъ признать Ахилла, имѣющаго, въ качествѣ потомка Эака, отношеніе къ его родинѣ Эгинѣ. Стоящій копьеносецъ, выступающій въ бой за Ахилла, окажется тогда Аянтомъ, такъ какъ и онъ—эакидъ. На сторонѣ троянцевъ ему, можетъ-быть, соотвѣтствуетъ Эней. Восточный фронтонъ съ фигурою Геракла имѣетъ своимъ сюжетомъ, очевидно, прелидію къ троянской войнѣ, въ которой Гераклъ въ союзѣ съ эакидомъ Теламономъ мститъ троянскому царю Лаомедонту за его вѣроломство. Прославленіе только-что одержанной побѣды путемъ изображенія поэтическаго прошлаго было совершенно въ эллинскомъ духѣ. При видѣ эакидовъ, выступавшихъ на фронтонахъ противъ азіатскихъ троянцевъ, жители Эгины, вѣроятно, вспоминали о себѣ и о своей борьбѣ съ миріадами Ксеркса.

Больше интереса, чѣмъ толкованіе фигуръ, представляетъ собою, конечно, вопросъ объ особенностяхъ ихъ стиля. Прежде всего поражаетъ то, что и задняя сторона фигуръ совершенно отдѣлана. Если бы не пострадали отъ погоды тѣ части, которыя болѣе подвергались вліянію ея, то поистинѣ было бы трудно рѣшить, какой стороной фигуры на фронтонахъ были обращены къ зрителямъ. Эти художники, очевидно, при своемъ творчествѣ не разсчитывали на однихъ только людей; работу свою они считали служеніемъ божеству и ему, всезнающему, они желали угодить.

Статуи сдѣланы изъ паросскаго мрамора; однако, во многихъ отношеніяхъ онѣ напоминаютъ намъ о томъ, что на Эгинѣ наиболѣе процвѣтало бронзовое производство. Хотя у фигуръ широко разставлены ноги, а щиты перетягиваютъ на одну сторону, тѣмъ не менѣе, статуи эти стоятъ совершенно свободно на своихъ узкихъ цоколяхъ безъ какихъ-либо подпорокъ въ родѣ, напр., древесныхъ стволовъ. Для бронзовыхъ фигуръ въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, для хрупкаго же мрамора это было, пожалуй, слишкомъ смѣло.

Античная бронзовая техника создавала фигуры, складывая ихъ изъ многихъ отдѣльныхъ частей. Этотъ прiемъ здѣсь всецѣло перенесенъ и на мраморъ. Всѣ щиты и султаны, наличники и забрала, колчаны, змѣи на эгидѣ и волосы у Паллады,—все это изваяно отдѣльно и потомъ придѣлано. Другiе предметы, какъ, напр., копья, мечи, перевязи, серьги,—прямо изготовлены изъ металла. Волосы на половину состояли изъ мрамора и на половину изъ свинца. Чрезвычайно тонкая отдѣлка всѣхъ деталей соотвѣтствуетъ также особенностямъ бронзовыхъ издѣлiй.

182. АѲИНА СЪ ЗАПАДНАГО ФРОНТОНА ЭГИНСКАГО ХРАМА. Мюнхенъ. По Brunn-Bruckmann, Denkmäler.

Весьма характерною является еще нагота большинства фигуръ. Гомеровскiе герои никогда не подвергали себя опасностямъ борьбы, будучи до такой степени беззащитными, какъ эти эгинеты. Очевидно, нагота здѣсь—не что иное, какъ „праздничный костюмъ“ эллиновъ (ср. стр. 147).

Громадное значенiе эгинскихъ статуй для греческой пластики заключается въ томъ, что онѣ иллюстрируютъ собою тотъ знаменательный моментъ, когда совершился разрывъ съ традицiоннымъ фронтальнымъ принципомъ (ср. стр. 152). Толчкомъ для этого послужило соединенiе множества фигуръ въ одну группу, причемъ отдѣльная статуя уже не

была изолирована и не могла поэтому сохранять свою вертикальную позу, а должна была выражать свои отношенія къ другимъ фигурамъ. Другой толчокъ исходилъ и отъ формы фронтона, къ косымъ линіямъ котораго скульптурныя изображенія должны были по возможности примѣняться. Благодаря этому обстоятельству, старый фронтальный принципъ здѣсь всюду нарушался. Все же передача свободныхъ тѣлодвиженій удалась только отчасти и не свободна отъ характерныхъ ошибокъ.

183. УГЛОВАЯ ФИГУРА ВОСТОЧНАГО ФРОНТОНА ЭГИНСКАГО ХРАМА. Мюнхенъ. Съ фотографіи.

Наиболѣе условна Паллада Аѳина, которая, повидимому, создана подъ вліяніемъ древнихъ храмовыхъ статуй. Верхняя часть тѣла обращена en face, ноги же въ профиль направо,—потому ли, что этого требовалъ недостатокъ мѣста, или, можетъ-быть, для того, чтобы представить богиню противницею троянцевъ, наступающихъ справа. Но благодаря этому повороту ногъ вся фигура какъ бы распадается на верхнюю и нижнюю части, точь-въ-точь, какъ Ника Архерма (см. выше, стр. 156). Къ счастью, бедра, гдѣ наиболѣе всего должна бы обнаружиться неестественность позы, деликатно закрыты одеждою. Чрезвычайно неподвижно и торжественно располагаются также складки одежды; но свойства матеріи уже хорошо выражены волнообразными краями складокъ. Гораздо свободнѣе, конечно, движенія у сражающихся, но повороты въ плечахъ и бедрахъ, вызванные размахомъ для метанія копья, сведены къ минимуму. Это объясняется извѣстною робостью, не позволявшею совсѣмъ отказаться отъ фронтальности. Особенно замѣтно это на фигурѣ Ахилла въ срединѣ западнаго фронтона: боковой изгибъ пораженнаго на смерть падающаго героя—минималенъ; такъ падаетъ застывшая въ своей фронтальности статуя, но не эластическое тѣло человѣка. Наиболѣе

свободны угловыя фигуры: кромѣ сгиба боковъ, художникъ хотѣлъ здѣсь передать и довольно сильный поворотъ позвоночника. Все превосходно въ этихъ фигурахъ (стоитъ особенно обратить вниманіе на безподобную лѣвую ногу, рис. 183). Только наклонъ тѣла еще не вполнѣ удался художнику. До пупа животъ обработанъ еще фронтально, продолжая направленіе ногъ, какъ-будто поворота не было. Только между пупомъ и краемъ груди выраженъ поворотъ, вслѣдствіе чего вся мускулатура здѣсь скомкана и растянута. Сравненіе съ лежачимъ рѣчнымъ богомъ Пароенона (рис. 236) яснѣе всего покажетъ, чего недостаетъ еще нашему эгинету. Оно и понятно: искусству, исходящему изъ принципа фронтальности, труднѣе всего было справиться съ такими нарушеніями традиціоннаго принципа.

184. Бронзовая головка съ Акрополя.
Аргосская работа. По Rhomaides, Musées d'Athènes.

За исключеніемъ этихъ недостатковъ въ изображеніи изгиба тѣла, эгинскія статуи представляются почти безукоризненными со стороны внѣшней формы. Но и при этой своей корректности онѣ все-таки лишены настоящей жизни. Отчего это происходитъ?

Главною причиною должна, очевидно, считаться неподвижная архитектурная симметрія, которая господствуетъ въ распредѣленіи фигуръ. Затѣмъ, между послѣдними нѣтъ внутренней связи. Онѣ не обращаются другъ къ другу съ возгласами, какъ это дѣлаютъ гомеровскіе герои, онѣ не спѣшатъ на помощь другъ къ другу. Каждый занятъ своимъ дѣломъ, не оглядываясь даже на другого.

Въ выраженіи лицъ у сражающихся мы также не видимъ настоящей жизни. Безъ сомнѣнія, попытка вдохнуть душу въ лица посредствомъ поднятія угловъ рта—весьма похвальна; но веселая улыбка, получающаяся такимъ образомъ, выходитъ очень странною у умирающихъ. Только фигуры на восточномъ фронтонѣ обладаютъ извѣстною жизненностью. У нихъ нѣтъ косого разрѣза глазъ на китайскій ладъ; точно также и улыбка отсутствуетъ. Гераклъ щурится поверхъ своего лука, совершенно какъ цѣлящійся стрѣлокъ, а у умирающаго (рис. 183) глаза полны слезъ, и ротъ искривленъ агоніей; онъ производитъ уже трогательное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе раньше усиливалось еще,

благодаря окраскѣ. Расписаны были губы, глаза, волосы и цѣликомъ щиты и одежды. Благодаря этой пестротѣ красокъ, статуи хорошо выдѣлялись на синемъ фонѣ фронтона.

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности приписать эти, несмотря на недостатки, столь цѣнныя фронтонныя фигуры извѣстнымъ эллинскимъ художникамъ, хотя все-таки возможно, что застывшій еще въ архаизмѣ Калонъ создалъ западный фронтонъ, и, съ другой стороны, статуи восточнаго фронтона съ ихъ большею жизненностью совсѣмъ подходятъ къ тому, что намъ извѣстно объ Онатѣ и его сравнительно зрѣломъ творчествѣ.

Судя по этимъ фронтонамъ, искусство эгинскихъ художниковъ обѣщало многое въ будущемъ; отъ дальнѣйшаго его развитія можно было ожидать величайшихъ результатовъ. Но какъ-разъ въ расцвѣтъ этого искусства ему былъ нанесенъ ударъ: съ завоеваніемъ острова аѳинянами въ 458 году сразу утратились свобода и благосостояніе, а вмѣстѣ съ ними исчезло и оригинальное эгинское искусство.

Такимъ образомъ, отъ эгинскаго искусства мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, одинъ достовѣрный и краснорѣчивый памятникъ; что же касается дѣятельности прочихъ пелопоннесскихъ художественныхъ школъ, то о ней мы можемъ судить лишь на основаніи литературныхъ данныхъ и догадокъ. Около средины VI вѣка славилась школа сикіонская своими красивыми статуями атлетовъ; наиболѣе знаменитый представитель ея Канахъ, повидимому, владѣлъ бронзовою техникою въ совершенствѣ. Аргосъ еще болѣе, чѣмъ Сикіонъ, считался художественнымъ центромъ: здѣсь, около 500 года, во главѣ школы работалъ всѣми уважаемый Агелаидъ, у котораго, по преданію, учились не только Поликлетъ, но и Миронъ и Фидій. Пусть это не что иное, какъ легенда, но достовѣрно то, что около 500 года Аргосъ являлся передовымъ художественнымъ центромъ всего Пелопоннеса. Тѣ произведенія, которыя по догадкамъ приписываются этой аргосской школѣ, отличаются съ одной стороны виртуознымъ характеромъ бронзовой техники, съ другой же стороны—серьезною сосредоточенностью и торжественностью. Величіе и достоинство, присущія твореніямъ великихъ аттическихъ художниковъ, можетъ-быть, не въ малой степени являются наслѣдіемъ этой аргосской школы, которую прошли и они.

(Margin notes: Канахъ. Агелаидъ.)

2. Поколѣніе художниковъ послѣ персидскихъ войнъ.

а) **Внѣ Аѳинъ.** Послѣ побѣды надъ персами, Греція стала свободной точно по мановенію волшебнаго жезла. Самосознаніе эллиновъ, благодаря этому великому подвигу, сильно возросло, что отразилось благотворнымъ обра-

185. МЕТОПА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ АТЛАНТА, ИЗЪ ХРАМА ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІИ.

(Olympia, Erg. III).

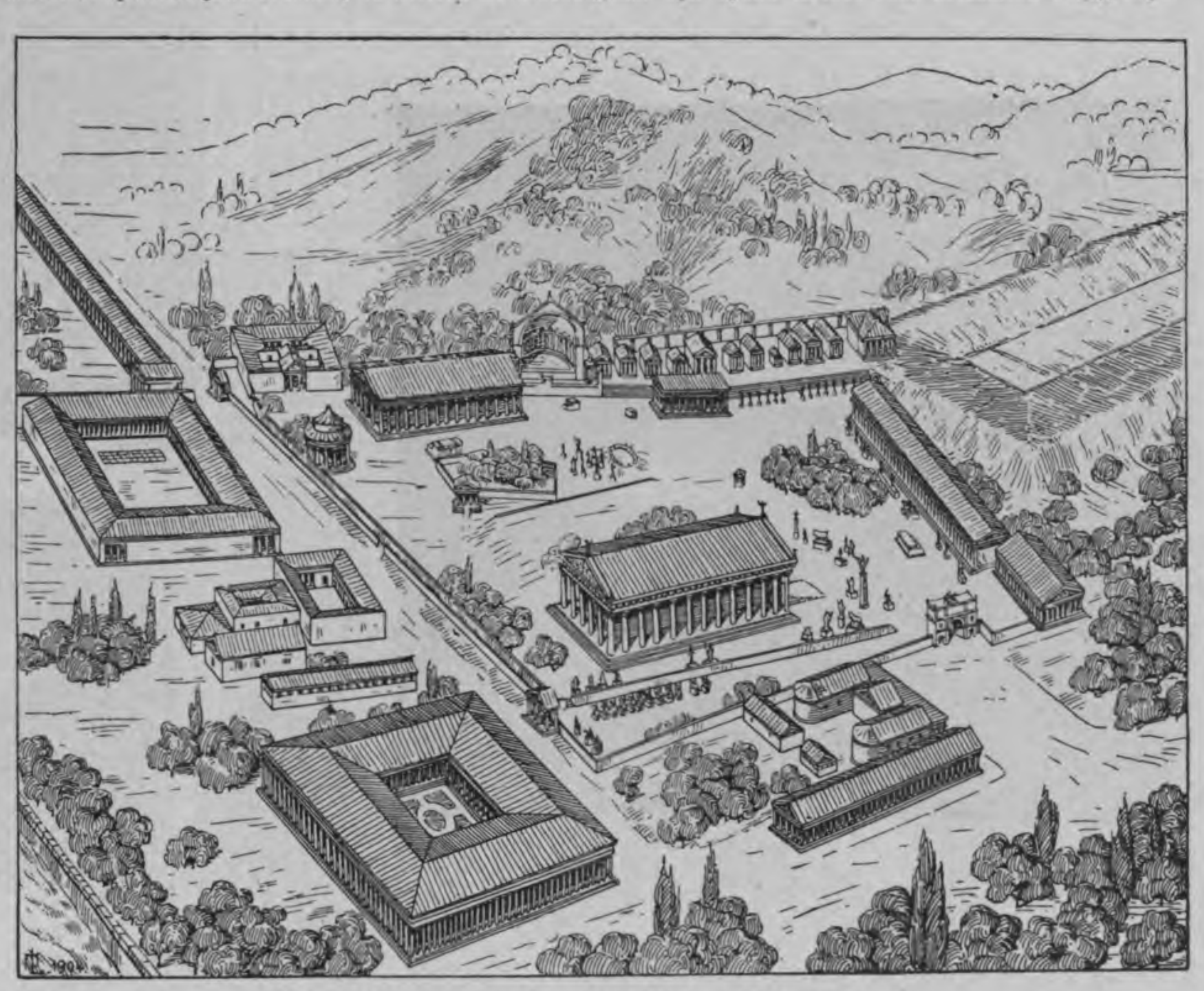
Гераклъ снялъ съ Атланта тяжесть небесной тверди для того, чтобы послѣдній досталъ ему яблоки гесперидъ. Атлантъ принесъ и злорадно протягиваетъ ихъ герою, который не можетъ взять ихъ, такъ какъ небо давитъ ему плечи. Какъ велика эта тяжесть, видно изъ того, что онъ подложилъ себѣ подушку. Одна изъ гесперидъ сжалилась надъ Геракломъ и вообразила, что она можетъ своею нѣжною рукою облегчить эту тяжесть.

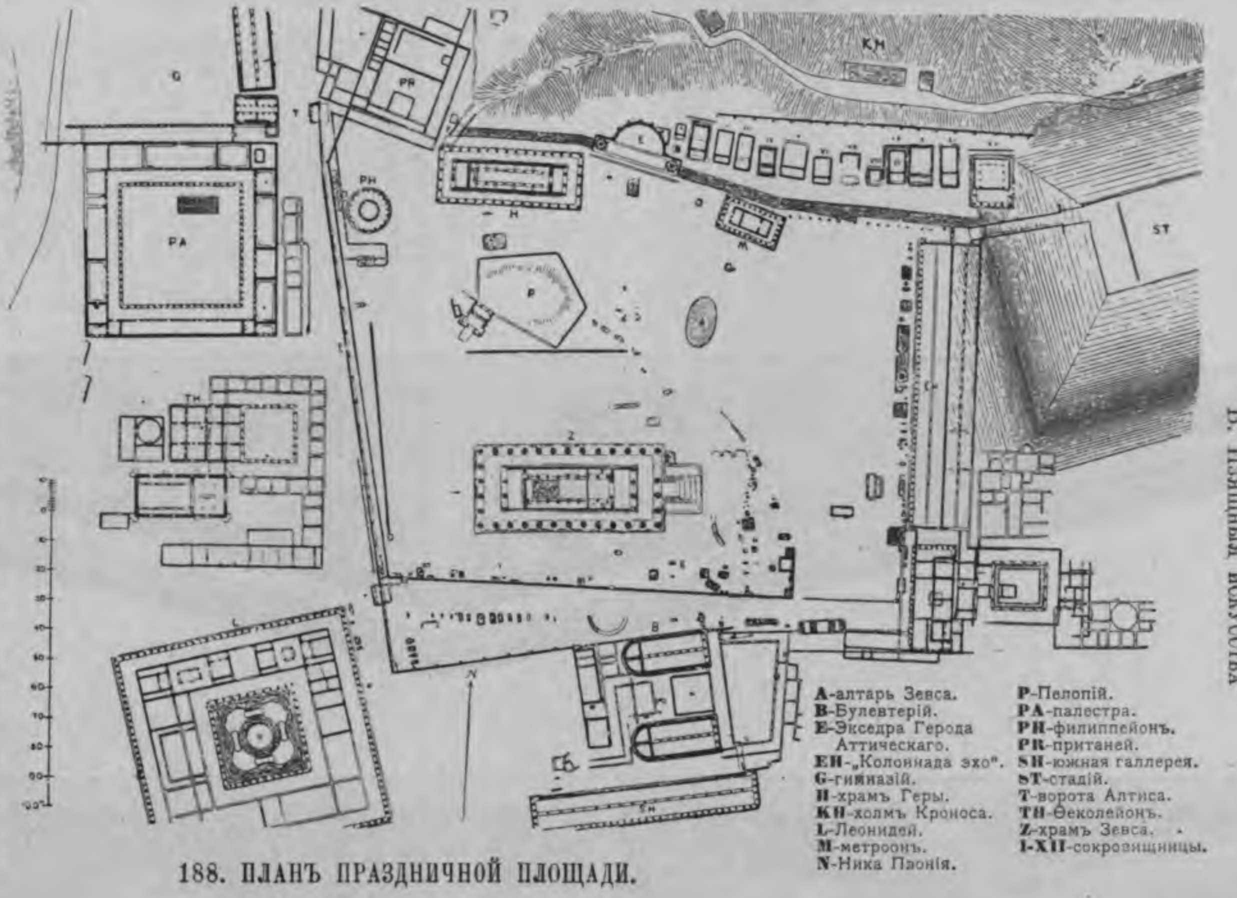
186. ГЕСПЕРИДА И АТЛАНТЪ СЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ МЕТОПЫ. (Olympia, Erg. III).

Собственно праздничная площадь (или Алтисъ), занимавшая пространство приблизительно въ 3 гектара, простиралась на югъ отъ холма Кроноса и ограничивалась съ трехъ сторонъ стѣнами, съ востока же колоннадами. Три храма Алтиса были посвящены Зевсу, Герѣ и Матери боговъ. На юго-западъ отъ храма Геры находился Пелопій, т.-е., загороженная роща, посвященная Пелопу, гдѣ побѣдители получали угощеніе. На западѣ отъ него находилось круглое зданіе Филиппейона, воздвигнутое Филиппомъ македонскимъ въ благодарность за побѣду при Херонеѣ (338) и украшенное группою изъ золота и слоновой кости, работы Леохара. Съ 160 г. по Р. Хр. къ востоку отъ храма Геры возвышалась такъ называемая Эксcедра Ирода Аттическаго, выдававшаяся высоко надъ прочими постройками Алтиса, за исключеніемъ храма Зевса. Ключевая вода, проведенная этимъ меценатомъ на разстояніе 3 километровъ, вступала здѣсь въ Алтисъ, наполняя сначала верхній полукруглый бассейнъ, передъ которымъ нѣсколько ниже находился другой, продолговатый. На бокахъ быка, фигура котораго стояла у края бассейна, было вырѣзано посвященіе. На востокѣ къ экседрѣ примыкали террасы съ сокровищницами отдѣльныхъ городовъ, гдѣ хранились цѣнные дары. Передъ этою террасою возвышались статуи Зевса, по-эолійски Заны (Zanes), сооруженныя на счетъ атлетовъ, оштрафованныхъ за несоблюденіе правилъ

187. ПРАЗДНИЧНАЯ ПЛОЩАДЬ ВЪ ОЛИМПІИ.

игръ. Къ западу отъ Зановъ виднѣлся храмъ Матери боговъ, такъ назыв. метроонъ. Между рощею Пелопа и храмомъ Геры найдены обломки алтаря, въ которомъ многіе склонны видѣть главный алтарь Зевса, между тѣмъ какъ другіе ищутъ его нѣсколько восточнѣе, тамъ, гдѣ открытъ каменный фундаментъ эллиптической формы. Восточную границу Алтиса составляла, главнымъ образомъ, двойная колоннада въ 98 м. длины и названная «колоннадою эхо», потому что эхо тамъ откликалось 7 разъ. Вдоль западнаго фасада тянулся рядъ статуй; деревья передъ колоннадою указываютъ на мѣсто погребенія Гипподаміи, которое, должно-быть, находилось здѣсь. Около самаго храма Зевса были поставлены многочисленныя приношенія и прежде всего Ника Пэонія на высокомъ пьедесталѣ. Въ узкомъ промежуткѣ между южною стѣною,построенною греками, и окружною стѣною, воздвигнутою нѣсколько южнѣе римлянами и украшенною тріумфальною аркою, стояли многочисленныя изображенія знатныхъ римскихъ всадниковъ.

188. ПЛАНЪ ПРАЗДНИЧНОЙ ПЛОЩАДИ.

За предѣлами Алтиса на сѣверо-западѣ находилась квадратная постройка пелестры, къ которой на сѣверѣ примыкали длинныя колоннады гимназіи. Къ югу отъ палестры находились капище неизвѣстнаго героя и жилище олимпійскихъ жрецовъ, такъ называемый Θеоколейонъ, равно какъ и залъ для ихъ собраній (мегаронъ). Узкая постройка къ югу отъ нихъ,—можетъ-быть, мастерская Фидія, гдѣ этотъ послѣдній созидалъ свою статую Зевса. Леонидей, названный такъ по имени его основателя Леонида изъ Наксоса, служилъ вѣроятно пристанищемъ для знатныхъ почетныхъ гостей. Въ Булевтеріи, къ югу отъ южной стѣны Алтиса, засѣдала администрація Элиды. На мѣстности къ востоку отъ Алтиса происходили состязанія; здѣсь находился стадій, на возвышенныхъ краяхъ котораго, образовавшихся изъ насыпанной земли, помѣщались зрители. Состязавшіеся входили черезъ узкій корридоръ въ сѣверо-западномъ углу; въ римскую эпоху этотъ корридоръ былъ покрытъ сводомъ. Бѣга на четверкахъ лошадей происходили на гипподромѣ, простиравшемся къ югу отъ стадія.

Храмъ Зевса въ Олимпіи.

189. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТОНЪ ВЪ ОЛИМПІИ.

По реконструкціи Треu.

190. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОНЪ ВЪ ОЛИМПІИ.

По реконструкціи Треu.

зомъ на всѣхъ областяхъ жизни и, конечно, также на искусствѣ. Варвары разрушили храмы, перебили изображенія боговъ и подношенія. Всему этому надлежало теперь возобновиться и— болѣе чѣмъ возобновиться: эллинамъ страстно хотѣлось щедро и не жалѣя средствъ отблагодарить боговъ за ихъ чудесную помощь. Аѳины, наиболѣе пострадавшія, но и наиболѣе успѣшно сражавшіяся, послѣ войны особенно воспрянули духомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ расцвѣтъ аттической драмы, а также и великолѣпныя скульптурныя работы, которыми разукрасился весь городъ, возставшій обновленнымъ изъ мусора и обломковъ, послѣ персидскаго погрома, точно фениксъ изъ пепла.

Внѣ Аѳинъ, въ другихъ частяхъ Эллады, искусство также зажило новою усиленною жизнью.

191. КОНЮХЪ СЪ ВОСТОЧНАГО ФРОНТОНА ВЪ ОЛИМПІИ.
Olympia, Ergebn. III.

Великія національныя святыни извлекли существенную выгоду изъ религіознаго настроенія, охватившаго все населеніе, и изъ богатой добычи, отнятой у варваровъ. Такъ, напр., вскорѣ послѣ войны, въ Олимпіи греки стали строить храмъ Зевса, и въ 457 г., а можетъ быть и нѣсколько раньше, онъ былъ уже законченъ. Благодаря раскопкамъ, предпринятымъ Германскою имперіею въ 1875—81 гг. въ равнинѣ Олимпіи, мы имѣемъ возможность точно реконструировать эту первую святыню Алтиса во всѣхъ ея главныхъ частяхъ. Храмъ былъ воздвигнутъ на искусственно насыпанномъ возвышеніи. За исключеніемъ карниза и крыши, сдѣланныхъ изъ мрамора, матеріаломъ служилъ прочный известнякъ, добывавшійся въ окрестностяхъ Олимпіи. Онъ покрывался штукатуркою, которая, въ свою очередь, полировалась. Неоштукатуренныя части густо расписывались яркими красками. Дорійскія, значительно суженныя кверху, колонны служили подпорами для сравнительно легкаго антаблемента. Метопы наружнаго эпистиля были пустыя, между тѣмъ какъ на внутреннемъ фризѣ съ триглифами, тянувшемся вдоль двухъ узкихъ стѣнъ целлы, на метопахъ находились рельефы. Двѣнадцать подвиговъ Геракла, изображенные здѣсь, переданы съ чрезвычайною силою, съ крайнимъ реализмомъ и неумолимою откровенностью. Тѣло, по большей части превосходно изображено; только въ одеждѣ сказываются иногда слѣды архаической условности. Эти метопы, вѣроятно, нѣсколько древнѣе, чѣмъ фигуры, наполнявшія оба

192. МИРТИЛЪ (?) НА ВОСТОЧНОМЪ ФРОНТОНѢ ВЪ ОЛИМПІИ.
Olympia. Ergebn. III.

фронтона. Но въ общемъ, какъ на метопахъ, такъ и на фронтонахъ господствуетъ одинъ и тотъ же стиль.

Восточный фронтонъ въ Олимпіи.

На восточномъ фронтонѣ мы видимъ приготовленія къ роковому состязанію на колесницахъ между Эномаемъ и Пелопомъ. Посрединѣ фронтона, невидимый для обѣихъ сторонъ, стоитъ прямо и неподвижно, какъ истуканъ, отецъ Зевсъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ скипетръ, правая перебираетъ складки плаща; онъ склоняетъ голову къ Пелопу, который справа отъ него опирается на свое копье; слѣва отъ Зевса, напротивъ Пелопа, стоитъ вызывающая фигура Эномая. За Пелопомъ слѣдуетъ Гипподамія въ смущенной позѣ, за Эномаемъ—жена его Стеропа, какъ бы провидящая судьбу. Такимъ образомъ, въ срединѣ фронтона мы видимъ цѣлыхъ пять фигуръ, точно вытянувшихся въ струнку. Справа и слѣва отъ этой группы находится по четверкѣ лошадей, причемъ въ обоихъ случаяхъ только передняя лошадь изваяна цѣликомъ, остальныя же представляютъ рельефы. Передъ лошадьми на землѣ сидятъ, скорчившись, двое служащихъ, причемъ лѣвый изъ нихъ (рис. 191) особенно поражаетъ безцеремонною угловатою манерою, съ которою онъ перебираетъ пальцы своей лѣвой ноги. За лошадьми слѣдуютъ возницы; возница Эномая, задумчиво подпирающій рукою свою бородатую лысую голову, вѣроятно и есть тотъ самый вѣроломный Миртилъ (рис. 102), который заставилъ опрокинуться колесницу своего господина, вложивъ въ оси ея восковыя чеки. Старческая одутловатость живота воспроизведена съ отталкивающею реальностью. Роль слѣдующихъ фигуръ несовсѣмъ ясна; крайнія, лежащія въ углахъ фронтона, повидимому, должны изображать божества олимпійскихъ рѣкъ, Алфея и Кладея.

193. ГЕРАКЛЪ И АМАЗОНКА.
Метопа съ храма E въ Селинунтѣ.
По Brunn-Bruckmann, Denkm.
Слѣдуетъ обратить вниманіе на однообразіе въ направленіи обѣихъ параллельно наклоненныхъ фигуръ; далѣе, на грубость, съ которою Гераклъ поставилъ свою ногу на ступню амазонки и, наконецъ, на оскаленные въ страхѣ зубы послѣдней.

Композиція этого фронтона обусловливается стремленіемъ къ полной симметріи; и, дѣйствительно, во всемъ соблюдено точное соотвѣтствіе. Это придаетъ фронтонной группѣ несомнѣнно торжественный характеръ. Но это все, что можно сказать въ похвалу ея, и это пре-

имущество не въ состоянiи искупить безжизненность этихъ статуй, которыя собственно не составляютъ собою группы, а лишь поставлены рядомъ, въ зависимости отъ величины ихъ. Фигуры не находятся въ дѣйствiи, а только позируютъ. Этой бѣдности замысла соотвѣтствуетъ и

194. Дельфiйскiй возница. Бронза.
По Fouilles de Delphes IV.

недостаточная тщательность выполненiя. Только лицевая сторона разработана нѣсколько тоньше, все разсчитано на внѣшнiй, чисто-декоративный эффектъ. Однако, не должно забывать, что кое-какiе недостатки прежде смягчились, благодаря полихромiи.

На западномъ фронтонѣ была изображена борьба, разыгравшаяся между лапитами и кентаврами на свадьбѣ Периѳоя. Если выборъ сюжета на восточномъ фронтонѣ очевидно обусловливается мѣстомъ Западный фронтонъ въ Олимпiи.

195. мальчикъ съ занозою.
Римъ, дворецъ консерваторовъ.
По Rayet, Mon. de l'art. ant. I.

олимпійскихъ празднествъ, то по отношенію къ западному фронтону этого никакъ нельзя утверждать. Несовсѣмъ понятно, почему эта дикая сцена борьбы могла показаться подходящею для украшенія храма Зевса. Характеръ этого сюжета имѣлъ здѣсьпослѣдствіемъбольшую живость изображенія, чѣмъ на другомъ фронтонѣ. Драка изъ-за лапитскихъ женщинъ представлена въ такихъ дикихъ и страстныхъ формахъ, что данная архитектурная рамка не смогла бы ихъ вмѣстить, если бы и здѣсь не была соблюдена полнѣйшая симметрія между правою и лѣвою сторонами, благодаря чему впечатлѣніе расходившихся страстей нѣсколько смягчается. Успокаивающимъ образомъ дѣйствуетъ также высокая прямая фигура Апполона, поставленная въ самой рединѣ фронтона. Вслѣдствіе этой строгой симметріи западный фронтонъ обнаруживаетъ свое внутреннее родство съ восточнымъ, несмотря на все различіе изображаемыхъ сюжетовъ. Родство это сказывается и въ преобладаніи рѣзкихъ, угловатыхъ движеній, а также въ безцеремонной откровенности. Какой-то грубый, почти вульгарный натурализмъ, не страшащійся никакого безобразія, лишь бы оно было выразительно, сказывается на западномъ фронтонѣ, пожалуй, еще непринужденнѣе, чѣмъ на восточномъ. Къ этому можно еще прибавить общую обоимъ фронтонамъ манеру работѣ, направленную исключительно на декоративный эффектъ. Наконецъ, можно отмѣтить одинаковую невыразительность головъ на обоихъ фронтонахъ;

196. голова мальчика съ занозою.
Прямое положеніе. Arch. Ztg. 1883

только она представляется еще поразительнѣе у этихъ разъяренныхъ фигуръ, кусающихъ и топчущихъ другъ друга въ пылу борьбы.

Вопросъ о творцахъ этихъ своеобразно негармоничныхъ скульптурныхъ работъ на храмѣ Зевса еще не рѣшенъ. Мы не имѣемъ никакого права считать творцами Алкамена и Пэонія, какъ объ этомъ слышалъ путешественникъ Павсаній во II вѣкѣ послѣ Р. Хр., такъ какъ этому безусловно противорѣчитъ все, что намъ придется далѣе сообщить о названныхъ художникахъ, которые работали совершенно иначе. Между прочимъ, указывалось на родство, существующее между олимпійскими скульптурами и рельефами на метопахъ храма Е въ Селинунтѣ, и отмѣчались общія черты въ изображеніи грубой силы, въ стремленіи къ ясности въ ущербъ изяществу и, наконецъ, въ бѣдности мысли по отношенію къ мотивамъ движенія. Но неужели намъ слѣдуетъ предположить, на основаніи подобныхъ точекъ соприкосновенія, что скульптурныя произведенія на храмѣ Зевса созданы сицилійскими художниками? Это было бы совсѣмъ неоднобразно, тѣмъ болѣе, что ваятели этого острова ни въ Дельфахъ, ни въ Олимпіи не рѣшались конкурировать съ пелопоннесскими художниками, а сицилійскіе тираны заказывали приношенія для этихъ святынь обыкновенно аргосскимъ мастерамъ. Гораздо правдоподобнѣе то предположеніе, что эти фронтоны и метопы созданы въ Олимпіи мѣстными художниками, которые, подобно сицилійскимъ скульпторамъ, прошли одну и ту же школу у аргосскихъ мастеровъ. Слѣдовательно, какъ въ Олимпіи, такъ и въ Селинунтѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ произведеніями нѣсколько поотставшаго мѣстнаго искусства, у котораго весьма замѣтно отсутствіе достоинствъ аргосской школы, обусловливаемыхъ массою заказовъ, прочными техническими традиціями и прекрасно дисциплинированнымъ рабочимъ персоналомъ.

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ статуяхъ, которыя, навѣрно, обязаны своимъ происхожденіемъ пелопоннесскимъ художникамъ, хотя нельзя опредѣленно сказать, къ какой школѣ они принадлежали. Такъ благодаря французскимъ раскопкамъ, въ Дельфахъ найдено бронзовое изображеніе возницы, очевидно принесенное въ даръ Полизаломъ, братомъ Гелона и Гіерона сиракузскихъ, послѣ побѣды, одержанной имъ на четверкѣ лошадей. Дельфійскій возница.

Складки длинной одежды возницы, довольно-таки похожія на каннелюры у колонны, имѣютъ на нашъ вкусъ весьма монотонный видъ, но слѣдуетъ представить себѣ, что этотъ костюмъ прежде отчасти закрывался колесницею. Этому изображенію юноши свойственна вся свѣжесть оригинальнаго произведенія. Металлическая отдѣлка отличается поразительною тонкостью, особенно на головѣ въ изображеніи кудрей и рѣсницъ. Лицо его съ полнымъ, круглымъ подбородкомъ и внимательнымъ взглядомъ чрезвычайно симпатично; въ немъ есть даже нѣчто значительное.

Ватиканская статуя бѣгущей дѣвушки.

197. Фигура, вынимающая занозу. Терракотта изъ Пріены. Берлинъ. Съ фотографіи.

Въ Олимпіи происходили также состязанія въ бѣгѣ дѣвушекъ, въ честь Геры. При этомъ дѣвушки носили короткое платье, только до колѣнъ, волосы ихъ были распущены, а правое плечо обнажено до груди. Соотвѣтственно съ этимъ задумана и статуя бѣгущей дѣвушки, находящаяся въ Ватиканѣ (см. рис. 63).

Стройное и сильное, какъ это требуется для состязанія, истинно дѣвственное существо, съ скромно опущенною головою, ждетъ знака для начала бѣга. Слегка архаическая связанность, отъ которой не совсѣмъ еще свободна фигура, придаетъ ей еще больше привлекательности.

Мальчикъ съ занозой.

У такъ называемаго мальчика съ занозою (на Капитоліи) также почти не осталось слѣда отъ архаической несвободы. Только невыразительность головы (рис. 196) и кудри, положеніе которыхъ противорѣчитъ закону тяготѣнія, показываютъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ раннимъ произведеніемъ. Смѣлость движеній при угловатости ихъ напоминаетъ намъ натурализмъ олимпійскихъ фронтоновъ (ср. рис. 191). Голова также имѣетъ извѣстное сходство съ Аполлономъ олимпійскаго западнаго фронтона. Сосредоточенная серьезность съ которою этотъ стройный мальчикъ отдается своему занятію, забывая все окружающее, обезпечиваетъ ему самый живой нашъ интересъ. Фигура, вѣроятно, изображаетъ юнаго бѣгуна, который удостоился приза, несмотря на то, что занозилъ себѣ подошву.

198а Каріатиды съ сокровищницы книдосцевъ въ Дельфахъ (homolle).

198 б. По Fouilles de Delphes IV и Perrot-Chipiez VIII.

199. СОКРОВИЩНИЦА КНИДОСЦЕВЪ ВЪ ДЕЛЬФАХЪ. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОНЪ.

По Fouilles de Delphes L.

Позднѣйшіе художники воспользовались этимъ сюжетомъ, какъ чистымъ жанромъ (рис. 197). Рѣдкая античная статуя такъ нравилась художникамъ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія и такъ часто копировалась, какъ эта. И въ настоящее время она еще пользуется особою популярностью и распространена въ безчисленныхъ копіяхъ.

О произведеніяхъ іонійскихъ художественныхъ школъ за это время приходится сказать сравнительно немного. Съ тѣхъ поръ какъ Малая Азія подпала подъ тяжелый гнетъ персовъ, іонійское искусство, нѣкогда процвѣтавшее, было сломлено и оскудѣло. Только единичные памятники, какъ, напр., сокровищница книдосцевъ въ Дельфахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ іонійскихъ странахъ все еще культивировалось изящное искусство, хотя въ техникѣ и въ экспрессіи успѣхи его были незначительны. Сокровищница книдосцевъ.

200. Съ западнаго фриза сокровищницы книдосцевъ въ Дельфахъ.

По Perrot-Chipiez VIII.

Построенная изъ мѣстнаго мрамора въ іонійскомъ стилѣ, сокровищница книдосцевъ возвышалась на искусственно сооруженной террасѣ. Скульптуры и карнизы совершенно разрушеннаго зданія вновь найдены въ такой полнотѣ, что на рисункѣ возможно было возстановить все въ цѣломъ. Постройка имѣла форму храма съ антами; вмѣсто колоннъ для передней галлереи служили двѣ фигуры дѣвушекъ, которыя по костюму и позѣ напоминаютъ „дѣвъ" аѳинскаго Акрополя (ср. рис. 137) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются предшественницами каріатидъ храма Эрехѳея (см. ниже, рис. 238). На головѣ онѣ имѣли высокій уборъ, разукрашенный рельефами. Фигуры на западномъ фризѣ (рис. 200) изображаютъ троянскія сраженія, на которыя взираютъ боги, представленные сидящими, точно также какъ и на фризѣ Парѳенона (см. ниже). Весь фризъ, тянувшійся вокругъ четырехъ стѣнъ храма, былъ пестро расписанъ. На западномъ фронтонѣ былъ изображенъ загадочный споръ изъ-за дельфійскаго треножника. Повидимому, дорійцы пытались выставить своего національнаго героя Геракла владѣльцемъ оракула, вмѣсто іонійскаго Аполлона; эта попытка, можетъ-быть, и нашла свое пластическое выраженіе въ спорѣ между Аполлономъ и Геракломъ изъ-за треножника. Аѳина стоитъ по срединѣ фронтона, какъ посредница между враждующими богами. Акротеріями сокровищницы служили богини побѣды, которыя, повидимому, изготовлены въ мастерской Архерма (ср. рис. 131).

Каламидъ. Весьма плодовитымъ и многостороннимъ іонійскимъ художникомъ этого періода былъ, повидимому, Каламидъ; но, къ сожалѣнію, не со-

хранилось ни одного произведенія, которое могло бы быть приписано ему съ достовѣрностью. Онъ славился, главнымъ образомъ, изображеніями лошадей и другихъ животныхъ, но также и статуями боговъ. Въ его произведеніяхъ цѣнилась не столько сила, сколько нѣжность и изящество. Такимъ образомъ, этотъ чуткій іоніецъ представлялъ собою извѣстный контрастъ съ энергичными дорійскими художниками Пелопоннеса.

Ретроспективный взглядъ.

Если на порогѣ къ шедеврамъ аттическаго рѣзца еще разъ вкратцѣ резюмировать развитіе архаическаго искусства, то прежде всего намъ представится высоко отрадная картина безпрерывнаго прогресса, свободнаго отъ всякихъ скачковъ. Одинъ шагъ за другимъ завоевывается въ борьбѣ съ неподатливымъ матеріаломъ, а всякое удачное пріобрѣтеніе съ твердостью отстаивается и ни въ какомъ случаѣ не утрачивается (ср. стр. 230). Правда, немало недостатковъ въ этихъ раннихъ произведеніяхъ: напр., мы указывали часто на жесткіе контуры, механическія движенія и какъ бы наполовину застывшее выраженіе. Но, съ другой стороны, мы во всѣхъ работахъ этого молодого искусства ясно видимъ, что каждый художникъ далъ намъ рѣшительно самое лучшее, что онъ могъ, а это искупаетъ многіе недостатки. Подобно тому, какъ вообще въ жизни первые, многообѣщающіе, хотя и несовершенные опыты пылкой молодости трогаютъ и интересуютъ насъ гораздо больше, чѣмъ испытанныя работы зрѣлаго возраста,—точно также на насъ дѣйствуютъ и эти ранніе продукты греческаго творчества: они говорятъ намъ о горячихъ стремленіяхъ, о священныхъ порывахъ и, наконецъ, свидѣтельствуютъ о настойчивости, увѣренной въ конечной побѣдѣ. Въ этихъ произведеніяхъ кипитъ пылкая молодая жизнь, и потому имъ обезпечены наши симпатіи больше, чѣмъ многимъ совершеннѣйшимъ твореніямъ цвѣтущаго періода.

б) **Аѳинскіе живописцы переходнаго времени.** Теперь мы вновь и окончательно обратимся къ Аѳинамъ, гдѣ греческій геній достигъ самаго роскошнаго расцвѣта. Послѣ ухода персовъ, весь городъ вмѣстѣ съ крѣпостью представлялъ собою однѣ грандіозныя развалины. Здѣсь прежде всего нужно было возобновить укрѣпленія какъ нижняго, такъ и верхняго города, такъ какъ непріятель, дважды уже нападавшій на несчастный городъ, могъ легко вернуться въ третій разъ. Разрушенныя святыни на первыхъ порахъ были возстановлены лишь коекакъ, ибо для монументальнаго возведенія ихъ не настало еще время. Для этого граждане были еще слишкомъ заняты тѣмъ, чтобы воспользоваться побѣдой надъ варварами и укрѣпить обширное аттическое государство на островахъ и на малоазійскомъ побережьи. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ отраженія персовъ на Аѳинахъ не воздвигалось никакихъ роскошныхъ

201. АТТИЧЕСКІЙ КРАТЕРЪ ИЗЪ ОРВІЕТО.
Mon. d. Inst. XI.

Гераклъ бра́нитъ аргонавтовъ на Лемносѣ за ихъ бездѣйствіе. Композиція напоминаетъ Полигнота.

построекъ. Въ такомъ же положенiи находилась и скульптура: великiй ея часъ насталъ лишь тогда, когда нужно было снабдить новые храмы, возникшiе около середины вѣка, новыми изображенiями боговъ и разными пластическими украшенiями. Такимъ образомъ, не архитектура и не скульптура, а живопись оказалась тою художественною отраслью, въ которой впервые выразился возвышенный стиль этой эпохи.

202. КРАТЕРЪ ИЗЪ БОЛОНЬИ. Mon. d. Inst. Supp XXI.

Тритонъ уноситъ въ море Өесея. Объясненiе смотри въ сообщаемомъ ниже о Вакхилидѣ. Картина изображаетъ внизу посрединѣ Посидона на ложѣ. Надъ нимъ Амфитрита подаетъ вѣнокъ Өесею; слѣва у края виденъ носъ корабля Өесея съ лавровою гирляндою; наверху слѣва Гелiосъ съ четверкою лошадей наполовину показывается изъ-за волнообразной линiи горизонта. Справа позади Посидона эротъ наливаетъ вино для морского бога; остальное пространство наполнено нереидами. Та же сцена, въ болѣе сокращенномъ видѣ, изображена на вазѣ, воспроизведенной на таблицѣ VIII.

Великiй художникъ, съ котораго начался первый расцвѣтъ живописи, былъ Полигнотъ изъ Өасоса, сынъ Аглаофонта. Өасосъ былъ колонiею iонiйскаго острова Пароса; Полигнотъ, вѣроятно, былъ тоже iонiецъ и, слѣдовательно, принадлежалъ къ племени, въ которомъ искусство живописи искони культивировалось съ особою любовью. Полигнотъ представляется намъ личностью возвышенною; искусство не служило ему средствомъ для добыванiя насущнаго хлѣба, и свои наиболѣе крупные циклы картинъ онъ написалъ безплатно. Около 475 года онъ, можетъ-быть, по побужденiю Кимона, переселился въ Аөины, гдѣ большiя, расписанныя имъ фрески положили основанiе его славѣ. Вмѣстѣ со своимъ iонiйскимъ землякомъ Микономъ онъ разукрасилъ древнiй храмъ

Полигнотъ.

Миконъ.

Діоскуровъ (на сѣверномъ склонѣ Акрополя) фресками изъ героическихъ сказаній. Тутъ были имъ изображены похищеніе Діоскурами дочерей Левкиппа и приключенія аргонавтовъ (ср. рис. 201).

Во вновь сооруженномъ Кимономъ храмѣ Ѳесея Полигнотъ, опять совмѣстно съ Микономъ, написалъ вторую серію картинъ, а именно излюбленныя битвы съ амазонками, съ кентаврами и, кромѣ того, приключенія Ѳесея у Миноса и въ подземномъ царствѣ (рис. 202). Вмѣстѣ

Панэнъ съ Микономъ и Панэномъ, братомъ Фидія, онъ преобразовалъ тор-

203. ВАЗА ИЗЪ ГЕЛЫ. 50 прогр. въ честь Винкельмана.

Орфей сидитъ на холмѣ, распѣвая и играя на лирѣ, какъ его изобразилъ и Полигнотъ въ своей Некьи. Ѳракійцы въ мѣстныхъ шапкахъ изъ лисьяго мѣха съ петлями для вѣшанія (?) окружаютъ его, въ различной степени тронутые его пѣснью.

говые ряды, выстроенные на площади („агара“) зятемъ Кимона Писіанактомъ, въ „Stoa Poikile“, т.-е. въ „пеструю“ колоннаду. На стѣнахъ была написана трилогія славныхъ подвиговъ аѳинянъ, а именно борьба Ѳесея съ амазонками, завоеваніе Трои и битва при Мараѳонѣ. Эти картины, возвеличивавшія недавнее, славное прошлое, служили предметомъ восторга для гражданъ. Знаменитый живописецъ получалъ при-

Онасій. глашенія и въ другія мѣста; такъ, онъ вмѣстѣ въ Онасіемъ (повидимому, изъ Беотіи) расписалъ стѣны храма Аѳины въ Платеѣ, сооруженнаго изъ персидской добычи, причемъ ему принадлежитъ изображеніе убійства жениховъ Одиссеемъ (ср. рис. 152), а Онасію—походъ семи

вождей против Ѳив. Въ Ѳеспіяхъ у Геликона Полигнотъ также написалъ фрески, сюжеты которыхъ, однако, намъ неизвѣстны. Зато, благодаря точному описанію, мы лучше всего освѣдомлены о его фрескахъ для „Лесхи“ (или общественнаго клуба) книдосцевъ въ Дельфахъ (ср. табл. II). Ему, повидимому, было дано порученіе написать по одной картинѣ изъ „Иліады“ и изъ „Одиссеи“; Полигнотъ, однако, остановился на „Разрушеніи Трои“ (Iliupersis) и на „Спускѣ Одиссея въ подземное царство“ (Nekyia), причемъ онъ сумѣлъ на обѣихъ картинахъ помѣстить всѣ главные образы обѣихъ поэмъ и передать существенное содержаніе послѣднихъ.

Манера письма Полигнота.

Отъ всѣхъ этихъ произведеній, конечно, давно уже не осталось и слѣда, такъ что мы можемъ составить себѣ представленіе объ особенностяхъ этого художника лишь на основаніи описаній у древнихъ авторовъ, а также руководствуясь изображеніями на вазахъ, въ которыхъ сказывается вліяніе Полигнота. Употребленіе красокъ у него было еще очень ограничено: онъ имѣлъ въ распоряженіи только четыре краски, черную, бѣлую, желтую и красную, но, благодаря смѣшенію ихъ, получалъ еще другіе оттѣнки. Для насъ его картины представлялись бы, вѣроятно, не чѣмъ инымъ, какъ раскрашенными рисунками; древніе же отзывались и о красочныхъ эффектахъ его картинъ лишь съ похвалою. Рисунки его отличались необыкновенною ясностью и чрезвычайною отчетливостью. На днѣ ручейковъ, напримѣръ, просвѣчивали камешки; сквозь платье у женскихъ фигуръ проглядывали формы тѣла ясными контурами, такъ что одежда, которую еще не рѣшались удалить съ женскихъ изображеній, не вредила художественной правдѣ. Полигнотъ больше всего славился какъ мастеръ характеристики: такъ, въ глазахъ его Поликсены, по словамъ тогдашнихъ авторовъ, отражалась вся троянская война. Подобно аттической сценѣ, онъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе возвышеннымъ сюжетамъ, изображая на своихъ фрескахъ только идеальные образы, выше человѣческаго роста, или выдающихся людей въ значительныхъ ситуаціяхъ. Его композиціи были обширны и богаты фигурами, а потому требовали большого искусства группировки, тѣмъ болѣе, что создавались онѣ безъ соблюденія перспективы. Полигнотъ прибѣгалъ къ слѣдующему пріему: предметы, находящіеся другъ за другомъ, онъ изображалъ расположенными одинъ надъ другимъ, какъ бы въ разныхъ ярусахъ, изъ которыхъ заднiй доходилъ у него до верхняго края изображенія. Волнообразные контуры земли служили для того, чтобы лица, находящіяся на различномъ уровнѣ, не казались летающими по воздуху. Эти волнообразныя линіи обозначали вѣроятно также холмы, за которыми отчасти скрывались второстепенныя фигуры, мало участвующія въ группѣ и, за недостаткомъ мѣста, не умѣщающіяся цѣликомъ, такъ что видна была только верхняя половина тѣла, а иногда

даже и одна голова (ср. рис. 201 наверху слѣва). Хотя Полигнотъ, повидимому, изображалъ не столько настоящія дѣйствія, сколько извѣстныя ситуаціи, но фигуры его, тѣмъ не менѣе, представляли собою настоящія группы, благодаря живому взаимодѣйствію между лицами. Чѣмъ ближе эти послѣднія стояли къ центру картины, тѣмъ ярче отражалось въ нихъ изображаемое происшествіе (ср. рис. 203). Эта идея Полигнота постепенно ослаблять какое-нибудь дѣйствіе по мѣрѣ удаленія его отъ центра вскорѣ нашла себѣ и въ пластикѣ блестящее примѣненіе. Полигноту выпало на долю то рѣдкое счастье, что фрески его сейчасъ же послѣ ихъ появленія встрѣтили всеобщій восторгъ. Аѳиняне почтили художника дарованіемъ права гражданства, и амфиктіоны обезпечили ему даровое угощеніе во всѣхъ своихъ городахъ въ благодарность за картины, которыя онъ написалъ въ Дельфахъ.

Онъ, вѣроятно, еще самъ дожилъ до того, какъ зароненныя имъ идеи были усердно восприняты родственнымъ искусствомъ, пластикою, тѣмъ болѣе, что самъ Полигнотъ, кромѣ живописи, занимался и скульптурою и, навѣрное, поддерживалъ съ нею живую связь.

Что же касается вліянія, которое его произведенія оказывали на творчество и идеалы слѣдующихъ вѣковъ, то въ отношеніи такого вліянія ихъ справедливо сравнивать съ ватиканскими станцами Рафаэля, неослабѣвающее дѣйствіе которыхъ сказывается до настоящаго времени. Цѣлое основное направленіе въ живописи, такъ называемое „элладическое“, имѣетъ своимъ вождемъ Полигнота. Онъ былъ для античной живописи тѣмъ же, чѣмъ для пластики Фидій. Позднѣйшіе художники превзошли его, можетъ-быть, въ техникѣ, но по идейности и величавости концепціи—никто.

в) **Аѳинскіе скульпторы переходнаго времени.** Обращаясь къ ваятелямъ эпохи Кимона, мы встрѣчаемъ прежде всего вышеупомянутаго (стр. 320)

Каламидъ. Каламида, художника іонійской школы, о которомъ мы вполнѣ правдоподобно, хотя не съ достовѣрностью, можемъ сказать, что главнымъ мѣстомъ его дѣятельности были Аѳины. До сихъ поръ не удалось еще твердо установить какое-нибудь произведеніе этого многосторонняго мастера.

Миронъ. Что касается Мирона, то дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Подобно Каламиду, и онъ былъ лишь наполовину аттическаго происхожденія, имѣя родиною Элевтеры, пограничный городъ между Аттикою и Беотіею. Были попытки объяснить этою полубеотійскою родиною художника его стремленіе къ реализму, къ изображенію животныхъ, однимъ словомъ, къ манерѣ, близкой голландской школѣ. Онъ, по преданію, учился у Агелаида въ Аргосѣ, но мастерская его находилась потомъ въ Аѳинахъ. Цвѣтущій періодъ его творчества относится къ 450 году, слѣ-

довательно, нѣсколько раньше Фидія. О многихъ его произведеніяхъ имѣются свѣдѣнія, но лишь немногія сохранились въ копіяхъ. Величайшій восторгъ вызвало его бронзовое изображеніе коровы, которое было поставлено недалеко отъ Акрополя. Античные панегиристы преувеличенно утверждаютъ, что иллюзія отъ этого изображенія была настолько велика, что даже животныя вводились въ заблужденіе: телята приближались къ этой бронзовой коровѣ, чтобы сосать ее, слѣпни, чтобы кусать, и львы, чтобы растерзать ее! На Акрополѣ стояла также группа Мирона, изображавшая Аѳину и Марсія и передававшая беотійское сказаніе объ изобрѣтеніи тростниковой флейты, приправленное язвительною, чисто-аттическою солью (ср. рис. 204).

204. Аѳина и Марсій.
Копія съ группы Мирона на краснофигурной вазѣ въ Берлинскомъ музеѣ. По Гиршфельду.

Аѳина, увидавъ въ поверхности воды, какъ некрасиво искажалось ея лицо во время игры на флейтѣ, бросила изобрѣтенный ею инструментъ и прокляла того, кто его подниметъ. Тогда подбѣжалъ силенъ Марсій и схватилъ флейту, но Аѳина ударила его по рукѣ, такъ что онъ уронилъ ее вновь и испуганно отскочилъ. Этотъ-то моментъ выбралъ Миронъ.

Болѣе интересная изъ двухъ фигуръ, составлявшихъ группу, а именно фигура Марсія, сохранилась для насъ въ римской копіи (рис. 205). Она показываетъ, чего въ сущности хотѣлъ достичь Миронъ. Онъ старался изобразить тѣло въ моментъ стремительнѣйшаго движенія; мало того, онъ хотѣлъ передать самое движеніе. При безупречной анатоміи тѣла, отдѣлка волосъ и лица отличается еще нѣкоторою условностью. Но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ произведеніи несомнѣнно содержится духовный моментъ: такъ, борьба между жадностью и страхомъ выражена

во всей фигурѣ чрезвычайно интересно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большимъ юморомъ.

То, чего добивался Миронъ, и въ чемъ заключалась новизна его искусства, лучше всего наблюдать на его „Дисколобѣ".

205. Марсій Мирона. Мрам. группа въ Латеранѣ, Римъ. По Rayet, Mon. de l'art. ant. I. Кастаньеты на рукахъ являются невѣрнымъ дополненіемъ.

Лукіанъ даетъ очень хорошее описаніе этой фигуры: „ты говоришь о дискоболѣ, который, наклоняясь впередъ, чтобы бросить дискъ, обращаетъ лицо къ рукѣ, держащей его, и слегка сгибаетъ колѣно съ тѣмъ, чтобы послѣ метанія тотчасъ же выпрямиться". Къ этому описанію прибавимъ, что лѣвая нога только пальцами касается земли, между тѣмъ какъ пальцы правой ноги, которая должна поддерживать всю тяжесть тѣла и придать ему устойчивость для сильнаго размаха, точно вцѣпились въ землю; далѣе, голова дискобола en face довольно невыразительна, между тѣмъ какъ въ профиль (рис. 207) она имѣетъ чрезвычайно симпатичное, слегка меланхолическое выраженіе. Коротко остриженные волосы не имѣютъ еще самостоятельнаго художественнаго значенія, напротивъ, они вполнѣ ясно обозначаютъ форму черепа. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на рѣзко выраженный рельефный характеръ фигуры: на рельефахъ вѣдь архаическое искусство гораздо раньше рѣшилось изобразить повороты и изгибы, чѣмъ на скульптурахъ. Поэтому весьма возможно, что и нашъ художникъ счелъ нужнымъ придать своей довольно смѣлой работѣ нѣ-

сколько бо́льшую устойчивость, прибѣгая на первыхъ порахъ къ техникѣ рельефовъ.

Къ чему стремился Миронъ со своею статуею? Намѣревался ли онъ окончательно порвать съ фронтальностью архаическаго искусства? Или онъ былъ еще больше заинтересованъ въ передачѣ движенія? Съ фронтальностью порвали до него уже другіе (ср. фронтальныя фигуры въ Эгинѣ и Олимпіи); безусловную же новизну представляло изображеніе преходящаго момента, на которое онъ рискнулъ. Такая фигура, какъ Аполлонъ Тонейскій (ср. выше, рис. 126), представляется какъ бы внѣ времени; намъ кажется, что она въ такой позѣ можетъ простоять вѣка. У дискобола же переданъ такой кратковременный моментъ, какого, строго говоря, не подмѣчалъ ни одинъ человѣческій глазъ. Раньше изображалось только правильно сложенное тѣло; здѣсь же оно представлено въ наибольшемъ напряженіи его силъ и въ моментъ наибольшаго движенія. Чтобы создать такое произведеніе, какъ дискоболъ, надо было наблюдать жизнь тѣла съ совершенно новой стороны, а именно изучать, какія формы оно принимаетъ при движеніяхъ. За это и взялся Миронъ; такимъ образомъ, онъ сталъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ новаторовъ въ

206. Дискоболъ Мирона.
Правильно дополненный гипсовый снимокъ въ мюнхенскомъ собраніи гипсовъ. По Brunn-Bruckmann.

области изображенія человѣка. Ему удалось создать такіе моментальные образы, которые въ общемъ производятъ впечатлѣніе правды, но именно только впечатлѣніе, потому что на самомъ дѣлѣ, какъ это доказываютъ современные моментальные фотографическіе снимки, отдѣльныя стадіи такого быстраго движенія оказываются совершенно иными, чѣмъ ихъ представляли себѣ Миронъ и родственные ему художники, передавшіе свою увѣренность и намъ. Но здѣсь важна, очевидно, иллюзія, которая и удалась ему въ совершенствѣ.

207. Голова дискобола.
Съ фотографіи.

Въ древности еще особенно славилась его фигура скорохода Ладаса: на его губахъ какъ бы застыло тяжелое дыханіе, замѣтное и по глубоко втянутымъ бокамъ; только кончикомъ ноги прикасался онъ къ землѣ, и казалось, что онъ сейчасъ отдѣлится отъ подставки; однимъ словомъ, это было опять изображеніе быстрѣйшаго движенія. Однако, сильное впечатлѣніе, производимое этими фигурами, не могло вызываться одною иллюзіею, получаемою отъ передачи моментальнаго движенія. Образы, созданные Мирономъ, имѣли также нравственное содержаніе. Работы его представляли не только атлетовъ съ развитою мускулатурою, но и юношей съ сильною волею, одушевленныхъ пылкими стремленіями, благородные порывы которыхъ такъ отрадно созерцать.

3. Фидій и его школа.

Фидій. Аѳины уже въ эпоху Кимона имѣли весьма почтенныхъ художниковъ; но во вторую половину вѣка они достигли еще большаго. По окончаніи персидскихъ войнъ (449 г.) представилась возможность расходовать общественныя средства на произведенія искусства въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо. Душою же этой интенсивной художественной дѣятельности, породившей съ помощью такихъ

значительныхъ средствъ почти исключительно первоклассные шедевры, былъ первый государственный дѣятель этой эпохи—Периклъ.

Его изображеніе дошло до насъ въ двухъ античныхъ мраморныхъ бюстахъ, восходящихъ, вѣроятно, къ гермѣ, которую Кресилай воздвигъ на Акрополѣ въ честь славнаго дѣятеля. Кресилай былъ родомъ изъ Кидоніи на Критѣ, но, повидимому, уже рано переселился въ Аѳины. Отъ его многочисленныхъ произведеній, созданныхъ имъ для Аѳинъ, Дельфовъ, Эфеса и другихъ мѣстъ, больше ничего не сохранилось. Упомянутые бюсты во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя намъ извѣстны о внѣшнемъ обликѣ великаго аѳинянина (ср. рис. 160). Кресилай.

Волосы и борода тщательно расчесаны, лицо серьезно, почти торжественно, краснорѣчивыя уста раскрыты, точно для произнесенія рѣчи, на головѣ шлемъ стратега. Но этотъ портретъ не можетъ насъ вполнѣ удовлетворять, такъ какъ задумчиво опущенное лицо слишкомъ ужъ добродушно для историческаго Перикла. Дальнозоркій государственный дѣятель, который, въ случаѣ нужды, не останавливался и передъ политикою крови и желѣза, навѣрное представлялъ на своемъ лицѣ и менѣе ласковыя черты. Однако, мы не должны забывать, что передъ нами лишь блѣдная, ремесленная копія съ гермы Кресилая.

Объ изумительной, неустанной художественной дѣятельности въ перикловъ вѣкъ Плутархъ даетъ восторженное описаніе: „Въ это время созидались произведенія, необычайныя по своему величію и неподражаемыя по простотѣ и изяществу, потому что художники, какъ бы на состязаніи, старались превзойти самихъ себя, придавая своимъ произведеніямъ наибольшую художественную отдѣлку. Но всего удивительнѣе при этомъ была быстрота работы: всѣ эти произведенія, изъ которыхъ каждое, казалось бы, требовало для своего окончанія нѣсколько поколѣній,—были закончены въ періодъ управленія одного человѣка. Красота ихъ вскорѣ послѣ возникновенія стала извѣстна всему міру, впечатлѣніе же отъ нихъ и понынѣ еще свѣжо и ново. Неувядаемая молодость запечатлѣна въ нихъ, и въ теченіе долгаго времени они сохранили такой цвѣтущій видъ, точно въ нихъ вложена живая душа, не подверженная вліянію старости. Главою же и руководителемъ всѣхъ художниковъ былъ Фидій, хотя рядомъ съ нимъ работали также великіе архитекторы и скульпторы“.

О жизни этого величайшаго изъ всѣхъ скульпторовъ мы знаемъ очень мало. Онъ происходилъ изъ артистической семьи. Отца звали Хармидомъ, а упомянутый уже выше (стр. 324) братъ его, Панэнъ, былъ извѣстнымъ живописцемъ, да и самъ Фидій началъ свою художественную карьеру съ живописи. Родился онъ въ Аѳинахъ между 500 и 490 годами; такимъ образомъ, молодость его совпала съ эпохою персидскихъ войнъ, и душа его съ раннихъ лѣтъ наполнялась возвышенными обра- Жизнь Фидія.

зами. Учителемъ Фидія былъ скульпторъ Гегій; но возможно, что онъ учился отчасти и въ Аргосѣ. Когда затѣмъ на родинѣ онъ сталъ создавать свои безсмертныя творенія и сдѣлался главою обширной школы ваятелей, у него не было недостатка въ поклонникахъ, но также и въ завистникахъ и клеветникахъ. Мало того, этотъ великій человѣкъ, обвиненный въ растратѣ общественныхъ денегъ, умеръ, по всей вѣроятности, въ тюрьмѣ (см. ниже) около 431 года.

Произведенія Фидія.

Этимъ скуднымъ біографическимъ даннымъ о жизни Фидія соотвѣтствуетъ и небольшое количество его произведеній (точнѣе, копій съ таковыхъ), на основаніи которыхъ мы должны будемъ произвести оцѣнку его художественной индивидуальности. Мы вынуждены исключить изъ числа его произведеній скульптуры на Пареенонѣ, потому что не можемъ доказать, чтобы, кромѣ общаго надзора, Фидій принималъ какое-либо личное участіе въ замыслѣ или выполненіи ихъ.

208. Аѳина Промахосъ Фидія на аѳинской бронзовой монетѣ.

Юношескія произведенія его имѣли своимъ предметомъ прежде всего прославленіе персидскихъ войнъ, но они пока намъ неизвѣстны. Строго говоря, это относится и къ колоссальной статуѣ Аѳины Промахосъ, которая была сооружена изъ персидской добычи, доставшейся на долю Аѳинъ, и поставлена между Пропилеями и Пареенономъ. Изъ описаній древнихъ авторовъ, которыя подтверждаются немногими изображеніями на монетахъ (рис. 208), вытекаетъ съ достовѣрностью то, что богиня, имѣвшая вмѣстѣ съ пьедесталомъ 9 метр. вышины, была представлена въ полномъ вооруженіи. Лѣвая рука ея держала щитъ, украшенный боевыми сценами, правая же—поднятое вверхъ копье, золоченое остріе котораго, какъ первый признакъ близости Аѳинъ, издали привѣтствовало всякаго аѳинянина, направлявшагося отъ мыса Сунія къ своей родинѣ. Лицо богини было обращено на западъ, такъ что ея привѣтственный взглядъ встрѣчалъ всякаго, вступавшаго въ крѣпость, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ обращенъ на городъ и окрестности. Особенно хорошо вся фигура богини была видна народу, суетившемуся на рынкѣ, и въ своей величественной, спокойной, но все же воинственной позѣ служила воплощеніемъ могучей божественной охраны.

Аѳина Промахосъ.

Лемніянка.

Не очень далеко отъ этой гигантской статуи стояло другое изображеніе Аѳины работы Фидія, а именно такъ называемая Лемніянка. Она была тоже сдѣлана изъ бронзы, но не имѣла такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Есть предположеніе, что аттическіе клерухи, выселившіеся въ 447 году въ Лемносъ, принесли эту статую въ даръ отечественной богинѣ. Это приношеніе было вызвано мирными соображеніями, и этому соотвѣтствовалъ замыселъ статуи: шлемъ Аѳины на-

ходился не на головѣ, а на протянутой впередъ правой рукѣ; слегка подобранная эгида висѣла наискосокъ груди. Болѣе чѣмъ какая-либо другая статуя Фидія, она отличалась красотою и служила предметомъ восторга, главнымъ образомъ, изъ-за очаровательнаго овала лица и тонкихъ очертаній носа.

Къ этой знаменитой бронзовой статуѣ считаютъ возможнымъ возвести цѣлый рядъ другихъ, изъ которыхъ нашъ рисунокъ (209-й) воспроизводитъ наиболѣе сохранившійся экземпляръ. Такой взглядъ основанъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) мы имѣемъ здѣсь весьма славный мотивъ, такъ какъ иначе едва ли сохранились бы для насъ семь воспроизведеній его; 2) этотъ оригиналъ былъ, по всей вѣроятности, бронзовымъ издѣліемъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ рѣзко изогнутыя складки и весьма детально разработанные волосы; 3) дрезденскій торсъ, относительно расположенія складокъ, обнаруживаетъ ближайшее родство съ Аѳиною-Дѣвою Фидія, о которой рѣчь ниже; наконецъ, 4) и дрезденская Аѳина была безъ шлема, а между тѣмъ извѣстно, что существовала только одна знаменитая статуя Аѳины безъ шлема, а именно Лемніянка Фидія. Особенно поражаетъ насъ своею необыкновенною красотою голова; великолѣпная, свободная обработка волнистыхъ волосъ,

209. Лемніянка (?) Фидія.
По Furtwängler, Meisterwerke.
Торсъ находится въ Дрезденѣ, голова въ Болоньѣ.

перевязанныхъ широкою лентою, не можетъ сравниться ни съ чѣмъ во всемъ античномъ искусствѣ. Разница между красотою и граціею этого шедевра и неподвижною торжественностью, которую, судя по копіямъ, Фидій соблюлъ въ статуѣ Дѣвы, весьма значительна, но все не можетъ быть объяснена различіемъ размѣровъ, матеріала и мѣстомъ постановки.

Аѳина Парѳеносъ.

Статуя Аѳины-Дѣвы изъ слоновой кости и золота была посвящена въ 438 году. Будучи вышиною приблизительно 12 метр., она стояла въ средней нефи Парѳенона (см. ниже, стр. 343 сл.). На платье и вооруженіе этой статуи было употреблено больше 2000 килогр. чистаго золота, такъ что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляла собою запасный военный фондъ на случай нужды. Золотыя части статуи легко снимались, каждые 4 года вѣсъ ихъ провѣрялся казначеями на особыхъ вѣсахъ. Ядро ея составляла очень тщательно вырѣзанная деревянная статуя, на которой тонкими пластами были положены слоновая кость и золото, такъ что въ крайности это произведеніе могло имѣть свою художественную цѣну и безъ золотого покрова. Вскорѣ уже статуя начала портиться; неоднократно похищались части ея золотой одежды, и не позже V вѣка по Р. Хр. она совершенно была уничтожена.

210. Голова Лемніянки. Мраморъ. Болонья. По Furtwängler, Meisterwerke.

Кромѣ многочисленныхъ литературныхъ указаній, мы имѣемъ также довольно обширный, художественный матеріалъ для воспроизведенія утерянной статуи. Среди скульптурныхъ копій обращаетъ на себя вниманіе найденная въ Аѳинахъ статуэтка приблизительно въ метръ вышины (рис. 211). Повидимому, ее сдѣлалъ весьма посредственный художникъ уже послѣ Р. Хр. Но хотя художественное значеніе ея не велико, зато она педантично воспроизводитъ оригиналъ, и это составляетъ ея до-

211 а. Мраморная копія съ Аѳины Парѳеносъ.
Athen. Mitt. 1881.

стоинство. Насколько позволялъ небольшой размѣръ, всѣ детали, о которыхъ упоминаетъ путешественникъ Павсаній, говоря объ изображеніи Дѣвы изъ золота и слоновой кости, воспроизведены добросовѣстно. Съ богатыми украшеніями головы и шлема насъ знакомитъ точнѣе всего гемма нѣкоего Аспасія (рис. 215). Кое-какія дополнительныя данныя представляютъ двѣ золотыя медали, найденныя въ Крыму въ курганѣ, вѣроятно, IV вѣка (рис. 212). Наконецъ, найденный въ Аѳинахъ мраморный фрагментъ (рис. 213) лучше всего воспроизводитъ рельефы, нѣкогда украшавшіе наружную сторону щита богини. Съ помощью этихъ болѣе или менѣе надежныхъ копій представляется возможность реконструировать статую богини въ ея первоначальномъ видѣ и убранствѣ.

Могущественная покровительница города была изображена съ почти архитектурной строгостью, съ которой вполнѣ гармонировала правильная колоннада внутри храма. Голова ея была обращена впередъ, а лѣвая нога немного отставлена въ сторону. Эта строгая фронтальность придавала статуѣ выраженіе

211 б. Фотографическій снимокъ. Копія найдена въ Аѳинахъ близъ школы, называемой Варвакіонъ.

большой торжественности. Несмотря на простоту формъ въ общемъ, отдѣлка деталей отличалась богатствомъ. Въ особенности голова была почти чрезмѣрно обременена всевозможными украшеніями: тройной султанъ покоился на сфинксѣ и двухъ грифахъ, а надъ передней частью шлема, спускающейся на лобъ, былъ изображенъ рядъ скачущихъ лошадей. Наличники шлема были откинуты вверхъ; на одномъ, вѣроятно, помѣщалась сова Аѳины. Серьги и ожерелье дополняли убранство головы, съ которой спадали на грудь и плечи симметрично расположенные и завитые спиралью локоны. Строго симметрично расположены были также складки пеплоса богини. Кромѣ него, грудь была защищена чешуйчатою эгидою окаймленною змѣями и украшенною головою медузы. Изъ змѣй состоялъ поясъ, равно какъ и запястье на лѣвой рукѣ богини. Этою лѣвою рукою Аѳина держала свой могучій щитъ, наружная сторона котораго представляла битву съ амазонками; ея отдѣльныя сцены были расположены, согласно манерѣ Полигнота и, безъ сомнѣнія, подъ его вліяніемъ, въ видѣ „яру-

212. золотой медальонъ, найденный въ крыму и хранящійся въ петербургѣ.
Ath. Mitt. VIII.

213. часть щита; изъ мрамора; находится въ британскомъ музеѣ, принадлежала прежде лорду стрэнгфорду. По фотографіи.
Въ фигурѣ лысаго старика, одѣтаго лишь въ рабочую блузу и находящагося подъ горгонеемъ слѣва, можетъ-быть, изображенъ самъ Фидій.

совъ" поволнообразнымъ линіямъ, между тѣмъ какъ на внутренней сторонѣ щита изображены были сраженія боговъ съ гигантами. Подъ сѣнью щита таилась огромная змѣя Аѳины: къ лѣвому плечу богини было прислонено ея копье, охваченное и удерживаемое одною изъ змѣй эгиды. На ладони правой руки Аѳина держала Побѣду, причемъ Фидій подставилъ, для подпорки сильно обремененной руки, колонну, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была служить почти неизбѣжнымъ противовѣсомъ къ находящимся на лѣвой сторонѣ щиту, копью и змѣѣ. Наконецъ, на широкой подставкѣ статуи была изображена знаменитая сцена Пан-

214. маска зевса изъ отриколы. римъ. ватиканъ.
Римская копія съ произведенія IV вѣка. Фотограф. снимокъ.

215. Гемма Аспасія. Вѣна. Увеличено. По Collignon, Sculpt. I.

216. Элидскія монеты съ изображеніемъ Зевса Фидія. По рисунку.

доры съ небожителями, надѣляющими ее своими дарами, причемъ всѣ образы отличались сдержанными движеніями; восходящая колесница бога Солнца и заходящая Селена обрамляли съ правой и лѣвой стороны эту сцену и указывали на то, что ея мѣстомъ были небеса.

217. Гермесъ по Алкамену. Sitzungsber. d. Berl. Ak. 1904. Найдено въ 1903 году въ Пергамѣ. Константинополь.

Благоразуміе требуетъ отъ насъ, чтобы мы воздерживались отъ критики этого памятника и довѣряли вкусу древнихъ, которые безгранично его превозносили. По всей вѣроятности, художнику удалось создать изъ драгоцѣнныхъ составныхъ частей своего произведенія гармоническое сочетаніе красокъ. Слоновую кость онъ, вѣроятно, окрасилъ, а золоченыя плоскости тоже не оставилъ одноцвѣтными, ожививъ ихъ посредствомъ вложенной эмали и искусной рѣзьбы. Впечатлѣніе богатства чрезвычайно усиливалось еще отъ сверкающихъ драгоцѣнныхъ камней въ глазахъ и прочихъ подходящихъ мѣстахъ. Наконецъ, хотя эта статуя и была сурова и, пожалуй, еще нѣсколько архаична, но зато она имѣла то преимущество, что представляла собою настоящій образъ божества, вызывавшій благоговѣйное настроеніе и достойный поклоненія.

Статуя Зевса въ Олимпіи.

Когда Фидій въ 438 г. закончилъ свое произведеніе, проработавъ надъ нимъ 9 лѣтъ, элейцы пригласили его создать для олимпійскаго храма Зевса недостающее изображеніе его изъ золота и слоновой кости. Пріобрѣвъ богатый опытъ, онъ, съ помощью своего брата

Панэна и ученика Колота, приступилъ къ новой работѣ и уже въ 432 году, по случаю 87-ой олимпіады, послѣдовало открытіе его статуи Зевса. Къ сожалѣнію, единственными памятниками, при помощи которыхъ мы можемъ составить себѣ представленіе объ этомъ послѣднемъ шедеврѣ великаго мастера, являются нѣкоторыя монеты (рис. 216) и весьма вольныя копіи вмѣстѣ съ описаніемъ Павсанія.

Отецъ боговъ, имѣвшій вмѣстѣ съ пьедесталомъ 14 метр. вышины, былъ изображенъ сидящимъ на тронѣ; если бы онъ поднялся, то пробилъ бы потолокъ храма. Онъ также держалъ на правой рукѣ Побѣду, а въ лѣвой—скипетръ, усыпанный драгоцѣнными камнями. Тронъ его представлялъ шедевръ рѣзной работы, будучи весь разукрашенъ рѣзьбою изъ цѣннаго матеріала. Даже скамейка, находящаяся подъ ногами божества, была украшена рельефными изображеніями битвы амазонокъ. На пьедесталѣ было представлено, какъ Афродита, только-что вышедшая изъ моря, была принята въ сонмъ безсмертныхъ.

Несомнѣнно, что это произведеніе, какъ и Дѣва, было въ высшей степени прекрасно и представляло для глаза безконечно много достойныхъ наблюденія частностей: но относительно стиля его мы освѣдомлены еще хуже, чѣмъ относительно стиля аѳинскаго произведенія. Мы даже не знаемъ навѣрное, была ли обнажена грудь бога или покрыта одеждою доверха. Относительно выраженія лица дошедшія до насъ извѣстія расходятся. Одинъ извѣстный анекдотъ повѣствуетъ, будто бы Панэнъ спросилъ однажды брата, по какому образцу думаетъ онъ создать своего Зевса, на что Фидій отвѣтилъ стихами изъ „Иліады“:

Молвилъ Кронидъ и повелъ въ знакъ согласья густыми бровями,
И благовонные кудри владыки кругомъ взволновались,
Вѣя съ безсмертной главы, и могучій Олимпъ содрогнулся.

Но этотъ анекдотъ не соотвѣтствуетъ добротѣ и милостивой кротости, которую прославляли всѣ, видѣвшіе статую; не подходитъ онъ также и къ впечатлѣнію, которое производитъ голова Зевса на элидскихъ монетахъ (рис. 216); главнымъ же образомъ, не подходитъ онъ къ выраженію, обычному на другихъ изображеніяхъ божества у того же мастера [1]). Единогласно признается всѣми древними писателями, что олимпійскій Зевсъ до глубины захватывалъ массу вѣрующихъ и возвышалъ ихъ религіозное чувство: считалось несчастьемъ умереть, не увидавъ этого Зевса. Напротивъ, въ кружкахъ художниковъ онъ, кажется, не получилъ одобренія въ такой же степени. Во всякомъ случаѣ, „неудавшійся колоссъ“, какъ его кто-то назвалъ, не послужилъ образцомъ для распространенныхъ въ странѣ изображеній Зевса послѣдующаго времени. Преобла-

[1]) Возраженіе врядъ ли справедливое. Гомеръ представилъ Зевса исполняющимъ мольбу Ѳетиды; а въ чемъ же выражаются доброта и милостивая кротость бога, какъ не въ этомъ?

давшій впослѣдствіи типъ Зевса (ср. рис. 214) болѣе подчеркивалъ энергію, мощь и властность отца боговъ; Фидій же создалъ его такимъ кроткимъ и милостивымъ, что художникъ первыхъ временъ христіанства могъ взять его за образецъ для изображенія Христа. Есть даже возможность допустить, что знакомый намъ типъ Христа съ бородой созданъ не кѣмъ инымъ, какъ Фидіемъ въ лицѣ его олимпійскаго Зевса. Въ Константинополѣ, куда статую перевезли въ концѣ языческаго періода, она, по преданію, погибла при одномъ пожарѣ.

218. Афродита ἐν κήποις Алкамена (?).
Луврь. Съ фотографіи.

Изъ Олимпіи Фидій вернулся, вѣроятно, въ 432 году въ Аѳины, чтобы сдѣлаться тамъ жертвой партійныхъ страстей, разгорѣвшихся противъ его покровителя Перикла: по всей вѣроятности, его обвинили въ растратѣ драгоцѣннаго матеріала, изъ котораго онъ нѣкогда сдѣлалъ свою Дѣву; можеть-быть, ему вмѣнили въ вину и то, что онъ на щитѣ Дѣвы (рис. 213) увѣковѣчилъ свой собственный портретъ,—какъ бы то было, но незадолго до начала Пелопоннесской войны онъ умеръ въ тюрьмѣ. Но этотъ трагическій конецъ не могъ повредить его посмертной славѣ. Весь древній міръ единогласно призналъ за нимъ первое мѣсто среди великихъ скульпторовъ. Какъ мастеръ издѣлій изъ золота и слоновой кости, онъ не былъ никѣмъ превзойденъ, также какъ и въ работѣ по мрамору; только въ изготовленіи бронзовыхъ издѣлій Поликлетъ считался искуснѣе. Съ удивительнѣйшимъ мастерствомъ техники онъ соединялъ

какъ никто, величіе замысла и богатство идей. Все, что онъ создавалъ, было запечатлѣно печатью величія; боги удавались ему лучше, чѣмъ люди. Повидимому, онъ еще вѣрилъ въ своихъ боговъ и, благодаря этой силѣ вѣры, творилъ божественные образы, къ которымъ никто не приближался безъ благоговѣнія: такимъ образомъ, онъ былъ религіознымъ художникомъ въ высшемъ значеніи этого слова.

219. Дисково́лъ ватиканскій.
Съ фотографіи.
Въ отличіе отъ дискобола Мирона (рис. 206), онъ занятъ приготовленіемъ къ метанію диска; позабывъ обо всемъ окружающемъ, онъ ищетъ удобнаго мѣста, отъ котораго зависитъ удача метанія. Дискъ держитъ онъ пока еще въ лѣвой рукѣ.

Школа Фидія. Фидій былъ не только великимъ мастеромъ, но и замѣчательнымъ учителемъ, собравшимъ вокругъ себя значительную школу. Въ числѣ его учениковъ Алкаменъ повидимому, былъ самымъ выдающимся и самостоятельнымъ: древній міръ могъ указать именно на него какъ на соперника своего мастера. Хотя онъ былъ, очевидно, очень плодовитымъ художникомъ, все же изъ его произведеній до насъ дошла только позднѣйшая копія одной изъ его работъ. Алкаменъ.

Это—герма (рис. 217), оригиналъ которой, можетъ-быть, стоялъ нѣкогда у Пропилей въ Аѳинахъ; во II или III вѣкѣ послѣ Р. Хр. одинъ пергамскій гражданинъ велѣлъ ее тамъ скопировать и поставить въ гимназіи своего родного города; такимъ образомъ, недавно намъ вновь подаренная, она дошла до насъ. Голова, съ своими естественно падающими волосами, напоминаетъ намъ непосредственно Зевса Фидія, какъ мы его знаемъ по элидскимъ монетамъ (рис. 216). Также и извѣстная черта величія напоминаетъ манеру великаго мастера, къ которому Алкаменъ приблизился больше всѣхъ его учениковъ. Удивительными могли бы показаться нѣкоторыя архаическія черты этой скульптуры, главнымъ образомъ, улиткообразные локоны, расположенные тремя рядами; но самый стиль гермы требовалъ, конечно, такихъ строгихъ старомодныхъ формъ.

220. ФУНДАМЕНТЪ ПАРѲЕНОНА ИЗЪ ПОРОСА.
Съ фотографіи.
Во время сооруженія возникъ вопросъ, что дѣлать съ мусоромъ, который получился частью отъ постройки, а частью отъ разрушенія, произведеннаго персами; его насыпали съ южной стороны къ фундаменту, который, при сооруженіи колоннъ, весь оказался покрытымъ массами мусора. Когда въ 80 годахъ прошлаго столѣтія повсемѣстно на акрополѣ раскапывали персидскій мусоръ, обнажили и фундаментъ Парѳенона и при этомъ открыли много архаическихъ скульптуръ.

Наибольшею славою между работами Алкамена пользовалась его Афродита en kêpois, названная такъ потому, что она была выставлена „въ садахъ“ Илиса. Одна Афродита, найденная въ Фрежюсѣ (Fréjus), въ южной Франціи, повидимому, имѣетъ много общаго съ этой прославленной скульптурой (рис. 218). Какъ-разъ вспоминается Алкаменъ, когда видишь цѣломудренную строгость и простоту этой богини красоты, которая въ убранствѣ волосъ и въ формѣ глазъ имѣетъ что-то старинное и совершенно лишена всякаго кокетства. О точности опредѣленія здѣсь не можетъ быть и рѣчи, какъ и относительно ватиканскаго Дискобола, съ его характерной головой, чисто-аттической тонкостью выраженія и естественной красотой. Хотя мотивъ этотъ вполнѣ достоинъ великаго художника,—тѣмъ не менѣе, ничѣмъ не доказано, что „образцовый атлетъ“, созданный Алкаменомъ, тожественъ съ этимъ дискоболомъ.

Что касается другого великаго ученика Фидія, Агоракрита изъ Пароса, то мы тоже не выходимъ изъ области догадокъ. Его работы были такъ сходны съ работами его учителя, что еще въ древности ихъ часто смѣшивали. Конечно, если бы отъ статуи Немезиды, которую Агоракритъ создалъ для аттическаго Рамнунта, осталось бы нѣчто большее, чѣмъ вполнѣ разбитые куски базиса, мы имѣли бы возможность составить себѣ опредѣленное понятіе о его стилѣ. Теперь же для насъ этотъ любимый ученикъ Фидія представляетъ только имя. Агоракритъ.

Приходится съ этимъ мириться. Насколько достовѣрно то, что Фидій и его школа въ продолженіе всего періода Перикла были во главѣ всей художественной дѣятельности и руководили ею, настолько не возможно теперь выяснить подробно ихъ участіе въ созданныхъ тогда твореніяхъ. Это мы увидимъ сейчасъ съ поразительною ясностью при разсмотрѣніи главной постройки того времени, Пареенона.

4. Постройки и скульптура вѣка Перикла.

Пареенонъ. Къ постройкѣ этого величайшаго храма богини-покровительницы города приступили еще до начала Персидскихъ войнъ. Для того, чтобы возвышаться надо всѣмъ, онъ долженъ былъ находиться на высочайшемъ пунктѣ кремля, а такъ какъ именно здѣсь утесъ имѣлъ сильную покатость къ югу, потребовались исполинскія стѣны для фундамента (рис. 220), которыя должны были быть прикрыты земляными насыпями весьма большихъ размѣровъ. Храмъ, фундаментъ котораго состоялъ изъ пороса, а колонны изъ мрамора, уже подвинулся довольно далеко, когда разразилась катастрофа 480 г., и Пареенонъ, еще окруженный лѣсами, наравнѣ съ другими зданіями кремля, сдѣлался добычею пламени. Послѣ ухода персовъ, ничего другого не оставалось, какъ все сломать и начать постройку сызнова. Но барабаны колоннъ, поврежденные огнемъ, пошли на починку сѣверной крѣпостной стѣны, гдѣ они и сдѣлались на долгое время видными памятниками персидскаго нашествія (рис. 221). Пареенонъ.

Только послѣ окончанія Персидской войны, въ годы отъ 447 до 432, нынѣшнее зданіе было выполнено архитекторами Иктиномъ и Калликратомъ. Оно было нѣсколько короче, но зато шире, чѣмъ первоначальное. Со своимъ фундаментомъ въ видѣ ступеней, эта постройка была еще выше, чѣмъ первая; кромѣ того, матеріаломъ для нея послужилъ исключительно мраморъ. Такимъ образомъ, при образцовомъ соблюденіи всѣхъ пропорцій, воздвигнутый въ превосходнѣйшей мѣстности, какую только можно себѣ представить, и изъ благороднѣйшаго матеріала, Пареенонъ сдѣлался совершеннѣйшимъ образцомъ дорическаго храма, превосходившимъ во всѣхъ отношеніяхъ Олимпійскій храмъ Зевса. Въ

221. Сѣверная стѣна кремля съ барабанами колоннъ древнѣйшаго Пароенона.
Pausanias ed. Jahn-Michaelis.

особенности обширная главная „целла“ храма была гораздо болѣе приспособлена, чѣмъ съ Олимпіи (сравни рис. 109) для помѣщенія большого изображенія божества. Нашъ рисунокъ 159 (стр. 231) наглядно представляетъ современное состояніе восточнаго фасада Пароенона.

Судьба Пароенона.

Построенный какъ бы на вѣчныя времена, Пароенонъ простоялъ столѣтія; но, несомнѣнно, онъ носитъ на себѣ слѣды своей древности. Въ первый разъ онъ чувствительно пострадалъ, когда въ V или VI столѣтіи христіанской эры храмъ дѣвственной богини превратили въ церковь Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ обоихъ фронтонахъ были вдѣланы между богами ниши для статуй святыхъ. Отъ колонны до колонны вывели стѣны и такимъ образомъ создали вокругъ зданія закрытый дворъ. Внутри храма западная часть была обращена въ паперть (narthex), а съ восточной стороны пристроена апсида, для освѣщенія которой верхнимъ свѣтомъ въ западномъ фронтонѣ продѣлано было широкое отверстіе для окна. Послѣ завоеванія турками (въ 1456 году) „большая аоинская церковь“ была превращена въ мечеть, и къ юго-восточному углу пристроенъ былъ минаретъ. Еще болѣе роковымъ для зданія было то обстоятельство, что турки пользовались имъ иногда какъ пороховымъ складомъ: 26 сентября 1687 года въ него попала бомба венеціанцевъ, которые осаждали крѣпость подъ предводительствомъ Моро-

222. Одна изъ южныхъ метопъ Пароенона.
Съ фотографіи.

зини, и попала такъ несчастливо, что вся средняя часть храма съ порохомъ взлетѣла на воздухъ. Фронтонныя стороны мало пострадали; но Морозини пожелалъ получить трофей. Еще прежде, другой Морозини, послѣ разгрома Константинополя въ 1204 году, привезъ четырехъ бронзовыхъ коней, стоящихъ нынѣ на соборѣ св. Марка; теперь его потомокъ къ нимъ хотѣлъ присоединить pendant въ видѣ Посидона и обоихъ коней, впряженныхъ въ колесницу Аѳины, наиболѣе сохранившіяся части западнаго фронтона (ср. рис. 231). Но какъ только отдѣлили первыя плиты карниза, которыя придерживали фигуры сверху,—все обрушилось и разбилось на тысячу кусковъ.

Еще больше посягательствъ позволилъ себѣ англійскій посланникъ, лордъ Эльгинъ: вскорѣ послѣ 1800 года онъ увезъ въ Лондонъ всѣ скульптурныя изображенія, которыя можно было отдѣлить безъ полнаго разрушенія зданія, а также и наполовину уже разбитыя и лежавшія на землѣ. Съ тѣхъ поръ эти „мраморы лорда Эльгина", перешедшіе въ британскій музей съ 1816 года, открыли глаза просвѣщенной Европѣ на недосягаемое превосходство греческой пластики. Но, несмотря на эту культурную миссію, которую они исполнили въ Лондонѣ, теперь пріятнѣе было бы видѣть ихъ тамъ, гдѣ сами аѳиняне добросовѣстно охраняютъ свои древности, на мѣстѣ ихъ возникновенія, при чистомъ аттическомъ солнечномъ свѣтѣ, для котораго они и были созданы, а не въ лондонскомъ туманѣ, который ихъ отвратительно загрязнилъ.

Теперь отъ чудной постройки Иктина осталась только сильно разоренная развалина, которая при каждомъ землетрясеніи грозитъ полнымъ разрушеніемъ. Крыши нѣтъ совсѣмъ, недостаетъ многихъ колоннъ, краски фризовъ и балокъ поблекли, а скульптурныя изображенія или разбиты, или вывезены изъ страны. Но природа щедро вознаградила за исчезновеніе искусственныхъ красочныхъ тоновъ, такъ какъ желѣзо, содержащееся въ мраморѣ, окислилось и выступило на камняхъ золотыми узорами, а на сѣверной сторонѣ темные микроскопическіе мхи прибавили еще рѣзкія тѣни къ этой роскошной позолотѣ. Итакъ, несмотря, на все опустошеніе, Парѳенонъ, это идеальное созданіе архитектуры, по живописности своей, остается непревзойденнымъ ни однѣми руинами на свѣтѣ.

Метопы Парѳенона.

Изъ скульптурныхъ изображеній, которыми храмъ было щедро украшенъ, древнѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, метопы. Въ цѣломъ ихъ было 92; но мы можемъ разсматривать только изображенія на южной сторонѣ, потому что скульптуры трехъ остальныхъ фасовъ, по бо́льшей части, разрушены до неузнаваемости. При этихъ условіяхъ невозможно опредѣленно передать даже содержаніе всѣхъ изображеній; одно кажется достовѣрнымъ, что сцены борьбы наполняютъ большую часть метопъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ: на восточной сторонѣ боги сражались съ гигантами, на западной—аѳиняне съ амазонками, на сѣверной и на южной—лапиты съ кентаврами; итакъ, вездѣ были представлены исключительно сцены съ сильнымъ движеніемъ. Можетъ-быть, этотъ выборъ

223. Одна изъ южныхъ метопъ Пароенона.
Съ фотографіи.

сценъ былъ обусловленъ тѣмъ, что въ противоположность къ правильнымъ, покойнымъ линіямъ дорической архитектуры, чувствовалась художественная потребность въ возможно безпокойныхъ подвижныхъ очертаніяхъ? Или, можетъ-быть, въ этомъ пристрастіи къ сценамъ борьбы сказалось воинственное настроеніе аѳинянъ, которые незадолго передъ этимъ побѣдили могущественнаго врага? Можно предположить, что въ этомъ своеобразномъ выборѣ сюжетовъ участвовали оба эти момента. Вообще у поколѣнія, слѣдовавшаго за персидскими войнами, излюбленными сценами были сцены борьбы, но особенно это относится къ борьбѣ съ кентаврами. Сколько такихъ изображеній было на одномъ Акрополѣ! Какое множество интересныхъ варіантовъ представляла эта тема художникамъ; какъ разнообразны бы-

224. Одна изъ южныхъ метопъ Пароенона.
Съ фотографіи.

ли движенія этихъ чудовищъ съ ихъ шестью оконечностями, какъ необыкновенна и трудна борьба съ ними и защита отъ нихъ! Художники, въ самомъ дѣлѣ, превосходили одинъ другого въ остроумныхъ видоизмѣненіяхъ этой темы, и лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго богатства

225. ИЗЪ ЗАПАДНАГО ФРИЗА ПАРѲЕНОНА.
По Michaelis, Parthenon.

ихъ фантазіи служитъ то, что они умѣли одинъ и тотъ же процессъ изображать такъ часто, не надоѣдая и не повторяясь. Всѣ 92 метопы не были, конечно, дѣломъ одного скульптора: и въ самомъ дѣлѣ, и замыселъ и исполненіе очень разнообразны. Мы находимъ тамъ фигуры на древній образецъ, съ угловатымъ и худымъ сложеніемъ (рис. 222), а рядомъ съ ними — чудесныя свободныя творенія, полныя кипучей жизни (рис. 224). Въ мастерской, которая создалась ради Парѳенона, работали очевидно и старые скульпторы, которые были въ ученьи при Критіи и Несіотѣ; но рядомъ съ ними—болѣе молодое поколѣніе, прошедшее школу Фидія и взявшее постепенно верхъ надъ устарѣвшими мастерами. Старѣйшіе скульпторы выводили свои фигуры въ обычной атлетической наготѣ (рис. 222 и 223); молодые же умѣли усиливать движеніе и выразительность своихъ фигуръ красиво задрапированными одеждами и достигали этимъ эф-

226. ВСАДНИКИ СЪ ЗАПАДНАГО ФРИЗА ПАРѲЕНОНА.
По Cherbuliez.
По поводу задней изъ лошадей Викторъ Шербюлье сочинилъ свои извѣстныя «бесѣды о лошади Фидія», которыми мы нѣсколько разъ пользовались въ текстѣ.

227. РАСПОРЯДИТЕЛЬ ПРАЗДНИКА И СѢДОКИ КВАДРИГИ СЪ СѢВЕРНАГО ФРИЗА ПАРѲЕНОНА.
Съ фотографіи.

фектовъ почти живописи. Такимъ образомъ, благодаря этимъ метопамъ, мы можемъ бросить взглядъ въ мастерскую Парѳенона; мы видимъ тамъ за дѣломъ старшее и младшее поколѣнія художниковъ и видимъ по нимъ, какъ новое направленіе побѣдоноснопрокладываетъ себѣ путь.

Фризъ целлы.

Сказанное относится вполнѣ къ тѣмъ художникамъ, которымъ мы обязаны знаменитымъ фризомъ целлы въ Парѳенонѣ. Этотъ фризъ тянулся, въ видѣ широкаго бордюра, высоко по внѣшнимъ стѣнамъ храма, такъ что его можно было видѣть только по частямъ изъ-за колоннады; такимъ образомъ, онъ былъ помѣщенъ такъ же невыгодно, какъ картины на потолкѣ сикстинской капеллы. Цѣльныя полосы фриза, строго говоря, составляютъ принадлежность іоническаго стиля; дорическая же

228. ДѢВЫ СЪ ВОСТОЧНАГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА.
Съ фотографіи.

нормальная постройка имѣетъ обыкновенно вмѣсто нихъ фризъ, состоящій изъ метопъ и триглифовъ (ср. рис. 108); бруски съ каплями подъ фризомъ напоминаютъ и здѣсь объ этомъ дорическомъ пріемѣ. Можетъ-быть, только въ теченіе постройки, строителямъ пришла въ голову мысль помѣстить здѣсь вмѣсто метопъ и триглифовъ іоническій фризъ? Ему не придавали никакого другого значенія, кромѣ декоративнаго; въ античной литературѣ мы напрасно стали бы искать хотя бы скуднаго упоминанія объ этомъ столь значительномъ произведеніи, которое возбуждаетъ теперь такое необычайное удивленіе. Рельефъ фриза совершенно плоскій, и, несмотря на это, получается впечатлѣніе значительной глубины. Старательно принято въ разсчетъ то обстоятельство, что свѣтъ долженъ былъ падать не прямо. а подъ косымъ угломъ снизу: туловища лошадей и все то, что наблюдатель, стоявшій внизу, могъ видѣть яснѣе, было отдѣлано съ большимъ стараніемъ, чѣмъ гривы, лица и другія болѣе высокія части. Фризъ сохранился относительно хорошо: первоначальная длина его равнялась 160 метрамъ, для насъ же безвозвратно погибла только часть его на протяженіи 16 метровъ. Сохранившееся находится, по большей части, въ Лондонѣ; на самомъ зданіи остался нетронутымъ только западный фризъ. При выборѣ мраморныхъ плитъ для этого фриза, къ сожалѣнію, строители были очень невзыскательны и употребляли много слоистыхъ плитъ, содержавшихъ слюду,—новое доказательство того, какое скромное мѣсто они отводили этой декоративной работѣ.

На фризѣ представлено было праздничное шествіе Панаѳиней, которое съ большою торжественностью, каждый третій годъ олимпіады, поднималось по направленію къ кремлю. День этого торжества былъ для аѳинянина самымъ большимъ праздникомъ, выше котораго онъ не зналъ ничего; его подразумѣваетъ та мать-аѳинянка у Аристофана, которая, лаская сына, говоритъ ему: „когда ты выростешь и будешь направлять колесницу въ кремль“! Художникъ, конечно, не очень строго придерживался порядка празднества и предписанныхъ костюмовъ; уже одна нагота столькихъ фигуръ показываетъ, что онъ компоновалъ свои группы съ чисто-художественными цѣлями и идеализировалъ ихъ. Такъ, онъ не пожелалъ представить замкнутое шествіе вокругъ всего храма; вмѣсто того онъ изобразилъ двѣ части процессіи, общимъ исходнымъ пунктомъ которыхъ служилъ юго-западный уголъ храма. Болѣе длинная часть процессіи подвигалась вдоль западной и сѣверной сторонъ; болѣе короткая—вдоль южной стороны, по направленію къ богамъ, возсѣдавшимъ на престолахъ на восточной сторонѣ. На западной сторонѣ мы видимъ, какъ шествіе начинается: нѣкоторые всадники еще стоятъ около своихъ коней; на сѣверѣ же кавалькада уже въ полномъ ходу. Передъ всадниками ѣдутъ четырехконныя государственныя колесницы, съ воз-

ничими, вооруженными воинами и распорядителями праздника. Передъ колесницами идутъ еще почтенные граждане съ оливковыми вѣтвями, музыканты съ инструментами, мужи съ мѣдными сосудами, наконецъ, мы видимъ овецъ и коровъ, которыхъ гонятъ для жертвы богинѣ. Расположенiю фигуръ въ сѣверной части

фриза соотвѣтствуетъ въ общемъ такое же расположенiе ихъ на южной сторонѣ. На востокѣ, гдѣ обѣ части процессiи заворачиваютъ для того, чтобы торжественно предстать передъ богами, идутъ справа и слѣва скромныя дѣвы, со всевозможными принадлежностями для жертвы (рис. 228); распорядители праздне-

229. СРЕДНЯЯ ГРУППА СЪ ВОСТОЧНАГО ФРИЗА ПАРѲЕНОНА.

По Michaelis, Parthenon.

ства и бородатые граждане, опирающіеся на посохи, смотрятъ на приближающуюся процессію. Но въ серединѣ восточной части фриза безсмертные, незамѣтно для людей, заняли мѣста на престолахъ: они явились лично, чтобы принять предназначенныя имъ почести. Какъ-разъ надъ главнымъ портикомъ группа боговъ прерывается сценой, которую мы должны представить себѣ внутри храма: жрецъ принимаетъ парадную одежду, пеплосъ, которую благороднѣйшія дѣвы города выткали для древняго рѣзного изображенія богини-покровительницы; жрица же привѣтствуетъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя приносятъ стулья съ подушками, повидимому для того, чтобы разложить на нихъ ту парадную одежду (сравни рис. 229, Н—М).

Лошади фриза.

Если мы обратимся къ частностямъ, намъ становится прежде всего очевидной замѣтная роль, которую въ этой торжественной процессіи играютъ лошади: ихъ насчитываютъ до 215. Какъ во времена Гомера лошадь была безусловно любимымъ животнымъ эллиновъ, такъ и въ V вѣкѣ аѳиняне отличались особенною любовью къ этому гордому животному. Какъ много аѳинянъ изъ руководящихъ круговъ общества носили имена, въ со-

230 а. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТОНЪ ПАРѲЕНОНА.

По Collignon. Sculpt. gr. II. Оставшіяся отъ южной половины фигуры: А — С—Геліосъ и его колесница. D—такъ называемый Ѳесѣй (скорѣе Діонисъ). Е—F—Горы, или вѣроятнѣе, Деметра съ Корой. G—Геба (?).

230 b. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТОНЪ ПАРѲЕНОНА.

По Collignon. Sculpt. gr. II. Сѣверное крыло: Н —(вѣроятно относится къ западному фронтону) Ирида (?). I—K—Мойры (?). L—M—Селена съ своей кобылой.

231. РОЖДЕНІЕ АѲИНЫ.

По Schneider, Abh. d. Wiener arch. Sem. I.

РЕЛЬЕФНЫЯ УКРАШЕНІЯ СЪ КОЛОДЦА. МАДРИДЪ.

Позади Зевса, совсѣмъ влѣво, Гефестъ съ молоткомъ, которымъ онъ сдѣлалъ щель въ головѣ отца боговъ. Къ Аѳинѣ прилетаетъ Ника для того, чтобы отнынѣ составлять всегда ея свиту. Направо сидятъ или стоятъ три Мойры.

ставъ которыхъ входило слово (h)ippos! Знатные граждане въ родѣ Алкивіада любили содержать конюшни, участвовали своими четырехконными колесницами въ національныхъ играхъ и получали награды, какъ побѣдители, на славу себѣ и городу. Дрессировка лошадей была очень развита въ Аѳинахъ, что мы видимъ на каждой страницѣ сочиненія Ксенофонта о коневодствѣ. Идеалъ лошади, который намъ рисуетъ Ксенофонтъ, въ существенныхъ пунктахъ вполнѣ совпадаетъ съ типомъ лошади на фризѣ Парѳенона: „Шея лошади—говорится въ упомянутомъ нами сочиненіи—не должна быть направленной внизъ, какъ у свиньи, а вверхъ, какъ у пѣтуха... челюсти должны быть узки, а скелетъ долженъ рѣзко обозначаться во всей головѣ... выпуклые глаза сообщаютъ всему животному болѣе веселый видъ и бо́льшую способность озираться кругомъ, чѣмъ глаза, лежащіе глубоко... а то, что ноздри широко открыты, лучше для дыханія и придаетъ лошади болѣе жизненный видъ... Настоящая лошадь должна имѣть также довольно широкій лобъ и маленькія уши“ и т. д. При этомъ, естественно, возникалъ вопросъ и о томъ, къ какой породѣ принадлежитъ лошадь Парѳенона, и различные знатоки лошадей высказались единогласно за то, что она имѣетъ наибольшую родственную связь съ берберійской лошадью изъ сѣверной Африки. Интересны поэтому требованія, которыя предъявляетъ къ хорошей берберійской лошади Абдель-Кадеръ, знаменитый эмиръ кабиловъ: „величайшій врагъ лошади“, говоритъ эмиръ, „это жиръ“... „Пусть у твоей лошади будутъ втянутые худые бока... Пусть у нея будутъ велики: лобъ, грудь и крупъ... Спина должна быть коротка, переднія конечности—длинны... Каждая изъ ея ноздрей должна походить на логовище льва—когда лошадь дышитъ, пусть оттуда свищетъ буря... Если лошадь вытягиваетъ шею, чтобы пить изъ ручья на ровномъ мѣстѣ, и при этомъ твердо стоитъ на четырехъ ногахъ, не сгибая ни одной изъ переднихъ ногъ,—это служитъ доказательствомъ того, что она сложена безупречно и хорошей породы“ (ср. рис. 225).

И, въ самомъ дѣлѣ, кажется, что лошадь, которая особенно цѣнилась въ то время въ Аѳинахъ, наиболѣе походила на эту африканскую лошадь. Конечно, при изображеніи ея, художникъ ее идеализировалъ, какъ и все остальное: такихъ рѣзкихъ профилей, какіе мы видимъ у лошадей Парѳенона, въ дѣйствительности никогда не встрѣчается. Нервность и жилистость ихъ также преувеличены: мы забываемъ почти, что эти животныя состоятъ еще и изъ мяса. Главнымъ же образомъ, размѣры лошади не тѣ, какіе мы видимъ въ дѣйствительности: всадники слишкомъ велики, лошади слишкомъ малы,—уклоненіе отъ естественныхъ пропорцій, которое было сдѣлано, очевидно, для лучшаго наполненія пространства, а, можетъ-быть, и для того, чтобы, рядомъ съ большими туловищами лошадей, всадники и другіе люди не показались слишкомъ миніатюрными. Но при этомъ это смѣлое уклоненіе отъ природы выполнено такъ точно, что все-таки намъ кажется, будто мы видимъ вполнѣ выросшихъ лошадей, а не пони. Особенно выдается у этихъ животныхъ ихъ духовный элементъ. Аѳиняне, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Ксенофонтъ, были очень высокаго мнѣнія о благородствѣ души лошади. Бичи и шпоры были запрещены при дрессировкѣ: „Лошадь должна быть другомъ человѣка, должна нуждаться въ его присутствіи и любить его... она можетъ сама собою принять свою самую блестящую

232. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТОНЪ ПАРѲЕНОНА.
Реконструкція K. Schwerzek'a.

Принимая во вниманіе еще болѣе раннее полное разрушеніе средины фронтона (ср. стр. 343), многое изъ того, что вставилъ для дополненія художникъ, лишено точнаго обоснованія должно быть разсматриваемо скорѣе какъ вольная композиція.

233. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОНЪ ПАРѲЕНОНА.
Реконструкція K. Schwerzek'a.

Дополненіе было сдѣлано въ точности по рисунку фронтона 1674 года (слѣдовательно, до разрушенія Морозини) и по фрагментамъ Британскаго музея. Трезубецъ, которымъ Посидонъ вызвалъ чудесный ключъ изъ скалы Акрополя, мы бы предпочли видѣть въ правой, а не въ лѣвой рукѣ бога (ср. рис. 234).

осанку... Во всемъ существѣ лошади есть нѣчто такое прекрасное, граціозное и милое, что, подъ рукою всадника, она привлекаетъ къ себѣ всѣ взоры... таковы кони, которыхъ изображаютъ носителями боговъ и героевъ, и честь тому, кто умѣетъ съ ними обращаться". Именно съ такими свободными и прекрасными движеніями изображены лошади на фризѣ Парѳенона. Одно только напоминаетъ у нихъ о принужденіи: широко раскрытыя морды, слѣдствіе большихъ мундштуковъ, которые употреблялись въ древней Элладѣ; какъ повода, такъ и эти мундштуки были на нашемъ фризѣ изготовлены изъ металла и съ теченіемъ времени отвалились.

Такъ совершенно прекрасны эти лошади, что изъ-за нихъ легко не замѣтить людей; а, между тѣмъ, изображеніе людей было и здѣсь главной задачей скульптора. Художникъ до того увлекся своимъ идеаломъ, что помѣстилъ въ торжественной процессіи почти сплошь юношескія эластичныя фигуры и почти совершенно исключилъ пожилыхъ сановниковъ, которые въ дѣйствительности, навѣрное, играли въ ней важную роль. Свободные аѳиняне движутся передъ нами пѣшкомъ, на лошадяхъ и въ колесницахъ, не въ строгомъ парадномъ порядкѣ, не въ узкихъ мундирахъ, не съ сѣдлами и стременами, но съ свободнымъ изяществомъ, сидя на неосѣдланныхъ скакунахъ и составляя каждый какъ бы одно цѣлое со своимъ животнымъ. Единственно, что связываетъ этихъ людей—это ихъ единодушное настроеніе: они покойны, увѣрены въ себѣ и не оглядываются на зрителя; они свободны, потому что зависятъ только отъ себя. Соціальнаго неравенства нигдѣ незамѣтно: они всѣ равны между собою настолько, что даже лицамъ недостаетъ индивидуальнаго выраженія. Гордою, смѣлой поступью идутъ они мимо насъ,—достойное отраженіе аѳинянъ изъ лучшихъ временъ ихъ исторической жизни.

234. Аѳинская монета съ изображеніемъ состязанія боговъ.
По рисунку.
Дельфинъ у ногъ Посидона намекаетъ на соленый ключъ (θάλασσα), который богъ сотворилъ съ помощью своего трезубца.

Вершину цѣлаго составляли, конечно, *боги* восточнаго фриза; жаль только, что мѣстами они очень плохо сохранились. Мудро поступилъ художникъ, изобразивъ ихъ *въ сидячемъ положеніи*: такимъ образомъ, онъ могъ придать имъ значительно бóльшіе размѣры, чѣмъ людямъ, не разрывая рамокъ фриза. Кромѣ того, это производитъ такое впечатлѣніе, что боги очень уютно расположились среди своего аѳинскаго народа и принимаютъ предназначенныя имъ почести съ чисто-небеснымъ благоволеніемъ. Нельзя, однако, съ увѣренностью назвать всѣхъ боговъ; одно несомнѣнно, что широкоплечій богъ съ большой бородою (G), который возсѣдаетъ на особенно удобномъ креслѣ, слѣва около сцены съ пеплосомъ, есть отецъ боговъ Зевсъ: именно съ такою кротостью и благостью и Зевсъ Фидія долженъ былъ взирать на людей въ Олимпіи. Слѣва отъ Зевса сидитъ Гера (F), величественно откидывая покрывало и обнажая свои прекрасныя руки: на то она и „прекраснораменная" среди богинь. Съ точностью опредѣляются также

235. МОЙРЫ (?) СЪ ВОСТОЧНАГО ФРИЗА ПАРѲЕНОНА. Съ фотографіи.

Аресъ (D), который въ нервномъ безпокойствѣ охватываетъ свое правое колѣно, и Гермесъ (A), совсѣмъ на лѣвомъ концѣ фриза, съ дорожной шляпой на колѣняхъ. Направо отъ сцены съ пеплосомъ (H—M) сидитъ сначала Паллада-Аѳина (N), очень молодая, съ совсѣмъ дѣвическими кудрями, которые напоминаютъ издали кудри Лемніянки (ср. рис. 209). Рядомъ съ ней хромой богъ Гефестъ опирается на свою костылеобразную палку (O). За нимъ слѣдуетъ бородатый Посидонъ (P), за нимъ Аполлонъ (Q) и не вполнѣ опредѣлимая богиня (Peitho?); наконецъ, совершенно на лѣвой сторонѣ, въ видѣ отрока, Эротъ (S), ко-

236. ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ КЕФИСЪ СЪ ЗАПАДНАГО ФРОНТОНА ПАРѲЕНОНА.
Съ фотографіи.

торый, прислонясь къ колѣнямъ своей матери, Афродиты (T), держитъ ея зонтикъ. Такія собранія боговъ греки всегда любили изображать на фасадахъ храмовъ; сравните съ этимъ собраніемъ очень сходное съ нимъ еще архаическое изображеніе на сокровищницѣ книдосцевъ въ Дельфахъ (рис. 200). Они нравились также и въ послѣдующее время. Въ такъ называемомъ храмѣ Ѳесея въ Аѳинахъ и на восточномъ фризѣ храма Ники они точно также повторяются.

Восточный фронтонъ Парѳенона.

Приблизительно тѣ же боги, небольшія изображенія которыхъ мы только-что видѣли, занимали когда-то въ видѣ колоссальныхъ статуй и восточный фронтонный треугольникъ храма. Здѣсь было представлено чудесное рожденіе Аѳины; но не тотъ поразительный моментъ, когда богиня, вооруженная, выходитъ изъ темени отца боговъ,

но нѣсколько позднѣйшій, когда она во всемъ величіи вступаетъ въ кругъ пораженныхъ олимпійцевъ. Гомеровскій гимнъ Аѳинѣ заключаетъ, между прочимъ, сюжетъ этой картины:

Муза, Палладу-Аѳину воспой, непорочную дѣву. . .
. . . . родилъ ее Зевсъ-промыслитель
Изъ благородной главы; золотые доспѣхи блистали,
Станъ украшая могучій, и ужасъ объялъ олимпійцевъ.
Дѣва же съ сильной главы эгидодержавнаго Зевса
Въ быстромъ движеніи спрянула внизъ на вершину Олимпа,
Острымъ копьемъ потрясая; гора всколыхнулась крутая
Отъ сокрушающей поступи голубоокой богини,
Громко земля застонала, и море кругомъ взволновалось
Въ бурѣ пурпуровыхъ волнъ и внезапно брега затопило.
Остановилъ тутъ коней Гиперіона сынъ лучезарный
Долго, доколѣ она не сняла боготворныхъ доспѣховъ,
И восхитился владыка отецъ ея, Зевсъ-промыслитель.

Послѣ того, что мы разсказали раньше (стр. 343) о судьбахъ Парѳенона, не покажется удивительнымъ, что изо всего гордаго собранія боговъ восточнаго фронтона осталось только одиннадцать жалкихъ и изувѣченныхъ фигуръ, которыя представляютъ непреодолимыя трудности для ихъ опредѣленія (рис. 230). Особенно рано пострадала средина фронтона (ср. стр. 343); кромѣ торса Гефеста, который открылъ молоткомъ голову Зевса, отъ нея ничего не осталось. Однако, на мадридскомъ рельефѣ сохранилось отчетливое воспроизведеніе этой главной группы (рис. 231). Что не одна выдающаяся фигура обозначала середину фронтона, какъ въ Олимпіи и Эгинѣ, а двѣ, это доказываютъ съ достовѣрностью слѣды ихъ прикрѣпленія, оставшіеся на кускахъ карниза. Это нововведеніе имѣло то преимущество, что всѣ фигуры могли получить приблизительно одинаковыя пропорціи, и что при этомъ легче было наполнить остальное не слишкомъ уже большое пространство.

Западный фронтонъ Парѳенона.

Тотъ же принципъ размѣщенія—богатая фигурами средняя группа съ болѣе или менѣе пассивными второстепенными фигурами—былъ примѣненъ и къ западному фронтону. Тогда какъ на восточномъ фронтонѣ мѣстомъ дѣйствія былъ Олимпъ, здѣсь изображенъ аѳинскій кремль, на которомъ Аѳина и Посидонъ встрѣчаются, стараясь превзойти другъ друга въ знакахъ благоволенія къ аѳинянамъ. Споръ кончился тѣмъ, что на долю обоихъ боговъ досталось наивысшее почитаніе. Эта центральная сцена такъ называемаго „спора изъ-за Аттики“ была окружена сонмищемъ всѣхъ древне-аттическихъ героевъ. Опредѣленіе отдѣльныхъ фигуръ такъ же сомнительно, какъ и на восточномъ фронтонѣ. Мы не можемъ остановиться на нихъ подробнѣе;

Стиль скульптуръ Парѳенона.

мы можемъ только сказать еще нѣсколько словъ о стилѣ скульптуръ на этихъ фронтонахъ и прежде всего объ ихъ отношеніи

къ живописи. Вліяніе Полигнота, которое мы замѣтили на изображеніи Дѣвы у Фидія (стр. 335), ясно обнаруживается на скульптурѣ фронтоновъ. Лѣпка одеждъ, при которой формы тѣла ясно обозначаются сквозь всѣ покровы, въ высшей степени похожа на технику Полигнота. Также пейзажъ съ утесами, служащими фигурамъ для разнообразныхъ позъ, напоминаетъ Полигнота. Но болѣе всего сказалась его манера въ изображеніи бога-Солнца: какъ онъ вмѣстѣ со своими конями только показывается надъ гребнемъ волнъ, онъ вполнѣ напоминаетъ отрѣзанныя фигуры Полигнота (ср. рис. 201). Мало того: въ этихъ фронтонахъ впервые наблюдается строго-сомкнутая группировка фигуръ, между которыми существуетъ полное взаимодѣйствіе, причемъ паѳосъ главной сцены въ серединѣ фронтона передается все болѣе слабѣющими волнами къ угламъ его: эта-то группировка фигуръ и это ослабѣваніе представляютъ тоже одно изъ великихъ открытій Полигнота. Наконецъ, стремленіе къ высокому, идеальному, которое такъ своеобразно характеризуетъ эти фронтоны, совершенно напоминаетъ возвышенную манеру Полигнота. Мы не должны забывать, что Фидій былъ также живописцемъ, и что Полигнотъ со своими товарищами владѣли не только кистью, но и рѣзцомъ: при такой многосторонности художниковъ-руководителей, взаимное вліяніе искусствъ одно на другое не могло не быть особенно сильнымъ.

Что касается скульптурнаго исполненія фронтонныхъ фигуръ, то оно было, какъ и слѣдуетъ ожидать при большихъ размѣрахъ художественнаго произведенія, различнаго достоинства; напр., Мойры изящнѣе отдѣланы, чѣмъ Горы; такъ называемый „Ѳесей“ исполненъ проще, чѣмъ Кефисъ. Но эти различія доказываютъ только, что исполненіе поручено было различнымъ мастерамъ; единство же композиціи этимъ не нарушается. Что касается работы по мрамору, то каждая отдѣльная часть является недостижимымъ по совершенству мастерскимъ произведеніемъ. Въ особенности это становится очевиднымъ при сравненіи съ фризомъ целлы, который по содержанію очень близокъ къ фигурамъ фронтона, но по исполненію отличается мѣстами нѣкоторою небрежностью, что не удивительно въ исключительно-декоративной скульптурѣ такой величины и на такомъ невидномъ мѣстѣ. Противоположность всякой небрежности мы замѣчаемъ во фронтонныхъ фигурахъ; здѣсь тщательность доведена до того, что даже задняя сторона фигуръ вполнѣ отдѣлана, хотя никогда ни одинъ смертный не долженъ былъ ее видѣть. Головы—правда, ихъ сохранилось только двѣ, и то не вполнѣ,—повидимому, еще не имѣютъ индивидуальнаго выраженія. Тѣмъ выразительнѣе и живѣе были движенія цѣлыхъ фигуръ: для вѣчныхъ боговъ ихъ движенія были даже слишкомъ бурны и страстны. Въ расположеніи складокъ ваятель отрѣшился отъ древней торжественности. Ткани тонки,

мягки и нѣжно охватываютъ формы тѣла; складки естественны и свободны, не расположены архитектонически, какъ у Дѣвы Фидія; вслѣдствіе остроумнаго чередованія складокъ и гладкихъ мѣстъ достигается впечатлѣніе почти сверкающихъ поверхностей (ср. въ особенности рис. 235). Наконецъ, мы видимъ также и самыя тѣла изображенными въ непринужденныхъ позахъ и совсѣмъ какъ живыя; никогда еще не была такъ передана структура мускуловъ и кожи, никогда не была воспроизведена такая тонкая разница между спокойными и напряженными, твердыми и мягкими частями тѣла. И при всемъ натурализмѣ, какое божественное совершенство формъ! „Они имѣютъ такой видъ",—гово-

237. ХРАМЪ ЭРЕХѲЕЯ СЪ ВОСТОКА. На заднемъ планѣ налѣво Пропилеи.
Съ фотографіи.

ритъ Даннекеръ, „будто это—слѣпки съ дѣйствительныхъ тѣлъ; но гдѣ можно найти такія тѣла"? И можно ли допустить, что эти во всѣхъ отношеніяхъ несравненныя созданія не имѣли ничего общаго съ Фидіемъ, величайшимъ современнымъ имъ художникомъ Аѳинъ?

Парѳенонъ и Фидій.

И все-таки можно сомнѣваться въ этомъ. Представимъ себѣ только ту статуэтку Дѣвы (стр. 336), на основаніи которой, главнымъ образомъ, составилось раньше наше сужденіе о художественной манерѣ Фидія: какое разстояніе между Мойрами въ восточномъ фронтонѣ и ею! Какая разница въ формахъ тѣла, въ лѣпкѣ одеждъ, въ изображеніи покоя и движенія. Несомнѣнно, что такому признанному художнику, какъ Фидій, нельзя отказать въ большой способности къ развитію; можно также усмотрѣть разницу и въ томъ, предстоитъ ли художнику создать изъ золота и слоновой кости, въ колоссальныхъ размѣрахъ, изображеніе для культа, въ архитектонически-строгой внутренней части

храма,—или мраморную фигуру немного больше натуральной величины, которая должна войти въ богатую фигурами и драматически-оживленную композицію. Все это можно допустить, и все-таки разстояніе между той статуэткой и Мойрами остается необыкновенно большимъ. Главное наблюденіе Фидія надъ всею строительною дѣятельностью въ вѣкъ Перикла было, какъ мы видѣли, достаточно доказано (см. выше,

238. ХРАМЪ ЭРЕХѲЕЯ СЪ ЮГА. Портикъ Каріатидъ.
Съ фотографіи Beer'a.

стр. 345); но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы онъ принималъ какое-либо дѣятельное участіе въ скульптурныхъ работахъ Парѳенона. Возможно, что онъ наблюдалъ надъ этимъ величайшимъ созданіемъ своего времени только какъ администраторъ; возможно также, что онъ подалъ, по крайней мѣрѣ, главную мысль его пластическихъ украшеній; въ концѣ концовъ, возможно и то, что онъ собственноручно создалъ модели для главныхъ частей, какъ, наприм., для фронтонныхъ группъ. Мы этого не знаемъ и, можетъ-быть, никогда не будемъ въ состояніи изслѣдовать. Одно твердо установлено, что до насъ изъ перикловой эпохи не дошло ничего могучѣе этихъ фронтонныхъ фигуръ.

Храмъ Эрехѳея. Послѣ благополучнаго окончанія Парѳенона, можно

было подумать о томъ, чтобы замѣнить новыми постройками и остальныя зданія кремля, которыя, послѣ удаленія персовъ, были только коекакъ возстановлены. Такъ, въ 421 году приступили къ возобновленію

239. ХРАМЪ ЭРЕХѲЕЯ.
Съ фотографіи Beer'a.

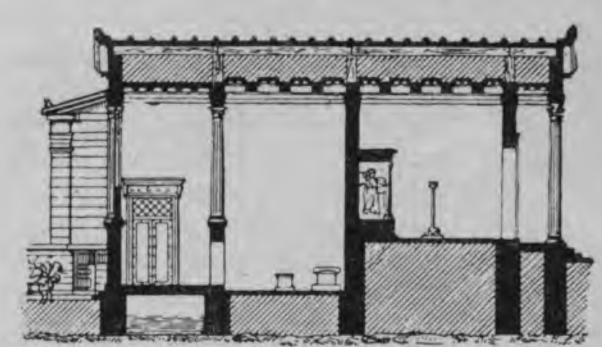
Сѣверный портикъ съ прекрасною дверью.

храма Эрехѳея (ср. выше, стр. 158), которому придали изящнѣйшія іоническія формы. Постройка, подъ руководствомъ архитектора Филокла, вслѣдствіе военнаго времени, не быстро подвигалась впередъ и не была еще закончена въ 407 году. По величинѣ и грандіозности онъ не можетъ сравниться съ Парѳенономъ, но по изяществу архитектурныхъ формъ, по богатству декоративныхъ украшеній, по тонкости

240. ПЛАНЪ ХРАМА ЭРИХѲЕЯ.
По Luckenbach'y, Abb. z. Gesch. I.

исполненія онъ почти не имѣетъ себѣ подобнаго. Своеобразность плана (рис. 240) объясняется тѣмъ, что этотъ храмъ лежалъ на востокѣ и на западѣ на разныхъ уровняхъ, что онъ былъ посвященъ многимъ божествамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ заключать въ себѣ уже упомянутые выше (стр. 158) неподвижные чудесные знаки. Съ восточной стороны главнаго зданія находился шестиколонный портикъ. Восточная храмина зданія, въ которую входили черезъ этотъ портикъ, была посвящена Аѳинѣ-Поліадѣ (т.-е. покровительницѣ города); здѣсь стояло высоко священное, будто бы съ неба упавшее, вырѣзанное изъ дерева изображеніе богини города, для котораго самыя знатныя дѣвушки ежегодно ткали часто упоминаемый (стр. 351) пеплосъ. Кромѣ того, всякаго рода трофеи и реликвіи наполняли храмину. Западная половина храма была расположена на три метра ниже. Главный входъ въ нее составлялъ пристроенный къ сѣверозападному углу портикъ (рис. 239), изъ котораго великолѣпная дверь— образецъ для безчисленныхъ дверей во всемъ свѣтѣ—вела во внутреннюю часть храма. Прежде всего входили въ продолговатый вестибюль, который имѣлъ еще узкія дверцы на южной и западной сторонахъ. Подъ каменными плитами пола здѣсь показывали остатокъ той морской воды, которую Посидонъ вызвалъ ударомъ своего трезубца изъ утеса кремля (ср. выше, стр. 159). Самый знакъ, оставленный трезубцемъ, еще виденъ и теперь подъ

241. ХРАМЪ ЭРЕХѲЕЯ ВЪ РАЗРѢЗѢ.
По Luckenbach'y, Abb. z. Gesch. I.

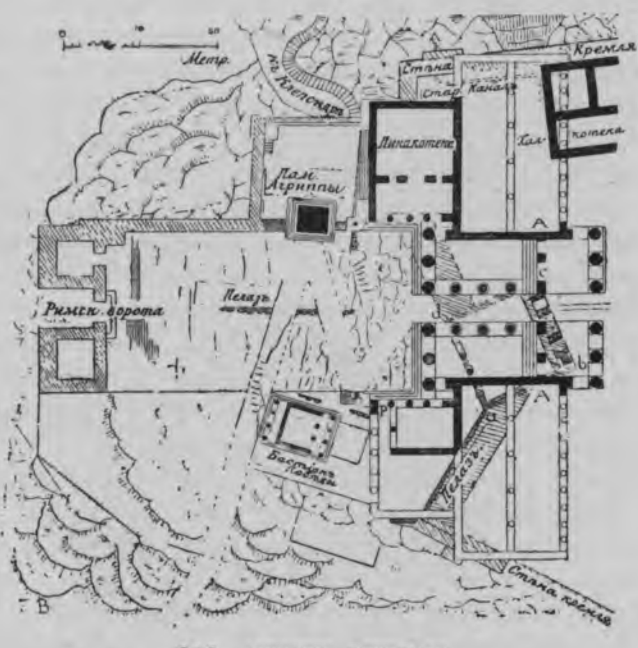
сѣвернымъ портикомъ черезъ отверстіе въ плитахъ пола: онъ долженъ былъ находиться подъ открытымъ небомъ, а потому и въ потолкѣ сѣвернаго портика надъ нимъ было продѣлано отверстіе. Святилище, примыкавшее къ передней комнатѣ съ восточной стороны, и было „храмомъ Эрехѳея“ въ собственномъ смыслѣ слова: здѣсь чествовался Посидонъ-Эрехѳей и, кромѣ того, Гефестъ, какъ отецъ Эрехѳея. Вестибюль и святилище получали свой свѣтъ черезъ рѣшетчатые промежутки между колоннами въ западной стѣнѣ храма. Совершенно сходные промежутки несомнѣнно были въ верхнемъ ярусѣ стѣны, которая отдѣляла святилище Посидона отъ вестибюля. Дверца въ западной стѣнѣ вела въ ограду дочери Кекропа, Пандросы; это было пространство, похожее на дворъ, гдѣ росло священное масличное дерево, родоначальникъ всѣхъ масличныхъ деревъ Аттики, посаженное нѣкогда Аѳиной (стр. 159). Подъ нимъ возвышался алтарь Зевса. Наконецъ, къ юго-западному углу храма былъ пристроенъ такъ называемый портикъ каріатидъ; это было, повидимому, не что иное, какъ особенно-украшенный крытый ходъ, который велъ къ тому вестибюлю надъ морской водой.

242. Каріатида съ храма Эрехѳея. По Rayet, Mon. de l'art. ant. I.

Пластическихъ украшеній было въ изобиліи, и они, какъ уже замѣчено, отличались особеннымъ изяществомъ. Фигурныя изображенія находились, главнымъ образомъ, на іоническомъ фризѣ, который огибалъ снаружи главное строеніе и сѣверный портикъ. Фонъ фриза составлялъ черный элевзинскій известнякъ; фигуры, высѣченныя изъ бѣлаго мрамора, весьма эффектно выдѣлялись на этомъ черномъ фонѣ. Семь мастеровъ—имена которыхъ мы знаемъ изъ сохранившейся счетоводной записи, но которые, помимо этого, какъ

художники, неизвѣстны, — работали надъ этими рельефными фигурками. Теперь уже нельзя болѣе опредѣлить, что они изображали; по ихъ жалкимъ остаткамъ нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія даже о характерѣ ихъ стиля. Конечно, они не могутъ сравняться съ фронтонами Парѳенона; въ томъ, что тѣла просвѣчиваютъ сквозь одежды, и что складки глубоко вырѣзаны, видна уже нѣкоторая изысканность.

243. Аѳинскія пропилеи.
По рисунку.
a b c d—постройка, разрушенная персами.

Но гораздо больше имѣютъ значенія и ближе стоятъ къ скульпту-

244. Аѳинскія пропилеи.
Рисунокъ Leonhard'а (по Luckenbach'у).

Храмъ Побѣды пропущенъ для того, чтобы среднее зданіе Пропилей было лучше видно.

рамъ Пареенона шесть дѣвъ Каріатидъ или Коръ, которыя подпираютъ южный портикъ (рис. 238, 242). Онѣ невольно напоминаютъ намъ тѣхъ скромныхъ дѣвушекъ, которыя шествуютъ на фризѣ Пареенона съ утварью для жертвоприношенія (рис. 228). Капитель, которая лежитъ на головахъ у Коръ, не имѣетъ волютъ; балки надъ нею—безъ фриза, карнизъ сдѣланъ по возможности легкимъ, благодаря зубчатымъ вырѣзамъ. Такимъ образомъ архитекторъ очень умно избѣжалъ необходимости наложить на голову дѣвушекъ слишкомъ большую тяжесть. Граціозно поддерживая балки портика, онѣ чествуютъ богиню не какъ измученныя рабыни, а какъ свободныя аѳинянки. Онѣ стоятъ вмѣсто колоннъ: потому-то онѣ такъ похожи одна на другую, потому-то въ стоячихъ, похожихъ на желобки, складкахъ ихъ одеждъ такъ ясно выражены вертикали, потому и незамѣтно въ нихъ и рѣзкихъ движеній. И все-таки онѣ не безжизненны и стоятъ свободно. Три изъ нихъ опираются на правую, три—на лѣвую ногу; этимъ достигается то, что на внѣшнихъ углахъ находятся только ноги, служащія опорой, съ ихъ отвѣсными контурами. По фигурамъ этихъ дѣвъ видно прежде всего, что даже самое свободное искусство, если оно доставляло фигуры для архитектоническихъ цѣлей, старалось приспособиться къ этой архитектурѣ строгой осанкой тѣла и симметричнымъ расположеніемъ складокъ: не былъ ли и Фидій, при созданіи своей Дѣвы, въ такомъ же стѣсненномъ положеніи? И, слѣдовательно, имѣемъ ли мы право заключать по строго архитектоническому положенію этого храмового изображенія, что Фидій не могъ создавать вообще фигуръ съ сильнымъ движеніемъ?

Пропилеи.

Пропилеи. Еще до постройки храма Эрехѳея западный входъ въ кремль подвергся основательному видоизмѣненію. Незадолго до персидскихъ войнъ здѣсь были заложены новыя ворота (рис. 243, a b c d); они немедленно пали жертвою разрушительной ярости персовъ и послѣ 480 года были кое-какъ поправлены. Только въ 437 году, когда постройка Пареенона въ главныхъ частяхъ была закончена, было поручено Мнесиклу возвести здѣсь роскошныя ворота Пропилей. Они были нѣсколько иначе поставлены, чѣмъ ворота, построенныя до персидскихъ войнъ, а главное, они были больше, такъ что заняли весь западный спускъ кремля. Къ центральному зданію, черезъ которое вела собственно дорога отъ воротъ, примыкаютъ на сѣверѣ такъ называемая Пинакотека и на югѣ соотвѣтствующая по положенію пристройка. Дорическіе портики расположены съ обоихъ сторонъ стѣны, идущей отъ воротъ, въ которой были продѣланы пять проходовъ различной величины; черезъ средній, самый большой проходъ шла дорога для всадниковъ и жертвенныхъ животныхъ. Этотъ главный путь окаймляли внутри средняго зданія іоническія колонны съ особенно красивыми капителями. Глаза путника,

подымавшагося къ кремлю, встрѣчали потолокъ, составленный изъ кассетоновъ съ золотыми звѣздами на голубомъ фонѣ.

По несомнѣннымъ признакамъ, эти роскошныя ворота были задуманы ихъ строителемъ еще величественнѣе, чѣмъ мы видимъ ихъ теперь. Очевидно, по первоначальному плану южный флигель долженъ былъ имѣть тѣ же размѣры, какъ и сѣверный (ср. незаштрихованныя линія стѣны на рис. 243). Но, повидимому, близость храма Побѣды послужила препятствіемъ къ этому. Потому-то теперь онъ и имѣетъ вполнѣ зачаточный видъ; только на сѣверномъ его фасадѣ. Первоначальный архитектурный планъ.

245. ХРАМЪ АѲИНЫ-ПОБѢДЫ. Дополнено по Luckenbach'у W. Leonhard'омъ (ср. рис. 337).

обращенномъ къ дорогѣ, была соблюдена, по крайней мѣрѣ, внѣшняя симметрія, хотя при этомъ столбъ *p* стоялъ совершенно изолированно. Еще бóльшій ущербъ претерпѣлъ первоначальный планъ на восточной сторонѣ, обращенной къ внутренней части кремля. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ къ среднему строенію долженъ былъ примыкать двойной портикъ изъ колоннъ (ср. незаштрихованное), и, такимъ образомъ, восточный фасадъ долженъ былъ соотвѣтствовать западному. Это осталось невыполненнымъ, вѣроятно, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ. Фронтоны средняго зданія должны были, вѣроятно, украситься фигурами: но и это не было приведено въ исполненіе. Начало войны, грозившей съ 432 года, положило предѣлъ возведенію зданія. Уже къ тому времени постройка его успѣла поглотить несмѣтныя суммы, отчасти по причинѣ употреблявшихся въ дѣло исполинскихъ плитъ, отчасти благодаря несравненной

тщательности, къ которою отдѣлывался каждый камень. Нѣтъ ничего удивительнаго, что аѳинянинъ гордился своими Пропилеями и никогда не забывалъ назвать ихъ, когда перечислялъ признаки величія Аттики.

Пропилеи, конечно, не стояли пустыми. Въ Пинакотекѣ показывали картины (πίναχες) Полигнота и другихъ художниковъ. На подестахъ сѣвернаго и южнаго портиковъ (** на рис. 243) возвышались мѣдныя изображенія Діоскуровъ работы Ликія, сына Мирона. Близко къ среднему проходу стояла Лемніянка Фидія (см. выше, стр. 332) и невдалекѣ отъ нея герма Перикла работы Кресилая (см. выше, стр. 331). Также рельефное изображеніе одѣтыхъ харитъ—по преданію, ученическая работа Сократа—находилось въ Пропилеяхъ, уже не говоря о многихъ другихъ памятникахъ искусства.

246. Ника, завязывающая сандалии, съ балюстрады Ники. Съ фотографіи.

Храмъ Побѣды.

Храмъ Побѣды. Когда Мнесиклъ строилъ свои Пропилеи, онъ поставилъ все зданіе въ зависимость отъ сѣверной обводной стѣны, такъ называемаго Пиргоса. Твердыню Пиргоса Кимонъ воздвигъ въ видѣ башни передъ воротами кремля; эта башня на западѣ представляетъ конецъ могучей контрфорсной стѣны, которую этотъ государственный мужъ провелъ вокругъ кремлеваго утеса, чтобы усовершенствовать его прямоугольную форму (см. выше, стр. 158). Повидимому, еще съ древнихъ временъ на мѣстѣ этого Пиргоса стояло святилище Аѳины-Побѣды: нигдѣ такъ настоятельно не нуждались въ дарующей побѣду богинѣ, какъ здѣсь, на естественно открытомъ для нападенія мѣстѣ кремлеваго утеса. Въ 450 году граждане поручили Калликрату, который, какъ намъ уже извѣстно, былъ строителемъ Парѳенона, воздвигнуть на Пиргосѣ новый храмъ. Но порученіе это было исполнено только во время Пелопоннесской войны, вѣроятно, въ 426/25 году.

Это іоническій амфипростилъ (ср. стр. 106) съ соблюденіемъ самыхъ изящныхъ пропорцій. Внутри стояло деревянное рѣзное изображеніе богини: подобно Лемніянкѣ Фидія, она держала шлемъ въ простертой рукѣ. Крыльевъ, которыя составляютъ обыкновенно принадлежность По-

бѣды, эта Аѳина-Побѣда, конечно, не имѣла: этимъ и объясняется, почему въ позднѣйшее неклассическое время храмъ этотъ назывался храмомъ „безкрылой Побѣды", Nikê Apteros.

Изящный фигурный фризъ (рис. 248) опоясываетъ съ четырехъ сторонъ зданіе подъ крышей, отъ которой теперь нѣтъ и слѣда: на восточномъ фасадѣ опять собраны всѣ олимпійскіе боги въ позахъ,

247. Богини побѣды съ коровой съ балюстрады Ники.
По Brunn-Bruckmann'y.

иногда напоминающихъ непосредственно фронтонъ и фризъ Парѳенона. Зачѣмъ они собраны здѣсь, трудно сказать теперь съ увѣренностью вслѣдствіе того, что все очень плохо сохранилось; повидимому, какъ и на фризѣ Парѳенона, они собрались здѣсь въ качествѣ зрителей, но только ихъ вниманіе направлено не на мирное праздничное шествіе, а на жаркій бой, который ведутъ ихъ любимцы-аѳиняне противъ грековъ и варваровъ. Эти боевыя сцены наполняютъ три остальныя стороны фриза; невозможно опредѣлить теперь, изображена ли здѣсь какая-нибудь опредѣленная битва,—Мараѳонъ или Платея. Изображеніе войны, конечно, только идеальное: нѣтъ настоящаго боя, гдѣ бы массы сражались съ массами, но только единоборство отдѣльныхъ героевъ въ стилѣ Гомера. Фигуры разставлены много рѣже, чѣмъ на Парѳенонѣ, чтобы каждая группа явственно выдѣлялась; рельефъ отличается замѣ-

248. ФРИЗЪ НА ХРАМѢ НИКИ.
По Brunn-Bruckmann'у.

Ср. эту же сцену (борьба за убитаго) на храмѣ въ Эгинѣ выше, рис. 180.

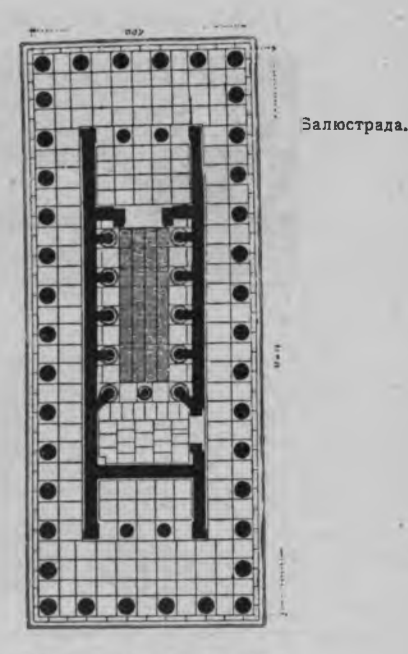
249. СЪ ЗАПАДНАГО ФРИЗА, ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО ХРАМА ѲЕСЕЯ.
По Brunn-Bruckmann'у.

Кентавры придавливаютъ Кенея къ землѣ.

чательною выпуклостью; особенно же поражаетъ сила драматическаго чувства, паѳосъ, который одушевляетъ сражающихся.

Балюстрада.

Этотъ паѳосъ еще значительно увеличивается въ рельефныхъ изображеніяхъ такъ называемой балюстрады. Открытое положеніе храма на Пиргосѣ, имѣвшемъ форму башни, вызывало необходимость ограды съ трехъ отвѣсныхъ сторонъ (ср. рис. 244), и эта-то ограда, длиною въ 35 метровъ, и была украшена въ 408 году соотвѣтствующими мѣсту изображеніями. Аѳиняне тогда побѣдили еще разъ своихъ враговъ подъ предводительствомъ Алкивіада въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: упоеніе этой побѣдной радостью, наканунѣ паденія ихъ государства, повидимому, отразилось на рельефныхъ изображеніяхъ ограды. Одной статуи Ники уже недостаточно: все заполнено побѣдою и ея богинями.

250. ХРАМЪ ВЪ ФИГАЛИИ (БАССАХЪ). ПЛАНЪ.
По Springer-Michaelis Kunstgesch. I.

Подъ наблюденіемъ Аѳины, дважды изображенной на балюстрадѣ, крылатыя Побѣды ведутъ отборныхъ коровъ на жертву богинѣ и заняты сооруженіемъ трофеевъ. Но всего болѣе славится та, у которой отъ быстраго бѣга развязались сандаліи, и которая, стоя на свободной ногѣ и не глядя на свою работу, приводитъ въ порядокъ свою обувь (рис. 246). Не менѣе великолѣпна плита, на которой двѣ богини побѣды ведутъ къ алтарю двухъ жертвенныхъ животныхъ (рис. 247).

То, что было предвозвѣщено скульптурами Парѳенона, здѣсь доведено до высокой степени совершенства. Формы тѣла просвѣчиваютъ во всей своей нѣжной красотѣ сквозь одежды, сама одежда точно одухотворена и какъ бы принимаетъ участіе въ бурномъ движеніи и страстномъ возбужденіи изображенныхъ людей, и все-таки вездѣ строго соблюдается граница, за которою паѳосъ теряетъ достоинство и перестаетъ производить впечатлѣніе.

251. КОРИНѲСКАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗЪ ФИГАЛИИ.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

Храмъ Ѳесея.

Такъ называемый храмъ Ѳесея. Мы только-что обстоятельно разсмотрѣли всѣ главныя зданія Акрополя. Остается еще упомянуть о такъ называемомъ

храмѣ Өесея, который и теперь еще стоитъ какъ наилучше сохранившійся образецъ дорическаго храма, вблизи аөинской Агоры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, относится къ той же эпохѣ, какъ и Парөенонъ. Все загадочно въ этомъ архитектурномъ произведеніи, даже его имя. Достовѣрно то, что онъ не былъ посвященъ Өесею, несмотря на то, что дѣянія Өесея были прославлены въ его метопахъ. Можетъ-быть, Гефестъ былъ хозяиномъ храма. Фронтоны теперь пусты: они содержали когда-то богатыя фигурами группы, на что указываютъ слѣды прикрѣпленія. Только метопы восточнаго фасада и четыре, примыкающія къ нимъ съ сѣверной и южной стороны, имѣютъ скульптурныя украшенія, 50 остальныхъ были украшены только картинами. Скудостью одеждъ, также какъ и нѣкоторыми другими чертами, эти рельефы метопъ напоминаютъ древнѣйшія метопы Парөенона. Также полосы фриза, проведенныя только на восточномъ и западномъ фасадахъ целлы, вызываютъ въ нашей памяти изображенія Парөенона.

b

c

252 a—d. Съ фриза Фигалійскаго храма. Лондонъ. По Overbeck, Griech. Plastik.

На восточномъ фризѣ целлы опять представлено собраніе боговъ, взирающихъ на какой-то загадочный бой, который ведется, между

прочимъ, съ помощью гигантскихъ каменныхъ глыбъ; западный же фризъ изображаетъ излюбленный бой лапитовъ и кентавровъ во всей его грандіозной дикости. Мотивы мѣстами тѣ же, которые мы видѣли на метопахъ Парѳенона: новостью является удачная группа двухъ кентавровъ, которые прижимаютъ къ землѣ обломкомъ скалы неуязвимаго Кенея (рис. 249); этимъ мотивомъ никогда не пренебрегали съ тѣхъ поръ при изображеніяхъ боя кентавровъ съ лапитами.

e

f

Фигалія. Блестящая архитектурная дѣятельность, которая расцвѣла въ Аѳинахъ при Периклѣ, привлекла къ себѣ вниманіе всѣхъ грековъ, даже далеко отъ Аѳинъ. Какъ жители Элиды послѣ 438 года призвали въ Олимпію Фидія, чтобы этотъ всѣми признанный художникъ создалъ имъ для ихъ большого храма статую изъ золота и слоновой кости, такъ и другихъ аѳинскихъ скульпторовъ приглашали въ другія области Греціи. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ постройка храма въ аркадской Фигаліи. Страшная чума милостиво пощадила жителей этого маленькаго горнаго городка; въ благодарность за это, они

Фигалія.

g

252 e—h. Съ фриза Фигалійскаго храма. Лондонъ. По Overbeck, Griech. Plastik.

порѣшили передѣлать въ большой храмъ маленькую часовню Аполлона, которая сыздавна стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ихъ города, въ дикой и уединенной горной мѣстности. Архитекторомъ они пригласили строителя Пареенона, Иктина, который, придерживаясь плана той часовни, воздвигъ имъ въ высшей степени оригинальное зданіе (рис. 250).

Такъ какъ мѣстность не позволяла увеличить новый храмъ къ востоку или западу, то онъ былъ поставленъ фасадомъ къ сѣверу. Междутѣмъ, какъ внѣшняя архитектура была дорическая, внутри целлы стояли два ряда іоническихъ трехчетвертныхъ колоннъ; на границѣ же между древней часовней и новой храмовой целлой возвышалась колонна съ акантовыми листьями, — слѣдовательно, коринеская (рис. 251), такъ что всѣ три архитектурные стиля имѣли своихъ представителей въ одномъ храмѣ. Поперечными стѣнами, которыя соединяли тѣ трехчетвертныя колонны со стѣнами целлы, боковыя пространства внутренняго храма были раздѣлены каждое на 4 придѣла. Среднее отдѣленіе было безъ крыши, и къ балкамъ, которыя шли прямоугольникомъ надъ трехчетвертными колоннами, былъ прибитъ гвоздями фризъ изъ 23 мраморныхъ плитъ.

253. Элевсинскій рельефъ. Аѳины.
Съ фотографіи.
Деметра (л) и Кора (пр.) отправляютъ Триптолема для того, чтобы онъ разнесъ по землѣ благую вѣсть о земледѣліи. Колосъ, который Деметра даетъ своему апостолу въ руку, и вѣнокъ, который Кора надѣваетъ ему на кудри, были изображены красками.

Этотъ фризъ целлы былъ во многихъ отношеніяхъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Прежде всего потому, что онъ находился внутри, а не внѣ храма. Далѣе, по способу его исполненія: плиты фриза не сначала прикрѣпили къ зданію (какъ это дѣлали обыкновенно, не дожидаясь

того, чтобы скульпторъ ихъ обработалъ), но отдѣлали ихъ на ровномъ мѣстѣ и уже потомъ только прикрѣпили къ антаблементу. Такъ какъ именно вслѣдствіе этого художники заботились, чтобы плиты заключали въ себѣ законченныя фигуры, и чтобы эти послѣднія не заходили съ одной плиты на другую, то теперь невозможно возстановить первоначальный порядокъ группъ, хотя фризъ и перевезенъ цѣликомъ въ Британскій музей. Содержаніе и манера изображенія на этомъ фризѣ позволяютъ думать, что, если архитекторъ изъ Аттики руководилъ построй-

254. ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА. ХОРЕГИЧЕСКІЙ РЕЛЬЕФЪ. НЕАПОЛЬ. По Petersen, Rom.
Орфей со своею лирою спустился въ подземное царство, чтобы вымолить у владыки тѣней безвременно погибшую Эвридику. Пѣснь его достигла желанной цѣли. Онъ получаетъ свою жену обратно, только онъ не долженъ оглядываться на нее, пока не достигнетъ земли. Онъ не выполняетъ этого условія и оглядывается, снѣдаемый тоскою. Тотчасъ подходитъ Гермесъ, чтобы отвести несчастную женщину обратно въ царство тѣней (ср. стр. 176).

255. РЕЛЬЕФЪ ПЕЛІАДЪ. ЛАТЕРАНЪ. По Petersen, Rom.
Медея показала дочерямъ Пелія, какъ съ помощью волшебныхъ травъ она можетъ вернуть молодость старому барану, сваривъ его. Тогда дочери Пелія соображаютъ, не произвести ли имъ такого же опыта надъ своимъ старѣющимъ отцомъ. Одна дочь всею душою за это, другая какъ-будто предчувствуетъ, что опытъ можетъ окончиться неудачей.

кой, то и фризъ былъ созданъ по наброску аттическаго художника. Излюбленные въ Аттикѣ бои амазонокъ и кентавровъ составляютъ его содержаніе; дважды появляется аттическій національный герой Өесей (ср. рис. 252 е); впервые возникшая въ Аөинахъ группа Кенея (рис. 252b) также не забыта (ср. стр. 373). Но стиль формъ во многихъ фигурахъ напоминаетъ Парөенонъ, храмъ Өесея или Побѣды. При этомъ, конечно, появляются

также многіе новые мотивы: преслѣдуемыя женщины лапитовъ страшатся не только за себя, но также и за дѣтей, которыхъ они держатъ въ рукахъ (рис. 252 с); представлены не только люди, страстно сражающіеся, но выражено проявленіе и человѣческаго состраданія къ раненымъ и убитымъ; воинственныя амазонки, когда имъ измѣняютъ руки и оружіе, вспоминаютъ о своихъ женскихъ прелестяхъ и стараются покорить противника если не однимъ, такъ другимъ. Но главное то, что драматизмъ сильно повышенъ, страстность усилена. Художникъ поистинѣ ищетъ рискованныхъ мотивовъ драпировки (рис. 252 f), и его стремленіе къ новымъ поразительнымъ движеніямъ уже граничитъ съ изысканностью.

256. Надгробный камень Минно. По Conze, Att. Grabreliefs. Годъ сидѣніемъ веретено и корзина для пряжи. Слѣдуетъ обратить вниманіе на несовсѣмъ еще правильный рисунокъ глазъ, на грудь, представленную слишкомъ en face и на очень скудную отдѣлку фронтона плиты; все это признаки ранняго происхожденія.

Достаточно сравнитъ кентавра (рис. 252 d), который впивается своимъ ртомъ въ шею противника и въ то же время задними ногами ударяетъ въ щитъ другого, или аѳинянина, который схватываетъ амазонку за ногу, чтобы перебросить ее черезъ шею ея упавшей лошади.

257. Рельефъ на аѳинскомъ документѣ. По Brunn Bruckmann'y. Верхній край документа, представляющаго союзный договоръ между Керкирою и Аѳинами отъ 375 г. Сидящая фигура, похожая на Зевса, вѣроятно, изображаетъ аѳинскій демосъ.

Впрочемъ, лица не принимаютъ еще никакого участія въ паѳосѣ тѣлъ; вообще, частности исполнены небрежно, а мѣстами даже грубовато. Это произведеніе предназначалось для созерцанія издали и было исключительно декоративнымъ. Аркадскій мраморъ, изъ котораго оно было высѣчено, вмѣстѣ съ поразительно коренастымъ сложеніемъ большинства фигуръ, допускаетъ предположеніе, что только набросокъ принадлежалъ аттическому скульптору, тогда какъ исполненіе было, вѣроятно, поручено мѣстному художнику.

Аттическая рельефная пластика.

Аттическіе рельефы. Послѣ этого отступленія мы опять возвращаемся къ Аѳинамъ. Намъ остается еще показать, какъ блестящее творчество монументальныхъ памятниковъ искусства вдохновляло и мелкое производство и художественную промышленность. Яснѣе всего это видно на рядѣ рельефовъ, которые должны разсматриваться отчасти какъ выполненія обѣтовъ, отчасти же какъ памятникъ о побѣдахъ, одержанныхъ театральными хорами (ср. стр. 291). Къ первому разряду относится рельефное изображеніе, найденное въ 1859 году въ Элевсинѣ. Многое здѣсь напоминаетъ скульптуры Парѳенона; напр., голова Коры похожа на Палладу восточнаго фриза, а одежда Деметры напоминаетъ дѣвъ съ того же фриза; даже не совсѣмъ правильная постановка глазъ находитъ въ Парѳенонѣ свое соотвѣтствіе; что же касается религіознаго настроенія этого строго симметричнаго торжественнаго произведенія, то оно даже превосходитъ скульптуры упомянутаго храма.

Напротивъ, рельефы, изображенные на рис. 254 и 255, повидимому имѣютъ хорегическій характеръ. И здѣсь нельзя не замѣтить родства съ аттическою монументальною пластикою. Композиція обоихъ рельефовъ отличается рѣдкою гармоничностью. Удивительно, какъ смягчено выраженіе аффекта въ обѣихъ сценахъ. Греки, конечно, не были флегматиками; но, очевидно, для аѳинянъ того времени чрезмѣрное проявленіе аффекта считалось вульгарнымъ и рѣшительно не согласующимся съ достоинствомъ истиннаго искусства.

Надгробные рельефы.

Нигдѣ такъ ясно не сказывается это, какъ на надгробныхъ рельефахъ этого времени. Обычай сооружать памятники на могилахъ существовалъ въ Аѳинахъ съ древнихъ временъ (ср. стр. 116 сл.). До персидскихъ войнъ аѳиняне ограничивались узкою и плоскою мраморною плитою, которая обыкновенно заканчивалась вверху пальметкою и украшалась плоскими рельефными или даже просто расписанными фигурами. Послѣ Персидскихъ войнъ стали появляться болѣе разнообразныя формы: могильная плита часто покрывалась фронтономъ, впослѣдствіи къ ней еще присоединялись боковыя колонны, такъ что фигуры помѣщались какъ бы въ небольшомъ домѣ или храмѣ (рис. 261 подъ букв. *a*) и легко могли изъ барельефовъ постепенно перейти въ настоящія статуи. Обычай ставить на могилахъ небольшіе, неполненные

благовоніями кувшинчики (лекиѳы, рис. 99) далъ толчокъ къ созданію памятниковъ въ формѣ лекиѳа. Въ память безбрачныхъ усопшихъ ставился мраморный „лутрофоръ“, т.-е. воспроизведеніе кувшина съ двумя ручками, которымъ обыкновенно черпали воду для предсвадебной купели. На стѣнкахъ этой посуды вырѣзывались подобныя же рельефныя изображенія, какъ и на плитахъ. Передъ аѳинскимъ дипилономъ около церкви Ая Тріада сохранилось довольно обширное кладбище; подобныя кладбища находились нѣкогда и у другихъ воротъ города. На упомянутомъ кладбищѣ сохранились во многихъ экземплярахъ описанныя выше наиболѣе употребительныя формы могильныхъ украшеній и еще нѣкоторыя другія (рис. 261). Въ общемъ, число однихъ лишь надгробныхъ рельефовъ изъ Аттики превышаетъ тысячу. Изображенія имѣютъ своимъ предметомъ, конечно, умершаго, но не въ видѣ скелета, а счастливо продолжающаго жизнь въ загробномъ мірѣ, въ той средѣ и съ тѣми занятіями, которыя ему были дороги на землѣ. Такъ, напр., матери ласкаютъ своихъ дѣтей, дѣвушки и молодыя женщины наряжаются или вертятъ веретено; павшіе на войнѣ юноши изображены въ полномъ вооруженіи или даже верхомъ, сражающимися противъ врага; другіе играютъ съ любимыми животными или заставляютъ прислуживать себѣ рабовъ, отъ которыхъ знатный грекъ не желалъ отказаться и въ загробномъ мірѣ. Сравнительно рѣдко встрѣчается намекъ на профессію, которой посвящалъ себя покойный. Накакихъ слѣдовъ горя, однако, не видно на надгробныхъ рельефахъ V вѣка; умершіе такъ же мало грустятъ, какъ, въ свою очередь, мало веселятся эфебы на фризѣ Парѳенона, сохра-

258. Аѳинянка съ ребенкомъ. Аттическій надгробный рельефъ. По Conze, Att. Grabreliefs.

няющіе и въ рѣзвости всю свою важность. О загробной жизни существовала увѣренность, что она еще превосходитъ счастьемъ земную, и что безупречный человѣкъ не будетъ лишенъ тамъ ничего того, что здѣсь было дорого. Слѣдовательно, къ чему горевать?

Лишь съ IV вѣка въ надгробныхъ рельефахъ сталъ появляться все болѣе и болѣе грустный тонъ. Прежде умершіе изображались большею частью одни или только въ сопровожденіи второстепенныхъ фигуръ,

259. НАДГРОБНАЯ ПЛИТА АѲИНСКАГО ВСАДНИКА. РИМЪ, ВИЛЛА АЛБАНИ.
Съ фотографіи.

теперь все чаще стали появляться семейныя сцены. Больше всего художники любили изображать, какъ члены одной семьи встрѣчаются въ загробномъ мірѣ, сердечно и съ меланхолической радостью привѣтствуя другъ друга. Но и въ этихъ изображеніяхъ не допускались страстные порывы чувства; простое протягиваніе правой руки (dexiôsis) было любимѣйшимъ жестомъ для подобныхъ сценъ. Уже Гете вполнѣ оцѣнилъ спокойную красоту и силу этихъ рельефовъ: „Вѣтеръ, вѣющій съ античныхъ могилъ, приноситъ ароматы, точно съ розовыхъ кустовъ... Фигуры не дѣлаютъ молитвенныхъ жестовъ, не поднимаютъ очи горѣ, онѣ остаются тѣмъ, чѣмъ были; собравшись вмѣстѣ, они принимаютъ участіе другъ

въ другѣ, любятъ одинъ другого, и это часто прелестно выражается на этихъ плитахъ“.

Творцами подобныхъ рельефовъ, вѣроятно, лишь рѣдко являлись знаменитые художники; но если принять во вниманіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ произведеніями художественной промышленности, а не искусства, то насъ особенно должна поразить большая зависимость ихъ отъ величественныхъ шедевровъ того времени. Скромная Минно со своею прялкою (рис. 256), молодая мать-аѳинянка съ ребенкомъ и рабынею (рис. 258), красавица Гегесо̀ (рис. 260), молодой аѳинянинъ со своимъ скакуномъ (рис. 259), — всѣ они прямо напоминаютъ храмовыя скульптуры Периклова вѣка. Испытанная техника великихъ мастеровъ, какъ видно, передалась и художественной промышленности.

260. Надгробный памятникъ Гегесо̀. Аѳины.
По Conze, Att. Grabreliefs.
Ожерелье, которое красавица вынимаетъ изъ ларца своими аристократически выточенными пальцами, раньше было изображено красками. Все здѣсь отличается непогрѣшимою красотою: одежда, прическа и даже изящное кресло.

До чего распространена была потребность вводить искусство во всѣ области жизни, объ этомъ, можетъ-быть, ярче всего свидѣтельствуютъ намъ мраморные документы съ небольшими рельефными изображеніями на верхнемъ краѣ (рис. 257). Такимъ образомъ, даже самымъ прозаическимъ дѣловымъ актамъ, какъ, напр., денежнымъ отчетамъ и политическимъ договорамъ, придавалась изящная внѣшность, и только, получивъ подобную художественную санкцію, эти документы считались достойными предстать передъ всѣми въ публичномъ мѣстѣ. И опять-таки

образцами, по которымъ работали рѣзчики, являлись въ этомъ случаѣ великіе памятники искусства; какъ видно, не напрасно трудились Фидій и его ученики.

261. КЛАДБИЩЕ ОКОЛО АИ ТРІАДЫ ПЕРЕДЪ ДИПИЛОНОМЪ ВЪ АѲИНАХЪ. Съ фотографіи.

Вдали виднѣется оливковый лѣсъ равнины Кефисса, выше ущелье Дафны, черезъ которое вела священная дорога въ Элевсинъ. Среди памятниковъ слѣва видѣнъ памятникъ двухъ сестеръ (?) Деметріи и Памфилы (а), скульптуры въ глубокой нишѣ (такъ называемомъ naïskos), работа средины IV вѣка. Буквою b—отмѣчается лутрофоръ, буквами c и f плиты обыкновенной формы, d—верхняя часть лекиѳа, e—обломокъ dexiósis.

5. Поликлетъ.

Послѣ подробнаго обзора аѳинскихъ художественныхъ произведеній, намъ слѣдуетъ бросить взглядъ и на остальную Элладу, такъ какъ во 2-й половинѣ V вѣка скульптура процвѣтала и въ другихъ мѣстахъ и произведенія высокой и оригинальной красоты.

Величайшимъ художникомъ Периклова вѣка внѣ Аѳинъ былъ Поликлетъ, родившійся въ Сикіонѣ въ 470 году. Это былъ настоящій доріецъ, и творчество его для насъ важно уже тѣмъ, что дорійскій духъ сказался здѣсь во всей своей аристократической замкнутости и спокойномъ превосходствѣ. Поликлетъ, повидимому, рано и навсегда перенесъ свое мѣстожительство въ Аргосъ; здѣсь онъ перенялъ серьезное искусство Агелаида (стр. 308) и въ древности считался самымъ блестящимъ представителемъ аргосской пластики. Подобно тому, какъ Фидій достигъ высшаго совершенства въ обработкѣ мрамора, такъ онъ—въ бронзовой техникѣ. Слѣды его творчества можно прослѣдить до 404 г.; онъ созда-

валъ почти исключительно обнаженныя юношескія фигуры, а новизна этихъ статуй заключалась въ томъ, что всѣ онѣ безъ исключенія опирались на одну ногу, между тѣмъ какъ другая свободная нога оставлялась нѣсколько назадъ и въ сторону и служила только для равновѣсія. Классическимъ образчикомъ для этой, если и не изобрѣтенной Поликлетомъ, зато систематически разработанной позы является его Дорифоръ или копьеносецъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ постановка отодвинутой назадъ лѣвой ноги видоизмѣняетъ положеніе всей фигуры.

262. Дорифоръ Поликлета.
Мраморная статуя изъ Помпей, теперь въ Неаполѣ.
По Collignon, Sculpt. gr. I.

Колѣно правой ноги выше, чѣмъ колѣно лѣвой; точно также правое бедро выше лѣваго. Для равновѣсія, правое плечо опущено ниже лѣваго, и голова слегка наклонена въ сторону приподнятаго бедра. Благодаря этому, средняя линія, проведенная отъ горла до конца живота, непремѣнно должна образовать изгибъ.

Такимъ образомъ, художникъ поступился спокойнымъ равновѣсіемъ фронтальныхъ фигуръ, которыя стояли прямо, вытянувшись въ струнку. Но зато статуямъ Поликлета была присуща большая жизненная правда, и, вслѣдствіе того, что постановкою свободно отставленной ноги обусловливалось положеніе прочихъ частей тѣла, не исключая и головы,—эти фигуры производили впечатлѣніе гораздо бòльшей индивидуальности. Главною заслугою Поликлета считалось то, что онъ первый свелъ соотношеніе частей человѣческой фигуры къ опредѣленнымъ математическимъ формуламъ. Въ изученіи этихъ пропорцій онъ можетъ считаться предшественникомъ Леонардо-да-Винчи и Дюрера. Подобно имъ, онъ письменно изложилъ добытыя имъ нормы (κανών) для построенія человѣческой

фигуры и для взаимнаго отношенія отдѣльныхъ частей ея. Онъ смотрѣлъ на тѣло, какъ на живое архитектурное произведеніе, при изображеніи котораго художникъ не долженъ допустить никакого произвола. И дѣйствительно, какою-то архитектурною ясностью и опредѣленностью отличались у него формы головъ съ ихъ короткими, правильно расположенными волосами, съ ясно обозначеннымъ, несмотря на волосы, строеніемъ черепа, съ обширною мозговою коробкою, съ глазами, лежащими въ глубокихъ впадинахъ лобной кости, и съ почти меланхолическимъ выраженіемъ крупныхъ, серьезныхъ чертъ лица.

Такою же славою, какъ Дорифоръ Поликлета, пользовалась другая его статуя атлета, такъ назыв. Діадуменъ. Повязка на головѣ, нѣкогда необходимая для каждаго атлета съ длинными кудрями, сдѣлалась знакомъ побѣдителя съ тѣхъ поръ, какъ стали носить коротко остриженные волосы. Такимъ образомъ, въ данной статуѣ мы можемъ признать побѣдителя въ состязаніи, который послѣ удачной борьбы надѣваетъ побѣдную повязку. Родство этой статуи съ Дорифоромъ очевидно: та же поза фигуры, опирающейся на одну ногу, то же измѣненіе въ положеніи всѣхъ частей тѣла, та же нѣсколько массивная полнота и сила.

(Діадуменъ Поликлета).

263. ДІАДУМЕНЪ ПОЛИКЛЕТА, МРАМОРНАЯ СТАТУЯ ВЪ МАДРИДѢ.
Съ фотографіи.
Руки невѣрно реставрированы; онѣ должны быть ближе къ головѣ, чтобы надѣвать повязку. Другія копіи съ этой фигуры, особенно одна, найденная въ Вэзонѣ (южн. Франція) обнаруживаетъ характерную для Поликлета массивность и полноту членовъ въ еще большей степени, чѣмъ разсматриваемая статуя.

По преданію, Поликлетъ лѣпилъ также много изображеній мальчиковъ-побѣдителей, и весьма возможно, что лондонская статуя подростка (рис. 267), надѣвающаго на свои кудри побѣдный вѣнокъ, имѣетъ связь со статуею юнаго побѣдителя Киниска, созданною Поликлетомъ для Олимпіи.

Кинискъ

264. Амазонка, копія съ Поликлета. Лендоунъ-Гоузъ. Лондонъ.
Съ фотографіи.
Очень напоминаетъ эту статую амазонка въ Берлинскомъ музеѣ.

Съ другой стороны, изящество этихъ юныхъ образовъ настолько велико и ясно, что едва ли можно отрицать въ нихъ аттическое вліяніе. Поликлетъ служилъ образцомъ для всего послѣдующаго искусства и въ особенности для аттическаго; здѣсь созданные имъ типы оказывали вліяніе въ теченіе долгаго времени.

Амазонка Поликлета.

Поликлетъ создалъ также норму и для женскихъ фигуръ: это — его раненая амазонка. Древній анекдотъ передаетъ, что 4 скульптора— Поликлетъ, Фидій, Кресилай и Фрадмонъ—сдѣлали каждый одну статую амазонки для эфесскаго Артемисія; будучи затѣмъ назначены судьями, каждый присудилъ первый призъ себѣ, второй же—Поликлету.

Если среди сохранившихся въ большомъ количествѣ статуй амазонокъ отыскивать ту, которая имѣла своимъ образцомъ прославленное произведеніе Поликлета, то нашимъ представленіямъ о художественной манерѣ этого мастера больше всего отвѣчаетъ изображеніе раненой амазонки въ лондонскомъ Лендоунъ-Гоузѣ (рис. 264). Въ извѣстной позѣ, изображающей шагъ (которая, однако, здѣсь, какъ и у Діадумена, менѣе умѣстна, чѣмъ у Дорифора), раненая въ правую грудь мужеподобная женщина лѣвою рукою

опирается на столбъ. Правая рука, вмѣсто того, чтобы быть прижатой къ раненой груди, поднята вверхъ (что довольно неправдоподобно) и покоится на страдальчески опущенной головѣ. Высоко подобранное платье, перехваченное поясомъ искусной работы, держится только на правомъ плечѣ; груди обнажены. Отъ всякихъ внѣшнихъ аттрибутовъ амазонки художникъ отказался; только у лѣвой щиколки находится ободокъ для шпоры. По сложенію тѣла и формѣ головы эта амазонка походитъ на Дорифора, какъ сестра—на брата; далѣе, и одностороннее вниманіе къ формальной сторонѣ, а именно, выборъ излюбленной позы, въ ущербъ внутренней правдѣ, очевидно, соотвѣтствуетъ манерѣ Поликлета.

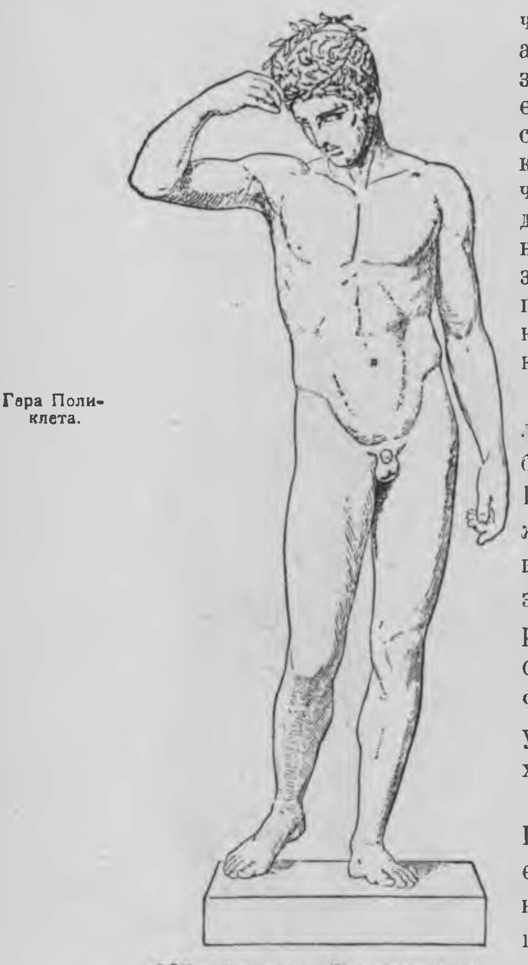
266. Амазонка Маттеи, вскакивающая на лошадь. Дополнена Михаэлисомъ по геммѣ. Jahrb. d. Inst. I.

265. Другой типъ раненой амазонки, особенно хорошо сохранившійся въ статуѣ капитолійскаго музея. Фигура дополнена Михаэлисомъ по геммѣ. Jahrb. d. Inst. I.

Другіе типы амазонокъ.

Какъ уже было упомянуто, фигуры амазонокъ создавались и другими художниками. Этотъ сюжетъ былъ привлекателенъ по многимъ причинамъ: такъ, напр., онъ позволялъ изображать и женщинъ въ такихъ позахъ и дѣйствіяхъ, для которыхъ уже была выработана извѣстная техника на статуяхъ мужчинъ. Такимъ образомъ, излюбленными мотивами пластики, и притомъ не только греческой, стали амазонки, вскакивающія на лошадь, ѣздящія верхомъ, сражающіяся, раненыя и умирающія. Любовь грековъ къ изображенію обнаженнаго тѣла тоже могла удовлетворяться безъ труда при этихъ сюжетахъ. Среди много-

267. Кинискъ (?) Поликлета, мраморная статуя, Лондонъ. Правая рука реставрирована (едва ли правильно).

численныхъ, дошедшихъ до насъ, статуй амазонокъ въ спокойныхъ позахъ можно указать, помимо типа, даннаго Поликлетомъ, еще на два наиболѣе популярныхъ и прославленныхъ. Въ одномъ случаѣ амазонка, какъ и у Поликлета, ранена (рис. 265), причемъ не только физическое, но и духовное страданіе нашло здѣсь свое трогательное выраженіе. Другой типъ представляетъ собою амазонку, собирающуюся вскочить на лошадь, при помощи своего копья (рис. 266). Къ сожалѣнію, невозможно опредѣлить, какой типъ возводится къ Фидію, и какой къ Кресилаю или Фрадмону.

Гера Поликлета.

Для храма Геры близъ Аргоса Поликлетъ вскорѣ послѣ 423 года создалъ изображеніе аргосской отечественной богини Геры изъ золота и слоновой кости. Мы можемъ на основаніи монетъ (рис. 268) составить себѣ лишь самое общее впечатлѣніе объ этомъ шедеврѣ, богатомъ массою деталей, разработанныхъ крайне тщательно. Древніе сопоставляли эту статую съ Аѳиною-Дѣвою Фидія. На головѣ богиня носила діадему, украшенную Óрами и Харитами, а на верхушкѣ ея скипетра сидѣла кукушка.

Для не-спеціалиста трудно восторгаться Поликлетомъ и слабыми воспроизведеніями его искусства, дошедшими до насъ. Сравнительно со смѣлыми новшествами Мирона, произведенія его безконечно скромны. Уже древніе сознавали, что онъ въ нихъ обнаруживалъ односторонность и однообразіе, изображая только безбородую молодежь и, за немногими исключеніями, лишь атлетовъ. Нигдѣ онъ не захватываетъ нашего чувства и еще менѣе возбуждаетъ наши страсти, а потому его произведенія не вызываютъ горячихъ восторговъ. Онъ былъ всецѣло художникомъ-мыслителемъ, проблема формы всегда была главнымъ двигателемъ его творчества, и созданія его имѣютъ (какъ это свойственно спеку-

268. Аргосскія монеты съ изображеніемъ Геры Поликлета.

лятивнымъ художникамъ) слишкомъ академическій характеръ, чтобы увлекать зрителей. Скорѣе еще его Дорифоръ способенъ внушить намъ благоговѣйное чувство передъ его цѣломудреннымъ величіемъ. Этотъ идеалъ здороваго тѣломъ и духомъ атлета, сдѣланнаго изъ бронзы и

269. Апоксіоменъ Дедала (?). Бронзовая фигура, найденная въ Эфесѣ въ 1896 г. во время австрійскихъ раскопокъ и составленная изъ 234 кусковъ. Вѣна. Съ фотографіи.

270. Бронзовая фигура изъ Антикиѳеры. Аѳины. По Svoronos'у. Можетъ-быть, здѣсь изображенъ Персей, высоко держащій правую рукою голову Медузы, между тѣмъ какъ въ лѣвой рукѣ, по всей вѣроятности, находился его серпообразный мечъ, ἅρπη.

разработаннаго съ тою тонкостью, которую древніе единогласно превозносили въ статуяхъ Поликлета, долженъ былъ производить сильное впечатлѣніе. Чуткая къ искусству античность, охотно сопоставлявшая Поликлета съ Фидіемъ, конечно, вполнѣ сознательно отводила ему это почетное мѣсто.

Такой мастеръ, какъ Поликлетъ, долженъ былъ создать школу, и, дѣйствительно, онъ стоитъ во главѣ длиннаго ряда пелопоннескихъ художниковъ, которые, однако, повидимому, не создали ничего оригинальнаго. Для примѣра, укажемъ на грандіозное приношеніе Лисандра за побѣду при Эгоспотамахъ, которое было отправлено имъ въ Дельфы (ср. текстъ къ табл. II) и являлось коллективною работою десяти мастеровъ изъ школы Поликлета. Выдающееся положеніе среди послѣдователей его занимаетъ Поликлетъ Младшій, дѣятельность котораго относится къ первой половинѣ IV вѣка. Впрочемъ, онъ, какъ архитекторъ, стоялъ выше, чѣмъ какъ скульпторъ; круглое зданіе въ Эпидаврѣ, такъ наз. Ѳолосъ (ср. рис. 283), равно какъ и тамошній театръ (рис. 177), являются его наиболѣе славными твореніями, отличаясь въ одинаковой степени какъ красотою, такъ и тонкостью деталей.

Въ собственной семьѣ Поликлета искусство его сдѣлалось наслѣдственнымъ: внукъ его Дедалъ, очевидно, весьма удачно умѣлъ соединять традиціи аргосской школы съ достоинствами аттической скульптуры. Недавно найденная въ Эфесѣ фигура атлета (рис. 269), вытирающаго большимъ пальцемъ лѣвой руки желобокъ желѣзной скребницы, очевидно, принадлежитъ Дедалу. Массивная тяжеловѣсность Поликлетовскихъ фигуръ здѣсь смягчена аттическою граціею; красивая голова въ особенности напоминаетъ совершеннѣйшія произведенія IV вѣка. Нѣсколько неаппетитная по нашимъ понятіямъ сцена, увѣковѣченная здѣсь художникомъ въ бронзѣ, а именно, очищеніе кожи отъ масла и пыли съ палестры, для глазъ грековъ не представляла ничего необыкновеннаго. Уже старый Поликлетъ изобразилъ въ бронзѣ такого Апоксіомена или „соскабливателя“, и весьма вѣроятно, что въ работѣ внука сказывается еще его собственная композиція.

Близко къ эфесскому Апоксіомену Дедала подходитъ другая бронзовая фигура, найденная въ морѣ, вмѣстѣ со многими другими, въ 1901 году, около Антикиѳеры, въ Лаконскомъ заливѣ, куда она попала, очевидно, послѣ кораблекрушенія. И въ этой статуѣ мы видимъ прекрасное сочетаніе аргосской массивности съ аттическимъ изяществомъ. Правда, смѣло протянутая правая рука юноши отличается такою свободою, которая уже далеко уклоняется отъ манеры Поликлета.

6. Живопись въ концѣ пятаго столѣтія.

До сихъ поръ рѣчь шла больше о зданіяхъ и о произведеніяхъ пластики, о картинахъ же почти не упоминалось. Изъ этого можно заключить, будто живопись въ великую эпоху греческаго искусства не пользовалась особеннымъ вниманіемъ. Въ дѣйствительности же дѣло об-

стоитъ какъ-разъ наоборотъ. Такъ какъ живопись изъ всѣхъ искусствъ наиболѣе подвижное, наименѣе зависимое отъ матеріала и къ тому же самое послушное творческому замыслу, то всякій прогрессъ въ области вкуса и пониманія впервые находитъ свое воплощеніе именно въ ней. Не всегда бываетъ возможно для этого давно минувшаго времени фактически доказать названный законъ, въ виду непрочности самихъ произведеній живописи, но онъ самъ по себѣ вполнѣ правдоподобенъ, а по отношенію къ Полигноту считается даже доказаннымъ выше (ср. стр. 326 со стр. 359). Итакъ, не будетъ лишнимъ произвести тщательный сводъ всякихъ, хотя бы скудныхъ и почти сплошь анекдотическаго характера указаній, которыя мы находимъ у древнихъ писателей на живописцевъ нашей эпохи.

Аполлодоръ аѳинскій.

Еще въ эпоху Перикла аѳинскій живописецъ Аполлодоръ ввелъ новый во многихъ отношеніяхъ видъ живописи. Въ то время, какъ Полигнотъ и его послѣдователи писали свои картины исключительно на неподвижныхъ стѣнахъ храмовъ и галлерей, Аполлодоръ эманципировался отъ архитектуры и писалъ свои картины на деревянныхъ оштукатуренныхъ доскахъ. Если Полигнотъ работалъ только al fresco, т.-е. наводилъ водяныя краски на сырую штукатурку, то Аполлодоръ для своихъ картинъ отдавалъ предпочтеніе техникѣ такъ называемой alla tempera, т.-е. фиксировалъ краски при помощи бѣлка или клея, чѣмъ достигалъ болѣе яркихъ красочныхъ эффектовъ. Но самое важное новшество его состояло въ томъ, что онъ ввелъ въ живопись перспективу, которая была еще неизвѣстна Полигноту и не примѣнялась также на фризѣ Парѳенона и на родственныхъ произведеніяхъ. Онъ, по словамъ древнихъ, изобрѣлъ „ослабленіе тѣни и оттѣнки красокъ", т.-е. первый умѣлъ вызывать иллюзію закругленія, благодаря правильной перспективѣ. Лишь съ этого момента искусство живописи становится на твердую почву. Полигнотъ создавалъ исключительно раскрашенные контурные рисунки; теперь же возникали настоящія картины, производившія впечатлѣніе правильнымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣни, а также оттѣнками цвѣтовъ. Повидимому, Аполлодоръ не сразу встрѣтилъ сочувствіе къ своимъ картинамъ съ перспективою, такъ какъ его прозвище „живописца тѣни" скорѣе отзывается порицаніемъ, нежели похвалою. Но для слѣдующаго поколѣнія нововведеніе его создало эпоху. Оно проникло не только въ живопись театральныхъ декорацій, не только отразилось на техникѣ рельефныхъ изображеній, гдѣ вскорѣ стала примѣняться перспектива (см. ниже, гл. 7), но оно вообще подготовило путь для пониманія и передачи конкретнаго міра въ болѣе реалистическомъ духѣ. Хотя въ сущности инициаторомъ этого новаго направленія былъ аѳинянинъ, тѣмъ не менѣе, оно обыкновенно называется азіатскою живописью. И, дѣйствительно, самые блестящіе представители его происходили изъ Малой Азіи.

Зевксидъ.

Прежде всего слѣдуетъ назвать Зевксида изъ Гераклеи (понтійской?), который, по словамъ Плинія, „вступилъ въ открытыя Аполлодоромъ врата искусства“. Онъ славился въ эпоху Пелопонесской войны, жилъ и въ Эфесѣ и въ Аѳинахъ, а также и въ Сициліи. Это былъ человѣкъ далеко не строгихъ нравовъ, что не мало обусловливалось частыми его странствованіями съ мѣста на мѣсто. При этомъ онъ былъ очень прилеженъ и нажилъ значительное богатство, такъ что впослѣдствіи обыкновенно дарилъ уже свои картины, находя, что онѣ превышаютъ всякую цѣну. Есть еще много разсказовъ о его необузданной артистической гордости. Онъ обращалъ большое вниманіе на технику и, благодаря своимъ краскамъ, вызывалъ величайшую иллюзію. Какъ въ колоритѣ, такъ и въ выборѣ сюжетовъ онъ являлся новаторомъ: отъ старыхъ миѳологическихъ темъ онъ почти совсѣмъ отказался; возвышенные сюжеты Полигнота были не въ его вкусѣ, и Аристотель поэтому не безъ основанія отрицаетъ за его картинами духовное содержаніе êthos. Зевксидъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе необыкновеннымъ происшествіямъ передъ возвышенными и эффектнымъ, смѣхотворнымъ сюжетамъ передъ историческими. Лукіанъ описываетъ намъ слѣдующимъ образомъ его „Семейство кентавровъ“: „на переднемъ планѣ развалилась кентаврица и кормитъ одного младенца своею женскою грудью, другого же—своимъ лошадинымъ выменемъ. Отецъ, оскалившись, протягиваетъ малюткамъ львенка, чтобы испугать ихъ“. Зевксидъ умѣлъ также очень живо изображать тритоновъ съ дикимъ взглядомъ и косматыми волосами. По поводу этихъ сюжетовъ и ихъ выполненія нельзя не вспомнить о Бёклинѣ. Изображеніе маленькаго Геракла, который душитъ змѣй, можетъ быть, также имѣло комическій характеръ. Особенною славою пользовалась его Елена, которую онъ написалъ для кротонцевъ и которою не мало гордился. Изображеніе старухи, написанной имъ, вызвало у него самого такой припадокъ смѣха, что, по преданію, послѣ этого его постигла смерть.

Паррасій.

Современникомъ Зевксида и наиболѣе серьезнымъ соперникомъ его былъ Паррасій изъ Эфеса. Въ сознаніи своего превосходства онъ не уступалъ Зевксиду; подобно ему, онъ обыкновенно находился въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и имѣлъ привычку пѣть за работою. Въ часы досуга, этотъ легкомысленный іоніецъ писалъ скабрезныя картинки. Способностью вызывать своими картинами полную иллюзію онъ, кажется, даже превосходилъ Зевксида. Если этому послѣднему разъ удалось написать виноградъ настолько естественно, что птицы пробовали клевать его, то и Паррасій однажды написалъ занавѣсъ настолько правдоподобно, что даже самъ Зевксидъ былъ введенъ въ заблужденіе. Въ противоположность послѣднему, Паррасій отдавалъ предпочтеніе героическимъ сюжетамъ, изъ которыхъ выбиралъ такіе, гдѣ его талантъ

психологической характеристики могъ проявляться всего успѣшнѣе. Такимъ мотивомъ было, напр., притворное сумасшествіе Одиссея: тутъ приходилось положить на умное, развитое лицо печать слабоумія, хотя и

271. ПРИНОШЕНІЕ ИФИГЕНІИ ВЪ ЖЕРТВУ. Помпеянская фреска, представляющая собою свободную копію съ картины Тиманѳа. Мотивъ закутанной головы удачно воспроизведенъ въ современномъ искусствѣ, особенно у Матѳея Грюневальда въ его картинѣ «Оплакиваніе Христа» въ Кольмарѣ, и у Бёклина въ его берлинской Pietà.

напускного. Ѳчень славилась также картина, изображающая аттическій народъ; въ этомъ „демосѣ“ одинаково ясно выражались какъ безпримѣрная даровитость, такъ и безграничное ослѣпленіе аѳинскаго народца. До чего доходила наблюдательность этого художника, до какой степени онъ долженъ былъ владѣть контурами, тѣнями и рефлексами, если ему удавалось придать одному и тому же лицу такіе разнообразные оттѣнки!

Тиманөъ.

О третьемъ великомъ живописцѣ, относящемся къ этой же группѣ, о Тиманөѣ, уроженцѣ Аттики, мы знаемъ весьма мало. По свидѣтельству Плинія, идейное содержаніе его произведеній стояло выше техники, и картины его поэтому заставляли задумываться: „всегда видишь больше, чѣмъ, собственно, изображено“. Съ этимъ согласуется то, что намъ передаютъ и о его „Жертвоприношеніи Ифигеніи“. Послѣ того, какъ художникъ изобразилъ горе у второстепенныхъ фигуръ съ такою силою, что увеличить его казалось невозможнымъ, онъ уже и не пытался передать въ лицѣ отца Ифигеніи, Агамемнона, высшую степень душевныхъ страданій: онъ поэтому ограничился лишь намекомъ на невыносимую душевную пытку отца, заставивъ его отвернуться и скрыть свое лицо (рис. 271). И, поистинѣ, этимъ онъ высказалъ гораздо больше горя, чѣмъ если бы изобразилъ его непосредственно. Специфическій даръ Тиманөа, очевидно, состоялъ въ захватывающемъ изображеніи страстныхъ порывовъ. Картина его „Споръ изъ-за оружія Ахилла“—вѣроятно, высоко патетическаго характера—одержала побѣду даже надъ картиною Паррасія того же содержанія.

Павсій.

Дальнѣйшіе успѣхи искусства послѣдовали въ IV вѣкѣ. Среди различныхъ школъ живописи, заставлявшихъ говорить о себѣ, наиболѣе значительною была сикіонская, а знаменитѣйшимъ ея представителемъ—Павсій. Этотъ послѣдній впервые расписывалъ сводчатые потолки, чего нельзя было сдѣлать безъ тщательнаго изученія раккурса. Далѣе онъ изобрѣлъ живопись восковыми красками, такъ называемую энкаустику. Краски размѣшивались въ маслянистой жидкости съ примѣсью воска, наводились кистью, а затѣмъ, при помощи раскаленной палочки, которой проводили по поверхности красокъ, эти послѣднія сплавлялись и сливались. Аөинская школа живописи, процвѣтавшая въ это время, благодаря такому пріему также достигала красочныхъ эффектовъ, небывалыхъ до тѣхъ поръ по силѣ и яркости. Главою школы въ Аөинахъ былъ нѣкій Аристидъ. Какъ онъ, такъ и ученикъ его Евфраноръ создали батальный жанръ, ставшій съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе популярнымъ. Весьма характернымъ для этого и теперь моднаго направленія является описаніе Пліиніемъ картины Аристида „Разрушеніе города“: „тутъ изображался ребенокъ, подползающій къ груди раненой на смерть матери, причемъ видно было, какъ мать сознательно страшится того, что ея ребенокъ вслѣдъ за молокомъ будетъ сосать кровь“. Такимъ образомъ, и здѣсь изображались сложнѣйшіе психическіе процессы съ изысканнымъ искусствомъ.

Аристидъ и Евфраноръ.

Чрезвычайно развитая техника, художественная экспрессія, доходившая до виртуозности и передававшая всевозможныя настроенія и страсти, рѣзко подчеркнутая индивидуальность художниковъ—вотъ тѣ новыя черты, которыя представляются намъ въ живописи послѣ Поли-

гнота. Дальше мы увидимъ, что пластика оканчивающагося вѣка, а еще болѣе наступающаго, развивалась совершенно по тому же направленію и въ широкихъ размѣрахъ пользовалась пріобрѣтеніями родственнаго искусства.

7. Іонійская пластика.

При обозрѣніи архаическихъ памятниковъ искусства, намъ приходилось обращать особенное вниманіе на произведенія іонійской пластики (ср. стр. 153 сл. и 319 сл.). Если съ тѣхъ поръ мы не упоминали больше объ іонійскихъ скульпторахъ, то это объясняется тою несчастною случайностью, что за все это время не сохранилось почти никакихъ сюда относящихся памятниковъ. Конечно, послѣ утраты политической свободы наступилъ извѣстный упадокъ какъ въ литературной, такъ и въ художественной производительности, но вполнѣ она не замирала никогда. Напротивъ, намъ скорѣе кажется, что въ іонійскихъ городахъ Малой Азіи и на расположенныхъ передъ нею островахъ живопись и скульптура не только не угасали, но практиковались даже весьма оживленно; послѣдняя четверть V вѣка оставила даже не мало памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ.

Пэоній.

Когда, въ 1875 году, германская имперія приступила къ достопамятнымъ раскопкамъ въ Олимпіи, то одною изъ первыхъ ея находокъ оказалась Побѣда Пэонія (рис. 272). Съ высокой подставки въ 9 метр., имѣющей форму призмы для того, чтобы казаться по возможности воздушнѣе, нѣкогда какъ бы слетала богиня побѣды. Она была изображена не бѣгущею, какъ Ника Архерма (ср. рис. 131), но какъ бы парящею на воздухѣ. Широкій плащъ ея, раздуваемый вѣтромъ, составляетъ живописный фонъ для этой фигуры; распущенный на подобіе паруса, онъ содѣйствуетъ работѣ могучихъ крыльевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ и у Архерма, служитъ связью между свободно несущеюся фигурою и подставкою; наконецъ, этотъ плащъ составляетъ необходимый противовѣсъ для сильно наклоненнаго впередъ корпуса богини. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ плащъ соприкасается съ подставкою, орелъ прорѣзываетъ воздухъ, и это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе отдѣленности фигуры отъ земли, т.-е. дѣйствительнаго полета ея. Бурный вѣтеръ, бушующій въ эѳирѣ, прибиваетъ платье богини къ ея тѣлу, такъ что контуры его вырисовываются вполнѣ ясно. Такимъ образомъ, все произведеніе проникнуто бурнымъ движеніемъ. Художникъ, создавшій вскорѣ послѣ 425 года эту увлекательную статую, назывался Пэоніемъ изъ Менды, іонійскаго города Халкидики,—стало-быть, онъ іоніецъ. Повидимому, ему знакомы фигуры на Парѳенонѣ, но тѣ далеко не такъ живописны: подобное явленіе мы встрѣтимъ въ Аѳинахъ лишь на балюстрадѣ Ники. Специфи-

Гьёльбаши.

272. Ника Пэонія. Олимпія.
По Studniczka, Siegesgöttin.

чески живописный стиль, который здѣсь такъ рано уже перенесенъ на большія скульптурныя произведенія, представляется отличительною чертою іонійской пластики. При этомъ не должно забывать, что Іонія искони была главнымъ центромъ живописи, и что она дала Греціи почти всѣхъ ея великихъ живописцевъ.

Само собою разумѣется, что іонійское искусство простирало свое вліяніе и во внутрь Малой Азіи. Такъ, между прочимъ намъ стало извѣстно, что правители Ликійской области давали заказы іонійскимъ мастерамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ два грандіозныхъ мавзолея. Одинъ изъ нихъ открытъ въ 1841 году около мѣстечка Гіёльбаши, древней Трисы, и въ 1881—83 гг. художественныя украшенія его перевезены въ Вѣнскій музей. Расположенная на возвышеніи, недалеко отъ моря, эта гробница представляетъ собою небольшое прямоугольное кладбище, обведенное стѣнами (рис. 274) и имѣющее входъ съ юго-востока. Слѣва отъ входа изображенъ основатель этого памятника, неизвѣстный правитель, на боевой колесницѣ; недалеко отъ него. Беллерофонтъ, побѣдитель химеры. Очевидно, погребенный здѣсь велъ свой родъ отъ него. Два верхнихъ ряда камней на всѣхъ четырехъ стѣнахъ были изнутри покрыты рельефами; стѣна съ дверью имѣла и снаружи двойной рядъ рельефовъ. Вся длина этого двойного фриза составляла 108 метр., такъ что, по размѣрамъ, съ нимъ могутъ сравняться лишь немногіе памятники древности. Матеріаломъ служилъ, къ сожалѣнію, весьма невзрачный камень, сѣрый и шероховатый. Поэтому мы должны предположить, что скульптуры эти первоначально были густо покрыты краскою. Что касается самой скульптурной работы, то, при всей смѣлости ея, она не отличается достоинствами и скорѣе принадлежитъ рѣзцу про-

273. НИКА ПЭОНІЯ
(ДОПОЛНЕННАЯ).
По Olympia, Ergebn. III.

Статуя принесена въ даръ мессенцами и навпактійцами, вѣроятно изъ спартанской добычи послѣ Сватерiи (425 г.); ср. выше, стр. 310, къ рис. 188.

стого мастера. Интересно здѣсь примѣненіе перспективы, которую, такимъ образомъ, мы впервые встрѣчаемъ въ произведеніи большихъ размѣровъ. Съ этою особенностью, заимствованною изъ живописи, согласуется и тщательность, съ которою переданы кулиссы отдѣльныхъ сценъ. Аттическіе художники обыкновенно предоставляли это воображенію зрителей. Эти кулиссы тоже имѣютъ несомнѣнно живописный

274. ГРОБНИЦА ПРАВИТЕЛЯ ИЗЪ ГЬЁЛЬБАШИ (ТРИСА). По Gardner, Sculpt. tombs.

характеръ. Но особенно выборъ сюжетовъ напоминаетъ намъ произведенія живописи, напр., убійство жениховъ, которое Полигнотъ написалъ въ Платеѣ (ср. изображеніе на вазѣ, рис. 153), или похищеніе Левкиппидъ, которое также послужило сюжетомъ для фресокъ Полигнота въ аѳинскомъ Анакейонѣ (стр. 324). На западной стѣнѣ изображено нападеніе на городъ враговъ, приплывшихъ на корабляхъ, затѣмъ завоеваніе города, наконецъ, борьба Ахилла съ амазонками (рис. 276). На фрескахъ въ аѳинской Stoa Poikile мы имѣемъ аналогичный примѣръ соединенія въ трилогію трехъ сюжетовъ: мараѳонской битвы, разрушенія Трои и борьбы Ѳесея съ амазонками (стр. 324). По поводу похода семи вождей противъ Ѳивъ, изображеніе котораго слѣдуетъ затѣмъ, мы вспомнимъ, что ученикъ Полигнота, Она-

275. УБІЙСТВО ЖЕНИХОВЪ НА ФРИЗѢ ИЗЪ ГЬЁЛЬБАШИ.

По Benndorf-Niemann, Giölbaschi. Ср. вазу, стр. 189.

276. ГЬЁЛЬБАШИ. ОБРАЗЧИКИ ФРИЗА НА ЗАПАДНОЙ СТѢНѢ. ОСАДА ГОРОДА.

По Benndorf-Niemann, Gjölbaschi.

277. Богиня смерти (?). На монументѣ Нереидъ въ Ксанѳѣ. Съ фотографіи.

сій, написалъ въ Платеѣ картину на этотъ же сюжетъ (стр. 325). Далѣе, группа съ нагруженнымъосломъ,которую мы видимъ на рис. 276, встрѣчается опять-таки и у Полигнота на его Дельфійскомъ изображеніи разрушенія Трои. Однимъ словомъ, мы получаемъ такое впечатлѣніе,какъ будто здѣсь перенесены на камень тѣ циклы картинъ, которые Полигнотъ и его ученики въ Аѳинахъ, Платеѣ и Дельфахъ писали въ видѣ фресокъ на стѣнахъ. Многое другое еще намъ уже извѣстно изъ предшествующаго искусства, напр., сраженія кентавровъ, составляющія неизмѣнную часть аттической скульптуры; далѣе,

278. Монументъ Нереидъ въ Ксанѳѣ. Часть фриза съ антаблемента. Съ фотографіи. Мужи, приносящіе дань.

279. МОНУМЕНТЪ НЕРЕИДЪ. ЛОНДОНЪ.
По Brunn-Bruckmann.

Образчики съ большого фриза на фундаментѣ. Наверху группа Кенея, внизу сцена битвы.

группа Кенея, знакомая намъ по аѳинскому храму Ѳесея (стр. 370), и по Фигаліи (рис. 252 b); наконецъ, фигуры, видимыя лишь на половину и расположенныя какъ бы „ярусами", совершенно на подобіе Полигнота. Такимъ образомъ, можно было бы предположить, что авторъ этихъ произведеній примѣнилъ на ликійскомъ памятникѣ свои школьныя

280. МОНУМЕНТЪ НЕРЕИДЪ ВЪ КСАНѲѢ. Реконструкція.
По Gardner, Sculpr. tombs.

путевыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздокъ по Греціи. Но, можетъ-быть, правильнѣе было бы искать въ утерянныхъ іонійскихъ произведеніяхъ тотъ общій первоисточникъ, изъ котораго заимствовали свои мотивы и техническіе пріемы какъ Полигнотъ и его сотрудники, такъ и скульпторы, работавшіе для Ликіи.

Памятникъ Нереидъ.

Бо́льшею художественностью отличалась другая ликійская роскошная гробница, такъ называемый монументъ Нереидъ въ Ксанѳѣ

(рис. 280). На прямоугольномъ пьедесталѣ возвышается небольшой іонійскій храмъ. Пластическое украшеніе его составляли два фриза на пьедесталѣ, третій надъ эпистилемъ, четвертый внутри, вокругъ целлы, кромѣ того, фронтонныя фигуры на восточной и западной сторонахъ и, наконецъ, статуи въ промежуткахъ между колоннами и въ качествѣ акротерій. Какъ въ Трисѣ, такъ и здѣсь не можетъ быть установлено имя усопшаго, погребеннаго здѣсь столь царственнымъ образомъ и изображеннаго на восточномъ фронтонѣ храма возсѣдающимъ на тронѣ вмѣстѣ съ супругою. Фризы на пьедесталѣ отличаются бóльшею тщательностью отдѣлки, чѣмъ другіе, такъ какъ ихъ было болѣе видно. Здѣсь изображались сцены сраженій, такъ какъ мавзолей этотъ долженъ былъ служить одновременно царскою гробницею и памятникомъ побѣды. Изображеніе борьбы (рис. 279) близко подходитъ къ стилю, наблюдаемому въ Фигаліи и Трисѣ. Различныя сцены, знакомыя намъ по тѣмъ фризамъ, повторяются здѣсь почти въ точности, и прежде всего мы встрѣчаемъ какъ здѣсь, такъ и тамъ одинаково страстный характеръ, который здѣсь впервые ясно выразился и въ лицахъ. На верхнемъ, болѣе узкомъ фризѣ цоколя изображены съ большими подробностями осада и капитуляція крѣпости, причемъ стилистическая манера художника находится подъ сильнымъ вліяніемъ живописныхъ образцовъ. И здѣсь многое напоминаетъ трисскіе фризы, хотя кое-что изображено здѣсь съ реализмомъ совершенно не греческаго характера, а скорѣе уже ассірійскаго. Изъ этого можно заключить, что ликійскіе мастера примѣшивали къ мотивамъ, взятымъ изъ Іоніи, еще всякаго рода мѣстныя черты. Еще въ бóльшей мѣрѣ это наблюдается на небольшихъ фризахъ храма, гдѣ любовно воспроизводятся сцены изъ ликійской жизни: пиры, охота на медвѣдя и кабана, подданные, приносящіе дань, и т. д. (рис. 278). Наконецъ, самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ являются 12 статуй, помѣщавшихся въ промежуткахъ между колоннами (рис. 277). Родство ихъ съ Никою Пэонія (рис. 273) поразительно. Какъ и послѣдняя, онѣ на подобіе паруса развертываютъ свои плащи, которые служатъ для нихъ живописнымъ фономъ, и, подобно тому какъ Ника имѣетъ у подножія орла, такъ и онѣ опираются на разныя морскія чудовища; поэтому ихъ и называли Нереидами и согласно съ этимъ дали всему сооруженію названіе памятника Нереидъ. Но правильнѣе будетъ считать ихъ богинями смерти, рѣющими вокругъ погребальной часовни. Прозрачность одежды, поражающая уже на фризѣ цоколя (ср. рис. 279), здѣсь доведена до высшей степени совершенства.

8. Искусство въ IV вѣкѣ до утраты политической свободы.

Характеръ заказовъ.

Въ V столѣтіи заботы о процвѣтаніи искусства почти всецѣло лежали на государствѣ, какъ въ Элладѣ вообще, такъ и въ Аѳинахъ въ частности. Съ окончаніемъ роковой Пелопоннесской войны это измѣнилось. Хотя пострадавшее государство еще разъ присвоило себѣ извѣстную политическую роль, такъ что очутилось временно даже снова во главѣ морского союза, но, несмотря на искусную политику, финансы его не могли вновь войти въ норму. Государственныя постройки этого времени представляли собою только приспособленія для охраны или для практическихъ потребностей. Не слышно болѣе о возведеніи храмовъ, какіе сооружались въ Аѳинахъ при Периклѣ, благодаря обширнѣйшимъ средствамъ. Государство рѣшалось расходовать деньги лишь на укрѣпленія, арсеналы и корабельные дома и много-много на достройку театровъ и ристалищъ. При этомъ не было недостатка въ художникахъ. Въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ не только эпигоновъ, питающихся великимъ прошлымъ, но художниковъ съ оригинальными творческими силами и самостоятельнымъ новымъ направленіемъ, которые своими прекрасными и продуманными произведеніями умѣли удовлетворять измѣнившійся вкусъ времени. Но такъ какъ обанкротившееся государство не давало имъ больше крупныхъ заказовъ, то они работали для потребностей богатыхъ гражданъ. Это очень замѣтно на ихъ произведеніяхъ, такъ какъ, несмотря на богатство отдѣльныхъ лицъ въ обѣднѣвшемъ государствѣ, несмотря на великолѣпіе ихъ жилищъ, на большіе художественные запросы ихъ, все же только въ рѣдкихъ случаяхъ они могли поручать художникамъ дѣйствительно монументальные заказы. Искусство, поощряемое не государствомъ, а частными лицами, неминуемо должно было пріобрѣсть болѣе приватный характеръ.

Впрочемъ, полнаго отсутствія монументальныхъ художественныхъ предпріятій и теперь не было, только они исходили не отъ собственнаго государства, а изъ чужбины, отъ малоазіатскихъ и сирійскихъ царей и правителей, къ которымъ проникла слава аѳинскаго искусства. Аѳинскія мастерскія начали работать для вывоза, и греческіе художники, какъ увидимъ ниже, ѣздили къ чужимъ дворамъ еще задолго передъ тѣмъ, какъ Александръ открылъ весь Востокъ вліянію греческой культуры.

Новыя вѣянія.

Работодатели, такимъ образомъ, были теперь иные, но и настроеніе существенно измѣнилось, какъ въ формѣ заказовъ, такъ и въ ихъ выполненіи. Мастера V вѣка создавали преимущественно религіозныя произведенія. Проникнутые вѣрою въ своихъ боговъ и поддерживаемые довѣрчивою религіозностью массы, они давали религіозному сознанію своего

281. ЕГИПЕТСКІЯ ЧАШЕОБРАЗНЫЯ КАПИТЕЛИ.
По Durm, Baukunst I.

времени подходящее выраженіе. Иное дѣло—художники IV вѣка. И имъ иногда поручались религіозные сюжеты; но, создавая свои изображенія боговъ, они могли уже не считаться съ религіознымъ сознаніемъ народа. Отъ нихъ требовалась исключительно красота, утѣха для глазъ и для чувствъ, чему они по бо́льшей части и удовлетворяли. Такимъ образомъ, изображенія боговъ, и раньше отличавшіяся весьма человѣческими свойствами, теперь превратились въ образы настоящихъ людей, не болѣе. Недостатокъ религіознаго содержанія въ этихъ произведеніяхъ художники замѣняли усиленною красотою и индивидуальнымъ выраженіемъ. Теперь художникъ могъ вложить въ свои созданія собственную душу, свои непосредственныя личныя чувства, и надо признаться, что эти прочувствованные человѣческіе образы во многихъ отношеніяхъ ближе намъ, чѣмъ величественныя воплощенія эллинской вѣры въ боговъ.

а) Архитектура. Архитектура новаго вѣка въ общемъ ограничивалась примѣненіемъ уже раньше сформировавшихся стилей, дорійскаго и іонійскаго. Новостью же являлось болѣе широкое употребленіе растительныхъ орнаментовъ натуралистическаго характера, едва тронутыхъ стилизаціею. Уже въ предшествующемъ вѣкѣ было признано, что мѣстный акантовый кустъ со своими вырѣзными листьями превосходно подходилъ для украшенія верха надгробныхъ плитъ (рис. 282) и тому подобныхъ памятниковъ. Намъ еще извѣстенъ одинъ случай примѣненія акантовыхъ листьевъ въ капители колонны (ср. выше, рис. 251). Но цѣлый рядъ подобныхъ акантовыхъ капителей, а именно сооруженія въ такъ называемомъ к о р и н ѳ с к о м ъ с т и л ѣ, мы знаемъ только съ IV вѣка.

282. НАДГРОБНАЯ ПЛИТА СЪ КОРОНОЮ ИЗЪ АКАНТОВЫХЪ ЛИСТЬЕВЪ.
Съ лекиѳа V вѣка.
Journ. of hell. St. XV.

Коринѳскій архитектурный стиль.

О происхожденіи этого стиля сообщали слѣдующій прелестный разсказъ. Одна коринѳская кормилица поставила на могилу своей безвременно умершей

питомицы корзину со всякаго рода игрушками, которую она покрыла кирпичомъ. Слѣдующею весною художникъ Каллимахъ, проходя мимо могилы, замѣтилъ, что кругомъ корзины выросли акантовы листья, которые чрезвычайно изящно обрамляли корзину и покрывающій ее кирпичъ. Эта игра природы и натолкнула его на изобрѣтеніе новой капители.—На самомъ же дѣлѣ образцомъ для этой новой формы послужило опять-таки восточное искусство, точнѣе, египетское (рис. 281). Тамъ уже издавна часто употреблялась чашеобразная высокая капитель, окруженная растительными орнаментами, только она лишена той совершенной граціи, которую сумѣли придать ей лишь греческіе зодчіе (рис. 284). Обычная форма коринѳской капители состоитъ въ томъ, что два ряда акантовыхъ листьевъ, по 8-ми въ каждомъ, такъ распредѣлены вокругъ колонны, что длинные листья чередуются съ короткими. Изъ этого вѣнка поднимаются 8 усиковъ, соединяющихся по два и выступающихъ своими завитушками изъ-подъ угловъ нависшей абаки. Въ промежуткахъ между этими угловыми завитками вырастаютъ другіе 8 усиковъ, которые также соединяются попарно, наклоняясь другъ къ другу и имѣя надъ мѣстомъ соединенія пальметку или цвѣтокъ. Конечно, этотъ свободно разработанный натуралистическій типъ допускалъ безконечный рядъ варіацій.

283. Хорегическій памятникъ Лисикрата. Аѳины.
По Winter, Kunstgesch. I.
Поставленный близъ театра Діониса, онъ служилъ подставкою для бронзоваго треножника, полученнаго въ качествѣ приза нѣкимъ Лисикратомъ въ 335—34 г. со своимъ хоромъ мальчиковъ.

Низъ и каннелюры этой такъ называемой коринѳской колонны приблизительно соотвѣтствуютъ іонійской; равнымъ образомъ, легкій, состоящій изъ трехъ частей архитравъ и тянущійся надъ нимъ фризъ съ фигурами заимствованы съ іонійскаго стиля. Впрочемъ, этотъ изящный стиль даже въ IV вѣкѣ встрѣчался не особенно часто; пора расцвѣта его наступила лишь позже, въ эпоху римскаго господства.

Памятникъ Лисикрата.

Самымъ раннимъ аѳинскимъ образцомъ постройки съ коринѳскими колоннами или, точнѣе, полуколоннами является монументъ Лисикрата (рис. 283), изящное, круглое сооруженіе на высокомъ квадратномъ цоколѣ. Особенно хорошъ букетъ арабесокъ изъ акантовыхъ

Лит. Ф. Кадушина С. П. Б.

УГОЛЪ ДО-ПИСИСТРАТОВСКАГО ГЕКАТОМПЕДОСА.

По Wiegand, Porosarchitektur.

Храмъ былъ выстроенъ не изъ настоящаго пороса, а изъ твердаго красноватаго известняка. Всѣ непокрытыя краской части (главнымъ образомъ, колонны, архитравъ и метопы) были старательно выштукатурены. Колонны подъ ахиномъ были краснаго, триглифы съ регулами — бураго, промежутки между регулами—опять краснаго цвѣта. Бѣлый карнизъ былъ внизу фантастически разукрашенъ крупными лотосами и летящими птицами. Узорчатая сима (см. табл. III) заканчивалась изогнутой вверхъ волютой. Въ соединеніи съ ярко-разноцвѣтными фронтонными фигурами получалось несомнѣнно впечатлѣніе чрезвычайной пестроты.

листьевъ, возвышающійся надъ крышею изъ цѣльнаго камня и представляющій собою коринѳскую капитель въ крупномъ видѣ. Чрезвычайно живо задуманъ фризъ, окаймляющій эпистиль, но, къ сожалѣнію, онъ сильно пострадалъ отъ непогоды. На немъ съ тонкимъ юморомъ и удивительнымъ изяществомъ изображалось діонисическое сказаніе о превращеніи тирренскихъ пиратовъ въ дельфиновъ.

Остальныя свѣдѣнія о постройкахъ этой эпохи удобнѣе будетъ сообщить при разсмотрѣніи украшавшихъ ихъ скульптуръ.

Кефисодотъ.

б) **Скульпторы IV вѣка до утраты политической свободы.** Въ 375 году аѳиняне учредили государственный культъ въ честь Ирины (богини мира). Несмотря на нѣкоторые военные успѣхи, одержанные ими надъ своими противниками, жажда мира въ этой едва оправившейся общинѣ была чрезвычайно сильна, и результатомъ этого настроенія явился новый культъ. Вскорѣ была сооружена и статуя Ирины съ фигурою Богатства (Плутоса) на рукѣ; она была поставлена въ южномъ концѣ рынка, уже на склонѣ Ареопага, на мѣстѣ, которое было видно издали. Творцомъ этого изображенія былъ аѳинянинъ Кефисодотъ, и, благодаря монетамъ, мы можемъ въ одной статуѣ Мюнхенской глиптотеки признать копію

284. КОРИНѲСКАЯ КАПИТЕЛЬ.
Съ такъ называемаго «Ѳолосъ» въ Эпидаврѣ (ср. IV вѣка).
По Defrasse-Lechat, Epidaure.

съ этого произведенія. Эта послѣдняя служитъ прекрасною иллюстраціею аттическаго искусства въ это переходное время. Многое напоминаетъ еще то строгое направленіе, представителемъ котораго былъ Фидій, а именно массивная полнота и тяжеловѣсность, которая, впрочемъ, вполнѣ идетъ къ богинѣ мира, кормилицѣ всего сущаго; далѣе, величественная одежда съ ея немногочисленными простыми складками, сдержанность въ выраженіи лица, выразительные жесты, все еще замѣняющіе настоящую мимику,—все это такія черты, которыя намъ напоминаютъ дѣвъ съ храма Эрехѳея или Эвридику на рельефѣ Орфея (рис. 254). Но, несмотря на это, духъ новаго времени здѣсь ясно сказывается. Собственно, Ирина не богиня, а лишь олицетвореніе извѣстнаго земного состоянія, а потому и въ статуѣ изображена только женщина и любящая мать. Чисто по-матерински она наклоняетъ голову къ ребенку, нѣжно отвѣчая на его ласки.

285. Ирина Кефисодота. Мюнхенъ.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.
Ошибочно вложена въ лѣвую руку богини въ Мюнхенѣ ваза съ масломъ. Изображенное на рисункѣ дополненіе съ рогомъ изобилія подтверждается монетами.

Кефисодотъ, которому мы обязаны этимъ прекраснымъ произведеніемъ, вѣроятно, былъ отцомъ Праксителя, т.-е. того аттическаго художника, въ которомъ характерныя для этого вѣка задушевность

и утонченная чувствительность нашли свое наиболѣе яркое и блестящее выраженіе.

Всѣ свои произведенія **Пракситель** создалъ изъ мрамора, и уже этимъ онъ рѣзко отличается отъ великихъ мастеровъ предшествующаго вѣка. У него не было изобилующихъ фигурами композицій, храмовыхъ фронтоновъ и т. п. Его сила заключалась въ отдѣльныхъ фигурахъ. Большинство заказовъ онъ получилъ изъ чужбины, между тѣмъ какъ обѣднѣвшее отечество почти вовсе не поручало работъ своему великому сыну. Онъ отдавалъ явное предпочтеніе фигурамъ въ цвѣтущемъ возрастѣ; только изрѣдка онъ работалъ надъ такими сюжетами, какъ Латона или Паллада. Большинство его произведеній такъ или иначе имѣетъ отношеніе къ богинѣ любви и красоты, и не случайность то, что знаменитѣйшимъ его твореніемъ была статуя Афродиты. **Пракситель.**

286. АРЛЕЗІАНСКАЯ ВЕНЕРА. ЛУВРЪ.
Съ фотографіи.
Лѣвая рука первоначально держала зеркало, правая (ошибочно дополненная съ мячемъ) дѣлала жестъ изумленія передъ собственной красотой.

Такъ называемая Арлезіанская Венера (рис. 286), вѣроятно, воспроизводитъ юношескую работу Праксителя изъ того періода, когда онъ еще не выработалъ собственнаго стиля; сходство ея съ Ириною бросается въ глаза. На не вполнѣ развившейся дѣвической фигурѣ посажена прелестная головка, черты лица которой, однако, уже совер- **Арлезіанская Венера.**

шенно отличаются отъ Ирины глубокимъ выраженіемъ, особенно замѣтнымъ въ ея глазахъ. Какъ красивы эти волнистые волосы, сколько изящества прибавляютъ къ нимъ ленты. и какъ спущенные концы ихъ оживляютъ контуры шеи и плечъ!

Сатиръ, наливающій вино.

287. Сатиръ, наливающій вино. Дрезденъ. Съ фотографіи.

Сатиръ, наливающій вино, также представляетъ собою юношеское произведеніе Праксителя. Насколько была популярна эта фигура, доказываетъ масса копій съ нея.

Фрина, любовница художника, по преданію, разъ выпросила себѣ его лучшее произведеніе; онъ согласился, отказавшись, однако, указать, какое онъ считаетъ наиболѣе совершеннымъ. Тогда Фрина придумала хитрость: подговоренный ею рабъ прибѣжалъ и сообщилъ Праксителю, что его мастерская вмѣстѣ со многими его статуями погибла въ пламени. Испуганный художникъ воскликнулъ: „если пламя уничтожило и Сатира и Эрота, то для меня все кончено“. Этотъ анекдотъ (такъ какъ иначе его нельзя назвать), во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что одна изъ статуй Праксителя, изображавшихъ Сатира, особенно славилась, хотя, конечно, не извѣстно, былъ ли это Сатиръ, наливающій вино, или другое изображеніе.

Поза этого сатира еще нѣсколько напоминаетъ Поликлета, равно какъ и форма его головы и отдѣлка волосъ. По достоинства этого произведенія, отличающія его отъ предшественниковъ, гораздо больше бросаются въ глаза, чѣмъ эти слѣды вліянія Поликлета: какъ легко выступаетъ Сатиръ, какъ красиво выгибаетъ онъ изящныя бедра вправо, а туловище влѣво, и, вообще, какая жизнь во всей фигурѣ!

Эротъ Праксителя.

Что касается другого шедевра, котораго Пракситель выдалъ Фринѣ, а послѣдняя принесла въ даръ своему родному городу Ѳеспіямъ, то, можетъ-быть, и онъ сохранился въ копіяхъ, дошедшихъ до насъ. Такихъ копій не менѣе 11; Эротъ опирается на свой лукъ въ глубокомъ раздумьи. Онъ не пользуется своимъ оружіемъ, онъ побѣждаетъ (этимъ-то и славился ѳеспійскій Эротъ) неотразимою силою взгляда. Наклонъ головы, обрамленной роскошными кудрями (рис. 289), придаетъ ей мечтательный почти меланхолическій видъ, этотъ богъ любви самъ переживаетъ сладостныя муки.

288. ЭРОТЪ НЕАПОЛИТАНСКІЙ.
Съ фотографіи.
Копія съ Праксителя (?). Первоначально, вѣроятно, лѣвая рука опиралась на верхній конецъ поставленнаго на землю лука, между тѣмъ какъ правая держала стрѣлу.

289. ЭРОТЪ ИЗЪ ЧЕНТОЧЕЛЛЕ. РИМЪ.
Съ фотографіи.
Часть статуи съ тѣмъ же мотивомъ, какъ рис. 288.

Отдыхающій Сатиръ.

Отдыхающій Сатиръ дошелъ до насъ не менѣе, чѣмъ въ 35 копіяхъ. Принадлежность его Праксителю никѣмъ не оспаривается, хотя она не можетъ быть строго доказана (рис. 290 и 291). Древесный стволъ, на который опирается сатиръ, на этотъ разъ не является праздною прибавкою позднѣйшаго мастера, а принадлежитъ самой композиціи. Подоб-

290. ОТДЫХАЮЩІЙ САТИРЪ ПРАКСИТЕЛЯ.
Съ фотографіи.
Этотъ римскій экземпляръ, лучше всѣхъ сохранившійся, является, однако далеко не лучшимъ по выполненію рис. (ср. 291).

291. ОТДЫХАЮЩІЙ САТИРЪ ПРАКСИТЕЛЯ (?). ЛУВРЪ.
По Brunn-Bruckmann.
Долженъ быть дополненъ на основаніи рис. 290.

292. АПОЛЛОНЪ САВРОКТОНЪ ПРАКСИТЕЛЯ.
МРАМОРЪ. РИМЪ. ВАТИКАНЪ.
По Rayet, Mon. de l'art. ant. II.
Оружіемъ богу служила или стрѣла, или арканъ изъ травы, употребляющійся на югѣ для ловли ящерицъ.

ныя опоры, которыя дають возможность прислоняющимся къ нимъ фигурамъ принять легкую позу отдыха, Пракситель употреблялъ особенно охотно; онѣ даже прямо характерны для него.

Изображенное здѣсь дитя природы, пантеровая шкура котораго, равно какъ заостренныя уши и слегка косые глаза, характеризують его какъ спутника Вакха,—вѣроятно, только-что кончилъ игру на свирѣли и теперь предается отдыху. Эта

293. Гермесъ Праксителя.
По Brunn- Bruckmann.
При раскопкахъ, произведенныхъ германскою имперіею, найденъ въ олимпійскомъ храмѣ Геры. Лѣвая рука держала глашатайскій жезлъ; на сандаліяхъ и на волосахъ головы сохранились слѣды красокъ. Вѣнокъ изъ плюща, вѣроятно, былъ надѣтъ на кудри. У Гермеса недостаетъ голеней и правой руки, у ребенка нѣтъ ручекъ. На нашемъ рисункѣ, за исключеніемъ правой руки, все недостающее дополнено.

294. Гермесъ Праксителя.
Помпеянская фреска.
Jahrb. d. Inst. II.
Изъ Casa del naviglio. Это неизящное изображеніе все же даетъ намъ указанія на то, какъ слѣдуетъ дополнять статую на рис. 293.

статуя обыкновенно ставилась у родниковъ; прекрасно она выражаетъ пріятное настроеніе, охватывающее насъ у журчащаго ручья подъ прохладною тѣнью въ ясный, жаркій лѣтній день.

295. Голова Гермеса Олимпійскаго.
Съ фотографіи.

Аполлонъ Савроктонъ.

Въ той же полуприслоненной позѣ, возможной благодаря боковой опорѣ, Пракситель изобразилъ также Аполлона Савроктона, т.-е. убивающаго ящерицъ (рис. 292). Ящерица считалась эмблемою Аполлона, и изображеніе бога, играющаго своимъ аттрибутомъ, было совершенно въ духѣ Праксителя. Правая, прицѣливающаяся рука Аполлона нарочно мало приближена къ звѣрку, чтобы не закрывать собою удивительнаго гибкаго божественнаго тѣла. Для бога эта юношеская фигура, строго говоря, слишкомъ изящна; прямо немыслимо, чтобы на это изображеніе можно было молиться. Религіозное содержаніе исчезло, и статуя бога превратилась въ жанровую фигуру. Поразительно также и почти женское щегольство, съ которымъ подвязаны волосы Аполлона и проведенъ проборъ; Пракситель былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ въ подобнаго рода затѣйливыхъ прическахъ.

Гермесъ Олимпійскій.

Всѣ разсмотрѣнныя нами понынѣ работы были болѣе или менѣе слабыя копіи, зато въ Гермесѣ Олимпійскомъ мы имѣемъ оригинальное произведеніе. Сохранился онъ необыкновенно хорошо; особенно драгоцѣнно то, что лицо нисколько не пострадало. Матеріалъ—тончайшій паросскій мраморъ съ нѣжными жилками болѣе темной горной породы. Статуя, которая совсѣмъ не принадлежала къ самымъ извѣстнымъ работамъ художника, своей блестящей отдѣлкой впервые дала намъ истинное понятіе о силѣ таланта Праксителя; только со времени ея открытія мы понимаемъ вполнѣ страстное восхищеніе, съ которымъ къ нему относились его современники.

Представленъ Гермесъ приносящимъ сироту-младенца, Діониса, на воспитаніе нимфамъ. Онъ ненадолго остановился отдохнуть, бросилъ свою одежду на стволъ дерева у дороги и прислонился къ нему со своею маленькою ношею. Короткій отдыхъ даетъ ему поводъ къ веселой забавѣ: посланникъ боговъ протягиваетъ маленькому Вакху виноградную гроздь, а дитя совершенно по-дѣтски тянется къ любимымъ плодамъ и кладетъ довѣрчиво свою правую ручку на плечо старшему брату. Кромѣ фигуры бога, и одежда привлекаетъ наше вниманіе: гдѣ можно найти такое естественное скульптурное изображеніе ткани? На тяжеломъ плащѣ, съ его большими мягкими складками, эффектно выдѣляется болѣе тонкая ткань рубашечки, надѣтой на ребенка. Что сказать, затѣмъ, о великолѣпіи этого поистинѣ божественнаго тѣла, объ этой могучей

296. МОНЕТЫ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ КНИДСКОЙ АФРОДИТЫ.
По Collignon. Sculpt. gr. II.
Копіи цѣлой статуи, подобно ватиканской, такъ неудовлетворительны въ смыслѣ изображенія тѣла богини, что могутъ вызвать только разочарованіе. Рис. 297 даетъ нѣкоторое понятіе о красотѣ головы.

297. ГОЛОВА КНИДСКОЙ АФРОДИТЫ ПРАКСИТЕЛЯ. БЕРЛИНЪ.
Коллекція Кауфмана. Ant. Denkm. I.

298. КОРА (?) ПРАКСИТЕЛЯ. МЮНХЕНЪ.
По свѣтописи Брукмана.
Завивка «дыней» встрѣтилась намъ первый разъ въ аттическомъ рельефѣ Пеліадъ (рис. 255).

силѣ, непроизводящей, однако, впечатлѣнія тяжести, объ этой граціи, которая во всѣхъ частяхъ тѣла все-таки соединена съ мужественной увѣренностью? Но вѣнцомъ всего остается голова (рис. 295): она такъ и дышитъ одухотворенностью и жизнерадостностью. Волосы вьются совершенно естественно; такъ естественно, что самому Праксителю рѣдко удавалось изобразить ихъ правдоподобнѣе (сравни рис. 301).

299. ДІАНА ИЗЪ ГАБІЙ,
названная такъ по мѣсту, гдѣ она была найдена, теперь въ Луврѣ.
По Brunn-Bruckmann.
Высоко подвязанный жетонъ и сандаліи доказываютъ, что это Артемида.

Книдская Афродита. Приблизительно между 356—346 годами Пракситель, повидимому, покинулъ родину и сталъ искать себѣ работы въ богатой Азіи. Съ этимъ временемъ совпадаетъ, между прочимъ, окончаніе его самаго извѣстнаго произведенія, сдѣланной имъ для Книдоса Афродиты (рис. 296). Онъ дерзнулъ изобразить богиню совсѣмъ нагою; чаша около нея указываетъ на купаніе, для котораго она сбросила съ себя одежды, и оправдываетъ, такимъ образомъ, ея наготу. Богиня не подозрѣваетъ, что мы можемъ ее видѣть: ея непринужденная улыбка вызвана предстоящимъ ей удовольствіемъ отъ прохладнаго купанья. Итакъ, вовсе не недостатокъ цѣломудрія въ изобра-

женіи ея прелестей доставилъ этой Афродитѣ во всемъ эллинскомъ

300. МУЗЫ МАНТИНЕЙСКІЯ. Bull. corr. hell. 1888.

Рельефы съ цоколя праксителевой группы.

мірѣ славу самой лучшей изъ ея статуй. Слегка-волнистые волосы, прекрасная моделировка лба и бровей, влажно-блестящіе глаза особенно

цѣнились древними (ср. рис. 297): кажется съ увѣренностью можно сказать, что ни однимъ эллинскимъ мастеромъ не было создано болѣе очаровательнаго женскаго образа (ср. также рис. 298).

Артемида Бравронская.

Вѣроятно, вскорѣ послѣ возвращенія Праксителя изъ Азіи ему было поручено сдѣлать новое священное изображеніе Артемиды Бравронской для аѳинскаго Акрополя. Аѳинскія женщины обыкновенно приносили въ жертву этой богинѣ свои одежды послѣ счастливаго разрѣшенія отъ бремени. Къ этому обычаю, конечно, изображеніе божества должно было имѣть какое-нибудь отношеніе, и потому въ высшей степени вѣроятно, что такъ называемая Діана изъ Габій, которая, совершенно не подходящимъ для Артемиды образомъ, занята прикрѣпленіемъ своей одежды,—копія того священнаго изображенія: тѣмъ аѳинянкамъ, которыя приносили ей обычную жертву платьями, естественно было представить богиню въ тотъ моментъ, когда она посреди храма съ граціемъ и видимымъ удовольствіемъ надѣваетъ одну изъ посвященныхъ ей одеждъ. Это рѣшеніе задачи настолько удачно, что его смѣло можно приписать Праксителю.

Что не только идея этой статуи была одной изъ самыхъ удачныхъ, но и исполненіе ея было крайне тщательно,—это можно видѣть даже по нашей неважной копіи. Особенно мастерски была, повидимому, отдѣлана одежда, которая въ культѣ этой богини играла такую роль; такъ, структура хитона со множествомъ складокъ до тонкости отличалась отъ тяжелой ткани плаща.

Мантинейскія музы.

Нашъ художникъ былъ необыкновенно счастливъ въ изобрѣтеніи новыхъ восхитительныхъ мотивовъ драпировки; это показываютъ также и остатки отъ одной храмовой статуи, заказъ на торую онъ получилъ вскорѣ послѣ 371 года для аркадскаго города Мантинеи. Противъ своего обыкновенія, здѣсь онъ соединилъ Латону и ея дѣтей въ одну группу; группа утрачена, но бо̀льшая часть цоколя, украшеннаго рельефными изображеніями, была вновь найдена въ 1887 году. Это—нѣсколько небрежныя работы, исполненныя въ мастерской, но модели для нихъ, конечно, изготовилъ самъ художникъ. Рельефы изображаютъ извѣстное состязаніе между Аполлономъ и сатиромъ Марсіемъ (ср. стр. 176) въ присутствіи музъ, которыя и обращаютъ на себя особенное вниманіе, благодаря нѣкоторымъ новымъ мотивамъ драпировки необыкновенной красоты (рис. 300). Высокія, стройныя фигуры движутся съ полною непринужденностью въ очень роскошныхъ, но не стѣсняющихъ движенія одеждахъ; новостью является въ особенности то, что они держатъ руки, по бо̀льшей части, подъ плащемъ, какъ-будто бы эти музы были не дѣтьми юга, но жительницами болѣе холодной страны.

Саркофагъ плакальщицъ.

Этимъ новымъ мотивамъ, понятно, посчастливилось: мы опять встрѣчаемся съ ними на саркофагѣ плакальщицъ, который, въ 1887 году, вмѣстѣ съ 16 другими былъ извлеченъ изъ царской могилы въ Сидонѣ

(рис. 302). Въ особенности же повліяли произведенія Праксителя на художественную промышленность того времени, которая представлена наиболѣе энергическимъ образомъ въ области терракоттовыхъ издѣлій (ср. табл. VII). Если мы представимъ себѣ различныя бѣдствія тѣхъ

301. ЕВБУЛЕЙ ПРАКСИТЕЛЯ (?). Ant. Denkm. I.

Найденъ въ Элевсинѣ, гдѣ Евбулей, наравнѣ съ Персефоной и Корой, почитался какъ подземный богъ. Быть-можетъ, оригиналъ. Волнистые, дрожащіе кудрявые волосы рѣдко изображались съ бо̀льшею виртуозностью.

безпокойныхъ лѣтъ, если вспомнимъ о томъ, что Пракситель былъ современникомъ и согражданиномъ Демосѳена, мы поймемъ тогда, какимъ благодѣяніемъ были веселыя гармоничныя созданія этого художника для тогдашняго поколѣнія.

Скопадъ. Какъ Поликлета съ Фидіемъ, такъ уже въ древности Скопадъ.

302. САРКОФАГЪ ПЛАКАЛЬЩИЦЪ ИЗЪ СИДОНА.
КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
По Hamdy Bey-Reinach, Nécropole de Sidon.

Въ изображеніи 18 женщинъ,—которыя, съ различнымъ выраженіемъ скорби, нѣкоторыя съ музыкальными инструментами въ рукахъ, стоятъ, прислонившись къ оградѣ между колоннами погребальной комнаты,—изслѣдователи предполагали изображеніе гарема какого-нибудь монарха того времени, а заказчикомъ сдѣланнаго изъ пентеликонскаго мрамора саркофага предполагали сидонскаго царя Стратона I (†361), который былъ филэллиномъ и держалъ въ своемъ гаремѣ греческихъ гетеръ и музыкантовъ.

сопоставляли Скопада съ Праксителемъ. Обоихъ сближало предпочтеніе, отдаваемое ими мрамору передъ бронзой, любовь къ юношескимъ фигурамъ и, наконецъ, та ослѣпительная одухотворенная красота, которую они умѣли придавать своимъ твореніямъ. Но разница между обоими художниками кажется намъ значительнѣе, чѣмъ сходство между ними. Скопадъ создалъ, между прочимъ, Вакханку въ полномъ экстазѣ, съ закинутой назадъ головой и развѣвающимися локонами, потрясающую жертвеннымъ животнымъ (рис. 303 сл.): „казалось, что статуя собирается сорваться съ пьедестала; казалось, всѣ повышенные пульсы жизни бьются въ мраморѣ". Такой страстной дикости гармонически-ясный Пракситель никогда не могъ бы создать. Стихіей же Скопада была именно страсть, бурное возбужденіе; его особенная заслуга состояла именно въ томъ, что онъ открылъ новые способы для выраженія паѳоса.

Храмъ Аѳины въ Тегеѣ.

Скопадъ происходилъ изъ семьи художниковъ на островѣ Паросѣ. Первой извѣстной его работой было возобновленіе сгорѣвшаго въ 395 г. храма Аѳины въ Тегеѣ. Молодой художникъ проявилъ тутъ всю свою мно-

госторонность и, несомнѣнно, проложилъ новые пути, какъ архитекторъ и скульпторъ. Онъ построилъ весь храмъ цѣликомъ изъ мрамора, что до тѣхъ поръ было неслыханнымъ дѣломъ въ Пелопоннесѣ; онъ соединилъ въ немъ всѣ три стиля, причемъ внѣшнія колонны сдѣлалъ дорическими, колонны преддверія—коринѳскими, а внутреннія—іоническими. На карнизѣ храма онъ по-

303. ВАКХАНКА ВЪ НЕИСТОВСТВѢ, ПО СКОПАДУ.
Статуэтка въ Дрезденѣ. Съ фотогр. Въ пользу Скопада говоритъ огонь въ движеніяхъ, формовка глазъ, драпировка одежды, совершенно сходная съ таковой же у одной амазонки мавзолея (средней фигуры на рис. 316). Ср. реставрацію на рис. 304.

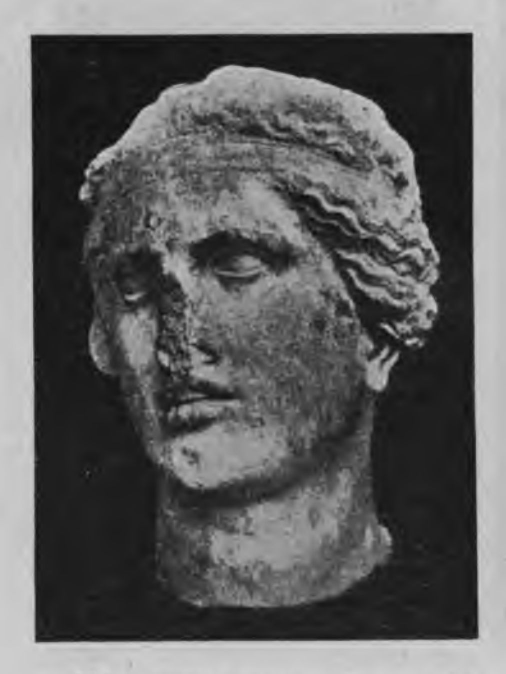
304. ВАКХАНКА ПО СКОПАДУ (возстановлена Синтенисомъ). Ср. рис. 303. По фотографіи съ разрѣшенія художника.

мѣстилъ, вмѣсто обыкновенно расписанныхъ здѣсь пальметокъ, скульптурные орнаменты въ видѣ завитковъ. Во фронтонахъ онъ представилъ калидонскую охоту на вепря, на которой тегейская наѣздница Аталанта заслужила почетную награду; съ другой стороны,—борьбу тегейскаго героя Телефа съ Ахилломъ (ср. стр. 197). Изъ этихъ скульптуръ, въ которыхъ допустимо участіе Скопада, сохранились только передняя часть вепря и двѣ головы

305. ГОЛОВЫ СЪ ФРОНТОНОВЪ ХРАМА АѲИНЫ ВЪ ТЕГЕѢ.
Ant. Denkm. I.

306. ЖЕНСКАЯ ГОЛОВКА СКОПАДА. (?)
У южной подошвы Акрополя, Аѳины.
Ant. Denkm. I.

307. ГОЛОВА СТАТУИ МЕЛЕАГРА. РИМЪ. ВИЛЛА МЕДИЧИ. Ant. Denkm. I.
Характерная для Мелеагра вспыльчивость передана превосходно.

юношей, раздробленныя самымъ жалкимъ образомъ; тѣмъ не менѣе, эти остатки представляютъ самое подлинное изъ того, что мы имѣемъ изъ произведенiй этого художника (рис. 305). И теперь еще поражаетъ въ нихъ съ перваго взгляда своеобразная форма глазъ: лобъ сильно выдается надъ переносицей, такъ что образуется какъ бы валикъ вокругъ глаза, который лежитъ глубже, чѣмъ въ дѣйствительности; внутреннiй же уголъ глаза, совсѣмъ вопреки природѣ, глубже, чѣмъ внѣшнiй. Вѣки вокругъ круглаго, шарообразнаго глаза такъ широко прорѣзаны, что верхнее вѣко по бокамъ совсѣмъ исчезаетъ подъ бровями. Все это производитъ такое впечатлѣнiе, что глазъ лежитъ какъ бы въ сильномъ углубленiи и что въ каждой глазной впадинѣ, при всякомъ освѣщенiи, является сильная тѣнь. Выраженiе страстной внутренней жизни, которое придаютъ лицу такiе глаза, усиливается еще слегка открытымъ ртомъ, въ которомъ видны зубы, и, наконецъ, судорожнымъ движенiемъ головы кверху.

308. МЕЛЕАГРЪ. РИМЪ. ВАТИКАНЪ.
Съ фотографiи.
Работа римскаго кописта. Расположенiе хламиды на лѣвой рукѣ болѣе соотвѣтствуетъ позднѣйшему перiоду императоровъ, чѣмъ четвертому столѣтiю.

Гдѣ у Праксителя можно найти что-либо подобное? Стоитъ только съ тегейскими головами сравнить Гермеса Олимпiйскаго (рис. 295), его высокiй круглый черепъ, его широкiй лобъ, его отступающую и заостряющуюся книзу нижнюю часть лица, его плоско сидящiе и естественно-открытые глаза: во всѣхъ этихъ отношенiяхъ тегейскiя головы отличаются отъ

аттической. Но зато онѣ имѣютъ много общаго съ поликлетовыми произведеніями, и прежде всего глубокій, угловатый черепъ и сильно выдающуюся впередъ нижнюю часть лица. Удивляться тутъ, конечно, нечему: продолжительная работа по постройкѣ храма въ Тегеѣ естественно сблизила нашего молодого художника съ кругомъ дѣятельности художниковъ-аргивянъ и, главнымъ образомъ, Поликлета.

Женская головка Скопада.

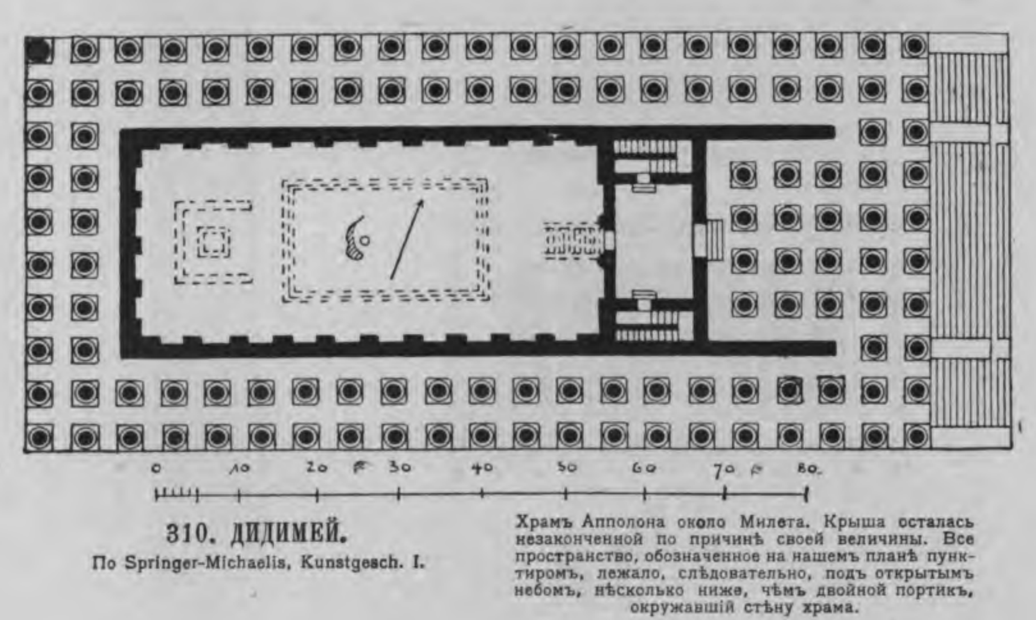
Изъ Тегеи Скопадъ, вѣроятно, переселился на болѣе продолжительное время въ Аѳины; всякаго рода скульптурныя произведенія, которыя, ради сходства съ тегейскими головами, смѣло приписываются Скопаду, отличаются указанными нами особенностями его стиля, но смягчены и облагорожены аттическою граціею. Къ нимъ относится найденная на южномъ склонѣ Акрополя женская головка (рис. 306), съ глубоко оттѣненными большими глазами и слегка открытымъ отъ волненія ртомъ; сюда же относится, главнымъ образомъ, извѣстный изъ 19 копій Мелеагръ (рис. 307 сл.). Такъ какъ Скопадъ въ Тегеѣ изобразилъ этого героя участвующимъ въ калидонской охотѣ на вепря (ср. стр. 419), то въ самомъ дѣлѣ естественно считать его творцомъ этого распространеннаго типа Мелеагра. Сохранившійся особенно красивый экземпляръ головы Мелеагра (рис. 307) отличается крупными чертами лица, широко открытыми, поднятыми нѣсколько кверху глазами, открытымъ, какъ бы дышащимъ ртомъ, совсѣмъ такимъ, какіе мы видимъ на головахъ изъ Тегеи. Но черепъ Мелеагра имѣетъ явно выпуклость праксителевыхъ головъ, а его локоны ласкаютъ нашъ глазъ прелестью аттической граціи и своимъ естественнымъ изяществомъ. Если, такимъ образомъ, аттическое искусство не осталось безъ вліянія на стиль нашего художника, то, съ другой стороны, и само оно подверглось продолжительному вліянію Скопада:

309. Надгробный рельефъ съ Илисса. Аѳины. По Conze, Att. Grabreliefs.

даже съ аттическихъ могильныхъ памятниковъ того времени на насъ смотрятъ страстно возбужденныя лица, съ глазами, лежащими въ глубокихъ впадинахъ (рис. 309).

При отсутствіи достовѣрныхъ собственноручныхъ произведеній Скопада, необыкновенно трудно оцѣнить по достоинству блестящій геній этого художника. При его оцѣнкѣ, мы должны болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, руководствоваться свидѣтельствами древнихъ писателей, а не памятниками. Судя по этимъ свидѣтельствамъ, тотъ самый Скопадъ, отъ котораго намъ теперь почти ничего не осталось, былъ, несомнѣнно, однимъ изъ плодовитѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ художниковъ всѣхъ

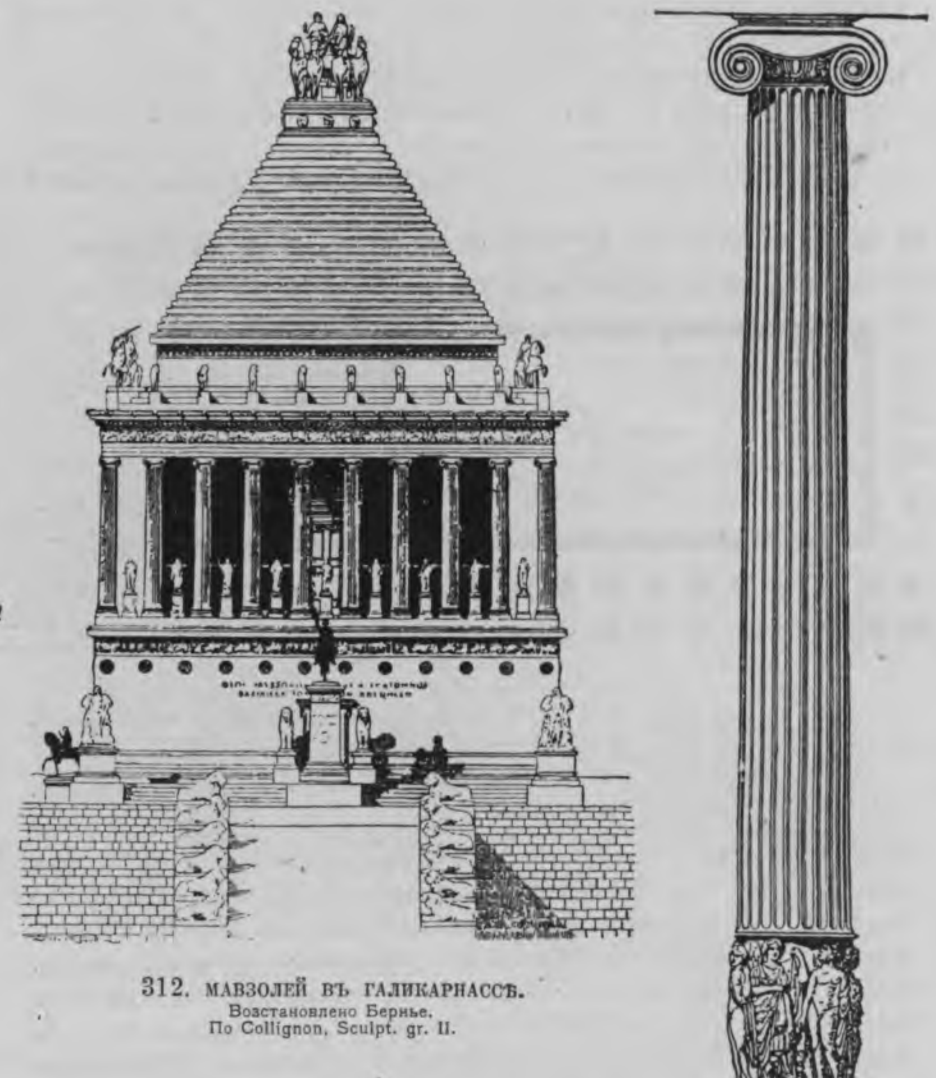

310. ДИДИМЕЙ.
По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

Храмъ Апполона около Милета. Крыша осталась незаконченной по причинѣ своей величины. Все пространство, обозначенное на нашемъ планѣ пунктиромъ, лежало, слѣдовательно, подъ открытымъ небомъ, нѣсколько ниже, чѣмъ двойной портикъ, окружавшій стѣну храма.

временъ: во всѣхъ концахъ греческаго міра стояли его творенія. Онъ гораздо болѣе, чѣмъ Пракситель, подвизался въ области религіознаго искусства; соотвѣтственно этому, стиль его отличался особенною возвышенностью и идеальностью: вотъ почему его можно поставить даже въ параллель съ Фидіемъ. По всей видимости, онъ никогда не творилъ въ области жанра. Онъ не боялся богатыхъ фигурами композицій, чего нельзя сказать о Праксителѣ. При этомъ онъ отличался безконечною многосторонностью. Такъ, онъ былъ не только скульпторомъ, но также и оригинальнымъ архитекторомъ; равнымъ образомъ, и въ области скульптуры онъ не ограничивался исключительно патетическими сюжетами: онъ умѣлъ отдать должное также другимъ сторонамъ душевной жизни и притомъ въ ихъ тончайшихъ оттѣнкахъ. Но паѳосъ былъ, дѣйствительно, его настоящей стихіей: Скопадъ, кажется, первый ввелъ въ пластику,

вслѣдъ за живописцами (см. стр. 390) вспыльчивую, страстную породу тритоновъ, гиппокамповъ и другихъ морскихъ существъ; и этимъ талантомъ изображать дико возбужденныя или расположенныя къ возбужденію фигуры онъ, вѣроятно, отвѣчалъ вкусу обширныхъ

312. Мавзолей въ Галикарнассѣ.
Возстановлено Бернье.
По Collignon, Sculpt. gr. II.

круговъ публики еще въ бо́льшей степени, чѣмъ даже чуткій Пракситель. Греческій міръ былъ полонъ страстной борьбы; подвиги самой отчаянной храбрости, проявленія жестокой мести наблюдались во всѣхъ концахъ Греціи; реторика того времени умѣло указывала на средства, которыя

311. Колонна изъ Артемисія въ Эфесѣ.
По Winter, Kunstgesch. I.

возбуждали и разжигали страсти людей; отъ искусства также требовались болѣе сильныя раздражающія средства, тоны страсти и возбужденія,—и Скопадъ въ своихъ могучихъ твореніяхъ самымъ удачнымъ образомъ шелъ навстрѣчу этимъ потребностямъ своихъ современниковъ: мы понимаемъ впечатлѣніе, которое онъ долженъ былъ производить, хоть и не можемъ испытать его на себѣ.

313. Колонна съ антаблементомъ изъ мавзолея. Лондонъ.
Съ фотографіи.

Творенія греческихъ художниковъ въ Малой Азіи. Великимъ художникамъ тогдашней Эллады родина давала меньше поводовъ къ кипучей дѣятельности, чѣмъ Малая Азія, съ ея богатыми городами и святынями и съ ея пышными властелинами.

Между тѣмъ какъ въ Элладѣ что-то не слышно о постройкѣ храмовъ за эту эпоху, въ Малой Азіи имѣли средства и закладывать совсѣмъ новые роскошные храмы и возобновлять въ пышныхъ формахъ, по крайней мѣрѣ, такое же число старыхъ построекъ. Іонійскій архитектурный стиль, который здѣсь примѣнялся, претерпѣлъ при постройкѣ этихъ богатыхъ храмовъ неслыханной величины разнообразныя измѣненія. Часто фундаментъ изъ ступеней оставляли только со стороны входа, и тогда здѣсь устраивалась лѣстница между балюстрадами не только изъ трехъ, но изъ десяти и болѣе ступеней. Такимъ образомъ, можно было создавать величественные по положенію храмы, на высокой подестѣ, не занимая для лѣстницы слишкомъ большого пространства (рис. 310). Въ очень большихъ храмахъ, какъ, напр., въ Дидимейскомъ около Милета, не оконченномъ въ теченіе ста лѣтъ, среднюю целлу оставили безъ крыши, такъ что она имѣла форму огороженнаго стѣною двора съ нишей для статуи божества. Работа скульптора находила себѣ обширное примѣненіе въ этихъ іонійскихъ храмахъ. Колонны Дидимей около Милета.

Артемисій въ Эфесѣ.

храма Артемиды въ Эфесѣ, еще до сожженія его Геростратомъ, въ нижней части ствола имѣли фигурныя, рельефныя украшенія; новая постройка послѣ 356 года отличалась тѣмъ же богатствомъ въ формѣ колоннъ (рис. 311), и на одномъ изъ стволовъ самъ Скопадъ высѣкъ рельефъ, а большой алтарь, стоявшій передъ фасадомъ храма въ Эфесѣ, былъ украшенъ статуями работы Праксителя.

Мавзолей.

Князьки малоазійскихъ приморскихъ странъ обнаруживали уже въ V столѣтіи большой вкусъ къ роскошнымъ могильнымъ памятникамъ (ср. выше, стр. 394 и сл.); это предпочтеніе они проявляли и послѣ, такъ что величайшіе изъ современныхъ имъ художниковъ Эллады могли, не унижая себя, принимать заказы на тѣ или другія части ихъ пышныхъ построекъ. Въ 353 году умеръ Мавзолъ, царь карійскій; вдова его, Артемисія, поручила вскорѣ послѣ его смерти знаменитому архитектору и скульптору Пиѳею воздвигнуть монументальную гробницу (рис. 312), великолѣпнѣе которой еще никогда не было: такъ называемый мавзолей сдѣлался чудомъ свѣта, и еще теперь этимъ именемъ называютъ необыкновенно роскошное погребальное зданіе. Своею славою эта постройка была обязана, главнымъ образомъ, своей своеобразно-смѣлой архитектурѣ: оно состояло изъ прямоугольной нижней части, на которой, вокругъ самого кургана, возвышался круглый іонійскій портикъ изъ колоннъ съ антаблементомъ. Вмѣсто крыши надъ этою колоннадою возвышалась пирамида со множествомъ ступеней, вершина которой была увѣнчана квадригою съ изображеніями царя и царицы. Воздвигнуть такую высокую и полую каменную громаду на открытомъ мѣстѣ такъ, чтобы она возбуждала удивленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производила впечатлѣніе устойчивости, вотъ была задача, которую здѣсь блестяще выполнилъ Пиѳей. Но едва ли эта постройка пріобрѣла бы такую извѣстность безъ скульптурныхъ украшеній, которыми царица приказала ее украсить. Кромѣ самого Пиѳея, работа надъ этими украшеніями была поручена Скопаду и аттическимъ скульпторамъ Леохару, Бріаксиду и Тимоѳею. Они испытали столько радости отъ своей работы, что, послѣ наступившей вскорѣ смерти Артемисіи, довели ее до конца безъ вознагражденія.

Оставшіеся обломки скульптуръ, понятно, невозможно съ увѣренностью приписать отдѣльнымъ художникамъ; до насъ дошли только опредѣленныя свѣдѣнія о колоссальныхъ статуяхъ царя и царицы—что руководившій постройкой архитекторъ Пиѳей самъ создалъ изъ мрамора эти главныя фигуры, вѣнчавшія цѣлое (рис. 314). Царь со своими волосами, зачесанными назадъ, съ коротко остриженной бородкой и низкимъ лбомъ,—очевидно, портретъ. То же самое можно сказать и о царицѣ. Между другими отдѣльными статуями мавзолея выдѣляется еще варваръ-всадникъ или, вѣрнѣе, его въ высшей степени естественно изображенная лошадь (рис. 317). Также среди десяти сохранившихся мраморныхъ

львовъ есть экземпляры несомнѣнной красоты (рис. 318). На мавзолеѣ были три фриза: авторъ нашего воспроизведенія (рис. 312), можетъ-быть, справедливо допускаетъ, что одинъ изъ нихъ, изображающій состя-

314. КОЛОССАЛЬНАЯ СТАТУЯ ИЗЪ МАВЗОЛЕЯ. ЛОНДОНЪ.
Съ фотографіи.
Составлена изъ 60 кусковъ. Обратить вниманіе на поперечныя складки плаща и на тщательную отдѣлку сандалій. Эта тонкость отдѣлки, которая, при постановкѣ на вершинѣ пирамиды, была бы совсѣмъ незамѣтна, заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности опредѣленія статуи или въ томъ, что она была на квадригѣ.

315. КОЛОССАЛЬНАЯ СТАТУЯ ИЗЪ МАВЗОЛЕЯ.
Быть можетъ, царица Артемисія. Лондонъ.
Съ фотографіи.
Обратить вниманіе на своеобразную завивку волосъ мелкими локончиками и на тонкую отдѣлку различныхъ по тяжести тканей, которыми одѣта царица. Лицо и руки возстановлены.

заніе колесницъ, составлялъ верхнюю часть фундамента. Второй фризъ, изображавшій битву кентавровъ, вѣроятно, составлялъ фризъ целлы, внутри портика; третій, всего лучше сохранившійся, находился снаружи надъ тройнымъ архитравомъ. Всѣ эти изображенія, конечно, не имѣли особеннаго отношенія къ жизни Мавзола, фигуры поставлены очень сво-

316. Плиты фриза изъ мавзолея. Лондонъ. Съ фотографіи.

317. всадникъ изъ мавзолея. лондонъ.
Съ фотографіи.

бодно и исполнены высокимъ, часто даже подрѣзаннымъ рельефомъ, такъ что онѣ съ большою рѣзкостью отдѣляются отъ задняго плана. Чего не хватаетъ композиціи въ смыслѣ богатства, вознаграждается отчасти страстностью движеній и патетическимъ выраженіемъ лицъ. Нѣкоторые мотивы очень смѣлы: такова, напримѣръ, амазонка, сидящая задомъ напередъ, на лошади (рис. 316 сверху), или другая амазонка (рис. 316 средина), разрѣзанная одежда которой раскрыта съ слишкомъ очевиднымъ намѣреніемъ. Большинство мотивовъ, впрочемъ, намъ уже извѣстно; такъ, напр., утомленная боемъ и умоляющая амазонка похожа на ту, которая была на фризѣ въ Фигаліи (ср. рис. 252 с съ рис. 316 внизу). Но исполненіе здѣсь несравненно тщательнѣе, группы красивѣе, а моделировка отдѣльныхъ фигуръ кажется безъ сравненія болѣе законченной. Жаль только, что, по причинѣ общей всѣмъ живости движеній, часто возникаетъ неудобный параллелизмъ членовъ тѣла (рис. 316, средняя и нижняя часть).

318. мраморный левъ изъ мавзолея. лондонъ. Съ фотографіи.
Въ какомъ мѣстѣ гробницы стоялъ нѣкогда этотъ левъ, опредѣлить болѣе нельзя.

Бросивъ общій взглядъ на совокупность различныхъ скульптурныхъ работъ, сохранившихся отъ мавзолея и представляющихъ все-таки жалкій остатокъ былого великолѣпія, мы не можемъ болѣе сомѣваться въ томъ, что эта карійская княжеская гробница представляетъ богатѣйшія и самыя блестящія проявленія искусства IV вѣка. Она уже ясно указываетъ на близость эллинистической эпохи: еще до Александра Великаго мы видимъ здѣсь побѣдоносное шествіе греческаго искусства къ Востоку.

Леохаръ. Кромѣ Скопада и Праксителя, въ IV столѣтіи выступаетъ

еще цѣлый рядъ значительныхъ художниковъ, которые въ странѣ и за предѣлами ея проявляютъ плодотворную и всѣми признанную дѣятельность. Отъ многихъ намъ остались только имена или, въ крайнемъ случаѣ, произведенія, но безъ точнаго опредѣленія того, кто именно ихъ творецъ. Сравнительно съ другими, намъ болѣе извѣстенъ Леохаръ, самый значительный изъ аттическихъ скульпторовъ, который вмѣстѣ съ Скопадомъ участвовалъ въ постройкѣ мавзолея (см. выше, стр. 426).

Леохаръ.

У Плинія мы читаемъ: „Леохаръ изобразилъ орла, который, казалось, чувствовалъ, кого онъ похищалъ, похищая Ганимеда, и кому онъ его несетъ; даже черезъ одежду онъ осторожно держалъ мальчика когтями“. Именно такъ держитъ мальчика орелъ на одной мраморной статуэткѣ Ватикана, которую мы можемъ считать съ увѣренностью копiей съ бронзовой работы Леохара (рис. 319).

Ганимедъ.

Все въ этомъ произведенiи стремится кверху. Движенія Ганимеда, въ особенности положеніе его ногъ, напоминаютъ Нику Пэонія (выше, рис. 272 и сл.), съ тою разницею, что она спускается внизъ, а Ганимедъ подымается къ небу. Важную роль играетъ тутъ стволъ дерева, едва видный: орелъ, находя въ немъ точку опоры, легко можетъ держать мальчика на вѣсу. Тяжесть матеріи кажется здѣсь побѣжденной: ноги любимца боговъ ничего болѣе не поддерживаютъ и только свѣшиваются съ туловища.

319. Ганимедъ, унесенный орломъ Зевса на Олимпъ.
Мраморная статуя въ Ватиканѣ.
По Collignon, Sculpt. gr. II.
Лѣвая рука не была закинута такъ театрально, а либо обнимала шею орла, либо заслоняла глаза отъ ослѣпительнаго небеснаго свѣта.

Аполлонъ Бельведерскій.

Знаменитый Аполлонъ Бельведерскій (рис. 320) такъ поразительно напоминаетъ Ганимеда своимъ какъ бы парящимъ шагомъ, всѣмъ ритмомъ движеній членовъ, формой шеи, волосами, а также положеніемъ хламиды, что современные ученые недавно склонились къ тому, чтобы приписать и эту статую Леохару, тѣмъ болѣе, что этотъ художникъ,

какъ достовѣрно извѣстно, нѣсколько разъ изображалъ Аполлона. „Его походка—таково было уже непосредственное чувство Винкельмана—

320. АПОЛЛОНЪ БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ. РИМЪ. Съ фотографіи.

Оригиналъ былъ вѣроятно изъ бронзы. Лѣвая рука держала лукъ, правая, возстановленная, первоначально не была протянута такъ театрально. Нѣкоторое время думали на основаніи бронзы, находящейся въ Петербургѣ («Аполлонъ Строганова»), что въ протянутой лѣвой рукѣ богъ держалъ эгиду; теперь эта бронза большинствомъ археологовъ считается поддѣльной. Прекрасныя сандаліи, изящное убранство волосъ напоминаютъ Праксителя; гнѣвныя брови, слегка открытый ротъ, дрожащія отъ волненія ноздри—Скопада; художникъ, соединившій искусство Скопада и Праксителя, былъ, вѣроятно, Леохаръ.

точно рѣетъ, не касаясь подошвой земли: лучезарный, торжественный и „шествующій въ вышнихъ“, какъ солнце, по выраженію Гомера,—

таковымъ является онъ передъ нами". Гердеръ, Гете и многіе другіе поэты такъ вдохновились этимъ произведеніемъ искусства, что пѣли ему настоящіе гимны. Да и наши поэты за ними не отставали; вспомнимъ Пушкина:

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!

или Майкова (послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея):

Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной.

На нашъ современный капризный и пресыщенный вкусъ убранство волосъ слишкомъ женственно, фигура бога слишкомъ стройна и вся его внѣшность черезчуръ театральна; но такая наклонность къ погонѣ за эффектомъ встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ IV столѣтія и не можетъ препятствовать тому, чтобы признать эту статую произведеніемъ Леохара. Тому же художнику можно приписать и pendant къ Аполлону Бельведерскому,—Діану Версальскую, которая тоже нѣкогда составляла предметъ всеобщаго восхищенія (рис. 321): своимъ нѣсколько чрезмѣрнымъ изяществомъ она живо напоминаетъ бельведерскую статую; а ея холодная корректность, которая намъ въ ней теперь не нравится, можетъ быть въ значительной степени поставлена въ виду позднѣйшему копису.

Діана Версальская.

Силаніонъ.

Силаніонъ. Леохаръ пережилъ гибель греческой свободы: своими послѣдними произведеніями онъ больше возвеличивалъ македонскихъ побѣдителей. Аттическій художникъ по мѣди, Силаніонъ, также относится уже скорѣе ко второй, чѣмъ къ первой половинѣ IV вѣка. Онъ занимался, главнымъ образомъ, портретнымъ искусствомъ, бывшимъ до того времени почти въ пренебреженіи. Греки V столѣтія почти не испытывали потребности передавать свои черты потомству, и если, въ видѣ исключенія, дѣлался портретъ великаго мужа, то они довольствовались самыми общими чертами (ср. выше, рис. 160). Также и на памятникахъ изображались не портреты умершихъ, а обычные типы мужчинъ и женщинъ. Со временемъ это перемѣнилось. Все возраставшій интересъ къ личности велъ къ тому, что желали имѣть похожіе портреты не только великихъ умершихъ, но воздвигать статуи еще живущимъ мужамъ, имѣвшимъ какое-нибудь значеніе. Въ этомъ случаѣ, конечно, никого не могли удовлетворить типичныя черты, и художникъ принужденъ былъ, по возможности, стремиться къ реальному изображенію индивидуя. Силаніонъ, повидимому, достигъ мастерства въ этой области. Кромѣ идеа-

лизированныхъ портретовъ знаменитыхъ людей древности, такъ, напр., Сафо (рис. 158), онъ дѣлалъ портреты также изъ современной жизни; и, по крайней мѣрѣ, его Платонъ сохранился, кажется, и понынѣ (рис. 355). Безъ всякой лести художникъ изображаетъ намъ человѣка, какимъ онъ его видѣлъ, съ низкимъ широкимъ лбомъ, однообразно завитыми волосами и мрачнымъ взглядомъ нѣсколько неподвижныхъ глазъ.

Въ связи съ предыдущимъ должны быть поименованы еще нѣкоторыя прославленныя произведенія **неизвѣстныхъ мастеровъ**, такъ какъ они несомнѣнно принадлежатъ второй половинѣ IV столѣтія.

321. Діана Версальская. Лувръ.
Съ фотографіи.

Софоклъ Латерана.

Все, что могло дать портретное искусство того времени, такъ счастливо усовершенствованное Силаніономъ, лучше всего обнаруживается на статуѣ Софокла Латеранскаго, представляющей намъ, поэта, который, какъ извѣстно, вовсе не былъ равнодушенъ къ своей внѣшности,—въ полной сознательности осанкѣ совершеннаго человѣка (ср. рис. 342). Легкій намекъ на позу напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго и, конечно, соотвѣтствуетъ духу времени. Фигура отличается простотою и величавостью, а одежды — несравненною точностью отдѣлки. Въ этомъ отношеніи мы не могли бы назвать ни одного греческаго портрета, который могъ бы сравниться съ портретомъ Софокла; зато многіе портреты этого вѣка (ср. рис. 344) отличаются еще болѣе тонкой отдѣлкой лица и еще бо́льшею одухотворенностью.

Группа Ніобеи.

Группа Ніобеи. Уже во времена Плинія не могли болѣе опредѣлить, кто былъ творцомъ группы Ніобеи—Пракситель или Скопадъ?

322. НІОБЕЯ. МРАМОРЪ. ФЛОРЕНЦІЯ. Съ фотографіи.

325. МЕНЕЛАЙ СЪ ТРУПОМЪ ПАТРОКЛА. ФЛОРЕНЦІЯ. LOGGIA DEI LANZI*). По Springer-Michaelis, Kunstgesch. I.

323. ДОЧЬ НІОБЕИ. РИМЪ.
Съ фотографіи.

Одно достовѣрно, что она относится къ IV вѣку; она предполагаетъ въ такой же мѣрѣ и страстную манеру Скопада и глубину чувства, которую Пракситель умѣлъ вливать въ свои произведенія. Эта группа— одна изъ немногихъ, созданныхъ въ IV столѣтіи—въ древности копировалась неоднократно и въ образцахъ неодинаковаго достоинства (ср. рис. 323 съ рис. 324). Ея первоначальная постановка составляетъ до сихъ поръ спорный вопросъ. Сначала думали, что она была фронтонной; но въ этомъ случаѣ треугольникъ былъ бы не совсѣмъ заполненъ фигурами. Затѣмъ сдѣлали болѣе правдоподобное предположеніе, что она стояла на открытомъ мѣстѣ, на слегка возвышающейся площади, гдѣ мать Ніобея занимала высшую точку, а дѣти симметрично бѣжали къ ней съ обѣихъ сторонъ. Главной фигурой, во всякомъ случаѣ, является несчастная царица (рис. 322): она превосходитъ величиною всѣ другія

324. СЫНЪ НІОБЕИ. ФЛОРЕНЦІЯ.
Съ фотографіи.
Къ лѣвому колѣну юноши прислонилась его раненая сестра.

*) Къ рис. 325 на стр. 434. Голова (въ соотвѣтствіе съ римской копіей, извѣстной подъ именемъ пасквино) обращена вверхъ, а не внизъ, какъ въ флорентинской. Имя пасквино римская копія получила отъ злобнаго сапожника этого имени, который къ этой статуѣ любилъ прикрѣплять свои насмѣшливые стишки («пасквили») на кардиналовъ и папъ.

326. Апоксіоменъ Лисиппа. Мраморъ. Римъ. Ватиканъ.

По Rayet, Moniteur de l'art antique, и Winter Kunstgesch. I.

Правая рука была ошибочно возстановлена реставраторомъ Тенерани съ игральною костью между большимъ пальцемъ и указательнымъ. Плиній, говоря объ Апоксіоменѣ Поликлета, также упоминаетъ о нагомъ юношѣ, наступающемъ на игральную кость (вѣроятно, Кайросѣ), какъ о твореніи Поликлета, но Тенерани не замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ говорится не о Лисиппѣ, а о Поликлетѣ; онъ не замѣтилъ также, что Плиній описываетъ не одну, а двѣ фигуры; наконецъ, онъ далъ игральную кость, на которой стоялъ второй эфебъ Поликлета, въ руку Апоксіомену Лисиппа,—классическій примѣръ вреда, причиняемаго ученостью безъ критики.

фигуры, и одна стоитъ en face. Ніобея, пытающаяся своимъ тѣломъ прикрыть свое несчастное дитя, можетъ служить однимъ изъ совершеннѣйшихъ изображеній материнской любви. По этическому содержанію, къ ней приближается ея рыцарскій сынъ (рис. 324), простирающій руку и плащъ надъ сестрой, которая, пораженная на смерть, оперлась о его колѣни. Цѣлый рядъ фигуръ, самое полное собраніе которыхъ находится

327. ГОЛОВА АГІЯ ЛИСИППА. Ср. рис. 328. Fouilles de Delphes IV.

въ Уффиціяхъ во Флоренціи, прежде возбуждалъ необыкновенное восхищеніе; теперь же у насъ передъ глазами столько непосредственныхъ проявленій греческаго генія, что эти позднѣйшія гладкія копіи уже не производятъ на насъ столь могучаго впечатлѣнія.

328. АГІЙ ЛИСИППА. МРАМОРЪ. ДЕЛЬФЫ. Fouilles de Delphes IV.

Пасквино.

Съ группой Ніобидовъ имѣетъ внутреннюю связь статуя Менелая съ трупомъ Патрокла: какъ мать Ніобея со взоромъ, полнымъ укоризны, молитъ о сохраненіи жизни своей невинной дочери, такъ Менелай жалуется безсмертнымъ на то, что они могли такъ преждевременно подкосить жизнь лежащаго въ его объятіяхъ молодого героя. Построеніе группы, ея законченность со всѣхъ сторонъ заслуживаютъ величайшаго удивленія. Контрастъ между крѣпкой, сильной фигурой Менелая и безсильно висящими членами мертваго — необыкновенно эффектенъ; самое же цѣнное въ ней—это трогательное въ своей правдивости чувство, которымъ проникнутъ памятникъ; прекраснѣе даже самъ Гомеръ не могъ бы прославить дружбу героевъ.

Лисиппъ.

Лисиппъ. Какъ-разъ на рубежѣ между классической и эллинистической эпохами стоитъ еще одинъ великій художникъ, Лисиппъ Сикіонскій. Онъ происходилъ изъ того пелопоннесскаго городка, гдѣ нѣкогда выросъ и Поликлетъ, и гдѣ уже въ теченіе столѣтій была какъ бы родина ваятелей. Онъ былъ по происхожденію простой кузнецъ и исключительно своимъ талантомъ проложилъ себѣ путь къ художествен-

ной дѣятельности. Онъ утверждалъ не безъ основанія, что, кромѣ природы, у него не было другого учителя. Но какъ бы ни было оригинально его дарованіе,—произведенія великихъ предшественниковъ имѣли вліяніе и на него. Онъ самъ признавалъ, что Дорифоръ Поликлета (рис. 262) научилъ его многому, а произведенія его доказываютъ, что даже болѣе поздніе художники, главнымъ образомъ, Скопадъ, тоже на него вліяли. Его художественная дѣятельность обнимаетъ пятидесятилѣтній періодъ (350—300), а продуктивность его не имѣла себѣ равной. Говорятъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе класть золотую монету въ копилку послѣ каждой исполняемой имъ работы, и когда, послѣ его смерти, вскрыли копилку, въ ней будто бы оказалось 1500 монетъ. Такъ какъ онъ исполнялъ исключительно бронзовыя статуи, и ему при этомъ помогали три сына и многочисленная мастерская, состоявшая изъ очень умѣлыхъ учениковъ, то это большое число его работъ (около 30 въ годъ), можетъ-быть, и не выдумка. Не менѣе изумительно, чѣмъ обширная его дѣятельность, разнообразіе трактованныхъ имъ сюжетовъ. Фигуры боговъ, статуи побѣдителей, очень высоко цѣнившіяся изображенія животныхъ, и въ особенности никѣмъ не превзойденные портреты,— все это выходило изъ его мастерской. Изо всѣхъ этихъ твореній ни одно, насколько намъ извѣстно, не дошло до насъ въ оригиналѣ. Изъ мраморныхъ копій съ его работъ первое мѣсто принадлежитъ Апоксіомену.

Апоксіоменъ.

Бронзовый оригиналъ былъ привезенъ въ Римъ Випсаніемъ Агриппой и поставленъ у входа въ его термы. Императоръ Тиберій однажды перенесъ статую въ свои покои, но народъ такъ серьезно началъ роптать на это въ театрѣ, что императоръ долженъ былъ поставить этого любимца публики на прежнее мѣсто. Мотивъ скобельщика уже давно получилъ право гражданства въ греческой пластикѣ. Между прочимъ, Поликлетъ изобразилъ побѣдоноснаго атлета за этимъ дѣломъ, такъ же какъ и его внукъ и ученикъ Дедалъ (ср. выше, рис. 269). Самый процессъ, непонятный и даже непріятный современнымъ зрителямъ, былъ очень знакомъ древнимъ по палестрѣ и потому казался подходящимъ мотивомъ для статуи побѣдителя: послѣ счастливо одержанной побѣды, миловидный юноша съ большимъ удовольствіемъ удаляетъ скребницею смѣшанную съ потомъ пыль ристалища съ поверхности своего тѣла. Несмотря на индивидуализацію лица, мы имѣемъ дѣло не съ портретомъ, а съ идеальной статуей.

Всѣ преимущества, которыя признавались за мастерствомъ Лисиппа, можно наглядно изучить по этой статуѣ; особенно, если поставить съ нею рядомъ Дорифора Поликлета, становится очевиднымъ все новое, внесенное Лисиппомъ въ изображеніе человѣка. Поразительна разница пропорцій: дѣлая голову относительно маленькою, а ноги длинными и худыми, Лисиппъ замѣнилъ коренастую тяжеловѣсность статуй Поликлета граціозною стройностью. Между тѣмъ какъ аргивскій мастеръ рѣзко

подчеркивалъ всѣ главныя линіи своихъ атлетическихъ тѣлъ, какъ это и соотвѣтствовало учебной цѣли его канона, — Лисиппъ добивался мягкихъ очертаній, какія онъ наблюдалъ въ природѣ. Тогда какъ Поликлетъ лѣпилъ простыми и большими „планами“, — статуя скобельщика представляетъ безконечное разнообразіе игривыхъ переходовъ. Тѣло повсюду какъ-будто дрожитъ и мерцаетъ; въ особенности очень замѣтна большая, почти нервная подвижность вокругъ рта и глазъ. Очень тонко подмѣчена и выражена разница кожи на вытянутыхъ впередъ, почти лишенныхъ крови рукахъ и на ногахъ, поддерживающихъ тѣло. Волосы, которые у Поликлета плотно прилегаютъ къ черепу, здѣсь живутъ своей собственной жизнью. Разница между свободно стоящею ногою и той, на которую опирается все тѣло, очень педантично подчеркнутая у Поликлета, въ статуѣ скобельщика болѣе сглажена: кажется, будто онъ переминается съ одной ноги на другую. Лисиппъ самъ такъ выразилъ разницу между своимъ искусствомъ и искусствомъ Поликлета, а также и другихъ старыхъ художниковъ: по его словамъ, они изображали людей такими, какими они были, онъ же—такими, какими они представляются. Дѣйствительно, Поликлетъ изображалъ людей въ состояніи покоя: его фигуры нѣкоторымъ образомъ какъ бы застыли для цѣлей ваятеля, связанныя извѣстной позой, въ которой онѣ и укрѣпились; Лисиппъ, напротивъ, наблюдалъ жизнь въ ея вѣчной смѣнѣ мимолетныхъ формъ и явленій и умѣлъ въ высокой степени вызывать даже въ неподвижной мѣди призракъ подвижности: при взглядѣ на статую Апоксіомена, становится ясно, что онъ стоялъ иначе секунду тому назадъ, и что черезъ секунду онъ опять будетъ въ другомъ положеніи. Мягкія очертанія, нѣжные переходы, богатство моделирован-

329. Юноша-атлетъ изъ школы Поликлета. Мраморъ. Дрезденъ.
По Furtwängler, Meisterwerke.

330. Монета Деметрія Поліоркета съ истмійскимъ Посидономъ Лисиппа.
По Baumeister.

331. Посидонъ Латеранскій. Мраморъ.
Копія съ истмійскаго Посидона Лисиппа.
Съ фотографіи.
Передняя часть корабля и дельфинъ на базисѣ статуи, такъ же какъ корабельный орнаментъ (aplustre) въ правой рукѣ бога— безвкусныя добавленія кописта.

ныхъ плановъ, свободно движущіеся волосы, — все это придаетъ твореніямъ Лисиппа большую близость къ природѣ. Наконецъ, статую характеризуетъ смѣлость, съ какой Апоксіоменъ протягиваетъ руки впередъ, въ третье измѣреніе, и этимъ съ вызывающей рѣзкостью нарушаетъ соблюдавшійся въ древнемъ статуарномъ искусствѣ характеръ рельефа.

Несомнѣнно, что Лисиппъ не непосредственно перешелъ къ своимъ фигурамъ отъ фигуръ Поликлета. Еще раньше, въ фигурѣ атлета, находящейся въ Лондонѣ (рис. 267), мы видѣли произведеніе, которое, при всей близости къ канону Поликлета, имѣло все-таки нѣкоторую аттическую прелесть; другое изваяніе, представляющее нѣчто среднее между Поликлетомъ и Лисиппомъ,—это юноша-атлетъ, находящійся въ Дрезденѣ (рис. 329), который, хотя и далеко ушелъ отъ строгости поликлетовыхъ изображеній, все-таки ясно доказываетъ, что Лисиппъ со своимъ Апоксіоменомъ, по подвижности и естественности, оставилъ далеко за собою всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Агій Лисиппа.

Большое сходство съ Апоксіоменомъ мы замѣчаемъ въ Агіи Лисиппа, тщательно исполненная мраморная копія котораго была найдена въ Дельфахъ.

Эта статуя — одна изъ девяти, составлявшихъ бронзовую группу, которую ѳессаліецъ Даохъ вскорѣ послѣ 338 года воздвигъ въ Фарсалѣ во славу свою и своихъ предковъ. Отъ этой группы сохранилась только надпись посвященія, которая ясно называетъ творцомъ ея Лисиппа. Но Даохъ, кромѣ того, велѣлъ поставить мраморную копію съ этого ряда статуй въ Дельфахъ къ сѣверо-востоку отъ храма Аполлона (ср. табл. II), и эти-то копіи сохранились болѣе или менѣе хорошо. Лучше всего сохранилась фигура Агія, предка Даоха, много разъ увѣнчаннаго панкратіаста (кулачнаго бойца и борца). Такъ какъ Агій умеръ около 440 года, то и здѣсь, несмотря на индивидуальное выраженіе лица, мы имѣемъ дѣло съ идеальной статуей. Побѣдная повязка охватываетъ кудри юноши. Нельзя опредѣлить теперь, что онъ держалъ когда-то въ рукахъ. Несмотря на эти руки и ихъ положеніе, сходство съ Апоксіоменомъ непосредственно бросается въ глаза: маленькая голова, стройность пропорцій, богатая моделировка плановъ, нѣсколько парящая поступь—все это похоже на скобельщика; но меланхолическая складка около рта и глазъ напоминаетъ пластику Скопада.

332. ОТДЫХАЮЩІЙ ГЕРАКЛЪ.
Бронзовая статуэтка въ Луврѣ.
По Collignon, Sculpt. gr. II.
Палица, покрытая львиной шкурой и подпирающая лѣвую руку, сломана, но легко можетъ быть возстановлена. Отъ другихъ многочисленныхъ повтореній этой лисипповской фигуры наша бронза отличается относительнымъ изяществомъ; у другихъ, напр., у такъ называемаго Харнезскаго Геракла въъ Неаполѣ мускулатура преувеличенно выдается, чего нельзя предположить у Лисиппа. Впрочемъ, одна изъ этихъ копій имѣетъ надпись, называющую ее произведеніями Лисиппа.

Истмійскій Посидонъ.

Въ очень посредственныхъ копіяхъ дошелъ до насъ **Посидонъ**, котораго Лисиппъ исполнилъ для истмійскаго святилища этого бога.

Благодаря одной монетѣ (рис. 330) мы могли признать это скульптурное произведеніе въ нашемъ запасѣ. Деметрій Поліоркетъ, который былъ провозглашенъ въ коринѳскомъ синедріонѣ въ 303 году владыкою всѣхъ эллиновъ, съ тѣхъ поръ началъ чеканить на своихъ монетахъ именно этого истмійскаго Посидона, т.-е., безъ всякаго сомнѣнія, извѣстное священное изображеніе, которое Лисиппъ незадолго передъ тѣмъ отлилъ изъ мѣди. Согласно этой копіи, морской богъ былъ изображенъ отдыхающимъ, съ поставленной на утесъ правой ногой; лѣвой

рукою онъ опирается на трезубецъ, правая же, усталая, виситъ вдоль праваго бедра. Посредственныя мраморныя копіи съ этой знаменитой статуи (рис. 331) наводятъ на мысль о томъ, что Лисиппъ въ этомъ произведеніи представилъ сильное божественное тѣло въ состояніи усталости, съ легкимъ оттѣнкомъ міровой скорби; такіе контрасты онъ вообще любилъ. Голова Посидона напоминаетъ Зевса Отриколи (рис. 215), первообразъ котораго тоже былъ созданъ не ранѣе эпохи Лисиппа.

333. Аресъ Людовизи. Римъ. Museo Boncompagni.
По Brunn-Bruckmann.
Голова и руки Эрота новѣйшаго происхожденія. Къ лѣвому плечу было когда-то прислонено копье. Существовало также предположеніе, что рядомъ съ сидящимъ Аресомъ стояла Афродита, но едва ли для этого есть достаточное основаніе.

Гераклъ Лисиппа.

Излюбленнымъ сюжетомъ, на которомъ Лисиппъ много разъ испытывалъ свои силы, былъ **Гераклъ**. Для одного города въ Акарнаніи онъ изобразилъ цѣлый рядъ подвиговъ Геракла. Позже онъ исполнилъ очень извѣстнаго Геракла на пиру боговъ, такъ называемаго эпитрапезія; эта статуя украшала обыкновенно столъ Александра Великаго, и на ней покоился взглядъ умирающаго царя. Большою популярностью пользовалось также его изображеніе Геракла, отдыхающаго и опирающагося на палицу (рис. 332), что доказываютъ многочисленныя копіи.

Герой поставилъ на землю свою палицу, покрылъ ее своей львиной шкурой и опирается на это свое оружіе, держа его подъ лѣвой мышкой. Доблестная правая рука откинута за спину, лѣвая усталая виситъ. Большая слабость овладѣла тѣломъ гиганта; почти объятый малодушіемъ, онъ пристально смотритъ въ землю: контрастъ между этими геркулесовскими членами и ихъ утомленіемъ, повидимому, какъ и ранѣе въ статуѣ Посидона, былъ всего важнѣе для нашего художника. При всей своей тяжести и колоссаль-

334. ОТДЫХАЮЩІЙ ГЕРМЕСЪ. НЕАПОЛЬ.
Бронза изъ Геркулана. По Brunn-Bruckmann.
Лѣвая рука держала когда-то глашатайскій жезлъ. Сандаліи завязаны на подошвѣ розетками, такъ что уже по одному этому богъ не могъ ступать на всю ногу.

ности, фигура отличается явно лисипповскими пропорціями: голова поразительно мала, ноги стройны и изящно поставлены, планы вездѣ богато моделированы.

Аресъ Людовизи.

Къ этимъ достовѣрнымъ лисипповскимъ произведеніямъ мы прибавимъ нѣсколько другихъ, связь которыхъ съ искусствомъ Лисиппа только возможна, но не доказана. Къ нимъ относится прежде всего Аресъ Людовизи.

Юный богъ войны, напоминающій того Ареса, который сидитъ на фризѣ Парѳенона (рис. 229 D), съ трудомъ сдерживаетъ нетерпѣніе броситься въ бой. Уже мечъ у него въ рукахъ, другое оружіе около него; но вдругъ маленькій эротъ напоминаетъ ему о себѣ, и пылкій богъ войны поддается любовнымъ мечтамъ. Сильное примѣненіе третьяго измѣренія, а также и тѣлосложеніе бога, повидимому, напоминаетъ Лисиппа, голова же для Лисиппа слишкомъ большая, въ ней недостаетъ характерной лисипповской складки на лбу, и вообще она приближается къ школѣ Скопада. Можетъ-быть, паросскій художникъ имѣлъ бóльшее вліяніе на Лисиппа, чѣмъ это обыкновенно допускаютъ на основаніи дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ?

Отдыхающій Гермесъ.

Еще болѣе ярко выражены типическія черты школы Лисиппа въ статуѣ отдыхающаго Гермеса, находящейся въ Неаполѣ, причемъ все-таки невозможно съ увѣренностью назвать ее твореніемъ самого Лисиппа.

Посланецъ боговъ, отправленный съ Олимпа на землю, въ не-

брежной позѣ, запыхавшись, присѣлъ на вершину горы, чтобы перевести духъ. Сидя, онъ занимаетъ по возможности мало мѣста; даже ноги, снабженныя окрыленными сандаліями, онъ едва поставилъ на скалу,—примѣрно такъ, какъ отдыхаютъ конькобѣжцы. Правая рука тоже только слегка оперлась о сидѣнье; видно достаточно малѣйшаго нажима,—и легкій, какъ перо, богъ опять полетитъ по эѳиру. Почти чрезмѣрная стройность ногъ, маленькая голова, нервная подвижность всей фигуры выдаютъ стиль Лисиппа. Также и легкая грусть, выражающаяся во всей утомленной согбенной фигурѣ, какъ мы видѣли, свойственна лисипповскимъ твореніямъ.

Юноша, подвязывающій сандалію.

Мотивъ высоко поставленной ноги, примѣненіе котораго мы встрѣчаемъ въ Посидонѣ Лисиппа, и который вообще впервые получилъ черезъ него право гражданства въ пластикѣ, между прочимъ, примѣненъ въ много разъ встрѣчающейся статуѣ юноши, подвязывающаго сандалію, которая и въ другихъ отношеніяхъ обладаетъ всѣми достоинствами лисипповскаго искусства (рис. 335).

335. Гермесъ, подвязывающій сандаліи. Мраморъ. Лондонъ. Lansdowne House. Съ фотографіи.

Эту статую часто называютъ Ясономъ, основываясь на преданіи о рыцарской услугѣ, которую Ясонъ оказалъ неузнанной Герѣ, при переходѣ черезъ Пеней, причемъ одна изъ его сандалій осталась въ рѣчномъ илѣ. Но съ гораздо большимъ основаніемъ въ этой статуѣ видятъ Гермеса, который, завязывая сандалію, прислушивается къ повелѣнію Зевса. При этомъ толкованіи, богъ долженъ бы имѣть свой глашатайскій жезлъ въ лѣвой рукѣ. Очень возможно, впрочемъ, что эта статуя представляетъ только какого-нибудь эфеба, который первоначально держалъ въ лѣвой рукѣ одно или даже два копья.

Панкратіастъ изъ Олимпіи.

О несравненной техникѣ, которую Лисиппъ проявлялъ въ своихъ произведеніяхъ изъ мѣди, могла бы дать величественное представленіе голова одного панкратіаста, если бы только ее можно было съ увѣренностью приписать Лисиппу. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, мы можемъ представить себѣ работы Лисиппа отличающимися такою же детальною тонкостью исполненія и такою же реалистическою правдою. Безъ этихъ достоинствъ онъ никогда не сдѣлался бы тѣмъ

несравненнымъ портретистомъ, какимъ его считали современники и слѣдующія поколѣнія. Но такъ какъ свое искусство портретиста онъ примѣнялъ, главнымъ образомъ, на службѣ Александру Великому, то эта сторона его дѣятельности получитъ болѣе правильную оцѣнку въ связи съ изученіемъ александрійской эпохи.

336. Панкратіастъ изъ Олимпіи.
Olympia, Ergebn. II. IV.
Найдено около Пританея въ Олимпіи, близко къ тому мѣсту, гдѣ Павзаній видѣлъ изображеніе панкратіаста работы Лисиппа, и поэтому, можетъ быть, часть этого изображенія. Слѣдуетъ обратить вниманіе на сплющенный въ кулачномъ бою носъ и чудовищную грубость этого драчуна по профессіи (ср. рис. 339 на стр. 459).

Такой плодовитый и прилежный художникъ, какъ Лисиппъ, который создалъ свои оригинальныя и заслужившія общее удивленіе произведенія подъ покровительствомъ мірового владыки,—не могъ не оказаться авторитетнымъ руководителемъ для слѣдующихъ вѣковъ: и, дѣйствительно, стиль ваятелей эллинистической эпохи былъ въ сущности стилемъ Лисиппа.

9. Художественная промышленность въ IV столѣтіи.

Надгробные рельефы.

Съ расцвѣтомъ искусства въ IV столѣтіи совпало и развитіе художественной промышленности. Аттическіе надгробные памятники, которые всегда свидѣтельствовали о томъ, насколько творенія великихъ мастеровъ содѣйствовали развитію простыхъ ремесленниковъ скульптурнаго искусства, облагораживая ихъ вкусъ,—они и теперь развиваются параллельно съ произведеніями высшаго искусства: глубина чувства Праксителя и страстность Скопада скоро начали преобладать и въ надгробныхъ рельефахъ (ср. рис. 309). Величина этихъ памятни-

ковъ при этомъ все растетъ: простыя плиты съ плоскими фронтонами и столь же простыми боковыми колоннами превратились теперь въ маленькіе храмы, въ которыхъ возсѣдаютъ статуи въ натуральную величину (ср. рис. 261 подъ a). Демосѳенъ жалуется, что такая могила стоила (по нашему) около 5000 р. Тогда это злоупотребленіе привело къ тому, что въ концѣ столѣтія Деметрій Фалерскій издалъ уставъ погребенія, по которому отнынѣ разрѣшались для украшенія могилъ только лареобразные такъ называемые „столы" и низкіе столбики съ надписями (ср. рис. 261 подъ литерами g и h). Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ нѣкогда цвѣтущей аѳинской надгробной пластикѣ.

Производство вазъ.

Еще гораздо ранѣе пришло въ упадокъ аттическое производство вазъ. Его упадокъ начинается съ неудачной сицилійской экспедиціи. Великая Грецiя, которая нѣкогда получала большое количество аттическихъ глиняныхъ товаровъ, отнынѣ удовлетворяла спросъ на нихъ издѣліями туземныхъ фабрикъ. Правда, аѳинянамъ удалось позже открыть для сбыта своей посуды сѣверные берега Чернаго моря, но, съ прежней блестящей торговлей было покончено; уже одимъ недостатокъ извѣстныхъ именъ художниковъ въ этой области искусства того времени доказываетъ, что у аттическихъ художниковъ больше не было прежней самоувѣренности. Для искусства это была такая же чувствительная потеря, какъ и упадокъ надгробной пластики. Фабрики Великой Греціи поставляли, правда, сосуды баснословной величины; на этихъ сосудахъ, рядомъ съ естественной красной окраской глины, накладывались всякаго рода другіе цвѣта, причемъ храмы и другія зданія окрашивались бѣлымъ, сосуды—золотымъ, одежды, по большей части, коричневымъ и пунцовымъ цвѣтомъ: но, несмотря на эту бросающуюся въ глаза величину и пестрое богатство красокъ, они даже не приблизились къ красотѣ аттическихъ издѣлій въ рисункѣ орнамента и фигуръ.

Терракотты.

Но зато новая вѣтвь производства глиняныхъ издѣлій сильно развилась не только въ беотійской Танагрѣ, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ греческаго міра; это производство проявилось въ изготовленіи такъ называемыхъ терракоттъ или маленькихъ раскрашенныхъ фигуръ изъ обожженной глины (табл. VII). Изъ греческихъ могилъ онѣ тысячами появились на свѣтъ Божій. Между ними сравнительно рѣдко попадаются изображенія религіознаго содержанія; большинство этихъ терракоттъ настоящія жанровыя статуэтки. На ряду съ изящными женщинами въ широко окаймленныхъ одеждахъ и въ остроконечныхъ шляпахъ (ср. рис. 170), мы видимъ мальчиковъ съ собаками и птицами, вѣчно жаждущее племя силеновъ, весело прыгающихъ эротовъ, даже цѣлыя сцены изъ жизни. Мы видимъ, напр., строгаго педагога съ плеткой въ рукѣ, сопровождающаго своихъ питомцевъ въ школу; мы видимъ дѣятельность булочницы или парикмахера; античные уличные мальчишки оживаютъ передъ на-

шими глазами во всей своей непринужденности (ср. рис. 197). Конечно, эти очевидно грошевые продукты, по бóльшей части, небрежно исполнены; но увѣренность, съ которой эти маленькія фигурки слѣплены и задрапированы, даетъ намъ самое благопріятное представленіе о пластическомъ талантѣ ремесленниковъ-художниковъ. Характеръ всѣхъ этихъ миніатюрныхъ фигурокъ такой веселый и жизнерадостный, до такой степени лишенъ всякаго отношенія къ могилѣ и смерти, что мы должны признать въ нихъ обычныя украшенія жилищъ живыхъ, которыя только по смерти владѣльца, подобно другой утвари, были вмѣстѣ съ нею положены въ могилу. Мотивы одеждъ и постановки, форма головы и убранство волосъ въ лучшихъ изъ терракоттъ напоминаютъ непосредственно Праксителя, миловидныя фигуры котораго уже сами по себѣ такъ близко стоятъ къ жанру. Главную прелесть этихъ фигурокъ составляютъ яркія краски, имѣющія видъ какъ бы легкаго налета; поэтому не удивительно, что все болѣе и болѣе серьезныя попытки современнаго искусства перейти отъ безцвѣтной пластики къ цвѣтной опираются, между прочимъ, и на эти греческія терракотты.

Чеканка монеты.

Какъ въ прежнія времена, такъ и послѣ, чеканка монеты представляла очень много замѣчательнаго. Особенной красотой отличаются сиракузскія монеты около 400 года; равной красоты никогда и нигдѣ болѣе не было (рис. 69). Наши современныя деньги, безъ сомнѣнія, удобнѣе и практичнѣе, но, по значительности и силѣ типовъ онѣ никакъ не могутъ сравниться съ монетами древнихъ эллиновъ. Напротивъ, каждый собиратель монетъ знаетъ, что самые пріятные экземпляры его коллекціи—греческія монеты. Такъ-то даже эти маленькія произведенія эллиновъ свидѣтельствуютъ о несравненной высотѣ и мощи ихъ художественнаго дарованія.

Общій обзоръ развитія искусства.

Если мы бросимъ ретроспективный взглядъ на ходъ греческаго искусства, съ перваго его зарожденія до превращенія Греціи въ Македонскую область,—мы можемъ сказать, что въ немъ была достигнута высшая, никѣмъ не превзойденная послѣ степень творчества. Архитектура научилась тому, какъ строить зданія всякой величины и приспособленныя для всякихъ потребностей, съ гармонически расположенными частями и богатыми украшеніями; живопись и пластика вполнѣ овладѣли своими средствами; художественная промышленность была такъ высоко развита, что никогда впослѣдствіи границы между искусствомъ и ремесломъ не были такъ мало замѣтны, какъ въ Элладѣ V и IV столѣтій. Особенно облегчаютъ намъ оцѣнку искусства памятники пластики. Трудности, которыя вначалѣ матеріалъ представлялъ творческой рукѣ художника, были постепенно побѣждены. Тѣло изображается съ полною естественностью: каждому возрасту и полу художникъ можетъ воздать должное; даже одежда является у него средствомъ изображать

индивидуальность. Область божественнаго нашла себѣ многостороннее выраженіе, въ свою очередь, сильно дѣйствующее на религіозное сознаніе. Сама Психея какъ бы сочеталась съ камнемъ: всѣ движенія человѣческой души вызваны на поверхность статуй и краснорѣчиво говорятъ изъ глазъ и осанки. Ваятели умѣютъ изображать не только силу героевъ и красоту женщинъ, не только жизнерадостность и юморъ: ихъ фигуры дышатъ и томительнымъ желаніемъ и бурною страстью, а когда они въ портретахъ увѣковѣчиваютъ современниковъ, то они дѣлаютъ это съ вѣрностью, обманывающею зрѣніе, и съ захватывающею жизненностью.

[*Баумгартенъ*].

337. ХРАМЪ ПОБѢДЫ НА АѲИНСКОМЪ АКРОПОЛѢ. Съ фотографіи Беера.
(Ср. выше, стр. 367).

В. ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

1. Симонидъ. Вакхилидъ. Пиндаръ.

Хоровая лирика.

Великимъ поэтическимъ подвигомъ V вѣка является созданіе трагедіи. Изъ-за нея легко забываютъ о хоровой лирикѣ, развитіе которой мы прослѣдили до Ивика (стр. 222), и которая лишь теперь, въ первую половину разсматриваемой эпохи, дала свои лучшіе плоды. Симонидъ, пѣвецъ персидскихъ войнъ, по своей передовой житейской мудрости принадлежалъ скорѣе новому, чѣмъ старому вѣку, такъ что софисты не безъ основанія считали его своимъ предшественникомъ. Что касается Пиндара, то онъ родился къ тому же времени, какъ и родственный ему по духу Эсхилъ, а Вакхилидъ былъ почти современникомъ Софокла, хотя они шли совершенно различными путями и, насколько намъ извѣстно, не искали сближенія.

Симонидъ.

Умудренный житейскимъ опытомъ, видѣвшій подобно Нестору три поколѣнія людей и умѣвшій ладить съ каждымъ изъ нихъ, **Симонидъ** (556—468) является самымъ блестящимъ представителемъ странствующихъ пѣвцовъ въ лучшемъ значеніи этого слова, на подобіе Анакреона и Ивика. Родившись на іонійскомъ островкѣ Кеосѣ, онъ вскорѣ нашелъ въ сосѣднихъ Аѳинахъ свою вторую родину и сдѣлался извѣстнымъ всей Элладѣ, не только благодаря своей поэзіи, но и личнымъ свойствамъ. Съ одинаковымъ тактомъ онъ велъ себя какъ въ Аѳинахъ при Гиппархѣ и Ѳемистоклѣ, такъ и на скользкой почвѣ дворовъ ѳессалійскихъ и сицилійскихъ тирановъ. Его проницательные и остроумные афоризмы распространялись повсюду; онъ искусно исполнялъ даже щекотливыя дипломатическія порученія, умѣя всегда при этомъ не забывать о своей личной выгодѣ. Не слѣдуетъ ставить ему въ укоръ того, что онъ творилъ за деньги, хотя возможно, что при этомъ его муза, по выраженію Пиндара, легко могла опускаться до уровня корысти наемницы.

Выше (стр. 213) мы познакомились съ Симонидомъ какъ съ творцомъ остроумной эпиграммы; гораздо обширнѣе, однако, было его творчество во всѣхъ отрасляхъ хоровой лирики. Насколько намъ извѣстно, онъ былъ первымъ творцомъ *эпиникій*. Раньше во время національныхъ игръ греки ограничивались тѣмъ, что въ честь побѣдителя распѣвали древнія пѣсни общаго содержанія. Но со временемъ, когда этимъ состязаніямъ придавалось все бо́льшее и бо́льшее значеніе, у побѣдителей, особенно знатнаго происхожденія, естественно возникало желаніе видѣть себя и свой родъ прославленнымъ особою пѣснею, спеціально для этого сочиненною. Симонидъ именно и умѣлъ искусно справляться

съ этою неблагодарною задачею. Прославляя борьбу и счастливаго побѣдителя и присовокупляя къ этому мудрыя поученія и примѣры изъ героическаго эпоса, онъ создалъ своеобразный родъ поэзіи, сущность котораго мы выяснимъ ниже при разсмотрѣніи сохранившихся эпиникій (стр. 451 и 458).

Хвала побѣдителю звучитъ у Симонида иногда нѣсколько преувеличенно; такъ, напр., передъ кулачнымъ бойцомъ Главкомъ оказались бы безсильными даже Полидевкъ и Гераклъ! Свои нравственныя воззрѣнія поэтъ тоже умѣлъ сообразовать съ личностью заказчика и съ новыми вѣяніями. Уже мудрый Питтакъ указывалъ на то, какъ трудно быть добрымъ, а Симонидъ шелъ дальше и утверждалъ, что не должно стремиться къ невозможному, а слѣдуетъ успокаиваться и на меньшей степени совершенства, такъ какъ уже тотъ достоинъ похвалы, кто не творитъ зла изъ собственнаго побужденія. Съ этимъ не могъ не согласиться ѳессалійскій тиранъ Скопадъ, которому была посвящена пѣсня. Кромѣ плясовыхъ пѣсенъ (ипорхемъ) Симонида особенно славились его заплачки (трены). Въ трогательныхъ звукахъ онъ оплакивалъ бренность человѣческаго существованія съ его тягостями, отъ которыхъ не избавлены даже сыны боговъ. При этомъ онъ не говорилъ никакихъ словъ утѣшенія горюющимъ, какъ это дѣлалъ Пиндаръ (ср. стр. 462). Хотя поэзія Симонида не обладаетъ увлекательнымъ полетомъ послѣдняго, но зато она отличается высокимъ изяществомъ и совершенствомъ формы. Съ тонкимъ искусствомъ онъ умѣетъ всесторонне освѣщать мысль, трогательно выражать чувство и конкретно изображать происшествіе. Не безъ основанія ему приписывается остроумное сравненіе, что живопись—безмолвная поэзія, а поэзія—говорящая живопись. Такъ, напр., онъ воспѣваетъ славу борцовъ при Ѳермопилахъ слѣдующимъ образомъ.

О вы, погибшіе въ Ѳермопилахъ!
Вы въ смерти нашли наилучшій удѣлъ!
Вамъ могила—алтарь, горе - памятникъ вѣчный,
Пѣсня слезъ—знакъ торжества.
Не заростетъ вашъ холмъ никогда
Мхомъ забвенья сѣдымъ,
И смѣна вѣковъ его не сотретъ,
Ибо съ вами лежитъ подъ сводами тотъ,
Кто былъ твердынею чести святой
Эллады всей,—Леонидъ, царь Спарты,
Завѣщавъ намъ геройской смерти примѣръ
И вѣнцы неизмѣнной славы

Далѣе, жалоба Данаи, плывущей по бурному морю съ маленькимъ Персеемъ, представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ перловъ прочувствованной лирики:

Когда кругомъ искуснаго ларца
Забушевали вѣтеръ злой и волны, —

Она, съ щеками мокрыми отъ слезъ,
Персея шею нѣжно охватила
И молвила: дитя, какъ стражду я!
Ты-жъ тихо дышишь здѣсь и, безмятежно
Покоясь въ ларцѣ этомъ безотрадномъ,
Среди глубокой, непроглядной тьмы,
Предоставляешь, не тревожась, волнамъ
Катиться надъ головкою кудрявой
И бурѣ бушевать.
Ты улыбаешься въ пурпуровой одеждѣ...
Ахъ, еслибъ вѣдалъ ты весь этотъ ужасъ,
Тогда внималъ бы мнѣ тревожнымъ слухомъ...
Но спи, дитя! пусть стихнутъ волны моря,
И пусть уснетъ отчаянье во мнѣ...
Ты-жъ измѣни рѣшенье роковое,
О Зевсъ! А если просьба эта - грѣхъ, —
Прости меня, отецъ, изъ-за младенца...

Жаль, что почтенный риторъ Діонисій не записалъ еще другихъ чудныхъ стиховъ Симонида, кромѣ приведенныхъ! Относительно сына его сестры, **Вакхилида,** намъ болѣе посчастливилось. До 1897 г. мы имѣли тоже весьма скудные отрывки его произведеній, но теперь это измѣнилось. Если до тѣхъ поръ среди развалинъ греческой лирики считался уцѣлѣвшимъ лишь одинъ величественный дорійскій храмъ, то въ настоящее время мы видимъ рядомъ съ нимъ, какъ на аѳинскомъ Акрополѣ, празднично разукрашенную іонійскую постройку: это—творенія Вакхилида. Въ Британскомъ музеѣ хранится драгоцѣнный папирусъ, который сохранилъ намъ 20 изъ его пѣсенъ цѣликомъ или частями. Вакхилидъ, какъ и дядя его, происходилъ изъ Кеоса. Вмѣстѣ съ Симонидомъ онъ жилъ при дворѣ Гіерона, гдѣ Пиндаръ, какъ кажется, по отношенію къ обоимъ открыто кичился своимъ превосходствомъ. Позднѣе онъ жилъ изгнанникомъ въ Пелопоннесѣ. Вакхилидъ.

Тринадцать пѣсенъ Вакхилида прославляютъ побѣдителей на торжественныхъ играхъ. Эти пѣсни видоизмѣняютъ типъ эпиникіи, извѣстный намъ изъ Пиндара, лишь настолько, насколько это обусловливалось глубоко различными натурами обоихъ поэтовъ. Двѣ пѣсни посвящены побѣдамъ, которыя были воспѣты и Пиндаромъ. Третья замѣняетъ героическій миѳъ легендою о смерти Креза, причемъ Вакхилидъ передаетъ ее въ болѣе древней редакціи, которая еще ничего не знаетъ объ общеизвѣстной бесѣдѣ лидійскаго царя съ Солономъ, и которая до сихъ поръ была намъ знакома лишь изъ рисунка на вазѣ, гдѣ изображенъ Крезъ, сжигающій себя на кострѣ. Содержаніе пѣсни слѣдующее: Эпиникіи.

Воспой, о Муза, Деметру, властительницу богатой плодами Сициліи и ея дочь, увѣнчанную фіалками, и быстрыхъ коней Гіерона; ибо они ему доставили побѣду на Алфеѣ. Трижды счастливымъ призналъ весь народъ того мужа, котораго Зевсъ сдѣлалъ могуществен- Крезъ.

нѣйшимъ властелиномъ эллиновъ, и который умѣетъ не скрывать накопленныхъ богатствъ во мракѣ. Все сіяетъ праздничнымъ ликованіемъ, блеститъ золото треножниковъ, посвященныхъ имъ Дельфійскому Аполлону. Бога, да, бога должно величать, въ этомъ величайшее счастье. Ибо и Креза спасъ Аполлонъ, когда сонмища персидскія наполнили Сарды. Крезъ не хотѣлъ пережить слезообильный день рабства и потому вмѣстѣ со своими вошелъ на костеръ, возведенный передъ дворцомъ, и, простирая руки къ небу, воскликнулъ: „Всемогущій рокъ! гдѣ же теперь благодарность боговъ, гдѣ властитель Аполлонъ? Когда все потеряно, наилучшая доля—умереть“. И повелѣлъ онъ зажечь костеръ. Съ громкимъ рыданіемъ дѣвушки обняли мать. Но дождевой потокъ, посланный Зевсомъ изъ темной тучи, погасилъ огонь, и Аполлонъ унесъ старца съ его дочерьми къ блаженнымъ гиперборейцамъ, за то, что изъ всѣхъ смертныхъ онъ посылалъ наиболѣе богатые дары въ Дельфы. Изъ эллиновъ же никто столько не дарилъ Локсію (Аполлону), какъ ты, Гіеронъ. За это всякій долженъ тебя превозносить, у кого сердце не наполнено завистью...

... Знакомо ли тебѣ,
Что Аполлонъ сказалъ Адмету:
Кто смерти обреченъ, тотъ долженъ жить,
Какъ-будто каждый день
Послѣдній для него,
И вмѣстѣ съ тѣмъ—
Какъ-будто впереди еще полвѣка.
Завѣтъ тотъ наилучшій: бойся неба
И жизнь люби!
Разумный мужъ пойметъ меня:
Не угасаетъ неба свѣтъ,
Безсмертна свѣжесть волнъ морскихъ,
Не меркнетъ золото,—но людямъ
Отъ старости сѣдой къ годамъ расцвѣта
Вернуться не дано. И все же блескъ
Геройства и великихъ дѣлъ
Не гаснетъ съ тѣломъ заодно:—
Онъ въ пѣсняхъ сохраненъ. И здѣсь
Ты возрастилъ цвѣтокъ прекрасный счастья,
О славный Гіеронъ!
О баловняхъ судьбы
Молчать не слѣдъ.
Пускай же чтитъ тебя твое потомство
И благодарнымъ словомъ соловья
Кеосскаго помянетъ.

На слѣдующій годъ послѣ этой побѣды (467) Гіеронъ умеръ.

Диѳирамбы. Послѣднія 6 пѣсенъ впервые даютъ намъ настоящее представленіе о другихъ видахъ греческой лирики и стоятъ ближе къ нашему пониманію, чѣмъ побѣдныя. Это—легендарные разсказы на подобіе балладъ, распѣвавшіеся хорами на праздникахъ въ честь боговъ. Впослѣдствіи эти пѣсни, повидимому, всюду назывались д и ѳ и р а м б а м и, даже

когда онѣ не посвящались Діонису, а Аполлону или другимъ богамъ. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ, вкратцѣ намекавшій на назначеніе ихъ въ началѣ и въ концѣ, могъ свободно пѣть все, что ему внушала муза. Здѣсь, кстати, упомянемъ, что одна изъ пѣсенъ проливаетъ свѣтъ на происхожденіе трагедіи. Согласно лирическому характеру этого жанра, поэтъ исчерпываетъ содержаніе отдѣльной сцены какъ со стороны ея развитія, такъ и со стороны настроенія. Два стихотворенія такъ неожиданно обрываются, что возникаетъ сомнѣніе, были ли они въ цѣломъ видѣ у списавшаго ихъ на папирусъ.—Полное поэтическое наслажденіе доставляетъ античная параллель къ балладѣ о „Кубкѣ". Она передаетъ прекрасно изображенный и на вазахъ (ср. табл. VIII и рис. 202) эпизодъ о путешествіи Ѳесея въ Критъ, куда Миносъ увезъ его, вмѣстѣ съ другими аѳинскими юношами и дѣвушками, какъ жертву Минотавру. Мы приводимъ ее въ переводѣ И. И. Анненскаго, любезно разрѣшившаго намъ воспользоваться его трудомъ:

Строфа I.

Волны грудью синей разсѣкая,
Море Критское тріэра пробѣгала,
А на ней къ угрозамъ равнодушный
Плылъ Ѳесей и свѣтлые красою
Семь юницъ, семь юныхъ іонійцевъ...
И пока въ угоду Дѣвѣ бранной
На сіявшій парусъ Бореады
Налегали дѣвы, Афродита,
Что таитъ соблазны въ діадемѣ,
Межъ даровъ ужасныхъ жало выбравъ,
Въ сердце Миносу царю его вонзила.
И подъ игомъ страсти обезволенъ,
Царь рукой ланитъ лилейныхъ дѣвы
Эрибеи съ ласкою коснулся...
Но въ отвѣтъ къ потомку Пандіона
«Защити», юница завопила...
Обернулся витязь, и, сверкая,
Заметались темныя зѣницы;
Жало скорби грудь ему пронзило
Подъ ея блистающимъ покровомъ,
И уста промолвили: «О чадо
«Изъ боговъ сильнѣйшаго—Кронида:
«У тебя бушуютъ страсти въ сердцѣ,
«Да рулемъ не правитъ совѣсть, видно,
«Что герой надъ слабыми глумится.

Антистрофа I.

«Если жребій намъ метали боги,
«И его къ Аиду Правда клонитъ,
«Отъ судьбы мы не уйдемъ. Но съ игомъ

«Произвола царскаго помедли.
«Вспомни, царь, что если властелиномъ
«Зачатъ ты на ложѣ Зевса дщерью
«Финикса, столь дивно нареченной,
«Тамъ, на склонѣ Иды,—то рожденьемъ
«И Өессей не жалокъ: Посидону
«Дочь меня Питөеева родила,
«Что̀ въ чертогѣ выросла богатомъ,
«А на пирѣ брачномъ у невѣсты
«Золотое было покрывало,
«Нереидъ подарокъ темнокосыхъ.
«Говорю жъ тебѣ и повторяю,
«О Кноссійскихъ ратей повелитель,
«Или ты сейчасъ же бросишь, воинъ,
«Надъ ребенкомъ плачущимъ глумиться,
«Иль пускай немеркнущей денницы
«Мнѣ сіянья милаго не видѣть,
«Если я сорвать тебѣ позволю
«Хоть одну изъ этихъ нѣжныхъ вѣтокъ.
«Силу рукъ моихъ извѣдай раньше,—
«А чему потомъ случиться надо,
«Это, царь, безъ насъ разсудятъ боги».

Эподъ I.

Такъ доблестный витязь сказалъ и умолкъ;
И замерли юныя жертвы
Предъ этой отвагою дерзкой...
Но Геліевъ зять, въ разгнѣванномъ сердцѣ
Узоръ небывалый выводитъ,
И такъ говоритъ онъ: «О Зевсъ, о отецъ
«Могучій, коль точно женою
«Рожденъ я тебѣ бѣлорукой,
«Съ небесъ своихъ молнію сыну
«Пошли ты, и людямъ на диво
«Пусть огненной сыплется гривой!
«Ты жъ, витязь, коль точно Эөра
«Тебя колебателю суши
«Дала Посидону въ Трезенѣ,—
«Вотъ эту златую красу,
«Которой десница сіяла,
«Отважно въ отцовскій чертогъ снизойдя,
«Вернешь намъ изъ дальней пучины.
«А внемлетъ ли Кроній сыновней мольбѣ,
«Царь молній,—увидишь не медля»...

Строфа II.

И внялъ горделивой молитвѣ Кронидъ,
И сыну безъ мѣры могучій
И людямъ на диво почетъ онъ родитъ:
Онъ молніей брызнулъ изъ тучи,—

И славою полный воспрянулъ герой,
Надменное сердце взыграло,
И мощную руку въ эѳиръ голубой
Воздѣлъ онъ, а рѣчь зазвучала;
Вѣщалъ онъ: «Ты нынѣ узрѣлъ, о Ѳесей,
«Какъ взысканъ дарами отца я;
«Спускайся же смѣло за долей своей
«Къ властителю тяжко гремящихъ морей;
«И славой Ѳесея бряцая,
«Заросшая лѣсомъ земля загудитъ,
«Коль такъ ей отецъ твой державный велитъ».
Но ужасъ осилить Ѳесея не смогъ:
Онъ на бортъ, онъ въ море шагаетъ,—
И съ лаской пріемлетъ героя чертогъ,
А въ Миносѣ мужество таетъ:
Тріэру велитъ онъ на веслахъ держать,—
Тебѣ ли, о смертный, судьбы избѣжать?

Антистрофа II.

И снова по волнамъ помчалась ладья
Покорна устамъ Бореады...
Да въ страхѣ тѣснилась аѳинянъ семья,
Бросая печальные взгляды
На пѣну, въ которой сокрылся герой;
И въ волны съ сіяющихъ лилій
Горячія слезы сбѣгали порой
Въ предчувствіи тяжкихъ насилій...
Ѳесея жъ дельфины, питомцы морей,
Въ чертогъ Посидоновъ примчали,—
Ступилъ на порогъ и отпрянулъ Ѳесей,
Златого Нерея узрѣвъ дочерей:
Тѣла ихъ, какъ пламя сіяли...
И локоны въ пляскѣ у дѣвъ развились,
Съ нихъ ленты златыя каскадомъ лились...
И, мѣрнымъ движеньемъ чаруя сердца,
Сребрились ихъ гибкія ноги.
Но гордыя очи супруги отца
Героя плѣнили въ чертогѣ...
И Герѣ подобясь, царица межъ дѣвъ
Почтила Ѳесея, въ порфиру одѣвъ.

Эподъ II.

И кудри герою опуталъ вѣнецъ...
Его темнорозовой гущей
Когда-то для брачнаго пира
Ей косы самой вѣнчала Киприда.
Чаруя, златыя увила...
И чудо свершилось... для бога оно
Желанье, для смертнаго чудо:
У острой груди корабельной,
На горе и думы Кноссійцу,

Ѳесей невредимъ появился...
И дивно дарами сіялъ онъ...
А дѣвы, что краше денницы,
Восторгомъ объяты нежданнымъ,
Веселые клики подъяли,
А море гудѣло, пэанъ
Товарищей ихъ повторяя,
Что лился свободно изъ устъ молодыхъ...
Тебѣ, о Делосецъ блаженный,
Да будешь ты спутникомъ добрыхъ,
О царь хороводовъ родимыхъ.

Характеристика. Не легко произвести настоящую оцѣнку Вакхилиду. Если бы его произведенія дошли до насъ одновременно съ сочиненіями Пиндара, то мы охотно признали бы, наряду съ дорійскою суровостью и глубокомысліемъ послѣдняго, изящный іонійскій характеръ поэзіи Вакхилида. Но теперь онъ стоитъ въ тѣни болѣе крупной величины и долженъ сначала завоевать себѣ свое мѣсто. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что онъ никоимъ образомъ не сравнится съ Пиндаромъ, но было бы несправедливо прилагать къ нему исключительно мѣрку великаго ѳиванца. Если Горацій сравниваетъ Пиндара съ разлившимся горнымъ потокомъ, который увлекаетъ съ собою все, то Вакхилида можно уподобить тихо протекающему ручью, въ которомъ ясно отражаются всѣ предметы. Конечно, нельзя отрицать того, что многія мысли его, не облеченныя звучными эпитетами, казались бы весьма незначительными. Но этотъ недостатокъ вознаграждается ясностью и прозрачностью языка, чего мы часто не находимъ у Пиндара, и мы охотно вѣримъ, что Іерону гораздо менѣе нравились пѣсни послѣдняго, чѣмъ поэзія Вакхилида. Перенявъ точно установившіяся художественныя традиціи и богато разработанныя сказанія, даже и не геніальный поэтъ могъ создавать весьма порядочныя произведенія. Вакхилидъ былъ чуждъ какихъ-либо сомнѣній насчетъ внутренней правды и нравственнаго достоинства передаваемыхъ ихъ сказаній, но онъ обладалъ искусствомъ наглядно и увлекательно разсказывать происшествія. Въ противоположность отрывистой сжатости Пиндара, онъ любилъ расписывать мысли или картины сочными красками на подобіе Гомера. Однако, нагроможденіе эпитетовъ, небрежная связь отдѣльныхъ частей и нѣсколько ремесленный характеръ его творчества уже возвѣщаютъ приближающійся упадокъ лирики. Въ противоположность Пиндару, онъ представляется человѣкомъ со скромными, обыденными запросами. Онъ высоко превозноситъ умѣренное счастье: „кто здоровъ и имѣетъ столько достатка, чтобы жить имъ, тотъ можетъ поспорить со всякимъ". Поэтъ сознаетъ, что каждый человѣкъ—властелинъ своей судьбы: „Всевидящій Зевсъ (такъ говоритъ Менелай троянцамъ) не виновенъ въ великихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ смертныхъ, но каждый

воленъ избирать прямую Правду: блаженны тѣ люди, которые дѣлаютъ ее своей спутницей. Напротивъ, преступная Кривда, расцвѣтающая въ хитрой лжи и неразумныхъ излишествахъ,—быстро даетъ человѣку чужое богатство и силу, но столь же быстро низвергаетъ его въ глубокую пропасть гибели". Поэтъ вполнѣ сознаетъ бренность всего земного, но въ пресловутомъ двустишіи

Да, никогда не родиться, веселаго солнца не видѣть,—
Вотъ наилучшій удѣлъ смертнаго здѣсь на землѣ...

не отражается собственное его міровоззрѣніе. Поэтъ влагаетъ эти слова въ уста Гераклу, когда въ подземномъ царствѣ, въ виду неслыханной судьбы, постигшей славнаго Мелеагра, глаза безстрашнаго героя впервые наполнились слезами.

Противъ двухъ іонійскихъ поэтовъ выступаетъ въ одинаковомъ величіи **Пиндаръ** (522—442). Ему одному Ѳивы обязаны тѣмъ, что занимаютъ почетное мѣсто въ греческой поэзіи, между тѣмъ какъ современныя ему стихотворицы Миртида и Коринна имѣли лишь мѣстное значеніе уже изъ-за одного того, что онѣ сочиняли на мѣстномъ діалектѣ. Насмѣшки острыхъ на языкъ аѳинянъ надъ старомодною неповоротливостью и недостаткомъ образованія у сосѣднихъ ѳиванцевъ смолкли передъ Пиндаромъ. Онъ происходилъ изъ рода эгидовъ, имѣвшаго свои вѣтви въ дорійскихъ областяхъ. Выучившись искусству пѣнія и игрѣ на флейтѣ у лучшихъ учителей, онъ быстро составилъ себѣ репутацію поэта, приглашаемаго нарасхватъ во всей Элладѣ. Въ качествѣ почетнаго гостя онъ жилъ при дворахъ тирановъ Іерона и Ѳерона, прославлялъ побѣды Аркесилая Киренскаго и Алевадовъ Ѳессалійскихъ; но охотнѣе всего онъ настраивалъ свою лиру для прославленія родныхъ Ѳивъ, высокочтимыхъ Дельфовъ и близкой его сердцу Эгины,—не исключая, впрочемъ, и Аѳинъ. Пиндаръ.

Пиндаръ стоитъ на рубежѣ старой, выроcтившей его, эпохи и новой, къ которой онъ старался примкнуть. На его глазахъ, мало-по-малу, утрачивался идеальный типъ истиннаго благородства какъ по происхожденію, такъ и по образу мыслей, тотъ самый идеалъ, о которомъ онъ неустанно напоминалъ своему сословію (ср. стр. 65). Персидскія войны, вдохновлявшія въ Аѳинахъ мараѳонскаго борца Эсхила къ прославленію того, что онъ пережилъ и въ чемъ лично участвовалъ, принесли Ѳивамъ только уронъ и позоръ, а вѣрному сыну этого города—тяжелое горе. Но если онъ въ дни испытанія и убѣждалъ своихъ согражданъ въ томъ, что первымъ гражданскимъ долгомъ ихъ является спокойствіе, то вскорѣ послѣ этого онъ возвысился до сознанія, что „богъ снялъ съ Эллады бремя Тантала". Впослѣдствіи онъ отъ всей души привѣтствовалъ „украшенныя фіалками Аѳины", какъ опору Эллады, и превозносилъ сыновъ

аѳинскихъ за то, что они положили свѣтлое основаніе свободѣ. Такъ-то Пиндаръ стоитъ передъ нами какъ личность, полная нравственной энергіи и проникнутая справедливымъ сознаніемъ своего превосходства. Высокоталантливый жрецъ музы, которому было дано даровать своимъ избранникамъ прочную славу своими пѣснями, впервые могъ высказать ту мысль, что пѣвецъ паритъ на высотѣ человѣческой мысли рядомъ съ царями, и посмѣлъ сравнить себя съ гордымъ орломъ Зевса, на котораго безсильно каркаютъ вороны. Въ завистникахъ, конечно, не было недостатка у этого гордаго человѣка, съ которымъ, вѣроятно, не легко было ладить. Но зато никто (кромѣ Эсхила) не относился такъ серьезно къ величайшей задачѣ эллинскаго поэта— быть учителемъ-пророкомъ своего народа.

338. Лирическій поэтъ, играющій на лирѣ.
Мраморная статуя, прежде въ Villa Borghese въ Римѣ, теперь въ Копенгагенѣ.
Съ фотографіи.

Творчество.

Творчество Пиндара обнимало всю область хоровой лирики; однако, отъ его гимновъ, пэановъ, диѳирамбовъ, парѳеній, веселыхъ сколій, церемоніальныхъ, плясовыхъ и богатыхъ утѣшеніями, поминальныхъ, пѣсенъ мы имѣемъ только отрывки. Въ 4 (изъ 17) книгахъ сохранилось 44 эпиникіи.

Эпиникіи.

Въ этихъ послѣднихъ, написанныхъ по заказу, вольный полетъ фантазіи легко могъ быть задержанъ; кромѣ того, даже въ нашъ вѣкъ всевозможнаго спорта представляется страннымъ, когда побѣда, одержанная благодаря быстротѣ дорогихъ рысаковъ или физической силѣ и ловкости, превозносится всѣми поэтическими средствами, какъ величайшая слава на землѣ. Но зато на нашихъ глазахъ оживаетъ важная сторона эллинской жизни (ср. стр. 129 и далѣе), когда мы, напутствуемые поэтомъ, вступаемъ на осѣненное оливковыми деревьями поприще олимпійскихъ игръ, или въ гулкое ущелье Парнасса около Дельфовъ, или въ пихтовую рощу Посидона на Истмѣ, или, наконецъ, въ посвященный Зевсу садъ немейскаго льва. Въ кругу своихъ товарищей по-

бѣдитель вечеромъ торжествуетъ побѣду; привѣтствуемый ликованіями, онъ возвращается на родину, которая не могла бы оказать большихъ почестей даже побѣдоносно вернувшемуся полководцу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ побѣдной пѣснѣ описаніе состязанія, которое у Пиндара обыкновенно гораздо болѣе сжато, чѣмъ у Вакхилида, неминуемо должно было породить надоѣдливыя повторенія. Подвиги какого-нибудь правителя еще представляли болѣе или менѣе благодарный матеріалъ, но что можно было сказать о неинтересной личности какого-нибудь мальчика-побѣдителя или грубаго кулачнаго бойца (ср. рис. 336 и 339)? Поэтому Пиндаръ охотно останавливается на прежнихъ побѣдахъ рода, обличающихъ въ побѣдителѣ достойнаго потомка своихъ предковъ, или въ заключительныхъ стихахъ открываетъ для него перспективу будущихъ, еще высшихъ наградъ. Пиндаръ прославляетъ его родину и, чего никогда не дѣлаетъ Вакхилидъ, принимаетъ живое участіе въ господствующемъ къ тому времени настроеніи города или въ политическихъ событіяхъ, которыми заняты всѣ умы. Этимъ, однако, исчерпывался непосредственный сюжетъ пѣсни, и потому уже Симонидъ утилизировалъ популярныя героическія сказанія, а Пиндаръ сдѣлалъ эти миѳы ядромъ эпиникіи. Такимъ образомъ, расширяется кругъ участвующихъ въ торжествѣ: милостиво взираютъ на нихъ боги, а почитаемые герои выступаютъ передъ своими единоплеменниками, увѣщевая и напутствуя, утѣшая и предостерегая ихъ. „Изъ родины выбирай сюжетъ!“—говоритъ Пиндаръ самому себѣ и потому охотнѣе всего обращается къ отечественнымъ сказаніямъ побѣдителя. Радостно перечисляетъ онъ великихъ сыновъ, составляющихъ гордость Ѳивъ, и хвала Эакидовъ, эгинскихъ героевъ, доставляетъ ему истинное наслажденіе. Благодарные сю-

339. Бронзовая статуя кулачнаго бойца.
Ant. Denkm. I.
Выкопана въ 1885 г. въ Римѣ.

Выборъ миѳическихъ сюжетовъ.

жеты давалъ ему далѣе циклъ сказаній, относившихся къ самимъ играмъ и ихъ основателямъ. Поэтъ обнаруживаетъ тонкое чутье въ выборѣ сказанія, приспособляемаго имъ къ личности побѣдителя или къ политическому моменту. Много испытавшіе и потрудившіеся мужи напоминаютъ ему Геракла, завоевавшаго себѣ Олимпъ своими великими подвигами. Воспѣвая ничѣмъ не омрачаемое счастье Алевадовъ, онъ вспоминаетъ любимыхъ богами гиперборейцевъ. Іеронъ — любимецъ боговъ, какъ Пелонъ; но, когда царь лежитъ больной, поэтъ повѣствуетъ о цѣлителѣ Хиронѣ: „Если бы онъ былъ живъ, я убѣдилъ бы его спѣшить къ тебѣ“, но—прибавляетъ онъ съ тонкимъ намекомъ—„безсмертіе не дано человѣку, и, когда Асклепій воскресилъ мертвецовъ, его поразила молнія Зевса“. Молодой Ѳрасибулъ за своего отца рѣшился на опасный конскій бѣгъ; подобнымъ образомъ и Антилохъ спасъ своего отца, старца Нестора, пожертвовавъ собой въ борьбѣ съ Мемнономъ. Сильное впечатлѣніе несомнѣнно производила на Сицилію пѣснь объ Этнѣ, повѣствовавшая—вскорѣ послѣ страшнаго изверженія вулкана и въ виду его снѣгомъ покрытой вершины—о томъ, какъ Зевсъ вогналъ свирѣпаго гиганта Тифона въ глубь горы.

Разработка миѳовъ.

Иногда Пиндару удается извлечь изъ неизвѣстности какое-нибудь мѣстное сказаніе. Но и тамъ, гдѣ онъ повторяетъ общеизвѣстные сюжеты, онъ всегда даетъ кое-что новое, такъ какъ ровный путь эпическаго повѣствованія не соотвѣтствуетъ сущности лирической поэзіи. Сказаніе служитъ лирикѣ лишь средствомъ для извѣстной цѣли; и потому задача лирики „всегда попадать въ настоящую точку“, въ которой соприкасаются прошлое и настоящее. Къ этой точкѣ и стремится прямо Пиндаръ, чтобы, исходя изъ нея и забѣгая впередъ или оглядываясь назадъ, при помощи искуснаго, а иногда и искусственнаго сплетенія, то выдѣлить знаменательный фактъ, то изобразить настроеніе героя въ живомъ монологѣ или діалогѣ. Такимъ образомъ, дѣйствующія лица становятся близкими для слушателя, такъ какъ онъ въ состояніи слѣдить за ихъ мыслями, тѣмъ болѣе, что изложеніе лирики нерѣдко пріобрѣтаетъ характеръ высокаго драматизма. Центръ тяжести лежитъ въ тщательной и детальной разработкѣ сценъ, которыя и понынѣ производятъ неизгладимое впечатлѣніе на читателя. Пелопъ, стоя на берегу моря въ темную ночь, призываетъ Посидона, и у самыхъ его ногъ изъ волнъ поднимается богъ. Гераклъ, находясь среди гостей Теламона, простираетъ руки къ Зевсу и умоляетъ его, чтобы онъ подарилъ другу сына, несокрушимаго, какъ тотъ левъ, шкуру котораго онъ носитъ,—и тотчасъ орелъ слетаетъ изъ выси, какъ символъ исполненія просьбы. Прелестно изображено поэтомъ нахожденіе младенца Іама, лежащаго среди цвѣтовъ и освѣщаемаго золотыми лучами солнца; глубоко трогательна кончина Кастора: Полидевкъ обнимаетъ тяжело дышащаго брата, заглу-

шаемымъ слезами голосомъ умоляетъ Зевса о прекращеніи страданій и съ радостью готовъ поступиться собственнымъ полнымъ безсмертіемъ, чтобы подѣлиться имъ съ братомъ.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ передѣлокъ сказаній, продолжается и внутреннее развитіе ихъ, начатое Стесихоромъ (ср. стр. 221). Исчезла та веселая наивность, съ которой греки предполагали, что богамъ ничто человѣческое не чуждо. И Пиндаръ не можетъ не прилагать къ своимъ героямъ собственной нравственной мѣрки, когда онъ ихъ выставляетъ въ примѣръ другимъ. Никогда не могло случиться, чтобы Танталъ для трапезы боговъ убилъ своего сына; это была гнусная клевета, распространяемая злыми сосѣдями. Хотя поэтъ высоко превозноситъ Геракла, но все же онъ не ставитъ въ вину Геріону того, что этотъ послѣдній не отнесся безразлично къ похищенію своихъ стадъ. Если Пиндаръ не можетъ пройти молчаніемъ какое-нибудь роковое заблужденіе, какъ, напр., убійство Эакида Фока, совершенное его братьями, то онъ прямо обрываетъ разсказъ, такъ какъ, по его мнѣнію, не всякая правда, безстрашно показывающая свое лицо, хороша. Такъ, по поводу паденія Беллерофонта, намѣвевавшагося подняться на небо на укрощенномъ имъ крылатомъ конѣ, поэтъ говоритъ: „О его кончинѣ я умолчу; Пегасъ же попрежнему стоитъ у своихъ яслей на Олимпѣ“.

Серьезный, возвышенный умъ Пиндара сказывается и въ его изреченіяхъ. Благодаря смѣлымъ комбинаціямъ и богатой, образной рѣчи, онъ находитъ новую, захватывающую форму для старыхъ истинъ, которымъ грозила опасность быть забытыми въ реальной жизни. Въ головѣ Пиндара заключается такое богатство мыслей, котораго хватило бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ; но эти мысли не легко уживаются другъ съ другомъ, а непрерывно другъ друга тѣснятъ. То поэтъ нанизываетъ, безъ видимой связи, короткія энергичныя сентенціи, то онъ вставляетъ въ повѣствованіе пространно изложенное нравоученіе; лишь изрѣдка основной тонъ всего стихотворенія ясно звучитъ въ его началѣ. Наиболѣе сильное впечатлѣніе производятъ отдѣльныя глубокія изреченія, освѣщающія съ яркостью молніи какую-нибудь сторону человѣческой жизни и стремленій: „будь тѣмъ, что ты есть“; „время—лучшій защитникъ справедливыхъ людей“; „благопріятный моментъ для людей отмѣренъ весьма коротко“; „золото и прямота выдерживаютъ испытаніе на пробномъ камнѣ“; „судьба не отступаетъ ни передъ огнемъ, ни передъ желѣзною стѣною“.

Мудрость.

Пиндаръ является настоящимъ аристократомъ, но не обладаетъ сословною закоснѣлостью, какъ Өеогнидъ, такъ какъ его девизомъ служитъ: „благородное происхожденіе обязываетъ“ (noblesse oblige). Поэтъ высоко цѣнитъ унаслѣдованныя доблести и богатство, но—по его мнѣнію—боги награждаютъ славою лишь того, кто, работая и пользуясь своимъ

достояніемъ, совершенствуется въ добродѣтеляхъ, угодныхъ богамъ. Пиндаръ не стѣснялся давать своимъ заказчикамъ поученія, которыхъ они не просили, напр., предостерегая ихъ отъ спеси или посылая Аркесилаю послѣ одного возстанія такой призывъ: „врачъ долженъ лѣчить рану мягкою рукою. И среднимъ людямъ не трудно потрясти городъ, но трудно поставить его опять на твердое основаніе, если боги не помогаютъ править рулемъ“. Поэтъ убѣжденъ, что человѣкъ всѣмъ великимъ и прекраснымъ обязанъ богамъ. Но на одну удачу приходится два несчастья. Все же не нужно унывать, а твердо надѣяться на загробный міръ, гдѣ благочестивыхъ ожидаетъ безконечное блаженство, которое поэтъ великолѣпно расписываетъ въ одной пѣснѣ утѣшенія; для нихъ даже допускается возвращеніе къ болѣе совершенному земному существованію. Такимъ образомъ, Пиндаръ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, и многіе серьезные умы нашли въ тайныхъ ученіяхъ орфиковъ и пиѳагорейцевъ твердый оплотъ противъ жизненныхъ сомнѣній (ср. стр. 22).

Языкъ. Языкъ Пиндара отличается возвышенностью и образностью. Стремясь придавать своимъ мыслямъ своеобразную чеканку, онъ пренебрегаетъ простыми, обыденными выраженіями. Но при этомъ онъ нерѣдко доходитъ до той черты, гдѣ кончается искусство, и начинается манерность. Когда онъ вступаетъ на колесницу музъ и посылаетъ свои сладостныя пѣсни, словно крылатыя стрѣлы, онъ располагаетъ неисчерпаемымъ запасомъ сравненій изъ всѣхъ областей природы и искусства, ибо „музы прекраснѣе всего запечатлѣваютъ благородные подвиги“. Однако, у него уже не замѣчается того тщательнаго обособленія сравниваемаго предмета отъ самаго сравненія, которое соблюдалось въ эпосѣ (ср. стр. 194 и далѣе). Образъ заступаетъ мѣсто самаго предмета, и образы и слова мчатся такъ же безпокойно, какъ и мысли, за высокимъ полетомъ которыхъ они не всегда въ силахъ слѣдовать.

Въ виду сказаннаго, Пиндаръ вполнѣ правъ, когда онъ самъ сознается, что слова его нуждаются въ толкователѣ. Побѣдная пѣснь его подобна искусной ткани ковра, на которой картины прошлаго и настоящаго выступаютъ среди сложныхъ арабесокъ. Древніе и новые комментаторы много трудились надъ распутываніемъ связующихъ мысленныхъ нитей и надъ раскрытіемъ личныхъ и общественно-политическихъ намековъ и отношеній, но не всегда успѣшно. Многіе изъ его знатныхъ современниковъ, по всей вѣроятности, довольствовались общимъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ великолѣпнаго исполненія его пѣсенъ, сопровождаемаго хороводною пляскою и мелодіями, утраченными для насъ; что касается потомковъ, то они его больше превозносили, чѣмъ читали и изучали. Горацій заимствовалъ у него его высокій полетъ, а въ поэзіи новой Европы вліяніе его замѣчается лишь съ эпохи неогуманизма.

Диѳирамбъ. Древняя лирика сошла въ могилу вмѣстѣ съ Пиндаромъ и Вакхи-

лидомъ. Что же касается д и о и р а м б а, который пользовался популярностью еще долго послѣ V вѣка, то онъ былъ обязанъ этимъ совершенному преобразованію, которому онъ подвергся въ Аѳинахъ, гдѣ съ 508 года хоры изъ гражданъ исполняли праздничныя пѣснопѣнія у алтаря Діониса. Литературное значеніе этого новаго диоирамба не велико, такъ какъ онъ производилъ впечатлѣніе, главнымъ образомъ, при помощи богатаго инструментальнаго сопровожденія. Тщетно жаловался уже старый Пратинъ (ср. стр. 466) на то, что слово стало слугою, а флейта госпожей; тщетно и комики изливали ядъ своихъ насмѣшекъ на новомодныя прелюдіи и колоратуры,—простота добраго стараго времени была утрачена. Музыкальная живопись, основанная на звукоподражаніяхъ, и разные виртуозные фокусы ласкали слухъ, между тѣмъ какъ соотвѣтствующіе тексты, на которые вскорѣ стало обращаться такъ же мало вниманія, какъ въ нашихъ старинныхъ операхъ, были или безсодержательны, или загромождались высокопарными эпитетами. Хотя сюжеты заимствовались, какъ и раньше, изъ древнихъ сказаній, но отъ серьезнаго духа послѣднихъ въ скоромъ времени ничего больше не осталось. Парадною пьесою этого направленія былъ „Киклопъ“ Ф и л о к с е н а (ок. 400 г.). Безъ сомнѣнія, это была очень оригинальная идея—представить неуклюжаго Полифема въ видѣ томящагося любовью пастушка, вербующаго для любовныхъ посланій морскихъ дельфиновъ и поющаго серенаду златокудрой, сладкозвучной Галатеѣ. Такимъ образомъ, открылся новый путь, который въ Сициліи (гдѣ жилъ и Филоксенъ у Діонисія) привелъ впослѣдствіи къ пастушеской поэзіи Ѳеокрита.

О позднѣйшемъ н о м о с ѣ, искусно выполняемомъ поэтомъ solo подъ его же аккомпаниментъ на киѳарѣ, мы имѣемъ представленіе на основаніи новѣйшей поразительной находки. Благодаря ей, мы знакомимся съ „Персами“ милетскаго поэта Т и м о ѳ е я, которые сочинены вскорѣ послѣ 400 г. и еще 150 лѣтъ спустя вызывали восторгъ Полибія. Номосъ.

Начало утеряно. Ядро поэмы изображаетъ ужасы морской битвы въ общихъ чертахъ, не называя ни единаго имени. Можно лишь догадываться, что рѣчь идетъ о Саламинской битвѣ. Центральное мѣсто составляютъ четыре монолога: персидскій крупный землевладѣлецъ, превратившись внезапно въ „островитянина“, погибая въ волнахъ, проклинаетъ обманчивое море (ср. рис. 340); потерпѣвшіе кораблекрушеніе и нашедшіе убѣжище на скалѣ оплакиваютъ свою судьбу; фригіецъ, котораго эллинъ волочитъ за волосы, умоляетъ о пощадѣ, коверкая въ смертельномъ ужасѣ греческій языкъ; наконецъ, великій царь въ отчаяніи даетъ приказъ къ отступленію, между тѣмъ какъ греки ликуютъ по поводу побѣды. Въ заключеніе поэтъ гордо отстаиваетъ свое новое искусство игры на одиннадцатиструнной киѳарѣ противъ нападокъ, которымъ онъ подвергался въ Спартѣ изъ-за него.

Языкъ Тимоѳея страненъ. Онъ положительно избѣгаетъ называть

340. СТОЛБЕЦЪ III ПАПИРУСА ТИМОѲЕЯ, древнѣйшей греческой книги, написанной въ эпоху Александра Великаго.

Найденъ въ 1902 г. въ могилѣ около Мемфиса, теперь въ Берлинѣ, Timoth.—Pap. изд. Wilamowitz.

ОБРАЗЧИКЪ ТЕКСТА.

ὔ]τε δὲ ταῖ λείποιεν αὔ|ραι, τᾶιδ' ἐπεισέπιπτεν ἀ φρώδης
ἀβακχίωτος ὄμ|βρος, εἰς δὲ τρόφιμον ἄγγος | ἐχεῖτ(ο). ἐπεὶ δ(ὲ)
ὀμβόλιμος ἅλ μα στόματος ὑπερέθυιεν, | ὀξυπαραυδήτωι |
φωνᾶι παρακόπωι | τε δόξαι φρενῶν | κατακορὴς ἀπείλει, | γομ
φοις ἐμπρίων | μιμούμενος, λυμεῶ νι σώματος θαλάσσαι· |
„ἤδη θρασεῖα καὶ πάρος | λάβρον αὐχέν(α) ἔσχες ἐμ|πέδαι κατα-
ζευχθεῖσα λινοδέτωι τεόν. | νῦν δέ σ(ε) ἀναταράξει | ἐμὸς
ἄναξ, ἐμός, | πεύκαισιν ὀριγόνοισιν ἐγ κλήισει δὲ πεδία
πλόιμα νομ(μ)άσιν αὐγαῖς. | οἰστρομανὲς παλεομίσημ(α)
ἄπιστόν τ(ε) ἀγκάλι|σμα κλυσιδρομάδος αὔρας". φάτ(ο)
ἄ[σ]θματι στρευγόμενος, | βλοσυρὰν δ(ὲ) ἐξέβαλλεν | ἄχναν,
ἐπαν(α)ερευγόμενος στόματι βρύχιον ἅλμαν.

ПЕРЕВОДЪ:

но когда здѣсь стихали вѣтры, тамъ его обливала пѣнящаяся влага, которую пить невозможно, и вливалась она въ его горло. И когда вздымавшаяся соляная волна уже обливала его уста, онъ, утопая, закричалъ громкимъ голосомъ и со скрежетомъ зубовнымъ угрожалъ губителю жизни—морю: „Уже раньше ты, наглое, согнуло свою неукротимую спину, обузданное оковами, свитыми изъ канатовъ (при сооруженіи моста черезъ Геллеспонтъ). А теперь мой, да, мой властелинъ будетъ бичевать тебя веслами изъ пихтъ, выросшихъ на горахъ; взглядомъ своихъ глазъ онъ укротитъ твою поверхность для ѣзды. О ты, разъяренное, глубоконенавистное чудовище, вѣроломно охватывающее меня при вѣтрѣ, вздымающемъ волны". Такъ восклицалъ онъ, тяжело переводя дыханіе, и изрыгалъ отвратительную пѣну, испуская изо рта, соляную влагу морской глубины.

вещи настоящимъ именемъ и увлекается искусными, подчасъ совершенно загадочными описаніями. Не трудно иронизировать надъ подобнымъ извращеніемъ природы, но правильнѣе смотрѣть на это явленіе какъ на необходимый результатъ слишкомъ продолжительнаго развитія.

Элегія.

Посредствующимъ звеномъ между эллинскимъ и эллинистическимъ духомъ служили любовныя элегіи его современника Антимаха изъ Колофона, въ которыхъ онъ находилъ утѣшеніе по поводу смерти возлюбленной, отыскивая аналогичные случаи въ миѳологіи. Мало замѣченный современниками, онъ сдѣлался образцомъ для александринскихъ поэтовъ съ ихъ нѣсколько холодною ученостью. Древняя элегія, восхвалявшая подателя радости Діониса и золотую Афродиту во время пиршествъ или вдававшаяся въ политическія разсужденія и нравственныя проблемы по образцу Солона и Ѳеогнида (ср. стр. 211 сл.), въ Аѳинахъ еще долго оставалась популярною; извѣстно, что большинство поэтовъ и мыслителей этой эпохи сочиняло элегіи и эпиграммы.

2. Трагедія.

Общій взглядъ.

Въ 534 году Ѳеспидъ поставилъ первую трагедію въ Аѳинахъ при содѣйствіи Писистрата. Эта лаконическая дата отмѣчаетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ въ міровой литературѣ. Исходя изъ Аѳинъ, эта литературная форма, которая и понынѣ еще способна производить самое непосредственное дѣйствіе, открыла свой побѣдоносный путь. Но именно то обстоятельство, что мы здѣсь находимся какъ бы на знакомой намъ почвѣ, склоняетъ насъ къ тому, чтобы относиться къ греческой драмѣ съ предвзятыми воззрѣніями, такъ что мы рискуемъ произнести надъ ней неправильный приговоръ. Въ настоящее время мы разучились измѣрять современную трагедію античною мѣркою, а потому должны твердо помнить, что греческая трагедія является въ высшей степени самобытнымъ продуктомъ Эллады, который могъ возникнуть только въ Аѳинахъ V вѣка и притомъ въ силу совершенно опредѣленныхъ условій, заключавшихся въ безпрерывномъ развитіи поэтическаго творчества, въ особенностяхъ эпохи, въ культѣ и народномъ характерѣ. Только на основаніи этихъ данныхъ она и можетъ быть понята.

Начатки.

Кто бы могъ подумать, что серьезное слово „трагедія“ означаетъ „пѣснь козловъ“? А между тѣмъ это такъ. Въ двухъ сосѣднихъ съ Аѳинами городахъ Пелопоннеса, въ Коринѳѣ и Сикіонѣ, уже съ раннихъ временъ хористы, воспѣвавшіе въ диѳирамбахъ на праздникахъ Діониса страданія и торжество бога, переодѣвались сатирами, надѣвая козлиныя шкуры. Съ глубоко коренящеюся въ человѣкѣ страстью къ маскированію соединялось Діонисовское изступленіе, благодаря ко-

торому люди мысленно переносились въ роли спутниковъ божества. Живое дѣйствіе этихъ пѣсенъ еще усиливалось, когда предводитель хора, какъ это уже дѣлалъ старикъ Алкманъ въ Спартѣ (ср. стр. 221 сл.), вставлялъ свое слово приблизительно такъ, какъ мы это видѣли въ диѳирамбѣ Вакхилида,—правда, гораздо болѣе поздней даты,—гдѣ царь Эгей отвѣчаетъ на возбужденные вопросы хора (?) о приближающемся Ѳессеѣ. По словамъ Аристотеля трагедія получила начало отъ этихъ запѣвалъ диѳирамба. Но лишь съ тѣхъ поръ, какъ эти хоры были перенесены въ Аттику, и аттическіе силены приняли имена и роли сатировъ, возникло нѣчто новое. Вмѣсто запѣвалы, управлявшаго хоромъ, выступалъ декламаторъ, который произносилъ ямбическимъ размѣромъ рѣчь или разсказъ, служившіе поводомъ для новыхъ пѣсенъ хора. Если этотъ первый „актеръ“ мѣнялъ свой костюмъ, то онъ могъ выступать въ нѣсколькихъ роляхъ, и такимъ образомъ оказывалось на лицо все, чтобы представить сказаніе въ драматической формѣ. Этими скромными средствами трагедія ограничивалась вплоть до Эсхила. Область сюжетовъ, однако, вскорѣ расширилась. Уже въ Сикіонѣ воспѣвались страданія отечественнаго героя Адраста вмѣсто Діониса; затѣмъ и въ Аттикѣ начали выводить другія сказанія, а жалобы публики, что „все это къ Діонису не относится“, вскорѣ смолкли. Богатая виноградниками область Икарія считалась центромъ новаго искусства, а Ѳеспидъ его „изобрѣтателемъ“. Больше мы ничего не знаемъ о немъ; извѣстная „телѣга Ѳеспида“, на которой онъ будто бы разъѣзжалъ, относится къ начаткамъ комедіи. Послѣ того, какъ Писистратъ придалъ трагедіи характеръ городской и придворной, она лишилась своей прежней сельской непринужденности. Поэтъ обращался теперь ко всему народу, а пѣсни получали особенный вѣсъ и значеніе отъ того, что хоръ гражданъ бралъ на себя ихъ исполненіе. Однако, народъ не желалъ обходиться безъ грубыхъ шутокъ сатировъ и радостно привѣтствовалъ Пратина изъ пелопоннесскаго Флиунта за введеніе сатирической драмы, которая и впослѣдствіи, когда представлялись подъ рядъ три трагедіи, удержала свое мѣсто въ качествѣ веселаго эпилога и, такимъ образомъ, поддерживала воспоминаніе о происхожденіи трагедіи. Это сопоставленіе трусливыхъ, но дерзкихъ сатировъ съ серьезными героями, роли которыхъ они иногда копировали съ такимъ же успѣхомъ, какъ Фальстафъ, доставляло великимъ трагикамъ широкое поле для изощренія своего остроумія. Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ лишь малохарактерный „Киклопъ“ Еврипида, но зато мы видимъ на рисункахъ вазъ такія сцены, какъ, напр., Персея, который протягиваетъ къ отвернувшемуся съ ужасомъ сатиру леденящую голову Медузы, или Геракла, который, проснувшись, видитъ, какъ дерзкіе сатиры убѣгаютъ съ украденнымъ у него оружіемъ.

Ѳеспидъ.

Пратинъ (сатирическая драма).

Фринихъ.

Фринихъ, послѣдователь Пратина, дерзнулъ ввести на сцену современныя событія, но, къ сожалѣнію, не нашелъ много послѣдователей. Когда онъ представилъ взятіе Милета персами (494 г.), аѳиняне были тронуты до слезъ живымъ изображеніемъ судьбы дружескаго города, но поэтъ былъ присужденъ къ денежному штрафу за то, что онъ изобразилъ ихъ собственное несчастье. Здѣсь мы имѣемъ знаменательный первообразъ театральной цензуры. Но, когда тотъ же поэтъ въ 476 году въ „Финикіянкахъ“ прославлялъ саламинскую битву, его горячо привѣтствовали. Дѣйствіе этой драмы происходитъ при персидскомъ дворѣ, гдѣ величіе эллинской побѣды эффектно отражается въ донесеніяхъ и жалобныхъ пѣсняхъ о понесенномъ пораженіи.

Мы должны представить себѣ эти древнѣйшія трагедіи въ родѣ нашихъ кантатъ или ораторій. Настоящее драматическое дѣйствіе стало возможно лишь тогда, когда Эсхилъ добавилъ еще второго актера. Послѣ этого діалогическія сцены пріобрѣли самостоятельное значеніе и постепенно все болѣе оттѣсняли на задній планъ хоръ, особенно когда Софоклъ ввелъ еще третьяго и послѣдняго актера.

Условія античной трагедіи.

Но и окончательно сформировавшаяся аттическая трагедія, тѣмъ не менѣе, глубоко отличается отъ современной (ср. стр. 291). Уже то обстоятельство, что представленія не утрачивали характера религіозныхъ празднествъ, налагало извѣстную печать на работу поэта, равно какъ и на настроеніе его слушателей. Въ лицѣ Діониса воплощались таинственныя творческія силы природы, порождающія цвѣты и плоды и обрекающія все это великолѣпіе на гибель. Такимъ образомъ, его культъ соединялъ въ себѣ неудержимое веселье съ безпросвѣтною грустью и давалъ мѣсто какъ комедіи и сатирической драмѣ, такъ и трагедіи. Послѣдняя поневолѣ черпала изъ героическихъ сказаній, какъ изъ области, въ которой наиболѣе внушительно и конкректно проявлялись дѣянія божества. Благодаря этому, задача поэта съ одной стороны облегчалась, но съ другой и осложнялась. Облегчалась она потому, что онъ безъ труда переносилъ своихъ слушателей въ хорошо знакомую имъ обстановку; осложнялась же она тѣмъ, что поэтъ былъ связанъ даннымъ сюжетомъ, и прелесть абсолютной новизны, какъ и интересъ неожиданной развязки отсутствовали. Всякій зналъ напередъ, что Орестъ, въ концѣ концовъ, умертвитъ мать, а Медея своихъ дѣтей. Задачею поэта, такимъ образомъ, являлось искусное выдѣленіе драматической фабулы изъ сказочнаго цѣлаго, причемъ въ завязкѣ и въ интересной характеристикѣ героевъ онъ могъ давать кое-что новое. Наконецъ, онъ долженъ былъ выяснять нравственныя проблемы, заключавшіяся въ сюжетѣ. Въ предѣлахъ этихъ данныхъ трагики создали удивительныя произведенія, особенно если принять во вниманіе, что одни и тѣ же сюжеты много разъ ими разрабатывались. Правда, настойчивость, съ

которою трагедія держалась этихъ ограниченій, повела послѣ краткаго расцвѣта къ ея упадку, такъ какъ съ вмѣстѣ утратою вѣры въ сказанія изсякла и жизненная сила трагедіи. Если бы Еврипидъ сумѣлъ освободиться отъ этихъ цѣпей, онъ сдѣлался бы творцомъ бытовой трагедіи; что же касается исторической драмы, то она, къ сожалѣнію, не шла дальше единичныхъ попытокъ.

Иного рода оковы налагало на поэта устройство театра (ср. стр. 292 сл.). Огромные размѣры зрительнаго помѣщенія и широкій доступъ дневного свѣта исключали всякую возможность той детальной обстановки, которою щеголяетъ современное сценическое искусство, и потому придавали драматическимъ образамъ характеръ общихъ типовъ. Тяжеловѣсный костюмъ актера (ср. стр. 297 сл.) не позволилъ ему рѣзкихъ движеній и принуждалъ его къ стильной торжественности даже въ моменты крайняго возбужденія. Количество лицъ, выступавшихъ одновременно, ограничивалось тремя. Больше же всего связывали поэта трудности при перемѣнѣ декорацій и отсутствіе занавѣса, заставлявшія его доводить до конца начатое дѣйствіе въ одномъ мѣстѣ и въ непродолжительный срокъ. Эти знаменитыя аристотелевскія единства, въ которыхъ до Лессинга усматривалась сущность античной трагедіи, такимъ образомъ, не являлись порожденіемъ мудраго эстетическаго закона, а вызывались силою обстоятельствъ. Но они же содѣйствовали той цѣльности и законченности дѣйствія, передъ которыми мы преклоняемся, хотя эти единства иногда обусловливали нѣкоторое неправдоподобіе и странности, и поэты подчасъ переступали стѣснительныя преграды. Рѣшающія событія при этомъ часто должны были происходить за сценою, но зато поэтъ обращалъ все свое вниманіе на оживленіе діалога и умѣлъ такъ наглядно изобразить эти происшествія въ тонко разработанныхъ донесеніяхъ вѣстниковъ, что эти послѣднія нерѣдко производили гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сомнительныя сцены рѣзни и убійства на глазахъ зрителей. Въ данномъ случаѣ греки обнаружили тактичную умѣренность, какъ и во всемъ. Рѣчи вѣстниковъ прибавляли къ лирическимъ хорамъ эпическій элементъ, такъ что трагедія также и съ чисто-внѣшней стороны представляется вѣнцомъ поэзіи. Но если мы сопоставимъ эти взволнованныя сообщенія со спокойнымъ характеромъ эпоса, то ясно увидимъ, какъ измѣнились времена и люди.

Размѣръ и части трагедіи.

Діалогъ идетъ легко скользящими ямбами, въ которые рѣчь выливается какъ бы сама собою; однако, нерѣдко ямбы переходятъ въ безпокойные анапесты и важные трохеи. Только въ моментъ крайняго возбужденія, когда герой охваченъ горемъ и страданіемъ, онъ вступаетъ въ антифонію съ хоромъ (коммосъ) или изливаетъ свои жалобы въ моноди. Здѣсь употреблялся т. наз. дохмій (напр., „о ты, зла́ творе́цъ“)

такъ какъ сталкивавшіеся, ударяемые слоги и свободныя разрѣшенія, какъ нельзя лучше, живописуютъ волненія сердца. Для хоровъ употреблялись лирическіе размѣры, которые благодаря разнообразію и богатству оттѣнковъ превосходно согласовались со всякимъ настроеніемъ. Но только оригинальный текстъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ размѣръ, выборъ словъ и расположеніе ихъ гармонировали съ содержаніемъ, какъ основной тонъ разнообразился въ своихъ оттѣнкахъ, и какъ каждая часть трагедіи при тщательномъ согласованіи съ цѣлымъ сохраняла свой первоначальный діалектъ. Нигдѣ такъ очевидно не сказывается полное соотвѣтствіе между формою и содержаніемъ, какъ въ греческой трагедіи; драма, написанная въ прозѣ, совершенно немыслима. Такимъ образомъ, трагедія сохранила до конца свою опредѣленную форму, возникавшую, какъ мы видѣли, весьма постепенно. Послѣ вступительной сцены (пролога) и вступительной пѣсни хора (парода) слѣдуютъ, правильно чередуясь, отдѣльные акты (названные „эписодіями" отъ „присоединенія" актеровъ къ хору) и пѣсни хора во время его стоянія на сценѣ (стасимы) вплоть до заключительныхъ сценъ (эксода).

Корифеи трагедіи.

Продуктивность трагиковъ была изумительна; намъ извѣстны заглавія приблизительно 600 пьесъ. Отъ Эсхила, Софокла, Еврипида сохранились только 33 цѣльныя драмы и, кромѣ нихъ, еще нѣсколько сотъ большихъ и маленькихъ отрывковъ. Всѣ трое были аѳиняне. Послѣ долгаго перерыва поэтическое творчество этого народа обратилось теперь почти исключительно къ драмѣ, для которой онъ обнаруживалъ болѣе способности, чѣмъ другія племена. Одаренные живымъ и воспріимчивымъ умомъ, тонкимъ чутьемъ и вкусомъ, аѳиняне представляли собою весьма требовательную, но зато и благодарную публику. Будучи искусными ораторами, они съ горячимъ участіемъ слѣдили за полемикой въ народныхъ собраніяхъ и передъ судомъ, и поэтому они находили также самостоятельный интересъ въ словопреніяхъ на сценѣ, которыя вслѣдствіе своей многословности и не всегда убѣдительныхъ аргументовъ нерѣдко вызываютъ наше недоумѣніе. Всѣ эти духовныя силы народа, однако, нашли себѣ выходъ лишь благодаря политическому подъему Аѳинъ, когда изъ тиранніи постепенно развилась неограниченная демократія, а изъ скромнаго города — могучая морская держава. Въ тѣсной связи съ этой эпохой, полной драматической жизни на міровой сценѣ, находится и развитіе трагедіи. Этимъ объясняется, что изъ трехъ трагиковъ, дѣятельность которыхъ обнимаетъ почти столѣтіе, каждый является представителемъ своего поколѣнія, и потому они такъ глубоко различны между собою. Въ Эсхилѣ воплощается могучій ростъ націи, въ Софоклѣ апогей развитія и спокойное обладаніе пріобрѣтеннымъ, въ Еврипидѣ же отражается начинающійся упадокъ, обусловливаемый столько же внѣшними бѣдствіями, сколько одновременнымъ

разрушеніемъ тѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ, которые Эсхилъ еще такъ смѣло отстаивалъ, и которыми такъ дорожилъ еще Софоклъ. Своеобразное взаимодѣйствіе между поэтомъ и его эпохою рѣдко проявлялось въ такой ясной и интересной формѣ.

Эсхилъ.

Эсхилъ (525—456) происходилъ изъ знатнаго рода, жившаго въ Элевзинѣ, гдѣ культъ Деметры, конечно, не оставался безъ вліянія на религіозное направленіе серьезнаго юноши. Уже въ зрѣломъ возрастѣ пережилъ онъ великій божій судъ, свершенный греками надъ гордыми полчищами персовъ. Надпись на его могилѣ гласитъ не о томъ, что онъ былъ поэтомъ, а о томъ, что онъ былъ борцомъ при Мараѳонѣ; саламинское же сраженіе онъ могъ описать, какъ очевидецъ, въ своихъ „Персахъ“. Помимо этого онъ не принималъ непосредственнаго участія въ государственной жизни, а былъ только воспитателемъ своего народа въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Два раза онъ ѣздилъ въ Сицилію: первый разъ — по приглашенію Іерона, а потомъ — по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, незадолго до своей смерти. Умеръ онъ также въ сицилійской Гелѣ.

Техника.

Эсхилъ былъ истиннымъ отцомъ и законодателемъ трагедіи. Мы уже указывали на то, какъ важно было появленіе на сценѣ второго актера; позже онъ согласился заимствовать третьяго у Софокла, и мы можемъ прослѣдить, какъ, благодаря этому, лирическая ораторія постепенно сдѣлалась настоящей трагедіей, какъ хоръ, который въ „Просительницахъ“ и другихъ драмахъ представлялъ главное лицо, вскорѣ долженъ былъ довольствоваться второстепенною ролью, чтобы въ заключеніе (въ „Прометеѣ“) спуститься до роли участливаго зрителя, который указывалъ слушателямъ передъ орхестрой вѣрную точку зрѣнія на дѣйствіе. Это послѣднее увеличилось и углубилось съ внѣшней и внутренней сторонъ. Въ „Просительницахъ“ дѣйствіе еще очень незначительно; рѣчи актеровъ, повидимому, существуютъ только для того, чтобы давать поводъ къ длиннымъ пѣснямъ хора. Но уже въ „Хоэфорахъ“ оно представляетъ искусное, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ цѣлое. Внѣшнему виду актеровъ Эсхилъ придалъ также больше пышности и торжественности: герои древности должны были появляться въ подобающемъ имъ величіи.

Сюжеты.

Эсхилъ заимствовалъ содержаніе своихъ пьесъ изъ эпоса; вотъ почему онъ самъ называлъ свои драмы „блюдами съ богатой трапезы Гомера“. Уже въ выборѣ сюжетовъ сказывается духъ Эсхила, направленный на все мощное и необыкновенное. Судьба Атридовъ и Лабдакидовъ, надъ которыми тяготѣло проклятіе боговъ, сильно привлекала его, а вакхическое бѣшенство онъ описывалъ со всѣми проявленіями страсти вплоть до эпизода съ Пенѳеемъ, разорваннымъ вакханками.

Онъ отважился даже перенести на сцену части саги о богахъ. Особенно любилъ онъ брать свои сюжеты изъ троянскаго цикла; изъ нѣсколькихъ стиховъ Гомера онъ извлекъ цѣлую трагедію, „Психостасію“ (Взвѣшиваніе душъ“; ср. рис. 155), и очень было бы интересно узнать, какъ въ трилогіи, посвященной Ахиллу, онъ изобразилъ героя, упорствующаго, горюющаго и, наконецъ, смягченнаго мольбами Пріама. При этомъ онъ не удовлетворился сочиненіемъ отдѣльныхъ драмъ, но бралъ изъ цѣлаго ряда сагъ, находящихся въ связи между собою, три главные момента, чтобы обработать ихъ самостоятельно. Такимъ образомъ, подобная трилогія представляетъ какъ бы три акта одной огромной трагедіи, въ которой свободно развивается сцѣпленіе различныхъ жребіевъ, преступленіе и искупленіе. Возобновленная на нашей сценѣ Орестія показываетъ намъ, что впечатлѣніе, производимое ею на зрителей, ни съ чѣмъ не сравнимо по своему величію. Трилогія.

Изъ 90 драмъ Эсхила сохранилось только 7, которыя, однако, намъ даютъ возможность составить себѣ ясное понятіе о развитіи его дарованія.

Древнѣйшее изъ этихъ произведеній, „Просительницы“, представляетъ прибытіе Данаидъ въ Аргосъ, за которымъ послѣдовалъ кровавый ихъ бракъ съ сыновьями Египта и оправданіе любящей Гипермнестры. Убѣгая отъ ненавистнаго брака, дѣвы пристаютъ къ берегу родины ихъ прародительницы Іо. Царь, озабоченный благомъ своихъ подданныхъ, вначалѣ отказывается дать имъ убѣжище, о которомъ они его просятъ. Лишь когда онѣ грозятъ повѣситься на статуяхъ боговъ и тѣмъ навлечь на страну несмываемую скверну, намѣренія его измѣняются, и народная община Аргоса принимаетъ ихъ подъ свою защиту. Но уже приближаются корабли преслѣдователей; съ варварской грубостью, египетскій глашатай хочетъ оторвать дѣвъ отъ алтарей, но царь въ дышащихъ величіемъ словахъ отказывается ихъ выдать. — Красота пьесы заключается, какъ уже выше сказано, цѣликомъ въ хоровыхъ пѣсняхъ съ ихъ страстными образными жалобами къ отцу Зевсу и чудными благословеніями гостепріимной странѣ. „Просительницы“.

Въ „Персахъ“ (472) мы имѣемъ единственную историческую драму Эсхила. Мысль Фриниха перенести дѣйствіе въ царственныя Сузы (стр. 467) въ этой пьесѣ очень успѣшно развита. Вокругъ почтенной царицы-матери Атоссы собираются старцы, назначенные хранителями государства. Ихъ безпокойство о судьбѣ громаднаго войска, съ которымъ Ксерксъ выступилъ въ походъ, еще усиливается вслѣдствіе зловѣщаго сна Атоссы. Затѣмъ является вѣстникъ несчастья. Съ поразительной наглядностью описываетъ онъ удивительную войну между копьемъ и лукомъ, между свободнымъ народомъ, борющимся за свое высшее благо, и рабами деспота. Этотъ разсказъ долженъ былъ производить чудесное впечатлѣніе на зрителей, которые только 8 лѣтъ тому назадъ сами сражались у Саламина. Въ своей горести, Атосса вызываетъ духъ своего супруга Дарія; но, вмѣсто утѣшенія онъ приноситъ ей пророчество о предстоящемъ уничтоженіи войска у Платеи. Наконецъ, является самъ Ксерксъ въ разорванной одеждѣ и съ растерзаннымъ сердцемъ, и безнадежныя жалобныя пѣсни его вельможъ сопровождаютъ его во дворецъ „Персы“.

его отцовъ.—Контрастъ между былымъ величіемъ персидскаго царства и наступившимъ его полнымъ упадкомъ какъ-будто воплощается въ величественномъ образѣ умершаго и униженномъ—живого царя. „Персы“ представляютъ собою недосягаемый образецъ патріотической драмы, прославляющей побѣду, безъ всякаго хвастовства и униженія противника, но полной справедливой гордости. Нечестивое высомѣріе (hybris) Ксеркса было виновникомъ бѣдствія; Дарій предостерегаетъ противъ него своихъ персовъ, а устами поэта предостерегаетъ также и счастливыхъ побѣдителей. Несмотря на изобиліе разсказовъ, дѣйствіе не лишено постепенности въ развитіи, начиная съ боязливаго предчувствія несчастья, продолжая увѣренностью въ немъ и кончая его полной наглядностью.

341. УБІЕНІЕ ЭГИСѲА.
ИЗОБРАЖЕНІЕ НА КРАСНОФИГУРНОЙ ВАЗѢ ВЪ БЕРЛИНѢ.
По Gerhard, Etr. u. kamp. Vasenb.

Налѣво Клитемнестера, поспѣшающая на помощь къ своему супругу; направо Электра, обращающая вниманіе Ореста на грозящую опасность. Картина, повидимому, указываетъ на болѣе древнюю—дельфійскую обработку саги, несогласную съ Эсхиломъ.

„Семь вождей противъ Ѳивъ“.

Въ пьесѣ „Семь (вождей) противъ Ѳивъ“ (467) мы видимъ на сценѣ только приходы и уходы, слышимъ вопросы и отвѣты, въ которыхъ отражается дѣйствіе, совершающееся передъ воротами города; тѣмъ не менѣе, драма полна внутренней жизни. Трилогія, заключительную пьесу которой мы разсматриваемъ, представляетъ тройной валъ проклятія, надвигающійся на домъ Лабдакидовъ. Лаій его вызвалъ, Эдипъ былъ имъ низверженъ, а теперь оно постигаетъ, наконецъ, и его сыновей. Изгнанный Полиникъ приближается, какъ сообщаютъ прорицатели и лазутчики, съ избранными героями, чтобы покорить свой родной городъ. Этеоклъ, управляющій твердою рукою государственнымъ кормиломъ, сдерживаетъ неразумныя жалобы женщинъ и совѣтуетъ имъ усердно молиться богамъ. Вѣстникъ сообщаетъ, что семеро вождей со щитами и оружіемъ осаждаютъ ворота города. Противъ каждаго изъ нихъ Этеоклъ выставляетъ одного изъ своихъ героевъ; послѣднимъ произносится имя, которое было у всѣхъ на устахъ, и Этеоклъ самъ вызывается выступить

противъ брата, хотя онъ и предчувствуетъ, что его ожидаетъ. Пока хоръ объясняетъ, какъ ужасно проклятіе эриній тяготѣетъ надъ домомъ Лаія, за стѣнами города совершается развязка. Городъ спасенъ, но братья пали въ поединкѣ. Безжалостная судьба посылаетъ новое столкновеніе. Антигона возмущается противъ запрещенія хоронить Полиника. Итакъ, здѣсь отсутствуетъ примирительное заключеніе.—Воинственный духъ проникаетъ пьесу, въ которой замѣтно еще настроеніе, созданное персидскими войнами. Поэтъ пережилъ самъ все, что описываетъ: неутѣшныя жалобы женщинъ, ужасы разореннаго города и побѣдоносное отраженіе сильнаго врага съ помощью боговъ-защитниковъ города.

Изъ позднѣйшихъ произведеній Эсхила намъ сохранилось два безцѣнныхъ его творенія: „Орестея“ (458) и „Прометей“. По первой мы знакомимся съ трилогіей Эсхила. Также и надъ дворцомъ Атридовъ въ Аргосѣ нависло роковое знаменіе наслѣдственнаго проклятія, ясное даже въ тотъ день, когда Агамемнонъ побѣдоносно возвращается изъ Трои. Это долженъ былъ быть день радости; но на зрителяхъ лежитъ свинцовой тяжестью предчувствіе чего-то чудовищнаго, что должно совершиться. Это предчувствіе уже слышится въ рѣчи стража, который въ первый разъ видитъ огни, означающіе паденіе Трои. Появляющійся хоръ почтенныхъ старцевъ сообщаетъ, что̀ произошло 10 лѣтъ тому назадъ: выступленіе войска, счастливыя предзнаменованія, причемъ, однако, у Калханта вырвалось неясное пророчество, относящееся къ Атридамъ,—и, наконецъ, жертвоприношеніе Ифигеніи. Отъ Клитемнестры хоръ узнаетъ радостную вѣсть, которой едва вѣритъ, и уже приближается вѣстникъ, радостно привѣтствующій дорогую родину. За нимъ слѣдуетъ самъ Агамемнонъ, который везетъ на своей колесницѣ плѣнную Кассандру. Хоръ встрѣчаетъ его съ неподдѣльною радостью, а вѣроломная царица—лицемѣрными фразами. Такъ то хоръ видѣлъ своими глазами возвращеніе дорогого владыки; но ужасные образы витаютъ надъ нимъ. Они воплощаются въ рѣчахъ Кассандры. Въ безуміи ясновидящей она открываетъ хору ужасныя событія недавняго прошлаго и предсказываетъ, сначала неясно, а потомъ опредѣленными словами, то, что должно свершиться: съ горестными словами— Орестея.

Жалка судьба людей! Кто счастливъ, на того
Всегда ложится тѣнь. Страданья же его
Сотрутся, какъ подъ губкою изображенья,—
И онъ забытъ. Вотъ, что больнѣй всего: забвенье.—

она переступаетъ порогъ. Тотчасъ раздаются крики Агамемнона изъ внутреннихъ покоевъ, и, прежде чѣмъ хоръ проникъ туда, Клитемнестра выходитъ съ топоромъ въ рукахъ и съ каплями крови на лбу. Дерзко хвалится она своимъ дѣломъ, какъ она послѣ купанья закутала своего супруга въ широкія одежды и убила его. Убійца ея дочери пожалъ, что посѣялъ. Но угрозы хора пробуждаютъ въ ней предчувствіе того, что демонъ дома, которому она теперь хотѣла бы приписать свою вину, не пощадитъ и ее.

„Кровь за кровь взыщи!—вотъ девизъ „Хоэфоръ“. У могилы отца мы находимъ Ореста, который возвратился на родину со своимъ другомъ Пиладомъ, какъ мститель за отца по повелѣнію Аполлона. Туда же приходитъ Электра со своими прислужницами, чтобы принести „Хоэфоры“.

заупокойныя возліянія отъ имени Клитемнестры, напуганной сновидѣніемъ. Она находитъ посвященную братомъ прядь волосъ, узнаетъ его слѣды и, наконецъ, видитъ и его самого. Но его душа возмущается предстоящимъ жестокимъ дѣломъ. Только когда Электра описываетъ ему безславную кончину Агамемнона и свое собственное униженіе, его рѣшимость крѣпнетъ, и отецъ въ могилѣ слышитъ ихъ клятвенное обѣщаніе отмстить за него. Какъ Клитемнестра хитростью заманила супруга въ свои сѣти, такъ и сама она погибаетъ отъ хитрости. Съ помощью вымышленнаго извѣстія о смерти Ореста, мстители получаютъ доступъ къ царицѣ. Эгиѳъ падаетъ подъ ихъ ударами; Клитемнестра посылаетъ сначала за своей старой сѣкирой, потомъ просьбами и угрозами старается растрогать нѣсколько смягченное сердце своего сына; но дѣло должно совершиться по повелѣнію боговъ. Громко ликуетъ хоръ по поводу совершившагося возмездія; но разумъ Ореста начинаетъ мутиться. Его душѣ являются духи-мстители, и онъ убѣгаетъ отъ нихъ. Когда же кончится древнее проклятіе?

„Евмениды“

Отвѣтъ на этотъ вопросъ старается дать Эсхилъ въ „Евменидахъ“. Эриніи, подстрекаемыя духомъ Клитемнестры, преслѣдовали убійцу, какъ гончія собаки, вплоть до Дельфійскаго святилища; внѣшнее искупленіе не могло прогнать ихъ. Теперь Аполлонъ посылаетъ убійцу въ Аѳины и прогоняетъ изъ своего свѣтлаго кругозора мрачные образы ночи. Но они снова окружаютъ убійцу, который обнимаетъ передъ храмомъ въ аѳинскомъ кремлѣ древнее изображеніе Паллады. Страшно звучитъ ихъ „сковывающій гимнъ“, но Аѳина приближается къ нему съ помощью. Призванная въ качествѣ судьи, она передаетъ рѣшеніе назначенному по ея волѣ судилищу изъ гражданъ. Аполлонъ самъ защищаетъ своего просителя противъ свирѣпыхъ обвинительницъ. При голосованіи, Аѳина кладетъ одинъ бѣлый камень въ урну, и Орестъ оправданъ при равномъ числѣ прочихъ голосовъ. Пожеланія и благословенія, съ которыми онъ уходитъ изъ Аѳинъ, смѣняются страстными проклятіями хора. Но Аѳинѣ удается просьбами и обѣщаніями смягчить его и превратить ужасныхъ эриній въ „благосклонныхъ“ евминидъ. Въ торжественной процессіи сопровождаютъ ихъ къ пещерѣ въ скалѣ ареопага, гдѣ онѣ отнынѣ должны жить въ большой чести ко благу всего города.

Впечатлѣніе отъ этихъ трехъ пьесъ получается различное. „Агамемнонъ“ остается одной изъ самыхъ мощныхъ трагедій всѣхъ временъ. Образъ Клитемнестры выдается изъ всего, созданнаго Эсхиломъ. Напрасно ссылается она на проклятіе, тяготѣвшее надъ ихъ домомъ; она наказывается только за то, что она сдѣлала по своему свободному рѣшенію. Только Шекспиръ создавалъ впослѣдствіи такіе демоническіе характеры. Въ „Хоэфорахъ“ подробно описанное сближеніе брата и сестры даетъ желанное успокоеніе зрителю, пока судьба не развертывается дальше. Только потому, что Орестъ совершаетъ свое дѣло, побуждаемый къ этому высшею силою, становится очевидной его необходимость. Несмотря на это, оно остается ужаснымъ преступленіемъ. Заслуга Эсхила заключается въ томъ, что онъ серьезно искалъ выхода изъ этой дилеммы, разрѣшеніе которой и насъ не удовлетворяетъ; онъ самъ испытываетъ то же неудовлетвореніе, что намъ доказываетъ равное число голосовъ при рѣшеніи дѣла Ореста. Теперь мы уже не можемъ вполнѣ перечувствовать радости аѳинянъ по поводу возвеличенія

ихъ ареопага, этого предмета многихъ раздоровъ (ср. стр. 254), и ихъ культа евменидъ, глубочайшій смыслъ котораго раскрываетъ Эсхилъ; еще менѣе понимаемъ мы точку зрѣнія эриній, которыя преслѣдуютъ не Клитемнестру, а только Ореста за то, что онъ пролилъ родную кровь, или хитроумныя соображенія, приводимыя Аполлономъ и Аѳиной въ спорѣ. И можетъ ли внѣшнее оправданіе, почти равносильное помилованію, дѣйствительно снять проклятіе съ души Ореста? Эсхилъ позаботился о томъ, чтобы мы не касались этого вопроса. Ибо Орестъ—только орудіе божества; нравственныя же силы, которыя вовлекли его въ непоправимый конфликтъ съ домомъ, борются между собою, воплощенныя въ живыхъ образахъ. Такимъ образомъ, изъ отдѣльнаго событія выростаетъ принципіальный споръ между старыми и новыми богами, т.-е. между нравственными воззрѣніями прошлаго и настоящаго. Это характерная черта, рѣзко замѣтная во всей трагедіи и находящая себѣ мощное выраженіе въ дикихъ пѣсняхъ евменидъ [1]).

Прометей.

Въ борьбу божественныхъ силъ между собою и съ человѣческимъ духомъ еще глубже вводитъ насъ трилогія „Прометей", изъ которой для насъ сохранился только „Скованный Прометей". Прометей, благодѣтель человѣчества, по повелѣнію Зевса, прикованъ къ скалѣ въ странѣ скиѳовъ сострадательнымъ Гефестомъ и его грубыми товарищами. Онъ жалуется быстрокрылымъ вѣтрамъ и шумнымъ морскимъ волнамъ на то, что онъ, самъ богъ, долженъ такъ терпѣть отъ новаго властителя вселенной на Олимпѣ, несмотря на то, что онъ же помогъ ему одержать побѣду,—терпѣть за то, что онъ, противъ его воли, даровалъ людямъ достойное человѣка существованіе. Къ нему приближаются съ утѣшеніемъ хоръ океанидъ и съ увѣщаніями самъ старый Океанъ. Но титанъ и въ цѣпяхъ противится повелителю неба: онъ знаетъ тайну рокового шага, которымъ Зевсъ вновь погубитъ свое владычество, если Прометей не предупредитъ его. Онъ знаетъ, что, послѣ невыразимыхъ мукъ, его впослѣдствіи освободитъ Гераклъ. Онъ сообщаетъ объ этомъ несчастной Іо, которая, будучи, подобно ему, жертвой прихоти Зевса, въ своихъ странствованіяхъ доходитъ до уединеннаго мѣста его изгнанія. Напрасно Гермесъ, посланный Зевсомъ, требуетъ раскрытія тайны съ ужасными угрозами; Прометей упорствуетъ, и Зевсу остается только немедленно привести ихъ въ исполненіе. Среди грома и молній, скала съ Прометеемъ низвергается въ бездну.—Странное впечатлѣніе производитъ здѣсь насильническій характеръ владычества новыхъ боговъ. Зевсъ, который въ „Семи" олицетворяетъ мудрое и справедливое управленіе міромъ, является здѣсь неблагодарнымъ тираномъ. Объясненіе даетъ „освобожденный Прометей", о которомъ мы имѣемъ приблизительное понятіе по сохранившимся многочисленнымъ отрывкамъ. Тысячелѣтнія муки не сломили упорства Прометея, но Зевсъ сталъ другимъ. Онъ развязалъ путы другимъ титанамъ и требуетъ теперь совѣта отъ Прометея. Своей волей обѣтованный потомокъ Іо убиваетъ орла, который терзаетъ Прометея, и разбиваетъ его оковы. Освобожденный Прометей приподнимаетъ завѣсу судьбы и обѣщаетъ Зевсу неприкосно-

1) Характеристика «Орестеи» довольно односторонняя. Ср. статьи И. Ѳ. Анненскаго «Миѳъ объ Орестѣ» («Ж. Мин. Н. Пр.» 1900), и Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, «Идея оправданія «(Изъ жизни идей», т. I).

венность его трона.—Эсхилъ смѣло приступилъ къ глубочайшимъ проблемамъ и достойно разрѣшилъ ихъ: эти проблемы—борьба міровыхъ силъ между собою и упорное возмущеніе человѣческаго духа противъ боговъ. Прометей соединяетъ въ себѣ черты Фауста, борющагося за высшее начало, и Христа, страдающаго за созданныхъ имъ людей; среди поэтическихъ образовъ, олицетворяющихъ высшее стремленіе и все естество человѣка, онъ всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Потому-то поэты и художники всегда пытались возсоздавать это твореніе Эсхила.

Характеристика. Черта титаническаго величія, глубокая нравственная и религіозная серьезность, мощная воля и способность къ выполненію ея—придаютъ личности Эсхила особенную возвышенность. Въ сильныхъ контурахъ ставитъ онъ передъ нами образы съ крупными чертами, мужественные и сильные, какъ онъ самъ; индивидуализирующую мелочную работу онъ рѣдко находитъ умѣстною. Свои драмы онъ строитъ изъ большихъ отдѣльныхъ частей. Онъ ведетъ главное дѣйствіе къ концу по прямой линіи, безъ сложной путаницы, безъ завязки или интриги, почему это дѣйствіе иногда затягивается въ самой серединѣ. Красота его заключается въ сильномъ размахѣ цѣлаго, въ полныхъ силы характерахъ, въ глубокихъ мысляхъ и истинахъ, которыя авторъ заставляетъ проникать въ сердца слушателей, благодаря чудесному разнообразію языка и ритма. Съ самаго начала старается онъ подчинить зрителей своему очарованію, зажигая и въ нихъ діонисическое воодушевленіе, которое горитъ въ немъ самомъ. Своихъ героевъ, полныхъ достоинства, онъ выставляетъ на сценѣ въ торжественномъ великолѣпіи и рѣшается вывести и безсмертныхъ боговъ говорящими и дѣйствующими. Мало того, съ очевиднымъ намѣреніемъ изображаетъ онъ все самое причудливое и чудовищное и не боится вызывать чудовищъ до-историческихъ временъ въ видѣ эриній или форкидъ или выводить на сцену Іо съ коровьими и Актеона съ оленьими рогами. Но это уже не древніе образцы изъ сагъ; поэтъ вдыхаетъ въ нихъ новую жизнь, изслѣдуя мыслью ихъ сущность или влагая имъ въ уста то, что онъ самъ хочетъ сказать своему народу, чтобы сохранить ему самыя священныя блага. Высочайшее представленіе о человѣческомъ достоинствѣ, до котораго возвысился эллинскій народъ, налагаетъ также и на личность большую отвѣтственность. Если человѣкъ не обладаетъ гордостью Ксеркса или упорствомъ Капанея, чтобы преодолѣвать поставленныя ему преграды, то онъ уже не является безвольной игрушкой въ рукахъ судьбы: ибо надъ всей земной суетой царитъ карающее и награждающее правосудіе Зевса, который самъ еще только долженъ былъ научиться выступать защитникомъ нравственнаго міропорядка.

Языкъ. Сила и смѣлость языка Эсхила сдѣлали его творцомъ высоко-трагическаго стиля. Но простыхъ смертныхъ заставляетъ онъ говорить

простымъ языкомъ, иногда даже съ грубовато-юмористическимъ оттѣнкомъ. Въ другихъ же случаяхъ выступаетъ онъ на высокомъ котурнѣ во всемъ великолѣпіи и полнотѣ выраженія. Какъ Пиндаръ (ср. стр. 460). онъ охотно избѣгаетъ заѣзженныхъ путей; подобно ему, и онъ нагромождаетъ для достиженія извѣстной цѣли (напр., чтобы изобразить страхъ Данаидъ) безбоязненно слова и образы. Потому-то поколѣнію зрителей театра, находившемуся подъ вліяніемъ Еврипида, онъ казался уже устарѣвшимъ, неестественнымъ и высокопарнымъ, когда онъ „съ трагической напыщенностью нагромождалъ одно на другое выспреннія слова“ (Аристофанъ); однако, у него не было никакой внѣшней мишуры, ибо „великія мысли требуютъ и великихъ словъ“. Не менѣе также требовали они и великихъ образовъ, которые онъ рисовалъ съ увѣренностью остраго наблюдателя. Такъ, въ „Семи вождяхъ“ онъ развиваетъ, какъ отечество, подобно матери и кормилицѣ, воспитываетъ своихъ дѣтей. Клитемнестра у него—львица, раздѣляющая ложе съ трусливымъ волкомъ. Птенцы орла, Орестъ и Электра, жалуются на то, что орелъ задушенъ кольцами коварной змѣи. Какъ воронъ надъ мертвечиной, каркаетъ демонъ проклятія свою торжествующую пѣснь.

Эсхилъ стоитъ передъ нами цѣльной, вполнѣ законченной фигурой, почти подавляющей своимъ величіемъ; его можно сравнить только съ Микеланджело, подобно тому, какъ Софокла сравниваютъ съ Рафаэлемъ: несомнѣнно, онъ величайшій поэтъ между трагиками, такъ какъ онъ проложилъ путь къ правильному развитію трагедіи. Конечно, было труднѣе довести трагедію до такой высоты послѣ Фриниха, чѣмъ усовершенствовать ее послѣ Эсхила.

Софоклъ (496—406), сынъ зажиточнаго промышленника изъ Колона, можетъ по справедливости быть названъ баловнемъ счастья. Его богатыя способности получили прекрасное развитіе, благодаря тщательному воспитанію тѣла и духа. Съ глубокимъ благочестіемъ, кроткою мудростью и высокимъ поэтическимъ чувствомъ онъ соединялъ покоряющую сердца ласковость въ обращеніи и умѣренную веселость въ радостяхъ пиршествъ и любви, которой онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ чуждъ. Еще юношей, въ началѣ своей сознательной жизни, онъ пережилъ самую блестящую побѣду Аѳинъ: послѣ битвы при Саламинѣ, онъ былъ избранъ вести побѣдный хороводъ юношей. Уже будучи мужемъ, онъ находился въ блестящемъ кругу аттическихъ государственныхъ дѣятелей, въ живомъ общеніи съ замѣчательными людьми, которыхъ Аѳины тогда частью выдвинули, а частью привлекли къ себѣ. Онъ былъ товарищемъ Перикла даже по должности полководца, причемъ онъ, правда, долженъ былъ слышать отъ него, что въ поэзіи онъ знатокъ, но не въ стратегіи. Узы дружбы связывали его съ очень близко стоявшимъ

Софоклъ.

342. СОФОКЛЪ.

МРАМОРНАЯ СТАТУЯ ИЗЪ ТЕРРАЦИНЫ ВЪ РИМѢ.

Съ фотографіи.

Вѣроятно, копія одной изъ статуй, которыя аттическій авторъ Ликургъ воздвигнулъ между 350 и 330 годами, въ честь трехъ великихъ трагиковъ въ театрѣ Діониса.

къ нему Геродотомъ. Никогда не было у него желанія искать лавровъ на чужбинѣ. Даже бѣдствія пелопоннесской войны не могли смутить мира его души, посвященной музамъ, и милостивая судьба унесла девяностолѣтняго старца раньше, чѣмъ послѣднее испытаніе было послано его родинѣ. Такъ стоитъ онъ передъ нами въ своемъ мраморномъ образѣ (рис. 342), какъ и въ своихъ твореніяхъ, достойнымъ представителемъ аѳинскаго міра того великаго времени, воплощеніемъ аттической гармоніи.

Техника.

Софоклъ былъ писателемъ, способнымъ придать трагедіи законченность, которой она не могла получить отъ бурнаго Эсхила. Уже при первомъ выступленіи на литературное поприще въ 468 году онъ одержалъ побѣду надъ своимъ учителемъ. Потомъ онъ царствовалъ на сценѣ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, сначала какъ свободный отъ зависти соперникъ Эсхила, а потомъ под-

визаясь съ успѣхомъ на ряду съ Еврипидомъ, внесшимъ въ творчество столько новаго. Введеніе на сцену третьяго актера имѣло много послѣдствій: дѣйствіе сдѣлалось богаче и сложнѣе, а хоръ отступилъ на задній планъ. Вотъ почему Софоклъ могъ оставить форму трилогіи, такъ какъ ему и отдѣльная драма давала достаточный просторъ для выработки законченнаго дѣйствія и полныхъ жизни характеровъ. Онъ самъ охарактеризовалъ свое развитіе замѣчательнымъ изреченіемъ: сначала подражаніе Эсхилу, потомъ выработка собственнаго творчества, сначала не безъ рѣзкости и искусственности, а потомъ все ближе къ прекрасной жизненной правдѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ болѣе подробно прослѣдить ходъ развитія поэта, потому что о времени представленія уцѣлѣвшихъ пьесъ—только 7 изъ 120—слишкомъ мало сохранилось достовѣрныхъ свѣдѣній.

Въ настоящее время слава Софокла основывается, главнымъ образомъ, на трехъ трагедіяхъ, въ которыхъ онъ придалъ окончательную форму ѳиванской сагѣ. Хотя онѣ и очень близки по содержанію, все же онѣ не составляютъ трилогіи: заключительная пьеса, „Антигона“, была представлена въ 442 году, „Царь Эдипъ“ около 427, а „Эдипъ въ Колонѣ“ считался какъ бы послѣднимъ словомъ поэта.—Эдипъ, сынъ ѳиванскаго царя Лаія, былъ еще младенцемъ удаленъ изъ дома своими родителями изъ опасенія, чтобы онъ, согласно оракулу, не сдѣлался убійцей своего отца, и выросъ, считаясь сыномъ царя коринѳскаго. Стремясь избѣгнуть исполненія ужаснаго оракула, полученнаго имъ въ Дельфахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, убилъ своего неузнаннаго отца на перекресткѣ трехъ дорогъ и, освободивъ Ѳивы отъ сфинкса, женился на овдовѣвшей Іокастѣ, своей неузнанной матери. Раскрытіе этихъ ужасовъ и составляетъ сюжетъ трагедіи „Царь Эдипъ“. Когда чума опустошаетъ Ѳивы, дельфійскій Аполлонъ требуетъ изгнанія убійцы Лаія. Съ отеческой заботливостью о странѣ, царь употребляетъ всѣ мѣры, чтобы раскрыть тайну этого стариннаго преступленія. Слѣпого прорицателя Тиресія, который, зная правду, отказываетъ въ своемъ содѣйствіи, онъ раздражаетъ неосновательными подозрѣніями и позорящими упреками, такъ что онъ ему наполовину выдаетъ ужасную связь событій, говоря все болѣе и болѣе ясными словами, причемъ раздраженный царь все-таки не обращаетъ на него никакого вниманія. Только вмѣшательство Іокасты удерживаетъ его отъ казни своего шурина Креонта, въ которомъ онъ видитъ главнаго заговорщика, пытающагося объявить его самого убійцей Лаія. Все же несчастное упоминаніе Іокасты о перепутьи пробуждаетъ въ его душѣ мысль, что слова прорицателя могли оказаться правдой. Ему остается только слабая надежда, основанная на свидѣтельствѣ единственнаго оставшагося въ живыхъ очевидца. Между тѣмъ изъ Коринѳа приходитъ вѣсть о смерти его мнимаго отца Полиба. Но гонецъ оказывается тѣмъ самымъ пастухомъ, который когда-то получилъ дитя отъ пастуха Лаія—именно того старика-свидѣтеля, прибытія котораго Эдипъ такъ страстно ожидаетъ. Іокаста теперь уже все знаетъ; не будучи въ состояніи удержать Эдипа отъ дальнѣйшихъ разслѣдованій, она умираетъ, не сказавши ни слова. Наконецъ, появляется старый слуга; въ стремительно быстромъ рядѣ вопросовъ и отвѣтовъ разражается, какъ молнія, долго за-

Сочиненія.

„Царь Эдипъ“

державшаяся развязка. Царь самъ себя ослѣпляетъ, въ знакъ того, что онъ былъ слѣпъ по отношенію къ судьбѣ, и только благородное поведеніе Креонта и грустное утѣшеніе уничтоженнаго царя въ объятіяхъ дочерей проливаютъ слабый лучъ свѣта на мрачную картину.

Основная мысль столь многихъ трагедій, что человѣческая мудрость и геройская доблесть—ничто, въ сравненіи съ волей боговъ, нигдѣ не разработана такъ сильно, какъ здѣсь. Передъ этой безпощадной правдой человѣку остается только смиренно преклониться. Въ этомъ смыслѣ, но только въ этомъ, Эдипъ—трагедія рока и даже типъ таковой. Ея дѣйствіе на зрителей поэтъ самъ уничтожилъ бы, если бы считалъ своего героя особенно виновнымъ въ томъ старинномъ преступленіи. Иначе обстоитъ дѣло въ самой драмѣ: сильно повышенное самосознаніе Эдипа, страстное усердіе, съ которымъ онъ запутываетъ нити преступленія, вмѣсто того, чтобы ихъ распутать, неудержимая подозрительность въ отношеніи другихъ и проявляемая въ ней упрямая настойчивость—все это пробуждаетъ въ зрителѣ представленіе, что, по крайней мѣрѣ, обнаруженіе его вины было имъ заслужено. И такъ должно было быть, потому что было бы совсѣмъ невыносимо видѣть, какъ все это бѣдствіе обрушивается на безупречно образцоваго человѣка. Также и въ планѣ дѣйствія обнаруживается высокая мудрость поэта. Отъ тонко отшлифованныхъ камней, изъ которыхъ построено цѣлое, нельзя отнять даже самаго маленькаго. Оба главные вопроса, подъ конецъ разрѣшающіеся мгновенно, неразрывно другъ съ другомъ сплетены. Два раза слово, сказанное для успокоенія царя, вырываетъ его изъ его гордой увѣренности. Медленно, но неумолимо приближается катастрофа, такъ что зритель испытываетъ почти чувство освобожденія, когда произнесено послѣднее уничтожающее слово. При этомъ цѣлое проникнуто острой трагической ироніей. Такимъ образомъ, и на нашей сценѣ Эдипъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Главная мысль его остается та же, теперь какъ и прежде; только обоснованіе завязки зловѣщимъ оракуломъ, ввергающимъ героя въ погибель именно тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ избѣжать ея,—чуждо современному пониманію.

„Эдипъ въ Колонѣ“.

Позже Софоклъ самъ почувствовалъ, что эта страшная дисгармонія нуждается въ примиряющемъ заключеніи. Потому-то онъ и сочинилъ „Эдипа въ Колонѣ“. Аттическая культовая легенда дала только поводъ для завязки новой трагедіи; все же остальное дѣйствіе — плодъ свободной фантазіи художника. Долгая покаянная жизнь очистила душу Эдипа: любящая и вѣрная Антигона ведетъ его въ рощу Евменидъ, гдѣ онъ находитъ покой и сильную защиту въ лицѣ благороднаго Ѳесея. Но еще болѣе! Его усталое тѣло—„тѣнь несчастнаго Эдипа“—должно сдѣлаться благословеніемъ для земли, которая его пріютитъ, и потому двѣ страны спорятъ за обладаніе сѣдымъ старцемъ, одно имя котораго наполняло ужасомъ хоръ честныхъ поселянъ. Съ неослабѣвшей силой отталкиваетъ онъ неблагодарнаго Креонта, который старается залучить его сначала убѣжденіемъ, а потомъ силою въ свою родину, но и его блудный сынъ Полиникъ, который старается вымолить его благословеніе для враговъ Ѳивъ, уходитъ отъ него, проклятый имъ. Громъ Зевса возвѣщаетъ ему его кончину, и онъ таинственно исчезаетъ въ преисподнюю.— Ни одинъ герой трагедіи не былъ такъ внезапно сверженъ съ высоты, какъ Эдипъ, но ни одинъ и не достигъ такого возвеличенія, какъ онъ. Съ внѣшней стороны оба произведенія представляютъ рѣзкую противо-

положность: въ первомъ—безпрерывное дѣйствіе, во второмъ—только настроеніе и просвѣтленный покой, несмотря на многія совершающіяся событія. При этомъ „Эдипъ въ Колонѣ“ весь, а не только чудная пѣснь поэта въ честь родного, богами излюбленнаго села,—хвалебный гимнъ Аѳинамъ, не пристрастный, какъ у Еврипида въ „Просительницахъ“, не связанный съ однимъ только учрежденіемъ, какъ въ „Евменидахъ“ Эсхила, но цѣльный и скромный, говорящій сердцу до сихъ поръ съ неуменьшенною теплотою. Поистинѣ, ни одно изъ сочиненій поэта мы не сочли бы охотнѣе за его послѣднее произведеніе.

Въ „Антигонѣ“ изображается, какъ Ата, божество несчастія, нагромождая страданія живыхъ на страданія умершихъ, сметаетъ съ земли послѣдній отпрыскъ Эдипа. Борьба изъ-за Ѳивъ, яркими красками описанная въ побѣдной пѣснѣ старцевъ, закончена; враждующіе братья убили другъ друга (ср. стр. 473), и Креонтъ, новый правитель города, запрещаетъ подъ страхомъ смерти погребеніе Полиника. Но прежде чѣмъ онъ торжественно объявилъ это приказаніе, сестра убитаго Антигона рѣшилась исполнить благочестивый долгъ, хотя другая сестра, робкая Исмена, отказалась ей въ томъ помочь. И вотъ боязливо приближается стражъ, сообщающій о неслыханномъ дѣлѣ. Его исполнительница не хочетъ и не можетъ скрываться. Когда ее приводятъ къ Креонту, она безстрашно ссылается на вѣчные, хотя и неписанные законы боговъ, стоящіе выше всякихъ человѣческихъ постановленій. Она ожидаетъ смерти съ твердостью, почти съ радостью; даже Исмена хочетъ теперь раздѣлить съ сестрою ея судьбу. Гемонъ сынъ Креонта и женихъ ея, является ея горячимъ защитникомъ. Но онъ проситъ за свою невѣсту не какъ женихъ: онъ доказываетъ отцу, что, по убѣжденію всего народа, дѣва скорѣе заслужила почетный золотой вѣнокъ, чѣмъ смерть. Тщетно; Антигона осуждена, она должна быть погребена живою. Она горько жалуется передъ смертью, что она такъ рано должна быть исключена изъ числа живыхъ, но утѣшается тѣмъ, что въ Аидѣ ее дружелюбно встрѣтятъ ея милые, за которыхъ она пострадала. Она призываетъ въ свидѣтели отечественныхъ боговъ и родной городъ: „Антигона“

> Видите, сколько я стражду, и кто мой мучитель!
> Грѣхъ же мой въ томъ, что священное свято я чтила.

Креонтъ остается непоколебимымъ; даже настойчивое предостереженіе Тиресія вызываетъ съ его стороны лишь кощунство. Только, когда Тиресій объявляетъ ему о наказаніи боговъ (которое именно потому и неотвратимо), его упорство уступаетъ мѣсто полной покорности. Но уже поздно. Антигона сама лишила себя жизни въ склепѣ, чтобы избѣгнуть медленной смерти, а Гемонъ пронзаетъ себя самъ надъ ея трупомъ на глазахъ отца. Отчаяніе доводитъ его мать до смерти, и Креонтъ остается одинъ „живымъ мертвецомъ“, изнывая отъ горя и раскаянія.

„Антигона“, по праву, считается лучшимъ произведеніемъ Софокла. Она непосредственнѣе, чѣмъ „царь Эдипъ“, говоритъ нашему сердцу. Здѣсь поэтъ, доказывая безчеловѣчность жестокаго обычая старины, во имя свѣта высшей нравственности, возводитъ отдѣльный случай въ первообразъ борьбы между божескимъ и человѣческимъ правомъ, въ другихъ формахъ повторявшейся во всѣ времена. Вопросъ о виновности, вызывавшій много споровъ, поставленъ такъ же, какъ и въ „Эдипѣ“. Поступокъ

Антигоны кажется намъ (можетъ-быть, даже больше, чѣмъ грекамъ) совершенно безупречнымъ. Но опрометчивость, съ которой она его совершаетъ, не дѣлая даже попытки повліять сначала добромъ на Креонта, и рѣзкость, съ какой она его защищаетъ,—заранѣе исключаютъ возможность всякаго соглашенія. Несмотря на это, Антигону украшаетъ истинная женственность; это доказываетъ перемѣна ея настроенія передъ смертью (вспомнимъ гетевскаго Эгмонта въ тюрьмѣ). И изъ тѣхъ же самыхъ устъ, которыя такъ упрямо роптали противъ Креонта, исходитъ одно изъ прекраснѣйшихъ словъ, которыя поэтъ когда-либо влагалъ въ уста женщины: „не ненависть—любовь дѣлить я рождена". Припомнимъ также и другіе характеры: кроткую Исмену, жестокаго дебютанта во власти Креонта, затѣмъ Гемона—этотъ первообразъ благороднаго юноши, и, наконецъ, добродушнаго, словоохотливаго стража.

„Аянтъ". Къ троянскому циклу сагъ принадлежатъ „Аянтъ", старѣйшая изъ сохранившихся пьесъ, и „Филоктетъ", представленный только въ 409 году. „Аянтъ"—трагедія оскорбленной чести, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, изображено, какъ божество сокрушаетъ безъ сожалѣнія даже самую высшую геройскую доблесть, если она переходитъ въ надменность. Аѳина внезапно лишаетъ разсудка могучаго Теламонида, который хотѣлъ отмстить за несправедливый судебный приговоръ въ спорѣ за доспѣхи (ср. стр. 200). Придя въ сознаніе, онъ думаетъ искупить свое мрачное дѣло добровольною смертью. Напрасны просьбы его соотечественниковъ, напрасны мольбы вѣрной рабы-любовницы Текмессы, просившей не покидать ее одну съ сыномъ. Кажущимся спокойствіемъ удается ему умѣрить ея страхъ, чтобы затѣмъ на морскомъ берегу въ уединеніи покончить съ собою, бросившись на свой мечъ. Послѣдующій споръ изъ-за погребенія трупа, который Атриды хотѣли бросить собакамъ, кажется намъ слишкомъ растянутымъ. Для аѳинянъ, благодаря неожиданному заступничеству Одиссея за убитаго противника, этотъ споръ представлялъ возстановленіе чести саламинскаго героя, а неосновательныя притязанія Менелая представляли для нихъ характеристику ихъ враговъ спартанцевъ (ср. стр. 235 сл.). Вначалѣ также намъ кажется чуждой суровая фигура Аѳины, которая безжалостно раскрываетъ Одиссею позоръ его соперника. Между этими сценами находятся сцены истинно-прекрасныя, особенно монологъ Аянта, въ которомъ онъ прощается съ троянскими полями и съ родной землей и умоляетъ Гелія задержать надъ Саламиномъ свою колесницу и сообщить его престарѣлымъ родителямъ о судьбѣ ихъ сына.

„Филоктетъ". Филоктетъ, нѣкогда безсердечно высаженный Одиссеемъ на Лемносѣ, велъ тамъ жизнь, полную горя и лишеній. Теперь, когда нужно было опять заполучить гнѣвающагося героя (ср. стр. 200), явилась къ Филоктету неравная чета, Одиссей и Неоптолемъ, чтобы увести его подъ Трою. Умно придуманною хитростью Неоптолемъ долженъ былъ вкрасться въ довѣріе озлобленнаго и овладѣть его смертоноснымъ оружіемъ. Трудно было убѣдить Неоптолема въ необходимости недостойной игры. Планъ удается. Но въ ту минуту, когда сѣть лжи затягивается, ее прорываетъ честность юноши. Онъ видѣлъ страданія несчастнаго, который подарилъ ему свое довѣріе, и отдаетъ ему его лукъ, который онъ уже держитъ въ рукѣ, вопреки протесту Одиссея. Когда его попытка подѣйствовать на Филоктета дружескимъ увѣщаніемъ

претерпѣла неудачу, онъ высказываетъ готовность, не заботясь о послѣдствіяхъ, возвратить его на родину, какъ онъ ему клялся. Тогда является къ другу самъ обоготворенный Гераклъ, какъ вѣстникъ рѣшенія боговъ, и обѣщаетъ страдальцу исцѣленіе и почетъ въ греческомъ лагерѣ. — Въ упорной настойчивости проявляется древнее героическое величіе; потому-то Филоктетъ и не можетъ исполнить просьбы Неоптолема, и въ заключеніе должна выступить на сцену божественная сила. Блистательно придуманъ контрастъ между коварнымъ Одиссеемъ и прямодушнымъ сыномъ Ахилла. Характеръ Неоптолема — собственное созданіе Софокла; ибо эпосъ придалъ Неоптолему только могучую силу, но не прирожденное благородство его отца. Съ участіемъ слѣдимъ мы здѣсь за внутреннимъ развитіемъ юноши-героя, который, колеблясь при исполненіи своихъ обязанностей, противорѣчащихъ одна другой, только на короткое время отвлекается отъ прямого пути. Можетъ-быть, поэтъ хотѣлъ доказать своимъ одичавшимъ въ долгой войнѣ соотечественникамъ, что прямота и честность достигаютъ бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ софистика, въ союзѣ съ грубой силой? Можетъ-быть, преувеличенныя надежды, которыя аѳиняне возлагали на возвращеніе Алкивіада для пользы отечества, направили вниманіе Софокла именно на Филоктета, который долженъ былъ помочь грекамъ завоевать Трою? Еще раньше Эсхилъ и Еврипидъ испытывали свои силы на Филоктетѣ. Правда, мы не можемъ, какъ риторъ Діонъ Златоустъ, 100 лѣтъ послѣ Р. Хр., читать этихъ трехъ „Филоктетовъ“ одинъ за другимъ; но мы убѣждаемся изъ его разсужденій, что драма Софокла ближе всѣхъ нашему чувству.

343. Филоктетъ, прохлаждающій свою рану. Камея Боэта. Ann. d. Inst. 29.

Только при разборѣ „Электры“ мы имѣемъ возможность судить о сравнительномъ достоинствѣ всѣхъ трехъ трагиковъ. Эсхилъ (стр. 473) въ „Хоэфорахъ“ дѣйствуетъ только силой событій. Софоклъ искалъ героя и признавалъ, что Орестъ не подходилъ для этой роли, какъ простое орудіе божества. Поэтому онъ выставляетъ на первый планъ Электру и показываетъ, какимъ разрушительнымъ и ожесточающимъ образомъ злодѣяніе Клитемнестры дѣйствуетъ на возвышенно-настроенную женскую душу. Ежедневно возобновляется въ ней горе по злодѣйски убитомъ отцѣ, ежедневно должна она выносить дурное обращеніе и поношеніе. Она не находитъ союзницы въ сестрѣ Хрисоѳемидѣ, которая, по женской слабости, склоняется передъ силой обстоятельствъ; ея единственная надежда—Орестъ, котораго она нѣкогда спасла, чтобы онъ впослѣдствіи сдѣлался мстителемъ за отца. Тѣмъ сильнѣе поражаетъ ее вѣсть о его смерти. Старый педагогъ разсказываетъ такъ живо о томъ, какъ несчастный случай при состязаніи колесницъ погубилъ молодую жизнь Ореста, что даже слушателямъ на минуту все это кажется правдой. Ея рѣшеніе самой отмстить Эгисѳу—непреклонно, даже когда Хрисоѳемида (которая, между тѣмъ, полная радостнаго предчувствія, находитъ прядь волосъ Ореста на могилѣ) называетъ ея намѣреніе безумнымъ. Только теперь является къ ней Орестъ, чтобы передать ей урну съ собственнымъ пепломъ; въ его присутствіи она произноситъ ему трогательную погребаль- „Электра“.

ную жалобу, которая превращается въ неудержимое ликованіе, когда онъ ей открывается. Послѣ этой сцены, равной которой нѣтъ по силѣ дѣйствія, само мщеніе, при которомъ непримиримая ненависть Электры еще разъ рѣзко проявляется, не можетъ произвести особенно сильнаго впечатлѣнія. Проблему раскаянія и искупленія Ореста поэтъ исключилъ вполнѣ, разрушивъ трилогическую связь. Интересно прослѣдить, какъ Софоклъ, слегка измѣнивши мотивы Эсхила, создаетъ нѣчто вполнѣ новое.—Другое дѣло—Электра Еврипида, который не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи скрытно или открыто критиковать своихъ предшественниковъ. Дѣйствіе у него происходитъ не передъ царскимъ дворцомъ въ Микенахъ, а передъ хижиною честнаго крестьянина, за котораго Электра должна была выйти. Въ ней самой нѣтъ и слѣда величія софокловскихъ характеровъ; она просто—боязливая и озлобленная женщина. Недостойно и то, что Клитемнестру заманиваютъ подъ предлогомъ, будто бы Электра родила мальчика. Такимъ образомъ, драма, при всемъ искусствѣ плана, производитъ непріятное впечатлѣніе.

„Трахинянки“. „Трахинянки“ представляютъ одну изъ немногихъ трагедій, посвященныхъ Гераклу, сага котораго вообще, несмотря на богатство лицъ, представляетъ мало заманчиваго для серьезной драматической обработки. Софоклъ овладѣлъ недоступнымъ сюжетомъ только благодаря тому, что онъ поставилъ въ центрѣ женскую фигуру. Деянира никогда не была вполнѣ счастлива со своимъ супругомъ; и теперь она тревожится по поводу его возвращенія. Посолъ, который объявляетъ ей о возвращеніи мужа, вводитъ къ ней въ домъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соперницу въ лицѣ плѣнной царской дочери. Отъ Деяниры далека низменная ревность, но и вполнѣ понятно ея желаніе обезпечить себѣ любовь Геракла волшебнымъ средствомъ, опасныя свойства котораго обстоятельства мѣшаютъ ей узнать своевременно. Какъ только она узнаетъ страшное дѣйствіе яда, она молча искупаетъ свое преступленіе добровольно избранною смертью. Только теперь появляется на сценѣ умирающій Гераклъ, муки котораго поэтъ такъ же подробно описываетъ, какъ и страданія Филоктета. Его жалобы и проклятія женѣ прекращаются, когда онъ сознаетъ предназначенную богами связь событій, и онъ покойно приказываетъ своему сыну воздвигнуть ему костеръ на горѣ Этѣ. Сравнительно съ Деянирой Гераклъ отступаетъ на заднiй планъ; даже не упоминается о предстоящемъ его апоѳеозѣ.

Изъ утраченныхъ драмъ Софокла только о немногихъ мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе; свои сюжеты онъ охотнѣе всего выбиралъ изъ эпическаго цикла (ср. стр. 197 сл.).

Искусство. Свое искусство Софоклъ самъ удачно охарактеризовалъ, когда онъ противопоставлялъ себя Эсхилу, который будто бы тоже схватывалъ суть, но самъ того не сознавая. Софоклъ создавалъ свои драмы съ полнымъ сознаніемъ, почти по твердымъ правиламъ, и онѣ часто являлись какъ бы заключительнымъ актомъ уже давно развивавшагося дѣйствія („Царь Эдипъ“). Дѣйствіе начинается тотчасъ же со сцены пролога, развивается въ рядѣ сценъ, изобилующихъ разными смѣнами лицъ и обстановки, и доводится безъ всякаго эпизода до высшей точки драматическаго интереса. Непосредственно передъ катастрофой, онъ часто позволяетъ блес-

нуть лучу надежды, и послѣ этого погибель разражается еще разрушительнѣе. И, кромѣ того, у него встрѣчаются опредѣленные художественные пріемы,—напримѣръ, безмолвное самоубійство рѣшившейся умереть женщины—пріемъ, примѣнявшійся имъ неоднократно и всегда умѣстно. Въ старости онъ многое охотно заимствовалъ у Еврипида. Заимствуя сюжетъ, онъ, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою поэтическую свободу. Восхитительно наблюдать, какъ онъ то обогащаетъ его какою-нибудь мелкою, но полною значенія для цѣлаго чертою, то преобразовываетъ его введеніемъ новыхъ лицъ или запутаннаго дѣйствія.

Характеры.

Въ характерахъ всего замѣтнѣе проявляется прогрессъ, достигнутый поэтомъ и его временемъ, сравнительно съ Эсхиломъ. Его свѣтлый взглядъ замѣчалъ всѣ подробности разнообразной и сложной человѣческой природы; такимъ образомъ, онъ описываетъ не боговъ и героевъ съ эсхиловской простотой, а живыхъ людей,—но только, по его собственнымъ словамъ, такими, какими они должны быть. По этому поводу невольно припоминается изрѣченіе Даннекера, относящееся къ фронтону Парѳенона: „они сдѣланы какъ бы съ натуры, и все-таки я никогда не имѣлъ счастья видѣть такую натуру“. Поведеніе героя, по большей части, вытекаетъ изъ рѣзкой односторонности его характера, которую Софоклъ охотно освѣщаетъ, пользуясь контрастами удачно придуманныхъ лицъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ Электрой и Антигоной выступаютъ ихъ женственно-слабыя, но все-таки представленныя симпатичными сестры, Хрисоѳемида и Исмена. Но поэтъ предусмотрительно заботится о томъ, чтобы эти рѣзкія черты были смягчены въ надлежащихъ мѣстахъ противоположными чертами. Суровый Аянтъ смягчается, когда онъ обнимаетъ своего маленькаго сына, Электра не можетъ сдержать своей радости при видѣ брата, котораго она считала умершимъ, а упрямая настойчивость Антигоны переходитъ въ чисто-женскія жалобы въ виду ея безвременной погибели.

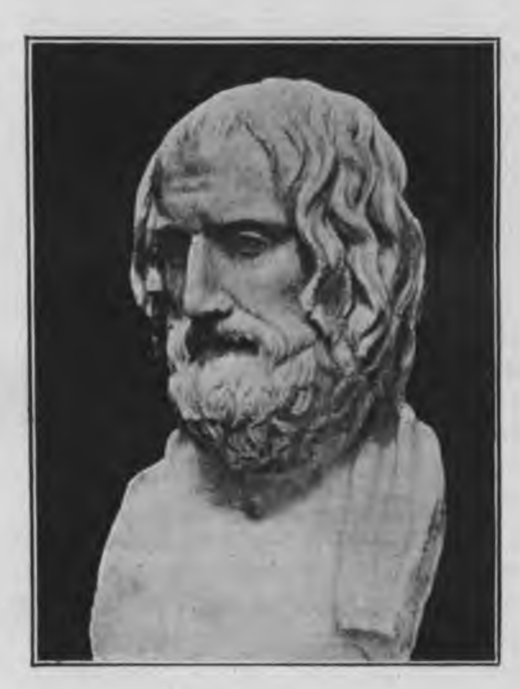
Хоры.

Прекраснымъ украшеніемъ сцены являются хоры. Хоръ болѣе уже не принимаетъ участія въ дѣйствіи; въ своихъ пѣсняхъ онъ старается быть посредникомъ между дѣйствующими лицами, причемъ онъ иногда обнаруживаетъ мало твердости, какъ, напр., въ „Антигонѣ“, тогда какъ въ „Царѣ Эдипѣ“ онъ остается до конца вѣрнымъ благодѣтелю своей страны. Только въ „Аянтѣ“ онъ играетъ нѣкоторую роль въ судьбѣ главнаго дѣйствующаго лица; иногда онъ даже чуждъ ему, но всегда слѣдитъ за его судьбою съ самымъ живымъ участіемъ. Такимъ образомъ, онъ становится идеальнымъ зрителемъ, и въ то же время поэтъ его устами направляетъ мысли настоящихъ зрителей на возвышенныя обобщенія, которыя сами собою вытекаютъ изъ дѣйствія и въ легкихъ для усвоенія пѣсняхъ содержатъ глубокія истины. Въ цѣломъ, по содержанію и формѣ, эти пѣсни хора представляютъ послѣднее законченное произве-

деніе греческой лирики, въ области которой, насколько мы съ ней знакомы, онѣ, по бо́льшей части, и вращаются.

Языкъ.

Языкъ Софокла отличается своеобразной гармонической красотой. Онъ представляетъ золотую середину между изысканною вычурностью и плоскою обыденностью выраженій; къ этому присоединяется тщательное соблюденіе оттѣнковъ характера и настроенія дѣйствующихъ лицъ. Какъ разъ тѣ самыя мѣста, которыя долго считали испорченными, обнаруживаютъ, если къ нимъ внимательнѣе присмотрѣться, изящный оборотъ или тонко выраженную мысль.

344. Еврипидъ.
Мраморный бюстъ въ Неаполѣ.
Съ фотографіи.

Еврипидъ.

Еврипидъ (480—406), котораго такъ много превозносили и такъ много осуждали, получилъ справедливую оцѣнку только въ послѣднія десятилѣтія, доказавшія намъ, какъ трудно смѣлому новатору бороться съ собою и со своей публикой. Въ его чертахъ нѣтъ и слѣда мудрой увѣренности и гармоничнаго спокойствія Софокла; мы видимъ лицо одиноко ищущаго правды мыслителя. Рожденный въ годъ Саламинской битвы, онъ не сохранилъ личныхъ воспоминаній о великомъ времени, которое возвысило Софокла надъ печальнымъ настоящимъ. Упадокъ, а не возвышеніе аѳинскаго государства дали направленіе его мышленію и его поэзіи. Къ внѣшнимъ неурядицамъ присоединился расколъ среди выдающихся умовъ того времени, вслѣдствіе чего проложило себѣ путь новое міровоззрѣніе. Софистика и риторика нашли въ Аѳинахъ ожесточенныхъ противниковъ и усердныхъ почитателей, и этой борьбой былъ надолго увлеченъ Еврипидъ, какъ провозвѣстникъ новаго ученія и какъ философъ сцены. Съ представителями новаго ученія, съ Протагоромъ и Продикомъ, такъ же какъ и съ наиболѣе старымъ изъ нихъ, Анаксагоромъ, онъ находился въ личныхъ отношеніяхъ, съ другими же мудрецами и поэтами онъ познакомился въ тишинѣ своего кабинета, въ которомъ онъ, впервые въ Аѳинахъ, составилъ первоклассную библіотеку. Тамъ ему

было пріятнѣе, чѣмъ въ обществѣ, отъ котораго онъ сторонился. Но, тѣмъ не менѣе, онъ зорко слѣдилъ за умственною жизнью и за дѣятельностью своихъ современниковъ и изображалъ въ своихъ драмахъ все, что онъ изслѣдовалъ и обдумывалъ. Онъ посвятилъ сценѣ всю свою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на нее двадцатипятилѣтнимъ въ годъ смерти Эсхила. Но ему стоило большихъ трудовъ заслужить благосклонность аѳинянъ. Только четырнадцать лѣтъ спустя получилъ онъ первую награду. Онъ умеръ незадолго до смерти Софокла, при дворѣ македонскаго царя Архелая, приглашеніе котораго онъ принялъ, потому что жизнь въ родномъ городѣ ему сдѣлалась невыносимой.

Изъ 92 драмъ, которыя ему приписывались, сохранилось 19, между ними—сатирическая пьеса „Киклопъ“, въ которой проявился его незначительный юмористическій талантъ,—сверхъ того, большое число довольно крупныхъ отрывковъ, дающихъ возможность возстановить цѣлый рядъ потерянныхъ пьесъ въ ихъ главныхъ чертахъ и характерахъ. Сочиненія.

Отстутствіе юношеской драмы лишаетъ насъ возможности бросить взглядъ на развитіе поэта. „Алкеста“ относится уже къ 438 году и не представляетъ собою серьезной трагедіи, такъ какъ ее давали уже на четвертомъ мѣстѣ, вмѣсто сатирической пьесы. Отсюда странный контрастъ между глубоко-прочувствованными жалобами Адмета по поводу потери умершей ради него супруги и шумящимъ и бранящимся въ омраченномъ домѣ Геракломъ, который, впрочемъ, узнавъ, что случилось, смѣло отвоевываетъ у смерти ея добычу. Слѣдующія пьесы, „Медея“ (431) и „Ипполитъ“ (428), уже обнаруживаютъ высокое развитіе таланта Еврипида; въ обѣихъ пьесахъ ему удалось достичь наивысшаго предѣла творчества, созданія образовъ, пережившихъ вѣка и побуждавшихъ позднѣйшихъ поэтовъ (напр., Расина и Грильпарцера) къ воспроизведенію ихъ. „Алкеста“.

Медея, волшебница изъ варварской страны, изъ любви къ Ясону помогла ему добыть золотое руно и, бросивъ все, послѣдовала за нимъ въ Элладу. Онъ же—болѣе не герой, вождь аргонавтовъ, но эгоистичный, безхарактерный человѣкъ, измѣняющій женѣ и дѣтямъ, чтобы основать себѣ новый надежный очагъ женитьбой на дочери коринѳскаго царя; онъ осмѣливается даже хитроумно доказывать Медеѣ, что онъ не обязанъ ей никакой благодарностью, какъ орудію Афродиты, что онъ озабоченъ только благосостояніемъ ея и ея дѣтей, и что она обязана своимъ изгнаніемъ исключительно своему необузданному упрямству. Короткая отсрочка, данная ей непредусмотрительнымъ царемъ, доставляетъ ей возможность отмстить, а неожиданное появленіе Эгея обезпечиваетъ ей пристанище въ Аѳинахъ. Внѣшнею покорностью обманываетъ она своего супруга; онъ самъ сопровождаетъ дѣтей съ пагубными дарами къ своей невѣстѣ. Намѣренно преувеличенное изображеніе ея дурного характера уменьшаетъ наше состраданіе къ несчастной, ужасный конецъ которой очень наглядно описываетъ вѣстникъ. Но, чтобы Ясонъ остался совершенно одинокимъ, онъ долженъ лишиться также своихъ дѣтей—ея дѣтей, которымъ она предана всѣмъ сердцемъ. Итакъ, Медея становится дѣтоубійцей. Но она совершаетъ противоестественное дѣло не потому, что ею овладѣваетъ внезапно вспыхнувшая страсть. Еще съ самаго на- „Медея“.

чала, когда старая кормилица старается удалить дѣтей отъ задумавшей злое дѣло матери, идетъ черезъ всю драму борьба между безплоднымъ чувствомъ мести и постоянно возрождающимся вновь чувствомъ материнской любви (ср. рис. 345), пока, наконецъ, гнѣвъ на коварство Ясона и страхъ сдѣлаться посмѣшищемъ враговъ не убиваютъ въ ней всякое мягкое чувство. Неприступной и торжествующей является она на своей летучей колесницѣ своему убитому горемъ супругу.

345. Медея,
замышляющая убійство своихъ дѣтей.
Стѣнное изображеніе изъ Геркулана по картинѣ Тимомаха.
Съ фотографіи.
Глаза Медеи были устремлены на ея дѣтей (по найденной въ Помпеяхъ копіи картины), которыя, подъ надзоромъ педагога, беззаботно играютъ въ кости.

„Ипполитъ".

Въ „Ипполитѣ", на основаніи трезенской культовой легенды, представлена древняя исторія о томъ, какъ нераздѣленная преступная любовь превращается въ страстную мстительность. Такая любовь была извѣстна грекамъ изъ Гомера (Беллерофонтъ), какъ намъ изъ библіи (Іосифъ и жена Пентефрія). Еврипидъ еще ранѣе пытался ее изобразить; но безстыдство, съ которымъ Федра предлагала себя своему пасынку, возбудили общее негодованіе слушателей. Поэтому-то во второмъ Ипполитѣ Федра превратилась въ страдающую, любовную болѣзнь которой поэтъ описываетъ патологически вѣрно, съ увѣренностью опытнаго психіатра. Главная вина, какъ и всегда, падаетъ на боговъ: Афродита хочетъ погубить, какъ она сама объ этомъ объявляетъ въ прологѣ, цѣломудреннаго почитателя и товарища по охотѣ Артемиды, который ее презираетъ. Дѣло принимаетъ несчастный оборотъ вслѣдствіе неосторожности кормилицы, которая, въ нѣжной заботливости о своей госпожѣ, обрекшей себя на смерть, открываетъ тайну Ипполиту. Гнѣвный отказъ, который она получаетъ,— поэтъ съ большимъ тактомъ избѣжалъ разговора между обоими главными дѣйствующими лицами,—рѣшаетъ судьбу Федры. Она должна убить себя, чтобы сохранить внѣшнимъ образомъ свою честь и честь своихъ дѣтей, а у ея трупа возвратившійся Ѳесей находитъ ея письмо, которое обвиняетъ его сына въ совершенномъ ею преступленіи. Въ порывѣ перваго гнѣва, онъ предаетъ его неотвратимому суду Посидона, не обращая вниманія на за-

щиту Ипполита, который вѣрно держитъ свою клятву ничего не выдавать. Погибель настигаетъ несчастнаго на морскомъ берегу. Чудовищная волна прилива выкидываетъ на сушу морское животное, и испуганные кони разбиваютъ до смерти своего господина. Еврипидъ не избавилъ насъ отъ долгихъ жалобъ смертельно раненаго и все-таки нашелъ примиряющій заключительный аккордъ. Сама Артемида появляется, чтобы засвидѣтельствовать невиновность своего любимца, котораго она не могла спасти, и сынъ, умирая, прощаетъ своего отца, еще болѣе несчастнаго, чѣмъ онъ самъ.

Ифигенія

Третій женскій типъ Еврипида продолжаетъ жить въ благороднѣйшей драмѣ Гёте и всей нѣмецкой литературы: „Ифигеніи Таврической“ (раньше 412 г.). Еврипидъ самъ изобразилъ впослѣдствіи въ своей Ифигеніи Авлидской, какъ Артемида таинственно похитила дочь Агамемнона, добровольно шедшую на смерть (ср. стр. 198). Въ варварской странѣ, сдѣлавшись жрицею, она, по ея жестокому обычаю, должна была обрекать на смерть всѣхъ чужестранцевъ. Туда приходятъ Орестъ и Пиладъ, чтобы, похитивъ изображеніе Артемиды, тѣмъ избавиться отъ преслѣдованія эринній. Друзей изловили и привели къ жрицѣ, причемъ именно Оресту, смерть котораго ей, повидимому, предвѣщалъ сонъ, приготовляютъ торжественное погребеніе. Такъ какъ она узнаетъ въ нихъ микенцевъ, она рѣшается спасти хоть одного, чтобы съ нимъ послать вѣсть о себѣ на родину. Послѣ благороднаго спора между обоими друзьями, причемъ одинъ готовъ былъ уступить спасительную миссію другому, Пиладъ объявляетъ, что онъ согласенъ передать порученіе. Но первыя же слова письма, содержаніе котораго Ифигенія сообщаетъ посланному,—„это пишетъ вамъ та, которая принесена въ жертву въ Авлидѣ, Ифигенія; она жива, та, которую считали умершею“—, эти слова приводятъ къ раскрытію истины: Пиладъ передаетъ письмо удивленному и обрадованному Оресту, которому оно адресовано. Для своего спасенія, Ифигенія придумываетъ остроумную хитрость, которая легко удается при довѣрчивости варвара-царя. Подъ предлогомъ, что священное изображеніе, оскверненное прикосновеніемъ убійцы, должно быть очищено погруженіемъ въ море, она его несетъ, въ сопровожденіи узниковъ, къ бухтѣ, гдѣ тайно стоитъ корабль Ореста. Бѣгство, повидимому, удается, но вѣтеръ гонитъ корабль назадъ къ берегу, и они подпали бы мести Ѳоанта, если бы не Аѳина, которая оправдываетъ благочестивый обманъ жрицы и требуетъ кумира Артемиды для Аттики.—Эта

346. Ифигенія очищаетъ Ореста.

Сардониксъ во Флоренціи.
По Furtwängler, Gemmen.

Въ серединѣ Ифигенія сидитъ на тронѣ съ изображеніемъ Артемиды и очистительнымъ факеломъ. Налѣво сидитъ Орестъ съ копьемъ, направо стоитъ Пиладъ. На заднемъ планѣ—храмъ съ храмовой прислужницей (?).

драма полна захватывающаго интереса и внутренней правды, такъ что поэтъ легко могъ бы избѣжать, если бы захотѣлъ, появленія Dei ex machina въ концѣ пьесы. Но къ самой Ифигеніи мы не можемъ прилагать масштабъ величественнаго образа, который создалъ Гете. Между ними двумя лежитъ цѣлый міръ, и рѣдко приходится намъ испытывать такъ непосредственно, какъ здѣсь, контрастъ между древне-греческимъ и христіанскимъ міровоззрѣніями. И какъ намъ образъ дѣйствій греческой Ифигеніи кажется непонятнымъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и грекъ нашелъ бы благородство германской Ифигеніи неподобающимъ и даже нелѣпымъ.

Іонъ. Образчикомъ драмы съ болѣе сложнымъ содержаніемъ, которую Еврипидъ сочинилъ свободно во славу своего родного города, можетъ служить драма „Іонъ“ (написанная послѣ 421 года). Здѣсь поэтъ какъ бы узакониваетъ пришельца, втершагося въ аттическую царскую семью. По Еврипиду, Іонъ сынъ не чужестранца, Ксуѳа, и аѳинской царевны Креусы, но происходитъ отъ тайнаго брака ея съ Аполлономъ. Креуса удалила отъ себя свое дитя, но Аполлонъ спасъ его въ Дельфы, гдѣ онъ и выросъ въ святилищѣ, какъ собственность бога. Туда теперь приходятъ оба супруга, чтобы вопросить оракула о причинѣ своего бездѣтства. Еврипидъ, вѣроятно, написалъ эту пьесу въ хорошемъ настроеніи, потому что вступленіе производитъ почти идиллическое впечатлѣніе. Мы видимъ, какъ Іонъ весело управляется съ метлой изъ лавровъ, составляющей принадлежность его должности служителя при храмѣ, и какъ онъ прогоняетъ назойливыхъ птицъ; мы слышимъ его дѣтски серьезную болтовню съ его незнакомой ему матерью, въ которой видъ прекраснаго юноши вызываетъ горестныя воспоминанія,—и наивные упреки его многопочитаемому имъ Аполлону за его неблагонравіе. Ксуѳу дается изреченіе, будто первый, кого онъ встрѣтитъ, и есть его сынъ; имъ является Іонъ. Сначала онъ противится ласкамъ внезапно появившагося отца, но впослѣдствіи, какъ истинный грекъ, взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды своего новаго положенія въ Аѳинахъ. Между тѣмъ, Креуса, съ помощью стараго служителя, хочетъ избавиться посредствомъ яда отъ ненавистнаго новаго сына, который ей не принадлежитъ. Заговоръ открывается, и Іонъ хочетъ въ страстномъ гнѣвѣ оторвать Креусу отъ алтаря, у котораго она искала прибѣжища; тогда жрица, которая его воспитала, по повелѣнію бога, приноситъ ларецъ, въ которомъ онъ былъ когда-то найденъ, и по нему мать узнаетъ своего сына. Сама Аѳина,—такъ какъ Аполлонъ, послѣ всего, что онъ долженъ былъ выслушать въ пьесѣ, предпочитаетъ болѣе не являться,—подтверждаетъ его божественное происхожденіе и кончаетъ предсказаніемъ будущаго величія Аѳинъ.

Сюжеты. Чтобы быть справедливымъ къ Еврипиду, нужно принять во вниманіе его затруднительное положеніе по отношенію къ его предшественникамъ. Ограниченный вполнѣ разработанною областью саги, онъ долженъ былъ въ этихъ узкихъ предѣлахъ, во что бы то ни стало, создать нѣчто новое. Поэтому онъ, главнымъ образомъ, обращалъ вниманіе на оригинальные и сильно-дѣйствующіе на зрителей сюжеты. Какъ замѣчательно это ему удавалось, доказываетъ, кромѣ драмъ „Медея“ и „Іонъ“, его „Гераклъ“, къ которому мы еще возвратимся, а изъ утерянныхъ

драмъ, напр., романтическое освобожденіе Андромеды смѣлымъ рыцаремъ Персеемъ и трогательная исторія Протесилая, который, послѣ ранней геройской смерти, приходитъ на одну ночь изъ Аида къ своей молодой овдовѣвшей супругѣ Лаодаміи и увлекаетъ ее съ собою въ царство тѣней (ср. стр. 198). Особенную прелесть, благодаря множеству приключеній, представляетъ путешествіе Фаэтона на солнечной колесницѣ и его гибельное паденіе, вслѣдствіе котораго его свадебная пѣсня превратилась въ погребальную. Оригинальностью, свойственною только Еврипиду, отличается его Телефъ, который, съ гнойной раной, покрытый лохмотьями, пошелъ въ греческій лагерь, чтобы добиться исцѣленія отъ того, кто нанесъ ему рану (ср. стр. 198). Оба сюжета Эсхилъ ранѣе обработалъ совершенно иначе. Особенную группу составляютъ патріотическія пьесы, къ сочиненію которыхъ его побуждала Пелопоннесская война, а именно „Гераклиды“ и „Просительницы“ (матери погибшихъ передъ Өивами героевъ), которыя считали Аөины убѣжищемъ для всѣхъ притѣсняемыхъ. И въ другихъ драмахъ Еврипидъ нерѣдко пользовался сагами съ радостною развязкою, что, конечно, соотвѣтствовало духу его времени, такъ какъ на жизненномъ поприщѣ приходилось переживать много печальнаго. Тамъ же, гдѣ онъ дѣйствительно избиралъ трагическіе сюжеты, онъ ихъ вполнѣ исчерпывалъ и не отступалъ даже передъ изображеніемъ на сценѣ отвратительныхъ противоестественныхъ страстей.

Искусство

Чтобы оживить новыми чертами старые сюжеты, Еврипидъ обращается иногда къ рискованнымъ средствамъ. Произвольнымъ измѣненіемъ всѣмъ извѣстной саги онъ умѣетъ ставить въ тупикъ слушателей; трогательныя сцены неожиданныхъ встрѣчъ не даютъ угаснуть ихъ интересу, но потрясающая и очистительная сила настоящаго трагизма иногда у него пропадаетъ, благодаря стремленію къ внѣшней эффектности и сенсаціонному дѣйствію. Желаніе автора соединить вмѣстѣ много поразительныхъ мотивовъ или же нагромождать происшествія нерѣдко мѣшаетъ ходу дѣйствія. Такимъ образомъ, многія пьесы распадаются на двѣ части, которыя поэту не удалось соединить органически въ одно цѣлое. Его „Гекуба“ (425) — настоящая сенсаціонная пьеса. Въ то время, какъ престарѣлая супруга Пріама уже сломлена надвинувшимися со всѣхъ сторонъ бѣдствіями, когда ея послѣдняя дочь, Поликсена, приносится въ жертву тѣни Ахилла,—вдругъ волны прибиваютъ къ берегу трупъ ея младшаго сына, умерщвленнаго изъ корысти его хранителемъ, назначеннымъ еще до войны. Теперь убитая горемъ женщина задумываетъ неслыханное дѣло: съ дьявольской злобой она заманиваетъ убійцу въ свою палатку и со своими женщинами совершаетъ надъ нимъ страшную месть. — Но всего поразительнѣе контрастъ между двумя частями „Геракла“. Герой благополучно воз-

вращается послѣ своего послѣдняго самаго труднаго подвига. Онъ приходитъ какъ-разъ во-время, чтобы спасти жену и дѣтей отъ угрожавшихъ имъ преслѣдованій, и хочетъ теперь насладиться вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ въ кругу своихъ близкихъ. Тогда, какъ молнія съ яснаго неба, разражается надъ нимъ посланное ему его врагомъ, Герою, безуміе, и онъ убиваетъ тѣхъ, которые ему наиболѣе дороги.

347. БЕЗУМНЫЙ ГЕРАКЛЪ.
КРАСНОФИГУРНАЯ КАРТИНА НИЖНЕ-ИТАЛІЙСКАГО ВАЗОВАГО ЖИВОПИСЦА АСТЕЯ.
Mon. d. Inst. VIII.

Гераклъ бросаетъ своего сына въ огонь. Его супруга, Мегара, въ ужасѣ отступаетъ назадъ. Изъ верхняго этажа смотрятъ внизъ: Манія (олицетворенное безуміе), Іолай, другъ Геракла, и Алкмена, его престарѣлая мать.

Но благородный Өесей, котораго онъ спасъ изъ преисподней, помогаетъ ему, пришедшему въ отчаяніе, и предлагаетъ ему новое отечество въ своихъ Аөинахъ. Такъ рѣзкая дисгармонія жизни и старинной вѣры въ боговъ уже отражается въ конструкціи пьесы.—Скопленіе сюжетовъ, которое, въ концѣ концовъ, представляетъ, вмѣсто связнаго дѣйствія, отдѣльные, нагроможденные одинъ на другой образы, мы встрѣчаемъ еще въ „Троянкахъ“ (415), составляющихъ продолженіе Гекубы. На душу этой античной Mater dolorosa обрушивается все страданіе, которое на нашихъ глазахъ переживаютъ несчастные плѣнники: Поликсена—убита; Кассандра, подобно безумной менадѣ, поетъ пѣснь, предвѣщающую ей несчастный бракъ: Андромаха и Астіанактъ уведены въ неволю, и даже

надежда Гекубы видѣть наказанной, по крайней мѣрѣ, причину всего зла, Елену, обманываетъ ее. На второмъ планѣ—горящая Троя и предсказаніе несчастья, которое ожидаетъ ахейцевъ на возвратномъ пути. Все вмѣстѣ составляетъ непрерывный жалобный напѣвъ, монотонность котораго поэтъ имѣлъ въ виду, и который дѣйствуетъ мучительно на слушателей. Еще бо́льшее богатство лицъ и мотивовъ представляютъ „Финикіянки", при большой красотѣ отдѣльныхъ сценъ. Чтобы превзойти „Семь вождей" Эсхила, Еврипидъ (если принять во вниманіе и хоры) заключилъ въ одну трагедію всю ѳиванскую сагу. Сравненіе этой трагедіи съ соотвѣтствующими драмами Эсхила (стр. 472) и Софокла (стр. 479 сл.) наглядно представляетъ намъ все развитіе этой трагедіи.

Въ другомъ отношеніи Еврипидъ далъ трагедіи болѣе устойчивыя формы, введя въ употребленіе прологъ и еще нынѣ существующій въ видѣ поговорки deus ex machina. Оба эти искусственные пріема сильно порицались, но это порицаніе было справедливо только тамъ, гдѣ мы имѣемъ шаблонное, ремесленное примѣненіе новыхъ принциповъ. У Еврипида же въ самомъ началѣ выступаетъ одно лицо, которое въ простомъ разсказѣ сообщаетъ главныя условія дѣйствія, а также—если это лицо богъ или духъ—предсказываетъ возможный исходъ въ будущемъ. Конечно этотъ пріемъ былъ умѣстенъ лишь тогда, когда поэтъ бралъ совершенно новый сюжетъ, сильно видоизмѣнялъ старый или хотѣлъ искусно запутать дѣйствіе. Но такъ какъ прологистъ представлялъ часто не одного только себя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлый рядъ своихъ предковъ, и рѣчь его отличалась однообразіемъ, то Аристофану не трудно было найти въ прологѣ пищу для своего остроумія.— Соотвѣтствующее прологу появленіе боговъ въ концѣ (не говоря уже о томъ, что видимое участіе высшихъ силъ было знакомо каждому по Гомеру) употреблялось совсѣмъ не для того, чтобы разрубить узелъ, вслѣдствіе неумѣнія автора его распутать, но служило только выраженіемъ воли и одобренія боговъ или давало возможность заглянуть въ будущее. Монодіи—по бо́льшей части протяжныя, многословныя жалобныя пѣсни—можно разсматривать какъ современныя оперныя аріи: подобно послѣднимъ, они получали, только при вокальномъ исполненіи окраску и своеобразную прелесть. На самомъ хорѣ уже замѣтно, что онъ пережилъ самого себя. Какъ часто герой долженъ былъ заручаться молчаніемъ этого всезнающаго свидѣтеля, который не удаляется со сцены! Еврипидъ сочинилъ много прекрасныхъ, глубоко прочувственныхъ хоровыхъ пѣсенъ, но нерѣдко онѣ находятся только въ слабой связи съ дѣйствіемъ и имѣютъ значеніе простой музыки между актами.

Техника.

Мучительная дисгармонія, которую мы чувствуемъ во многихъ пьесахъ Еврипида, зависитъ отъ его отношенія къ сагѣ. Подъ творческою рукою поэтовъ герои были приближены къ типу современ-

Отношеніе къ сагѣ.

ныхъ имъ людей. Теперь же отверзлась пропасть между первобытными временами и современностью. Наивная старая вѣра шагъ за шагомъ уступаетъ мѣсто изслѣдованію, къ которому призывала философія, и Еврипидъ рѣшительно принялъ на себя роль представителя новаго направленія не какъ легкомысленный насмѣшникъ, но побуждаемый серьезною любовью къ истинѣ. Подобно своей Федрѣ, и онъ долгія ночи думалъ о судьбѣ людей и о сущности боговъ. Всю свою жизнь онъ боролся, чтобы освободиться отъ вѣры своихъ отцовъ. Тысяча разумныхъ основаній говорили въ пользу этого; ни въ древнихъ миѳахъ, ни въ судьбахъ современниковъ своихъ и своей бѣдной родины не усматривалъ онъ дѣйствія справедливыхъ боговъ, а потому имъ овладѣлъ мрачный пессимизмъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ не въ силахъ вполнѣ отречься отъ вѣры, что въ преданіяхъ скрыто ядро истины. Міровыя событія управляются высшею справедливостью, которая доставляетъ мудрецу извѣстное успокоеніе и не вполнѣ исключаетъ утѣшительную надежду.

Этотъ разладъ его души отражается и въ его произведеніяхъ. Строго критикуетъ онъ тотъ или другой миѳъ и указываетъ на его неправдоподобіе или безнравственность. Богамъ надлежало бы быть разумнѣе людей, а между тѣмъ можно ли назвать мудрымъ того Аполлона, который учитъ другихъ справедливости, и въ то же время самъ, какъ дурной человѣкъ, изъ застарѣлой жажды мести убиваетъ Неоптолема, раскаявшагося и умоляющаго его о прощеніи? Беллерофонтъ, изрекающій неумолимую истину: „когда боги творятъ позорное, они уже не боги“, даже восходитъ на Олимпъ, чтобы высказать порицаніе Зевсу за его управленіе. Къ концу жизни Еврипидъ, однако, отказался отъ своихъ сомнѣній. Въ „Вакханкахъ“ онъ съ горячимъ убѣжденіемъ отстаиваетъ древнія преданія, „которыхъ не опровергнетъ никакое человѣческое слово, какъ бы оно ни было мудро“. Однако, не извѣстно, было ли это для него послѣднимъ словомъ мудрости, ибо никто изъ древнихъ поэтовъ до такой степени, какъ Еврипидъ, не зависѣлъ въ своемъ творчествѣ отъ настроеній и впечатлѣній, подъ которыми онъ находился въ каждый данный моментъ.

Характеры.

При такомъ состояніи его вѣры для него оставался только одинъ путь, если онъ не хотѣлъ совершенно отказаться отъ трагедіи. Онъ долженъ былъ низвести героевъ съ ихъ высоты въ сферу обыденности, и онъ это сдѣлалъ вполнѣ сознательно, съ почти ужасающею послѣдовательностью. Конечно, онъ этимъ разбилъ вдребезги старую трагедію, но зато онъ создалъ новыя цѣнности неистощимой производительной силы. Освободившись отъ оковъ традиціи, онъ рисуетъ съ реалистическою правдою „людей такими, какіе они въ дѣйствительности“ (по извѣстному изреченію Софокла). Вникая въ тончайшія движенія человѣческой души

возводя, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ подмѣченныя имъ черты къ природнымъ даннымъ, воспитанію и судьбѣ извѣстной личности и объединяя ихъ въ цѣльномъ образѣ, Еврипидъ создалъ новое искусство обрисовки характеровъ. Это искусство онъ, къ ужасу всѣхъ благонамѣренныхъ аѳинянъ, разрабатывалъ предпочтительно на непривлекательныхъ сюжетахъ, что не должно насъ особенно удивлять. когда мы для сравненія вспомнимъ о развитіи современнаго искусства. Еврипидъ изображаетъ не величавыя и возвышенныя чувства (которыя и безъ того уже изображались болѣе чѣмъ достаточно), а потрясающія страсти, которыя волнуютъ человѣка до глубины его души и способны довести его до сумасшествія. Такимъ образомъ, Еврипидъ первый водворилъ на сценѣ любовное изступленіе, которое съ тѣхъ поръ побѣдоносно властвуетъ въ драмѣ. Онъ неустанно стремился понять и изобразить сущность женщины съ ея особенностями. Приходилось ему выслушивать нападки Аристофана за то, что онъ будто бы развращалъ нравы, такъ какъ выводилъ на сценѣ безстыдныхъ женщинъ и безпощадно раскрывалъ самые потаенные уголки женскаго сердца. Во всякомъ случаѣ, нельзя назвать мизогиномъ того поэта, который объ Алкестѣ сказалъ, что подвигъ одной этой женщины возвысилъ славу всего ея пола, и который и въ другихъ мѣстахъ превозносилъ благородное самопожертвованіе женщины. Дѣло въ томъ, что стремленія и дѣятельность этого поэта настолько многосторонни, что не могутъ быть подведены подъ одну формулу. Такъ, напр., великій реалистъ создалъ также образы почти преувеличенно идеалистическаго характера (напр., Ипполита), между тѣмъ какъ, съ другой стороны, имъ изображались наивныя дѣти, дряхлые старцы, цари въ лохмотьяхъ и т. п., наподобіе жанровой, детальной живописи, въ странномъ противорѣчіи съ возвышеннымъ стилемъ древней трагедіи.

Однако, крайне неумѣстнымъ является то, что герои Еврипида проявляютъ такое же знакомство съ софистикой и риторикой, какъ и творцы этихъ послѣднихъ. У этихъ героевъ что на сердцѣ, то и на языкѣ, и они умѣютъ чрезвычайно изыскапно выражаться въ мѣткихъ сентенціяхъ и хорошо стилизированныхъ размышленіяхъ. Но зато они иногда и выходятъ изъ своей роли, когда Еврипидъ считаетъ нужнымъ особенно внушить своимъ слушателямъ какое-нибудь мудрое изреченіе. Хотя онъ вообще согласуетъ свой поэтическій языкъ съ простою обыденною рѣчью, въ выборѣ словъ и въ построеніи предложеній онъ, однако, употребляетъ въ дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь арсеналъ новой риторики,—хитроумные аргументы, эффектные антитезы, игру словъ, частые вопросы и восклицанія. Поэтому мы нерѣдко у него встрѣчаемъ вмѣсто искренно убѣждающихъ доводовъ холодныя разсудительныя соображенія, а вмѣсто теплыхъ задушевныхъ нотъ—сухую рефлексію. Съ очевидною любовью онъ разрабатываетъ большіе полемическіе діалоги, сво-

дящіеся нерѣдко къ чисто-теоретическимъ разсужденіямъ (ср. стр. 487). Обѣ стороны вызываютъ другъ друга на словесный турниръ и сражаются по всѣмъ правиламъ искусства. При этомъ хоръ, на какую-нибудь удачную реплику, часто откликается одобрительнымъ возгласомъ или высказываетъ свое недоумѣніе по поводу того, что можетъ отвѣтить противникъ. Но и въ этой области обнаруживается разладъ, господствующій въ душѣ поэта. Называя, съ одной стороны, искусство убѣжденія единственнымъ властелиномъ человѣка, онъ, съ другой стороны, часто и настоятельно предостерегаетъ отъ извращенія правды и справедливости при помощи красивыхъ рѣчей.

Еврипидъ старался поднять аѳинянъ на уровень тѣхъ свободныхъ воззрѣній, до которыхъ онъ самъ дошелъ. Онъ заступался за эманципацію женщинъ, которыя въ Аѳинахъ вели чрезвычайно замкнутый образъ жизни (ср. стр. 282 сл.), за болѣе человѣчное отношеніе къ рабамъ и за болѣе справедливую оцѣнку варваровъ. Если его Андромаха неизмѣримо выше своей соперницы Герміоны, то это обусловливалось политическими тенденціями, которыя сильно вліяли на созданіе его драматическихъ характеровъ, по мѣрѣ того, какъ антагонизмъ между Аѳинами и Спартою въ великой войнѣ становился все обостреннѣе. Въ то время, какъ Ѳесей, въ качествѣ защитника угнетенныхъ, заботливаго сына и вѣрнаго друга, являлся образцомъ человѣческихъ добродѣтелей, Еврипидъ рисовалъ все, носившее спартанское имя, самыми мрачными красками. Менелай поэтому у него представлялся то безсовѣстнымъ клятвопреступникомъ, то крайне слабохарактернымъ, „не метателемъ копій, а сильнымъ лишь среди женщинъ“; Елена же, какъ и достойная дочь ея, Герміона, являлась верхомъ всякой низости, безсердечною кокеткою и позоромъ для всего ея пола.

Такимъ образомъ, Еврипидъ, наиболѣе близкій къ нашему времени среди древнихъ поэтовъ, вступилъ на новый путь, хотя во многихъ отношеніяхъ онъ развивалъ лишь то, что начали его предшественники. Подъ его руками, въ концѣ концовъ, изъ героической драмы выработалась бытовая трагедія съ маѳическимъ этикетомъ (Электра, Орестъ). На праздничной Діонисовой сценѣ эта новая форма не могла самостоятельно развиваться далѣе, но въ новой комедіи сѣмена, посѣянныя Еврипидомъ, принесли обильные плоды.

Прочіе трагики.

Одновременно съ Еврипидомъ и послѣ него творили еще многіе другіе трагики, сыновья и родственники великихъ поэтовъ, какъ, напр., изящный Іонъ изъ Хіоса, манерный Агафонъ, извѣстный какъ другъ Платона, и др. Мы не имѣемъ основанія особенно жалѣть объ утратѣ многочисленныхъ ихъ произведеній (одно изъ нихъ, приписываемое Еврипиду, сохранилось въ пьесѣ „Ресъ“, представляющей собою драматическую обработку сценъ изъ „Иліады“). Въ нашемъ изло-

женіи важнѣе отмѣтить тотъ фактъ, что аѳинская трагедія съ этихъ поръ всюду нашла доступъ, даже къ дворамъ полуварварскихъ царей, какъ, напр., въ Македонію, и такимъ образомъ оказывала продолжительное вліяніе на духовную культуру всего эллинскаго міра. Намъ придется встрѣчаться съ сильнымъ вліяніемъ — особенно Еврипида — во всѣхъ областяхъ культуры эллинизма.

3. Древняя и средняя комедія.

Значеніе комедіи.

Комедія и трагедія различны между собою, какъ день и ночь, и, тѣмъ не менѣе, обѣ выросли изъ одного корня и при представленіяхъ ихъ въ Аѳинахъ оставались тѣсно связанными по мѣсту и по времени. Также и при культурно-историческомъ анализѣ ихъ одна служитъ необходимымъ дополненіемъ другой, такъ какъ только комедія, въ противоположность аристократической трагедіи, даетъ намъ отраженіе аѳинской общественной жизни также и въ низшихъ ея слояхъ, несмотря на фантастическую оболочку и намѣренное искаженіе дѣйствительности. Комедія наглядно выводитъ намъ честныхъ горожанъ и поселянъ и позволяетъ намъ наблюдать, какъ они мыслятъ и чувствуютъ, живутъ и любятъ, ѣдятъ и пьютъ. Конечно, и слѣда тутъ нѣтъ „благородной простоты и тихаго величія античности“; но зато передъ нами раскрываются совершенно новыя стороны народа, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, которыя иначе намъ почти не приходится наблюдать.

Начатки комедіи.

Способность къ невинному юмору и ѣдкой насмѣшкѣ, которую мы уже отмѣчали у сочинителей ямбовъ (ср. стр. 214 сл.), глубоко коренилась въ характерѣ греческаго народа. Она находила свое выраженіе преимущественно на веселыхъ праздникахъ въ честь боговъ плодородія, особенно Діониса, когда изстари люди въ неудержимомъ праздничномъ весельѣ преслѣдовали другъ друга передразниваніями и насмѣшками. Страсть высмѣивать человѣческія слабости, при помощи преувеличеннаго воспроизведенія ихъ вмѣстѣ со смѣшнымъ маскированіемъ, раньше всего развилась у грубоватыхъ и находчивыхъ д о р і й ц е в ъ. Изъ этихъ импровизированныхъ шутокъ развился настоящій драматическій фарсъ, по всей вѣроятности впервые въ Мегарѣ, гдѣ дѣйствующими лицами явились Мэсонъ, обжорливый поваръ, и хитрый Миллъ, который, несмотря на кажущуюся свою глухоту, однако, все слышитъ. „Мегарскія шутки“ впослѣдствіи пользовались въ Аѳинахъ очень дурной славой, но, тѣмъ не менѣе, были популярны.

Эпихармъ.

Въ сицилійской Мегарѣ и роскошно процвѣтавшихъ Сиракузахъ первыя настоящія комедіи сочинялъ Э п и х а р м ъ, скончавшійся вскорѣ

послѣ смерти Іерона (467) въ глубокой старости. Со смѣлымъ юморомъ онъ пародировалъ миѳологическіе сюжеты, на которые посягали уже до него дерзкіе фигляры въ Нижней Италіи. Въ „Свадьбѣ Гебы“ боги ведутъ жизнь настоящихъ бездѣльниковъ. Они угощаются самыми изысканными лакомствами, но самое тонкое рыбное блюдо Зевсъ приберегаетъ для себя и для своей супруги. Египетскаго царя Бусирида поразилъ бы ударъ, если бы онъ собственными своими глазами увидалъ обжорство непрошеннаго своего гостя Геракла, о которомъ ему разска-

348. ГЕРАКЛЪ У БУСИРИДА. ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ЭТРУССКОЙ ВАЗѢ ПОЗДНѢЙШЕЙ ЭПОХИ, ИЗЪ ЦЕРЕ.

Герой-исполинъ, котораго хотѣли въ видѣ жертвы привести къ алтарю, разорвалъ свои оковы и убиваетъ египтянъ. Царь лежитъ уже бездыханный на ступеняхъ алтаря. Изображеніе въ стилѣ бурлески подъ вліяніемъ комедіи.

зываетъ его слуга. Въ виду того, что сиракузанская кухня изъ-за изысканности своей вошла въ поговорку, тутъ ясно сквозитъ намѣреніе поэта попрекнуть своихъ земляковъ ихъ слабостью. Еще болѣе оно чувствуется во второй группѣ его пьесъ, которая черпала непосредственно изъ жизни характерные типы (напр., земледѣльцевъ, праздничную публику) и комическія происшествія. Въ „Надеждѣ“ онъ впервые вывелъ на сцену ненасытнаго паразита, который, званый или незваный, является къ обѣду. Этому типу уже не суждено было болѣе сойти со сцены. Рядомъ съ этимъ поэтъ, въ силу философскаго склада ума и своего широкаго образованія, ввелъ въ свои пьесы даже философскія размышленія, и искусная діалектика его, съ которою онъ какъ-будто совершенно серьезно развиваетъ понятія въ формѣ короткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, напоминаетъ уже пріемы Сократа. Впрочемъ, является еще спорнымъ вопросомъ, не принадлежатъ ли какой-нибудь дидактической

поэмѣ нѣкоторыя изъ знаменитыхъ изреченій его, напр.: „будь трезвымъ и недовѣрчивымъ, это—жилы ума“; „только умъ видитъ и слышитъ, все остальное слѣпо и глухо“. Относительно фабулы его довольно короткихъ пьесъ сохранившіеся отрывки не представляютъ никакихъ данныхъ; несмотря, однако, на сицилійскій діалектъ ихъ, пьесы эти долгое время служили предметомъ для чтенія, какъ правдивыя бытовыя картины.—То же можно сказать о мимахъ Софрона, который скоро послѣ Эпихарма въ Сиракузахъ живо воспроизводилъ сцены обыденной жизни съ простою неприкрашенною правдою (напр., типы рыбаковъ, крестьянъ, свекровей, волшебницъ и т. д.). Онъ пользовался ритмическою прозою, которая едва ли предназначалась для сценическаго представленія. Платонъ указалъ на его достоинства, и Ѳеокритъ, равно какъ и Герондъ, впослѣдствіи разрабатывали съ болѣе утонченнымъ искусствомъ аналогичные мотивы, которые даютъ дамъ понятіе объ этомъ драматическомъ жанрѣ. Софронъ.

Для успѣшнаго развитія комедіи въ Сициліи недоставало неограниченной свободы рѣчи. Въ Аѳинахъ она существовала въ широкихъ размѣрахъ. Аѳиняне также обладали проницательнымъ взоромъ и острымъ языкомъ и разрѣшали себѣ самое широкое пользованіе ими. Торжественной процессіи, отправлявшейся въ Элевсинъ, каждый разъ приходилось около моста черезъ Кефисъ миновать цѣлую „дорогу клеветы“; во время Діонисова праздника поселяне со своихъ телѣгъ высмѣивали прохожихъ. Въ особенности на сельскихъ Діонисіяхъ фаллофоры, пропѣвшіе богу плодородію свою игривую хвалебную пѣснь, осыпали окружающихъ крѣпкими словечками въ стихотворной формѣ. Здѣсь, по свидѣтельству Аристотеля, находились корни аттической комедіи, получившей свое названіе отъ шумной процессіи (комосъ). Уже Аристотель не могъ сообщить ничего больше о дальнѣйшемъ ея развитіи, и нѣкоторыя, сохранившіяся до насъ, имена поэтовъ въ этомъ отношеніи ничего больше намъ не даютъ. Что касается города Аѳинъ, то мы можемъ прослѣдить представленія, дававшіяся тамъ, до 492 или даже до 487 года. Во всякомъ случаѣ, комедія поглотила собою всѣ виды маскарадовъ и фарсовъ, существовавшихъ тогда. Аттическая комедія.

Уже Магнетъ стремился производить эффектъ посредствомъ фантастическихъ измышленій и чудовищныхъ образовъ. Кратинъ, выступившій впервые въ 450 году, занялъ такое же первенствующее мѣсто въ исторіи комедіи, какое въ трагедіи принадлежитъ Эсхилу, съ которымъ геніальный, безпощадный поэтъ имѣлъ также много общаго по своему характеру. Онъ не ограничивался невинными, болѣе или менѣе вульгарными шутками и поверхностнымъ изображеніемъ нравовъ. Съ суровою насмѣшкою и нравственнымъ негодованіемъ онъ бичевалъ, по примѣру Архилоха, всѣхъ, кто губилъ Аѳины, и безпощадно обли- Кратинъ.

чалъ неурядицы какъ общественной, такъ и частной жизни. Безграничное народовластіе этого могущественнаго города, предоставлявшее непостижимую для насъ свободу слова и клеветы, составляло ту жизненную атмосферу, въ которой единственно могла процвѣтать созданная Кратиномъ политическая комедія. Понятно, что она была весьма неудобна, особенно для власть имущихъ въ государствѣ. Однако, многіе законы, долженствовавшіе ограничить свободу личныхъ насмѣшекъ, не достигали цѣли, такъ какъ ни поэты, ни публика не мирились съ сокращеніемъ своихъ правъ въ этомъ отношеніи. Двадцать драмъ Кратина, о которыхъ дошедшіе отрывки, къ сожалѣнію, не даютъ настоящаго представленія, были озаглавлены бо́льшею частью по имени хора, причемъ получились довольно странныя грамматическія формы множественнаго числа. „Архилохи“ изображали состязаніе поэтовъ, можетъ-быть, въ подземномъ царствѣ, какъ впослѣдствіи у Аристофана (стр. 510). Въ „Законахъ“ воскресшій изъ ада Солонъ проповѣдуетъ возвращеніе къ прежней простотѣ. „Хироны“, названные по воспитателю царевичей героической эпохи, предлагали добрые совѣты о воспитаніи молодежи. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, Кратинъ безстрашно протестовалъ противъ Перикла, „луковицеголоваго Зевса“, и его новой „Геры“, „гетеры“ Аспазіи. „Панопты“ осмѣивали „всевидящихъ“ новыхъ софистовъ, которые выступали съ головами Януса и безчисленными глазами. Миѳологическіе сюжеты онъ также пародировалъ *). „Одиссеи“, забавно разукрашенные гомеровскими фразами, имѣли своимъ сюжетомъ приключеніе съ киклопами. Полифемъ, тоже развившійся со временемъ, здѣсь описываетъ, подъ какими соусами собирается онъ съѣсть милыхъ товарищей Одиссея, а этотъ послѣдній, хорошо зная своего Гомера, обращается къ нему со слѣдующими словами: „теперь возьми и пей, а затѣмъ сейчасъ же спроси мое имя“! Поэтъ, любившій самъ выпить, прелестно пародировалъ самого себя въ „Бутылкѣ“, которая была сочинена въ 422 г., незадолго до его смерти, и должна была доказать несправедливость упрека, брошеннаго ему Аристофаномъ, будто онъ сталъ старымъ и никуда негоднымъ. Въ этой пьесѣ супруга поэта, „Комедія“, жалуется суду на то, что онъ связался съ „пьянствомъ“ и способенъ

*) Съ какимъ поразительнымъ произволомъ онъ поступалъ при этомъ, показываетъ недавно найденное на папирусѣ содержаніе его «Діонисалександра». Не Александръ (Парисъ), но веселый богъ вина рѣшилъ споръ трехъ богинь о красотѣ и увезъ Елену изъ Спарты на гору Иду. Когда греки стали опустошать страну, онъ струсилъ и убѣжалъ въ Трою, какъ-разъ въ жилище Александра, причемъ превратилъ себя въ блеющаго барана, а Елену въ птицу и спряталъ послѣднюю въ курятникѣ. Послѣ разоблаченія этого курьезнаго инкогнито, Александръ изъ сострѣданія удержалъ перепуганную Елену у себя, Діонисъ же, какъ виновникъ всего несчастья, былъ выданъ грекамъ.

воспылать нѣжностью лишь къ какому-нибудь юному винцу. Когда грозятъ разбить всѣ винныя бутылки, старикъ еще разъ собирается съ силами: „кто пьетъ одну воду, тому не сочинить настоящаго стихотворенія“! И точно рѣка Илиссъ, съ устъ его льется потокъ стиховъ, готовый все наводнить.

Кратету, сверстнику Кратина, недоставало стихійной силы послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ „скромными средствами хорошо Кратетъ.

349. СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДІИ. КРАСНОФИГУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВАЗѢ.

Пародія на миѳъ: сѣдой кентавръ Хиронъ (потѣшно представляемый двумя актерами) съ трудомъ поднимается на лѣстницу дома, въ который собирается войти. Справа наверху нимфы въ гротѣ, внизу юноша—б.-м., его будущій ученикъ Ахиллъ.

угощать аѳинянъ, предлагая имъ обыкновенный домашній столъ, приправленный тонкими мыслями“ (Аристофанъ). Того же направленія держался Ферекратъ, сатиры котораго направлялись преимущественно Ферекратъ. на женщинъ. Нѣсколько моложе былъ Фринихъ, который въ выборѣ Фринихъ сюжетовъ дважды соприкасался съ пьесами Аристофана, представлявшимися одновременно съ его комедіями. Такъ, напр., въ 414 г. выведенъ имъ типъ отшельника, который, не довольствуясь, подобно Писѳетеру (ср. стр. 508), аѳинскими порядками, отправляется въ уединеніе, чтобы вести жизнь Тимона-человѣконенавистника, а въ 405 г., въ „Музахъ“, эти послѣднія произносятъ приговоръ въ состязаніи между недавно скончавшимися трагиками Софокломъ и Еврипидомъ (ср. стр. 510). Изъ этой пьесы сохранился отрывокъ, съ трогательною простотою восхваляющій Софокла.

Достойныхъ послѣдователей въ отношеніи личной безцеремонной сатиры Кратинъ нашелъ въ лицѣ Евполида и Аристофана, изъ которыхъ Евполидъ.

первый выступилъ въ 429 году смѣлымъ юношей, но уже въ 411 году палъ въ борьбѣ за отечество. Оба вначалѣ помогали другъ другу въ работѣ, какъ единомышленники. Впослѣдствіи же, поссорившись, они укоряли другъ друга за эту взаимную помощь. 17 пьесъ Евполида долгое время служили предметомъ усерднаго чтенія, и до насъ дошли еще нѣкоторые характерные образчики, свидѣтельствующіе о богатствѣ его фантазіи, но не менѣе того и о злобности и ѣдкой насмѣшливости, съ которыми онъ преслѣдовалъ все, что ему казалось достойнымъ порицанія. Въ „Демахъ" (гдѣ въ роли хора выступали аттическія общины) поэтъ вызывалъ изъ загробнаго царства государственныхъ дѣятелей прошлаго, чтобы помочь разстроенному отечеству: мараѳонскаго героя Мильтіада, справедливаго Аристида и, наконецъ, Перикла, „на устахъ котораго царила сила убѣжденія, и который одинъ умѣлъ оставлять жало въ сердцахъ слушателей". Конечно, поэтъ при этомъ не пропускаетъ случая проводить параллели, обидныя для современныхъ свѣтилъ. Внѣшняя политика Аѳинъ, „этого города, у котораго больше счастья, чѣмъ ума", подвергалась нападкамъ въ „Союзныхъ городахъ", которые въ роли хора торжественно выступали на сцену другъ за другомъ. Подъ именемъ раба Мариканта выведенъ на сцену демагогъ Гиперболъ (ср. „Всадниковъ" Аристофана). Въ Баптахъ" поэтъ бичуетъ безнравственность Алкивіада, проникшаго вмѣстѣ со своими товарищами на женскія оргіи въ честь ѳракійской богини. Лучшею его комедіею были „Паразиты", въ которыхъ изображалось роскошное пиршество у богатаго Каллія. Предсѣдателемъ пира былъ софистъ Протагоръ, „который дерзко лжетъ о сверхъестественномъ, но самъ смакуетъ земныя наслажденія". Жадные паразиты, „падкіе до запаха жаркого", съ наивною откровенностью описываютъ свои собственные нравы—„никакой огонь, никакое желѣзо, никакой металлъ не удержитъ насъ отъ того, чтобы поспѣшить на обѣдъ"—и устраиваютъ грандіозное состязаніе въ льстивыхъ восхваленіяхъ устроителю пира.

Аристофанъ.

Своею громкою славою **Аристофанъ** (450 — 385) обязанъ той счастливой случайности, что сочиненія его дошли до насъ, иначе ему пришлось бы по справедливости дѣлиться этою славою съ прочими служителями комической музы. О жизни Аристофана намъ не извѣстно ничего достовѣрнаго, за исключеніемъ намековъ, заключающихся въ его комедіяхъ. Но зато для насъ очень важно то, что мы знаемъ даты представленія сохранившихся пьесъ (въ этомъ отношеніи обстоятельства намъ болѣе благопріятствуютъ, чѣмъ у трагиковъ), какъ какъ благодаря этому для насъ выясняются условія ихъ возникновенія. Аристофанъ подъ своимъ, равно какъ и подъ чужимъ именемъ поставилъ, по меньшей мѣрѣ, 40 пьесъ въ теченіе приблизительно стольких же лѣтъ. Въ виду чрезвычайныхъ трудностей, съ которыми сопряжено возстановленіе. на

основаніи отрывковъ, комедіи, самостоятельно задуманной авторомъ, мы вынуждены черпать наши свѣдѣнія о древней комедіи, главнымъ образомъ, изъ 11 сохранившихся драмъ Аристофана.

Внѣшняя структура въ комедіи во всѣхъ отношеніяхъ свободнѣе и непринужденнѣе, чѣмъ въ трагедіи. Въ особенности отсутствуетъ строгое обособленіе хоровыхъ партій отъ діалога. Хоръ, который здѣсь болѣе успѣшно отстаиваетъ свое господствующее положеніе, безпрепятственно вмѣшивается всюду. Слова быстро перелетаютъ взадъ и впередъ и перебиваютъ не только длинныя рѣчи, но даже и отдѣльные стихи. Эти послѣдніе, легко скользящіе и часто не доведенные до конца, носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ трагическіе метры. Замѣчательно то, что извѣстныя, регулярно повторяющіяся части обнаруживаютъ правильное дѣленіе какъ въ чередованіи пѣнія съ декламаціей, такъ и въ выборѣ размѣра и даже въ количествѣ стиховъ. Это относится, напр., къ большому полемическому діалогу, такъ называемому агону, значеніе котораго установлено лишь въ новѣйшее время; но, главнымъ образомъ, къ оригинальнѣйшей части комедіи,—парабазѣ, въ которой хоръ обращался къ зрителямъ, чтобы расположить ихъ въ пользу личныхъ интересовъ и желаній поэта. Такъ какъ парабаза прерываетъ ходъ дѣйствія совершенно неожиданно, то является не лишеннымъ вѣроятія предположеніе, что она первоначально представляла собою заключеніе всей пьесы. Техника.

Не менѣе свободна и композиція самостоятельно задуманной фабулы. Величавая основная идея, геніальный замыселъ, должны прежде всего заинтересовать зрителя. Развязка обыкновенно наступаетъ уже въ срединѣ пьесы, а заключеніе ея составляютъ мало связанныя между собою сцены, безъ дальнѣйшаго развитія дѣйствія. Мы не въ правѣ требовать логической послѣдовательности отъ масляничнаго фарса, главная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы разсмѣшить зрителей: „смѣхъ—говорилъ Аристотель—отецъ комедіи“. Для этой главной цѣли пригодны всякія средства, а потому съ тѣмъ большею смѣлостью здѣсь выводится именно неожиданное, неправдоподобное и даже невозможное. То поэтъ уводитъ обремененныхъ работою смертныхъ въ великолѣпное сказочное царство, въ золотой вѣкъ прошлаго или будущаго, то онъ острымъ рѣзцомъ изображаетъ пороки своей эпохи, наводя болѣе рѣзкіе и угловатые контуры, чѣмъ они имѣются въ дѣйствительности. То обличается цѣлое сословіе, то направляется мѣткая стрѣла на ничего не подозрѣвающаго зрителя къ вящшему удовольствію его сосѣдей. Для комедіи нѣтъ ничего святого; она не останавливается ни передъ богами или героями, ни передъ властвующими государственными мужами или знаменитыми поэтами; напротивъ, выдающихся лицъ она предпочтительно высмѣиваетъ. Дѣйствуя на низменные инстинкты толпы и желая, во что бы то ни стало, вызвать смѣхъ у простого народа, наполнявшаго (не въ

примѣръ современнымъ нравамъ) цѣлыми тысячами амфитеатръ, комедія прибѣгала къ двусмысленности и грубости, выражавшихся отчасти въ непристойныхъ костюмахъ и плясках и въ своей назойливости способныхъ вызвать отвращеніе. Это несомнѣнно непривлекательное явленіе дѣйствуетъ на наши болѣе утонченныя чувства отталкивающимъ образомъ, но мы должны прежде всего не упускать изъ виду того, что эти буффонады исполнялись исключительно мужчинами и только для мужчинъ, а въ этихъ случаяхъ и нынѣ (на студенческихъ спектакляхъ!) многія нескромныя остроты считаются только смѣшными и легко прощаются. Съ другой стороны, пусть современные моралисты согласятся и съ тѣмъ, что грубость и откровенный цинизмъ, съ которымъ жизнерадостная античность трактовала эти вопросы (naturalia non sunt turpia), навѣрное не приносила столько вреда, сколько изысканная скабрезность и слегка прикрытыя непристойности французскихъ фарсовъ и оперетокъ. Кромѣ того, въ противоположность этимъ послѣднимъ, маскарадные фарсы аттической сцены имѣли и свою серьезную сторону. Въ то время, когда еще не существовало прессы и памфлетовъ съ политическою сатирою, поэтъ считалъ себя „адвокатомъ общественной совѣсти" и безпощадно показывалъ своей эпохѣ зерцало, въ которомъ она видѣла свои заблужденія. Едва ли можно отказать такимъ идеалистамъ и неутомимымъ панегиристамъ добраго стараго времени, какъ Кратинъ или Аристофанъ, въ искреннемъ желаніи содѣйствовать съ своей стороны совершенствованію своего народа.

Произведенія. Уже въ первыхъ своихъ пьесахъ Аристофанъ приступилъ къ сознательной критикѣ общественныхъ порядковъ. Въ „Сотрапезникахъ" сопоставлялось старое воспитаніе съ новымъ въ двухъ типахъ Добродѣтельнаго и Безпутнаго. „Вавилоняне" представляли собою первый набросокъ „Ахарнянъ" и „Всадниковъ", встрѣченныхъ въ 425 и 424 г. шумнымъ одобреніемъ и изображавшихъ яркую картину тѣхъ контрастовъ, которыми изобиловала политическая и частная жизнь въ Аѳинахъ. Уже шестой годъ длится несчастная война, ежегодно обрекающая сельское

„Ахарняне". населеніе на бездѣятельную жизнь въ городѣ. И вотъ поэтъ въ „Ахарнянахъ", смѣло переступая границы вѣроятности, набрасываетъ передъ праздничною публикою соблазнительную картину радостей и благополучій мира. Честный крестьянинъ Дикэополь своимъ трезвымъ протестомъ въ народномъ собраніи и „обструкціею" тщетно боролся противъ безпечности аѳинянъ. Поэтому онъ, не долго думая, пріобрѣтаетъ за восемь драхмъ для себя и для своего дома „порцію мира" изъ Спарты, и послѣ этого съ веселымъ сердцемъ приступаетъ къ празднованію сельскихъ Діонисій. Но наиболѣе упорные враги мира—крѣпкіе, кряжистые ахарнскіе угольщики—преслѣдуютъ его. Только благодаря хитрости ему удается заставить ихъ спокойно выслушать его. Подобно Еврипидову Телефу (стр. 198 и 491), который въ домѣ Агамемнона для своей защиты выхватилъ изъ колыбели маленькаго Ореста и направилъ на него свой мечъ, Дикэополь похищаетъ у нихъ драгоцѣнную корзину съ углями и грозитъ истребить ее. Одѣтый въ жалчайшія лохмотья, заимствуемыя

имъ въ великолѣпной сценѣ изъ трагическаго гардероба Еврипида, онъ съ комическою убѣдительностью доказываетъ безсмысліе всей войны. Такимъ образомъ, онъ обращаетъ противниковъ въ свою вѣру и можетъ теперь открыть свой рынокъ, на который вскорѣ является полуживой отъ голода мегарецъ съ тѣмъ, чтобы продать ему своихъ дочекъ въ качествѣ поросятъ. Затѣмъ появляется беотіецъ, который въ обмѣнъ на давно желанныхъ угрей изъ Копаидскаго озера пріобрѣтаетъ то, „чего у нихъ нѣтъ въ Ѳивахъ“, а именно сикофанта (ср. стр. 259), собиравшагося какъ-разъ конфисковать его вмѣстѣ съ его товаромъ. Заключеніе составляютъ двѣ параллельныя сцены: Дикэополь отправляется на веселую пирушку, а герой Ламахъ, вздыхая, собирается въ зимній походъ. Затѣмъ оба возвращаются, поборникъ мира—опьяненный виномъ, а герой—жестоко избитый.

„Всадники“ направлены противъ демагога Клеона (ср. стр. 235 сл.), который до этого уже лично выступилъ противъ злого насмѣшника Аристофана. Какъ вождь военной партіи, онъ находился на высотѣ своего могущества послѣ того, какъ „стибрилъ“ побѣду при Пилосѣ у Демосѳена. Тѣмъ поразительнѣе смѣлость, съ которою Аристофанъ слѣлалъ эту вылазку, причемъ нашелъ опору въ аѳинской гвардіи, во всадникахъ (ср. стр. 273). Уже въ „Ахарнянахъ“ онъ обѣщалъ въ скоромъ времени изрѣзать скорняка на подошвы для всадниковъ. Въ этой пьесѣ они составляли хоръ и вдохновили поэта на нѣкоторыя смѣлыя кавалерійскія пѣсни. Основная идея проста и въ высшей степени комична. Самъ народъ видѣлъ себя весьма нелестно воплощеннымъ въ образѣ полуглухого старика, брюзжащаго Демоса, который слѣпо довѣряетъ своему управляющему, грубому и пронырливому пафлагонцу (Клеону). Больше всего отъ этого страдаютъ его сослуживцы рабы (Демосѳенъ и Никій). Ихъ жалобами открывается пьеса, и счастливая затѣя перваго изъ нихъ завязываетъ фабулу. Они крадутъ у храпящаго пафлагонца его книгу оракуловъ и изъ нея узнаютъ, что хвастливаго кожевника впослѣдствіи свергнетъ колбасникъ, который оказывается достойнымъ соперникомъ кожевника какъ по своему уличному происхожденію, такъ и по отсутствію образованія. Оба раба привѣтствуютъ изумленнаго колбасника, какъ властелина Аѳинъ, и съ высоты его колбаснаго лотка показываютъ ему все великолѣпіе будущаго его царства. Когда онъ обращается въ бѣгство передъ пафлагонцемъ, ему на помощь спѣшатъ всадники, и разыгрывается грубая сцена съ руганью и дракой, гдѣ пафлагонецъ побѣждается. То же самое происходитъ и въ свѣтѣ, гдѣ онъ доноситъ на своего соперника; дѣло въ томъ, что этотъ послѣдній умѣетъ еще съ большимъ нахальствомъ водить за носъ народъ. Въ концѣ концовъ, старый господинъ послѣ продолжительнаго спора самъ долженъ рѣшить, кому изъ обоихъ онъ намѣренъ довѣрить себя. Колбасникъ развѣнчиваетъ мнимыя заслуги пафлагонца и располагаетъ въ свою пользу господина мелкими одолженіями. За „полезную народу“ мысль подложить ему теплую подушку для того, чтобы онъ не простудился на камняхъ Пникса (тамъ происходитъ „народное собраніе“), колбасникъ удостоивается высочайшей похвалы, въ то время какъ плащъ, предлагаемый пафлагонцемъ, отвергается съ возмущеніемъ, такъ какъ онъ пахнетъ скорнячной мастерской. Послѣ того оба соперника стараются перещеголять другъ друга въ произвольномъ толкованіи изреченій ора- „Всадники“.

кула и, наконецъ, состязаются въ умѣньи снабдить господина лакомствами. Колбасникъ побѣждаетъ, и такимъ образомъ, Клеонъ свергается такимъ человѣкомъ, который превзошелъ его въ пошлости и низости. Но что станется теперь съ бѣдными старыми Аѳинами? Поэтъ знаетъ, какъ пособить имъ. Благодаря смѣлой метаморфозѣ, правда, весьма неожиданной, новый управляющій превращается въ давно желаннаго спасителя отечества, который обновляетъ Демосъ и возвращаетъ доброе старое время.

„Облака“. „Облака“ представляютъ собою неоконченную переработку пьесы, отвергнутой въ 423 г. Они переносятъ насъ въ сферу тѣхъ духовныхъ вѣяній, которыя тогда господствовали въ Аѳинахъ, но отражаютъ ихъ въ странно искаженномъ изображеніи. Сторонникомъ новыхъ идей выведенъ здѣсь тотъ же Сократъ, который боролся противъ пагубныхъ крайностей этихъ тенденцій и притомъ болѣе сильнымъ оружіемъ и съ лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ Аристофанъ (ср. ниже). Поэтъ превращаетъ всѣмъ извѣстнаго чудака, котораго и другіе комики охотно выводили на сцену, въ представителя культа природы, атеизма и всѣхъ происковъ софистовъ, подрывавшихъ древніе нравственные устои. Едва ли Аристофанъ осмѣлился бы на это, если бы тогда уже въ народѣ не вращались подобные слухи объ опасномъ вопрошателѣ, который такъ убѣдительно доказывалъ каждому его невѣдѣніе. Этому-то Сократу желаетъ отдать своего сына въ ученье нѣкій простоватый Стрепсіадъ, разорившійся благодаря женитьбѣ на знатной особѣ и благодаря дорого стоющимъ затѣямъ сынка. Отецъ надѣется при помощи новаго ораторскаго искусства раздѣлаться съ долгами. Въ виду рѣшительнаго отказа Фидиппида— такъ зовутъ сына,—старикъ самъ рѣшается проникнуть въ „мудрильню“ философа, котораго онъ застаетъ подвѣшеннымъ въ корзинѣ, „парящимъ въ воздухѣ и раздумывающимъ о солнцѣ“. Его встрѣчаютъ милостиво, и Сократъ, чтобы торжественно посвятить его въ орденъ мыслителей, заклинаетъ своихъ воздушныхъ софистическихъ боговъ, являющихся въ образѣ облаковъ. Чрезвычайно убѣдительное объясненіе, что не Зевсъ, но облака вызываютъ дождь, громъ и молнію, производитъ такое впечатлѣніе на Стрепсіада, что онъ впредь „не согласенъ больше кланяться старымъ богамъ, даже если бы они встрѣтились съ нимъ на улицѣ“. Однако, непонятливость пожилого ученика, который успѣваетъ все забыть еще прежде, чѣмъ усвоить, и рѣшительно ничего не смыслитъ въ грамматическихъ и метрическихъ тонкостяхъ, приводитъ учителя въ отчаяніе. Расположившись на учебномъ ложѣ и плотно закутавшись, Стрепсіадъ долженъ предаться мыслительному процессу, но онъ лишь въ состояніи сосредоточить свои мысли на вопросѣ, цѣликомъ ли его съѣдятъ гнѣздящіеся въ ложѣ клопы, или нѣтъ? Наконецъ, его прогоняютъ. Зато Фидиппидъ, неожиданно заступающій мѣсто отца, оказывается понятливѣе послѣ того, какъ на его глазахъ прежнее образованіе побѣждено въ диспутѣ, происходившемъ между Правосудомъ и Кривосудомъ. Все, повидимому, идетъ на ладъ: Стрепсіадъ отгоняетъ отъ своей двери двухъ кредиторовъ съ помощью нахватанныхъ имъ крохъ мудрости. Но когда вслѣдъ затѣмъ сынъ по пустому поводу избиваетъ отца и ясно, какъ солнце, доказываетъ ему, что онъ имѣетъ полное право бить и свою мать, то озлобленный старикъ поджигаетъ домъ опаснаго философа.

„Осы“. Если „Облака“ были направлены противъ молодыхъ аѳинянъ, то

„Осы“ (422) обличаютъ предосудительную страсть стариковъ изъ мелкихъ мѣщанъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Клеонъ повысилъ содержаніе судей, участіе въ судѣ присяжныхъ представляло для нихъ легкій заработокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, льстило ихъ самомнѣнію (ср. стр. 258). Эта комедія также вся проникнута политическими тенденціями, на что указываютъ уже имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Филоклеонъ и Бделиклеонъ (Клеонолюбъ и Клеонохулъ). Чтобы вылѣчить отца своего Филоклеона отъ злокачественной болѣзни геліастовъ, Бделиклеонъ опуталъ все жилище сѣтью. Тщетно пытается старикъ бѣжать, какъ нѣкогда Одиссей, спрятавшись подъ животомъ базарнаго осла, или „въ видѣ дыма“ вылѣзть въ трубу. Его товарищи по суду, въ костюмѣ осъ, вооруженные страшными жалами, приходятъ за нимъ. Уже онъ въ отчаяніи перегрызъ сѣть, и осы приготовляются къ жестокой борьбѣ, но тутъ Бделиклеонъ вызывается доказать имъ ничтожество ихъ судейскихъ радостей. Сначала Филоклеонъ даетъ восторженное описаніе преимуществъ, присущихъ его самодержавной власти, передъ которой всѣ должны преклониться, какъ передъ Зевсомъ. Тѣмъ не менѣе, Бделиклеону удается убѣдить осъ, что гонораръ ихъ представляетъ лишь скудное обезпеченіе на старость, которое ставитъ ихъ въ недостойную зависимость отъ власть имущихъ. Несмотря на это, Филоклеонъ продолжаетъ бредить о судебной рѣшеткѣ и о баллотировочной урнѣ и успокаивается лишь тогда, когда ему открывается перспектива производить судъ дома и со всѣмъ комфортомъ. Послѣ этого слѣдуетъ прелестная пародія на судопроизводство, а именно процессъ противъ двороваго пса Лабета—„Хватая“ (въ то время аѳинянъ какъ-разъ занималъ процессъ полководца Лахета), который „ссицилилъ“ сыръ. Здѣсь со строгимъ судьею происходитъ нѣчто неслыханное: онъ смягчается и наполовину противъ воли оправдываетъ обвиняемаго. Въ забавныхъ заключительныхъ сценахъ Филоклеона наряжаютъ въ неудобный новомодный плащъ, вмѣсто его стараго халата, и въ лаконскіе башмаки, несмотря на его отказъ „вступить ногою на непріятельскую почву“. Кромѣ того, онъ получаетъ наставленіе, какъ вести себя въ изящномъ клубѣ. Но онъ въ пьяномъ видѣ позволяетъ себѣ дикія выходки, и Бделиклеонъ не радъ, что отецъ его такъ скоро вошелъ во вкусъ новой жизни.

Когда Аристофанъ въ 421 г. писалъ „Ирину“ въ томъ видѣ, въ которомъ она дошла до насъ, мирная картина въ „Ахарнянахъ“ (см. выше) почти сдѣлалась дѣйствительностью. Недоставало лишь послѣдняго толчка, чтобы достигнуть конечной цѣли. Здѣсь опять выведенъ честный крестьянинъ Тригей, который на этотъ разъ становится спасителемъ всего государства. Точно новый Беллерофонтъ (ср. стр. 494) онъ на тщательно вскормленномъ навозномъ жукѣ прямо въѣзжаетъ на небо, чтобы вызвать Ирину, богиню мира, которую злой Полемосъ, богъ войны, погрузилъ въ глубокую яму. Сильному хору поселянъ удается вытащить ее оттуда, и, привѣтствуемая радостными пѣснями, она вмѣстѣ съ благодатной Осенью и праздничной Забавой спускается на землю. Тригей въ награду получаетъ Осень въ супруги. Часто прерываемое благодарственное жертвоприношеніе и веселая свадьба составляютъ содержаніе пространныхъ заключительныхъ сценъ, которыя, несмотря на привлекательное изображеніе вновь расцвѣтающаго земледѣльческаго быта, уступаютъ величественному началу пьесы. Но вся комедія проникнута ликованіемъ по поводу завоеваннаго, наконецъ, мира.

„Ирина“.

„Птицы“. За „Птицами“ (414), единственной, сохранившейся комедіей-сказкою, которой аѳиняне почему-то присудили лишь второй призъ, потомство единогласно признало первенство. Напряженное ожиданіе исхода сицилійскаго предпріятія (ср. стр. 236) и тревожное состояніе умовъ, вызванное доносами и процессами послѣ проступка надъ гермами, ложились тяжелымъ бременемъ на гражданъ. Даже свобода комедіи снова подверглась ограниченію. Вотъ почему поэтъ находитъ убѣжище въ царствѣ фантазіи. Съ присущею ему геніальною изобрѣтательностью онъ распространяетъ простую басню въ богатую красками картину и свободно строитъ въ воздухѣ свой блаженный облачный городъ. Однако, всюду сквозь маски проглядываютъ аѳинскія лица и условія жизни. Двое истыхъ аѳинянъ, Пиѳетеръ, находчивая голова и ловкій ораторъ, и добродушный легковѣрный Евелпидъ не могутъ больше выносить жизни въ Аѳинахъ и отыскиваютъ себѣ болѣе привлекательную родину. Этому долженъ содѣйствовать далеко странствовавшій удодъ, который въ лицѣ Терея нѣкогда былъ человѣкомъ и находился даже въ родствѣ съ аѳинянами. Но едва только Пиѳетеръ услышалъ, какъ пріятно и беззаботно живутъ птицы, у него зарождается смѣлый проектъ, который онъ собирается осуществить съ помощью птицъ. На мелодичный призывъ соловья эти послѣднія слетаются большими стаями. Онѣ точатъ свои клювы для нападенія на мнимыхъ птицелововъ, которые едва успѣваютъ спрятаться за горшками, привезенными ими. Но Терей готовъ быть посредникомъ между ними; любопытство птицъ беретъ верхъ, и съ все возрастающимъ волненіемъ онѣ узнаютъ отъ Пиѳетера удивительную вѣсть, что нѣкогда царями міра были птицы, и что въ ихъ власти стать ими снова, если онѣ откажутся отъ безпорядочной скитальческой жизни для того, чтобы основать великое государство въ воздушномъ пространствѣ, срединное царство, въ которомъ онѣ могутъ управлять, и богами надъ собою и людьми подъ собою. Торжественная пѣснь хора объявляетъ рожденнымъ во прахѣ смертнымъ, какъ споконъ вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ чернокрылая ночь снесла то міровое яйцо, изъ котораго вышелъ Эротъ златокрылый,—существовали птицы, и какая счастливая доля ожидаетъ всѣхъ подъ скипетромъ новыхъ боговъ. Успѣхъ превосходитъ всѣ ожиданія. Безчисленные отряды птицъ приступаютъ къ работѣ, мудро распредѣляя ее между собою, и грозный „Тучекукуевскъ“ возникаетъ съ чудесною быстротою изъ ничего. Люди бредятъ и мечтаютъ уже только о полетѣ. Однако, жертва, приносимая Пиѳетеромъ въ честь птичьихъ боговъ, прерывается появленіемъ незванныхъ колонистовъ: поэта, который „уже давно“ воспѣвалъ новый городъ, нищаго пророка съ неизбѣжными оракулами, геометра Метона, собирающагося измѣрить воздушное пространство, и др. Но большинство изъ нихъ, „окрыленные“ бичемъ Пиѳетера, быстро улетаютъ, равно какъ и разные подозрительные элементы, которые стремятся проникнуть впослѣдствіи. Самимъ богамъ грозитъ голодная смерть, потому что теперь загражденъ доступъ въ небо жертвенному дыму, которымъ они питаются. Они отправляютъ своеобразное посольство, свирѣпаго Посидона, вѣчно голоднаго Геракла и косноязычнаго варварскаго бога. Но Пиѳетеръ, предупрежденный другомъ человѣчества, Прометеемъ, требуетъ для птицъ скипетра Зевса, а для себя въ супруги царевну Василису. Перспектива вкуснаго завтрака склоняетъ Геракла, Посидонъ же уступаетъ большинству голосовъ, и за царевною-невѣстою

снаряжается посольство. Масса смѣшныхъ мыслей и юмористическій подборъ всевозможныхъ параллелей между жизнью людей и птицъ способны заинтересовать и современнаго читателя, для котораго эта пьеса ближе именно потому, что она возвышается надъ предѣлами времени и мѣста.

Комедіи съ женскимъ персоналомъ.

Третья комедія на тему о мирѣ, „Лисистрата“ (411), представляетъ собою грубый масляничный фарсъ безъ личной сатиры, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы въ серьезное время смѣшить народъ при помощи неразборчивыхъ средствъ. Въ виду неспособности мужчинъ, предпріимчивая женщина задается цѣлью распутать военныя распри „какъ клубокъ нитокъ“. Подъ ея предводительствомъ женщины изъ всей Эллады занимаютъ Акрополь и клянутся, что они вернутъ свое расположеніе мужьямъ не раньше, чѣмъ эти послѣдніе заключатъ миръ. Съ измѣною, возникающею въ рядахъ женщинъ, Лисистрата умно справляется. Тоска мужей по женамъ, которую авторъ съ наслажденіемъ расписываетъ въ рядѣ весьма двусмысленныхъ сценъ, сводитъ непримиримыхъ враговъ, и пьеса заканчивается большимъ торжествомъ мира и дружбы между аѳинянами и спартанцами.

Выше стоятъ „Ѳесмофоріазусы“, возникшія приблизительно къ этому же времени и направленныя почти исключительно противъ Еврипида (ср. стр. 486). Женщины на праздникѣ Ѳесмофорій, гдѣ онѣ находились совершенно однѣ, порѣшили подвергнуть строгому суду своего поносителя. Еврипиду хотѣлось бы контрабандой провести въ собраніе защитника своихъ интересовъ, но наиболѣе пригодный для этого дѣла трагикъ Агаѳонъ, расфранченный какъ женщина, отказываетъ Еврипиду въ этой услугѣ. Тогда родственникъ Еврипида (Мнесилохъ), тронутый горемъ поэта, предлагаетъ свои услуги для этой опасной затѣи. Еврипидъ брѣетъ его и одѣваетъ въ женскій костюмъ. Мнесилохъ въ собраніи женщинъ приводитъ яркіе примѣры въ доказательство того, что „мы, женщины, въ дѣйствительности еще гораздо хуже, чѣмъ насъ изобразилъ Еврипидъ“. Эти слова вызываютъ взрывъ негодованія, доходящій до чудовищныхъ размѣровъ, когда оказывается, что Мнесилохъ вовсе не женщина. Онъ спасается у алтаря, и здѣсь начинается веселый фарсъ, въ которомъ Еврипидъ выступаетъ въ нѣкоторыхъ коронныхъ своихъ роляхъ, какъ-то—Менелая и Персея, чтобы освободить свою Елену или Андромеду. Въ заключеніе слѣдуетъ довольно неожиданное примиреніе, вызванное тѣмъ, что Еврипидъ обѣщаетъ впредь никогда не злословить на женщинъ.

Третья комедія съ женскимъ персоналомъ, „Экклесіазусы“, опять представляетъ собою разухабистый фарсъ, полный комическихъ, мѣтко схваченныхъ, но и грубо циничныхъ положеній. Происхожденіемъ своимъ принадлежа къ иной по характеру эпохѣ (около 392 г.), эта пьеса носитъ и ясную печать ея. Въ этой комедіи выведены маленькіе люди съ ихъ будничными интересами и заботами и недостаетъ того широкаго размаха, которымъ отмѣчены прежнія. Сознаніе того, что въ государствѣ не все благополучно, вѣроятно, уже тогда у многихъ вызывало утопическое желаніе основательнаго обновленія его. Поэтому идеи, столь своеобразно развиваемыя впослѣдствіи Платономъ (ср. стр. 549), встрѣчаются уже въ драмѣ поэта, который былъ его другомъ. Женщины порѣшили сами взять въ свои руки управленіе. Предводительствуемыя предпріим-

чивою Праксагорою, онѣ въ одеждѣ своихъ мужей, съ длинными бородами, отправляются съ тѣмъ, чтобы на зарѣ произвести генеральную репетицію народнаго собранія. Праксагорѣ на самомъ дѣлѣ удается расположить аѳинянъ въ пользу ея соціалистическихъ плановъ, которые должны осчастливить міръ. Она объявляетъ полную свободу и равенство: всякая собственность, всѣ женщины и дѣти должны сдѣлаться общимъ достояніемъ государства, которое, съ своей стороны, каждому удѣляетъ его долю по справедливости. Благодаря этому, исчезаетъ всякій поводъ для преступленій и процессовъ, и такъ какъ вся работа исполняется рабами, то настаетъ жизнь, полная блаженства. Торжество героини (по крайней мѣрѣ, въ комедіи) нисколько не умаляется тѣми непреодолимыми трудностями, съ которыми тотчасъ сталкивается на практикѣ проведеніе общности имущества и любви.

„Лягушки“. „Лягушки“ (405) по геніальности какъ замысла, такъ и выполненія ближе всего подходятъ къ „Птицамъ“. Послѣ смерти Еврипида и Софокла трагедія осиротѣла. Въ виду такого бѣдствія, Діонисъ (или „богъ-публика“, какъ былъ названъ этотъ нисколько не божественный образъ) рѣшается самолично вывести изъ загробнаго царства настоящаго поэта, любимца своего, Еврипида. Первая часть изображаетъ путешествіе въ адъ бога, переодѣтаго Геракломъ, визитъ его у послѣдняго, котораго онъ спрашиваетъ о наиболѣе удобномъ маршрутѣ, переѣздъ на лодкѣ Харона, сопровождаемый кваканьемъ лягушекъ въ болотѣ и прелестными пѣснями посвященныхъ въ мистеріи, и, наконецъ,—приключенія у воротъ ада, гдѣ обстановка точь-въ-точь такая же, какъ и въ милыхъ Аѳинахъ. Трудно рѣшить, кто играетъ болѣе жалкую роль, господинъ ли, или слуга; во всякомъ случаѣ, Аристофанъ думалъ, что „обычными шутками, надъ которыми зрители всегда любятъ смѣяться“, онъ вознаграждаетъ массовую публику за литературныя тонкости второй части. Діонисъ, оказывается, какъ-разъ во-время спустился въ адъ, потому что въ эту пору завязывается горячій споръ между Эсхиломъ и Еврипидомъ изъ-за первенства въ трагедіи. Каждый старается детальнымъ разборомъ трагедій противника раскрыть слабыя мѣста ихъ, начиная съ нравственныхъ идей и воздѣйствія ихъ на народъ и кончая техникою прологовъ (ср. стр. 493) и пѣсенъ. Наконецъ, взвѣшиваются даже отдѣльныя слова, „точно сыръ“ на вѣсахъ. Однако, несмотря на юмористическія выходки поэта, у него часто проглядываетъ глубоко серьезная мысль; особенно тонко и мѣтко набросанъ литературный портретъ Эсхила, въ которомъ еще разъ прославляется прекрасное прошлое. Конечно, побѣдителемъ остается Эсхилъ, и Діонисъ возвращаетъ его въ Аѳины, вылѣчившись отъ своего увлеченія Еврипидомъ.

„Плутосъ“. О комедіи „Плутосъ“ (388) можно сказать то, что было сказано и по поводу „Экклесіазусъ“. Это несомнѣнно остроумно задуманная аллегорія, которая, однако, выполнена бѣдно и безцвѣтно въ сравненіи съ неистощимымъ богатствомъ прежнихъ пьесъ. Слѣпой богъ богатства въ компаніи своихъ прежнихъ недостойныхъ кліентовъ сильно опустился. Теперь его принимаетъ въ свой домъ старый гражданинъ и заботится объ излѣченіи его въ святилищѣ Асклепія, причемъ практиковавшіеся тутъ пріемы лѣченія изображены весьма забавно. Къ всемогущему божеству стекается масса народа; даже Гермесъ отказалъ Зевсу въ своихъ услугахъ и нанимается къ Плутосу. Но Плутосъ направляетъ теперь

свою милость на бѣдныхъ и достойныхъ, и его ведутъ въ торжественной процессіи на Акрополь, гдѣ онъ будетъ впредь обитать въ сокровищницѣ аѳинянъ.

Характеристика.

Комедіи Аристофана отражаютъ критическій моментъ переходнаго времени, симптомы котораго поэтъ, правда, не совсѣмъ понялъ. Изъ новыхъ идей, теченій и художественныхъ пріемовъ, выработанныхъ эпохою, онъ заимствовалъ болѣе, чѣмъ онъ самъ призналъ бы (напр., что касается столь порицаемаго имъ Еврипида). Несмотря на это, онъ упорно держится политическихъ тенденцій старой комедіи. Все существующее онъ безцеремонно отрицаетъ, но улучшенія онъ отыскиваетъ лишь въ области фантазіи или въ прошломъ, которое ему, однако, не удается воскресить. Съ другой стороны, у него нѣтъ недостатка въ полезныхъ поученіяхъ и мѣткихъ сентенціяхъ. Слушателямъ своимъ онъ совѣтуетъ сберегать эти послѣднія такъ, „какъ хранятъ яблоки въ ларцахъ съ платьемъ, чтобы оно еще черезъ годъ пахло ими". Въ парабазѣ „Лягушекъ" онъ такъ настойчиво убѣждалъ въ необходимости миролюбія, что изъ-за этого, главнымъ образомъ, требовали повторенія пьесы. Въ виду этого не слѣдовало бы (какъ это часто дѣлалось) сомнѣваться въ искренности его убѣжденій и въ его намѣреніи „съ гнѣвомъ Геракла бороться противъ злыхъ силъ, угрожающихъ государству".

Изъ приведеннаго содержанія пьесъ Аристофана видно, до чего безыскусно, даже однообразно онѣ скомпанованы. Мы только укажемъ на неистощимое богатство отдѣльныхъ художественныхъ пріемовъ. Аристофанъ располагаетъ всѣми видами комизма, начиная съ добродушнаго юмора и кончая ѣдкою ироніею и ядовитою насмѣшкою. Рядомъ съ неожиданными оборотами, забавнымъ искаженіемъ словъ и толкованіемъ ихъ встрѣчаются глупѣйшіе каламбуры и рядомъ съ тонкою аттическою солью мы наталкиваемся на грязный цинизмъ. Особенно комическое впечатлѣніе получается иногда отъ преднамѣреннаго разрушенія иллюзіи, напр., когда Тригей во время полета проситъ театральнаго машиниста отнюдь не уронить его, или когда Діонисъ въ затруднительномъ положеніи умоляетъ о помощи своего собственнаго жреца, который торжественно возсѣдаетъ въ первомъ ряду. Передъ нами проходитъ безконечный рядъ образовъ, представляющихъ собою частью превосходно подмѣченные типы, частью оригинальныя индивидуальности. Только изъ комедій Аристофана мы знаемъ аттическаго крестьянина стараго закала, грубаго, циничнаго, вполнѣ равнодушнаго къ утонченной культурѣ, но одареннаго здравымъ смысломъ. На немъ зиждется будущность государства въ противоположность болтунамъ-философамъ, молодымъ франтамъ и хитрымъ демагогамъ. Добродушный же обыватель, по большей части, слишкомъ тяжелъ на подъемъ для энергичныхъ поступковъ. Кромѣ того, у Аристофана есть излюбленные и невольные сотрудники: трусливый

толстякъ Клеонимъ (Фальстафъ!), „сбрасывающій свой щитъ такъ же регулярно, какъ дерево стряхиваетъ листву“, диѳирамбикъ Кинесій, легкій какъ перышко, „который, порхая по пѣсеннымъ стезямъ, добываетъ въ облакахъ свои стремительныя прелюдіи“, хвастунъ Эсхинъ, прозванный „копотью“, Херефонтъ, уподобляемый летучей мыши, и др.

Языкъ. Съ удивительнымъ мастерствомъ Аристофанъ владѣетъ аттическою рѣчью. Можетъ-быть, нигдѣ не сказывается съ такою наглядностью ея удивительное богатство, гибкость и приспособляемость, какъ у него. Онъ съ увѣренностью пользуется всѣми рессурсами языка, обогащая его множествомъ смѣлыхъ и удачныхъ новообразованій. Стилистическое искусство его не исчерпывается мѣткимъ діалогомъ и разнообразными по содержанію и формѣ хоровыми пѣснями. Какъ настояшій пересмѣшникъ, онъ воспроизводитъ самые разнообразные лады: то онъ заговариваетъ велерѣчивымъ языкомъ диѳирамбовъ или таинственнымъ стилемъ оракуловъ, то онъ воспроизводитъ торжественный слогъ эпоса или серьезную ораторскую рѣчь. Охотнѣе всего онъ придаетъ своимъ стихамъ возвышенный характеръ трагическаго стиля или вплетаетъ мѣста изъ общеизвѣстныхъ трагедій, часто искажая и пародируя ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Этотъ пріемъ непремѣнно долженъ былъ вызывать дружный смѣхъ въ театрѣ Діониса, гдѣ непосредственно передъ этимъ шла постановка трагедій.

Мы можемъ только до извѣстной степени догадываться о захватывающемъ впечатлѣніи, производимомъ этими комедіями на зрителей, такъ какъ мы съ трудомъ понимаемъ массу намековъ на лица и событія этого времени; премудрость античныхъ и современныхъ схоліастовъ раскрываетъ все это лишь въ недостаточной мѣрѣ. Но тотъ, кто не побоится труда перенестись мысленно въ столь отдаленныя времена и условія жизни, тотъ, правда, иной разъ и покачаетъ головою, но гораздо чаще будетъ отъ души смѣяться, такъ какъ на „шаловливаго любимца грацій“ серьезно сердиться нельзя.

Средняя комедія. **Средняя комедія.** Съ теченіемъ времени государство и народъ аѳинскій пріобрѣли иной обликъ. Вмѣстѣ съ потерею могущества утрачивалось и прежнее горячее участіе аѳинянъ въ политикѣ, и вмѣсто этого все болѣе и болѣе стали преобладать литературные интересы. Нравы утрачивали свой грубый и первобытный характеръ, и открытыя нападки на извѣстныхъ лицъ казались поэтому неприличными и неумѣстными. Благодаря этому, политическая комедія лишилась своей почвы, которая одна могла ее питать. Если комедія хотѣла избѣжать того оскудѣнія, которому подпала трагедія, то она должна была намѣтить себѣ иныя цѣли. Къ чести ея, это удалось ей, и, такимъ образомъ, возникъ новый видъ комедіи, который былъ въ состояніи оказывать продолжительное

вліяніе на міровую литературу. Однако, мы не можемъ составить себѣ ясного понятія о томъ, какъ совершался этотъ переходъ въ періодъ такъ называемой средней комедіи отъ 404 г. до Александра Великаго, потому что изъ числа, по меньшей мѣрѣ, 800 пьесъ, сочиненныхъ 57 поэтами, до насъ дошли лишь заглавія и безсвязные отрывки. Начало этого новаго развитія выясняется для насъ изъ послѣднихъ пьесъ Аристофана, а его современникъ, комикъ Платонъ, еще въ бóльшей мѣрѣ ему принадлежитъ. Характерно, что главные представители средней комедіи, Антифанъ, Алексидъ и Анаксандридъ, не были аѳинянами по рожденію. Двое изъ нихъ написали болѣе 200 комедій каждый. Такое массовое производство, конечно, исключало возможность тщательной детальной отдѣлки.

Съ внѣшней стороны эта комедія характеризуется ограниченіемъ хора въ виду того, что обученіе его обходилось дорого, а средства были невелики. Уже въ „Экклесіазусахъ“ выпущена парабаза, равно какъ и нѣкоторыя лирическія пѣсни, отдѣляющія сцены другъ отъ друга. Еще въ бóльшей степени это имѣло мѣсто въ „Плутосѣ“; наконецъ, хоръ совсѣмъ исчезъ. Хотя личная сатира не замолкла совсѣмъ, но она со временемъ стала прикрываться болѣе или менѣе прозрачными намеками. Задѣвать великихъ государственныхъ людей ей уже не приходилось, и потому она предпочтительно направляла свои стрѣлы на поэтовъ и философовъ, личности, теоріи и полемическіе споры которыхъ, очевидно, живо интересовали народъ. Многочисленныя пародіи на миѳологическія и героическія сказанія, вѣроятно, также соотвѣтствовали тогдашнему вкусу. Понятіе о нихъ можетъ намъ дать забавная комедія Плавта „Амфитріонъ“, основанная на смѣшеніи личностей (здѣсь не только Юпитеръ принялъ образъ Амфитріона, чтобы завладѣть расположеніемъ его прекрасной жены Алкмены, но и Меркурій появляется въ образѣ раба Сосія). Главнымъ же образомъ на первый планъ выдвигается изображеніе семейнаго быта и жизни въ обществѣ, съ ихъ мелкими, но для всякаго понятными интересами и событіями. Уже по заглавіямъ можно судить о главныхъ характерахъ, составлявшихъ жизненный элементъ новой комедіи. Такими являются типы обжорливаго паразита, пронырливаго раба, легкомысленной гетеры и изобрѣтательнаго повара. Съ большою серьезностью трактовались тайны кулинарнаго искусства. Такимъ образомъ, комедія возвратилась снова къ исходной своей точкѣ (Эпихарму) и этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовила почву, на которой впослѣдствіи Менандръ и Филемонъ создали образцовыя произведенія.

4. Исторіографія.

Геродотъ.

Въ противоположность свободному творчеству поэзіи, исторіографія находится въ тѣсной связи съ даннымъ матеріаломъ. Поэтому на ней самымъ непосредственнымъ образомъ отразилось сильное вліяніе персидскихъ войнъ. Первое историческое событіе, которое произвело на всѣхъ эллиновъ неизгладимое впечатлѣніе, вызвало и первое настоящее историческое произведеніе: доріецъ по происхожденію, **Геродотъ** изъ Галикарнасса (485—425), жившій въ Аѳинахъ во время Перикла, написалъ на іоническомъ нарѣчіи исторію персидкихъ войнъ.

Жизнь.

Еще мальчикомъ онъ слышалъ много разсказовъ о великой войнѣ, въ которой его царица Артемисія славно сражалась, какъ вассалъ Ксеркса. Его дядя, эпическій поэтъ Паніасидъ (стр. 201), пробудилъ въ немъ любовь къ пѣснямъ Гомера и пониманіе ихъ. Вмѣстѣ съ Паніасидомъ онъ принялъ участіе въ отечественной борьбѣ партій, которая стоила жизни первому и довела его самого до временнаго изгнанія. Уже зрѣлымъ мужемъ покинулъ онъ родину; его влекло въ Аѳины, гдѣ онъ сдѣлался другомъ Софокла и вполнѣ подчинился вліянію великаго Перикла. Тамъ ему была присуждена высокая денежная награда, будто бы за прочтеніе нѣкоторой части его произведеній. Потомъ онъ переселился въ Ѳурію, цвѣтущую колонію Перикла (стр. 235), но позднѣе, по всей вѣроятности, опять возвратился въ Аѳины. Послѣднія десятилѣтія его жизни были наполнены далекими путешествіями съ цѣлями изслѣдованія, которыя завлекли его въ Персію и къ Черному морю, въ Египетъ и Кирену и доставили ему матеріалъ для его сочиненія. Послѣднее не было имъ вполнѣ закончено при жизни; даже раздѣленіе на девять книгъ, остроумно названныхъ именами девяти музъ, принадлежитъ не ему самому.

Мѣсто Геродота среди историковъ.

Если мы хотимъ правильно оцѣнить „отца исторіи“, мы не должны сравнивать его съ Ѳукидидомъ и тѣмъ болѣе не прикладывать къ нему масштаба современной исторіографіи. Вѣчная прелесть его историческаго эпоса въ прозѣ заключается именно въ томъ, что онъ представляетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ книги любого изъ нашихъ историковъ. Гораздо важнѣе вопросъ, чѣмъ возвышался онъ надъ стоими предшественниками. Логографы (стр. 229) останавливались или на древнѣйшихъ временахъ, или ограничивались хрониками отдѣльныхъ городовъ или племенъ. Геродотъ же отважно взялся за полное живого интереса недавнее прошлое и, не удовлетворившись этимъ, пытался представить персидскую войну какъ послѣднее звено и необходимый результатъ всѣхъ войнъ, происходившихъ съ до-историческихъ временъ между Востокомъ и Западомъ. Этимъ онъ создалъ широкую рамку, объединявшую настоящее съ отдаленнымъ прошлымъ.

Содержаніе.

Отъ разсказовъ о взаимномъ похищеніи женщинъ въ героическій періодъ, которое привело, наконецъ, къ троянской войнѣ, онъ быстро

переходитъ къ Крезу; „ибо онъ былъ, насколько мнѣ извѣстно, первымъ варваромъ, который заставилъ однихъ эллиновъ платить себѣ дань, а съ другими подружился“. Со времени покоренія Киромъ Лидіи, азіатскіе греческіе города отошли къ персидскому государству, исторія котораго составляетъ, начиная съ самой глубокой древности, одну непрерывную нить. Походъ Дарія на скиѳовъ, первое вторженіе персовъ въ Европу, ведетъ къ іонійскому возстанію. Это послѣднее вызвало нападенія персовъ на Грецію, которыя разсказываются по порядку, начиная съ шестой книги.

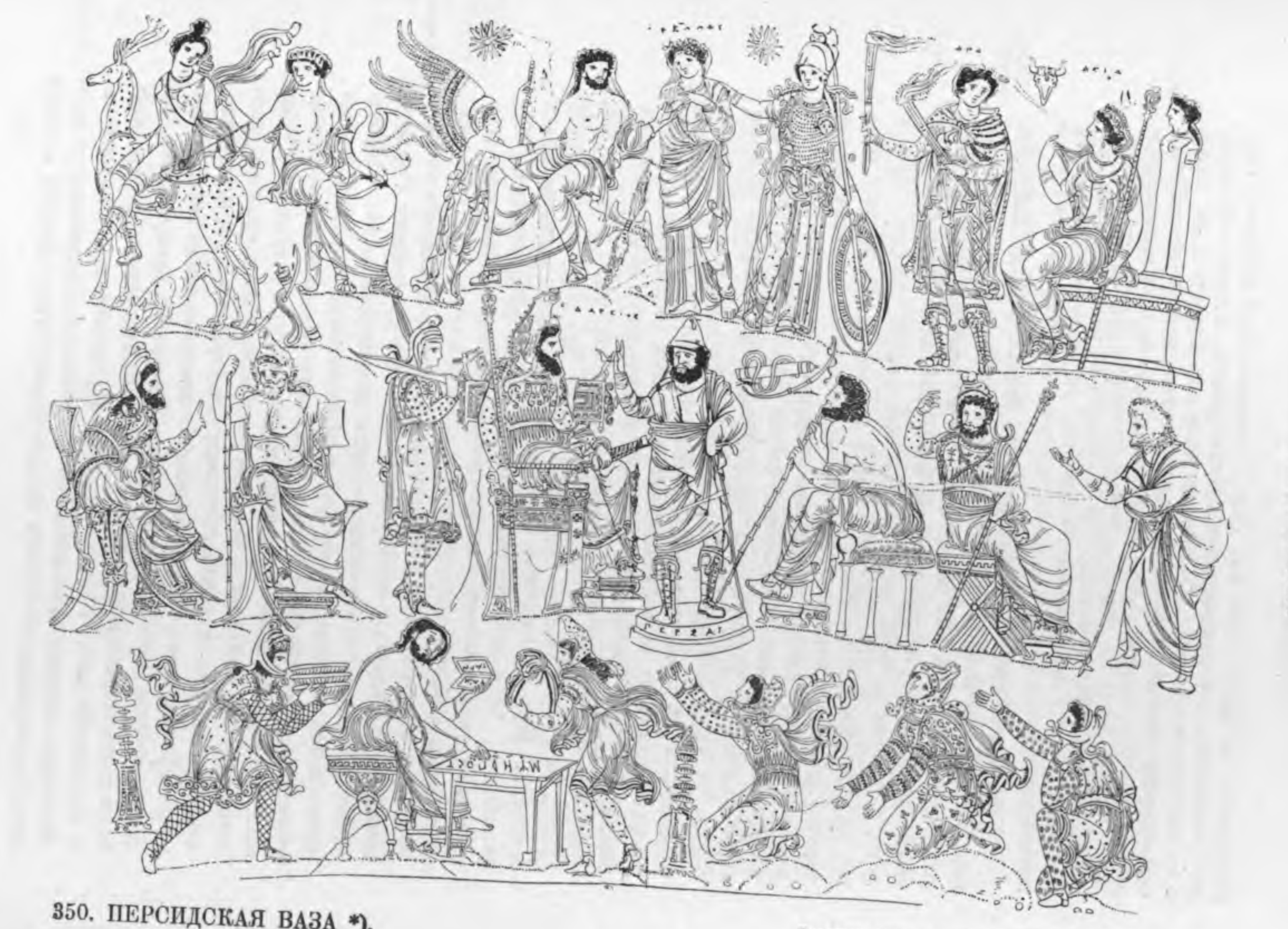
Планъ сочиненія.

Такъ какъ Геродотъ хотѣлъ въ этихъ узкихъ рамкахъ помѣстить весь свой богатый матеріалъ, то онъ могъ это сдѣлать только съ помощью экскурсовъ. Въ нихъ онъ изображаетъ до-историческія времена тѣхъ народовъ, которые у него выступаютъ въ первый разъ; эллинскія исторіи здѣсь вставлены въ видѣ отрывковъ въ подходящихъ мѣстахъ, какъ и все то, что онъ вездѣ узнавалъ о землѣ и людяхъ, ихъ жизни и обычаяхъ. Даже по поводу отдѣльнаго имени ему часто приходитъ въ голову хорошенькая исторія, пропустить которую онъ не можетъ рѣшиться. Иногда этихъ вставокъ накопляется сверхъ мѣры. Прежде чѣмъ привести Камбиса въ Египетъ, онъ распространяется съ явнымъ удовольствіемъ въ цѣлой книгѣ обо всемъ, что онъ узналъ въ чудесной странѣ пирамидъ. Вслѣдствіе этого, подробности затемняютъ цѣлое; тѣмъ не менѣе, мы слѣдимъ съ удовольствіемъ за милымъ разсказчикомъ по его извилистому пути въ исторіи временъ и народовъ и очень неохотно отказались бы отъ случайно приплетенныхъ мастерскихъ новеллъ объ Аріонѣ, объ Адрастѣ и о греческомъ врачѣ при персидскомъ дворѣ, Демокедѣ. Если же взвѣсить, сколько имъ обработано разнообразныхъ матеріаловъ, хотя неорганически слитыхъ другъ съ другомъ, но зато искусно сгруппированныхъ, то мы должны будемъ отнестись къ нему съ полнымъ уваженіемъ.

Источники.

Какъ собирался весь этотъ матеріалъ,—это мы, живущіе въ вѣкъ типографскихъ чернилъ, съ трудомъ можемъ себѣ представить. Геродотъ заимствовалъ мало изъ сочиненій своихъ предшественниковъ; бо́льшую часть своихъ матеріаловъ онъ добылъ собственными разспросами. Неустанно путешествовалъ онъ изъ города въ городъ и точно записывалъ все имъ видѣнное и слышанное. Серьезно и усердно онъ собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ и старался освѣдомляться о болѣе отдаленныхъ странахъ, по крайней мѣрѣ, по слухамъ. Онъ сохранилъ намъ, такимъ образомъ, многочисленныя мѣстныя преданія, которыя постепенно принимали въ устахъ разсказчиковъ, въ видѣ полу-историческихъ новеллъ, такую же постоянную форму, какъ и героическая сага. Правда, онъ мало справлялся съ первичнымъ матеріаломъ въ видѣ записанныхъ государственныхъ договоровъ и законовъ, заключавшихъ въ себѣ больше истины, чѣмъ сказочки жрецовъ

33*

350. ПЕРСИДСКАЯ ВАЗА *).

Mon. d. Inst. IX.

Главный рисунокъ на роскошномъ сосудѣ, найденномъ въ 1851 году въ Каносѣ высотою въ 1,30 метр.; теперь этотъ сосудъ находится въ Италіи.

и храмовыхъ служителей. Въ негреческихъ странахъ онъ, главнымъ образомъ, былъ вынужденъ довольствоваться тѣмъ, что ему разсказывали услужливые проводники-иностранцы; дѣйствительное знакомство съ чуждыми народностями было для него, по большей части, невозможнымъ, по причинѣ незнанія мѣстныхъ языковъ, какъ бы добросовѣстно онъ ни старался видѣть все собственными глазами.

Въ своемъ сочиненіи онъ слѣдуетъ очень здравому правилу излагать весь матеріалъ, причемъ онъ добросовѣстно отдѣляетъ то, что онъ самъ видѣлъ, отъ того, что онъ только слышалъ отъ другихъ. Въ этомъ отношеніи его данныя производятъ впечатлѣніе вполнѣ надежныхъ. За все неправдоподобное и невозможное отвѣтственны тѣ, кому онъ вѣрилъ; съ другой стороны, новѣйшія изслѣдованія подтвердили многое изъ того, за что древніе упрекали его въ лживости. Кромѣ того, новѣйшие изслѣдователи могутъ быть ему благодарны за то, что онъ не пытался соединить въ одно цѣлое различныя сообщенія. Напримѣръ, мы получаемъ совершенно вѣрныя изображенія персидскихъ войнъ, какъ онѣ остались въ памяти народа въ Аѳинахъ, и именно эти свѣдѣнія помогаютъ намъ дѣлать вѣрныя заключенія о дѣйствительномъ ходѣ событій.

Критика.

У самого Геродота критика еще находится совсѣмъ въ зачаточномъ состояніи. Правда, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „я обязанъ разсказать все, что мнѣ сообщаютъ, но вѣрить всему я не долженъ, и эти слова относятся ко всему мною разсказанному“. Впрочемъ, вѣритъ онъ очень многому, и если онъ выражаетъ сомнѣніе, то его доказательства такъ субъективны и слабы, что иногда напоминаютъ логику ребенка. Онъ не можетъ отвлечься отъ своего эллинскаго міросозерцанія; даже самые отдаленные варвары говорятъ и дѣйствуютъ у него какъ греки. Объ истинномъ ходѣ сраженія, о внутренней связи событій, о пружинахъ міровой исторіи, на мѣсто которыхъ онъ, вѣрный народности, но не наукѣ, ставитъ личныя вліянія и побужденія, — онъ не имѣетъ никакого представленія. Его міровоззрѣніе даже мѣшаетъ

Міровоззрѣніе.

*) Этотъ единственный въ своемъ родѣ рисунокъ изображаетъ персидскаго царя, который, съ вѣрой въ свою силу, принимаетъ роковое рѣшеніе воевать съ Элладой. Средняя полоса вазы представляетъ послѣдній царскій совѣтъ, такъ какъ онъ описанъ въ 7 книгѣ Геродота. Въ серединѣ сидитъ на богато-украшенномъ престолѣ великій царь (Дарій, у Геродота — Ксерксъ); сзади него стоитъ вооруженный тѣлохранитель; передъ нимъ вѣстникъ, только-что прибывшій съ побережья, который поднимаетъ руку съ предостерегающимъ жестомъ; по обѣимъ сторонамъ — совѣтники царя, по одеждѣ частью греки, частью персы. Нижняя полоса вазы наглядно изображаетъ рессурсы государства, представляя казначейство, въ которомъ казначей принимаетъ прибывающія изъ провинціи подати. Въ верхней части мы переносимся на Олимпъ: направо сидитъ гордая Азія, въ самоувѣренной позѣ побуждаемая Апатой (Обманомъ) бросить факель войны Элладѣ. Въ серединѣ стоитъ въ смиренной позѣ Эллада, ободряемая Аѳиной и Зевсомъ, къ колѣнамъ котораго прислонилась богиня побѣды, указывающая многозначительно на Элладу. Налѣво — Аполлонъ съ лебедемъ и Артемида, сидящая на лани.

ему ихъ изслѣдовать. Ибо, несмотря на нѣкоторыя раціоналистическія выходки, онъ, подобно своему другу Софоклу, еще крѣпко держится вѣры въ старыхъ боговъ. Они направляютъ судьбы отдѣльныхъ людей и народовъ часто по справедливости, но часто также по произволу, подобно земнымъ тиранамъ. Ревниво слѣдятъ они за тѣмъ, чтобы никто не достигалъ ихъ высоты; ихъ молніи поражаютъ выдающіяся вершины деревьевъ и головы людей. Уже слишкомъ продолжительное счастье смертнаго возбуждаетъ ихъ „зависть“ и вызываетъ незаслуженное наказаніе (Поликратъ). Пусть какое-нибудь поразительное событіе иногда внушаетъ ему мысль, что смерть лучше жизни: жизнерадостный іоніецъ далекъ отъ неизлѣчимаго пессимизма. Онъ сохраняетъ также умѣренное самообладаніе, которое одно прилично человѣку въ такомъ положеніи. Боги возвѣщаютъ свою волю посредствомъ оракуловъ, примѣтъ и сновъ, которые и являются вслѣдствіе этого достаточною причиною событій. Онъ посвящаетъ цѣлые отдѣлы своего сочиненія прославленію дельфійскаго оракула, хотя и знаетъ, что Пиѳія при случаѣ подчинялась постороннему вліянію. На этой вѣрѣ въ твердый міровой порядокъ основано высокое единство сочиненія, а постоянное стремленіе доказать въ исторіи присутствіе божественнаго промысла сообщаетъ ему своеобразную прелесть.

Характеръ. На всемъ отражается пріятный характеръ писателя. Прежде всего— его скромность. Нигдѣ не замѣтно гордости по поводу удавшагося сочиненія. нигдѣ не вырывается у него ни одного слова объ опасностяхъ и трудахъ, которымъ онъ, вѣроятно, подвергался во время своихъ путешествій. Онъ осматриваетъ чужія страны безъ предвзятой идеи; иногда ему можно бы пожелать даже побольше эллинскаго чувства собственнаго достоинства, когда онъ, напримѣръ, въ Египтѣ, позволяетъ легко убѣдить себя въ томъ, что греческіе боги впервые вышли оттуда. Какъ поэтъ, онъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за судьбою своихъ героевъ; „онъ скорбитъ со страждущими и радуется съ веселыми“, какъ удачно замѣтилъ одинъ древній критикъ. Онъ не дѣлаетъ разницы между грекомъ и варваромъ, отдаетъ справедливость врагу и совершенно свободенъ отъ націоналистическаго самовосхваленія. Даже въ его разсказахъ о большихъ національныхъ побѣдахъ нельзя подмѣтить особенно приподнятаго настроенія. Его мягкость сообщаетъ ему человѣчность и пониманіе человѣческихъ слабостей, причемъ онъ почти боязливо остерегается односторонне суроваго сужденія. А, между тѣмъ, этого человѣка обвиняли въ партійности и даже злобности! Въ новѣйшія времена приводили въ подтвержденіе, что онъ пристрастно оцѣниваетъ участіе лицъ и государствъ въ войнѣ за свободу, что онъ, справедливо подчеркивая важность рѣшительнаго выступленія аѳинянъ для побѣды при Саламинѣ, — явно унижаетъ Ѳеми-

стокла, которому принадлежала главная заслуга въ этой побѣдѣ, и нарочно старается уменьшить значеніе коринѳянъ. Какъ бы то ни было, въ Аѳинахъ, въ началѣ Пелопоннесской войны, господствовало такое мнѣніе, и Геродотъ, вѣрный своему принципу, ограничивается тѣмъ, что передаетъ общее настроеніе.

Искусство. Главная прелесть сочиненія заключается въ его изложеніи. Но и это искусство имѣетъ свои предѣлы. Напрасно стали бы мы искать у Геродота обобщающихъ взглядовъ и цѣльныхъ характеристикъ. Славу его составляетъ поразительная наглядность въ частностяхъ. Съ перваго листа онъ начинаетъ повѣствованіе о древнихъ временахъ, въ убѣдительномъ тонѣ разсказчика, который знаетъ подробно, какъ все произошло; далѣе, онъ прибавляетъ картину къ картинѣ, перечисляетъ великія міровыя событія, незначительные эпизоды и приводитъ полныя жизни описанія, причемъ удовольствіе писателя по поводу собраннаго матеріала невольно передается слушателю. Онъ научился своему искусству у Гомера, тогда какъ логографы удержали сухой тонъ гесіодовыхъ эпопей. Эпичны естественность и любовная точность, съ которой онъ рисуетъ какъ мельчайшія подробности, такъ и самое важное, эпичны свободно-придуманные авторомъ разговоры и рѣчи, которые нигдѣ не выдаютъ своего творца, часто тонко характеризуютъ говорящаго, а также часто заключаютъ общіе взгляды или собственныя понятія Геродота. Онъ можетъ разсказать до мельчайшихъ подробностей все, что происходило въ персидскомъ царскомъ совѣтѣ и даже въ спальномъ покоѣ великаго царя. А какъ жизненны ночныя совѣщанія передъ саламинской битвой! Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что многія изъ этихъ исторій, въ той формѣ, какую имъ придалъ Геродотъ, сдѣлались общимъ достояніемъ культурныхъ народовъ.

Языкъ. Языкъ Геродота тоже можно считать эпическимъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ не только усвоенный имъ еще на родинѣ іоническій діалектъ, но также свѣжесть и наглядность выраженій, удержавшихъ первоначальное конкретное значеніе многихъ словъ, весьма ограниченный запасъ послѣднихъ, часто повторяющіеся обороты и постоянныя переходныя формы. Предложенія связаны другъ съ другомъ, и попытки строить болѣе длинные періоды не всегда удаются. Весь стиль сочиненія, которое съ самаго начала предназначалось для устной передачи, дышитъ непринужденною свѣжестью рѣчи. Это—литературный языкъ, еще не вполнѣ образовавшійся, на которомъ только мѣстами замѣтно легкое вліяніе новаго риторическаго искусства.

Ктесій. Именно здѣсь будетъ умѣстно вспомнить о писателѣ, который, работая, повидимому, надъ достовѣрнымъ матеріаломъ, составлялъ рѣзкую противоположность съ Геродотомъ. Это—Ктесій, греческій врачъ, который жилъ при персидскомъ дворѣ съ 415 года и могъ даже, изда-

вая свою объемистую персидскую исторію, ссылаться на „царскія записи“. Но онъ писалъ, очевидно, только для развлеченія своихъ читателей и никакъ не можетъ претендовать на имя достовѣрнаго историка.

Іонъ.

Въ это же время возникаетъ также литература мемуаровъ. Трагикъ Іонъ записалъ свои „путевыя приключенія“, изъ которыхъ сохранились для насъ нѣкоторые интересные наброски изъ общественной жизни выдающихся по уму аѳинянъ. Не такъ отрадно то, что мы узнаемъ про сочиненіе Стесимброта Ѳасосскаго о Ѳемистоклѣ, Ѳукидидѣ и Периклѣ. Можно было бы видѣть значительный прогрессъ въ томъ, что онъ выдвигаетъ на первый планъ личности вліятельныхъ государственныхъ людей; къ сожалѣнію, онъ не идетъ дальше собиранія столичныхъ сплетенъ.

Стесимбротъ.

„Государство аѳинянъ“.

Наконецъ, начинается движеніе и въ Аттикѣ. Вначалѣ упомянемъ объ интересномъ маленькомъ сочиненіи „О государствѣ аѳинянъ“, которое нашлось среди писаній Ксенофонта. Въ немъ одинъ аѳинскій олигархъ описываетъ около 424 года, съ точки зрѣнія своей партіи, устройство Аѳинъ.

Ѳукидидъ.

Но второе произведеніе, принадлежавшее перу **Ѳукидида** (около 455—400), является наивысшимъ пуктомъ развитія исторіографіи, котораго никогда болѣе не достигали въ древности и достигли только много позднѣе въ новѣйшее время. Почти непонятный быстрый переходъ отъ Геродота къ Ѳукидиду объясняется противоположностью характеровъ, образованія, условій времени (стоитъ вспомнить о разстояніи между Софокломъ и Еврипидомъ) и задачей, которую каждый изъ нихъ себѣ ставилъ. А, между тѣмъ, только по сравненію съ Геродотомъ становится яснымъ, сколько сдѣлалъ этотъ единственный въ своемъ родѣ человѣкъ.

Жизнь.

Ѳукидидъ происходилъ изъ знатнаго рода, но не былъ чистокровнымъ аѳиняниномъ. Поэтому, вѣроятно, для него былъ недоступенъ прекрасный міръ иллюзіи, въ которомъ такъ охотно вращались его согражданe. Онъ выросъ подъ вліяніемъ духовныхъ силъ, которыя сдѣлали метрополію морского союза „очагомъ образованія для всей Эллады“. Онъ познакомился вполнѣ со всѣми новѣйшими изслѣдованіями и риторикой, но его самостоятельный духъ предостерегъ его отъ того, чтобы поддаться имъ безъ критики. Его изгнаніе было причиной того, что онъ рано закончилъ свое поприще полководца и государственнаго человѣка; это случилось въ 423 году, когда онъ не смогъ воспрепятствовать занятію Амфиполя Брасидомъ. Конечно, эта злосчастная судьба еще усилила мрачность его характера, но она же доставила ему одновременно досугъ для выполненія тогда же задуманной исторіи пелопоннесской войны. Находясь между обѣими партіями, онъ неустанно собиралъ свѣдѣнія, обдумывалъ, писалъ и даже предпринималъ путешествія въ различные пункты театра военныхъ дѣйствій. Но законченную форму своему давно задуманному произведенію онъ, повидимому, придалъ только въ Аѳинахъ, куда онъ получилъ право возвратиться послѣ

20 лѣтъ изгнанія. Смерть застигла его за работой, ибо восьмая книга, которой недостаетъ послѣдней отдѣлки, и которая даетъ намъ, такимъ образомъ, возможность узнать пріемы его творчества, обрывается среди событій 411 года.

Планъ сочиненія.

Монументальное величіе произведенія сказывается уже въ простотѣ его плана и строгой законченности. Разсказъ, хронологически расположенный по лѣтамъ (походы) и по зимамъ, идетъ неуклонно впередъ. Все, что не стоитъ въ непосредственной связи съ самою войною, именно все личное, неумолимо исключается, часто къ нашему сожалѣнію; ибо обо многомъ, что онъ пережилъ, мы бы охотно выслушали его, самаго достовѣрнаго разсказчика. Болѣе значительные экскурсы встрѣчаются почти только въ первой книгѣ. Чтобы поддержать свое мнѣніе о томъ, что эта война—величайшая и замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ эллинскихъ, онъ описываетъ во введеніи развитіе Греціи съ древнѣйшихъ временъ до Персидскихъ войнъ. Слѣдующій разсказъ о поводѣ къ войнѣ подробно знакомитъ насъ съ положеніемъ вещей. Но такъ какъ онъ признавалъ истинною причиною войны страхъ Спарты передъ возрастающимъ могуществомъ Аѳинъ, то онъ описываетъ возникновеніе и распространеніе послѣдняго въ особой вставкѣ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ какъ бы продолженіе исторіи Геродота.

351. Ѳукидидъ.
Мраморный бюстъ въ замкѣ Голкгамъ въ Англіи. Съ фотографіи.

Историческій методъ.

Своеобразный матеріалъ сдѣлалъ возможнымъ и даже требовалъ и другого обращенія съ нимъ, чѣмъ у Геродота. Кромѣ того, Ѳукидидъ могъ говорить о войнѣ и государственныхъ дѣлахъ какъ понимающій дѣло человѣкъ. Документы и памятники служили прочнымъ основаніемъ для нѣкоторыхъ частей сочиненія, устныя же сообщенія были хотя содержательнѣе и подробнѣе, но противорѣчивѣе, и потому безъ критики ими нельзя было пользоваться. Но Ѳукидидъ этимъ не удовольствовался. Благодаря неустанной работѣ мысли, онъ понялъ обѣ основныя задачи

истиннаго историка—установить не допускающую возраженія сущность дѣла и выслѣдить главныя причины и движущія силы историческихъ событій,—и выполнилъ эти задачи съ послѣдовательностью и самоотверженіемъ, какъ никто другой. Изслѣдованіе истины было для него цѣлью само по себѣ. Неустаннымъ наблюденіемъ онъ дошелъ до общихъ истинъ, основанныхъ на опытахъ, и до вѣрныхъ нормъ въ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ случаяхъ. При этомъ у него не встрѣчается болѣе вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ, какъ у Геродота. Стоя на почвѣ дѣйствительности и направляя взглядъ на цѣлое, онъ обозрѣваетъ совокупность отношеній, недостатки и достоинства въ характерахъ цѣлыхъ племенъ и ихъ вождей и выводитъ изо всего этого причины, почему все должно было случиться именно такъ, а не иначе, никогда не блуждая при этомъ въ воздушныхъ гипотезахъ. Поэтому критика его созидаетъ, никогда не разрушая. Это нигдѣ не выступаетъ такъ ясно, какъ въ его замѣчательно мѣткомъ обзорѣ древнѣйшихъ временъ. Передъ его остроумными обозрѣніями блѣднѣетъ легендарное преданіе, и цѣлые періоды вновь встаютъ, въ своей внутренней связи, свободные отъ поэтическихъ прикрасъ.

Въ своей строгой реальности образы Өукидида кажутся совершенно объективными. Но ни одинъ историкъ не можетъ, какъ этого желалъ Ранке, „забыть о своемъ собственномъ Я, чтобы выступать только органомъ вещей и мощныхъ силъ“. Этого не могъ также и Өукидидъ, который, какъ сильно чувствующій человѣкъ, принималъ вообще живое участіе въ лицахъ и событіяхъ, хотя онъ и взираетъ безстрастно на печальную судьбу своего родного города. Собственнаго его сужденія почти нигдѣ ясно не выражено; очевидно, это казалось несоотвѣтствующимъ достоинству предмета. Но онъ проникаетъ имъ самый разсказъ, который такимъ образомъ вездѣ передаетъ его собственное мнѣніе.

Искусство.

Вполнѣ сознательное искусство великаго историка сказывается уже въ томъ, что онъ, подобно трагику, вездѣ ставитъ свое „я“ на задній планъ. Все его произведеніе сооружается какъ мощная драма. Послѣ искусно и постепенно расположенныхъ сценъ изложенія начинается дѣйствіе. Кажущееся заключеніе, въ видѣ мира Никія (421), скрываетъ въ себѣ зародыши новыхъ осложненій. Вслѣдствіе настаиванія Алкивіада на необходимости похода противъ Сиракузъ вступаетъ въ дѣйствіе новый возбуждающій моментъ, который неудержимо ведетъ къ катастрофѣ. Какъ-будто предчувствуя, что онъ не доведетъ до конца своего сочиненія, Өукидидъ сосредоточилъ здѣсь всю свою силу. Уже теперь у насъ является увѣренность въ томъ, что судьба Аөинъ рѣшена. Его поразительному изложенію слѣдуетъ приписать то, что исходъ этого предпріятія представляется всегда, какъ одна изъ самыхъ потрясающихъ трагедій міровой исторіи. Какъ въ драмѣ, здѣсь изображены

хотя немногія, но зато ярко-освѣщенныя дѣйствующія лица. Средствомъ такого выпуклаго изображенія ему служили рѣчи, которыя составляли высшую художественную прелесть его произведенія. Здѣсь, конечно, древнія и новѣйшія понятія сильно отличаются другъ отъ друга. Стенографическая вѣрность передачи была невозможна; тонко чувствующему греку она показалась бы даже нарушеніемъ стилистическаго единства произведеній. Потому-то Ѳукидидъ и разъясняетъ, что у него ораторы говорятъ, „какъ имъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы говорить при данныхъ условіяхъ, причемъ онъ, по возможности, старается приблизиться къ содержанію дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей". Такимъ образомъ, онъ себѣ создаетъ возможность рѣзко освѣтить, въ рамкахъ своего разсказа, характеръ такихъ личностей, какъ Периклъ, Клеонъ или Алкивіадъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изложить положеніе вещей въ данный моментъ. То, что теперь предлагается читателямъ въ видѣ характеристикъ, введеній или обозрѣній, въ рѣчахъ Ѳукидида пріобрѣтаетъ жизнь и высокое значеніе. Периклъ обращается со своею надгробною рѣчью не къ толпѣ на Керамикѣ, но ко всѣмъ современникамъ и потомкамъ, чтобы развернуть передъ ними единственную въ своемъ родѣ идеальную картину аѳинскаго государства.

Языкъ Ѳукидида не всегда соотвѣтствовалъ богатству его мыслей и глубинѣ содержанія. Но у Ѳукидида этому приходится менѣе удивляться, чѣмъ у Пиндара (стр. 462), который уже нашелъ обработанный художественный языкъ, тогда какъ Ѳукидидъ впервые создавалъ историческій стиль въ аттическомъ языкѣ. Языкъ Ѳукидида ни въ какомъ случаѣ не такъ общедоступенъ, какъ языкъ Геродота. Весь тонъ его исторіи серьезенъ и суровъ. Его стремленіе къ краткому, но содержательному изложенію принуждаетъ насъ часто читать между строкъ слова или мысли. Абстрактная манера писать, обиліе причастій и частыя перемѣны конструкціи предложеній уменьшаютъ прозрачность періодовъ. Его выраженія кажутся нерѣдко изысканными, такъ какъ онъ не находилъ народный языкъ достойнымъ великаго предмета; однако, онъ избѣгаетъ всякой мишуры, несмотря на то, что вліяніе на него Горгія (стр. 259) было несомнѣнно очень значительно. Потому-то Цицеронъ сравниваетъ его съ благороднымъ, но терпкимъ фалернскимъ виномъ. Но кто не побоится труда углубиться въ чтеніе Ѳукидида, тому онъ покажетъ полную жизни картину безпокойнаго и критическаго времени, обозрѣваемаго однимъ изъ лучшихъ сыновъ родины, и дастъ множество глубокихъ мыслей и вѣчныхъ истинъ. Его твореніе сдѣлалось, какъ онъ и самъ предполагалъ „вѣчнымъ достояніемъ человѣчества" въ высшемъ значеніи этого слова. Языкъ.

Съ Ѳукидидомъ древніе чаще всего сравниваютъ сицилійца Филиста. И онъ пережилъ великую войну, насколько она отразилась Филистъ.

на Сиракузахъ, былъ позже военачальникомъ и государственнымъ человѣкомъ и писалъ въ изгнаніи исторію своей родины. Къ сожалѣнію, изъ его большой исторіи Сициліи намъ сохранилось слишкомъ мало для того, чтобы мы могли прослѣдить, насколько авторъ приблизился къ своему образцу Ѳукидиду.

Ксенофонтъ. **Ксенофонтъ** (около 435—355). Достаточно бросить взглядъ на аѳинскаго продолжателя Ѳукидида, чтобы убѣдиться въ томъ, на какой одинокой высотѣ стоитъ тотъ. Ксенофонтъ былъ человѣкъ практическій, храбрый воинъ, умѣлый всадникъ и охотникъ. Онъ не обладалъ глубиною и высокимъ полетомъ мысли, но у него былъ трезвый, ясный умъ и умѣнье хорошо разсказывать. Его всюду прославившееся творчество служило исключительно практическимъ, а не высшимъ цѣлямъ.

Жизнь. Два факта повліяли рѣшительнымъ образомъ на направленіе его жизни: его тѣсное общеніе съ Сократомъ и его участіе въ походѣ Кира Младшаго. Когда онъ, слѣдуя приглашенію своего друга Проксена, присоединился къ толпѣ его греческихъ наемныхъ солдатъ, онъ не предвидѣлъ, что болѣе не вернется въ свое отечество. Его любовь къ войнѣ, его восхищеніе Спартой и ея царемъ, Агесилаемъ (ср. стр. 236) удержали его въ Азіи; а когда онъ съ этимъ царемъ при Коронеѣ въ 394 году вышелъ въ поле противъ своихъ соотечественниковъ, его по заслугамъ постигла судьба изгнанника. Но ему легко было переносить изгнаніе въ богатомъ лѣсомъ и дичью имѣніи Скиллунтѣ близъ Олимпіи, назначенномъ ему его спартанскими друзьями. Изгнанный оттуда впослѣдствіи, онъ вернулся въ Коринѳъ и остался тамъ даже тогда, когда, по окончаніи изгнанія, у него возстановились хорошія отношенія къ Аѳинамъ. Въ Скиллунтѣ и Коринѳѣ онъ написалъ сочиненія, которыя вполнѣ сохранились для насъ.

„Эллинская исторія". „Эллинская исторія" есть какъ бы продолженіе сочиненія Ѳукидида, примыкающее непосредственно къ его заключенію и повѣствующее о послѣднихъ годахъ Пелопоннесской войны (411—404). Лишенное поэзіи и неровное изложеніе только въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, напр., въ процессѣ аргинусскихъ вождей, дѣлается подробнѣе. Съ бо́льшей свободой и живостью Ксенофонтъ описываетъ потомъ сраженія въ Азіи и Греціи до царскаго міра (387) и возвышеніе Ѳивъ до сраженія при Мантинеѣ (362). Даже здѣсь многія важныя событія едва упомянуты; зато большіе отдѣлы сочиненія содержатъ цѣнныя сообщенія компетентнаго свидѣтеля. Но вездѣ ясно выступаетъ его предпочтеніе Спарты и его антипатія къ Ѳивамъ. Онъ не говоритъ сознательной неправды, но группировка событій, искусное распредѣленіе свѣта и тѣней, игнорированіе непріятныхъ предметовъ въ общемъ даютъ невѣрную картину. Вездѣ онъ восхваляетъ своего покровителя Агесилая, которому онъ написалъ даже особое похвальное слово, тогда какъ величія Эпаминонда онъ совсѣмъ не понимаетъ и не желаетъ его понимать. Онъ имѣлъ бы полное право выражать открыто свое личное мнѣніе, если бы онъ писалъ мемуары, но такъ какъ онъ хотѣлъ написать всеобщую исторію и свое „я" преднамѣренно ставилъ на задній планъ,—получается обманчивый видъ объективности.

Гораздо лучшее впечатлѣніе производитъ общеизвѣстный „Анабасисъ; если уже попытка Кира свергнуть съ престола своего брата была отважнымъ предпріятіемъ (ср. стр. 236), то смѣлое отступленіе 10000 грековъ было величайшимъ подвигомъ въ военной исторіи. Въ успѣхѣ этого отступленія Ксенофонтъ принималъ немаловажное участіе. Потому-то въ каждой строкѣ его разсказа сквозитъ радость повѣствователя о событіяхъ, которыя онъ самъ переживалъ, и о дѣлахъ, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе. Въ его описаніи историческая правда переплетается съ чудесною прелестью приключеній, а къ разсказу о значительныхъ событіяхъ присоединяются очерки чужихъ странъ и народовъ. Именно потому, что онъ не допускаетъ реторическихъ украшеній и заставляетъ факты говорить за себя, они получаютъ болѣе интересное значеніе. Невозможно читать безъ внутренняго волненія о коварномъ плѣненіи полководцевъ, о послѣдовавшей затѣмъ полной отчаянія ночи и о мужественномъ рѣшеніи лишенной вождя толпы пробиться на родину, о сраженіи съ дикими горными племенами, о борьбѣ съ ужасами природы и неистовствомъ стихій, наконецъ, о торжествѣ при первомъ видѣ давно желаннаго моря. Въ „Анабасисѣ“ встрѣчаемъ мы первыя попытки характеризовать въ немногихъ словахъ отдѣльныя личности. Въ древней литературѣ съ нимъ можно сравнить только комментаріи Цезаря. „Арабасисъ“.

Историческій интересъ имѣетъ еще маленькое сочиненіе о „Государствѣ лакедемонянъ“, представляющее похвалу спартанскому государственному устройству, и еще болѣе—записка о „Доходахъ Аѳинъ“, въ которой восьмидесятилѣтній старецъ излагаетъ проекты о томъ, какъ улучшить финансы своего родного города.

„Киропедія“ не имѣетъ ничего общаго съ исторіей. Она выдаетъ себя за жизнеописаніе Кира Старшаго. Но идеальный образъ, который Ксенофонтъ въ ней изображаетъ, имѣетъ очень мало отношенія къ могущественному основателю персидскаго царства; это скорѣе тенденціозный романъ, въ которомъ Ксенофонтъ изложилъ свои мысли о томъ, какъ долженъ быть воспитанъ, жить и управлять настоящій властитель. Непозволительная смѣлость, съ которой онъ измѣняетъ историческую правду, смущаетъ читателя, а поучительная тенденція, выступающая на первый планъ, какъ въ знаменитомъ дидактическомъ романѣ Фенелона, слишкомъ замѣтна, чтобы чтеніе „Киропедіи“ могло быть увлекательнымъ. „Киропедія“.

Такъ называемыя философскія сочиненія Ксенофонта имѣютъ также, главнымъ образомъ, историческое значеніе, поскольку они изображаютъ дѣятельность Сократа и даютъ намъ понятіе объ общественной и домашней жизни своего времени. „Меморабиліи Сократа“ не касаются вовсе сущности его философіи. Но практическое значеніе его наставленій Ксенофонтъ замѣчалъ въ теченіе всей своей жизни и въ своей книгѣ о Сократѣ объяснилъ его вліяніе какъ воспитателя и учителя, который „неутомимо приносилъ пользу другимъ своимъ примѣромъ и ученіемъ“; такимъ образомъ, благодарный ученикъ опровергнулъ позднѣйшую враждебную клевету на своего учителя. Въ это повѣствованіе вошли расположенные по группамъ, сообразно предмету, многочисленные разговоры, которые составляютъ главную часть книги по объему и содержанію. Конечно, ихъ нельзя сравнивать съ мастерскими произведе- Философскія сочиненія.

ніями Платона. Недостаетъ художественной обработки; рѣчи просты, однообразны; даже когда присутствуетъ нѣсколько лицъ, разговоръ ведутъ только двое, но часто одинъ Сократъ. Но зато Ксенофонтъ, въ противоположность Платону, желаетъ передать только то, чему Сократъ дѣйствительно училъ, и настолько точно, насколько это было возможно много лѣтъ послѣ смерти учителя. Что же касается книги „О домашнемъ хозяйствѣ“, руководствѣ, какъ устроить и вести образцовый домъ, и какъ, главнымъ образомъ, заниматься земледѣліемъ, то здѣсь, очевидно, Ксенофонтъ вложилъ въ уста Сократа свои собственные взгляды и наблюденія. Его пріятный характеръ самъ собою сказывается въ разсужденіяхъ о томъ, какъ хозяинъ дома долженъ относиться къ своей супругѣ (ср. стр. 282) и рабамъ. Художественнѣе задуманъ „Пиръ“, въ которомъ авторъ желаетъ доказать, что поведеніе и рѣчи благородныхъ людей на пиру тоже достойны изображенія. Не одинъ Сократъ, но цѣлый рядъ участниковъ, вплоть до шута, забавляющаго общество, встаютъ передъ нами въ рельефныхъ и симпатичныхъ фигурахъ потому, что каждый изъ гостей, по предложенію Сократа, долженъ сказать, чѣмъ онъ наиболѣе гордится, и объяснить—почему.—Наконецъ, Ксенофонтъ сочинялъ маленькіе техническіе трактаты, напр., „О верховой ѣздѣ“ (ср. образецъ стр. 353), „объ обязанностяхъ и задачахъ начальника надъ всадниками“ и „Объ охотѣ“, если только это сочиненіе подлинно. Его освѣдомленность въ этихъ вещахъ очень высоко цѣнится также новѣйшими знатоками.

Техническія сочиненія.

Характеристика.

Правильное сужденіе о Ксенофонтѣ должно занимать среднее мѣсто между прежнимъ восхищеніемъ и тѣмъ пренебреженіемъ, которое часто высказываютъ въ новѣйшее время. Достойна удивленія для его времени многосторонность его подвижнаго духа, которая побуждала его проявлять себя на столь различныхъ поприщахъ. Несмотря на это, его нельзя считать полиграфомъ. Вмѣстѣ съ необходимымъ знаніемъ дѣла, мы у него вездѣ съ удовольствіемъ замѣчаемъ искренній интересъ къ своему предмету и честное стремленіе просвѣтить и воспитать своихъ современниковъ. Естественно, что при этомъ онъ не могъ достигнуть такой глубины, какъ это было бы, если бы онъ посвящалъ свои силы одному предмету. Для его ума, направленнаго на все практическое, была закрыта глубина философской спекуляціи, также какъ и взглядъ на связь и причины историческихъ событій. Когда онъ объясняетъ послѣднія чисто-личными побужденіями или прямымъ вмѣшательствомъ божества, то это сознательное возвращеніе къ Геродоту вполнѣ соотвѣтствуетъ благочестивой вѣрѣ его сердца, но въ четвертомъ столѣтіи оно должно было производить впечатлѣніе отсталости.

Простая прелесть его языка была оцѣнена еще въ древности, но и теперь можно находить въ ней удовольствіе, хотя доказано, что онъ не пренебрегалъ реторическими средствами, и что, слѣдовательно, простота его стиля была намѣренная и, можетъ-быть, даже разсчитанная. Ибо въ ней видно здоровое пониманіе всего соразмѣрнаго и естественнаго, что, съ теченіемъ времени, утратилось его преемниками.

Послѣ Ксенофонта исторіографія долго находилась въ области риторическаго искусства Исократа (ст. стр. 531), хотя исторіи менѣе всего свойственно жертвовать правдою и ясностью изложенія ради стремленія къ гладкому и художественному повѣствованію. Къ тому же писатели были, по большей части, ученые безъ политической и военной опытности. Намъ едва ли понравились бы ихъ размѣренные, длинные періоды, ихъ прекрасныя рѣчи и нравственныя размышленія; но что тогдашніе читатели желали именно такой исторіи,—это—знаменательная особенность того времени. Позднѣйшая исторіографія.

Эфоръ и Ѳеопомпъ были учениками Исократа, который, можетъ-быть, самъ и направилъ ихъ литературную дѣятельность. Эфоръ изъ Кимы написалъ первую общую греческую исторію. Онъ началъ съ дорическаго переселенія, вслѣдствіе чего вполнѣ цѣлесообразно отдѣлилъ легендарное время отъ греческой исторіи и хотѣлъ дойти до начала царствованія Александра, но, однако, не достигъ вполнѣ этой цѣли. То, что онъ съ величайшимъ прилежаніемъ собралъ воедино чудовищно-обширный историческій матеріалъ и ловко его обработалъ, создало ему руководящее вліяніе на позднѣйшую исторіографію. Каждая изъ его 30 книгъ должна была, по возможности, представлять нѣчто цѣлое; но въ обработкѣ фактовъ ему недоставало твердаго метода и равно справедливой критики; также его многословныя попытки объясненій были поверхностны. Эфоръ.

Ѳеопомпъ изъ Хіоса въ своей эллинской исторіи какъ бы продолжалъ исторію Ѳукидида, какъ и Ксенофонтъ, но въ 12 книгахъ дошелъ только до 394 года. Его главное сочиненіе была исторія Филиппа, занимавшая не менѣе 58 книгъ, которыя, однако, только въ небольшой своей части были посвящены этому македонцу, такъ какъ Ѳеопомпъ оказывалъ особое предпочтеніе пространнымъ экскурсамъ. Въ противоположность всегда спокойному Эфору, онъ писалъ порывисто, даже страстно, но, какъ и тотъ, изысканно. Его сужденіе было рѣзко, а зачастую несправедливо и злобно, и его страсть выслѣживать личныя слабости, напр., самого Филиппа, мѣшала ему видѣть его политическое величіе; но современникамъ это нравилось.—Также многіе другіе писатели еще въ IV столѣтіи обрабатывали разные отдѣлы эллинской исторіи или, усердно занимаясь мѣстными изслѣдованіями, накопляли полезныя для науки сокровища антикварной учености. Ѳеопомпъ.

Новый подъемъ духа у историковъ могло бы вызвать основаніе македонской міровой державы; но Александръ не нашелъ ни Гомера, котораго онъ себѣ желалъ, ни даже исторіографа, котораго онъ заслуживалъ. Многіе изъ спутниковъ Александра описывали его походы, напр., Каллисѳенъ, племянникъ Аристотеля, и одинъ изъ полководцевъ, Птолемей. Другіе послѣдовали ихъ примѣру, но между ними не нашлось великаго историка. Птолемей и Аристобулъ могли положить въ основа- Исторіографія Александра.

ніе своихъ сочиненій придворныя государственныя записи; но скоро эта надежная почва была оставлена, и дѣла Александра были чудовищно преувеличены, частью благодаря придворной лести, частью изъ любви къ сочиненію басенъ. Изъ исторіи Александра, такимъ образомъ, выросъ романъ объ Александрѣ, который обрабатывался даже въ средніе вѣка.

География. Между тѣмъ, благодаря завоеваніямъ великаго царя открылась широкая, еще неизслѣдованная область для географіи, къ которой, впрочемъ, также скоро присоединилась сказка. Достовѣрностью отличался докладъ адмирала Неарха объ экспедиціи флота, предпринятой по приказанію Александра. Единственная сохранившаяся географическая книга относится къ болѣе раннему времени; это сочиненная въ 356 году „Поѣздка по обитаемой землѣ", такъ назыв. Скилака, который перечисляетъ очень сухимъ языкомъ побережныя страны Европы, Азіи, Ливіи и называетъ ихъ жителей.

5. Краснорѣчіе.

Естественное краснорѣчіе. Прирожденными ораторами среди грековъ были искони іоняне; потому-то въ одномъ мѣстѣ „Иліады" цѣлью воспитанія поставлено: „быть и витіей въ рѣчахъ и въ дѣлахъ дѣловымъ человѣкомъ". И по праву, позднѣйшіе критики считали стараго Гомера первымъ учителемъ краснорѣчія. Въ народномъ собраніи во второй книгѣ и въ особенности (книга IX) на турнирѣ краснорѣчія въ палаткѣ Ахилла отдѣльныя рѣчи съ удивительною точностью соотвѣтствуютъ цѣли и характеру говорящихъ. Въ позднѣйшее время оказывалось, что слово часто бывало даже болѣе острымъ оружіемъ, чѣмъ мечъ. Въ сущности, мирное развитіе аѳинской демократіи было немыслимо безъ воздѣйствія на массы хотя и безыскусственнаго, но убѣдительнаго краснорѣчія. Какое другое средство имѣлъ Ѳемистоклъ въ своемъ распоряженіи, чтобы расположить народъ въ пользу своихъ смѣлыхъ идей? А Периклъ, неограниченный властитель въ чисто-демократическомъ государствѣ, вполнѣ управлялъ многоголовою толпою только благодаря силѣ своего слова. Когда новый Олимпіецъ на ораторской трибунѣ „металъ громы и молніи", тогда на устахъ его „витало убѣжденіе, и онъ одинъ оставлялъ жало въ сердцахъ слушателей". Кромѣ того, при постоянно увеличивавшемся числѣ процессовъ, каждый гражданинъ могъ очутиться лицомъ къ лицу съ задачей убѣдить въ справедливости своего дѣла многочисленную коллегію судей, народное собраніе въ маломъ видѣ. Наконецъ, тогда существовалъ обычай произносить публичныя погребальныя рѣчи въ честь павшихъ на войнѣ. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ всѣ три рода краснорѣчія, кото-

рыя впослѣдствіи различались въ реторикѣ,—политическій, судебный и торжественный,—уже были подготовлены, прежде чѣмъ позаботились выдѣлить ихъ въ особое искусство или обнародованіемъ этихъ произведеній сохранить ихъ для потомства.

Реторика. Реторика, какъ наука, зародилась на Западѣ греческаго міра. Въ Сиракузахъ, гдѣ любили процессы, послѣ низверженія тиранніи (465) Коракъ и Тисій изобрѣли опредѣленныя правила для судебныхъ рѣчей, а когда Ѳрасимахъ изъ Халкедона впервые объявилъ періодизацію примѣтой хорошей прозаической рѣчи, софистъ Горгій изъ Леонтинъ (ср. стр. 540) создалъ впервые изъ реторики, этой „мастерицы убѣжденія", то орудіе, которое до сихъ поръ каждый ораторъ употребляетъ сознательно или безсознательно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ возбудилъ неслыханный интересъ своею рѣчью, произнесенною имъ въ 427 году въ Аѳинахъ въ качествѣ посла отъ своего родного города, онъ перенесъ свою учительскую дѣятельность въ Элладу и существенно содѣйствовалъ своими произведеніями тому, чтобы аттическій діалектъ сдѣлался общегреческимъ литературнымъ языкомъ. Чтобы возвысить рѣчь образованныхъ людей надъ народнымъ языкомъ, онъ обогатилъ ее поэтическими выраженіями, сообщилъ ей, съ помощью необыкновенныхъ словъ и избранныхъ оборотовъ, бóльшее достоинство и украсилъ ее названными по его имени фигурами. Симметричнымъ построеніемъ предложеній и одинаковымъ объемомъ соотвѣтствующихъ другъ другу членовъ предложенія („исоколами") онъ старался замѣнить ритмъ и стихъ. Созвучія въ словахъ (Paromoia), даже риѳмы уже встрѣчались довольно часто у поэтовъ; соединеніе противоположныхъ оборотовъ (антитеза) уже были даны самимъ построеніемъ греческой рѣчи; но только Горгій переработалъ все это въ техническіе пріемы искусства. Чрезмѣрное примѣненіе этихъ пріемовъ, конечно, придало его стилю нѣчто несвязное, искусственное и холодное и вызвало здоровую реакцію, послѣ того какъ прошло первое увлеченіе.

Аттическіе ораторы. Дальнѣйшее развитіе новаго искусства совершилось исключительно въ Аѳинахъ, и притомъ въ теченіе какой-нибудь сотни лѣтъ; достаточное доказательство того, какъ хорошо тамъ была подготовлена для него почва. Тамъ проявили свою дѣятельность десять ораторовъ, которыхъ впослѣдствіи, несмотря на ихъ различное достоинство, сопоставляли вмѣстѣ, въ качествѣ образцовъ (канонъ). Многія изъ ихъ рѣчей теперь мы читаемъ со смѣшанными чувствами. Правда, мы удивляемся силѣ и благозвучію языка, находчивости и законченности доказательствъ, но нерѣдко насъ отталкиваетъ преувеличеніе или извращеніе смысла законовъ, брань, клевета и другія средства повліять на судей, вмѣсто того, чтобы убѣдить ихъ, — стоитъ только вспомнить „Осы" Аристофана! Предметы, о которыхъ говорится въ этихъ рѣчахъ, также не всегда

способны заинтересовать насъ; только Демосѳенъ умѣетъ даже на мелочи смотрѣть съ высшей точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы находимъ въ высшей степени цѣнные источники для живого изученія исторіи и культурныхъ условій того времени.

Антифонтъ. Антифонтъ, глава олигархической партіи, который заплатилъ жизнью за свое участіе въ государственномъ переворотѣ 411 года (ср. стр. 236), указалъ путь, по которому за нимъ послѣдовали другіе: онъ создалъ своимъ рѣчамъ, посредствомъ обнародованія ихъ, такое вліяніе, которое не ограничивалось ихъ ближайшею цѣлью; онъ сочинялъ, какъ литографъ, судебныя рѣчи для другихъ, такъ какъ, по аѳинскимъ обычаямъ, каждый долженъ былъ лично вести свое дѣло передъ судомъ, и основалъ школу краснорѣчія. Намъ сохранилось 15 его рѣчей по процессамъ объ убійствахъ; 12 изъ нихъ—короткія рѣчи, въ видѣ упражненій на три вымышленные судебные случая, въ которыхъ обвинители и защитники говорятъ по два раза. Его еще строгій стиль отдаетъ стариной.

Андокидъ. Болѣе юный Андокидъ, отказавшись отъ горгіевыхъ украшеній рѣчи, перешелъ къ обыденному языку. Его три рѣчи, которыя онъ произнесъ по поводу собственныхъ процессовъ, даютъ намъ возможность заглянуть въ его безпокойную жизнь: онъ былъ замѣшанъ въ процессѣ о гермахъ и два раза изгнанъ изъ Аѳинъ.

Лисій. Первымъ классическимъ ораторомъ былъ Лисій (около 450—380). Его отецъ переселился изъ Сиракузъ въ Аѳины по вызову Перикла. Самъ онъ прожилъ большую часть своей жизни въ Ѳуріяхъ, откуда онъ возвратился въ Аѳины въ 412 году. Во время владычества тридцати онъ поплатился своимъ состояніемъ и едва спасъ свою жизнь: хотя онъ и не былъ гражданиномъ, онъ принялъ тогда дѣятельное участіе въ возстановленіи демократіи. Священная обязанность привлечь къ отвѣтственности одного изъ властителей, Эратосѳена, за казнь родного брата, привела его также и на ораторскую трибуну, а нужда заставила его использовать ораторскую подготовку и сочинять рѣчи для другихъ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался популярнѣйшимъ адвокатомъ, написавшимъ больше двухсотъ рѣчей; сохранилось только 34, и изъ нихъ нѣсколько неподлинныхъ.

Одновременно съ этимъ переходомъ отъ школьной реторики къ практикѣ произошелъ переломъ также и въ его техникѣ. Если вначалѣ онъ былъ вполнѣ увлеченъ взвинченной манерой Горгія, то теперь онъ, въ противоположность ей, создалъ простой, ясный и краткій стиль, который легко достигалъ цѣли безъ примѣненія особенныхъ искусственныхъ пріемовъ и цѣнился такъ же высоко, какъ въ исторіографіи стиль Ксенофонта (ср. стр. 526). Заказанныя рѣчи приноравливались обыкновенно къ характеру того, кто долженъ былъ ихъ произносить; поэтому нельзя было влагать въ уста простому гражданину художественные пе-

ріоды и красивыя фигуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлый адвокатъ долженъ былъ представить себѣ нравственную физіономію, степень образованія и образъ мыслей своихъ кліентовъ, а этимъ поистинѣ нелегкимъ искусствомъ Лисій владѣлъ въ высокой степени. Онъ умѣетъ такъ искусно маскировать свою собственную личность, что многіе, произносившіе его рѣчи, еще теперь, какъ живые, стоятъ передъ нами, какъ они стояли тогда передъ аѳинскимъ судилищемъ: инвалидъ, который съ истиннымъ озлобленіемъ и не безъ ѣдкаго природнаго остроумія борется за жалкое пособіе, которое у него хотятъ отнять; язвительный всадникъ Мантиѳей, который опровергаетъ доводы противъ его права быть избраннымъ въ совѣтъ со вполнѣ идущею къ нему смѣлостью, и другіе. Интересно также разнообразіе сюжетовъ. Рѣчь противъ Эратосѳена и сходная съ ней противъ Агората изображаютъ въ яркихъ краскахъ безнадежное состояніе общества подъ владычествомъ тридцати. Въ другихъ рѣчахъ мы находимъ прелестныя культурно-историческія жанровыя картинки, изображающія ежедневный бытъ и экономическія условія того времени. Потому что, именно, въ наглядномъ повѣствованіи о данномъ юридическомъ случаѣ, которое, слѣдуя за вступленіемъ (Prooemium), подготовляло ходъ доказательствъ, заключается главное искусство Лисія. Совершенно захватываетъ читателя разсказъ объ арестѣ его несчастнаго брата и о его собственномъ побѣгѣ изъ рукъ грубыхъ сыщиковъ. Онъ умѣетъ ловко группировать отдѣльные моменты и предупреждать нападенія противника; но въ искусствѣ доказывать Антифонтъ его превосходитъ.

Исей, происходившій изъ Евбеи, точно также не былъ гражданиномъ и потому поневолѣ ограничивался дѣятельностью адвоката. Въ этой области онъ отличался, во всякомъ случаѣ, остроумнымъ веденіемъ дѣлъ о наслѣдствѣ, хотя и не безъ крючкотворства. Ибо всѣ его 11 рѣчей принадлежатъ къ этой области и потому очень важны для изученія аттическаго наслѣдственнаго и семейнаго права. Его стиль не такъ простъ и естественъ, какъ стиль Лисія, такъ какъ на немъ уже замѣтно сильное вліяніе Исократа. Исей.

Наиболѣе прославляемымъ учителемъ краснорѣчія былъ Исократъ (436—338). Въ молодости онъ былъ послѣдователемъ Сократа, потомъ не вполнѣ подчинился вліянію Горгія, хотя слабость его голоса и робость мѣшали ему, къ его большому огорченію, выступать публично. Такъ какъ дѣятельность повѣреннаго по дѣламъ доставляла ему много непріятностей, онъ ее бросилъ и открылъ еще раньше 390 года свою школу, въ которой онъ обѣщалъ давать многостороннее образованіе любознательнымъ юношамъ, объединяя и усиливая, такимъ образомъ, успѣхи философовъ, софистовъ и риторовъ. Скоро, несмотря на довольно высокій гонораръ въ 1000 драхмъ, къ нему стеклось много народа, и многіе Исократъ.

мужи, проявившіе себя значительною дѣятельностью на различныхъ поприщахъ, признали себя его учениками. Еще болѣе дѣйствовалъ онъ на современниковъ своимъ писательствомъ. Его статьи, отдѣланныя съ безконечною тщательностью,—одинъ панегирикъ онъ отдѣлывалъ въ теченіе десяти лѣтъ,—по формѣ представляютъ собою рѣчи, которыя должны были служить образцами таковыхъ для его учениковъ и почитателей. Ихъ содержаніемъ онъ старался воспламенить образованныхъ людей своего народа и руководящихъ государственныхъ мужей въ Элладѣ и внѣ ея въ пользу своихъ идеаловъ. Къ этому роду произведеній и относится бо́льшая часть его рѣчей, которыхъ насчитывается 21; это—первыя „передовицы“, какія мы имѣемъ.

Исократъ, собственно говоря, человѣкъ золотой середины. Онъ развиваетъ похвальные принципы и всякаго рода добрыя и умныя мысли, но ему недостаетъ всепокоряющей силы внутренняго убѣжденія, а высокій полетъ мыслей Платона недоступенъ его душѣ. Ѳиміамъ, который онъ воскуряетъ самому себѣ, далеко превосходитъ границы того, что мы считаемъ разрѣшеннымъ античной наивности. Своими же государственными стремленіями онъ больше повредилъ своему отечеству, чѣмъ принесъ ему пользы. Онъ былъ первымъ изъ тѣхъ благомыслящихъ кабинетныхъ политиковъ, которые боязливо сторонятся отъ общественной жизни и все-таки думаютъ, что понимаютъ ее и могутъ ее направлять. Онъ мечталъ о примиреніи и мирномъ единеніи всѣхъ эллиновъ въ борьбѣ съ варварами, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что прошли уже тѣ времена, когда этимъ путемъ можно было достичь желанной свободы, и что онъ, въ концѣ концовъ, работалъ только въ пользу честолюбивыхъ плановъ Филиппа.

Величіе Исократа заключается въ совершенной формѣ его сочиненій. Въ своемъ стремленіи къ благозвучію и равномѣрности онъ заботливо избѣгалъ всего жестокаго (въ особенности непріятнаго столкновенія двухъ гласныхъ, такъ назыв. „зіянія“), придавалъ своимъ словамъ ритмическое благозвучіе и строилъ, въ противоположность Горгію, великолѣпные округленные періоды, равномѣрность которыхъ очаровывала грековъ; между тѣмъ, какъ наше ухо, менѣе чувствительное къ внѣшней красотѣ языка, скоро утомляется отъ гармонически вздымающихся и спускающихся звуковыхъ волнъ. Все слишкомъ красиво соединено и слишкомъ тонко отдѣлано, чтобы казаться притомъ еще естественнымъ. Какъ законодатель для всякой прозы, Исократъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оказывалъ своими сочиненіями руководящее, но не всегда благотворное вліяніе: что у мастера было тонкимъ искусствомъ, у подражателей легко перерождалось въ изысканность и манерность, которыя, ради эффекта, насиловали языкъ и даже искажали истину.

Демосѳенъ. Художнику рѣчи, Исократу, который отступалъ передъ каждою

истинною страстью, можно противопоставить могучаго народнаго оратора **Демосөена** (383—322), который художественныя формы наполнилъ своею могучею личностью и только воспользовался этими формами для служенія великой идеѣ.

Жизнь. Тѣнь тяжелыхъ заботъ и неосуществленныхъ надеждъ лежитъ на мрачномъ лицѣ, какъ и на всей жизни этого человѣка. Необходимость отвоевать отцовское наслѣдіе у нечестныхъ опекуновъ привела его въ школу Исея, а потомъ и къ практикѣ повѣреннаго по дѣламъ. Но эта дѣятельность не могла его удовлетворить надолго. Преодолѣвъ съ настойчивымъ терпѣніемъ физическія препятствія, которыя мѣшали ему выступить публично, онъ завоевалъ себѣ самое выдающееся мѣсто среди совѣтниковъ своего народа. Раньше другихъ распозналъ онъ проницательнымъ взоромъ тяжелыя грозовыя тучи, собиравшіяся противъ Эллады на сѣверѣ. Его борьба съ Филиппомъ Македонскимъ, которую онъ началъ первою рѣчью противъ него въ 351 году, принадлежитъ исторіи (ср. стр. 237). Эта борьба была безнадежна, потому что ее нужно было вести не только противъ хитраго и могущественнаго внѣшняго врага, но еще болѣе противъ безпечности согражданъ, противъ близорукости и разрозненности государственной власти и даже противъ измѣны въ собственномъ лагерѣ. Теперь мы, конечно, знаемъ, что многіе, противившіеся его планамъ, ни въ какомъ случаѣ не были подкуплены Филиппомъ, но были честно убѣждены въ томъ, что Аѳинамъ такая борьба была болѣе не подъ силу. Дальнѣйшій ходъ событій доказалъ справедливость ихъ мнѣнія, но, тѣмъ не менѣе, никто не можетъ осудить Демосөена за то, что онъ брался за невозможное и думалъ, что ему удастся силою своего слова и примѣра возвысить свой народъ до своей точки зрѣнія. Если это не удалось даже великому Периклу, насколько труднѣе это было Демосөену, который не былъ въ состояніи, какъ Периклъ, въ качествѣ полководца провести въ дѣло то, что онъ совѣтовалъ какъ государственный человѣкъ. Когда его признали, было уже слишкомъ поздно; его неустанная борьба противъ послѣдняго нападенія Филиппа уже не могла помѣшать пораженію при Херонеѣ, гдѣ онъ, руководящій государственный человѣкъ, сражался уже только какъ обыкновенный воинъ. Затѣмъ ему доставила удовлетвореніе полная побѣда надъ его главнымъ противникомъ Эсхиномъ въ знаменитомъ процессѣ о почетномъ вѣнкѣ, котораго Демосөенъ не получилъ по проискамъ своихъ враговъ (330). Послѣдніе его годы были тягостны. Въ отвратительномъ процессѣ Гарпала Демосөенъ, обвиненный въ подкупности, былъ хотя и не уличенъ, но осужденъ, такъ какъ предполагали, что онъ взялъ большую сумму денегъ у Гарпала, казначея Александра, бѣжавшаго въ Аѳины. И, наконецъ, уже бѣглецомъ на Калавріи, онъ долженъ былъ принять ядъ, чтобы не попасть въ руки македонскимъ сыщикамъ.

Характеръ. Вопреки злобнымъ нападкамъ его противниковъ, законченный образъ Демосөена возвышается надъ малодушіемъ и нравственною изнѣженностью его современниковъ. Глубокая серьезность и твердая воля составляли сущность его характера. Страстность его огненной души не исключала спокойной обдуманности и холоднаго обсужденія въ рѣшительныя минуты. То, что его государственная дѣятельность иногда при-

нимала агитаторскій характеръ, и что онъ не колебался отвѣчать на брань враговъ тою же монетою,—все это соотвѣтствовало условіямъ

352. ДЕМОСѲЕНЪ.

Гипсовый слѣпокъ съ мраморной статуи въ Римѣ (съ фотографіи). Мраморный оригиналъ держитъ въ рукахъ развернутый исписанный свитокъ. Приведенное здѣсь правильное воспроизведеніе рукъ, удостовѣренное недавними удачными находками, даетъ возможность отождествить это произведеніе съ мѣдной статуей Поліэвкта, которая была воздвигнута Демосѳену въ 280 году на рынкѣ Аѳинъ.

времени и не можетъ быть лично поставлено ему въ вину. Его пламенный патріотизмъ поставилъ передъ нимъ высокую идеальную цѣль, къ которой онъ, хотя и разочарованный и непризнанный, всегда стремился съ одинаковою настойчивостью. Онъ принадлежитъ къ людямъ, которые исчахли на службѣ отечеству.

Изъ 60 рѣчей, носящихъ его имя, немного болѣе половины принадлежатъ дѣйствительно ему. Первое мѣсто принадлежитъ государственнымъ рѣчамъ, изъ которыхъ опубликованныя имъ сохранились вполнѣ. Среди нихъ выдѣляются три филиппики и три олинѳскія рѣчи, въ которыхъ онъ побуждаетъ аѳинянъ къ энергичной защитѣ осажденнаго Филиппомъ важнаго города Олинѳа. Также многія изъ его тяжебныхъ рѣчей носятъ исключительно политическій характеръ, такъ какъ онъ, вслѣдствіе своей общественной дѣятельности, не разъ запутывался въ судебные процессы или выступалъ обвинителемъ въ интересахъ государства. Такъ, рѣчь „о вѣнкѣ“, перлъ демосѳеновскаго краснорѣчія, разрослась въ обширный отчетъ о всемъ, къ чему онъ стремился и чего достигъ для своего отечества.

Позднѣйшими историками Демосѳенъ назывался просто „ораторомъ“ и съ полнымъ основаніемъ. Въ періодъ полнаго расцвѣта своихъ силъ онъ съ одинаковымъ мастерствомъ владѣлъ всѣми тремя родами краснорѣчія, между тѣмъ какъ его предшественники, по бóльшей части, выступали лишь въ одномъ изъ нихъ. Съ одинаковой виртуозностью онъ пользуется всѣми ораторскими пріемами искусства; не придерживаясь ихъ съ мелочностью и усиліемъ, какъ Исократъ, онъ, съ геніальной увѣренностью, которой мы удивляемся у Платона, находитъ надлежащій тонъ для каждаго предмета и для каждаго настроенія. Отсюда разнообразіе и живость его языка, который часто, благодаря какому-нибудь неожиданно-смѣлому обороту, надолго овладѣваетъ вниманіемъ слушателя. Непосредственно за художественно составленными періодами и выразительными анаколуѳами стоятъ мѣткія антитезы, рѣзкіе и краткіе афоризмы. Спокойное изложеніе прерывается вопросами и восклицаніями, клятвенными формулами и увѣреніями, живыми объясненіями съ предполагаемымъ противникомъ и т. п. Наглядные образы и сравненія, которые онъ умѣетъ остроумно примѣнить, находятся всегда въ его распоряженіи. Различныя фигуры рѣчи употребляются имъ въ изобиліи, но безъ преувеличенія. Расположеніе словъ всегда разсчитано, главнымъ образомъ, на ораторскіе эффекты; поэтому оно часто удаляется отъ грамматическаго порядка словъ и приближается къ поэтической вольности, какъ у Ѳукидида, любимаго писателя Демосѳена (ср. стр. 523). Со стилемъ Ѳукидида же можно сравнить суровую силу, сжатость и значительность демосѳенова языка. Къ Исократу же онъ приближается тонко выработаннымъ чувствомъ ритма, которое заставляло его замѣчать неблагозвучіе зіянія и даже скопленія болѣе чѣмъ двухъ короткихъ гласныхъ и побуждало его въ возвышенныхъ мѣстахъ говорить, можно сказать, почти стихами. Итакъ, хотя у Демосѳена мы встрѣчаемъ вездѣ сознательное искусство, основанное на тщательнѣйшей подготовкѣ, мы нигдѣ не видимъ мертвой формы, но вездѣ жизнь и движеніе. Какъ всѣ эти эффекты, а, главнымъ образомъ, могучая страстность его души, проявлялись въ живой рѣчи, объ этомъ мы не можемъ болѣе составить

Искусство.

себѣ никакого понятія; мы должны довольствоваться тѣмъ, что даже его злѣйшіе враги невольно признавали увлекательную силу его слова.

Эсхинъ. Многіе другіе ораторы обязаны своимъ отношеніямъ къ Демосѳену тѣмъ, что они стали извѣстны потомству. Его главнымъ противникомъ былъ Эсхинъ (389—314), который, послѣ полной превратностей молодости, занялся высшей политикой и скоро сдѣлался главнымъ ораторомъ македонской партіи. Нельзя болѣе опредѣлить съ точностью, насколько соотвѣтствовали истинѣ горькія нападки Демосѳена, противъ которыхъ энергично защищается Эсхинъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ состоялъ на жалованьи Филиппа. Своимъ естественнымъ ораторскимъ талантомъ онъ несомнѣнно превосходилъ Демосѳена; впечатлѣніе, которое онъ производилъ, появляясь, своею полною торжественнаго достоинства осанкою (ср. рис. 353) напоминало его прежнюю профессію актера; но ему недоставало болѣе глубокаго душевнаго и духовнаго развитія, хотя онъ и старался говорить какъ образованный человѣкъ. Изъ его трехъ рѣчей двѣ направлены противъ рѣчей Демосѳена объ обманномъ посольствѣ по поводу Филократова мира и въ процессѣ о вѣнкѣ, такъ что мы, по крайней мѣрѣ, въ этихъ обѣихъ важныхъ тяжбахъ сами въ состояніи взвѣсить значеніе обвиненія и защиты. Въ первомъ Эсхинъ съ трудомъ избѣжалъ осужденія благодаря своей ловкой защитѣ и ходатайству вліятельныхъ друзей; во второмъ же онъ былъ побѣжденъ сильнѣйшимъ противникомъ такъ основательно, что долженъ былъ покинуть Аѳины и провелъ остатокъ жизни въ Родосѣ и на Самосѣ.

353. Эсхинъ.
Мраморная статуя въ Неаполѣ.
Comparretti u. de Petra, la villa Ercol.

Гиперидъ. Гиперидъ, въ своей частной жизни безпутный весельчакъ, на поприщѣ политики былъ долгое время вѣрнымъ товарищемъ Демосѳена, пока, въ концѣ концовъ, дороги обоихъ не разошлись. Тѣмъ же сыщи-

комъ Антипатра, отъ преслѣдованія котораго Демосѳенъ спасся самоубійствомъ, Гиперидъ былъ схваченъ и потомъ жестоко казненъ. Онъ тоже былъ блестяще одаренъ и былъ особенно знаменитъ прелестью и мѣткостью своей рѣчи. Изъ его многочисленныхъ рѣчей, благодаря находкѣ папирусовъ въ прошломъ столѣтіи, намъ возвращены шесть, изъ которыхъ нѣкоторые вполнѣ сохранились. Одну изъ нихъ онъ произнесъ противъ Демосѳена въ процессѣ Гарпала. Къ этому же главному государственному событію 324 года относятся три незначительныя рѣчи Динарха, въ которыхъ уже ясно замѣтенъ упадокъ краснорѣчія. Динархъ.

Другомъ Демосѳена былъ также превосходный ораторъ Ликургъ, Ликургъ. который въ трудное время (338—326) образцово управлялъ финансами Аѳинъ, и котораго боялись, какъ строго нравственнаго обвинителя всѣхъ нечестныхъ и забывшихъ свои обязанности людей. Рѣчь его противъ Леократа, столь превознесенная Меланхтономъ, обязана своею славою не столько силѣ ораторскаго искусства и убѣдительной аргументаціи, сколько своему серьезному патріотическому подъему и прекраснымъ поэтическимъ вставкамъ.

Само собою разумѣется, что, кромѣ этихъ десяти ораторовъ, и другіе государственные дѣятели владѣли словомъ въ выдающейся степени, напр., Каллистратъ, вдохновлявшій, по преданію, своимъ примѣромъ молодого Демосѳена и остроумный, но не совсѣмъ безупречный Демадъ. Однако, отъ нихъ ничего не дошло до насъ. Но зато у Лисія и Демосѳена мы встрѣчаемъ не мало рѣчей, приписываемыхъ имъ, но на самомъ дѣлѣ принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ.

6. Философія.

Младшіе философы природы.

Младшіе философы природы. Разрывъ съ прежними философскими возрѣніями совершился лишь благодаря софистамъ. Начиная съ нихъ, философія, безпрерывно развиваясь и прогрессируя въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля, завоевала себѣ господствующее положеніе въ духовной жизни. Однако, и философы природы V вѣка, изъ сочиненій которыхъ до насъ дошли, къ сожалѣнію, лишь скудные отрывки, открыли новые пути для того, чтобы, подобно своимъ старшимъ товарищамъ (ср. стр. 224), постигнуть возникновеніе и сущность вселенной. Разнообразіе явленій видимаго міра заставляло ихъ предположить множество основныхъ элементовъ, которые они считали неизмѣнными, чѣмъ исключалось настоящее развитіе. Такимъ образомъ, у нихъ (напр., у Эмпедокла и Анаксагора) зародилось убѣжденіе, правда, еще несмѣлое и неискусно выраженное, что безъ двигательной причины обойтись нельзя (дуализмъ).

Эмпедоклъ.

Эмпедоклъ представлялъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій своего времени. Онъ отказался отъ царскаго вѣнца, предложеннаго ему его роднымъ городомъ Акрагантомъ, для того, чтобы скитаться въ качествѣ не то мага, жреца и врача, не то мудреца; огромный успѣхъ, сопровождавшій его появленіе, своеобразно освѣщаетъ культурное состояніе его сицилійскихъ земляковъ. Такой же двойственный характеръ носило и его ученіе, которое онъ облекалъ въ звучные стихи, являясь на долгое время послѣднимъ представителемъ этой формы. Эмпедоклъ принималъ четыре „корня" всѣхъ вещей: воду, воздухъ, землю и огонь. Это извѣстныя четыре стихіи, которыя, наперекоръ всякой наукѣ, и понынѣ продолжаютъ жить въ народномъ сознаніи. Изъ нихъ, благодаря смѣшенію и раздѣленію, возникаютъ всѣ предметы видимаго міра. Вращательное движеніе, при помощи котораго все это совершается, вызывается и регулируется двумя противоположными силами, влеченіемъ и раздоромъ (притяженіемъ и отталкиваніемъ), которыя поочередно властвуютъ въ теченіе огромныхъ міровыхъ періодовъ, между тѣмъ какъ органическая жизнь можетъ развиваться лишь въ промежуточныхъ переходныхъ эпохахъ. Эмпедоклъ еле затронулъ вопросъ, какого происхожденія эти полумиѳическія силы. Очевидно, онъ считалъ самыя стихіи въ нѣкоторомъ родѣ одушевленными, оставаясь въ то же время вѣрнымъ сторонникомъ орфико-пиѳагорейскаго ученія о переселеніи душъ (см. стр. 22).

Анаксагоръ.

Полную противоположность Эмпедоклу представлялъ собою Анаксагоръ изъ Клазоменъ (около 500—428), который былъ нѣсколько старше его; это былъ философъ, трезвый и ясный, какъ въ мысляхъ, такъ и въ изложеніи, и всецѣло поглощенный философскимъ созерцаніемъ. Онъ впервые перенесъ философію изъ ея іонійской родины въ Аѳины, гдѣ въ теченіе десятилѣтій былъ другомъ Перикла и вдохновляющимъ центромъ его кружка. Въ концѣ концовъ, высланный за безбожіе, онъ закончилъ свою жизнь въ Лампсакѣ. Анаксагоръ также отрицаетъ происхожденіе и исчезновеніе,—„какимъ образомъ волосъ могъ бы родиться изъ неволоса и плоть изъ неплоти"? Все, что люди обозначаютъ этимъ названіемъ, это—смѣшеніе и распаденіе безчисленныхъ мелкихъ праэлементовъ (такъ называемыхъ гомэомерій). Предметы получаютъ свое названіе отъ тѣхъ составныхъ частей, которыя въ нихъ преобладаютъ, но въ каждомъ предметѣ заключается уже частица всего существующаго, напр., въ хлѣбѣ, питающемъ наше тѣло, уже заключены частицы его волосъ, жилъ и костей. Вначалѣ всѣ эти зародыши вещей располагались рядомъ; послѣ однородные начали соединяться, тончайшіе—въ эѳиръ, влажные—въ воздухъ, изъ котораго сила движенія постепенно выдѣлила землю и воду и т. д. Однако, откуда произошло движеніе? Логика не позволяла Анаксагору утверждать, что оно исхо-

дитъ изъ его первобытныхъ элементовъ, и потому онъ имъ противопоставлялъ Nûs, т.-е. силу мышленія, духъ. Однако, не этотъ послѣдній такъ цѣлесообразно устроилъ вселенную, онъ только вызвалъ образованіе міра, однимъ толчкомъ приведя въ движеніе праэлементы. Если Анаксагоръ за эту свою половинчатость навлекъ на себя сильные упреки, то мы, съ своей стороны, можемъ напомнить, что и Ньютонъ для „начала движенія" въ міровомъ пространствѣ не могъ обойтись безъ вмѣшательства божественной силы. Прочія сохранившіяся до насъ объясненія Анаксагора относительно этого Nûs свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не додумался до яснаго представленія объ этомъ. Однако, это не умаляетъ его славы, какъ перваго, признавшаго нѣкую духовную потенцію (силу), находящуюся рядомъ съ матеріею и выше ея.

Атомистика.

Іонійская колонія Абдера во Ѳракіи была настоящею родиною атомистики. Тамъ творецъ ея, милетецъ Левкиппъ, нашелъ въ лицѣ Демокрита такого ученика, блестящая дѣятельность котораго настолько затемнила славу его учителя, что даже возникало сомнѣніе въ существованіи послѣдняго. Демокритъ проявлялъ рѣдкое въ Греціи соединеніе проницательной мысли съ точностью наблюденія и богатымъ опытомъ, а, кромѣ того, обладалъ даромъ внушительнаго и убѣдительнаго изложенія въ своихъ сочиненіяхъ, охватывающихъ почти всю область знаній. Основная теорія атомистики сводится къ слѣдующему. Въ пустомъ пространствѣ, реальность котораго вначалѣ рѣшительно подчеркивалась, носятся недѣлимые основные элементы, атомы, качественно однородные, но безконечно различные по величинѣ и формѣ. Въ силу этого различія они испоконъ вѣка сами собою приходятъ въ движеніе. Образуются группы атомовъ, которыя, сталкиваясь другъ съ другомъ, вызываютъ безпрерывное вращательное движеніе. Естественно, что прежде всего соединяются однородные атомы, но они въ состояніи удерживать въ своемъ сплетеніи и разнородные атомы какъ бы въ петляхъ сѣти. Благодаря этому, въ организмѣ могутъ распредѣляться и тончайшіе огненные атомы, являющіеся носителями психической дѣятельности. Такимъ образомъ, объясняется безконечное разнообразіе видимаго міра, конкретныя свойства котораго, правда, лишь субъективны и въ сравненіе съ неизмѣнною природою атомовъ представляются почти не имѣющими цѣны. Со строгою логикою построена эта система, ставшая базисомъ современной физики и химіи. Она не нуждается въ постороннемъ двигателѣ, который Анаксагоръ ввелъ „на подобіе Deus ex machina", но она также не можетъ поставить вопросъ о происхожденіи цѣлесообразнаго устройства міра и еще менѣе отвѣтить на него. Нравственныя предписанія, при помощи которыхъ Демокритъ намѣревался вызвать внутреннее душевное успокоеніе, уже соприкасаются съ ученіемъ софистовъ.

Софисты.

Софисты. Въ то время, когда Пелопоннесская война колебала самое

основаніе Эллады, другой, едва ли менѣе знаменательный переворотъ ощущался и въ духовной жизни страны. Самосознаніе повысилось, горизонты расширились, переходя тѣсныя границы города-государства съ его мелкими интересами. Сравненіе съ чужеземными условіями породило вопросъ о состоятельности собственной культуры въ отношеніи вѣры и быта, государства и общества. Законъ не считался болѣе властелиномъ надо всѣмъ, какъ, напр., еще у Пиндара. Всюду подкапывалось сомнѣніе, и существующіе устои стали колебаться. Что же заступило ихъ мѣсто? Тутъ-то философія взяла на себя руководительство. Вмѣсто поэтовъ, учителями народа стали философы, которые въ это время тоже стояли на поворотѣ въ другую сторону. Было ясно, что всякія попытки проникнуть въ сущность вещей взаимно нротиворѣчили и уничтожали другъ друга, и что поэтому подобные вопросы оказывались неразрѣшимыми и безплодными. Больше шансовъ на успѣхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на практическую пользу сулило изслѣдованіе предварительнаго, основного вопроса объ источникахъ и границахъ нашего познанія, потому что благодаря этому самъ человѣкъ становился главнымъ предметомъ изученія.

Этотъ огромный шагъ впередъ составляетъ заслугу софистовъ, которые одновременно (приблизительно съ 450 г.) выступали въ различныхъ мѣстностяхъ греческаго міра и, въ роли странствующихъ учителей, распространяли новую мудрость, приносившую имъ самимъ богатыя почести и денежныя награды. Философія составляла только основаніе ихъ многосторонней дѣятельности. Свою истинную миссію они усматривали въ томъ, чтобы идти навстрѣчу всеобщему стремленію къ болѣе обширному образованію, чѣмъ то, которое до сихъ поръ давалось скуднымъ первоначальнымъ обученіемъ (ср. стр. 286). Софисты брались воспитывать освѣдомленныхъ и полезныхъ дѣятелей какъ въ домашнихъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Самыми выдающимися софистами были Протагоръ изъ Абдеры (около 485—411), другъ Перикла и Еврипида, и Горгій изъ Леонтинъ (483—375), о которомъ уже была рѣчь какъ объ основателѣ риторики (ср. стр. 529); нѣсколько позже жили Продикъ изъ Кеоса, который занимался, главнымъ образомъ, нравственными и лингвистическими вопросами, и Гиппій изъ Элиды, отличавшійся свою освѣдомленностью во всевозможныхъ областяхъ. Изъ сочиненій ихъ для насъ сохранилось чрезвычайно мало. Въ главныхъ чертахъ мы ознакомляемся съ ними только изъ сообщеній Платона, приправленныхъ ироніею и сатирою, и поэтому до настоящаго времени нѣтъ твердо установленнаго взгляда на нихъ. Но даже если можно предположить, что сами они были вполнѣ честные люди, которые по-своему добивались наилучшаго, то все же нельзя совершенно освободить ихъ отъ отвѣтственности за тѣ выводы, которые извлекли и не

Протагоръ. Горгій. Продикъ. Гиппій.

могли не извлекать ученики софистовъ изъ ихъ ученій, и которые навсегда заклеймили самое названіе софиста.

„Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей“. Это основное положеніе Протагора вся античность понимала въ томъ смыслѣ, что для каждаго человѣка вещи лишь таковы, каковыми онѣ ему лично представляются. Человѣческое познаніе не можетъ подняться выше этихъ субъективныхъ впечатлѣній и представленій, которыя, конечно, у каждаго свои. Объективной истины не существуетъ, какъ выразился, напр., Горгій въ рѣзкой формѣ: „не существуетъ ничего; если же и существуетъ нѣчто, то оно не познаваемо, а если оно познаваемо, то не можетъ быть передаваемо“. Но разъ нѣтъ знанія, а лишь мнѣніе, то открывается путь для искусства спорить, которое навязываетъ собственное мнѣніе другимъ, пользуясь всѣми средствами изысканной діалектики и разсчитанной на эффектъ риторики (ср. стр. 529). Такіе люди, какъ Протагоръ и Продикъ (нужно вспомнить его „Геракла на распутьи“), были далеки отъ того, чтобы распространить новый методъ и на вопросы нравственные; они желали воспитывать въ юношахъ настоящія гражданскія добродѣтели въ границахъ существующей морали. „Не произрастаетъ образованіе въ душѣ, когда оно не пускаетъ глубокихъ корней“, гласитъ недавно открытое изреченіе Протагора: Но какъ скоро Гиппій поставилъ вопросъ о цѣнности обычаевъ и законовъ, правды и неправды,—отвѣтъ не могъ быть двоякимъ, и въ этой сферѣ неограниченная свобода смѣнила прежнюю связанность. Точно также и въ области религіи отъ справедливаго положенія Протагора „о богахъ я такъ же мало знаю, что они существуютъ, какъ и то, что они не существуютъ“,—было недалеко до легкомысленнаго утвержденія Критія, что народныя божества лишь выдуманы хитрыми политиками, чтобы отпугивать народъ отъ тайныхъ преступленій.

Такимъ образомъ, софисты направили философскую мысль отъ міроваго цѣлаго на человѣческій микрокосмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они подорвали прежнюю мораль, довѣрчиво воспринимавшуюся каждымъ новымъ поколѣніемъ отъ предшествующаго, и притомъ не были въ состояніи дать людямъ взамѣнъ новые твердые устои, ту духовную свободу и счастье, которыя издавна составляли цѣль греческой философіи. Для этого должна была явиться болѣе великая личность, и это случилось опять-таки въ Аѳинахъ, гдѣ занесенное издали зерно дало чудный плодъ.

Сократъ (469—399). Творецъ новаго образовательнаго идеала, впервые принесшій своему народу истинное просвѣщеніе и оказавшій неизгладимое вліяніе на духовное развитіе мыслящаго человѣчества, былъ простымъ гражданиномъ, который, босой и плохо одѣтый, ходилъ по улицамъ Аѳинъ, осмѣиваемый многими какъ чудакъ, ненавистный для Сократъ.

другихъ, какъ назойливый проповѣдникъ и опасный новаторъ, но беззавѣтно обожаемый друзьями.

Личность. Благодаря сообщеніямъ Платона и Ксенофонта, портретъ этого замѣчательнаго человѣка стоитъ передъ нами такимъ выпуклымъ и полнымъ жизни, какъ немногіе античные портреты. Безъ этихъ свѣдѣній мы бы не могли понять значеніе Сократа, потому что онъ не записывалъ своего ученія и привлекалъ къ себѣ многихъ лишь обаяніемъ своей личности и могучей силой своего уравновѣшеннаго нравственнаго „я“. Это былъ человѣкъ, вышедшій изъ народа, одаренный несокрушимымъ здоровьемъ какъ духа, такъ и тѣла. Въ этой неуклюжей фигурѣ съ головою Силена жилъ исключительный по своей мощности и красотѣ духъ. Сильное преобладаніе разсудка надъ фантазіей граничило почти съ крайнею односторонностью, безъ которой, правда, рѣдко совершается что-либо дѣйствительно великое. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его жажда знаній, его неслыханная проницательность и ясность мысли не оттѣсняли на задній планъ его горячаго сердца. Къ этому еще присоединялся его таинственный „демонъ“, т.-е. голосъ инстинктивнаго предчувствія, выплывавшаго непосредственно изъ глубины души, предостерегавшей отъ грядущихъ несчастій. Хорошо зная людей и умѣя въ общеніи съ ними сразу постигнуть каждаго во всей его сущности, онъ несомнѣнно проявлялъ удивительную душевную грацію. Появляясь въ какомъ-нибудь обществѣ, онъ невольно становился его центромъ. Полное спокойствіе, неистощимое терпѣніе и добродушный юморъ Сократа быстро примиряли приближенныхъ съ тою иронiею, которою онъ многихъ оскорблялъ, часто даже непроизвольно. При этомъ онъ никоимъ образомъ не былъ безцвѣтнымъ героемъ добродѣтели, но настоящимъ человѣкомъ, которому ничто человѣческое не было чуждо, и который свободно и непосредственно отдавался общественнымъ радостямъ и наслажде-

354. СОКРАТЪ.

Мраморный бюстъ въ виллѣ Альбани въ Римѣ.
Другія сохранившіяся изображенія Сократа, можетъ-быть, передаютъ вѣрнѣе черты великаго философа; но ни въ одномъ изъ нихъ его духовное величіе не выступаетъ такъ непосредственно, какъ въ этой по внѣшности столь безобразной головѣ мыслителя.

ніямъ, ибо сознавалъ, что, не можетъ стать ихъ рабомъ. Сократъ былъ настоящимъ аѳиняниномъ. Свою семейную жизнь онъ почти забывалъ ради своего жизненнаго призванія, что вызывало справедливое неудовольствіе его супруги Ксантиппы; но онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности по отношенію къ государству и народнымъ богамъ, а также подчинился законамъ даже тогда, когда выпивалъ свой кубокъ яда. Дѣло въ томъ, что несправедливая, безсмысленная клевета въ союзѣ съ понятнымъ неудовольствіемъ противъ его смѣлыхъ сужденій, направленныхъ на многія учрежденія, только-что (403) возникшія въ заново организованномъ государствѣ, — навлекла на этого семидесятилѣтняго старца тяжкое обвиненіе въ безбожіи. Это обвиненіе должно было закончиться смертнымъ приговоромъ, такъ какъ Сократъ, чувствуя себя вполнѣ невиннымъ и внутренно свободнымъ, не пожелалъ спуститься до ограниченнаго и мелочнаго уровня своихъ судей и умеръ мученикомъ за свои убѣжденія такъ же, какъ и жилъ.

Хотя Сократъ ставилъ цѣлью своей жизни исключительно развитіе ума, тѣмъ не менѣе, онъ сталъ творцомъ и научной этики. Для него мѣрою всѣхъ вещей также служитъ человѣкъ, и поэтому самосознаніе онъ считаетъ самымъ необходимымъ. Но онъ не ограничивается субъективными представленіями отдѣльной личности, но ставитъ себѣ цѣлью абсолютное знаніе, основанное на общихъ всѣмъ людямъ законахъ раціональнаго мышленія. Это знаніе должно покоиться на твердыхъ понятіяхъ, пріобрѣтеніе которыхъ, какъ для себя, такъ и для другихъ, онъ считалъ задачею своей жизни. Въ безпрестанномъ общеніи съ великими и малыми сего міра, съ ремесленниками и государственными дѣятелями, съ поэтами и философами онъ прежде всего старался внушить своимъ вольнымъ и невольнымъ участникамъ бесѣдъ то убѣжденіе, которое онъ самъ вначалѣ ощущалъ живѣйшимъ образомъ и которое впослѣдствіи отстаивалъ съ нѣкоторой ироніею, а именно, что на самомъ дѣлѣ мы не знаемъ того, о чемъ воображаемъ, будто его понимаемъ. Подготовивъ, такимъ образомъ, почву, онъ, при помощи того своеобразнаго искусства собесѣдованія, которое и понынѣ еще подъ названіемъ „сократовскаго метода“ составляетъ основаніе всякаго раціональнаго обученія, приступалъ къ наставленію учениковъ въ логическомъ мышленіи, въ опредѣленіи вещей путемъ образованія понятій и пріучалъ, такимъ образомъ, къ истинному пониманію явленій, причемъ обыкновенно исходилъ изъ самыхъ обыденныхъ данныхъ опыта. То, безъ чего немыслима работа сапожника и кормчаго, составляетъ необходимое условіе для всякаго нравственнаго поступка, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, именно—знакомство съ дѣломъ, а потому *добродѣтель есть знаніе*. Такимъ образомъ, отвергнутыя софистами опредѣленія древней морали возрождаются вновь человѣческою мыслью, и этимъ обезпечиваются оздоровленіе и творческая сила души. Ибо (разсуждаетъ далѣе Сократъ) кто сдѣлалъ это истинное знаніе своимъ достояніемъ, тотъ

Ученіе.

сохраняетъ его настолько прочнымъ, что оно становится неизмѣнною нормою его поступковъ, противъ которой ему совершенно невозможно дѣйствовать: никто добровольно не поступаетъ несправедливо. Этотъ крайне односторонній взглядъ, готовый упразднить всю область воли, обусловливаемой влеченіями, инстинктами и страстями, особенно характеренъ для Сократа, такъ какъ онъ фактически всю свою психику превратилъ въ послушное орудіе властвующаго разума при помощи самоизученія и самосовершенствованія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доказалъ примѣромъ своей жизни и смерти, что тотъ, кто обладаетъ этою настоящею наукою добродѣтели, истинно счастливъ, потому что онъ знаетъ, что такое благо для него и для всѣхъ, и поступаетъ согласно съ этимъ, и потому что въ силу этого внутреннія и внѣшнія невзгоды безсильны противъ него.

Въ этомъ и заключается ядро его философіи. Въ какой степени ученія его послѣдователей, давшихъ дальнѣйшее развитіе его идеямъ, восходитъ, по крайней мѣрѣ, въ зачаткахъ своихъ, до самого Сократа,— никогда не удастся установить, такъ какъ Платонъ намѣренно замалчиваетъ этотъ пунктъ, а сочиненія другихъ философовъ потеряны. Такъ какъ Сократъ не выдавалъ себя за мудреца, но лишь за искателя истины, за „философа“, то онъ и не озабочивался выработкой системы или хотя бы даже только приведеніемъ къ извѣстной опредѣленной нормѣ столь часто разбиравшихся добродѣтелей. Но плодотворная сила этого иниціатора новой духовной жизни именно въ томъ и заключалась, что онъ, останавливаясь нерѣдко самъ на полпути, побуждалъ другихъ къ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому своему „родовспомогательному искусству“ онъ положилъ основаніе цѣлому ряду философскихъ школъ, которыя были въ правѣ чтить въ его лицѣ своего духовнаго отца, хоть они искали истинное счастье весьма различными путями.

Мелкіе послѣдователи Сократа.

Мелкіе послѣдователи Сократа. Мы упомянемъ здѣсь о тѣхъ философахъ, которые остановились лишь на одномъ отдѣлѣ ученія Сократа, односторонне развивая его дальше. Эвклидъ. Эвклидъ и мегарцы, названные такъ по имени его родного города, объявили идею добра единственной истинной сущностью, согласно толкованію элеатовъ (ср. стр. 226); но, суживая все болѣе и болѣе границы познаваемаго, они, въ концѣ концовъ, совершенно утратили реальную почву подъ ногами.

Странное столкновеніе произошло между двумя усердными послѣдователями Сократа, Антисѳеномъ и киниками, съ одной стороны, и Аристиппомъ и киренаиками—съ другой. Антисѳенъ. Антисѳенъ, сынъ женщины варварскаго племени, училъ въ Киносаргѣ, гимназіи для незаконнорожденныхъ. Согласно этому, равно какъ и по ихъ „собачьему“ образу жизни, послѣдователи его получили прозвище киниковъ. Онъ стремился возвести въ идеалъ жизни ту нетребовательность, которую такъ ува-

жалъ въ Сократѣ, но понималъ ее не такъ, какъ тотъ, а искалъ ее въ полномъ отсутствіи потребностей. Только тотъ, кто равнодушенъ ко всякимъ внѣшнимъ благамъ, ко всѣмъ культурнымъ пріобрѣтеніямъ, придающимъ въ глазахъ многихъ настоящую цѣну жизни,—только тотъ внутренно свободенъ и на дѣлѣ можетъ проявлять добродѣтель, которая окружаетъ его какъ неразрушимая стѣна. Открывая, такимъ образомъ, борьбу противъ всякихъ традицій, киники положили начало переоцѣнкѣ всѣхъ нравственныхъ понятій, а также были первыми, которые публично учили, что существуетъ лишь единое вездѣсущее божество. Возвращеніе къ природѣ, низводящее человѣка до животнаго, впослѣдствіи выродилось въ нелѣпое преувеличеніе. Только остроумный Діогенъ, часто осмѣиваемый за его истинно-циническое поведеніе, но и нерѣдко вызывавшій удивленіе, популяризировалъ эту „философію нищеты“.

Иное дѣло—Аристиппъ изъ богатаго города Кирены, знатокъ жизни и всѣхъ ея наслажденій. Такъ какъ онъ считалъ познаваемымъ единственно лишь чувственныя воспріятія, то въ удовольствіи и усматривалъ единственный источникъ счастья, которое, правда, никогда не достается въ удѣлъ смертнымъ въ теченіе всей ихъ жизни, а всегда только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Цѣль жизни его заключается въ стремленіи къ этимъ моментамъ наслажденія и къ устраненію всего того, что могло бы служить помѣхою для этого. Но наслажденіе основывается не на грубой чувственности, а только на чувствѣ „легкаго возбужденія“ такъ какъ страсти, порабощающія человѣка, наносятъ едва ли меньшій ущербъ истинному наслажденію, чѣмъ стѣснительное суевѣріе народной религіи. Поэтому необходимо проповѣдуемое Сократомъ разумное пониманіе, научающее насъ отличать истинныя блага и наслажденія отъ воображаемыхъ. Очевидно, что подобное воззрѣніе у менѣе жизнерадостныхъ натуръ, чѣмъ Аристиппъ, должно было впослѣдствіи повести къ полному пессимизму. Вообще ни киники, ни киренаики не оказали особеннаго вліянія на современниковъ; но не мало крѣпкихъ нитей связываетъ ихъ со стоиками и эпикурейцами, философія которыхъ впослѣдствіи овладѣла умами и достигла самой высокой цѣли, давъ мыслящимъ людямъ замѣну утраченной религіи. Аристиппъ.

Платонъ (427—347). Только одинъ изъ учениковъ Сократа всесторонне постигъ идеи учителя въ самомъ глубокомъ корнѣ ихъ. Сократъ и Платонъ удивительно дополняютъ взаимно другъ друга: за трезво взвѣшивающимъ раціоналистомъ слѣдуетъ поэтъ-философъ, за геніальнымъ собесѣдникомъ одинъ изъ величайшихъ писателей. Всестороннему дарованію этого человѣка соотвѣтствуетъ и продолжительное вліяніе его на духовную жизнь человѣчества. Платонъ.

Жизнь. Платонъ принадлежалъ къ одному изъ благороднѣйшихъ аѳинскихъ родовъ, являясь самъ тоже въ высшей степени благородной натурой. Гармонически развивъ свои богатыя дарованія, онъ въ лицѣ Сократа нашелъ учителя, который направилъ его огненную душу по настоящему руслу. За это Платонъ питалъ къ нему чувство трогательнаго благоговѣнія въ теченіе всей своей жизни. Послѣ смерти Сократа Аѳины стали ненавистными для Платона. Сначала онъ жилъ у Эвклида, затѣмъ обогащалъ свои познанія на далекихъ путешествіяхъ въ Египетъ, Кирену и особенно въ Великую Грецію, а въ общеніи съ математиками и философами положилъ болѣе глубокое основаніе своему образованію. Перспектива широкой дѣятельности влекла его въ Сиракузы къ Діонисію I; но мнительный тиранъ сумѣлъ скоро удалить его, и Платонъ едва избѣжалъ рабства. Тѣмъ не менѣе, онъ впослѣдствіи (послѣ 368 г.) еще дважды откликнулся на приглашеніе младшаго Діонисія въ Сицилію; однако, надежда увидѣть свой государственный идеалъ осуществленнымъ благодаря послѣднему, а впослѣдствіи при помощи дяди его, Діона, близкаго друга самого Платона, оказалась обманчивою. Весьма возможно, что печальная судьба его родного города рано укрѣпила въ немъ убѣжденіе въ необходимости полнаго государственнаго обновленія. Но онъ зналъ, также какъ и Сократъ, что его участіе въ управленіи не поможетъ достигнуть такого обновленія. Поэтому онъ отвелъ себѣ болѣе ограниченную, но плодотворную область дѣйствія. При гимназіи, расположенной вблизи воспѣтаго сказаніями Колона, въ мѣстности, посвященной герою Академу (по имени котораго поэтому получили названія всѣ академіи), основалъ Платонъ свою Академію, образовательный центръ для служенія музамъ и граціямъ, гдѣ онъ въ благороднѣйшемъ общеніи со своими учениками, то предаваясь серьезной работѣ, то

355. Платонъ.
Мраморный бюстъ въ Римѣ.
Съ фотографіи.

устраивая скромныя веселыя собранія, мыслилъ, училъ и писалъ до конца своей жизни. Онъ предпочиталъ заносить свои мысли въ человѣческія души, нежели въ книжные свитки, и на писаніяхъ его замѣтно, что они являлись результатомъ его педагогической дѣятельности.

Платонъ какъ философъ.

Сочиненія Платона цѣликомъ дошли до насъ, хотя среди тѣхъ 36 діалоговъ, которые носятъ его имя, находятся мѣста сомнительныя и неподлинныя. Выдѣленіе этихъ послѣднихъ, равно какъ и хронологическій порядокъ его твореній, составляетъ трудную задачу изслѣдованія. Въ творческой работѣ его жизни отчетливо обозначаются три періода: въ первый періодъ Платонъ былъ всецѣло послѣдователемъ Сократа, во второмъ онъ вырабатывалъ свою теорію идей, примыкая къ положеніямъ элеатской школы и Гераклита, въ третьемъ же на основаніи своей теоріи построилъ всеобъемлющую міровую картину, которая отчасти опиралась и на пиѳагорейскія воззрѣнія.

Образованіе понятій.

Въ раннихъ діалогахъ Платонъ, еще совершенно въ духѣ Сократа, старается пробудить людей изъ ихъ апатичнаго безразличія и пріохотить ихъ къ самоиспытанію и къ выясненію нравственныхъ понятій. Скромный убѣдительный методъ Сократа составляетъ тутъ рѣзкій контрастъ блестящему, но обманчивому знанію софистовъ. Однако, Платонъ постепенно идетъ далѣе. Непогрѣшимость математическихъ опредѣленій, чуждыхъ Сократу, по его мнѣнію, придаетъ большую прочность понятіямъ, выработаннымъ также и въ области нравственной. Рядомъ съ индукціей онъ начинаетъ примѣнять противоположный ей дедуктивный методъ, который, отправляясь отъ общаго, при безпрестанномъ раздробленіи доходитъ до частностей, отводя имъ надлежащее мѣсто. Такимъ образомъ, открывается глубокая пропасть между конкретными предметами, находящимися на самой низкой ступени, и чистыми понятіями, между мнѣніемъ и знаніемъ. Но если всякое чувственное воспріятіе предполагаетъ наличность воспринимаемаго объекта, то и понятіямъ должно соотвѣтствовать нѣчто реально существующее, иначе они не могутъ быть познаваемымъ объектомъ. Они и представляютъ устойчивое бытіе, въ духѣ элеатовъ, въ противоположность міру явленій, находящихся, по ученію Гераклита, въ состояніи безпрерывнаго измѣненія (ср. стр. 225). Это—и д е и, а единичные предметы представляютъ собою лишь несовершенныя отраженія ихъ. Но откуда мы получаемъ эти понятія, которыхъ мы въ дѣйствительности никогда не созерцаемъ, какъ, напр., понятія о совершенномъ шарѣ или о „равенствѣ“ или о „красотѣ“, которыя, однако, несомнѣнно живутъ въ нашей душѣ? Платонъ учитъ, что они уже составляютъ достояніе души, когда эта послѣдняя вступаетъ въ земную жизнь, что они доказываютъ предшествовавшее существованіе души въ мірѣ идей, гдѣ она наполнилась образами этого послѣдняго. Земные предметы, въ силу сходства своего съ первообра-

Идеи.

зами, вызываютъ воспоминанія о нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ зарождается непреодолимое желаніе снова приблизиться къ идеалу и вернуться въ тотъ надземный міръ. Душа къ нему приближается въ созерцаніи прекраснаго, наиболѣе соотвѣтствующаго идеалу, а также въ полетѣ мысли возвышаясь надъ сферою земныхъ интересовъ до исканія мудрости, философіи. Это стремленіе чувственной природы къ сверхчувственному и есть та платоническая любовь, которая такъ часто подвергалась ложному толкованію.

Душа. Эта борьба дается не легко душѣ, такъ какъ, заключенная въ тѣлѣ, она содержитъ въ себѣ рядомъ съ „разумною" природою и неразумную, т.-е. „отважные" или вожделѣющіе инстинкты, стремящіеся къ чести и чувственнымъ наслажденіямъ. Разумъ долженъ обуздывать эти инстинкты и управлять ими, какъ возница своими конями. Но послѣ смерти душа опять можетъ вернуться въ вѣчное царство идей, правда, подвергшись предварительно очищенію черезъ продолжительное странствованіе по другимъ тѣламъ. Въ это ученіе свое, облеченное бо́льшею частью въ форму фантастическихъ миѳовъ, Платонъ вплелъ также важные моменты орфически-діонисовой религіи (ср. стр. 208).

Картина міра. Что касается труднаго вопроса о внутреннихъ соотношеніяхъ между неподвижною сущностью идей и вѣчно измѣнчивыми отраженіями ихъ, то Платонъ никогда не выяснялъ его себѣ вполнѣ; этотъ вопросъ впослѣдствіи послужилъ точкою отправленія для Аристотеля. Точно также Платонъ не сумѣлъ привести идеи и добродѣтели въ извѣстный порядокъ. На одномъ только онъ всегда настаивалъ, что идея блага возвышается надо всѣмъ; она для него цѣль міра и, наконецъ, отожествляетъ собою само божество. Она создала міръ какъ благоустроенный организмъ, и въ „Тимеѣ" Платонъ набрасываетъ величавую картину сотворенія міра и мірового порядка, благодаря которой взглядъ, уже устарѣвшій, что земля находится въ центрѣ міра (ср. стр. 228), снова получилъ силу закона. Ближайшею къ идеѣ блага, согласно основнымъ понятіямъ древней греческой морали (правда, къ тому времени уже сильно пошатнувшимся), является идея прекраснаго, которая составляетъ съ нею одно неразрывное цѣлое.

Государство. Въ расцвѣтѣ своихъ силъ Платонъ написалъ свое главное сочиненіе, „Политію", въ которой изобразилъ идеальное государство. Цѣль государства—осуществленіе добродѣтели, главнымъ образомъ, справедливости. Лично онъ ежедневно убѣждался въ томъ, что къ этому народная масса неспособна, по крайней мѣрѣ, въ такомъ демократическомъ государствѣ, какъ въ аѳинскомъ. Лишь тѣ немногіе, которые обладаютъ сократовскимъ знаніемъ добродѣтели, именно философы, являются настоящими правителями государства по призванію. Въ союзѣ съ ними находится сословіе „защитниковъ", на обязанности которыхъ лежитъ защита

государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, между тѣмъ какъ третье сословіе, состоящее изъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ, исключительно обязано производить необходимые для содержанія всѣхъ гражданъ продукты и предметы. Эти три сословія въ государствѣ соотвѣтствуютъ вышеупомянутымъ тремъ составнымъ частямъ человѣческой души. Строгое сословное обособленіе и раздѣленіе труда вытекали изъ положенія Сократа, въ силу котораго всякій успѣшно можетъ исполнять лишь то, что онъ дѣйствительно понимаетъ. То, что третье сословіе, которое вообще рѣдко удостоивается упоминанія, существуетъ лишь для работы на другихъ, вполнѣ гармонируетъ съ аристократическимъ отвращеніемъ Платона къ физическому труду ради заработка. Все его вниманіе сосредоточено на сословіи защитниковъ, такъ какъ изъ него путемъ частнаго и строгаго подбора выходятъ правящіе. Здѣсь уже регулируется и контралируется закономъ рожденіе сильныхъ и нормальныхъ дѣтей. Одною изъ главныхъ задачъ государства является затѣмъ цѣлесообразное воспитаніе дѣтей при помощи гимнастики, музыки и изученія поэтовъ, могущихъ нравственно воздѣйствовать на юношество (изъ нихъ исключаются Гомеръ, Гесіодъ и трагики, вслѣдствіе ихъ предосудительныхъ разсказовъ о богахъ!). Воспитаніе становится общественнымъ съ самаго нѣжнаго возраста, такъ какъ семейная жизнь упраздняется. Женщины, дѣти и имущество суть общее достояніе. Никакія матеріальныя заботы, но и никакіе частные интересы, развивающіе эгоизмъ, не должны отвлечь защитниковъ государства отъ великой ихъ задачи, исполненіе которой исключительно гарантируется нравственною доблестью ихъ.—Насъ поражаетъ смѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суровость, съ которой умъ философа, направленный лишь на общее, отрицаетъ всякую индивидуальность. Но мы не должны думать, чтобы самъ онъ считалъ свое образцовое государство за утопію, такъ какъ образцы того, что имъ было лишь логически доведено до конца, въ дѣйствительности встрѣчались, напр., у спартанцевъ. Въ томъ-то и заключается интересъ этого произведенія, что въ немъ кристаллизовались въ чистомъ видѣ воззрѣнія эллиновъ *), безконечно отличныя отъ нашихъ, объ отношеніи отдѣльной личности къ государству, о бракѣ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы здѣсь имѣемъ первое серьезное построеніе государства будущаго (ср. стр. 509), въ которомъ проведены новѣйшія идеи нашихъ дней, какъ-то брачный и имущественный коммунизмъ, правда, предназначенный только для привилегированныхъ сословій, что обыкновенно игнорируютъ тѣ, кото-

---

*) Это не совсѣмъ такъ. Государство Платона соотвѣтствуетъ политической концепціи дельфійской религіи; аттическую концепцію, съ которой Платонъ скрыто полемизируетъ, читатель найдетъ въ вышеупомянутой (стр. 523) надгробной рѣчи Перикла у Өукидида. *Ред*

рые нынѣ ссылаются на Платона. Лишь въ глубокой старости Платонъ убѣдился въ неосуществимости своего плана и въ „Законахъ“ искалъ компромисса съ реальною жизнью, выставляя смѣшанный режимъ, находящійся между монархіею и демократіею, какъ наилучшій, сравнительно съ прочими.

Такимъ образомъ, философія Платона обнимаетъ какъ реальный міръ, такъ и міръ метафизическій, впервые открытый имъ для человѣческихъ взоровъ. Онъ выставилъ новый культурный идеалъ, основывая жизнь на наукѣ, и имя его не забудется, пока человѣчество будетъ вѣрить въ идеалы.

Платонъ какъ писатель.

Не менѣе велико значеніе Платона какъ писателя. Діалогическая форма его сочиненій непосредственно вытекала изъ общенія его съ Сократомъ. Онъ не былъ ея изобрѣтателемъ, а также не одинъ ее употреблялъ, но онъ довелъ ее до недосягаемаго совершенства. Отводя Сократу центральное мѣсто въ своихъ „Діалогахъ“, онъ, главнымъ образомъ, хотѣмъ запечатлѣть для потомства образъ любимаго учителя такимъ, какимъ онъ представлялъ его собственной душѣ. Но даже тогда, когда онъ самъ вступилъ на новый путь, онъ продолжалъ устами Сократа развивать свои собственныя идеи для того, чтобы доказать этимъ, что основаніе всякой мудрости у него положилъ Сократъ. Лишь впослѣдствіи образъ его отступаетъ на задній планъ съ тѣмъ, чтобы въ „Законахъ“ уже совершенно исчезнуть. Самого себя Платонъ никогда не выводилъ въ качествѣ дѣйствующаго лица. Зато онъ съ искусствомъ, достойнымъ величайшаго драматурга, набрасываетъ въ лицахъ собесѣдниковъ людей всякаго возраста, характера и профессіи, мѣтко и индивидуально обрисовывая ихъ со стороны поведенія, формы и содержанія ихъ рѣчей. Вполнѣ драматично также и живое, разнообразное веденіе діалога; это настоящія бесѣды, которыя мы не столько читаемъ, сколько переживаемъ. Онѣ начинаются въ тонѣ непринужденной болтовни, переходящей то въ спокойный анализъ, то въ страстную поэтическую рѣчь. Лишь въ произведеніяхъ старости преобладаютъ болѣе пространныя и связныя поученія. Только при тщательномъ изученіи діалоговъ можно понять, какимъ тонкимъ разсчетомъ руководствовался Платонъ при художественномъ построеніи ихъ, въ распредѣленіи ролей, въ обдуманномъ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному, въ чередованіи словесной перестрѣлки съ серьезнымъ натискомъ, небрежной защиты съ энергичнымъ отпарированіемъ, наконецъ, въ томъ, какъ бы случайномъ обрываніи темы или включеніи новаго мотива,—между тѣмъ какъ при бѣгломъ чтеніи ощущается лишь гармонія цѣлаго. Вступительныя сцены раннихъ діалоговъ составлены съ поэтическимъ искусствомъ. Въ нихъ по преимуществу отражается изящная картина жизни и нравовъ лучшаго аѳинскаго общества. То встрѣча происходитъ на улицѣ, то въ гим-

Искусство.

настическихъ школахъ или въ домѣ богатаго Каллія, сборномъ пунктѣ софистовъ; то собираются у поэта Агафона за столь же веселою, сколько остроумною пирушкою, или, наконецъ, что случается рѣдко, мы видимъ Сократа, расположившагося вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ, Федромъ, подъ прохладною тѣнью платана у рѣки Илисса.

Въ діалогахъ Платона поэтъ и мыслитель соприкасаются другъ съ другомъ еще ближе. Для того, чтобы сдѣлать болѣе доступнымъ какой-нибудь сложный вопросъ, Платонъ всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи мѣткое сравненіе, наглядно составленное и тонко истолкованное по образцу Гомера. Но, доходя до границы, гдѣ останавливается научное знаніе, и начинается область вѣры, воображеніе его свободнымъ полетомъ возносится въ царство „миѳологическаго романтизма“, съ тѣмъ, чтобы въ богато разработанныхъ глубокомысленныхъ миѳахъ возвѣщать сокровеннѣйшія тайны и предчувствія. Такъ, Платонъ уноситъ душу въ царство боговъ для созерцанія вѣчной истины и раскрываетъ передъ ней ужасы Тартара. Онъ повѣствуетъ о томъ, какъ міръ былъ созданъ творцомъ вселенной, какъ гармонично устроены сферы его; наконецъ, онъ вызываетъ изъ океана волшебный островъ Атлантиду, который нѣкогда, еще въ до-историческомъ вѣкѣ, былъ затопленъ. Миѳы.

Платонъ является однимъ изъ величайшихъ стилистовъ всѣхъ временъ. Онъ первый показалъ, какія творческія силы хранились и въ прозѣ аттическаго діалекта. Форма и содержаніе діалоговъ Платона вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ. Платонъ свободно владѣетъ всѣми формами словеснаго выраженія. Онъ улавливаетъ такъ удачно тонъ непринужденной бесѣды, что нельзя замѣтить потраченныхъ на это трудовъ. Тамъ, гдѣ онъ возносится въ высшія сферы мысли, слова точно сами собою складываются въ свободную ритмическую рѣчь. Такъ же легко располагаетъ онъ тонкою ироніею и острою сатирою. Подобно Аристофану, онъ обладаетъ способностью копировать манеру другихъ и, пародируя, утрировать ее, напр., тонко отточенныя рѣчи софистовъ, напыщенные пріемы ораторовъ (эффектному искусству которыхъ онъ, впрочемъ, самъ былъ обязанъ болѣе, чѣмъ согласился бы признаться) и цвѣтистый языкъ эстета. Но вездѣ и даже тамъ, гдѣ онъ становится рѣзокъ, а иногда и несправедливъ, онъ сохраняетъ за формою изящество и достоинство, свойственныя его личности. Языкъ.

Здѣсь можно упомянуть вкратцѣ лишь о самыхъ извѣстныхъ изъ его сочиненій. Мелкіе діалоги изъ ранняго періода представляютъ собою лишь діалектическіе опыты по поводу тѣхъ или другихъ нравственныхъ понятій, по бо̀льшей части безъ заключительныхъ выводовъ (напр., „Лахетъ“ о храбрости и „Эвтифронъ“ о благочестіи. Въ болѣе широко разработанномъ „Протагорѣ“ Сократъ въ блестящемъ диспутѣ съ софистами отстаиваетъ возможность преподаванія добродѣтели. Въ „Горгіи“ онъ съ уничтожающею рѣзкостью обрушивается на ложное Сочиненія.

искусство риторовъ. Совершенно современнымъ отзывается здѣсь хорошо очерченный образъ сверхчеловѣка. Изящный „Федръ" впервые вводитъ насъ въ міръ идей и изображаетъ философскую любовь, какъ страстное томленіе объ этихъ послѣднихъ. Въ полномъ драматизма „Пирѣ", лучшемъ нроизведеніи Платона, участники пира въ характерныхъ для нихъ рѣчахъ разсуждаютъ о сущности любви, причемъ Сократу принадлежитъ послѣднее и наиболѣе глубокомысленное слово, пока не является въ концѣ опьяненный Алкивіадъ и въ своемъ знаменитомъ панегирикѣ Сократу превозноситъ его какъ учителя истиннаго искусства любви. Здѣсь Сократъ представляется центромъ благороднѣйшаго собранія; три другихъ сочиненія Платона имѣютъ своимъ сюжетомъ послѣдніе дни дорогого ему учителя. „Апологія" описываетъ въ формѣ защитительной рѣчи, произнесенной Сократомъ передъ судьями, богоугодную и благословенную дѣятельность этого человѣка, равно какъ и его процессъ. Въ „Критонѣ" Сократъ мотивируетъ свой отказъ бѣжать изъ тюрьмы, доказывая, что не должно поступать несправедливо нигдѣ и никогда; на порогѣ темницы его самолично встрѣчаютъ законы, напоминающіе ему о его гражданскомъ долгѣ. Въ „Фэдонѣ", относящемся къ болѣе позднему періоду, описаніе послѣднихъ часовъ Сократа, напоминающее своей глубоко прочувствованной простотой Евангеліе, служитъ рамкою, въ которую вставлена глубокомысленная бесѣда о безсмертіи души. Интересный своимъ научнымъ содержаніемъ „Ѳеэтетъ", трактуетъ о сущности знанія. Къ нему примыкаютъ три связанныхъ между собою діалога, „Софистъ", „Политикъ" и „Парменидъ", которые ставили себѣ задачу опредѣлить понятіе софиста, государственнаго дѣятеля и философа и которые, вѣроятно, принадлежатъ самому Платону, несмотря на серьезныя возраженія, сдѣланныя въ нихъ противъ теоріи идей. О „Государствѣ", къ которому примыкаетъ „Тимей" съ его картиною мірозданія, окрашенною наполовину въ религіозный, наполовину въ философскій колоритъ,—была уже рѣчь, равно какъ и о „Законахъ". Надъ обоими сочиненіями Платонъ работалъ долгіе годы, и послѣднее изъ нихъ издано лишь по смерти его. Этимъ достаточно объясняются тѣ, частью призрачныя, но частью и обоснованныя возраженія, сдѣланныя противъ распредѣленія матеріала.

Аристотель.

Аристотель (384—322). Сократъ, Платонъ, Аристотель—эта тріада еще разъ отражаетъ на себѣ органическое развитіе эллинской духовной жизни. Отъ твердаго базиса, который основала сильная мысль Сократа, опиравшаяся на почву дѣйствительности, Платонъ вознесся въ сферу чистаго созерцанія; Аристотель же, возвращаясь на землю, воздвигъ на ней прочное зданіе земной науки, вѣнецъ, которой, однако, достигалъ до неба. Будучи одинаково великъ, какъ трезвый мыслитель и ученый, какъ наблюдатель, изслѣдующій съ равною тщательностью мельчайшее и великое, и какъ организаторъ научныхъ работъ, Аристотель собралъ въ одно цѣлое всю совокупность греческой науки и подвергъ ее опредѣленной классификаціи. Этимъ объясняется неограниченное самодержавіе, которое принадлежало ему въ области духа на протяженіи всего средневѣковья, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, пока, наконецъ,

его тяжелый авторитетъ не сталъ ощущаться какъ тормозъ для всякаго свободнаго прогресса.

Аристотель родился въ Стагирѣ, греческой колоніи на полуостровѣ Халкидикѣ. Сынъ македонскаго придворнаго врача Никомаха, онъ 17-ти лѣтъ прибылъ въ Аѳины въ академію Платона, которой онъ остался вѣренъ до смерти послѣдняго, на первыхъ порахъ просвѣщаясь самъ, а потомъ и обучая другихъ. Послѣ того онъ жилъ въ Малой Азіи у своего знакомаго, тирана Гермія Атарнейскаго, а послѣ паденія его—въ Митиленѣ. Оттуда онъ былъ приглашенъ въ 343 году Филиппомъ Македонскимъ въ качествѣ воспитателя молодого Александра. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній относительно вліянія, которое этотъ знаменитѣйшій изъ царскихъ воспитателей имѣлъ на своего питомца, а также объ отношеніяхъ, установившихся между учителемъ и ученикомъ. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что свойственное Аристотелю чутье реальнаго находило широкое поле для наблюденія и освободилось отъ многихъ предразсудковъ при видѣ планомѣрнаго роста македонскаго государства, который совершался на его глазахъ, въ непосредственной близости. Весьма возможно также, что онъ получалъ впослѣдствіи отъ Александра различную поддержку для своихъ работъ. Послѣ восшествія Александра на престолъ, Аристотель вернулся въ Аѳины и основалъ тамъ близъ гимназіи Ликея (отсюда наши „лицеи") свою школу. Отъ галлереи („перипатосъ"), по которой Аристотель обыкновенно расхаживалъ, бесѣдуя со своими учениками, эти послѣдніе получили впослѣдствіи прозвище „перипатетиковъ". Въ своемъ „музеѣ", послужившемъ образцомъ для александринскаго музея и снабженномъ библіотекою и прочими учебными пособіями, онъ вводилъ юношей въ науку, придерживаясь извѣстной послѣдовательности обученія, переходящей отъ легкаго къ болѣе трудному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ лицѣ своихъ учениковъ создалъ себѣ цѣлый штатъ сотрудниковъ, которыхъ онъ прекрасно умѣлъ пріохотить къ работѣ. Послѣ смерти Александра онъ былъ вынужденъ покинуть Аѳины и затѣмъ вскорѣ скончался въ сосѣдней Халкидѣ. Жизнь.

Литературная дѣятельность Аристотеля была безконечно богата по объему, равно какъ и по содержанію. Однако, его сохранившіяся произведенія скорѣе способствуютъ оцѣнкѣ его научныхъ, чѣмъ литературныхъ заслугъ, такъ какъ популярные діалоги изъ ранняго періода (такъ называемыя экзотерическія сочиненія) въ художественной и доступной формѣ распространявшіе его ученія въ широкихъ кругахъ, впослѣдствіи не пользовались вниманіемъ въ его собственной школѣ и затерялись. Строго научныя же произведенія (эсотерическія), которыя долгое время оставались неразысканными, но зато потомъ тѣмъ усерднѣе списывались, по бо́льшей части, не были приготовлены Аристотелемъ для публикованія и потому не представляютъ собою органическаго цѣлаго, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя написаны самимъ Аристотелемъ. Рядомъ съ тщательно разработанными отдѣлами и отрывками находятся наброски, лекціонныя записи и голыя собранія матеріаловъ. Обширныя добавленія и повторенія портятъ впечатлѣніе; нѣкоторыя книги въ от- Литературная дѣятельность.

дѣльныхъ сочиненіяхъ, очевидно, задуманы какъ самостоятельныя цѣлыя, и установленный впослѣдствіи порядокъ производитъ скорѣе впечатлѣніе безпорядочности. Недостаетъ того гармоническаго сочетанія формы и содержанія, которое такъ восхищаетъ читателя у Платона. Сухая фактичность изложенія, положившаго основаніе первой научной терминологіи, исключаетъ всякія риторическія прикрасы. Сжатый стиль стремится къ возможной краткости, которая ведетъ часто къ неясности. Языкъ уже замѣтно удаляется отъ аттическаго образца.

Сочиненія.

Перечисленіе сочиненій Аристотеля было бы безцѣльнымъ, а потому укажемъ лишь вкратцѣ на тѣ области, которыя они обнимаютъ, чтобы показать, какъ много сдѣлалъ одинъ человѣкъ. Аналитическія и діалектическія сочиненія его, среди которыхъ выдается топика, ученіе о діалектическихъ выводахъ, своею тщательною разработкою, разъ навсегда установили основные принципы формальной логики. Впослѣдствіи они были всѣ соединены въ „Органонѣ“, такъ какъ они служили необходимымъ „орудіемъ“ для философскаго изслѣдованія. Въ „Риторикѣ“, также прекрасно составленной и снабженной превосходными мѣткими примѣрами (странно, однако, что Демосѳенъ упоминается только 3 раза), Аристотель привелъ это популярное искусство въ строгую систему. Къ самой философіи принадлежитъ уже „Метафизика“, обязанная своимъ названіемъ тому случайному обстоятельству, что по порядку она слѣдовала за физикою, далѣе, „Книга о душѣ“ и „Этика“, дошедшая до насъ въ трехъ различныхъ обработкахъ. На этой теоріи нравственности основывается ученіе о государствѣ, изложенное въ знаменитой „Политикѣ“. Кромѣ этого фундаментальнаго систематическаго трактата, существовало еще собраніе 158 монографій, въ которыхъ описывались системы управленія различныхъ городовъ. Самая цѣнная изъ нихъ, „Политическій строй аѳинянъ“, найдена 15 лѣтъ тому назадъ въ одной египетской могилѣ. Настоящее творчество проявилъ Аристотель въ области естествовѣдѣнія. Рядомъ съ „Физикою“ и „Механикою“ стоитъ снабженное многочисленными специальными трактатами его „Животное царство“, благодаря которому онъ считается отцомъ зоологіи. Не разъ обѣщанную имъ ботанику онъ поручилъ обработать своему ученику Ѳеофрасту. Наконецъ, Аристотель и въ области историко-литературныхъ изслѣдованій далъ для своей школы инициативу и мастерскіе образцы. Онъ не ограничивался однимъ, хотя бы и добросовѣстнымъ собираніемъ памятниковъ, но, вдумчиво углубившись во весь этотъ богатый матеріалъ, сумѣлъ тонко вывести отсюда общіе законы поэтическаго творчества. Діалогъ о поэтахъ затерянъ, но зато сохранилась, по крайней мѣрѣ, въ отдѣлѣ трагедіи драгоцѣнная книжка „Піитика“, содержательныя положенія которой въ теченіе долгихъ столѣтій вліяли на поэтическую дѣятельность и на критику, дѣйствуя то освобождающимъ, то сковывающимъ образомъ.

Отношеніе къ Платону.

Стремленіе постигнуть конечныя причины всякаго бытія приводятъ Аристотеля къ критикѣ платоновской теоріи идей. И Аристотель приписываетъ идеямъ или первобытнымъ формамъ (какъ онъ ихъ называетъ) реальное существованіе, только отыскиваетъ ихъ не въ надзвѣздномъ трансцендентальномъ мірѣ, изъ котораго нѣтъ доступнаго пути къ дѣй-

ствительному міру, а предполагаетъ имманентность ихъ, т.-е. существованіе въ самихъ предметахъ и живыхъ организмахъ. Безформенная и поэтому недоступная познанію матерія можетъ формироваться и обладаетъ возможностью сдѣлаться всѣмъ (потенціальность). Такъ, напр., въ мраморной глыбѣ уже заключена будущая статуя, подобно тому, какъ въ мальчикѣ уже зрѣетъ будущій мужчина. Когда въ матеріи начинается формообразовательное дѣйствіе, то она пріобрѣтаетъ внѣшнюю форму и движеніе, и такимъ образомъ осуществляется ея бытіе (актуальность), и достигается цѣль, къ которой она стремилась (энтелохія). Единичный предметъ подлежитъ уничтоженію, но матерія и форма вѣчны, равно какъ и движеніе, которое, исходя изъ вращенія міровыхъ тѣлъ, всюду вноситъ свою работу. Начало этого движенія вытекаетъ изъ божества, Божество. которое, будучи само неподвижнымъ, во всѣхъ возбуждаетъ стремленіе уподобиться ему. Богъ есть нематеріальный духъ. Никакое творчество, сохраненіе и управленіе міра не нарушаютъ величаваго покоя его блаженнаго бытія, которое все посвящено чистому самосозерцанію. Это настоящій идеалъ философа, но и только!

Богъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивысшая цѣль всѣхъ вещей, которыя, Міровая картина. начиная отъ несовершенныхъ и кончая болѣе совершенными, воплощаютъ собою систематическую градацію цѣлей. На высшей ступени стоитъ, за исключеніемъ ближайшихъ къ божеству созвѣздій, человѣческая душа, потому что въ ней одной живетъ рядомъ съ низшими психиче- Душа. скими силами мыслящій и творческій разумъ, вслѣдствіе чего одна эта часть души безсмертна. Активная добродѣтель души, являющаяся глав- Добродѣтель. нымъ условіемъ счастья, основывается не только на сократовскомъ знаніи добродѣтели, но и на продолжительномъ упражненіи воли въ дѣланіи добра. Само собою разумѣется, что для этого необходимо вѣрное пониманіе, и Аристотель поэтому выше всего ставитъ чисто-интеллектуальныя (діаноэтическія) добродѣтели (напр., разумъ, знаніе, пониманіе, которыя по нашимъ понятіямъ вообще не принадлежатъ къ добродѣтелямъ). Но въ задачахъ жизни — а онѣ не затмеваются у Аристотеля никакими стремленіями къ платоновскимъ идеаламъ — проявляются по преимуществу практическія (этическія) добродѣтели. Каждый изъ этихъ видовъ добродѣтели, которые описаны съ тонкою наблюдательностью, занимаетъ средину между двумя противоположными пороками; напр., храбрость находится въ срединѣ между трусостью и опрометчивостью, бережливость—между скупостью и расточительностью.

Воплощеніе нравственно безупречной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Государство. счастья возможно лишь въ обществѣ. Ибо „человѣкъ отъ природы существо общественное“. Самымъ же обширнымъ обществомъ является государство. Реалисту-Аристотелю не могло придти въ голову создать идеальное государство-утопію, и онъ подвергнулъ платоновскую утопію

рѣзкой и мѣткой критикѣ. Даже вопросъ объ абсолютно лучшей изъ существующихъ системъ правленія уступаетъ болѣе важному соображенію о томъ, какая при данныхъ условіяхъ наиболѣе подходящая. Аристотель мастерски обрисовываетъ и анализируетъ исторію развитія греческой политической жизни въ ея трехъ основныхъ формахъ, монархіи, аристократіи и демократіи, равно какъ и въ формахъ ея вырожденія, тиранніи, олигархіи и охлократіи (господствѣ черни). Но тотъ же Аристотель, который видѣлъ, какъ въ рукахъ его ученика создалась величайшая міровая держава, не рѣшается подняться выше нормы „легко обозримаго“ эллинскаго государства-города. Онъ даже находитъ возможнымъ оправдать рабство, какъ одно изъ необходимыхъ основаній государства. Подобно тому какъ эллины призваны властвовать надъ варварами, потому что они соединяютъ въ себѣ мужество и образованіе, точно также существуютъ люди и народы, которые рождены только для того, чтобы подчиняться и служить.

Въ рафаэлевой „Аѳинской школѣ“ оба царя философіи, Платонъ и Аристотель, мирно стоятъ рядомъ; въ жизни же споръ между двумя исходящими отъ нихъ направленіями, идеализмомъ и реализмомъ, тяготѣлъ надъ всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ философіи.

7. Медицинская наука.

Точныя науки. То обстоятельство, что точныя науки въ болѣе ранній періодъ духовнаго развитія играли сравнительно подчиненную роль, и его причина нами уже отмѣчены вначалѣ (ср. стр. 228). Нѣкоторыя выдающіяся открытія, напр., въ области астрономіи, о которыхъ мы уже тогда упомянули, не измѣнили ничего въ этомъ смыслѣ, такъ какъ онѣ слишкомъ опередили свое время, чтобы оказать на него плодотворное вліяніе. Аристотель положилъ прочное основаніе для систематической разработки наукъ, но дальнѣйшее созиданіе составляетъ великій подвигъ слѣдующей эпохи, когда ослабѣло оригинальное творчество въ другихъ областяхъ.

Медицина. Исключеніе составляетъ лишь медицина, наука, отъ которой зависитъ физическое благополучіе человѣка. Несмотря на довольно значительный запасъ анатомическихъ свѣдѣній и раціональное хирургическое лѣченіе, встрѣчаемое въ гомеровской „Иліадѣ“, мы должны, однако, допустить, что у грековъ врачебное искусство также служило поприщемъ для самаго темнаго суевѣрія и въ нѣкоторыхъ кругахъ даже оставалось таковымъ всегда. Это обстоятельство не удивительно, тѣмъ болѣе, что не только шарлатаны и чудодѣи донимали больныхъ своими заклинаніями и симпатическими средствами, но и жрецы Асклепія предлагали вѣрую-

щимъ свои лѣчебныя убѣжища, гдѣ при помощи откровеній во снѣ удавались изумительнѣйшія чудесныя исцѣленія, о которыхъ весьма назидательное представленіе даютъ открытыя въ Эпидаврѣ записи. Само собою разумѣется, что главную роль при этомъ играло внушеніе, твердое убѣжденіе, что примѣняемое средство должно помочь и поможетъ во всякомъ случаѣ. Современные врачи могутъ тоже поразсказать удивительныя вещи о дѣйствительной силѣ внушенія.

Въ научномъ изслѣдованіи человѣческаго тѣла, на которое единственно могло опереться раціональное лѣченіе, философія принимала видное участіе. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь привести заслуженныя имена Алкмеона Кротонскаго (ср. стр. 228) и Демокрита (ср. стр. 539). И впослѣдствіи медицина надолго сохраняла связь съ философіею, такъ что отъ солиднаго врача требовалось основательное знакомство съ этою послѣднею. Хотя это требованіе характеризуетъ съ выгодной стороны высокій образовательный цензъ лучшихъ греческихъ врачей, однако, въ этомъ скрывалась двоякая опасность: или врачи соблазнялись поспѣшно обобщать извѣстныя, въ общемъ вѣрныя наблюденія, или они пытались, на основаніи общаго взгляда о сущности вещей, понимать и трактовать также и маленькій міръ, заключаемый въ человѣческомъ тѣлѣ. Отсюда ясно, какъ велико значеніе тѣхъ дѣятелей, которые, постоянно борясь какъ съ религіознымъ суевѣріемъ, такъ и съ философскимъ умозрѣніемъ, разработали медицину въ настоящую науку.

Гиппократъ.

Эта работа производилась въ юго-западной части Малой Азіи, гдѣ соперничали другъ съ другомъ медицинскія школы, книдосская и косская. Побѣда осталась за послѣднею, такъ какъ здѣсь работалъ величайшій врачъ древности, Гиппократъ (460—375?). Подъ его именемъ дошло до насъ обширное собраніе медицинскихъ сочиненій, которыя вмѣстѣ съ геродотовскими составляютъ самый важный памятникъ іонійскаго діалекта и, чего нельзя также не упомянуть, положили основаніе для нынѣ еще употребительной медицинской терминологіи.

Сочиненія.

Изъ числа приблизительно 70 книгъ современная наука считаетъ возможнымъ приписать съ достаточною обоснованностью самому Гиппократу лишь немногія. Настоящая цѣна этихъ сочиненій заключается именно въ томъ, что они намъ даютъ наглядную картину общаго развитія медицины въ V и IV вв. По своему происхожденію, цѣлямъ и содержанію, а также и со стороны научной и стилистической цѣнности они представляютъ собою величайшее разнообразіе. Между прочимъ, мы здѣсь наталкиваемся на многочисленныя произведенія и книдосской школы, равно какъ на полемическія статьи общаго содержанія, составленныя софистами съ большимъ или меньшимъ знаніемъ дѣла. Тутъ представлены всѣ области медицины и ея вспомогательныхъ дисциплинъ. Рядомъ съ собраніями бюллетеней о больныхъ, данными діагноза и прогноза, находятся детальные анализы отдѣльныхъ страданій (напр., святой болѣзни, т.-е. эпилепсіи, нарывовъ, геморроя, головныхъ ранъ, пере-

ломовъ костей) или извѣстныхъ частей тѣла (напр., сердца, мускуловъ). Кромѣ того, встрѣчаются подробныя діэтетическія и гигіеническія предписанія для здоровыхъ и для больныхъ. Мы даже вступаемъ въ самую врачебную мастерскую и узнаемъ, что врачу слѣдуетъ вести себя всегда прилично и съ достоинствомъ; наконецъ, мы усматриваемъ изъ знаменитой клятвы, которую юноши должны были приносить при поступленіи въ школу, какъ серьезно тогда относились къ врачебному искусству. Наибольшею извѣстностью пользуются „афоризмы" Гиппократа и глубокій по содержанію трактатъ „О воздухѣ, водѣ и мѣстѣ", представляющій собою первую серьезную попытку объяснить изъ климата, расположенія и прочихъ свойствъ извѣстныхъ странъ не только санитарныя условія ихъ, но и характеры народовъ (напр., различіе между европейскимъ и азіатскимъ населеніемъ).

Дѣятельность.

Даже тотъ, кто съ высоты современной медицины взираетъ на эти начатки, долженъ съ изумленіемъ признаться, что греки при недостаточныхъ средствахъ сдѣлали очень много. Благодаря тщательному изученію живого и мертваго, какъ человѣческаго, такъ и животнаго организма (встрѣчаются даже случаи вивисекціи), возможно было основательное знаніе скелета и главныхъ органовъ, хотя о функціяхъ этихъ послѣднихъ врачи не всегда были достаточно освѣдомлены. Конечно, примѣняемые методы лѣченія были еще далеко не одинаковы по своей научной цѣнности и успѣхамъ. Наиболѣе блестяще развилась хирургія, для примѣненія которой не только войны, но и гимнастическія школы со своими часто случающимися пораненіями представляли обширное поприще. Весьма солидные успѣхи могутъ быть отмѣчены и въ области гинекологіи. Что же касается внутреннихъ болѣзней, гдѣ знанія были недостаточны, и слишкомъ часто симптомы смѣшивались съ побудительными причинами, то здѣсь медицина нерѣдко ходила въ потемкахъ. Роковое вліяніе имѣла въ этомъ отношеніи пресловутая патологическая гуморальная теорія, т.-е. ученіе о четырехъ основныхъ сокахъ организма, крови, слизи, желтой и черной желчи. Правильное смѣшеніе ихъ считалось необходимымъ условіемъ здороваго организма, и въ случаѣ нарушенія этого соотношенія соковъ отъ врача требовалось возстановленіе его. Эта теорія, творцомъ которой врядъ ли былъ самъ Гиппократъ, господствовала еще въ теченіе всего средневѣковья, да и понынѣ предполагается въ извѣстномъ ученіи о четырехъ „темпераментахъ"—сангвиническомъ, флегматическомъ, холерическомъ и меланхолическомъ.

Вполнѣ правиленъ былъ, однако, тотъ основной принципъ, что сама природа является лучшимъ врачемъ, и что человѣкъ-врачъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ разумно и осторожно поддерживать природу въ борьбѣ ея съ болѣзнью. Корифеи медицинской науки отдавали себѣ вполнѣ ясный отчетъ о предѣлахъ своего искусства и потому утверждали, что врачъ обязанъ принести пользу больному или, по меньшей мѣрѣ, не вредить ему; главнымъ образомъ, онъ долженъ воздерживаться

отъ безцѣльнаго причиненія страданій больному. Золотыя, никогда не старѣющія правила заключаются въ гигіеническихъ предписаніяхъ о томъ, какъ человѣкъ можетъ сохранить свое здоровье при разумномъ образѣ жизни и уходѣ за тѣломъ, при помощи діэты, купанья и физическихъ упражненій, а равнымъ образомъ поддерживать силу и гибкость членовъ путемъ постояннаго упражненія ихъ.

Общій взглядъ на будущее развитіе.

Въ этой книгѣ мы прослѣдили, какъ греки во всѣхъ областяхъ интеллектуальнаго и художественнаго творчества достигли высшей ступени совершенства, послѣ которой, въ силу обычнаго теченія человѣческой жизни, могли послѣдовать только упадокъ и вырожденіе,—что, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно совершилось въ политической жизни. Однако, именно утрата свободы проложила путь для новаго развитія, богатаго послѣдствіями, содѣйствуя распространенію эллинской культуры по всему античному міру. Этотъ процессъ совершился въ два пріема. Сначала Александръ перенесъ эту культуру въ обширныя области Востока, изъ которыхъ произошли нѣкогда первые ея зачатки. Когда впослѣдствіи государства его преемниковъ одно за другимъ подпали подъ власть римлянъ, то въ нихъ повторилось то же самое, что было передъ тѣмъ у македонцевъ: болѣе грубые побѣдители подчинились высшей культурѣ побѣжденныхъ. Римскіе легіоны перенесли затѣмъ эти духовныя сокровища въ Галлію, Германію и Британію, гдѣ они стали основаніемъ нашей собственной культуры.

[*Вагнеръ*].

УКАЗАТЕЛЬ.

Сокращенія: А.=архитекторъ, С.=скульпторъ, Х.=художникъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

ИСТОРІЯ.	ЛИТЕРАТУРА.	ИСКУССТВО.
Ок. 1600—1200. Время микенской культуры.	Начала эпической поэзіи.	Ок. 1600—1200. Произведенія микенской культуры. Сильное вліяніе Египта и Месопотаміи.
Ок. 1104. Дорическое переселеніе.	Гомеръ.	Ок. 1100. Уничтоженіе микенской культуры.
Ок. 820. Ликургъ въ Спартѣ.	«Иліада» окончена ок. 750 г. «Одиссея» ок. 650 г.	Вазы геометрическаго стиля.
776. Учрежденіе олимпійскихъ игръ.	Ок. 700. Гесіодъ изъ Аскры въ Беотіи. Эпическій циклъ. Гомеровскіе гимны.	Ок. 700. Полная нагота тѣлъ во время гимнастическихъ упражненій: важно для развитія пластическаго чувства.
Прибл. 750—550. Колонизація. Съ 754. Эфоры? Съ 740. Распространеніе спартанской гегемоніи въ Пелопоннесѣ (мессенскія войны).	Ок. 650. Каллинъ милетскій. Ок. 650. Архилохъ паросскій. Симонидъ аморгскій. Ок. 675. Терпандръ лесбосскій въ Спартѣ. Алкманъ изъ Сардъ въ Спартѣ. Ок. 640. Тиртей въ Спартѣ.	Прибл. съ 650. Развитіе богослужебнаго строительнаго искусства: обширное примѣненіе дерева и мягкаго камня (пороса); формы храмовъ еще не опредѣлились. Начала рельефной и статуарной пластики; ξόανα. Вазы коринѳскаго стиля.
Цвѣтущій періодъ малоазійскихъ колоній.	Ок. 600. Алкей и Саффо лесбосскіе. Прибл. 640—555. Стесихоръ гимерскій въ Сициліи.	Ок. 600. Ларецъ Кипсела въ Олимпіи. Древнѣйшія метопы изъ Селинунта.
Ок. 620. Законы Дракона въ Аѳинахъ.		Расцвѣтъ хіосскаго искусства (Архермъ).
Ок. 600. Сліяніе пилійской и дельфійской амфиктіоній. Реформа спартанскаго государственнаго устройства (Хилонъ).	Ок. 585. Ѳалесъ милетскій. Анаксимандръ а Анаксименъ милетскіе. Семь мудрецовъ.	
594. Законодательство Солона въ Аѳинахъ.	Солонъ.	Ок. 580. Скульптура изъ пороса въ Аѳинахъ.
Тиранія въ Элладѣ и въ малоазійскихъ колоніяхъ.	Мимнермъ колофонскій. Ок. 550. Теогнидъ мегарскій.	Фабрикація чернофигурныхъ вазъ. Ок. 550. Начало скульптуры изъ мрамора въ Аѳинахъ.
Періандръ въ Коринѳѣ.	Аріонъ лесбосскій въ Коринѳѣ.	
560-510. Писистратъ и его сыновья въ Аѳинахъ. Поликратъ Самосскій. 509. Законодательство Клисѳена. Разрушеніе Сибариса.	Анакреонтъ теосскій. Ивикъ регійскій. Пиѳагоръ самосскій въ Кротонѣ. Элеаты (Ксенофанъ колофонскій. Парменидъ и Зенонъ элейскіе).	550—480. Первый расцвѣтъ аѳинскаго искусства подъ покровительствомъ Писистрата и его сыновей. Перестройка Гекатомпедоса. «Дѣвы» съ акрополя. Антеноръ. Аристоклъ. Изобрѣтеніе краснофигурнаго стиля вазовой росписи.
500—494. Іонійское возстаніе.	Ок. 500. Гераклитъ эфесскій. Гекатей милетскій.	Ок. 500. Расцвѣтъ пелопоннесской скульптуры изъ бронзы. Калонъ и Онатъ эгинскіе. Канахъ сикіонскій. Агелаидъ аргосскій.
493—479. Персидскія войны.	556—468. Симонидъ кеосскій. Вакхилидъ кеосскій.	
Тиранія въ Сициліи (Гіеронъ † 467).	522—442. Пиндаръ ѳиванскій. Эпихармъ сиракузскій. Эмпедоклъ акрагантскій.	Ок. 490. Первая постройка Парѳенона.

477—404.—Аѳины во главѣ морского союза.	525—456. Эсхилъ. 496—406. Софоклъ. Гелланикъ митиленскій. Прибл. 485—425. Геродотъ галикарнасскій. Атомисты (Левкиппъ милетскій, Демокритъ абдерскій). Анаксагоръ клазоменскій въ Аѳинахъ.	Послѣ 480. Эгинеты. Новая постройка храма Зевса въ Олимпіи. Сокровищница книдосцевъ въ Дельфахъ. Каламидъ, скульпторъ въ Аѳинахъ. Начало новой постройки Парѳенона. Послѣ 475. Фрески Полигнота и его школы. 458. Завоеваніе Эгины Аѳинами; конецъ эгинской школы.
449. Смерть Кимона.	Ок. 450. Кратинъ.	Ок. 450. Миронъ элевтерскій и Кресилай кидонійскій.
444—429. Время расцвѣта Аѳинъ при Периклѣ.	Съ 450. Софисты [Протагоръ абдерскій, Горгій леонтинскій, Продикъ кеосскій, Гиппій элидскій]. 480—406. Еврипидъ. 469—399. Сократъ. Прибл. 460—375. Гиппократъ косскій.	495—431. Фидій. 447. Аѳина-Лемніянка, Фидія. 438. Освященіе Аѳины-Дѣвы Фидія. 437. Мнесиклъ начинаетъ постройку Пропилей. 432. (?). Открытіе олимпійскаго изображенія Зевса.
431—404. Пелопоннесская война.	Прибл. 455—400. Ѳукидидъ. Прибл. 450—385. Аристофанъ. 411 †. Евполидъ. 411 †. Антифонтъ. Андокидъ.	Прибл. 470—404. Поликлетъ Старшій изъ Сикіона въ Аргосѣ. Ок. 430. Ученики Фидія: Алкаменъ, Агоракритъ. Аполлодоръ, «живописецъ тѣней».
404—403. Господство тридцати въ Аѳинахъ.	Прибл. 450—380. Лисей.	Ок. 425. Начало постройки храма Побѣды въ Аѳинахъ. Расцвѣтъ азіатской живописи: Зевксидъ, Паррасій, Тиманѳъ. Побѣда Пэонія изъ Менды. 421. Начало постройки новаго храма Эрехѳея. Ок. 410. Упадокъ производства вазъ въ Аѳинахъ. Ок. 408. Балюстрада Побѣды.
	Исей. Мелкіе послѣдователи Сократа (Евклидъ изъ Мегары, Антисѳенъ изъ Аѳинъ, Аристиппъ изъ Кирены). Филиксенъ. Тимоѳей.	Ок. 400. Дедалъ Сикіонскій, скульпторъ. Павсій, Аристидъ и Евфраноръ, живописцы. «Памятникъ Нереидъ» въ Ксанѳѣ. Послѣ 400. Развитіе коринѳскаго архитектурнаго стиля. Расцвѣтъ сицилійской чеканки монетъ.
395—387. Коринѳская война (Агесилай).	Прибл. 435—355. Ксенофонтъ. 436—338. Исократъ.	Прибл. 400—350. Періодъ творчества Скопада изъ Пароса. Прибл. 380—340. Поликлетъ Младшій архитекторъ и скульпторъ.
378. Основаніе второго аттическаго союза.	Эфоръ изъ Кимы. Ѳеопомпъ изъ Хіоса. Средняя комедія.	Послѣ 375. Ирина Кефисодота.
371—362. Гегемонія ѳиванцевъ.	427—347. Платонъ.	Ок. 370. Первыя произведенія Праксителя аѳинскаго,
359—336. Филиппъ Македонскій.	384—322. Аристотель изъ Стагира. 383—322. Демосѳенъ.	Ок. 350. Пракситель и Скоппадъ въ Эфесѣ. Мавзолей въ Галикарнассѣ.
338. Битва при Херонеѣ.	Эсхинъ. Гиперидъ. Динархъ. Ликургъ.	Леохаръ, аттическій скульпторъ.
336—323. Александръ Великій.	Каллисѳенъ. Птолемей Неархъ.	350—300. Періодъ творчества Лисиппа изъ Сикіо. 334. Хорегическій памятникъ Лисикрата.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

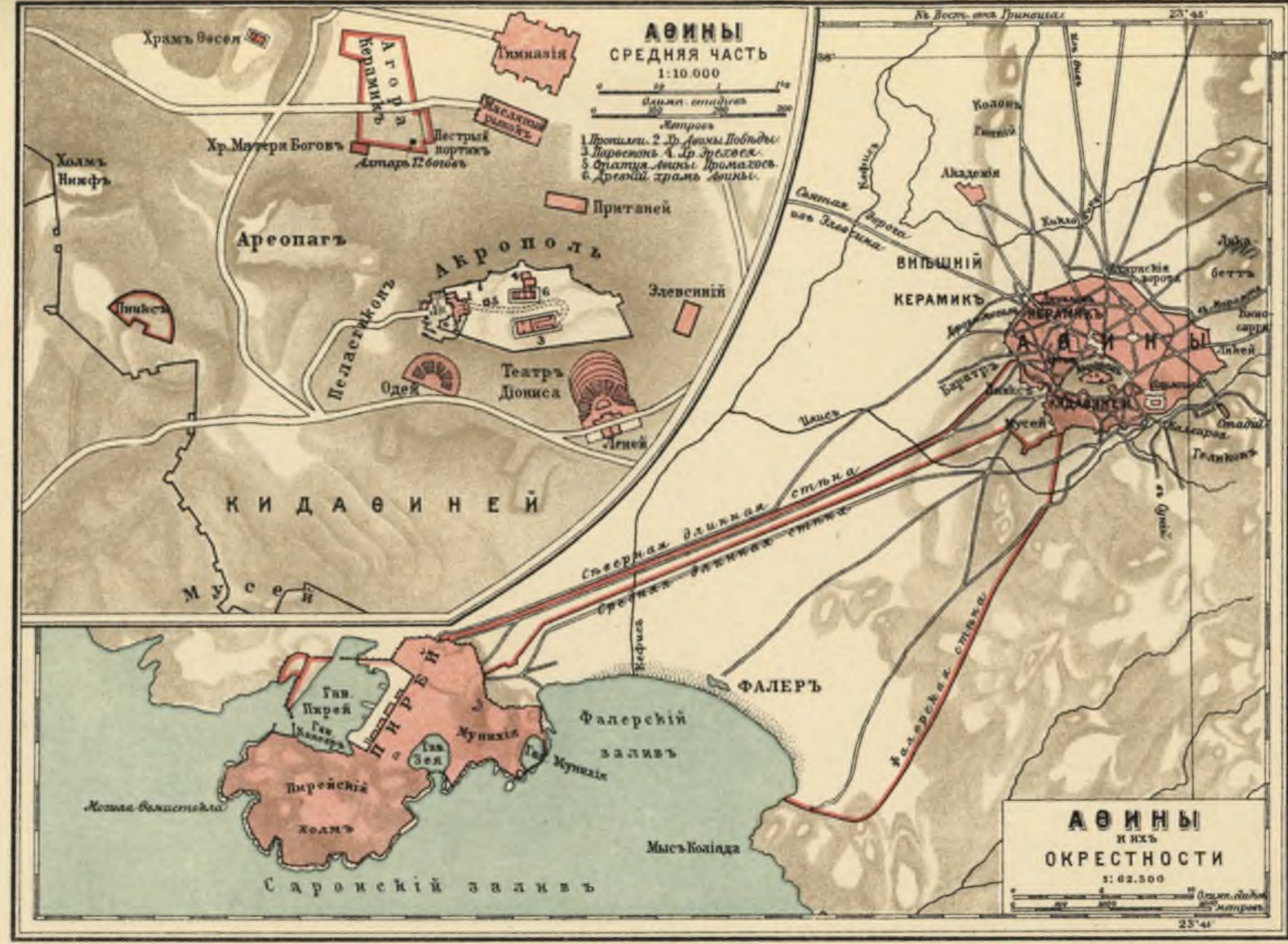
I. ГРЕЧЕСКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

II. ГРЕЧЕСКОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

III. ЭПОХА РАСЦВѢТА.

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦЪ И КАРТЪ.

I.
II.
III.
Областн:
Іонійцевъ
Дорійцевъ
Эолійцевъ и ахейцевъ
Масштабъ 1:3.000.000
МАКЕДОНІЯ
ѲРАКІЯ
ИЛЛИРІЯ
ЭПИРЪ
ѲЕССАЛІЯ
ХАЛКИДИКА
ЭТОЛІЯ
ЛОКРИДА
ФОКИДА
БЕОТІЯ
ЭВБЕЯ
АТТИКА
МЕГАРИДА
АХАЯ
ЭЛИДА
АРКАДІЯ
АРГОЛИДА
МЕССЕНІЯ
ЛАКОНИКА
ПЕЛОПОННЕСЪ
КЕРКИРА
ЛЕВКАДА
КЕФАЛЛЕНІЯ
ЗАКИНѲЪ
ИѲАКА
ВАЗОСЪ
САМОѲРАКІЯ
ИМБРОСЪ
ЛЕМНОСЪ
ТЕНЕДОСЪ
ТРОАДА
ЛЕСБОСЪ
СКИРЪ
ХІОСЪ
САМОСЪ
АНДРОСЪ
ТЕНОСЪ
КЕОСЪ
ДЕЛОСЪ
ПАРОСЪ
НАКСОСЪ
МЕЛОСЪ
ѲЕРА
КОСЪ
РОДОСЪ
КИѲЕРА
ПРОКОННЕСЪ
ВИѲИНСКАЯ ѲРАКІЯ
ВИѲИНІЯ
ФРИГІЯ
МИСІЯ
ТЕВТРАНІЯ
ЛИДІЯ
ЛИКІЯ
ЭГИНА
Пропонтида
Эгейское море
Коринѳскій зал.
Саронскій зал.
Термейскій зал.
Стримонскій зал.
Адрамиттійскій зал.
Каистрійскій заливъ
Керамскій зал.
М. Тенаръ
М. Малея
М. Сунiй
М. Аѳонъ
М. Герестъ
Пелла
Олимпъ
Лариса
Византія
Халкедонъ
Кизикъ
Пергамъ
Смирна
Ефесъ
Милетъ
Галикарнассъ
Книдъ
Кориноъ
Микены
Аргосъ
Спарта
Мегалополь
Мессена
Элевсинъ
Аѳины
Ѳивы
Халкида
Дельфы
„Эллинская культура"
Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ СПБ.

„Эллинская культура"

Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ СПБ.

Лит. И. Кадушина. Екатерин. кан. 100. СПБ.

